

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Говард Филлипс
Лавкрафт

ИНЫЕ БОГИ
и другие истории

« И Н О С Т Р А Н К А »

БОЛЬШИЕ

и

КНИГИ

Говард Филлипс
Лавкрафт

ИНЫЕ БОГИ

и другие истории

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 13

Перевод с английского
О. Алякринского, И. Богданова, В. Дорогокупли,
О. Мичковского, Е. Нагорных, Р. Шидфара

Серийное оформление В. Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства АЗБУКА®.

Лавкрафт Г. Ф.

Л 13 Иные боги и другие истории : роман, повести, рассказы / Говард Филлипс Лавкрафт ; пер. с англ. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. — 672 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-08097-3

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, сделался маяком и ориентиром целого жанра, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов, неиссякаемым источником вдохновения для кинематографистов, да и само его имя стало нарицательным. Сам Борхес восхищался его рассказами, в которых место человека — на далекой периферии вселенской схемы вещей, а силы надмирные вселяют в души неосторожных священный ужас.

Итак, вашему вниманию предлагаются повести и рассказы одного из самых влиятельных мифотворцев двадцатого века, причем в эталонных переводах.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © О. Алякринский, перевод, 2016
- © И. Богданов, перевод, 2016
- © В. Дорогокупля, перевод, 2016
- © О. Мичковский, перевод, 2016
- © Е. Нагорных, перевод, 2016
- © Р. Шидфар, перевод, 2016
- © Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-08097-3

СЛУЧАЙ
ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА
ВАРДА

Главные Соки и Соли (сиречь Зола) животных таким Способом приготовляемы и сохраняемы быть могут, что Муж Знающий в силах собрать в Доме своем весь Ноев Ковчег, вызвав к жизни из праха Форму любого Животного по Желанию своему; подобным же Способом из основных Солей, содержащихся в человеческом Прахе, Философ может, не прибегая к запретной Некромантии, воссоздать Форму любого Усопшего Предка, где бы его Тело погребено ни было.

Бореллий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗВЯЗКА И ПРОЛОГ

1

Недавно из частной психиатрической клиники доктора Вейта, расположенной в окрестностях Провиденса, штат Род-Айленд, бесследно исчез чрезвычайно странный пациент. Молодой человек — его звали Чарльз Декстер Вард — был с большой неохотой отправлен в лечебницу убитым горем отцом, на глазах у которого умственное расстройство сына развивалось от невинных на первый взгляд странностей до глубочайшей мании, таившей в себе перспективу буйного помешательства либо полного перерождения личности. По признанию врачей, этот случай поставил их в тупик, поскольку в нем наблюдались необычные элементы как физиологического, так и сугубо психического свойства.

Прежде всего, пациент казался старше своих двадцати шести лет. Бесспорно, душевные болезни быстро старят, но здесь дело было не столько в его внешности, сколько в том едва уловимом выражении, какое обычно появляется лишь на лицах глубоких стариков. Во-вторых, жизненные процессы его организма протекали совершенно особенным образом, прежде неизвестным в медицинской практике. В дыхательной и сердечной деятельности больного наблюдалась загадочная аритмия; он почти лишился голоса и мог только шептать; пищеварение было до крайности замедленным, а нервные реакции на простейшие внешние раздражители не имели ничего общего со всеми

наблюдавшимися ранее реакциями, будь они нормальными или патологическими. Кожа стала неестественно холодной и сухой; лабораторные исследования срезов тканей показали, что они приобрели необычную грубость и рыхлость. Большая овальная родинка на правом бедре рассосалась, а на груди появилось очень странное черное пятно, которого прежде не существовало. В целом все обследовавшие его врачи сходились во мнении, что процесс обмена веществ у Варда практически затормозился, и не могли найти этому феномену ни прецедента, ни какого-либо объяснения.

С точки зрения психики случай Чарльза Варда также был единственным в своем роде. Его безумие не походило ни на одну душевную болезнь, описанную даже в самых подробных и авторитетных научных источниках, и сопровождалось расцветом умственных способностей, которые могли бы сделать его гениальным ученым или выдающимся общественным деятелем, если бы не приняли столь неестественную и даже уродливую форму. Доктор Виллет, домашний врач Вардов, утверждает, что объем знаний его пациента в областях, выходящих за пределы его мании, неизмеримо возрос с начала болезни. Нужно сказать, что Вард всегда питал склонность к научным занятиям, и особенно к изучению старины, но даже в самых блестящих из его ранних работ не видно той удивительной точности суждений и того умения вникнуть в самую суть предмета, которые он позднее обнаружил в разговорах с психиатрами. При наличии у молодого человека столь выдающихся способностей было нелегко добиться разрешения на его госпитализацию; и только ввиду засвидетельствованных многими людьми странностей поведения, а также незнания им самых элементарных вещей, что казалось невероятным при его интеллекте, Вард был наконец помещен под наблюдение в лечебницу для душевнобольных. До самого момента исчезновения он читал за-

поем и был блестящим собеседником, насколько это позволял его голос, на каковом основании иные проницательные личности, и в мыслях не державшие возможность его побега, во всеуслышание предсказывали, что пребывание Варда в больничных стенах не затянется.

Только доктора Виллета, который в свое время помог Чарльзу Варду появиться на свет и с тех пор наблюдал за его телесным и духовным развитием, казалось, пугала сама мысль о выписке этого пациента из клиники, ибо доктору довелось пережить ужасные вещи и сделать чудовищные открытия, о которых он не решался поведать своим скептически настроенным коллегам. По правде говоря, сама по себе связь Виллета с этим случаем довольна таинственна. Он был последним, кто видел пациента и общался с ним, причем по выходе из комнаты Варда лицо доктора выражало ужас и в то же время облегчение. Многие вспомнили об этом через три часа, когда стало известно, что больной бежал. Обстоятельства этого бегства так и остались тайной, которую в клинике доктора Вейта никто не смог разгадать. Правда, окно в комнате было открыто, но оно выходило на отвесную стену высотой в шестьдесят футов. Как бы то ни было, после разговора с доктором Виллетом молодой человек исчез. Сам Виллет не представил каких-либо объяснений, но странным образом казался спокойнее, чем до бегства Варда. Чувствовалось, что он охотно рассказал бы о пациенте намного больше, но опасается, что ему просто не поверят. Доктор еще застал Варда в комнате, но после его ухода санитары долго стучались в запертую дверь, не получая ответа. Когда они наконец проникли в комнату, больного там уже не было. Им удалось найти лишь кучку мелкого голубовато-серого порошка, и они едва не задохнулись, когда холодный апрельский ветер, дувший из распахнутого настежь окна, разнес порошок по комнате. Многие также отмечали жуткий вой, внезапно поднятый окрестными со-

баками, однако это произошло в то время, когда доктор Виллет еще находился в комнате; позднее же, в предполагаемый момент бегства, собаки вели себя спокойно. О побеге сразу же сообщили отцу Чарльза, но тот, казалось, был не столько удивлен, сколько опечален. Когда доктор Вейт позвонил Варду-старшему, тот уже был в курсе событий, поскольку его успел проинформировать Виллет; оба решительно отрицали, что имеют какое-либо отношение к бегству. Кое-какую дополнительную информацию о Чарльзе удалось получить от близких друзей Виллета и Варда-старшего, но эти сведения выглядели слишком фантастическими для того, чтобы внушать доверие. Единственно неоспоримым остается лишь тот факт, что до сего времени так и не обнаружено никаких следов пропавшего безумца.

Чарльз Вард с детства очень интересовался стариной, испытывая особое влечение к древним кварталам родного города и к реликвиям прошлого, которыми был наполнен старинный дом его родителей на Проспект-стрит, стоявший на самой вершине холма. С годами его преклонение перед всем, связанным с прошлым, лишь усиливалось; так что история, генеалогия, изучение архитектуры, мебели и ремесел колониального периода вытеснили все другие его интересы. Эти склонности нужно всегда иметь в виду, анализируя его душевную болезнь, ибо хотя они и не были ее источником, но сыграли важную роль в ее последующих проявлениях. Все отмеченные психиатрами провалы в памяти касались исключительно современных реалий, компенсируясь обширными, хотя и тщательно скрываемыми пациентом знаниями о самых разных вещах, относящихся к прошлому, — зачастую эти знания выявлялись лишь в ходе специального врачебного опроса. Казалось, пациент мысленно переносился в отдаленные века, обладая неким подобием ясновидения. Однако с развитием болезни Вард, судя по всему, перестал интересоваться антиквариатом. Он утратил

былое почтение к старине, теперь относясь к ней как к чему-то известному и даже надоевшему; и все его усилия были направлены на познание обычных реалий современного мира, которые, как в этом убедились врачи, полностью изгладились из его памяти. Он тщательно скрывал свое незнание общеизвестных вещей, но всем наблюдателям было ясно, что выбор им книг для чтения и его беседы с окружающими отмечены лихорадочным стремлением впитать эти факты, как можно больше узнать о собственной, забытой им биографии, особенностях повседневной жизни и культуры XX столетия, которые он и без того должен был хорошо знать, ибо родился в 1902 году и получил вполне современное образование. После его бегства психиатры выражали сомнение, что он сможет адаптироваться в окружающем мире, почти ничего об этом мире не зная. Некоторые считали, что он «ушел в подполье» и затаился, временно удовлетворившись самым скромным существованием, пока не сравняется знаниями со своими современниками.

Медики расходятся во мнениях относительно того, когда впервые проявилось безумие Варда. Доктор Лайман, бостонская знаменитость, утверждает, что это произошло в 1919 или 1920 году, когда юноша закончил школу Мозеса Брауна и внезапно перешел от изучения прошлого к занятиям оккультными науками, отказавшись сдавать выпускные экзамены на том основании, что занят исследованиями, которые для него гораздо важнее. Это подтверждалось резким изменением привычек Варда — он стал проводить много времени, роясь в городских архивах и разыскивая на старых кладбищах могилу одного своего предка по имени Джозеф Карвен, погребенного в 1771 году. Кое-что из личных бумаг этого человека Вард, по его собственному признанию, случайно обнаружил в старом квартале Стемперс-Хилл, за облицовкой стены ветхого дома в Олни-Корт, где некогда обитал Карвен. Как бы то ни было, не подлежит сомнению

тот факт, что зимой с 1919-го на 1920 год в характере Чарльза Варда произошла бесспорная перемена: он внезапно прекратил свои изыскания по истории колониального периода и со всей страстью погрузился в тайны мистических наук, изучая их как на родине, так и за границей, и настойчиво продолжал поиски могилы своего далекого предка.

Однако доктор Виллет ни в коей мере не разделяет мнение Лаймана, основывая собственные выводы на близком и длительном знакомстве с пациентом, а также на неких рискованных исследованиях и ужасных открытиях, которые были им сделаны за последнее время. Все это сильно отразилось на состоянии доктора: голос его прерывается, когда он говорит о тех событиях, а рука сильно дрожит, когда он пытается изложить их на бумаге. Виллет допускает, что изменения, происшедшие в 1919–1920 годах, ознаменовали начало прогрессирующего ухудшения, завершившегося в 1928 году страшной и неестественной трансформацией, но на основе личных наблюдений отмечает здесь более тонкое различие. Признавая, что Чарльз всегда отличался неуравновешенным характером и был склонен слишком бурно реагировать на окружающее, он отказывается согласиться с тем, что происшедшая ранее перемена ознаменовала переход от нормального состояния к болезни; вместо этого он склонен поверить самому Варду, утверждавшему, что он открыл или воссоздал нечто, оказывающее глубокое и удивительное воздействие на человеческую природу.

Доктор Виллет уверен, что истинное безумие началось позже, когда Вард отыскивал портрет Карвена и старинные документы; после путешествия за границу, в далекие таинственные уголки света, где во время совершения неведомых обрядов были произнесены ужасные заклинания, на которые откликнулись страшные силы; после того, как при неизвестных обстоятельствах измученный и полный страха

юноша написал свое отчаянное письмо. Истинное безумие Варда, полагал доктор, началось после эпидемии вампиризма и серии необъяснимых происшествий, о которых много говорили в Потаксете, когда из памяти пациента стали выпадать сведения, связанные с современностью, когда он лишился голоса и организм его претерпел на первый взгляд незначительные изменения, позднее замеченные всеми.

Виллет настаивает, что именно с этого времени Вард приобрел некоторые свойства, которые обычным людям могут привидеться разве что в кошмарном сне; по его словам, существуют достаточно солидные свидетельства, подтверждающие слова юноши о находке, которой суждено было сыграть роковую роль в его жизни. Прежде всего, двое строительных рабочих, надежные и наблюдательные люди, присутствовали при обнаружении старинных бумаг, принадлежавших Джозефу Карвену. Во-вторых, Вард, тогда еще совсем юный, однажды показал доктору эти бумаги, в том числе страничку из дневника Карвена, и подлинность их не вызывала никакого сомнения. Сохранилось отверстие в стене, где Вард, по его словам, нашел документы, и доктор Виллет навсегда запомнил тот миг, когда видел их в последний раз при обстоятельствах, реальность которых трудно осознать и невозможно доказать. К этому следует добавить полные скрытого смысла совпадения в письмах Орна и Хатчинсона; странности, связанные с почерком Карвена; сведения о некоем докторе Аллене, добытые детективами, а также послание, написанное средневековыми угловатыми буквами и обнаруженное доктором Виллетом в своем кармане, когда он очнулся от забытья после одного смертельно опасного приключения.

Но самым убедительным является результат, достигнутый доктором, когда он применил формулу, выявленную в ходе его последних изысканий, — результат, неопровержимо доказавший подлинность бумаг и их чудовищное значение, хотя сами бумаги стали навеки недоступны людям.

Чарльз Вард провел юные годы в атмосфере столь любимой им старины. Осенью 1918 года он поступил на первый курс школы Мозеса Брауна, что неподалеку от его дома, выказав похвальное рвение в обязательной для того времени военной подготовке. Старинное главное здание школы, возведенное в 1819 году, всегда привлекало юного историка; ему нравился и живописный обширный парк, окружавший школу. Мало бывая в обществе, большую часть своего времени он проводил дома, часто совершал долгие прогулки, прилежно учился и маршировал на плацу. При этом он не оставлял своих исторических и генеалогических изысканий в городском архиве, мэрии и ратуше, публичной библиотеке, Атенеуме, Историческом обществе, в библиотеке Джона Картера Брауна и Джона Хея в университете Брауна, а также в недавно открытой библиотеке Шепли на Бенефит-стрит. Это был высокий, худощавый и светловолосый юноша с серьезными глазами; он немного сутулился, одевался с легкой небрежностью и производил впечатление не очень привлекательно, неловкого, но вполне приличного молодого человека.

Его прогулки всегда представляли собой нечто вроде путешествия в прошлое, и ему удавалось из множества деталей, оставшихся от былого великолепия, воссоздавать картину ушедших веков. Варды занимали большой особняк в георгианском стиле, стоявший на довольно крутом холме к востоку от реки. Из задних окон своего флигеля Чарльз мог с головокружительной высоты любоваться тесно сгруппированными шпилями, куполами и остроконечными кровлями Нижнего города, раскинувшегося на фоне пурпурных холмов и полей предместий. В этом доме он родился, и отсюда, из красивого классического портика с двойным рядом колонн, няня впервые выкатила его в колясочке, чтобы затем провезти мимо маленькой белой фермы, построенной

два века тому назад и давно уже поглощенной городом, к солидным зданиям колледжей, выстроившихся вдоль респектабельной улицы, где квадратные кирпичные особняки и деревянные здания поменьше, с узкими портиками, обрамленными колоннами в дорическом стиле, дремали, отгородившись от мира щедро отмеренными пространствами садов и цветников.

Его катали в колясочке и вдоль сонной Конгдон-стрит, расположенной на крутом склоне холма, так что по ее восточной стороне дома поднимались крутыми уступами. Эти небольшие деревянные дома сохранились с тех времен, когда растущий город карабкался вверх по холму, и во время таких прогулок маленький Вард постигал колорит старого поселения времен колонизации. Няня обычно любила посидеть на скамейке у Проспект-Террас и поболтать с полицейским; одним из первых детских воспоминаний Варда было подернутое легкой туманной дымкой море крыш, куполов и шпилей, простирающееся к западу, и дальние холмы, которые он увидел однажды в зимний день с этой огромной огороженной террасы окрашенными в мистический фиолетовый цвет на фоне горящего красным, золотым и пурпурным огнем апокалипсического заката, подцвеченного странными зелеными лучами. Высокий мраморный купол ратуши выделялся сплошной темной массой, а венчавшая его статуя, на которую упал случайный солнечный луч из разрыва в облаках на пылающем небе, была окружена фантастическим ореолом.

Когда Чарльз подрос, начались его бесконечные прогулки; сначала мальчик нетерпеливо тащил за руку свою няню, а потом уже ходил один, предаваясь мечтательному созерцанию. Он устремлялся наудачу все ниже и ниже по крутому склону, каждый раз достигая все более древних и удивительных уголков старого города. Предвкушая новые открытия, он недолго колебался перед тем, как спуститься

по почти отвесной Дженкс-стрит, где дома были ограждены каменными заборами, а вход затеняли навесы в колониальном стиле, до тенистого уголка Бенефит-стрит, где прямо перед ним возвышался древний дом — настоящий музейный экспонат с двумя входами, каждый из которых окружали пилястры в ионическом стиле; рядом — почти «доисторическое» строение с двускатной крышей, с остатками скотного двора и других фермерских пристроек, а чуть поодаль — грандиозный особняк судьи Дюффри в блеске бывшего георгианского величия. Сейчас это уже были трущобы; но гигантские тополя бросали вокруг живительную тень, и мальчик шел дальше к югу, вдоль длинных рядов зданий, возведенных еще до Революции, с высокими трубами в самой середине дома и классическими порталами. На восточной стороне улицы они стояли на высоких фундаментах, а к дверям вели два марша каменных ступеней, и маленький Вард мог представить себе, как выглядели эти дома, когда улица была еще совсем молодой, — он словно видел красные каблуки и пудренные парики людей, идущих по каменной мостовой, сейчас почти совсем стертой.

С западной стороны холма почти такой же крутой склон вел к старой Таун-стрит, которую основатели города заложили вдоль берега реки в 1636 году. Этот склон прорезали бесчисленные тропинки, вдоль которых скучились полуразвалившиеся ветхие домишки, построенные в незапамятные времена. Как ни очарован был ими Чарльз, он далеко не сразу осмелился спуститься в этот древний лабиринт, боясь, что они окажутся лишь призрачными видениями либо вратами в неведомый ужас. Он считал гораздо менее рискованным продолжать свои прогулки вдоль Бенефит-стрит, где за железной оградой прятался двор церкви Святого Иоанна, мимо построенного в 1761 году здания колониальной администрации и полуразвалившегося постоянного двора «Золотой шар», в котором когда-то останавливался Вашингтон.

Стоя на Митинг-стрит — прежде именовавшейся Тюремной, а позднее Королевской улицей, — он смотрел вверх на восток и видел изгибающуюся дугой лестницу, в которую переходило шоссе; внизу, на западе, он различал старое кирпичное здание школы, напротив которого, через дорогу, до Революции висела старинная вывеска с изображением головы Шекспира на доме, где печатались «Провиденс газетт» и «Кантри джорнал». Потом шла изысканная Первая Баптистская церковь постройки 1775 года, особую красоту которой придавали несравненная колокольня в стиле Гиббса, георгианские кровли и купола. Отсюда к югу состояние улиц заметно улучшалось, появлялись группы небольших особнячков; но все еще много было давным-давно протоптанных тропинок, которые вели по крутому склону вниз на запад, где скученные дома с архаичными островерхими крышами казались призрачными, находясь на разных стадиях живописного разложения. Эти дома стояли там, где извилистая набережная и старый порт, казалось, еще помнили эпоху колонизации с ее пороками, богатством и нищетой. Здесь на полусгнивших верфях светили мутноглазые корабельные фонари, а улочки носили многозначительные названия: Добыча, Слиток, Золотой переулок, Серебряный тупик, Монетный проезд, Дублон, Соверен, Гульден, Доллар, Грош и Цент.

Когда Вард стал немного старше и уже отваживался на более рискованные приключения, он иногда спускался в этот водоворот покосившихся и готовых рухнуть домишек, сломанных шпангоутов, угрожающе скрипящих ступеней, шатающихся перил, черных от загара и грязи лиц и неведомых запахов; он проходил от Саут-Мейн до Саут-Уотер, забредая в доки, где, вплотную соприкасаясь бортами, доживали свой век старые пароходы, и возвращался северной дорогой вдоль берега, мимо построенных в 1816 году складов с крутыми крышами и сквера у Большого моста, близ

которого выгибало свои арки все еще крепкое здание городского рынка, построенное в 1773 году. В этом сквере он останавливался, впитывая в себя пьянящую красоту старого города, что возвышался на востоке в смутной дымке тумана, прорезываемого шпилями колониальных времен и увенчанного массивным куполом новой церкви «христианской науки», как Лондон увенчан куполом храма Святого Павла. Больше всего ему нравилось приходить сюда перед закатом, когда косые лучи солнца падают на здание городского рынка, на ветхие кровли на холме и стройные колокольни, окрашивая их золотом, придавая волшебную таинственность сонным верфям, где раньше бросали якорь купеческие корабли, приходившие в Провиденс со всего света. После долгого созерцания он ощущал, как кружится голова от щемящего чувства любви к этой прекрасной картине. Тогда он поднимался по склону, возвращаясь домой уже в сумерках, мимо старой белой церкви, по узким крутым улочкам, где желтый свет уже просачивался сквозь маленькие окошки, расположенные высоко над двумя маршами каменных ступеней с перилами кованого чугуна.

Позже в ходе своих прогулок Вард стал выказывать предпочтение резким контрастам. Часть времени он посвящал пришедшим в упадок кварталам колониального времени к северо-западу от дома, где находился нижний уступ холма — Стемперс-Хилл с его гетто и негритянским кварталом, расположенным вокруг станции, откуда прежде отправлялись почтовые кареты до Бостона. Затем он шел в иную часть города, царство красоты и изящества, на Джордж-, Бенсволент-, Пауэр- и Вильямс-стрит, где зеленые склоны хранят в первозданном виде роскошные особняки и обнесенные стенами сады, а наверх ведет крутая, затененная густой зеленью дорога, с которой связано столько приятных воспоминаний. Все эти скитания, вкуче с прилежным изучением исторических документов, бесспорно способствовали тому,

что Вард приобрел необычайно широкую эрудицию во всем, что касалось старины, и эти знания в конце концов полностью вытеснили современный мир из сознания Чарльза; они подготовили почву, на которую в роковую зиму 1919/20 года пали семена, давшие столь необычные и ужасные всходы.

Доктор Виллет уверен, что до этой злополучной зимы, когда были отмечены первые изменения в характере Варда, его занятия стариной не содержали ничего патологического и мистического. Кладбища привлекали его лишь оригинальностью памятников и своей исторической ценностью; в нем не замечалось ничего похожего на страсть к насилию, не было никаких проявлений жестоких инстинктов. Затем, постепенно и почти незаметно, стали обнаруживаться любопытные последствия одного из его самых блестящих генеалогических открытий, которое он сделал годом ранее, обнаружив, что среди его предков по материнской линии был некий Джозеф Карвен, проживший необычайно долгую жизнь. Карвен приехал в Провиденс из Салема в марте 1692 года, и о нем передавали шепотом множество странных и внушающих ужас историй.

Прапрадед Варда, Велкам Поттер, в 1785 году взял в жены некую Энн Тиллингест, дочь миссис Элизы и внучку капитана Джеймса Тиллингеста, о котором в семье не осталось никаких воспоминаний. В конце 1918 года молодой любитель истории и генеалогии, изучая городские акты, обнаружил запись об узаконенном властями изменении фамилии: в 1772 году миссис Элиза Карвен, вдова Джозефа Карвена, а также ее семилетняя дочь Энн вернули себе девичью фамилию матери — Тиллингест. «Понеже имя ее Супруга звучит как Упрек в устах местных жителей по Причине того, что стало известно после его Кончины; последняя подтвердила дурную славу, за ним по общему Мнению укрепившуюся, чему не могла поверить верная Долгу своему законная его Супруга до тех пор, пока о Слухах сих

была хотя бы тень Сомнения». Эта запись была найдена исследователем совершенно случайно, когда он разлепил два листа книги, которые были специально и довольно тщательно склеены и пронумерованы как один лист.

Чарльзу Варду сразу стало ясно, что он нашел до сих пор неизвестного прапрапрадеда. Открытие это взволновало его вдвойне, потому что он уже слышал кое-что о Карвене и находил в старых текстах неясные намеки, относящиеся к этому человеку, о котором осталось так мало доступных сведений; некоторые документы были выявлены лишь в последнее время.

Создавалось впечатление, что существовал какой-то заговор, целью которого было полностью изгнать из памяти жителей города имя Карвена. Но те воспоминания, которые сохранились о нем, и дошедшие документы были настолько странными и пугающими, что невольно возникало желание узнать, что же именно так тщательно пытались скрыть и предать забвению составители городских хроник колониального времени — надо полагать, у них были для этого достаточно веские причины.

До своего открытия Чарльз Вард относился к Карвену с чисто романтическим интересом; но, обнаружив, что состоит в родстве с этим таинственным субъектом, само существование которого пытались скрыть, он начал систематические поиски, буквально выкапывая из-под земли все, что касалось этого человека. В лихорадочном стремлении узнать как можно больше о своем отдаленном предке он преуспел больше, чем мог даже надеяться, ибо в старых письмах, дневниках и мемуарах, найденных им на затянутых густой паутиной чердаках старых домов Провиденса и во многих других местах, содержалось немало сведений, которые не казались писавшим настолько важными, чтобы их скрывать. Дополнительный свет пролили важные документы из столь далеко расположенного от Провиденса города, как Нью-Йорк, где в музее Френсис-Таверн на Лонг-Айленде хранилась пе-

реписка колониального периода. Но решающей находкой, которая, по мнению доктора Виллета, послужила главной причиной случившегося с Чарльзом Вардом, стали бумаги, найденные в августе 1919 года за облицовкой полуразрушенного дома в Олни-Корт. Именно они открыли перед юношей путь к черной бездне глубочайшего падения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ И ТРАГЕДИЯ

1

Согласно легендам, передававшимся изустно и частью сохранившимся в найденных Вардом документах, Джозеф Карвен был поразительным, загадочным и внушающим неясный ужас субъектом. Он бежал из Салема в Провиденс — город, традиционно дававший приют всему необычному, свободному и протестующему, — в самом начале великой охоты на ведьм, опасаясь, что будет осужден из-за своей склонности к затворничеству и весьма подозрительным химическим или алхимическим экспериментам. Это был человек довольно бесцветного вида, лет под тридцать; очень скоро его сочли достойным стать полноправным гражданином города Провиденс, и он купил участок для постройки дома к северу от дома Грегори Декстера, в начале Олни-стрит. Его дом был возведен на холме Стемперс к западу от Таун-стрит, в месте, которое позже стало называться Олни-Корт; а в 1761 году он перестроил этот особняк, в том же виде сохранившийся до сих пор.

Первая странность Джозефа Карвена заключалась в том, что он как будто совершенно не старел и всегда выглядел так же, как по прибытии в Провиденс. Он приобрел верфи близ Майл-Энд-Ков, снаряжал корабли, принимал участие в перестройке Большого моста в 1713 году и был в числе основателей церкви Конгрегации в 1723-м, и при этом всегда казался человеком неопределенного возраста, однако не стар-

ше тридцати — тридцати пяти лет. Когда прошло несколько десятилетий со времени его прибытия в Провиденс, это странное явление было замечено всеми; Карвен всегда объяснял его тем, что предки его были людьми крепкими, а сам он предпочитает простую жизнь без излишеств, благодаря чему смог хорошо сохраниться. Горожанам было не совсем ясно, как можно согласовать слова о простой жизни с постоянными ночными путешествиями купца, никого не посвящавшего в свои тайны, а также со странным светом, который всю ночь виднелся из его окон; и они были склонны приписать его молодость и долголетие совсем другим причинам. Многие считали, что он обязан этим химическим опытам, постоянному смешиванию и выпариванию разнообразных веществ. Поговаривали о каких-то подозрительных субстанциях, которые он привозил на своих кораблях из Лондона и с островов Вест-Индии или выписывал из Ньюпорта, Бостона и Нью-Йорка; а с той поры как старый доктор Джейбз Бовен по приезде из Рехобота открыл напротив Большого моста свою аптеку под вывеской «Единорог и ступка», начались разговоры о разных зельях, кислотах и металлах, которые молчаливый отшельник покупал и заказывал у доктора. Подозревая, что Карвен обладает чудесными, никому, кроме него, не доступными медицинскими знаниями, множество людей, страдающих разными болезнями, обращались к нему за помощью. Но хотя он всегда давал им в ответ на их просьбы декокты необычного цвета, было замечено, что его советы и лекарства приносили очень мало пользы. Наконец, когда прошло свыше пятидесяти лет с того дня, как он поселился в городе, а между тем его лицо и весь внешний вид свидетельствовали о том, что он постарел от силы лет на пять, по городу поползли зловещие слухи — и теперь уж люди были довольны, что Карвен ни с кем не общается, предпочитая одиночество.

Частные письма и дневники, относящиеся к тому времени, рассказывают и о многих других причинах, по которым люди дивились Джозефу Карвену, боялись его и наконец стали избегать как чумы. Всем известна была его страсть к посещению кладбищ, где его видели в любое время суток и при разных обстоятельствах, однако никто не мог обвинить его в каком-нибудь святотатственном деянии. У него была ферма на Потаксет-роуд, где он обыкновенно проводил лето и куда, по свидетельству очевидцев, часто направлялся верхом в жаркий полдень или в самое глухое время ночи. Там его единственными слугами и работниками была супружеская чета индейцев из племени наррагансет — немой мужчина, покрытый какими-то странными шрамами, и его жена, неимоверно уродливая, может быть, из-за примеси негритянской крови. В пристройке к дому помещалась лаборатория, где проводились химические опыты. Любопытные возчики и рассыльные, которые доставляли на ферму бутылки, флаконы, мешки и ящики, внося их через низкую заднюю дверь в комнату с множеством настенных полок, делились своими впечатлениями о виденных там плоских стеклянных колбах, тиглях для плавки металлов, перегонных кубах и жарко пылающих печах; они пророчествовали шепотом, что молчаливый «химик» (они хотели сказать «алхимик») скоро обязательно найдет философский камень.

Ближайшие соседи Карвена — Феннеры, жившие за четверть мили от фермы, — рассказывали еще более удивительные вещи о звуках, которые ночью доносились из сельского дома Карвена. Это были пронзительные вопли, говорили они, и какой-то сдавленный вой; им казалось подозрительным, что на ферму доставлялось по разным дорогам огромное количество всякой еды и одежды, так как трудно было вообразить, чтобы одинокий пожилой джентльмен и пара слуг могли съесть столько молока, мяса и хлеба и износить столько комплектов прочного шерстяного платья. Каждую

неделю доставлялись новые припасы, а с ферм Кингстауна гнали целые стада скота. Мрачное впечатление оставляло также большое каменное здание во дворе фермы, у которого вместо нормальных окон были прорезаны узкие бойницы.

Бездельники, день и ночь шатавшиеся по Большому мосту, многое могли рассказать и о городском доме Карвена в Олни-Корт — не столько о его новом особняке, построенном в 1761 году, когда отшельнику должно было исполниться сто лет, сколько о его первом доме, низеньком, со старинной мансардой, чердаком без окон и стенами, обшитыми тесом. После сноса этого дома Карвен очень внимательно проследил за тем, чтобы все бревна и доски были сожжены. Этот дом был не таким загадочным в сравнении с фермой — однако свет в его окнах, появлявшийся в самые неурочные часы, несокрушимое молчание двух чернокожих, вывезенных неведомо откуда и бывших единственной прислугой в доме, внушавшее ужас неразборчивое бормотание невероятно старого француза-домоправителя, ни с чем не сообразное количество пищи, доставляемое, по свидетельству очевидцев, в дом, где проживало только четыре человека, странные и пугающие голоса, которые вели приглушенные споры в совершенно неподходящее для этого время, — все это вместе со слухами, ходившими о ферме в Потаксете, принесло этому месту недобрую славу.

В высшем обществе Провиденса также не обходили вниманием дом Карвена, ибо по приезде сюда он постепенно обзавелся связями в церковных и торговых кругах, к которым естественным образом принадлежал по своему образованию и воспитанию. Он был из хорошей семьи — салемские Карвены пользовались широкой известностью в Новой Англии. В городе узнали, что Джозеф Карвен еще в ранней юности много путешествовал, некоторое время прожил в Англии и совершил по крайней мере две поездки на Восток; его речь, когда он устаивал кого-нибудь разговором, вполне могла исходить из уст образованного и изыс-

канно воспитанного англичанина. Но по неизвестным причинам Карвен не любил общества. Никогда не проявляя явной невежливости к посетителям, он был чрезвычайно сдержан, словно воздвигая между ними и собой невидимую стену, так что гости не знали, о чем вести беседу, опасаясь, что их слова будут сочтены нелепыми и глупыми.

В его поведении сквозило какое-то загадочное, презрительное высокомерие, словно он, общаясь с некими неизвестными и могучими существами, стал считать людей скучными и ничтожными. Когда доктор Чекли, знаменитый остро слов, назначенный пастором в Королевскую церковь, приехал в Провиденс из Бостона в 1733 году, он не упустил случая посетить человека, о котором так много слышал; но визит был весьма кратковременным, потому что он уловил некий мрачный подтекст в речах любезного хозяина. Однажды зимним вечером, когда Чарльз беседовал со своим отцом о Карвене, юноша сказал, что много дал бы, чтобы узнать, какие слова таинственного предка так поразили жизнерадостного пастора, при том что все составители мемуаров в один голос подтверждают нежелание доктора Чекли повторить хоть что-нибудь из услышанного. Несомненно одно: сей достойный джентльмен был поистине шокирован и с тех пор при одном упоминании имени Карвена вмиг лишался своей прославленной веселости.

Более определенной и ясной была причина, по которой еще один образованный и почтенный человек избегал общества высокомерного отшельника. В 1746 году мистер Джон Меррит, пожилой английский джентльмен, имеющий склонность к литературе и науке, приехал из Ньюпорта в Провиденс, который к тому времени уже затмил былую славу Ньюпорта, и построил красивый загородный дом на Перешейке, в месте, которое сейчас стало центром лучшего жилого района. Он жил как английский аристократ, окружив себя комфортом и роскошью, первым в городе стал держать коляску с ливрейным лакеем на запятках и очень гор-

дился своими телескопом, микроскопом и тщательно собранной библиотекой, состоящей из книг на английском и латинском языках. Услышав, что Карвен является владельцем лучшего собрания книг в городе, мистер Меррит сразу же нанес ему визит и был принят с гораздо большей сердечностью, чем кто-либо из прежних посетителей. Его восхитила огромная библиотека хозяина дома, где на широких полках рядом с греческими, латинскими и английскими классиками разместилось солидное собрание философских, математических и прочих научных трудов, в том числе сочинения Парацельса, Агриколы, Ван Хельмонта, Сильвиуса, Глаубера, Бойля, Бургава, Бехера и Штала. Это искреннее восхищение побудило Карвена предложить своему гостю посмотреть также ферму и лабораторию, куда он никого прежде не приглашал; и они тотчас же вместе отправились туда в коляске Меррита.

Мистер Меррит говорил впоследствии, что не видел на ферме ничего действительно ужасного, но утверждал, что сами названия сочинений, посвященных магии, алхимии и теологии, которые Карвен держал в комнате перед лабораторией, внушили ему непреодолимое отвращение. Возможно, этому немало способствовало и выражение лица хозяина фермы, когда он демонстрировал свои приобретения. Странное это собрание, наряду со множеством редкостей, которые мистер Меррит охотно поместил бы, по собственному его признанию, в свою библиотеку, включало труды почти всех каббалистов, демонологов и знатоков черной магии; оно было также настоящей сокровищницей знаний в подвергаемой здравомыслящими людьми сомнению области алхимии и астрологии. Мистер Меррит увидел здесь Гермеса Трисмегиста в издании Менара, книгу «*Turba Philosophorum*», «Книгу исследований» Аль-Джабера, «Ключ мудрости» Артефия, каббалистический «Зохар», Альберта Великого в издании Питера Джемми, «Великое и непревзойденное искусство» Раймунда Луллия в издании Зетц-

нера, «Сокровищницу алхимии» Роджера Бэкона, «Ключ к алхимии» Фладда, сочинение Тритемия «О философском камне». В изобилии были представлены средневековые еврейские и арабские мистики, и доктор Меррит побледнел, когда, сняв с полки том, носящий невинное название «Закон ислама», увидел, что в действительности это запрещенный и подвергнутый проклятию «Некрономикон» — книга безумного араба Абдула Альхазреда, о которой он слышал невероятные вещи несколько лет назад, когда вскрылась правда о чудовищных обрядах, совершавшихся в странном рыбацком городке Кингспорте, в колонии Массачусетс.

Но как ни странно, сильнее всего достойного джентльмена поразила одна мелочь, которая внушила ему неясное беспокойство. На большом полированном столе лежал сильно потрепанный экземпляр книги Бореллия, на полях и между строк которого было множество загадочных надписей, сделанных рукой Карвена. Книга была открыта почти на середине, и строчки одного параграфа были подчеркнуты жирными неровными линиями, что побудило посетителя прочесть это место в сочинении знаменитого мистика. Содержание ли подчеркнутых строк или особый нажим проведенных пером линий, почти прорвавших бумагу, — он не мог сказать, что именно внушило посетителю непонятный ужас. Он помнил этот отрывок до конца жизни, записал его по памяти в своем дневнике и однажды попытался процитировать своему близкому другу доктору Чекли, но не дошел до конца, увидев, как это потрясло добрейшего пастора. Отрывок гласил:

«Главные Соки и Соли (сиречь Зола) животных таким Способом приготавлиемы и сохраняемы быть могут, что Муж Знающий в силах собрать в Доме своем весь Ноев Ковчег, вызвав к жизни из праха Форму любого Животного по Желанию своему; подобным же Способом из основных Солей, содержащихся в человеческом Прахе, Философ может,

не прибегая к запретной Некромантии, воссоздать Форму любого Усопшего Предка, где бы его Тело погребено ни было».

Однако самые зловещие слухи ходили о Джозефе Карвене возле доков, расположенных вдоль южной части Таун-стрит. Моряки — суеверный народ, и просоленные морские волки, из которых состояли команды шлюпов, перевозивших ром, рабов и патоку, каперов и больших бригов, принадлежащих Браунам, Кроуфордам и Тиллингстам, осеняли себя крестным знамением и скрещивали пальцы, когда видели, как худощавый и обманчиво молодой, желтоволосый Джозеф Карвен, слегка сторбившись, заходил в принадлежавший ему склад на Дублон-стрит или разговаривал с капитанами и суперкарго на длинном причале, у которого беспокойно покачивались принадлежавшие ему корабли. Даже служащие и капитаны, работавшие у Карвена, боялись и ненавидели его, а команды его судов были сбродом смешанных кровей с Мартиники или Голландских Антиль, из Гаваны или Порт-Ройала. По правде говоря, именно то обстоятельство, что команды Карвена так часто менялись, было основной причиной суеверного страха, который моряки испытывали перед таинственным стариком. Обычно команда, получив разрешение сойти на берег, рассеивалась по городу, а некоторых моряков посылали с разными поручениями. Но когда люди вновь собирались на палубе, можно было биться об заклад, что одного-двух обязательно не досчитаются. Эти поручения большей частью касались фермы на Потаксет-роуд, и ни одного из моряков, отправленных туда, больше не видели. Все это знали, и со временем Карвену стало очень трудно подбирать свою разношерстную команду. Почти всегда, послушав разговоры в гавани Провиденса, несколько человек сразу же дезертировали; проблемы возникали и с пополнением экипажей на островах Вест-Индии.

К 1760 году Джозеф Карвен фактически стал изгоем; с ним никто не хотел знаться, ибо его подозревали в связи с дьяволом и во всевозможных злодеяниях, которые казались тем более жуткими, что ни один из горожан не мог сказать внятно, в чем они заключаются, или даже привести хоть одно доказательство того, что эти ужасы действительно имеют место. Может быть, последней каплей стало дело о пропавших в 1758 году солдатах: в марте и апреле этого года два королевских полка, направлявшиеся в Новую Францию, были расквартированы в городе и непонятным образом поределли в гораздо большей степени, чем бывает обычно в результате дезертирства. Ходили слухи, что Карвена часто видели беседующим с парнями в красных мундирах; и так как многие из них пропали без вести, снова вспомнили о странных исчезновениях моряков. Трудно сказать, что случилось бы, задержись полки в городе на более длительный срок.

Тем временем состояние Карвена все росло и росло. Он фактически монопольно торговал селитрой, черным перцем и корицей и с легкостью превзошел другие торговые дома, за исключением дома Браунов, в импорте медной утвари, индиго, хлопка, шерсти, соли, такелажа, железа, бумаги и различных английских товаров. Такие купцы, как Джеймс Шрин из Чипсайда, на лавке которого красовался слон, Расселлы, торговавшие напротив Большого моста под вывеской «Золотой орел», или Кларк и Найтингейл, владельцы харчевни «Рыба на сковородке», почти полностью зависели от него, ибо он владел большей частью их недвижимости; договоры же с местными винокурами, с коневодами и маслоделами из Наррагансета и со свечных дел мастерами из Ньюпорта превратили его в одного из наиболее крупных торговцев колонии.

Подвергнутый своеобразному остракизму, Карвен все же порой демонстрировал наличие у него чувства гражданского долга. Когда сгорело здание колониальной админи-

страции, он щедро подписался на значительную сумму для устройства серии благотворительных лотерей, благодаря которым в 1761 году было построено новое кирпичное здание, по сей день красующееся на главной улице города. В том же году он помог перестроить Большой мост, разрушенный октябрьским ураганом. Он восстановил публичную библиотеку, сгоревшую при пожаре, и сделал огромное количество покупок на благотворительном базаре, на выручку от которого были вымощены булыжником грязная улица Маркет-Парад и изрезанная глубокими колеями Таун-стрит, да еще были устроены особые дорожки для пешеходов. К тому времени он уже выстроил себе не отличающийся особой оригинальностью, но внушительный новый дом, двери которого представляют собой шедевр резьбы по дереву. Когда в 1743 году приверженцы Уайтфилда отделились от Церкви-на-Холме доктора Коттона и основали новую церковь во главе с деканом Сноу по ту сторону Большого моста, Карвен присоединился к ним, хотя так и не стал ревностным прихожанином. Однако впоследствии он снова начал проявлять набожность, очевидно желая рассеять павшую на него тень, ибо сознавал, что зловещие слухи могут сильно повредить его торговым делам.

2

Наблюдая за тем, как этот странный бледнолицый человек, на вид совсем не старый, хотя на самом деле ему исполнилось не менее ста лет, изо всех сил пытается рассеять сложившуюся вокруг него атмосферу ненависти и неопределенного, беспричинного страха, люди испытывали одновременно жалость, смутное беспокойство и презрение. Но сила богатства и легковерие людей так велики, что предубеждение против Карвена ослабло, особенно после того, как прекратились исчезновения моряков. К тому же его перестали

замечать на кладбищах, что, впрочем, могло свидетельствовать всего лишь о его удвоенной осторожности. Одновременно перестали распространяться слухи о жутких воплях, доносившихся с его фермы в Потаксете, и о странных вещах, которые там творились. Количество провизии, которую ему доставляли, оставалось неестественно велико — по-прежнему на ферму гнали целые стада овец и привозили цельные туши в городской дом. Вплоть до последнего времени, когда Чарльз Вард стал изучать его бумаги и счета, хранившиеся в библиотеке Шепли, никому — за исключением этого любознательного юноши, потрясенного своими открытиями, — не пришло в голову провести сравнение между поразительным множеством чернокожих, которых Карвен доставлял из Гвинеи вплоть до 1766 года, и ничтожным количеством чеков, удостоверяющих продажу этих рабов работоторговцам, чей рынок находился у Большого моста, или окрестным плантаторам. Да, этот ужасный человек отличался хитростью и изобретательностью — качествами, которые он полностью использовал, когда возникла необходимость.

Но как и следовало ожидать, запоздалые старания Карвена не увенчались успехом. Все продолжали избегать его, никто ему не доверял — уже то, что в глубокой старости он выглядел почти юношей, внушало подозрения, — и он понял, что в конце концов это может обернуться потерей его внушительного состояния. Его сложные изыскания и опыты, какими бы они ни были, требовали нешуточных расходов, и, поскольку переезд на новое место лишал его преимуществ в торговых делах, которых ему удалось добиться, начинать все снова где-нибудь в другом городе не имело смысла. Логика подсказывала, что нужно поддерживать добрые отношения с горожанами, чтобы рассеять окружающую его атмосферу угрюмой сдержанности, подозрительности и страха. Его очень беспокоили клерки, зарабатывавшие все меньше с начавшимся застоєм в его делах и не бро-

савшие работу только потому, что никто другой не хотел брать их на службу; он удерживал своих капитанов и матросов только хитростью, привязывая их к себе каким-либо способом — залогом, заемным письмом или шантажом, прознав что-нибудь компрометирующее. В этом Карвен обнаруживал необыкновенную ловкость. За последние пять лет жизни он выведал такие вещи, которые, казалось, могли быть известны лишь давно умершим, и постоянно держал эти секреты наготове.

Вот тогда-то хитрый торговец и предпринял последнюю отчаянную попытку восстановить свое положение в городе. Отшельник по природе, он надумал заключить выгодный брак, избрав в жены девушку из уважаемого семейства. Быть может, существовали и более глубокие причины, побуждавшие его заключить подобный союз; причины, находящиеся так далеко за пределами доступных нам знаний, что лишь в бумагах, найденных через полтора столетия после его смерти, можно было отыскать к ним какой-то ключ; но ничего определенного так никто и не узнал. Конечно, Карвен понимал, что обычное ухаживание вызовет только ужас и отвращение, поэтому он стал искать подходящую избранницу, на родителей которой мог оказать давление. Это было не так-то легко, поскольку у него были довольно высокие требования относительно красоты, образования и общественного положения невесты. Наконец он остановился на дочери лучшего и старшего из находящихся у него на службе капитанов морских судов, вдовца с безупречной родословной и репутацией, которого звали Джеймс Тиллингест. Его единственная дочь Элиза отличалась всеми вообразимыми достоинствами, кроме одного: она не была богатой наследницей. Капитан Тиллингест полностью находился под влиянием Карвена и, когда тот вызвал капитана в свой дом с высоким куполом, находящийся на вершине Пауэр-лейн, и чем-то пригрозил, согласился благословить этот чудовищный союз.

Элизе Тиллингест в то время было восемнадцать лет, и она получила наилучшее воспитание, какое мог позволить себе ее отец при своих стесненных обстоятельствах. Она посещала школу Стивена Джексона, что напротив Ратуши, и прилежно училась рукоделию и домоводству у своей матушки, которая умерла от оспы в 1757 году. Вышивки Элизы, сделанные ею в девятилетнем возрасте, в 1753 году, можно увидеть в одном из залов исторического музея Род-Айленда. После смерти матери Элиза сама вела все хозяйство с помощью единственной чернокожей старухи служанки. Должно быть, споры между девушкой и ее отцом относительно брака с Карвеном были весьма бурными; но дневники и мемуары о них не упоминают. Известно лишь, что ее помолвка с Эзрой Виденом, молодым штурманом на пакетботе Кроуфорда под названием «Энтерпрайз», была расторгнута, а брачный союз с Карвеном заключен седьмого марта 1763 года в баптистской церкви в присутствии самого избранного общества, цвета городской аристократии; брачная церемония была совершена Сэмюэлем Винсоном-младшим.

«Газетт» очень коротко упомянула об этом событии, и в большинстве сохранившихся экземпляров заметка была вырезана или вырвана. После долгих поисков Вард нашел единственный нетронутый номер «Газетт» в частном архиве коллекционера и прочел его, забавляясь старомодно-учтивыми оборотами:

«Вечером прошедшего понедельника мистер Джозеф Карвен, уважаемый житель нашего Города, Негоциант, сочелся брачными узами с Мисс Элизой Тиллингест, Дочерью Капитана Джеймса Тиллингеста. Юная Дама, обладающая истинными Достоинствами, соединенными с прелестным Обликом, будет Украшением брака и составит Счастье своего любящего Супруга».

Из собрания писем Дюффри-Арнольда, найденного Чарльзом Вардом незадолго до предполагаемого первого приступа душевной болезни в частной коллекции Мелвилла Ф. Петерса с Джордж-стрит и охватывающего этот и немного более ранний период, можно заключить, какое возмущение вызвал у горожан этот неравный брак. Однако влияние Тиллингестов на жизнь города было неоспоримым, и дом Джозефа Карвена вновь стали посещать люди, которых при иных обстоятельствах ничто не заставило бы переступить его порог. Общество не в полной мере признало Карвена, от чего особенно страдала его жена; но как бы то ни было, он уже не считался изгоем. Станный новобрачный удивил как свою супругу, так и всех окружающих, обращаясь с ней в высшей степени галантно и уважительно. В новом доме на Олни-Корт больше не происходило ничего, внушающего беспокойство, и, хотя Карвен часто отлучался на свою ферму в Потаксете, где его жена так ни разу и не побывала, он стал больше походить на обычного горожанина, чем когда бы то ни было за долгое время его проживания в Провиденсе. Лишь один человек проявлял к нему открытую вражду — молодой корабельный штурман, помолвка которого с Элизой Тиллингест была так внезапно расторгнута. Эзра Виден при свидетелях поклялся отомстить и, несмотря на свой спокойный и в общем мягкий характер, взялся за дело с упорством, продиктованным ненавистью, а это не обещало ничего хорошего человеку, отнявшему у него невесту.

Седьмого мая 1765 года родилась единственная дочь Карвена, получившая имя Энн. Крестил ее преподобный Джон Грейвз из Королевской церкви, прихожанами которой стали Карвены через некоторое время после свадьбы, — это было своеобразным компромиссом между конгрегационалистами и баптистами, к каковым церквям принадлежали их ближайшие родственники. Запись о рождении девочки, так же как запись о регистрации брака, заключенного

двумя годами ранее, в большинстве церковных книг и анналах мэрии были вымараны. Чарльз Вард с большим трудом смог найти документальные подтверждения этим фактам лишь после того, как узнал о своем родстве с Карвеном. Юноша со страстью предавался изысканиям, касающимся этого человека. Запись о рождении Энн он нашел совершенно случайно, в ходе переписки с наследниками доктора Грейвза, который, в ходе Революции покидая свою паству как верный сторонникам короля, прихватил дубликаты всех церковных записей. Вард написал им, потому что знал, что его прапрабабушка, Энн Тиллингест Поттер, принадлежала к епископальной церкви.

Вскоре после рождения дочери — события, по поводу которого предок Варда выразил огромную радость, странную при его обычной сдержанности, — Карвен решил заказать свой портрет. Он поручил эту работу жившему тогда в Нью-порте талантливому художнику — шотландцу по имени Космо Александер, впоследствии получившему известность как первый учитель Джилберта Стюарта. Говорили, что портрет, отличающийся необыкновенным сходством, был написан на стенной панели в библиотеке дома на Олникорт, но ни один из дневников, где упоминается этот портрет, не говорит о его дальнейшей судьбе. В то время сам Карвен стал как-то необычно задумчив и проводил почти все время на потаксетской ферме. Утверждали, что он постоянно находился в состоянии тщательно скрываемого лихорадочного беспокойства, словно ожидая чего-то важного, как человек, который вот-вот сделает необыкновенное открытие. По всей вероятности, это было связано с его химическими или алхимическими экспериментами, ибо он перевез на ферму огромное количество книг по этим предметам.

Его интерес к общественной деятельности не уменьшился, и Карвен не упускал возможности помочь Стивену Хопкинсу, Джозефу Брауну и Бенджамину Весту, пытавшимся

оживить культурную жизнь города, уровень которой был гораздо ниже, чем в Ньюпорте, прославившемся своими меценатами. Он помог Дэниелу Дженксу в 1763 году основать книжную лавку и был его постоянным и лучшим клиентом, а также оказывал денежную помощь испытывавшей трудности «Газетт», которая печаталась по пятницам в типографии под вывеской с изображением Шекспира. Он горячо поддерживал губернатора Гопкинса против партии Варда, оплотом которой был Ньюпорт, а в 1765 году его яркое красноречивое выступление в Хечерз-Холле против выделения Северного Провиденса в самостоятельную муниципальную единицу способствовало тому, что предубеждение против него мало-помалу рассеялось. Однако Эзра Виден, который постоянно наблюдал за Карвеном, лишь пренебрежительно фыркал, когда при нем упоминали об этих поступках, и публично клялся, что все это не более чем маска, служащая для прикрытия дел, более черных, чем глубины Тартара. Молодой человек принялся тщательно собирать сведения обо всем, что касалось Карвена, и особенно интересовался тем, что тот делает в гавани и на своей ферме. Виден проводил целые ночи близ верфи, держа наготове легкую рыбацкую плоскодонку, и всякий раз, увидев свет в окне склада Карвена, скрытно преследовал его небольшой бот, курсировавший по бухте. Он также вел самое пристальное наблюдение за фермой на Потаксет-роуд и однажды был сильно испуган собаками, которых натравила на него странная чета индейских слуг.

3

В 1766 году в поведении Джозефа Карвена произошла разительная перемена: напряженное ожидание, в котором он пребывал последнее время, сменилось радостным возбуждением, и он стал появляться на людях с видом побе-

дителя, с трудом скрывающего ликование по поводу неких блестящих успехов. Казалось, он еле удерживается от того, чтобы всенародно объявить о своих открытиях; но, по-видимому, необходимость соблюдать тайну была все же сильнее, чем потребность разделить с ближними радость, так как он никого не посвятил в причину такой резкой смены настроения. Сразу же после переезда в новый дом, что произошло, по всей вероятности, в начале июля, Карвен стал повергать людей в удивление, рассказывая вещи, которые могли быть известны разве что давным-давно усопшим предкам.

Но лихорадочная тайная деятельность Карвена отнюдь не уменьшилась с этой переменной. Напротив, она скорее усилилась — все большее количество его морских перевозок поручалось капитанам, которых он привязывал к себе узами страха, такими же крепкими, как до сих пор боязнь разорения. Он полностью оставил работорговлю, утверждая, что доходы от нее постоянно падают; почти все время проводил на ферме в Потаксете, но, по слухам, иногда его видели вблизи кладбища, так что многие не раз задумывались над тем, так ли уж сильно изменились повадки столетнего купца. Эзра Виден, вынужденный время от времени прерывать свою слежку за Карвеном, отправляясь в плавание, не мог заниматься этим систематически, но зато обладал мстительным упорством, которого были лишены занятые своими делами горожане и фермеры; он тщательно, как никогда ранее, изучал все связанное с Карвеном.

Странные маневры судов таинственного купца не вызывали особого удивления в эти беспокойные времена, когда, казалось, каждый колонист был полон решимости игнорировать условия Сахарного акта, который препятствовал оживленным морским перевозкам. Доставить контрабанду и улизнуть считалось скорее доблестью в Наррагансетской бухте, и ночная разгрузка недозволенных товаров была совершенно обычным делом. Однако, наблюдая каждую ночь,

как лихтеры или небольшие шлюпы отчаливают от складов Карвена в доках Таун-стрит, Виден очень скоро проникся убеждением, что его зловещий враг старается избежать не только военных кораблей его величества. Раньше, до 1766 года, когда поведение Карвена резко изменилось, эти корабли были нагружены большей частью закованными в цепи неграми. Живой груз переправляли через бухту и выгружали на пустынном участке берега к северу от Потаксета; затем их гнали по суше наверх по крутому склону и далее на ферму Карвена, где запирали в огромной каменной пристройке с узкими бойницами вместо окон. Но теперь все пошло по-другому. Неожиданно прекратился ввоз рабов, и на время Карвен отказался от своих ночных вылазок. Затем, весной 1767 года, Карвен избрал новый способ действий. Лихтеры снова регулярно отплывали, покидая темные молчаливые доки, но теперь спускались вдоль бухты на некоторое расстояние, очевидно, не далее Ненквит-Пойнт, где встречали большие корабли разных типов и перегружали с них неизвестные товары. Потом команда Карвена отвозила этот груз к обычному месту на берегу бухты и переправляла его по суше на ферму, складывая в том же загадочном каменном здании, которое прежде служило для содержания негров. Груз большей частью состоял из крупных коробок и ящиков, многие из них имели продолговатую форму и вызывали неприятные ассоциации с гробами.

Виден с неослабевающим упорством продолжал наблюдать за фермой; не проходило недели, чтобы он не побывал там, за исключением тех ночей, когда свежевывающий снег давал возможность обнаружить его следы. Но даже тогда он подбирался как можно ближе по проезжей дороге или льду протекавшей поблизости речки, чтобы посмотреть, какие следы оставили другие посетители фермы. Когда, отправляясь в плавание, Виден должен был прерывать свои наблюдения, он обращался к своему давнему знакомому по имени Элеазар Смит, который заменял его на этом посту.

Оба приятеля могли бы поведать множество странных вещей, но не делали этого только потому, что знали — лишние слухи могут предупредить их жертву и сделать таким образом невозможным их дальнейшие наблюдения. Прежде чем что-либо предпринять, они хотели добыть точные сведения. Должно быть, они узнали немало удивительного, и Чарльз Вард часто говорил своим родителям, как он сожалеет, что Виден решил сжечь свои записи. Все, что можно сказать об их открытиях, почерпнуто из довольно невразумительного дневника Элеазара Смита, а также высказываний еще нескольких мемуаристов и авторов писем, которые могли лишь повторить услышанное от других. По их словам, ферма была лишь внешней оболочкой, под которой скрывалась беспредельно опасная бездна, мрачные глубины которой недоступны человеческому разуму.

Виден и Смит уже давно убедились в том, что под фермой протекает целая сеть туннелей и катакомб, в которых кроме старого индейца и его жены находится множество других людей. Само здание фермы, со старинной острокопечной крышей, огромной дымовой трубой и ромбовидными решетками на окнах, было построено в середине XVII века. Лаборатория находилась в северном крыле, где кровля спускалась почти до земли. Дом стоял в стороне от других построек, и, поскольку оттуда в самое необычное время часто доносились странные звуки, должен был существовать доступ в него через подземные потайные ходы. До 1766 года здесь раздавались невнятное бормотание и шепот негров, лихорадочные крики, сопровождавшиеся странными песнопениями или заклинаниями. Но начиная с 1766 года человеческие голоса, доносившиеся оттуда, слились в омерзительную и страшную какофонию, в которой выделялись то монотонный монолог человека, покорно склонявшегося перед чужой волей, то взрывы бешеной ярости, то диалог, прерываемый угрожающими воплями, задыхающимися мольбами и протестующими криками на самых разных язы-

ках. Резкий голос Карвена — урезонивающий, упрекающий или угрожающий — часто можно было различить среди других. Создавалось впечатление, что в доме находилось как минимум несколько человек — Карвен, его пленники и стражники, которые их стерегли. Нередко Виден и Смит слышали звуки чуждой речи, такой необычной, что ни тот ни другой не могли определить национальность говорившего, несмотря на то что оба побывали во многих шумных и разноязыких гаванях мира. Но часто они, хотя и с трудом, разбирали слова. Подслушанные ими разговоры всегда представляли собой что-то вроде допроса, словно Карвен любыми путями старался вырвать нужные ему сведения у испуганных или непокорных пленников.

Виден заносил разрозненные отрывки этих разговоров в свою записную книжку, когда разговор велся на английском, французском или испанском языках, которые он знал; но ни одна из этих записей не сохранилась. Однако он утверждал, что, кроме нескольких разговоров, в которых речь шла о мрачных преступлениях, совершенных в прошлом в знатных семействах города, большая часть вопросов и ответов, которые он смог разобрать, касалась различных проблем истории и других наук, часто относящихся к отдаленным местам и эпохам. Однажды, например, некий голос, то поднимаясь до взбешенного крика, то возвращаясь к мрачной покорности, отвечал по-французски на вопросы относительно побоища, учиненного Черным принцем в Лиможе в 1370 году, причем допрашивавшего интересовали некие скрытые причины этих событий, предположительно известные отвечавшему. Карвен спрашивал пленника — если это был пленник, — был ли отдан приказ о всеобщей резне из-за Знака Козла, найденного на алтаре в древнеримской гробнице, находящейся недалеко от собора, или же Черный человек из Высшего сбора Вьенны произнес магические Три Слова. Так и не добившись ответа, Карвен применил крайние меры — раздался ужасный вопль, за кото-

рым последовало молчание, потом тихий стон и звук падения чего-то тяжелого.

Ни один из этих допросов им не удалось подсмотреть, потому что окна были всегда плотно завешены. Но однажды, после тирады на незнакомом языке, в окне появилась тень, глубоко поразившая Видена; она напомнила ему одну из кукол, которых он видел в 1764 году в Хечер-Холле, когда некий человек из Джерментайна, в Пенсильвании, демонстрировал искусно сделанные механические фигуры в представлении, включавшем, согласно афише: «Вид знаменитого города Иерусалима, храм Соломона, царский престол, прославленные башни и холмы, а также Страсти Вашего Спасителя, что претерпел Он от Сада Гефсиманского до Креста на Горе Голгофе; искуснейший образчик Механических фигур, Достойный Внимания Любопытствующих». Именно тогда престарелая индейская чета, разбуженная шумом, который произвел отпрянувший от окна испуганный соглядатай, спустила на него собак. После этого случая в доме больше не было слышно разговоров, из чего Виден и Смит сделали вывод, что Карвен переместил свои опыты в подземелье.

На то, что подобное подземелье действительно существует, указывало многое. Слабые крики и стоны время от времени слышались, казалось, из сплошной скалы в местах, где не было никаких строений; кроме того, в кустах на крутом речном берегу в долине Потаксета была обнаружена дверь из прочного орехового дерева, имевшая вид низкой арки и окруженная солидной каменной кладкой,— очевидно, вход в подземелье внутри холма. Виден не мог сказать, когда и как были построены эти катакомбы, но заметил, что рабочих сюда очень легко доставить по реке. Поистине, Джозеф Карвен находил самое разнообразное применение своей собранной со всего света разношерстной команде! Во время затяжных дождей весной 1769 года оба приятеля не сводили глаз с крутого склона на берегу реки, надеясь, что

на свет божий выйдут какие-нибудь тайны подземелий, и были вознаграждены, ибо потоки дождевой воды вынесли в глубокие промоины на скалах огромное количество костей, принадлежащих как животным, так и людям. Конечно, можно было найти естественные объяснения этому — ведь они находились вблизи фермы, в местах, где на каждом шагу встречались заброшенные индейские кладбища, но у Видена и Смита было на сей счет собственное мнение.

В январе 1770 года, когда Виден и Смит безуспешно пытались решить, что им предпринять — если вообще можно было что-нибудь предпринять, опираясь на такие разрозненные и неясные данные, — произошел инцидент с кораблем «Форталеза». Обозленный поджогом таможенного шлюпа «Либерти» в Ньюпорте прошлым летом, адмирал Веллес, командующий всеми пограничными судами, проявлял усиленную бдительность по отношению к иностранным судам; по этому случаю военная шхуна его величества «Лебедь» под командованием капитана Чарльза Лесли однажды ранним утром после недолгого преследования захватила судно «Форталеза», приписанное к городу Барселона в Испании, которое вел капитан Мануэль Арруда. «Форталеза», согласно судовому журналу, следовала из Каира в Провиденс. Во время обыска корабля в поисках контрабанды обнаружился удивительный факт: его груз состоял исключительно из египетских мумий, а получателем числился некий «Капитан А.В.С.», который должен был перегрузить эти мумии на лихтер у Ненквит-Пойнт. Капитан Арруда умолчал о подлинном имени получателя, считая вопросом чести соблюдение данной им клятвы. Вице-адмиралтейство Ньюпорта не знало, как поступить, ввиду того что груз не представлял собой контрабанду, но, с другой стороны, «Форталеза» вошла в бухту тайно, не соблюдая законной процедуры. Наконец, по совету контролера Робинсона, был найден компромисс: судно освободили, но запретили ему входить в воды Род-Айленда. Впоследствии ходили слухи, что ис-

панский корабль видели в бостонской гавани, хотя он и не получал разрешения войти в порт.

Этот необычный инцидент не преминул вызвать оживленные разговоры в Провиденсе, и мало кто сомневался в существовании связи между таинственным грузом и зловещей фигурой Джозефа Карвена. Все знали о его необычных опытах и об экзотических субстанциях, которые он выписывал отовсюду; все подозревали его в пристрастии к посещению кладбищ; не надо было обладать особенно живым воображением, чтобы связать его имя с отвратительным грузом, который не мог быть предназначен ни для кого в Провиденсе, кроме него. Догадываясь, что о нем говорят, Карвен несколько раз как бы случайно упоминал об особой химической ценности бальзама, находимого в мумиях, очевидно полагая, что может представить все это предприятие как не столь уж неестественное, но впрямую никак не признавая своей причастности к нему. Виден и Смит, конечно, не питали никаких сомнений относительно предназначения мумий, высказывая самые невероятные теории касательно самого Карвена и его чудовищных занятий.

Следующей весной, как и год назад, прошли сильные дожди, и оба приятеля продолжали внимательно наблюдать за берегом реки близ фермы Карвена. Смыло большие куски берегового склона, обнажились новые залежи костей, но по-прежнему каких-либо следов подземных помещений или проходов не было. Однако в селении Потаксет, расположенном милей ниже по реке, там, где она преодолевает скалистые пороги и затем разливается в широкую гладь, распространились странные слухи. Здесь, где затейливые старинные постройки словно наперегонки взбирались на вершину холма от деревянного мостика, а в сонных доках стояли рыбацьи шлюпы, люди рассказывали о страшных предметах, плывущих вниз по течению, которые можно было увидеть яснее в тот миг, когда они скатывались по порогам. Конечно, Потаксет — большая река, проходящая по не-

скольким населенным районам, где немало кладбищ, а весенние дожди в этом году были необычайно обильны; но удивших у моста рыбаков привел в смятение свирепый взгляд, которым, как им показалось, окинуло их непонятное существо, промчавшееся мимо к спокойному водному зеркалу, расстилавшемуся ниже моста, а также приглушенный крик, который издало другое странное существо, почти полностью разложившееся. Эти слухи немедленно привели Смита (Виден тогда находился в плавании) к берегу Потаксета вблизи фермы, где вероятнее всего можно было найти следы земляных работ.

Однако в крутом склоне не обнаружилось и намека на какой-либо туннель: половодье нагромодило здесь целую стену земли и вырванного с корнями кустарника. Смит принялся было рыть наудачу, но вскоре отказался от этой затеи, имея мало надежд на успех, а может быть, подсознательно опасаясь этого успеха. Неизвестно, как бы на его месте поступил упрямый и мстительный Виден, если бы в то время он не был в плавании.

4

Осенью 1770 года Виден решил, что пришло наконец время рассказать о результате своих наблюдений. Ему было необходимо связать воедино множество фактов, и он нуждался в свидетеле, который мог бы опровергнуть обвинение в том, что все это — измышления, порожденные ревностью и жадной мести. Своим главным поверенным он избрал капитана Джеймса Мэтьюсона, командира «Энтерпрайза», который, с одной стороны, знал его достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в его правдивости, а с другой — был достаточно уважаемым лицом в городе. Беседа Видена с капитаном состоялась в комнате на верхнем этаже таверны «Сабина», что близ доков; там же присутство-

вал Смит, подтвердивший все заявления Видена. Рассказ произвел огромное впечатление на капитана Мэтьюсона, который, как многие жители Провиденса, питал глубокие подозрения относительно Джозефа Карвена. Таким образом, понадобилось лишь привести несколько фактов, чтобы полностью его убедить. Под конец беседы он стал мрачен и заставил приятелей поклясться в том, что они будут хранить полное молчание. Он сказал, что конфиденциально передаст полученные сведения нескольким самым образованным и влиятельным гражданам Провиденса, выслушает их мнение и в дальнейшем будет сообразовывать с этим мнением свои действия. Во всяком случае, очень важно было держать все в тайне, ибо это не такое дело, с которым могли бы справиться городские констебли. И главное, об этом не должна была знать легковозбудимая толпа, иначе могло повториться салемянское безумие, постигшее людей менее ста лет назад и вынудившее Карвена бежать из Салема в Провиденс.

По мнению капитана Мэтьюсона, в тайну следовало посвятить доктора Бенджамина Веста, чей труд об орбите Венеры снискал ему славу глубокого ученого и мыслителя; преподобного Джеймса Меннинга, президента колледжа, который недавно приехал из Уоррена и временно снимал квартиру на Кинг-стрит, ожидая завершения отделочных работ в здании колледжа на холме у Пресвитериал-лейн; бывшего губернатора Стивена Хопкинса, который был членом философского общества в Ньюпорте и отличался замечательной широтой взглядов; Джона Картера, издателя местной «Газетт»; всех четырех братьев Браун — Джона, Джозефа, Николаса и Мозеса, местных финансовых магнатов (при том что Джозеф проявлял искренний интерес к науке); аптекаря Джеймса Бовена, большого эрудита, непосредственно знакомого со странными заказами Карвена; и каперского капитана Абрахама Виппла, человека фантастической энергии и храбрости, которого прочили в руко-

водители на тот случай, если придется прибегнуть к активным действиям.

Миссия капитана Мэтьюсона была выполнена успешно сверх его собственных ожиданий, ибо, хотя кое-кто из конфиденентов отнесся довольно скептически к мрачным деталям в рассказе Видена, никто из них не сомневался в необходимости принять тайные и хорошо продуманные меры. Было ясно, что Карвен представляет потенциальную опасность для жизни не только города, но и всей колонии и должен быть уничтожен любой ценой. В конце декабря 1770 года группа уважаемых горожан собралась в доме Стивена Хопкинса и обсудила предварительные действия. Были внимательно прочитаны записи Видена, которые он передал капитану Мэтьюсону; самого Видена вместе со Смитом пригласили, чтобы засвидетельствовать некоторые детали. К концу встречи присутствующих охватил неясный ужас, но его пересилила мрачная решимость, которую лучше всего выразил громогласный и грубоватый капитан Виппл. Они не будут ставить в известность губернатора, заявил он, ибо, как представляется, законные средства здесь недостаточны. Имея в своем распоряжении тайные силы, о могуществе которых у собравшихся не было представления, Карвен не относился к тем людям, которых можно было просто-напросто известить о том, что их присутствие в городе нежелательно. Он мог принять ответные меры; но даже если этот страшный человек согласился бы уехать, это означало бы всего лишь перенесение на других бремени его тягостного присутствия. Времена тогда были незаконные, и люди, которые долгие годы служили на королевских таможенных судах, не остановились бы ни перед какими жестокостями, если того требовал долг. Карвена нужно было заставить врасплох в Потаксете, отправив на его ферму большой отряд испытанных в сражениях моряков, и заставить наконец дать исчерпывающие объяснения. Если окажется, что он — безумец, забавляющийся криками и воображаемыми разго-

ворами на разные голоса, его следует отправить в приют для душевнобольных. Если же здесь кроется что-нибудь похуже, если действительно существуют ужасные подземелья, то он и все, находящиеся в его доме, должны умереть. Это можно сделать без лишнего шума, и даже супруга Карвена и его тестя не должны узнать, почему и как все произошло.

Пока обсуждались эти серьезные меры, в городе произошел случай, настолько дикий и необъяснимый, что в течение нескольких дней во всей округе только о нем и судачили. В глухой час лунной январской ночи, когда земля была покрыта глубоким снегом, слышались ужасающие крики, которые раздавались сначала со стороны реки, а затем выше по склону холма. Во многих окнах показались головы разбуженных горожан; люди, жившие вокруг Вейбоссет-Пойнт, видели, как что-то белое лихорадочно барахталось в ледяной воде перед грязной площадью у таверны «Голова турка». Вдали громко лаяли собаки, но этот лай умолк, когда до них долетел шум на улицах разбуженного города. Группы людей с фонарями и заряженными мушкетами выбегали из домов посмотреть, что происходит, но их поиски не увенчались успехом. Однако на следующее утро в ледяных заторах у южных опор Большого моста, между Длинным доком и винным заводом Эббота, было найдено обнаженное тело огромного мускулистого мужчины, и это стало темой бесконечных догадок и пересудов. Шепталась не столько молодежь, сколько люди старшего поколения, потому что замерзшее лицо с выпученными от ужаса глазами пробудило у городских патриархов воспоминания. Старики, дрожа от страха, обменивались недоуменными репликами, ибо в застывших искаженных чертах угадывалось сходство — хотя это было совершенно невероятно — с человеком, который умер добрых пятьдесят лет назад!

Эзра Виден был среди тех, кто обнаружил тело; он припомнил, как бешено лаяли собаки прошлой ночью в домах вдоль Вейбоссет-стрит и за мостом у доков, откуда исходи-

ли крики. Он словно ожидал чего-то необычного и поэтому не удивился, увидев следы на снегу в том месте, где кончался жилой район и улица переходила в дорогу на Потаксет. Обнаженного гиганта преследовали собаки и несколько человек, обутих в сапоги; можно было также заметить следы возвращающихся собак и их хозяев. Видимо, они отказались от преследования, не желая слишком приближаться к городу. Виден зловеще улыбнулся и, желая довести дело до конца, прошел по этим следам до места, откуда они начинались. Как он и думал, это была потаксетская ферма Джозефа Карвена. Эзра много дал бы за то, чтобы двор перед домом не был так сильно истоптан. Однако он не хотел рыскать у фермы среди бела дня, показывая свою заинтересованность. Доктор Бовен, которому Виден поторопился доложить об увиденном, вскрыл странный труп и обнаружил аномалии, поставившие его в тупик. Органы пищеварения гиганта находились в зачаточном состоянии — желудок и кишечник выглядели так, будто он ни разу не ел, кожа имела вид грубой и в то же время рыхлой дерюги — явление, которое доктор никак не мог объяснить. Находясь под впечатлением слухов, распускаемых стариками, о том, что труп как две капли воды похож на давно умершего кузнеца Дэниела Грина, чей правнук, Аарон Хоппин, был суперкарго на одном из кораблей, принадлежащих Карвену, Виден, словно между прочим, принялся расспрашивать людей, где был похоронен Грин. Той же ночью группа из пяти человек отправилась на заброшенное Северное кладбище, что напротив Херренден-лейн, и раскопала могилу. Как они и ожидали, могила была пуста.

Между тем всех почтальонов города попросили задерживать корреспонденцию, адресованную Джозефу Карвену. Незадолго до того, как было найдено обнаженное тело неизвестного, капитану Мэтьюсону доставили посланное Карвену письмо из Салема от некоего Джедедии Орна, которое заставило призадуматься всех, кто участвовал в заговоре

против Карвена. Вот часть этого письма, переписанная и хранившаяся в частном семейном архиве, где ее нашел Чарльз Вард:

Мне доставляет изрядное удовольствие известие, что Вы продолжаете свои штудии Древних Материй известным Вам способом; и я полагаю, что Мистер Хатчинсон в городе нашем Салеме добился, увы, не больших успехов. Разумеется, ничего, кроме ожившей Монструозности, не вышло, когда Хатчинсон воссоздал Целое из того, что сумел собрать лишь в малой части. То, что Вы послали, не возымело нужного Действия либо из-за того, что Некоей Вещи недоставало, либо тайные Слова я неправильно произнес, а Вы неверно записали. Без Вас обречен я на Неудачу. Я не обладаю Вашими знаниями в области материй Химических, дабы следовать указаниям Бореллия, и не могу должным образом разобраться в Книге VII «Некрономикона», Вами рекомендованной. Но хотел бы я, чтобы Вы припомнили, что было нам сказано в отношении соблюдения Осторожности в том, кого мы вызывать станем, ибо ведомо Вам, что записал Мистер Мэзер в Маргиналиях, и Вы можете судить, насколько верно сия Ужасающая вещь изложена. Я вновь и вновь говорю Вам: не Вызывайте Того, кого не сможете подчинить воле своей. Под сими словами подразумеваю я Того, кто сможет в свою очередь призвать против Вас такие Силы, против которых окажутся бесполезны Ваши самые мощные инструменты и заклинания. Проси Меньшего, ибо Великий может не пожелать тебе Ответить, и в его власти окажешься не только ты, но и много большее. Я ужаснулся, прочитав, что Вам известно, что держал Бен Заристнатмик в Сундуке Черного Дерева, ибо догадался, Кто сказал Вам об Этом. И снова я обращаюсь с просьбой писать мне на имя Джедедии, а не Саймона. В нашем Обществе человек не может жить так долго, как ему вздумается, и Вам известен мой замысел, согласно которому я вернулся под видом собственного Сына.

Я с Нетерпением дожидаясь, когда Вы познакомите меня с тем, что Черный Человек узнал от Сильвануса Коцидиуса в Склепе под Римской стеной, и буду чрезвычайно обязан Вам, если Вы пришлете мне на время Манускрипт, Вами упомянутый.

На мрачные мысли наводило и другое, не подписанное письмо, отправленное из Филадельфии, в особенности следующий отрывок:

Я приму во внимание Вашу просьбу отправлять Заказы только на Ваших судах, но не всегда могу знать с точностью, когда ожидать их. В том, что касается упомянутого Предмета, я требую только еще одной вещи; но хочу удостовериться, что понял Вас с полною точностью. Вы ставите меня в известность, что ни одна Часть утеряна быть не должна, если мы желаем наилучшего Эффекта, но Вам, несомненно, известно, как трудно быть в том уверенным. Будет изрядным Риском и непомерной Тяжестью грузить Гроб целиком, в Городе же (то есть в церквах Святого Петра, Святого Павла, Святой Марии или в Соборе Иисуса Христа) сие вообще не представляется возможным. Но я знаю, чего недоставало тем, кто был воссоздан в Октябре, и сколько живых Образцов Вы были вынуждены создать, прежде чем нашли правильную Методу в 1766 году, и буду верным последователем Вашим во всех сих Материях. С нетерпением ожидаю Вашего Брига, о коем ежедневно справляюсь на верфи мистера Биддля.

Третье подозрительное письмо было написано на незнакомом языке незнакомыми буквами. В дневнике Смита, найденном Чарльзом Вардом, грубо скопирована часто повторяющаяся комбинация букв; авторитетные ученые из Университета Брауна объявили, что это амхарский (или абиссинский) алфавит, но сам текст расшифровать не смог-

ли. Ни одно из этих посланий не было доставлено Карвену, а исчезновение из Салема Джедедии Орна примерно в это же время показывает, что заговорщики из Провиденса потихоньку начали действовать. Историческое общество в Пенсильвании, руководимое доктором Шиппенем, получило письмо относительно присутствия в Филадельфии некоего опасного субъекта. Однако чувствовалась необходимость более решительных действий, и группы отважных, не раз проверенных в деле моряков тайно собирались по ночам в верфях и складах Брауна. Медленно, но верно разрабатывался план, который должен был не оставить и следа от зловещих тайн Джозефа Карвена.

Несмотря на принятые ими меры предосторожности, Карвен, казалось, чувствовал, что против него зреет заговор, проявляя прежде несвойственное ему беспокойство. Его экипаж постоянно сновал между городом и дорогой на Потаксет, и мало-помалу с него сошла маска притворной веселости, с помощью которой он в последнее время пытался бороться со сложившимся против него предубеждением. Феннеры, его ближайшие соседи, однажды ночью заметили яркий луч света, вырывающийся из отверстия в крыше загадочного каменного здания с высокими узкими окнами; об этом происшествии они немедленно уведомили Джона Брауна из Провиденса. Мистер Браун, руководитель тщательно отобранной группы, которая должна была покончить с Карвеном, сообщил Феннерам, что вскоре будут приняты решительные меры. Он счел это необходимым, ибо понимал, что от них будет невозможно скрыть давно готовящийся налет на ферму. Предстоящую операцию он объяснил тем, что Карвен якобы являлся шпионом ньюпортских таможенников, к которым питали явную или тайную вражду все шкиперы, купцы и фермеры в округе Провиденс. Неизвестно, поверили ли этой хитрости соседи Карвена, видевшие на его ферме так много странных вещей. Впрочем,

Феннеры были готовы приписать любые грехи этому на редкость подозрительному типу. Мистер Браун поручил им наблюдать за фермой и сообщать ему обо всем, что там происходит.

5

Опасение, что Карвен о чем-то подозревает и намеревается предпринять нечто необычное — доказательством тому был странный уходящий в небо луч света, — наконец ускорило акцию, столь тщательно подготовленную почтенными горожанами. Как записано в дневнике Смита, около сотни вооруженных людей собрались в десять часов вечера в пятницу двенадцатого апреля 1771 года в большом зале таверны Тарстона «Золотой лев», что расположена на Вейбоссет-Пойнт, напротив моста. Из числа видных горожан помимо командира отряда Джона Брауна присутствовали: доктор Бовен с набором хирургических инструментов; президент Меннинг, на этот раз без своего знаменитого парика (самого большого в колонии), что все сразу заметили; губернатор Хопкинс, закутанный в темный плащ и сопровождаемый своим братом Эйзой, опытным мореходом, которого он посвятил в тайну в последний момент с разрешения остальных; Джон Картер; капитан Мэтьюсон и капитан Виппл — последний и должен был руководить нападением на ферму. Эти люди некоторое время совещались отдельно в задней комнате, после чего капитан Виппл вышел в зал, чтобы еще раз напомнить собравшимся морякам о взятом ими обете молчания и дать последние указания. Элеазар Смит находился с прочими руководителями набега в задней комнате, ожидая прибытия Эзры Видена, который должен был следить за Карвеном и сообщить, когда его экипаж выедет на ферму.

Примерно в десять тридцать на Большом мосту раздался шум, после чего звук колес экипажа Карвена донесся уже с улицы за мостом. В подобный час не нужны были горячие речи Видена, чтобы понять: обреченный ими на смерть человек собрался в последний путь для свершения своего полуночного колдовства. Через мгновение, когда удаляющаяся коляска чуть слышно прогремела по мосту у Мадди Док, появился Виден; люди молча выстроились на улице перед таверной, взвалив на плечи кремневые мушкеты, охотничьи ружья и гарпуны. Виден и Смит присоединились к возглавленному капитаном Випплом отряду; здесь же были капитан Эйза Хопкинс, Джон Картер, президент Меннинг, капитан Мэтьюсон и доктор Бовен; к одиннадцати часам подошел Мозес Браун, который не присутствовал на последнем собрании в таверне. Все эти именитые горожане и сотня моряков, исполненные угрюмой решимости, без промедления пустились в долгий путь. Тревожное чувство все более овладевало ими по мере движения мимо доков и далее в подъем по Броуд-стрит, по направлению к дороге на Потаксет. Пройдя церковь Элдера Сноу, некоторые моряки оглянулись, чтобы бросить прощальный взгляд на Провиденс, улицы и дома которого раскинулись под весенним звездным небом. Мансарды и остроконечные кровли поднимались темными силуэтами, слабый бриз доносил соленый запах моря со стороны бухты, к северу от моста. В речных водах отражалась Вега, поднимаясь над холмом, на гребне которого вырисовывались силуэты деревьев и крыша незаконченного здания колледжа. У подножия холма и вдоль узких, поднимающихся по склону дорог дремал старый город — старый добрый Провиденс, во имя безопасности и процветания которого надо было стереть с лица земли гнездо чудовищных и богопротивных преступлений.

Через час с четвертью отряд, как было заранее условлено, прибыл на ферму Феннеров, где люди услышали последние сообщения, касающиеся намеченной ими жертвы.

Карвен приехал на свою ферму около получаса назад, и почти сразу же после его прибытия из кровли каменного здания поднялся в небо яркий луч, но в остальных окнах не было света, как всегда в последнее время. А вскоре еще один луч вырвался из верхнего этажа дома, устремившись к югу, и собравшиеся поняли, что происходит нечто ужасное и сверхъестественное.

Капитан Виппл разделил отряд на три части. Одна группа, состоявшая из двадцати человек, под командой Элеазара Смита, должна была направиться к морскому берегу, чтобы охранять место возможной высадки вражеского подкрепления, и оставаться там до начала решительных действий. Второй группе, также состоявшей из двадцати человек, под началом капитана Эйзы Хопкинса, надлежало прокрасться по речной долине за ферму Карвена и разрушить топорами или пороховым взрывом прочную дверь на высоком крутом берегу. Основная группа должна была окружить дом и все службы фермы. Третью этой последней группы капитан Мэтьюсон должен был повести к таинственному каменному строению с узкими окнами. Еще одна треть во главе с капитаном Випплом предназначалась для нападения на дом, а оставшаяся треть должна была находиться в резерве до сигнала.

Согласно этому плану группа, находившаяся на берегу реки, должна была штурмовать дверь по свистку и захватить всех, кто появится из подземелья. Услышав два свистка, группа должна была проникнуть через дверь в само подземелье. Группа у каменного строения по тем же сигналам должна была вначале взломать входную дверь, а затем спуститься в подземелье и присоединиться к нападающим со своей стороны. Последний сигнал — три свистка — вызывал резервные силы, охранявшие подступ к ферме; часть из составлявших их двадцати человек должна была войти в подземные помещения через дом, а другие — через каменное здание. Капитан Виппл был абсолютно уверен в суще-

ствовании катакомб и учитывал это при составлении плана. У него был боцманский свисток, издававший очень сильный и резкий звук, который было трудно не услышать даже на приличном расстоянии. Сигналы могла пропустить лишь группа на морском берегу, и потому их предполагалось продублировать, направив туда гонца. Мозес Браун и Джон Картер отправились к реке вместе с капитаном Хопкинсом, а президент Меннинг должен был оставаться с капитаном Мэтьюсоном у каменного строения. Доктор Бовен и Эзра Виден находились в группе капитана Виппла, которая должна была начать штурм дома сразу, как только к капитану Випплу прибудет гонец от капитана Хопкинса, сообщая о готовности его группы. Тогда командир отряда подаст сигнал — один громкий свисток, и все они одновременно начнут штурм в трех местах. В час ночи с минутами все три группы покинули ферму Феннера: одна направилась к морскому берегу, вторая — в долину реки, к ведущей в подземелье двери, а третья в свою очередь разделилась на две части и двинулась к ферме Карвена.

Элеазар Смит, сопровождавший береговую группу, пишет в своем дневнике, что прибыли они к месту назначения без всяких происшествий и долго ждали у крутого склона, спускающегося к бухте. Один раз тишина была нарушена неясным звуком, напоминающим сигнал, второй раз — свирепым ревом и криками, затем — взрывом, происшедшим, по всей вероятности, в том же месте. Позже одному из моряков показалось, что он слышит отдаленные мушкетные и ружейные выстрелы, а еще через некоторое время Смит почувствовал, как все вокруг заходило ходуном и воздух содрогнулся от звука таинственных и страшных слов, произнесенных неведомым гигантским существом.

Только перед самым рассветом к ним в одиночку добрался гонец, измученный, с дико блуждающим взглядом; одежда его источала ужасающее зловоние. Он велел им без всякого шума расходиться по домам и никогда не упоминать и

даже не думать о делах этой ночи и о том, чье имя было Джозеф Карвен. Вид гонца был убедительнее всяких слов. Прежде он слыл простым и честным моряком, имевшим множество друзей, но с той ночи в нем произошла непонятная перемена: что-то как будто надломилось в его душе и он начал сторониться людей. Аналогичные перемены, как потом выяснилось, произошли и с другими участниками нападения, побывавшими в самом гнезде неведомых ужасов. Каждый из этих людей, казалось, утратил частицу своего существа, увидев и услышав нечто, не предназначенное для человеческих ушей и глаз, и не сумев это забыть. Они никогда ни о чем не рассказывали, ибо инстинкт самосохранения — самый примитивный из человеческих инстинктов — заставляет человека останавливаться перед страшным и неведомым. Этот невыразимый страх передался людям из береговой группы от единственного добравшегося до них гонца. Они также почти ничего не рассказывали об этом деле; и дневник Элеазара Смита является единственной записью, оставшейся от ночного похода вооруженного отряда, который выступил из таверны «Золотой лев» в ту весеннюю звездную ночь.

Однако Чарльз Вард нашел косвенные сведения об этой экспедиции в письмах Феннеров, обнаруженных им в Нью-Лондоне, где проживала другая ветвь этого семейства. По всей вероятности, потаксетские Феннеры, из чьего дома была видна обреченная ферма, заметили, как туда шли группы вооруженных людей, и ясно слышали бешеный лай собак Карвена, за которым последовал пронзительный свисток — сигнал к штурму. После свистка из каменного здания во дворе фермы в небо вновь вырвался яркий луч света, и сразу же раздался второй сигнал, зовущий все группы на приступ. Послышалась слабая россыпь мушкетных выстрелов, почти заглушенная ужасающим воплем и ревом. Никакими описаниями нельзя передать весь ужас этих звуков; по словам Люка Феннера, его мать потеряла сознание, едва их услы-

шав. Потом вопль повторился немного тише, сопровождаемый глухими выстрелами и оглушительным взрывом, раздавшимся со стороны реки. Примерно через час после этого собаки стали лаять уже с испугом, послышался глухой подземный гул и пол в доме задрожал так, что покачнулись свечи, стоявшие на каминной доске. Почувствовался сильный запах серы, и в это время отец Люка Феннера сказал, что слышал третий сигнал, зовущий на помощь, хотя другие члены семьи ничего не заметили. Снова прозвучали залпы мушкетов, сопровождаемые глухим гортанным криком, не таким пронзительным, как прежде, но еще более ужасным — он был чем-то вроде злобного бульканья или кашля, так что назвать это звук криком можно было лишь потому, что он продолжался бесконечно долго и его было труднее выносить, чем любой самый громкий вопль.

Затем оттуда, где находилась ферма Карвена, внезапно вырвалась огромная пылающая фигура и послышались отчаянные крики пораженных страхом людей. Затрещали мушкеты, и она упала на землю. Но за ней появился второй охваченный пламенем неясный силуэт. В оглушительном шуме едва можно было различить человеческие голоса. Феннер пишет, что он смог расслышать лишь несколько слов, исторгнутых ужасом в лихорадочной попытке спасения: «Всемогущий, защити паству твою!» После нескольких выстрелов упала и вторая горящая фигура. Затем наступила тишина, которая длилась примерно три четверти часа. Наконец маленький Артур Феннер, младший брат Люка, крикнул, что он видит, как от проклятой фермы поднимается к звездам «красный туман». Это увидел только ребенок, но Люк отмечает многозначительное совпадение: в этот момент три кошки, находившиеся в комнате, были охвачены необъяснимым страхом — они выгнулись горбом, и шерсть на их спинах поднялась дыбом.

Через пять минут подул ледяной ветер, и воздух наполнился таким нестерпимым зловонием, что только свежий

бриз не дал почувствовать его группе на морском берегу или кому-то иному в селении Потаксет. Это зловоние не было похоже ни на один запах, который Феннерам пришлось ощущать прежде, и вызывало какой-то липкий бесформенный страх, намного сильнее того, что испытывает человек, находясь на кладбище у разверстой могилы. Вскоре после этого прозвучал зловещий голос, который никогда не суждено забыть тому, кто имел несчастье его услышать. Он прогремел с неба, словно вестник гибели, и, когда замерло его эхо, во всех окнах задрожали стекла. Голос был низким и сильным, словно звуки органа, и зловещим, как тайные заклинания в древних арабских книгах. Никто не мог сказать, какие слова он произнес, ибо говорил он на неведомом языке, но Люк Феннер попытался записать услышанное: «ДЕЕСМЕЕС ЙЕСХЕТ БОНЕ ДОСЕФЕ ДУВЕМА ЭНИТЕМОСС». До 1919 года ни одна душа не усмотрела связи этой приблизительной записи с чем-либо известным людям ранее, но Чарльз Вард покрылся внезапной бледностью, узнав слова, которые Мирандола определил как самое страшное заклинание, употребляемое в черной магии.

Этому дьявольскому зову ответил целый хор отчаянных криков, без сомнения человеческих, которые раздались со стороны фермы Карвена, после чего к зловонию примешался новый запах, такой же нестерпимо едкий. Крикам сопутствовал вой, то громкий, то затихающий, словно перехваченный спазмами. Иногда он становился почти членораздельным, хотя ни один из слушателей не мог разобрать слов; иногда переходил в страшный истерический смех. Потом раздался вопль ужаса, крик леденящего безумия, вырвавшийся из человеческих глоток, ясный и громкий, несмотря на то, что, вероятно, исходил из самых глубин подземелья, после чего воцарились тишина и полный мрак. Клубы едкого дыма поднялись к небу, затмевая звезды, хотя нигде не было видно огня и ни одна постройка на ферме Карвена не была повреждена, как выяснилось на следующее утро.

Незадолго до рассвета двое людей в пропитанной чудовищным зловонием одежде постучались к Феннерам и попросили у них бочонок рома, очень щедро за него заплатив. Один из них сказал Феннерам, что с Джозефом Карвеном покончено и что им не следует ни в коем случае упоминать о событиях этой ночи. Как ни самонадеянно звучал приказ, в нем было нечто, не позволявшее его ослушаться, словно он исходил от какой-то высшей власти; так что об увиденном и услышанном Феннерами в ту ночь рассказывают лишь случайно уцелевшие письма Люка, которые он просил уничтожить по прочтении. Только необязательность коннектикутского родственника, которому писал Люк — ведь письма в конце концов уцелели, — сохранила это событие от всеми желаемого забвения. Чарльз Вард мог добавить одну деталь, добытую им после долгих расспросов жителей Потаксета об их предках. Старый Чарльз Слокум, всю жизнь проживший в этом селении, сообщил о странном слухе, пересказанном его дедушкой: будто бы в поле недалеко от селения через неделю после того, как было объявлено о смерти Джозефа Карвена, было найдено обуглившееся изуродованное тело. Разговоры об этом долго не умолкали, потому что этот труп, правда, сильно обгоревший, не принадлежал ни человеку, ни какому-нибудь животному, знакомому жителям Потаксета или описанному в книгах.

6

Никто из участников ночного набега ничего о нем не рассказывал, и все подробности, дошедшие до нас, переданы людьми, при сем не присутствовавшими. Поразительна тщательность, с которой непосредственные участники штурма избегали малейшего упоминания об этом предмете. Восемь моряков были убиты, но, хотя их тела не были переданы семьям, те удовлетворялись историей о стычке с таможен-

никами. Так же были объяснены и многочисленные раны, тщательно забинтованные доктором Джейбзом Бовеном, который сопровождал отряд. Труднее всего было объяснить странный запах, которым пропитались все участники штурма, — об этом говорили в городе несколько недель. Из командиров самые тяжелые ранения получили капитан Виппл и Мозес Браун. Письма, отправленные их женами своим родственникам, говорят о том, в каком отчаянии были эти женщины, когда раненые решительно запретили им прикасаться к повязкам и менять их.

Участники нападения на ферму Карвена сразу как-то постарели, стали раздражительными и мрачными. По счастью, все это были люди закаленные, привыкшие действовать в самых тяжелых условиях, и притом глубоко религиозные, не признающие никаких отклонений от традиционных понятий и норм. Умей они глубже задумываться над пережитым и обладай более развитым воображением, они бы пострадали куда больше. Тяжелее всего пришлось президенту Меннингу, но и он сумел преодолеть мрачные воспоминания, заглушая их молитвами. Каждый из этих выдающихся людей сыграл впоследствии важную роль. Не более чем через двенадцать месяцев после этого события капитан Виппл стал во главе восставшей толпы, которая сожгла таможенное судно «Гэспи», и в этом его поступке можно усмотреть желание навсегда избавиться от ужасных образов, отягощающих его память, сменив их другими воспоминаниями.

Вдове Джозефа Карвена отослали запечатанный свинцовый гроб странной формы, очевидно найденный на ферме, где он был приготовлен на случай необходимости; в нем, как ей сказали, находилось тело мужа. Ей объявили, что он был убит в стычке с таможенниками, подробностей которой ей лучше не знать. Больше никто ни словом не обмолвился о кончине Джозефа Карвена, и Чарльз Вард имел в своем распоряжении только неясный намек, на котором и построил свою теорию. Это была лишь тонкая нить —

подчеркнутый дрожащей рукой отрывок из конфискованного послания Джедедии Орна к Карвену, которое было частично переписано почерком Эзры Видена. Копия была найдена у потомков Смита, и можно было лишь гадать, отдал ее Виден своему приятелю, когда все было кончено, как объяснение случившихся с ними чудовищных вещей, либо, что было более вероятно, письмо находилось у Смита еще до этого и он подчеркнул эти фразы собственной рукой. Вот какой отрывок подчеркнут в этом письме:

Я вновь и вновь говорю Вам: не вызывайте Того, кого не сможете Покорить воле своей. Под сими словами подразумеваю я Того, кто сможет в свою Очередь призвать против Вас такие силы, против которых бесполезны окажутся Ваши самые сильные инструменты и заклинания. Проси Меньшего, ибо Великий может не пожелать тебе Ответить, и в его власти окажешься не только ты, но и много большее.

Размышляя о том, каких невыразимо ужасных союзников мог вызвать силами магии Карвен в минуту отчаяния, Чарльз Вард задавал себе вопрос, действительно ли его предок пал от руки одного из граждан Провиденса.

Влиятельные люди, руководившие штурмом фермы Карвена, приложили немало усилий к тому, чтобы всякое упоминание о нем было стерто из памяти людей и из анналов города. Правда, поначалу они были не столь решительно настроены и не предъявляли подобных требований вдове погибшего, его тестю и дочери; но капитан Тиллингест был человеком проникательным и скоро узнал достаточно, чтобы ужаснуться и потребовать от своей дочери возвращения девичьей фамилии. Он приказал сжечь все книги покойного и оставшиеся после него бумаги и стереть надпись с надгробия на могиле своего зятя. Он был хорошо знаком с капитаном Випплом и, вероятно, смог узнать у этого бравого моряка больше, чем кто-нибудь иной, о последних минутах колдуна, заклеяменного вечным проклятием.

С того времени было строго запрещено даже упоминать имя Карвена и приказано уничтожить все касающиеся его записи в городских архивах и заметки в местной газете. Подобные меры можно сравнить разве что с тщательным замалчиванием имени Оскара Уайльда на протяжении десяти лет после его осуждения или с печальной судьбой героя сказки лорда Дансени — короля страны Руназар, которого боги лишили не только существования, но и прошлого, сделав так, что он вообще не существовал никогда.

Миссис Тиллингест, как стала называться вдова Карвена после 1772 года, продала дом на Олни-Корт и жила вместе со своим отцом на Пауэр-лейн до самой смерти, которая последовала в 1817 году. Ферма в Потаксете, которую все избегали, на удивление быстро ветшала и разрушалась. К 1780 году там оставались только каменные и кирпичные здания, а к 1800 году даже они превратились в груды развалин. Никто не осмеливался пробраться через разросшийся кустарник на берегу реки, где могла скрываться потайная дверь; никто даже не пытался представить себе обстоятельства, при которых Джозефа Карвена унесло из этого мира нечто ужасное, им же самим и вызванное.

И только упрямый капитан Виппл, по утверждению неких обладателей очень тонкого слуха, время от времени бормотал себе под нос не совсем понятные слова: «Чума его возьми... если уж вопишь, то не смейся... Этот проклятый мерзавец напоследок припрятал самое скверное... Клянусь честью, надо было спалить дотла его дом».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОИСК И ВОПЛОЩЕНИЕ

1

Как уже отмечалось, Чарльз Вард только в 1918 году узнал, что Джозеф Карвен — один из его предков. Вряд ли стоит удивляться тому, что он тотчас проявил живейший интерес к истории этого таинственного человека, каждая подробность жизни которого стала для Чарльза особенно важной, ибо в нем самом текла кровь Джозефа Карвена. Да и всякий специалист по генеалогии, наделенный живым воображением и преданный своей науке, не преминул бы в подобном случае начать систематический сбор данных.

Свои первые находки он не пытался держать в тайне, так что доктор Лайман даже колебался, считать ли началом безумия молодого человека момент, когда он узнал о своем родстве с Карвенем, или отнести это время к 1919 году. Он обо всем рассказывал родителям (хотя матери и не доставило особой радости известие, что среди ее предков был человек, подобный Карвену) и работникам многих музеев и библиотек, которые посещал. Обращаясь к владельцам частных архивов с просьбой ознакомить его с имеющимися в их распоряжении записями, он не скрывал своей цели, разделяя их несколько насмешливое и скептическое отношение к авторам старых дневников и писем. При всем том он выказывал искреннее желание узнать, что в действительности произошло полтора-два десятилетия назад на той потаксетской ферме, чье местоположение он тщетно старался отыскать, и кем, собственно, был Джозеф Карвен.

Получив в свое распоряжение дневник и архив Смита и обнаружив письмо от Джедедии Орна, он решил посетить Салем, чтобы выяснить, как провел Карвен молодость и с кем был там связан, что он и сделал во время пасхальных каникул в 1919 году. В Эссексском институте, который был ему хорошо знаком по прошлым визитам в этот романтический старый город с ветхими английскими фронтонами и теснящимися друг к другу остроконечными кровлями, Чарльз был очень любезно принят и нашел множество данных о предмете своего исследования. Он узнал, что его отдаленный предок родился в местечке Салем-Виллидж, ныне Денверс, в семи милях от города, восемнадцатого февраля (по старому стилю) 1662 или 1663 года, что он удрал из дому в возрасте пятнадцати лет, стал моряком, вернулся домой только через девять лет, приобретя речь, одежду и манеры английского джентльмена, и осел в Салеме. В ту пору он почти прекратил общение с членами своей семьи, проводя большую часть времени за изучением невиданных здесь прежде книг, привезенных им из Европы, и занимаясь химическими опытами с веществами, доставленными из Англии, Франции и Голландии. Иногда он совершал экскурсии по окрестным селениям, что со временем начало вызывать беспокойство среди местных жителей, которые связывали эти его походы со слухами о таинственных кострах, пылавших по ночам на вершинах холмов.

Единственными близкими друзьями Карвена были некие Эдвард Хатчинсон из Салем-Виллидж и Саймон Орн из Салема. Часто видели, как он беседовал с этими людьми о городских делах, и они нередко навещали друг друга. Дом Хатчинсона стоял почти в самом лесу и заслужил дурную репутацию среди прихожан, ибо по ночам оттуда доносились странные звуки. Говорили, что к нему являются не совсем обычные посетители, а окна комнат часто светятся разными цветами. Большие подозрения вызывало и то, что он знал слишком много о давно умерших людях, о полузабы-

тых событиях. Он исчез, когда началась знаменитая салемская охота на ведьм, и более о нем никто не слышал. Тогда же из города выехал и Джозеф Карвен, но в Салеме скоро узнали, что он обосновался в Провиденсе. Саймон Орн прожил в Салеме до 1720 года, пока его слишком моложавый вид, несмотря на почтенный возраст, стал привлекать всеобщее внимание. Тогда он бесследно исчез, но тридцать лет спустя в Салем приехал его сын, похожий на него как две капли воды, и предъявил свои права на наследство. Его претензии были удовлетворены, ибо он представил документы, написанные хорошо всем известным почерком Саймона Орна. Джедедия Орн продолжал жить в Салеме вплоть до 1771 года, когда письма от уважаемых граждан города Провиденса к преподобному Томасу Бернарду и некоторым другим привели к тому, что Джедедию без всякого шума отправили в края неведомые.

Некоторые документы, в которых речь шла о весьма странных вещах, Вард смог получить в Эссексском институте, судебном архиве и в записях, хранившихся в ратуше. Многие из этих бумаг содержали самые обычные данные — названия земельных участков, торговые счета и тому подобное, но среди них попадались и более интересные сведения. Вард нашел три или четыре бесспорных указания на то, что его непосредственно интересовало. В записях процессов о колдовстве упоминалось, что некая Хепзиба Лоусон десятого июля 1692 года в суде Ойера и Термине-на присягнула перед судьей Хеторном в том, что «сорок ведьм и Черный Человек имели обыкновение устраивать шабаш в лесу за домом мистера Хатчинсона», а некая Эмити Хоу заявила на судебном заседании от восьмого августа в присутствии судьи Джедни, что «в ту Ночь Дьявол поместил своим Знаком Бриджит С., Джонатана Э., Саймона О., Деливеренс В., Джозефа К., Сьюзен П., Мехитейбл К. и Дебору В.». Существовал, кроме того, каталог книг с устра-

шающими названиями из библиотеки Хатчинсона, найденный после его исчезновения, и написанный его почерком незаконченный зашифрованный манускрипт, который никто не смог прочесть. Вард заказал фотокопию этой рукописи и сразу же после ее получения стал заниматься расшифровкой. К концу августа он начал работать над ней особенно интенсивно, почти не отрываясь, и впоследствии из его слов и поступков можно было сделать вывод, что в октябре или ноябре он наконец нашел ключ к шифру. Но юноша никогда прямо не говорил о том, удалось ли ему добиться успеха.

Еще более интересным оказался материал, касающийся Орна. Варду понадобилось очень немного времени, чтобы доказать, что Саймон Орн и тот, кто объявил себя его сыном, в действительности — одно и то же лицо. Как писал Орн приятелю, вряд ли было разумно при его обстоятельствах жить слишком долго в Салеме, поэтому он провел тридцать лет за пределами родины и вернулся туда уже как представитель нового поколения. Орн, соблюдая все предосторожности, тщательно уничтожил большую часть своей корреспонденции, но люди, которые занялись его делом в 1771 году, сохранили несколько документов и писем, вызвавших их недоумение. Это были загадочные формулы и диаграммы с надписями, которые были сделаны рукой Орна и другим почерком и которые Вард тщательно переписал или сфотографировал, а также в высшей степени таинственное письмо, написанное рукой Джозефа Карвена, что удалось выяснить при его сличении с некоторыми уцелевшими записями в городской книге актов.

Это письмо было, очевидно, составлено раньше конфискованного послания Орна. По содержанию Вард установил дату его написания — не позднее 1750 или первых месяцев 1751 года. Небезынтересно привести текст этого письма целиком как образец стиля таинственного человека, внушав-

шего страх современникам. К получателю письма Карвен обращается «Саймон», но это имя везде перечеркнуто (Вард не смог определить кем: Карвеном или Орном).

Провиденс, 1 мая.

Брат мой!

Приветствую Вас, мой достоуважаемый старинный друг, и да будет вечно славен Тот, кому мы служим, дабы овладеть абсолютной властью. Я только что узнал нечто, любопытное также для Вас, касательно Границы Дозволенного и того, как поступать относительно этого должно. Я не расположен следовать примеру Вашему и покинуть город из-за своего возраста, ибо в Провиденсе, не в пример Массачусетсу, не относятся с Нетерпимостью к Вещам неизвестным и необычным и не предадут людей Суду с подобной Легкостью. Я связан заботами о своих товарах и торговых судах и не смог бы поступить так, как Вы, тем паче что ферма моя в Потаксете содержит в своих подземельях то, что Вам известно и что не будет ждать моего возвращения под личной Другого.

Но я готов к любым превратностям Фортуны, как уже говорил Вам, и долго размышлял о путях к Возвращению. Прошлой Ночью я напал на Слова, призывающие ЙОГ-СО-ТОТА, и впервые узрел сей лик, о коем говорит Ибн-Шакабак в своей книге. И Он сказал, что IX псалом Книги Проклятого содержит Ключ. Когда Солнце перейдет в пятый Дом, а Сатурн окажется в благоприятном Положении, начерти Пентаграмму Огня и трижды произнеси IX Стих. Повторяй сей Стих каждый раз в Страстную Пятницу и в Канун Дня Всех Святых, и предмет сей зародится во Внешних Сферах.

И из Семени Древнего Предка возродится Тот, кто заглядывает в Прошлое, хоть и не ведая своих целей.

Но нельзя Ничего ожидать от этого, если не будет Наследника и если Соли или способ изготовления Солей будут

еще не готовы. И здесь я должен признаться, что не предпринял достаточно Шагов, дабы открыть Большие. Процесс идет весьма туго и требует такого Количества Специй, что мне едва удастся добыть довольно, несмотря на множество моряков, завербованных мною в Вест-Индии. Люди вокруг меня начинают проявлять любопытство, но я могу держать их на должном расстоянии. Знатные хуже Простонародья, ибо входят во всякие мелочи и более упорны в своих Действиях, кроме того, их слова пользуются большей верой. Этот Настоятель и доктор Меррит, как я опасаясь, проговорились кое о чем, но пока нет никакой Опасности. Химические субстанции доставать нетрудно, ибо в городе два хороших аптекаря — доктор Бовен и Сент-Керью. Я выполняю инструкции Бореллия и прибегаю к помощи VII Книги Абдула Альхазреда. Я уделю вам долю из всего, что мне удастся получить. А пока что не проявляйте небрежения в использовании Слов, которые я сообщил вам. Я переписал их со всем тщанием, но, если вы питаете Желание увидеть Его, примечайте то, что записано на Куске пергамента, который я вложил в этот конверт. Постоянно произносите Стихи из Псалма в Страстную Пятницу и в Канун Дня всех святых, и, если ваш Род не прервется, через годы должен явиться тот, кто оглянется в Прошлое и использует Соли или материал для изготовления Солей, который вы ему оставили. Смотри Книгу Иова, 14:14.

Я счастлив, что вы снова в Салеме, и надеюсь, что вскоре смогу с вами свидеться. Я приобрел доброго коня и намереваюсь купить коляску, благо в Провиденсе уже есть одна (доктора Меррита), хотя дороги здесь плохи. Если вы расположены к путешествию, не минуйте меня. Из Бостона садитесь в почтовую карету через Дедхем, Рентем и Эттлборо: в каждом из этих городов имеется изрядная таверна. В Рентеме остановитесь в таверне мистера Болкома, где постели лучше, чем у Хетча, но отобедайте у последнего, где повар искуснее. Поверните в Провиденс у порогов Потаксета, за-

тем следуйте по Дороге мимо таверны Сайлса. Мой Дом за Таун-стрит, напротив таверны Эпенетуса Олни, к северу от подворья Одни. Расстояние от Бостона — примерно сорок четыре мили.

Сэр, остаюсь вашим верным другом и покорным Службой во имя Альмонсина-Метратона.

Джозефус К.

*Мистеру Саймону Орну,
Вильямс-лейн, Салем.*

Как ни странно, именно это письмо указало Варду точное местоположение дома Карвена в Провиденсе; ни одна запись, найденная им до сих пор, не говорила об этом с подобной определенностью. Открытие было важным вдвойне, ибо указывало на то, что новый дом Карвена был построен в 1761 году точно на месте старого. Ныне это обветшалое здание все еще стояло в Олни-Корт и было хорошо известно Варду, который много раз проходил мимо него во время своих скитаний по Стемперс-Хилл. Место это было не так уж далеко от его собственного дома, стоящего выше по склону холма. Там проживала негритянская чета, которую время от времени приглашали к Вардам для стирки, уборки и заготовки дров для печей. На юношу произвело огромное впечатление найденное в далеком Салеме неожиданное доказательство значения этого фамильного гнезда для истории его собственной семьи, и он решил сразу же по возвращении тщательно осмотреть дом. Самые таинственные фразы письма, которые Чарльз счел своеобразными символами, в высшей степени заинтриговали его; и легкий холодок страха, смешанного с любопытством, охватил юношу, когда он припомнил, что отрывок из Библии, отмеченный как «Книга Иова, 14:14», был известным стихом: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить? Во все дни определенного мне времени я ожидал бы, пока придет мне смена».

Молодой Вард приехал домой в состоянии приятного возбуждения, а следующую субботу провел в долгом и уютном осмотре дома на Олни-Корт. Это старое ветхое здание представляло собой довольно скромный двухэтажный особняк в колониальном стиле: простая остроконечная крыша, высокая дымовая труба в самом центре строения, покрытая вычурной резьбой входная дверь с полукруглым наддверным окошком, треугольный фронто́н и тонкие колонны в дорическом стиле. Внешне дом почти совсем не изменился со времен постройки, и Вард сразу почувствовал, что наконец-то вплотную соприкоснулся со зловещим объектом своего исследования.

Нынешние обитатели дома, упомянутая негритянская чета, были ему хорошо знакомы. Старый Эйза и его тучная супруга Ханна очень любезно показали ему все внутреннее убранство. Здесь оказалось больше перемен, чем можно было судить по внешнему виду здания, и Вард с сожалением отметил, что бо́льшая часть мраморных урн, завитков, украшавших камин, и деревянной резьбы буфетов и стеновых шкафов пропала, а множество прекрасных панелей и лепных украшений отбиты, измазаны, покрыты глубоким царапинами или заклеены дешевыми обоями. В общем, зрелище было не столь захватывающим, как ожидал Вард, но по крайней мере он испытал некоторое волнение, стоя в стенах жилища одного из своих предков — дома, служившего приютом такому страшному человеку, как Джозеф Карвен. Мурашки пробежали по его спине, когда он заметил, что со старинного медного дверного молотка тщательно вытравлена монограмма прежнего владельца.

С этого момента и вплоть до окончания учебного года Вард проводил все свободное время, исследуя фотокопию зашифрованного манускрипта Хатчинсона и собранную информацию о Карвене. Шифр все еще не поддавался разгад-

ке, но зато из документов Вард извлек много нового, найдя ряд ключей к другим источникам, и наконец решил совершить путешествие в Нью-Лондон и Нью-Йорк, чтобы познакомиться с некоторыми старыми письмами, которые, по его данным, должны были там находиться. Поездка оказалась успешной: он нашел письма Феннера с описанием нападения на ферму в Потаксете, а также послания Найтингейл-Толбота, откуда узнал о портрете, написанном на одной из панелей в библиотеке Карвена. Особенно заинтересовало его упоминание о портрете: он многое бы отдал, чтобы узнать, как выглядел Джозеф Карвен, и принял решение еще раз осмотреть дом на Олни-Корт в надежде найти хоть какой-нибудь след давно умершего человека под слоем облупившейся стародавной краски или полуистлевших обоев.

В начале августа Вард предпринял эти поиски, тщательно осматривая и ощупывая стены каждой комнаты, достаточно просторной для того, чтобы служить библиотекой бывшего владельца дома. Особое внимание он обращал на панели над сохранившимися каминами и пришел в неопишемое волнение, когда примерно через час обнаружил обширное пространство над каминной доской в одной из комнат первого этажа, где поверхность панели, с которой он соскреб несколько слоев краски, была гораздо темнее, чем обычная деревянная облицовка. Еще несколько осторожных движений острым перочинным ножом — и Вард убедился, что нашел большой портрет, написанный масляной краской. Проявив терпение и выдержку подлинного ученого, юноша не рискнул повредить портрет, спарывая дальше краску ножом в попытке сразу же посмотреть на обнаруженную картину; вместо этого он стал искать человека, который мог бы оказать ему квалифицированную помощь. Через три дня он вернулся с опытным художником, мистером Уолтером Дуайтом, чья мастерская находилась у подножия Колледж-Хилл, и этот искусный реставратор картин тотчас принялся за работу, применяя свои испытанные

методы и соответствующие химические вещества. Старый Эйза и его жена, несколько встревоженные визитами необычных посетителей, были должным образом вознаграждены за причиненные им неудобства.

Работа художника продвигалась, и Чарльз Вард со все возрастающим интересом следил за тем, как на свет после долгого забвения появляются все новые детали портрета. Дуайт начал реставрировать снизу, и, поскольку портрет был в три четверти натуральной величины, лицо появилось лишь спустя некоторое время. Но уже вскоре стало заметно, что на нем изображен худощавый мужчина правильного сложения в темно-синем камзоле, вышитом жилете, коротких штанах из черного атласа и белых шелковых чулках, сидящий в резном кресле на фоне окна, за которым виднелись верфи и корабли. Когда художник расчистил верхнюю часть портрета, Вард увидел аккуратный парик и худощавое, спокойное, ничем не примечательное лицо, которое показалось знакомым как Чарльзу, так и художнику. И лишь потом, когда прояснились все детали этого гладкого, бледного лика, у реставратора и у его заказчика перехватило дыхание от удивления: с чувством, близким к ужасу, они поняли, какую зловещую шутку сыграла здесь наследственность. Ибо когда последняя масляная ванна и последнее движение лезвия извлекли на свет божий лицо, скрытое столетиями, пораженный Чарльз Декстер Вард, чьи думы были постоянно обращены в прошлое, узрел собственные черты в обличье своего зловещего прапрапрадеда!

Вард привел родителей, чтобы те полюбовались на открытую им диковину, и отец тотчас же решил приобрести картину, хотя она и была выполнена на вделанной в стену панели. Бросавшееся в глаза сходство с юношей, несмотря на то что изображенный на портрете человек смотрелся несколько старше, казалось чудом; какая-то странная игра природы создала точного двойника Джозефа Карвена через полтора столетия. Миссис Вард совершенно не походила на

своего отдаленного предка, хотя она могла припомнить нескольких родственников, которые имели какие-то черты, общие с ее сыном и давно умершим Карвеном. Она не особенно обрадовалась находке и сказала мужу, что портрет лучше было бы сжечь, чем привозить домой. Она твердила, что в портрете есть что-то отталкивающее, он противен ей и сам по себе, и особенно из-за необычайного сходства с Чарльзом. Однако мистер Вард, практичный и властный бизнесмен, владелец многочисленных ткацких фабрик в Ривер-Пойнте и долине Потаксета, не склонен был прислушиваться к женской болтовне и потакать суевериям. Портрет поразил его сходством с сыном, и он полагал, что юноша заслуживает такого подарка. Не стоит и говорить, что Чарльз горячо поддерживал отца в его решении. Через несколько дней мистер Вард, найдя владельца дома и пригласив юриста — маленького человечка с крысиным лицом и гортанным акцентом, — купил весь камин вместе с верхней панелью, на которой была написана картина, за назначенную им самим немалую цену, назвав которую он разом положил конец торгу.

Оставалось лишь снять панель и перевезти ее в дом Вардов, где были сделаны приготовления для окончательной реставрации портрета и установки его в кабинете Чарльза на третьем этаже, над электрическим камином. На Чарльза возложили задачу наблюдать за перевозкой, и 28 августа он привел двух опытных рабочих из отделочной фирмы Крукера в дом на Олни-Корт, где камин и панель были очень осторожно разобраны для погрузки в машину, принадлежащую фирме. После этого в стене остался кусок открытой кирпичной кладки у начала трубы; там молодой Вард заметил углубление величиной около квадратного фута, которое должно было находиться прямо за головой портрета. Заинтересовавшись, что могло означать или содержать это углубление, юноша подошел и заглянул внутрь. Под толстым слоем пыли и сажки он нашел какие-то разрозненные пожелтевшие листы бумаги, толстую тетрадь в грубой

обложке и несколько истлевших кусков ткани, в которую, очевидно, были завернуты эти документы. Вард сдул пыль и золу с бумаг, взял тетрадь и увидел надпись на ее обложке, сделанную почерком, который он научился хорошо разбирать еще при работе в Эссекском институте. Тетрадь была озаглавлена «Дневник и заметки Джозефа Карвена, джентльмена из Провиденса, родившегося в Салеме».

Вард пришел в неописуемое волнение и показал тетрадь рабочим, стоявшим возле него. Ныне они клянутся в подлинности найденных бумаг, и доктор Виллет полностью полагается на их слова, доказывая, что юноша в ту пору не был безумным, хотя в его поведении уже были заметны некоторые странности. Все другие бумаги также были написаны почерком Карвена, и одна из них, может быть самая важная, носила многозначительное название: «Тому, Кто Придет Позже: Как Он Сможет Преодолеть Время и Пространство Сфер». Другая была написана шифром — возможно, тем же, что и манускрипт Хатчинсона, который Вард до сих пор не смог разгадать. Третья, к радости молодого исследователя, судя по всему, содержала ключ к шифру; а четвертая и пятая были адресованы соответственно «Эдварду Хатчинсону, эсквайру» и «Джедедии Орну, эсквайру» либо их «Наследнику или Наследникам, а также Лицам, их Представляющим». Шестая, и последняя, называлась: «Джозеф Карвен, Его Жизнеописание и Путешествия; Где Он Побывал, Кого Видел и Что Узнал».

3

Сейчас мы подходим к тому периоду, с которого, как утверждают психиатры консервативной школы, началось безумие Чарльза Варда. Найдя бумаги своего прапрапрадеда, Чарльз сразу же просмотрел некоторые места и, по всей вероятности, нашел что-то крайне интересное. Но,

показывая рабочим заголовки, он старательно прикрывал рукой сам текст и проявлял беспокойство, которое едва ли можно было объяснить исторической и генеалогической ценностью находки. Возвратившись домой, он сообщил эту новость с каким-то рассеянным видом, не скрывая необычайной важности найденных документов, но при всем том явно не горя желанием продемонстрировать их родителям. Он даже не упомянул их названия, сказав только, что нашел кое-какие записи Карвена, большей частью зашифрованные, которые нужно тщательно изучить, чтобы понять, о чем там говорится. Вряд ли он показал бы рабочим даже заголовки, если бы не их откровенное любопытство. Во всяком случае, он не желал проявлять особую скрытность, которая могла бы вызвать подозрения родителей и заставить их специально обсуждать эту тему.

Всю ночь Чарльз Вард просидел у себя в комнате, читая найденные бумаги, и с рассветом не прервал своего занятия. Когда мать позвала его, чтобы узнать, что случилось, он попросил принести завтрак наверх. Днем он показался лишь на короткое время, когда пришли рабочие устанавливать камин и портрет Карвена в его кабинете. Следующую ночь юноша спал урывками, не раздеваясь, так как продолжал лихорадочно биться над разгадкой шифра, которым был написан манускрипт. Утром его мать увидела, что он работает над фотокопией Хатчинсоновой рукописи, которую раньше часто ей показывал, но, когда она спросила, не может ли ему помочь ключ, данный в бумагах Карвена, он ответил отрицательно. Днем, оставив труды, он, словно зачарованный, наблюдал за рабочими, завершавшими установку портрета в раме над хитроумным устройством в камине, где бутфорское бревно весьма реалистично пылало электрическим огнем, и подгонявшими боковые панели камина, чтобы они не особенно выбивались из общего оформления комнаты. Передняя панель, на которой был написан портрет, была

подпиlena и установлена так, что позади нее образовалось что-то вроде стеного шкафа. По завершении работ Чарльз окончательно переселился в кабинет и расположился там, поглядывая то на разложенные перед ним бумаги, то на портрет, который в свою очередь взирал на юношу подобно состарившему его облик зеркалу, напоминая о прошедших столетиях.

Родители Чарльза, размышляя позднее о поведении сына в тот период, сообщают интересные детали относительно его стараний скрыть предмет своих исследований. В присутствии слуг он редко прятал какой-либо из документов, который изучал, ибо совершенно справедливо предполагал, что они все равно ничего не поймут в сложных и архаичных письменах Карвена. Однако в обществе родителей он проявлял большую осторожность, и хотя упомянутый манускрипт был написан шифром, являя собой сочетание загадочных символов и неведомых идеограмм (как и рукопись, озаглавленная «Тому, Кто Придет Позже...»), он спешил накрыть его первым попавшимся листом бумаги. На ночь юноша запирает все бумаги в старинный шкафчик, стоявший у него в кабинете. Так же он поступал всякий раз, выходя из комнаты. Постепенно он вернулся к более регулярному образу жизни, работая только в дневные часы, но долгие прогулки по городу прекратились, видимо, больше его не привлекая. Начало занятий в школе, где Чарльз учился в выпускном классе, было для него лишь помехой, и он неоднократно заявлял, что не намерен в дальнейшем поступать в колледж. Он говорил, что должен заняться чрезвычайно важными исследованиями, которые дадут гораздо больше знаний, чем все университеты мира.

Все это уже тогда могло бы обеспокоить окружающих, если бы Чарльз и ранее не проявлял склонности к уединению и долгим научным штудиям. Он был ученым-отшельником по складу характера, поэтому родители не столько

удивлялись, сколько сожалели о его строгом затворничестве и скрытности. В то же время они сочли странным, что он не показывал им ни одного листочка из найденного сокровища и ничего не сообщал о ходе и результатах своих исследований. Эту таинственность Вард объяснял желанием подождать до тех пор, пока он не сможет оформить свое открытие как нечто цельное, но недели проходили без видимого прогресса, и в его отношениях с родными росла напряженность, тем более что миссис Вард с самого начала не одобряла всю эту возню с бумагами Карвена.

В октябре Вард снова начал посещать библиотеки, но теперь он искал не исторические документы, а литературу по колдовству и волшебству, оккультизму и демонологии. Если нужных ему материалов не оказывалось в Провиденсе, он отправлялся на поезде в Бостон, в большую библиотеку на Копли-Сквер, в гарвардскую библиотеку Вайденера или в Сионскую библиотеку в Бруклине, где хранились редкие труды по библейской тематике. Он покупал много необычных книг, быстро заполнив ими несколько новых полок, сооруженных в его кабинете. Во время рождественских каникул он предпринял ряд поездок по ближайшим городам, включая посещение Салема, где он сверялся с некоторыми материалами в архивах Эссексского института.

В середине января 1920 года Вард, судя по его торжествующему виду, добился определенных успехов, но и теперь не дал никаких объяснений. С той поры он уже не корпел часами над шифром Хатчинсона, а вместо этого приступил к химическим экспериментам, параллельно занимаясь изучением демографической статистики Провиденса. Под лабораторию был приспособлен чердак дома. Опрошенные впоследствии местные аптекари и фармацевты представили длинный список веществ и инструментов, им приобретенных. В то же время показания служащих мэрии, ратуши и различных библиотек сходились на том, что второе на-

правление его деятельности имело целью обнаружение могилы Джозефа Карвена, с надгробья которой в свое время было предусмотрительно стерто имя покойного.

Постепенно в семье Вардов пришли к выводу, что с их отпрыском происходит что-то неладное. Небольшие странности, и ранее отмечаемые в поведении Чарльза, сменились растущей скрытностью и уже явно нездоровой увлеченностью какими-то непонятными исследованиями. Он только делал вид, что учится, и, хотя ни разу не провалился на экзаменах, было очевидно, что круг его интересов сильно изменился: он целыми днями колдовал в своей химической лаборатории среди старинных трудов по алхимии, рылся в записях захоронений во всех церквях города или сидел, уткнувшись в книги по оккультным наукам, в своем кабинете, где удивительно — и, можно сказать, все более и более — похожее на него лицо Джозефа Карвена бесстрастно разглядывало своего потомка с панели на северной стене.

В конце марта к архивным изысканиям Варда прибавились таинственные вылазки на заброшенные городские кладбища. Впоследствии от клерков мэрии стало известно, что он, по всей видимости, нашел ключ к разгадке в старых регистрационных книгах. Помимо могилы Джозефа Карвена его интересовало погребение некоего Нафтали Филда. Причина этого интереса выяснилась позже, когда в бумагах Варда была найдена копия краткой записи о похоронах Карвена, чудом избежавшей уничтожения и сообщающей, что загадочный свинцовый гроб был закопан «в 10 футах к югу и 5 футах к западу от могилы Нафтали Филда в...». Отсутствие в уцелевшем отрывке указания на кладбище, где находилась упомянутая могила, сильно осложнило поиски, и могила Нафтали Филда казалась такой же призрачно-неуловимой, как и место погребения самого Карвена, но в случае с первым не существовало общего заговора молчания и можно было с полной уверенностью ожидать, что рано или

поздно найдется надгробный камень с надписью, даже если все записи окажутся утерянными. Отсюда и скитания Чарльза по всем кладбищам, исключая лишь то, что находилось при церкви Святого Иоанна (бывшая Королевская церковь), и погребения конгрегационалистов на кладбище Сван-Пойнт, так как ему стало известно, что усопший в 1729 году Нафтали Филд был баптистом.

4

В мае доктор Виллет по просьбе Варда-старшего серьезно поговорил с его сыном, предварительно ознакомившись со всеми сведениями о Карвене, которые Чарльз сообщил родителям, когда еще не хранил в такой строгой тайне свои исследования. Эта беседа не привела к каким-либо ощутимым последствиям — ибо Виллет убедился, что Чарльз пребывает в здравом уме и целенаправленно занят делом, которое считает очень важным, — но она по крайней мере заставила юношу дать некоторые рациональные объяснения своим поступкам. Вард, принадлежавший к типу сухих и бесстрастных людей, которых нелегко смутить, с готовностью согласился рассказать о характере своих поисков, однако умолчал об их конечной цели. Он признал, что бумаги его прапрапрадеда содержат некоторые секреты ученых далекого прошлого, большей частью зашифрованные, важность которых сравнима только с открытиями Бэкона, а может быть, даже превосходит их. Но для того чтобы полностью постигнуть суть этих тайн, необходимо соотнести их с теориями того времени, многие из которых уже полностью устарели или забыты, так что если рассматривать их в свете современных научных концепций, то они покажутся лишенными всякой реальной значимости. Чтобы занять достойное место в истории человеческой мысли, такие от-

крытия должны быть представлены на фоне соответствующей эпохи, и Вард посвятил себя именно этой задаче. Он стремился как можно скорее постигнуть забытые знания и искусства древних для уяснения сути работ Карвена и надеялся когда-нибудь сделать полное сообщение о предметах, представляющих необычайный интерес для всего человечества, и прежде всего для науки. Даже Эйнштейн, заявлял он, не смог бы глубже изменить понимание сущности мироздания.

Что же касается походов на кладбище, то он заявил — не посвятив, впрочем, доктора в детали своих поисков, — что надеется отыскать на изуродованном могильном камне Джозефа Карвена определенные мистические символы, выгравированные согласно его завещанию и оставшиеся нетронутыми, когда стирали его имя. Эти символы, по его словам, совершенно необходимы для окончательной разгадки теории Карвена. Этот последний, как понял доктор из рассказа Варда, желал как можно тщательнее уберечь свою тайну и причудливым образом скрыл результаты открытий в разных местах. Когда же Виллет попросил юношу показать ему документы, найденные за портретом, тот выразил недовольство и попытался отделаться от дальнейших расспросов, подсунув доктору фотокопию манускрипта Хатчинсона и диаграммы Орна, но в конце концов показал издали часть своей находки: «Записи» (название было также зашифровано), содержащие множество формул, и послание «Тому, Кто Придет Позже», куда он позволил заглянуть, так как оно все равно было написано непонятными знаками.

Он также открыл дневник Карвена, тщательно выбрав самое невинное место, и позволил Виллету ознакомиться с почерком. Доктор очень внимательно рассмотрел неразборчивые и вычурные буквы и отметил, что и почерк, и стиль характерны для семнадцатого столетия, хотя автор дневника дожил до восемнадцатого века, так что с этой

точки зрения подлинность документов не вызывала сомнений. Сам по себе текст был довольно обычным, и Виллет запомнил только фрагмент:

«Пятн. 16 окт. 1754. Мой шлюп „Уэйкфул“ отчалил сего дня из Лондона, имея на Борту двадцать новых Людей, набранных в Вест-Индии, испанцев с Мартиники и голландских подданных из Суринама. Голландцы, сдается мне, склонны Дезертировать, ибо слышали нечто устрашающее о сем Предприятии, но я пригляжу за тем, чтобы заставить их Остаться. Для мистера Найта Декстера в Массачусетсе 120 штук камлота, 100 штук тонкого камлота разных цветов, 20 штук синей фланели, 50 штук каламянки, по 300 штук чесучи и легкого шелку. Для мистера Грина из „Слона“ 50 галлонов сидра, 20 больших кастрюль, 15 котлов, 10 связок копченых языков. Для мистера Перриго 1 набор столярных инструментов. Для мистера Найтингейла 50 стоп лучшей писчей бумаги. Прошлой ночью трижды произнес САВАОФ, но Никто не явился. Мне нужно больше узнать от Мистера Х., что в Трансильвании, хотя и весьма трудно добраться до него, и еще более странно, что он не может научить меня употреблению того, что так изрядно использовал в последние сто лет. Саймон не писал мне все эти пять недель, но я ожидаю вестей от него вскорости».

Когда, дочитав до этого места, доктор Виллет перевернул страницу, его немедленно прервал Вард, который почти выхватил дневник из его рук. Все, что доктор успел увидеть на открытой странице, была пара коротких фраз, но они почему-то врезались ему в память. Там говорилось: «Стих из Книги Проклятого был прочтен пять раз в Страстную Пятницу и четыре раза в Канун Праздника всех святых, и я надеюсь, что сия Вещь зародится во Внешних Сферах. Это привлечет Того, Кто Придет, если быть уверенным, что таковой будет, и станет помышлять он лишь о Прошлых вещах

и заглянет назад через Все прошедшие годы, так что я должен иметь готовые Соли либо то, из чего готовить их».

Виллет ничего больше не увидел, но беглого взгляда на страницу дневника было достаточно, чтобы ощутить смутный ужас перед изображенным на портрете лицом Карвена, который, казалось, насмешливо смотрел на него с панели над камином. Долгое время после этого его преследовало странное чувство, бывшее, как он понимал, не более чем игрой воображения: ему казалось, что глаза портрета живут собственной жизнью и имеют обыкновение поворачиваться в ту сторону, куда движется юный Чарльз Вард. Перед уходом доктор остановился перед изображением, чтобы рассмотреть его поближе, поражаясь сходству с Чарльзом и запоминая каждую деталь этого загадочного облика. Он отметил даже небольшой шрам или углубление на гладком лбу над правым глазом. «Художник Космо Александер был достоин своей славной родины Шотландии, взрастившей Реборна, а учитель достоин своего знаменитого ученика, Джилберта Стюарта», — заключил доктор по завершении осмотра.

Получив уверения от доктора, что душевному здоровью Чарльза ничто не угрожает и что он занят исследованиями, которые могут принести удивительные результаты, родители Варда отнеслись сравнительно спокойно к тому, что в июне юноша решительно отказался посещать колледж. Он заявил, что должен заняться гораздо более важными вещами, и выразил желание отправиться на следующий год за границу, чтобы найти кое-какую информацию о Карвене, отсутствующую в американских источниках. Вард-старший, отклонив это желание как абсурдное для молодого человека, которому едва исполнилось восемнадцать лет, нехотя согласился с тем, что Чарльз не будет продолжать систематическое образование. Итак, после далеко не блестящего окончания школы Чарльз в течение трех лет занимался оккультными науками и поисками на городских кладбищах.

Его считали эксцентричным, а он по-прежнему старался избегать встреч со знакомыми и друзьями родителей и лишь изредка совершал поездки в другие города, чтобы прояснить те или иные не вполне понятные ему записи. Однажды он отправился на юг, чтобы поговорить с чудаковатым стариком-мулатом, обитавшим в хижине среди болот, о котором газеты напечатали статью, заинтересовавшую Варда. Он также посетил одно небольшое горное селение, откуда пришли вести о совершающихся там удивительных ритуалах. Но его родители все еще не разрешали ему совершить путешествие в Старый Свет, чего он так страстно желал.

Став совершеннолетним в апреле 1923 года и получив до этого наследство от бабушки с материнской стороны, Вард наконец-то смог отправиться в Европу. Он ничего не говорил о предполагавшемся маршруте, кроме того, что его исследования требуют посещения разных мест, но обещал регулярно и подробно писать родителям. Видя, что переубедить сына невозможно, они перестали препятствовать его намерениям и, напротив, помогли по мере сил. И вот в июне молодой человек отплыл в Ливерпуль под прощальные благословения родителей, которые проводили его до Бостона и махали платками на пирсе до тех пор, пока пароход не скрылся из виду. Письма сына сообщали о его благополучном прибытии и о том, что он нашел хорошую квартиру на Рассел-стрит в Лондоне, где и намеревался проживать, пока не изучит все интересующие его источники в Британском музее. О своей повседневной жизни он писал очень мало, очевидно, потому, что писать было нечего. Чтение и химические опыты занимали все его время, и он упоминал в письмах лабораторию, которую устроил в одной из своих комнат. Он ничего не сообщал о своих прогулках по этому замечательному городу и не описывал лондонские пейзажи с древними куполами и колокольнями, с манящей перспективой сплетающихся аллей и улиц, где за каждым поворотом можно открыть новый потрясающий пейзаж. Родители

сочли его молчание на сей счет добрым знаком, указывающим на то, в какой степени их сын был увлечен новым объектом исследований.

В июне 1924 года Вард сообщил о своем переезде из Лондона в Париж, куда он пару раз ненадолго выбирался и до этого, чтобы ознакомиться с материалами, хранящимися в Национальной библиотеке. Следующие три месяца он посылал лишь открытки с адресом на улице Сен-Жак, коротко сообщая, что занимается изучением редких рукописей в одной из частных коллекций. Он избегал знакомых, и ни один из побывавших там американских туристов не передавал Варду-старшему известий о его сыне. Затем наступила пауза, а в октябре Варды получили цветную открытку из Праги, извещавшую, что Чарльз находится в этом древнем городе, чтобы побеседовать с неким человеком весьма преклонного возраста, который предположительно был последним живым носителем уникальных сведений об открытиях средневековых ученых. Далее Чарльз отправился в Нойштадт и оставался там до января, затем прислал несколько открыток из Вены, сообщая, что находится здесь проездом по пути на восток, в небольшой городок, куда его пригласил один из корреспондентов и коллег, также изучавший оккультные науки.

Следующая открытка пришла из Клаузенбурга в Трансильвании; в ней Чарльз сообщал, что почти добрался до цели. Он собирался посетить барона Ференци, чье имение находилось в горах восточнее Ракуса, и просил писать ему туда на имя этого благородного дворянина. Еще одна открытка была получена из Ракуса, куда, по словам Варда, барон прислал за ним свой экипаж, чтобы перевезти из города в горы. Затем наступило длительное молчание. Он не отвечал на многочисленные письма родителей вплоть до мая, когда сообщил, что вынужден расстроить планы матери, желающей встретиться с ним в Лондоне, Париже или Риме в течение лета, — Варды решили также совершить поездку

в Европу. Его работа, писал Чарльз, занимает так много времени, что он не может оставить имение барона Ференци, а замок находится в таком состоянии, что вряд ли родители захотят его посетить. Он расположен на крутом склоне в горах, заросших густым лесом, и простой люд избегает этих мест, так что любому посетителю поневоле станет не по себе. Более того, сам барон не такой человек, чтобы понравиться благопристойным, консервативным пожилым жителям Новой Англии. Его вид и манеры могут внушить отвращение, и он невероятно стар. Было бы лучше, писал Чарльз, если бы родители подождали его возвращения в Провиденс, что произойдет в скором времени.

Однако вернулся он лишь в мае 1926 года. Заранее предупредив родителей несколькими открытками о своем приезде, молодой путешественник с комфортом пересек океан на корабле «Гомер» и проделал неблизкий путь из Нью-Йорка до Провиденса в автобусе, упиваясь зрелищем невысоких зеленых холмов, жадно вдыхая благоухание цветущих садов и любуясь белыми зданиями провинциальных городков Коннектикута. Впервые за последние годы он снова ощутил прелесть сельской Новой Англии. Автобус катил по Род-Айленду в золотом свете весеннего дня, и сердце молодого человека радостно забилося при въезде в Провиденс по улицам Резервуар и Элмвуд. С площади у вершины холма, там, где сходятся улицы Броуд, Вейбоссет и Эмпайер, он увидел внизу, в огненном свете заката, знакомые уютные дома, купола и острые кровли старого города. У него закружилась голова с приближением конечной станции, когда за рекой на холме показались высокий купол и зелень садов, испещренная яркими пятнами крыш, а далее — высокий шпиль старой баптистской церкви, светящийся розовым отблеском в волшебном вечернем свете на фоне едва распустившейся листвы.

Старый Провиденс! Таинственные силы долгой и непрерывной истории этого места сперва произвели его на свет,

а потом заставили оглянуться в прошлое, чтобы познать удивительные, безграничные тайны жизни и смерти. В этом городе было скрыто нечто чудесное и пугающее, и все долгие годы прилежных изысканий, все странствия явились лишь подготовкой к возвращению и долгожданной встрече с Неведомым. Такси провезло его мимо почтовой площади и старого рынка к месту, где начиналась бухта, а затем вверх по крутому извилистому подъему, к северу от которого за-сверкали в закатном зареве ионические колонны и огромный купол церкви «Христианской науки». Вот показались уютные старые имения, знакомые ему с детских лет, и причудливо выложенные кирпичом тротуары, по которым он ходил еще совсем маленьким. И наконец он увидел справа белые стены старой фермы, а слева — классический портик и фасад большого кирпичного дома, где он родился. Так, с наступлением сумерек, Чарльз Декстер Вард вернулся в отчий дом.

5

Психиатры менее консервативной школы, нежели та, к которой принадлежит доктор Лайман, связывают начало подлинного безумия Варда с его путешествием по Европе. Допуская, что Вард был совершенно здоров, когда покинул Америку, они полагают, что возвратился он уже пораженным болезнью. Однако доктор Виллет не согласен и с этим утверждением. Что-то произошло позже, упрямо твердит доктор, приписывая известные странности юноши в данный период тому, что за границей он приучился совершать определенные ритуалы, безусловно необычные, но ни в коем случае не говорящие о психических отклонениях. Чарльз Вард, значительно возмужавший и окрепший, был на первый взгляд совершенно нормальным, а при общении с Виллетом проявил самообладание и у равнове-

шенность, которые ни один безумный — даже при скрытой форме душевной болезни — не смог бы демонстрировать в течение долгого времени, как бы он ни желал притвориться здоровым. На мысль о безумии наводили лишь звуки, которые в разное время суток можно было услышать из лаборатории Чарльза, помещавшейся на чердаке. Это были монотонные заклинания, напевы и громкая декламация в необычных ритмах. И хотя все это произносилось голосом самого Варда, в характере звуков, интонациях и словах было нечто такое, отчего у невольного слушателя кровь стыла в жилах. Было замечено, что черный кот Ниг, всеми любимый и уважаемый обитатель их дома, шипел и испуганно выгибал спину, услышав определенные сочетания звуков.

Запахи, которые временами проникали из лаборатории, также были в высшей степени необычны: иногда едкие и ядовитые, они порой сменялись маняще-неуловимыми ароматами, которые, казалось, обладали какой-то волшебной силой и вызывали в уме фантастические образы. Вдыхавшие их люди говорили, что перед ними вставали, как миражи, великолепные виды — горы странной формы либо бесконечные ряды сфинксов и гиппогрифов, исчезающие в необозримом пространстве. Вард больше не предпринимал, как прежде, прогулок по городу, целиком отдавшись изучению экзотических книг, которые он привез домой, и не менее экзотическим занятиям в своем кабинете. Он объяснял, что европейские источники дали ему новый импульс и предоставили новые возможности, и обещал вскоре потрясти мир великими открытиями. Изменившееся и как-то постаревшее лицо Варда превратилось в почти точную копию портрета Карвена, висевшего в библиотеке. После разговоров с Чарльзом доктор Виллет часто останавливался перед камином, удивляясь феноменальному сходству юноши с его отдаленным предком и размышляя о том, что единственным различием между давно усопшим колдуном и молодым Вар-

дом осталось небольшое углубление над правым глазом, хорошо заметное на картине.

Любопытны были беседы доктора с его молодым пациентом, которые велись по просьбе отца Чарльза. Вард никогда не отказывался встречаться и говорить с доктором, но последний так и не смог добиться полной искренности от молодого человека: его душа была как бы замкнута в себе. Часто Виллет замечал в комнате странные предметы: небольшие изображения из воска, которые стояли на полках или на столах, полустертые остатки кругов, треугольников и пентаграмм, начерченных мелом или углем на полу в центре просторной комнаты. И по-прежнему каждую ночь звучали заклинания и напевы со странными ритмами, так что Вардам стало все труднее удерживать у себя прислугу, равно как и пресекать разговоры о безумии Чарльза.

В январе 1927 года произошел необычный инцидент. Однажды, когда около полуночи Чарльз произносил заклинание, гортанные звуки которого угрожающе звучали во всех комнатах, со стороны бухты донесся сильный порыв ледяного ветра, и все, включая соседей Вардов, ощутили слабую дрожь, сотрясавшую землю вокруг их дома. Кот метался по комнатам в ужасе, и на милое вокруг жалобно выли собаки. Это явление стало как бы прелюдией к сильной грозе, необычной для зимнего времени года, а в конце ее раздался такой грохот, что мистер и миссис Вард подумали, что в их дом ударила молния. Они бросились наверх, чтобы посмотреть, какие повреждения нанесены кровле, но Чарльз встретил их у дверей чердака, бледный, решительный и серьезный. Его лицо казалось жуткой маской, выражающей насмешливое торжество. Он заверил родителей, что гроза обошла дом стороной и ветер скоро утихнет. Они немного постояли рядом с ним и, посмотрев в окно, убедились, что Чарльз прав: молнии сверкали все дальше, и деревья больше не клонились под порывами ледяного ветра, насыщенного водяными брызгами. Гром, постепенно стихая, превра-

тился в глухой рокот, похожий на сатанинский смех, и в конце концов замер вдали. На небе снова показались звезды, а торжество на лице Чарльза Варда сменилось иным, очень странным выражением.

В течение двух месяцев после этого Чарльз проводил в своей лаборатории значительно меньше времени. Он проявлял доселе ему не свойственный интерес к погоде и без особых причин расспрашивал, когда в этих местах оттаивает земля. Однажды ночью в конце марта он ушел из дома после полуночи и вернулся только утром. Его мать, не спавшая все это время, услышала звук мотора у задней двери, где обычно сгружали провизию. Можно было различить спорящие голоса и приглушенные ругательства; миссис Вард, встав с постели и подойдя к окну, увидела четыре темные фигуры, под присмотром Чарльза снимавшие с грузовика длинный и явно тяжелый ящик, который они внесли в заднюю дверь. Она услышала тяжелое дыхание грузчиков, гулкие шаги и, наконец, глухой удар на чердаке, словно на пол поставили что-то очень тяжелое; после этого шаги раздались снова, и четверо мужчин, выйдя из дома, уехали на своей машине.

На следующее утро Чарльз снова заперся на чердаке, задернул темные шторы на окнах лаборатории и, судя по звуку, работал с чем-то металлическим. Он никому не открывал дверь и отказывался от еды. Около полудня послышался шум, словно Вард боролся с кем-то, потом ужасный крик и удар. На пол упало что-то тяжелое, но, когда миссис Вард постучала в дверь, сын ответил ей слабым голосом и сказал, что ничего не случилось. Неопишимо отвратительная вонь, доносившаяся из-за двери, как сказал Чарльз, совершенно безвредна, но, к сожалению, этого нельзя избежать. Он непременно должен пока оставаться один, но к обеду выйдет. И действительно, к вечеру, когда прекратились странные шипящие звуки, слышимые сквозь запертую дверь, он наконец появился, изможденный и как будто разом постарев-

ший, и запретил кому бы то ни было под любым предлогом входить в лабораторию. С этого времени начался новый период затворничества Варда — никому не разрешалось посещать ни лабораторию, ни соседнюю с ней кладовую, которую он обставил самой необходимой мебелью и приобрел к своим владениям в качестве спальни. Здесь он постоянно находился, изучая книги, которые велел принести из расположенной этажом ниже библиотеки, пока не приобрел деревянный коттедж в Потаксете и не перевез туда все свои научные книги и инструменты.

Тем же вечером Чарльз поспешил вынуть из ящика газеты и якобы случайно оторвал часть страницы. Позднее Виллет, установив дату по свидетельству домочадцев, просмотрел тот выпуск «Джорнал» в редакции и установил, что на оторванном Вардом куске была помещена заметка следующего содержания:

**«ПРОИСШЕСТВИЕ НА СЕВЕРНОМ КЛАДБИЩЕ.
ПОХИТИТЕЛЕЙ ТРУПОВ ЗАСТАЛИ ВРАСПЛОХ**

Роберт Харт, ночной сторож на Северном кладбище, застал врасплох этим утром в самой старой части кладбища группу людей, приехавших на грузовой машине, и, по всей вероятности, спугнул их прежде, чем они смогли совершить задуманное.

Около четырех часов ночи внимание Харта, находившегося у себя в сторожке, привлек звук мотора. Выйдя, чтобы посмотреть, что происходит, он увидел большой грузовик на главной аллее кладбища на расстоянии примерно ста метров, но не смог незаметно приблизиться к машине, так как неизвестные услышали звук его шагов на покрытой гравием дорожке. Они поспешно погрузили в кузов грузовика большой ящик и так быстро выехали с территории кладбища, что сторож не успел их задержать. Поскольку ни одна зарегистрированная и известная сторожу могила не была разрыта, Харт считает, что они хотели закопать привезенный ими ящик.

Гробокопатели, по всей вероятности, провели на кладбище долгое время, прежде чем их заметил сторож, потому что Харт нашел глубокую яму, вырытую на значительном расстоянии от главной аллеи, на дальнем краю кладбища, называемом Амос-Филд, где уже давно не осталось никаких памятников или надгробий. Яма, размеры которой соответствуют размерам обычной могилы, была пуста. Согласно регистрационным книгам кладбища, где отмечены погребения за последние пятьдесят лет, там нет никакого захоронения.

Сержант Рили из Второго полицейского участка осмотрел место происшествия и выразил предположение, что яма была вырыта бутлегерами, которые с присущими им изобретательностью и цинизмом пытались устроить тайный склад спиртных напитков в таком месте, где его вряд ли станут искать. При допросе Харт сказал, что грузовик направился в сторону Рошамбо-авеню, хотя он в этом не совсем уверен».

В течение нескольких последующих дней родители Варда почти не видели сына. Чарльз заперся в своей спальне и велел приносить еду наверх, оставляя ее у двери чердака. Он не открывал дверь, чтобы взять поднос, не убедившись, что слуги ушли. Время от времени раздавались монотонные звуки заклинаний и ритуальные песнопения, иногда можно было различить звон стекла, характерное шипение, сопровождающее химические реакции, шум текущей воды или рев газовой горелки. Через дверь часто просачивались запахи, совершенно непохожие на прежние, а напряженный и обеспокоенный вид отшельника в тех редких случаях, когда он покидал свое убежище, наводил на самые грустные размышления. Однажды он торопливо направился в «Атенеум» за какой-то книгой, а в другой раз нанял человека, который должен был привезти ему из Бостона какой-то редкий манускрипт. В доме установилась атмосфера тревожного ожидания; доктор Виллет и родители Чарльза пребывали в растерянности, не зная, как поступать в такой ситуации.

Затем пятнадцатого апреля произошла существенная перемена. Казалось, внешне все оставалось по-прежнему, но напряженность возросла и стала почти нестерпимой, что особо отмечает доктор Виллет. Была Страстная пятница — данный факт показался немаловажным суеверной прислуге, но остальные домочадцы сочли его простым совпадением. К вечеру молодой Вард начал повторять некую формулу необычайно громким голосом, одновременно сжигая какое-то вещество, обладающее настолько пронзительным запахом, что он распространился по всему дому. Хотя дверь чердака была заперта, слова формулы были так ясно слышны в холле, что миссис Вард, прислушиваясь в беспокойном ожидании, запомнила их и позже записала по просьбе доктора Виллета. Знающие люди сказали доктору, что это заклинание почти буквально совпадает с тем, что можно найти в мистических откровениях Элифаса Леви, впервые приподнявших запретный покров и позволивших заглянуть в лежащую за ним страшную бездну:

Per Adonai Eloim, Adonai Jehova,
Adonai Sabaoth, Metraton On Agla Mathon,
verbum pythonicum, mysterium salamandrae,
conventus sylvorum, antra gnomorum,
daemonia Coeli God, Almonsin, Gibor, Jehosua,
Evam, Zariatnatmik, veni, veni, veni!

Заклинаю именами Адонай Элохим, Адонай Йегова,
Адонай Саваоф, Метратон Он Агла Матон,
словом змеиным питона, тайной саламандры,
дуновением сильфов, тяжестью гномов,
небесных демонов Божество, Альмонсин, Гибор, Йехошуа,
Эвам, Зариатнатмик, приди, приди, приди!

Заклинание звучало два часа без изменений или перерывов, и все это время в округе не умолкал ужасающий вой собак. О поднятом ими адском шуме можно судить по сообщениям газет, вышедших на следующий день, но в доме

Вардов его почти не слышали, задыхаясь от невыносимой вони. И в этой пропитанной жутким зловонием атмосфере вдруг что-то блеснуло подобно молнии, ослепительной даже при ярком дневном свете, а затем послышался голос, который не суждено забыть тем, чьих ушей он коснулся, ибо звук его напоминал дальний раскат грома, неимоверно низкий и жуткий, ничем не похожий на речь Чарльза. Дом содрогнулся до основания, и голос этот, заглушивший громкий вой собак, услышали все соседи Вардов. Миссис Вард, стоявшая за дверью лаборатории, задрожала, припомнив, что говорил ей сын в прежние дни о голосе, словно исходящем из самой преисподней, о котором со страхом повествуют древние мистические книги. Она вспомнила также рассказ Феннера о том, как прогремел этот голос над обреченной на гибель фермой в Потаксете в ту ночь, когда был убит Джозеф Карвен. Чарльз даже назвал ей слова, которые произнес голос. Он нашел то заклинание в одной из бумаг Карвена: «ДИЕС МИЕС ЙЕСХЕТ БОЭНЕ ДОЭСЕФ ДОУВЕМА ЭНИТЕМОС».

Сразу после того, как прозвучал громовой голос, на мгновение воцарилась кромешная тьма, хотя солнце должно было зайти только через час, потом вокруг распространился новый запах, отличный от первого, но такой же странный и нестерпимо зловонный. Чарльз снова запел заклинания, и миссис Вард сумела расслышать некоторые слоги, которые звучали как «Йи-нэш-Йог-Сотот-хе-лгеб-фи-тродог», а в конце раздалось оглушительно «Йа!», завершившееся воем, который постепенно перешел в истерический сатанинский смех. Миссис Вард, в душе которой страх боролся с беззаветной отвагой матери, защищающей свое дитя, подошла к двери и постучала, но не получила никакого ответа. Она постучала еще раз, но в ужасе замерла, когда раздался новый вопль; на этот раз она узнала голос сына, *который звучал одновременно со взрывами дьявольского смеха*. Тут бедная женщина лишилась чувств и не помнит, что произо-

шло дальше. К счастью, человеку дарована возможность забыть.

Мистер Вард вернулся домой в четверть седьмого и, не найдя жену в столовой, стал расспрашивать испуганных слуг, которые сказали ему, что она, вероятно, находится у чердачной двери, откуда исходили звуки еще более странные, чем прежде. Мистер Вард немедленно поднялся наверх, где и нашел жену, лежавшую на полу в коридоре перед дверью лаборатории. Поняв, что она лишилась чувств, он схватил стакан с водой, стоявший рядом в нише. Брызнув холодной водой ей в лицо, Вард убедился, что она приходит в сознание, и немного успокоился. Но в то же самое время, когда миссис Вард открыла глаза, с ужасом вспоминая происшедшее, он сам едва не упал в обморок, от которого только что очнулась его супруга. Ибо в лаборатории слышался негромкий разговор, словно два человека вели беседу, и, хотя разобрать слова было невозможно, тон этой беседы не мог не внушать глубокое беспокойство.

Чарльз и раньше подолгу произносил вполголоса различные формулы, но теперь все было иначе. Это был явный диалог или имитация диалога, в котором перемежались вопросы и ответы, произносимые разными голосами. Один из них бесспорно принадлежал Чарльзу, вторым же был густой и гулкий бас, какого никогда не слышали от Чарльза даже во время его исступленных ритуальных песнопений. В этом голосе было что-то отвратительное и неестественное; еще немного — и Теодор Хоуленд Вард больше не смог бы с гордостью утверждать, что ни разу в жизни не падал в обморок. Но тут миссис Вард приоткрыла глаза и громко вскрикнула. Мистер Вард, вспомнив, что он прежде всего должен позаботиться о супруге, подхватил ее и понес вниз, но перед самым уходом все же успел расслышать слова, от которых покачнулся и едва не потерял равновесие. Ибо крик миссис Вард, по всей вероятности, был услышан не только им. Невнятный диалог за дверью прервался, и голос, несо-

мненно принадлежавший Чарльзу, произнес тревожно: «Шшшш! Записывайте!»

После обеда супруги долго совещались, и мистер Вард решил тем же вечером серьезно поговорить с сыном. Как бы ни были важны занятия Чарльза, такое поведение представлялось совершенно недопустимым; последние события поставили на грань нервного срыва всех обитателей дома. Юноша, очевидно, совсем потерял рассудок: только безумие могло послужить причиной диких криков и разговоров с самим собой разными голосами. Все это следовало прекратить немедленно, иначе миссис Вард могла серьезно заболеть, а слуги уже настроились бежать прочь из этого дома.

После ужина мистер Вард решительно отправился в лабораторию Чарльза. Однако на третьем этаже он остановился, услышав звуки, доносящиеся из давно уже пустовавшей библиотеки сына. Казалось, кто-то раскидывал книги и шуршал бумажными листами. Переступив порог, мистер Вард застал в комнате Чарльза, торопливо собиравшего нужный ему материал, среди которого были записи и самые различные издания. Чарльз казался сильно похудевшим и изможденным. Увидев отца в дверях комнаты, он уронил на пол всю охапку, словно его застали врасплох за чем-то недозволенным. Когда отец велел ему сесть, он повиновался и некоторое время молча внимал заслуженным упрекам. С его стороны не последовало никаких возражений. Выслушав отца, он признал его правоту, согласившись с тем, что странные разговоры на разные голоса, громкая декламация, пение заклинаний, а также зловоние от химических опытов непростительны и мешают всем домочадцам. Чарльз обещал, что больше этого не повторится и он будет вести себя спокойно, но настаивал, чтобы и дальше никто не нарушал его уединения. Во всяком случае, большая часть его дальнейших исследований, говорил Чарльз, требует работы над книгами, а для совершения различных ритуалов, если это понадобится на более поздней стадии, он сможет найти дру-

гое место. Он выразил глубокое сожаление, узнав, что его матушка потеряла от страха сознание, и объяснил, что услышанный ими разговор был частью сложного символического ритуала, предназначенного для создания определенной эмоциональной атмосферы. Мистера Варда поразило, что он употреблял странные, по-видимому, очень древние термины для обозначения химических веществ, очевидно, бывшие в ходу у знатоков алхимии. Из разговора с сыном мистер Вард вынес впечатление, что тот совершенно здоров психически и полностью владеет собой, хотя кажется подавленным и напряженным. В общем, встреча была совершенно безрезультатной, и, когда Чарльз, собрав свои книги и документы, вышел из комнаты, мистер Вард не знал, что и подумать. Все это было столь же загадочно, как и внезапная смерть бедного старого кота Нига, чье околевшее тело с выпученными глазами и оскаленной в пароксизме страха пастью было часом ранее обнаружено в подвале дома.

В отчаянной попытке докопаться до истины мистер Вард осмотрел полупустые библиотечные полки, дабы выяснить, что взял с собой Чарльз. Книги в его библиотеке всегда стояли в строгом порядке, так что, взглянув на полки, можно было сразу сказать, какие из них отсутствуют. Мистер Вард был удивлен, что все труды по оккультным наукам и древним культурам, кроме тех, что были взяты раньше, стоят на своих местах. Зато опустели полки, где помещались современные работы по новой истории, точным наукам, географии и философии, а также позднейшая литература и подшивки газет и журналов за последние годы. Похоже, давно установившийся круг чтения Чарльза изменился самым радикальным образом, что лишь усугубило недоумение его родителя. Чувство неправдоподобности происходящего было столь явственным, что ощущалось физически — как будто невидимые когтистые лапы сдавили ему грудь. Причем на сей раз изменения были зримы и осязаемы. С того момента, как Вард переступил порог этой комнаты, его

не покидало чувство, будто здесь чего-то не хватает, и теперь он содрогнулся, найдя ответ.

Резной камин из дома на Олни-Корт был невредим; несчастье произошло с тщательно отреставрированным портретом Карвена. Видимо, время и перепады температур все-таки сделали свое дело: краска, отстав от дерева, облупилась, сжалась в тугие катышки и наконец осыпалась напрочь. Портретный Джозеф Карвен больше никогда не будет пристально наблюдать со своего возвышения за юношей, на которого он так походил. То, что от него осталось, лежало на полу, превратившись в тонкий слой мелкой голубовато-серой пыли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ И БЕЗУМИЕ

1

На протяжении недели после той памятной Страстной пятницы Чарльза Варда видели чаще, чем обычно: он был занят переноской книг из своей библиотеки на чердак. Держался он спокойно, и в его действиях не было ничего неестественного, но при этом он имел какой-то затравленный вид, очень не понравившийся миссис Вард. Одновременно у молодого человека пробудился воистину зверский аппетит, судя по заказам, которые стал получать от него повар. Доктору Виллету рассказали о событиях той пятницы, и на следующей неделе, во вторник, он долго разговаривал с Чарльзом в библиотеке, где теперь уже отсутствовал портрет Карвена. Беседа снова ни к чему не привела, но доктор Виллет мог поклясться, что Вард тогда был совершенно таким же, как обычно. Он обещал, что вскоре откроет свою тайну, и говорил, что ему необходимо иметь еще одну лабораторию вне дома. Об утрате портрета он почти не жалел, что было удивительно, учитывая, как восторженно он относился к своей находке прежде. Более того, он даже посмеивался над тем, что краска на картине столь внезапно растрескалась и осыпалась.

Со следующей недели Чарльз стал надолго отлучаться из дома. Старая негритянка Ханна, придя к Вардам помочь при ежегодной весенней уборке, рассказала, что юноша часто посещает старинный дом на Олни-Корт, куда приходит с большим баулом в руках и подолгу возится в подвале. Он

был очень добр к ней и старому Эйзе, но казался еще более беспокойным, чем всегда, и это очень расстраивало старуху, которая знала его с колыбели. Новые известия о Чарльзе пришли из Потаксета, где друзья Вардов видели его чуть ли не каждый день. Он зачастил в небольшой курортный поселок — Родос-на-Потаксете — и всякий раз отправлялся на лодке к дальней и пустынной излучине реки, вдоль которой, высадившись на берег, шел в северном направлении и возвращался лишь спустя долгое время.

В конце мая на чердаке дома Вардов вновь раздались ритуальные песнопения и заклинания, что вызвало резкие упреки мистера Варда. Довольно рассеянным тоном Чарльз обещал прекратить их. Однажды утром повторился разговор молодого Варда с воображаемым собеседником, такой же, как в ту злосчастную Страстную пятницу. Чарльз уговаривал и горячо спорил сам с собой; слышались возмущенные возгласы, словно принадлежащие двум разным людям, один из которых что-то настойчиво требовал, а второй отказывался. Миссис Вард взбежала по лестнице на чердак и прислушалась. Стоя у запертой двери, она смогла различить лишь обрывок фразы: «...три месяца нужна кровь». Когда миссис Вард постучала в дверь, все стихло. Позже мистер Вард стал расспрашивать Чарльза, и тот сказал, что произошел некий «конфликт в разных сферах сознания», которого можно избежать, лишь обладая большим искусством, но он постарается это сделать.

В середине июня произошел еще один странный случай. Вечером из лаборатории послышались шум и топот. Мистер Вард решил пойти посмотреть, в чем дело, но шум внезапно прекратился. Когда все уснули, а лакей запирал на ночь входную дверь, у подножия лестницы вдруг появился Чарльз, нетвердо державшийся на ногах, с большим чемоданом. Он сделал лакею знак, что хочет покинуть дом. Молодой человек не сказал ни слова, но лакей — респектабельный йорк-

ширец — посмотрел ему в глаза и вздрогнул без всякой видимой причины. Он отпер дверь, и молодой Вард вышел. Утром лакей сообщил о происшедшем матери Чарльза. По его словам, было что-то дьявольское во взгляде, которым тот его окинул. Молодые джентльмены не смотрят так на честных слуг, и он не желает более ни дня оставаться в этом доме. Миссис Вард рассчитала лакея, не обратив особого внимания на его слова. Утверждение о ночном уходе Чарльза было просто нелепостью — в ту ночь она долго не могла уснуть и все это время слышала слабые звуки, доносившиеся из лаборатории, которая была прямо над ней: Чарльз беспокоило ходил по комнате, глубоко вздыхал и даже как будто рыдал, словно человек, погруженный в самую бездну отчаяния. Миссис Вард давно уже завела привычку прислушиваться по ночам, глубоко обеспокоенная зловещими тайнами, окружавшими ее сына.

На следующий вечер, как и три месяца назад, Чарльз Вард первым взял из почтового ящика газету и якобы случайно потерял где-то одну из страниц. Это вспомнили позже, когда доктор Виллет попытался связать разрозненные факты в одно целое. В редакции «Джорнал» он просмотрел страницу, утерянную Чарльзом, и нашел там две заметки.

«СНОВА ГРОБОКОПАТЕЛИ

Сегодня утром Роберт Харт, ночной сторож на Северном кладбище, стал свидетелем того, что похитители трупов снова принялись за свое страшное дело в самой старой части кладбища. Могила Эзры Видена, родившегося в 1740 и умершего в 1824 году, как было начертано на его извлеченном из земли и варварски разбитом каменном надгробии, разрыта и опустошена. Это было, по всей вероятности, проделано с помощью лопаты, украденной из соседней сторожки.

Каково бы ни было содержимое могилы после более чем столетнего пребывания в земле, все это исчезло, кроме не-

скольких полусгнивших щепок. Отпечатков колес не замечено, но полицией найдены вблизи от этого места следы одного человека, очевидно мужчины из высших слоев общества, так как он был обут в модные остроносые туфли.

Харт склонен связывать это событие со случаем, происшедшим в марте, когда он спугнул группу людей, приехавших на грузовике, которые успели вырыть глубокую яму; однако сержант Райли из Второго участка опровергает эту версию, указывая на коренное различие между двумя происшествиями. В марте раскопки производились там, где, как известно, не было никаких могил; в последнем же случае явно целенаправленно и злонамеренно разрыта отмеченная во всех записях могила и варварски разрушено надгробие, находившееся до настоящего времени в прекрасном состоянии.

Потомки Видена, которым сообщили о случившемся, выразили свое удивление и глубокое сожаление. Они совершенно не могут себе представить, чтобы нашелся человек, питающий такую смертельную ненависть к их предку, чтобы пойти на осквернение его могилы. Хэзард Виден, проживающий на Энджел-стрит, 598, вспомнил семейную легенду, гласящую, что Эзра Виден незадолго до Революции участвовал в каком-то таинственном предприятии, впрочем, отнюдь не задевающим его честь. Однако он не смог припомнить никакого нынешнего врага его семьи или какую-то связанную с ней тайну. Расследование дела поручено инспектору Каннингему, и есть надежда, что в ближайшем будущем мы узнаем что-нибудь определенное».

«ЛАЙ СОБАК БУДИТ ЖИТЕЛЕЙ ПОТАКСЕТА

Сегодня ночью, около трех часов, жители Потаксета были разбужены необыкновенно громким лаем и воем собак, который начался в местах, расположенных у реки, к северу от Родоса-на-Потаксете. Как утверждают люди, живущие

поблизости, собаки были на редкость громко и страшно. Фред Лемдин, ночной сторож из Родоса, заявляет, что к этому вою примешивалось что-то очень похожее на крики до смерти перепуганного человека. Сильная, но кратковременная гроза, разразившаяся неподалеку от берега реки, положила конец шуму. Люди связывают с этим происшествием омерзительное зловоние, распространившееся, очевидно, от нефтехранилищ, расположенных вдоль берегов бухты. Возможно, именно это зловоние повлияло на поведение собак».

Чарльз худел и становился все беспокойнее, и, оглядываясь назад, все пришли к общему мнению, что в то время он хотел сделать какое-то заявление или в чем-то признаться, но воздерживался от этого из страха. Миссис Вард, полубольная от постоянного нервного напряжения, прислушиваясь по ночам к малейшему шороху, выяснила, что он часто совершает вылазки под покровом темноты, и в настоящее время большая часть психиатров склонна винить Чарльза Варда в отвратительных актах вампиризма, которые в то время были поданы прессой как главная сенсация, но так и остались нераскрытыми, поскольку маньяк не был найден. Жертвами этих преступлений, слишком известных, чтобы рассказывать о них подробно, становились люди разного пола и возраста. Они совершались в двух местах: на холме в северной части города, близ дома Варда, и в предместье напротив станции Кренстоун, недалеко от Потаксета. Нападали как на запоздалых прохожих, так и на неосторожных, спящих с открытыми окнами жителей, и все оставшиеся в живых рассказывают о тонком, гибком чудовище с горящими глазами, которое набрасывалось на них, вонзало зубы в шею или руку и жадно пило кровь.

Доктор Виллет, не согласный с тем, что безумие Варда началось в этот период, проявляет большую осторожность

при объяснении всех этих ужасов. Он заявляет, что имеет собственную точку зрения на сей счет, и, не говоря ничего определенного, ограничивается утверждениями о непричастности Чарльза Варда к диким преступлениям. «Не буду говорить о том, — заявляет он, — кто или что, по моему мнению, совершало эти нападения и убийства, но настаиваю, что Чарльз Вард в них неповинен. У меня есть причины быть уверенным в том, что Чарльз никогда не был вампиром, и лучшим доказательством тому явились его прогрессирующее малокровие и ужасающая бледность. Вард забавлялся очень опасными вещами и дорого заплатил за это, но он никогда не был чудовищем и злодеем. Сейчас мне не хочется думать о подобных вещах. Мы были свидетелями резкой перемены в нем, и мне хочется верить, что прежний Чарльз Вард умер в тот час, когда это случилось. Как бы то ни было, душа его умерла, ибо безумный сгусток плоти, который исчез из своей комнаты в больнице Вейта, имел совсем другую душу».

К словам Виллета стоит прислушаться: он часто посещал дом Вардов, занимаясь лечением миссис Вард, заболевшей нервным расстройством от постоянного напряжения. Бессонные ночи, когда она с трепетом прислушивалась к доносившимся сверху звукам, вызвали у нее болезненные галлюцинации, о которых она, после долгих колебаний, поведала доктору. Тот успокоил ее, но серьезно задумался над услышанным. Ей казалось, что она слышит глухие рыдания и вздохи в лаборатории и спальне сына наверху. В начале июня доктор Виллет рекомендовал миссис Вард поехать в Атлантик-Сити на неопределенное время и как следует отдохнуть, решительно предупредив как мистера Варда, так и исхудавшего и старавшегося избегать его Чарльза, чтобы они писали ей только веселые и ободряющие письма. Вероятно, этой рекомендации доктора она сейчас обязана тем, что сохранила жизнь и душевное здоровье.

Через некоторое время после отъезда матери Чарльз решил купить дом в Потаксете. Это было небольшое деревянное здание, коттедж с бетонным гаражом, высоко на склоне почти незаселенного речного берега над курортным городком. По причинам, известным лишь ему одному, молодой Вард желал приобрести именно его. Он не давал покоя агентствам по продаже недвижимости, пока они не купили для него этот дом, преодолев сопротивление прежнего владельца, не устоявшего перед несообразно высокой ценой. Как только дом освободился, Чарльз переехал в него, погрузив в большую закрытую машину все содержимое своей лаборатории, в том числе книги из библиотеки, как старинные, так и современные. Он отправился в Потаксет в самую темную пору ночи, и мистер Вард припоминает, как сквозь сон слышал приглушенные ругательства рабочих и громкий топот, когда они спускались по лестнице. По возвращении в город Чарльз переселился в свои старые покои на третьем этаже и никогда больше не поднимался на чердак.

Дом в Потаксете сталместилищем всех секретов, которые прежде таились в лаборатории. Чарльз все так же жил отшельником, но теперь его одиночество разделяли двое: разбойничьего вида португалец с примесью негритянской крови — бродяга с набережной Саут-Мейн-стрит, выполнявший обязанности слуги; и худощавый незнакомец, по виду ученый, в черных очках, с густой и длинной бородой, которая выглядела как приклеенная, — по всей видимости, коллега Чарльза. Соседи тщетно пытались вовлечь в разговор этих странных субъектов. Мулат, которого звали Гомес, почти не говорил по-английски, а бородатый приятель Варда, называвший себя доктором Алленом, был крайне неразговорчив. Сам Вард пытался общаться с местными жителями, но лишь вызывал их недоброжелательное любопытство

своими рассказами о сложных химических опытах. Сразу же начались разговоры о том, что в доме всю ночь горит свет; немного позже, когда это внезапно прекратилось, появились еще более странные слухи о том, что Вард заказывает у мясника целые туши, что из дома раздаются приглушенные крики, декламация, песнопения или заклинания и вопли, словно выходящие из какого-то глубокого подземья. Само собой разумеется, достойные буржуа, обитавшие по соседству, сильно невзлюбили новых подозрительных жильцов, и неудивительно, что делались довольно прозрачные намеки на их возможную связь с многочисленными случаями вампиризма и убийств, особенно с тех пор, как они распространились, словно эпидемия, исключительно в Потаксете и прилегающих к нему районах Эджвуда.

Вард большую часть времени проводил в Потаксете, лишь изредка ночуя в родительском доме, который считался его официальным местом проживания. Дважды он на целую неделю уезжал из города неведомо куда. Он становился все бледнее, катастрофически худел и лишился прежней уверенности в себе, что доктор Виллет не преминул отметить, в очередной раз выслушав старую историю о важных исследованиях и будущих открытиях. Виллет не раз пытался подстеречь молодого человека в доме его отца, который старался сделать так, чтобы за его сыном хоть как-то присматривали, насколько это было возможно в данном случае, ибо Чарльз уже стал совершеннолетним и к тому же обладал очень скрытным и независимым характером. Ныне доктор настаивает, что молодой человек даже тогда был совершенно здоров психически, и приводит в доказательство содержание их тогдашних бесед.

К сентябрю «эпидемия вампиризма» сошла на нет, но в январе Чарльз едва не оказался замешанным в крупных неприятностях. Люди уже некоторое время поговаривали о таинственных ночных караванах грузовиков, прибывающих к Варду в Потаксет, и вот однажды случайно откры-

лось, какого рода грузы они доставляли. В безлюдном месте близ Ноуп-Вэлли налетчики подстерегли один из таких караванов, думая, что в машинах находится спиртное, но на этот раз им суждено было испытать настоящий шок. Ибо длинные ящики, захваченные и сразу же открытые ими, содержали поистине страшные вещи — настолько страшные, что не выдержали нервы даже у отпетых головорезов. Похитители спешно закопали свои находки, но когда о случившемся узнали в полиции штата, было проведено тщательное расследование. Один из задержанных бандитов, которому пообещали не предъявлять каких-либо дополнительных обвинений, согласился показать полицейским место, где было зарыто захваченное; и в сделанном наспех захоронении были найдены поистине ужасные предметы. Опубликование результатов этой операции могло иметь крайне неприятный резонанс в национальном — или даже международном — масштабе; по такому поводу в Вашингтон было с лихорадочной поспешностью отправлено несколько телеграмм.

Ящики были адресованы Чарльзу Варду в Потаксет, и представители как местной, так и федеральной полиции, доставив в участок всех обитателей коттеджа, подвергли их строгому допросу. Чарльз и его спутники выглядели испуганными, однако полиция получила от хозяина дома объяснения, которые, казалось, полностью его оправдывали. Ему якобы потребовались некоторые анатомические образцы для научных исследований, глубину и важность которых могут подтвердить все, знавшие его в последние десять лет, и он заказал необходимые объекты в нужном ему количестве в агентствах, которые, как он полагал, действовали вполне законным порядком. Откуда взяты эти образцы, ему абсолютно неизвестно. Вард казался потрясенным, когда инспектор намекнул на то, какое чудовищное впечатление произведет на публику известие о находках и насколько все это повредит национальному престижу. Показания Чарльза

были полностью подтверждены его коллегой, доктором Алленом, чей странный гулкий голос звучал гораздо более убедительно, нежели нервный, срывающийся голос Варда. В конце концов полиция оставила дело без последствий, но ее сотрудники тщательно записали нью-йоркский адрес агентства и его владельца. Дальнейшее расследование ни к чему не привело. Остается лишь добавить, что «образцы» были поспешно и в полной тайне возвращены на прежнее место, и никто так и не узнал об этом богопротивном осквернении памяти усопших.

Десятого февраля 1928 года доктор Виллет получил от Чарльза Варда письмо, которое считает исключительно важным и часто спорит на эту тему с доктором Лайманом. Последний считает письмо убедительным доказательством того, что они столкнулись с характерным случаем «*dementia praecox*» — быстро прогрессирующей острой душевной болезнью. Виллет же считает, что это последние слова несчастного юноши, написанные им в здравом уме. Он обращает особое внимание на характер почерка, хотя и неровного, но несомненно принадлежащего Варду. Вот полный текст этого письма:

*100 Проспект-стрит,
Провиденс, Р. И.
8 марта 1926 г.*

Дорогой доктор Виллет!

Я чувствую, что наконец пришло время сделать признание, с которым я медлил, несмотря на Ваши просьбы. Я никогда не перестану ценить терпение, с которым Вы его ожидали, и доверие, с которым Вы отнеслись ко мне как к человеку и пациенту.

Я должен, к сожалению, признать, что никогда не дождусь триумфа, о котором мечтал. Вместо него я добился лишь встречи с гибельным ужасом, и мои слова, обращен-

ные к Вам, будут не победным кличем, а мольбой о помощи: посоветуйте, как спасти не только меня, но и весь мир от чудовищной опасности, которую не может себе представить человеческий разум. Вспомните, что говорится в письмах Феннера о рейде на ферму в Потаксете. Это нужно сделать снова, и как можно скорее. От нас зависит больше, чем можно выразить словами, — вся цивилизация, все законы природы, может быть, даже судьба всей Солнечной системы и всего мироздания. Я вызвал к жизни страшного монстра, но сделал это лишь во имя науки. А сейчас во имя жизни человечества и всей Земли вы должны помочь мне загнать чудовище в те черные бездны, откуда оно явилось.

Я покинул то место в Потаксете, и мы должны извлечь оттуда все, что в нем находится, — живым или мертвым. Я никогда не вернусь туда, и вы не должны верить, если кто-нибудь скажет, будто видел меня там. Подробнее объяснимся при встрече. Я вернулся домой навсегда и хотел бы, чтобы вы посетили меня сразу же, как только у вас появятся пять-шесть свободных часов, чтобы вы смогли выслушать мое сообщение. Это займет довольно много времени — и поверьте мне, никогда еще ваш профессиональный долг не призывал вас с такой настоятельной необходимостью, как сейчас. На карту поставлено значительно больше, чем рассудок или даже моя жизнь.

Я не рискну рассказать обо всем отцу; вряд ли он поймет, о чем идет речь. Но я признался ему, что мне угрожает опасность, и он нанял четырех детективов, которые следят за нашим домом. Не уверен, что они смогут помочь, потому что им придется иметь дело с силами, само существование которых покажется невероятным даже вам. Итак, приходите скорее, если хотите застать меня в живых и услышать, как избавить все мироздание от адского заговора.

Приходите в любое время: я не намерен покидать дом. Заранее не звоните, потому что трудно сказать, кто или

что попытается перехватить вас. Будем молиться всем богам, чтобы ничто не помешало нашей встрече.

Я в полном отчаянии.

Чарльз Декстер Вард.

P. S. Если увидите доктора Аллена, застрелите его немедленно и бросьте тело в кислоту, чтобы от него ничего не осталось. Не сжигайте его.

Доктор Виллет получил это письмо примерно в десять тридцать утра и тотчас устроил так, чтобы у него оказались свободными вторая половина дня и весь вечер для разговора, который мог, если необходимо, продолжаться до поздней ночи. Он собирался прийти к Вардам примерно в четыре часа пополудни и оставшиеся до этого часы провел в беспокойстве, строя самые невероятные догадки. Человеку постороннему могло показаться, что это послание написано маньяком, но доктор Виллет был слишком хорошо осведомлен о странных вещах, которые происходили с Чарльзом, и был далек от того, чтобы считать его слова бредом безумца. Он был уверен, что в этом деле и вправду присутствует нечто таинственное и чудовищное, возникшее из глубины веков, а упоминание доктора Аллена сразу же пробудило в памяти Виллета все разговоры, что велись в Потаксете относительно загадочного компаньона Чарльза. Доктор никогда не видел этого человека, но много слышал о его внешности и поведении и не мог не задумываться над тем, что скрывают никогда не снимаемые им на людях непроницаемо-черные очки.

Ровно в четыре часа доктор Виллет явился в дом Вардов, но с раздражением и беспокойством услышал, что Чарльз не сдержал своего обещания остаться дома. По словам дежуривших у дома детективов, молодой человек вроде бы преодолел свои прежние страхи. Утром он долго разговаривал по телефону, спорил и, по всей видимости, отказывался вы-

полнить то, что требовал его собеседник. Один из детективов расслышал слова: «Я очень устал и хочу немного отдохнуть», «Извините меня, но я сегодня не могу никого принять», «Пожалуйста, отложите решительные действия, пока мы не придем к какому-нибудь компромиссу» — и наконец: «Мне очень жаль, но я должен от всего совершенно отойти на некоторое время. Я поговорю с вами позже». Потом, очевидно подумав и набравшись храбрости, он выскользнул из дома так тихо, что никто не заметил его ухода. Около часа дня Чарльз вернулся и прошел внутрь, не говоря ни слова. Он поднялся наверх, вошел в библиотеку, и там что-то его сильно испугало: все услышали вопль ужаса, который перешел в какие-то булькающие звуки, словно молодого человека душили. Однако, когда туда поднялся лакей, чтобы проверить, все ли в порядке, Чарльз с дерзким и надменным видом встал в дверях и молча отослал слугу жестом, от которого тому стало не по себе. Позднее молодой Вард, по всей вероятности, что-то переставлял у себя на полках: в течение некоторого времени слышался топот, звуки передвигаемых тяжелых предметов, грохот и треск дерева, после чего он вышел из библиотеки и сразу же покинул дом. Виллет осведомился, не велел ли Чарльз что-нибудь передать ему, но услышал отрицательный ответ. Лакей был обеспокоен видом и поведением Чарльза и заботливо осведомился у доктора, есть ли надежда вылечить молодого человека от нервного расстройства.

Без малого два часа доктор Виллет напрасно прождал Чарльза в его библиотеке, оглядывая пыльные полки с зияющими пустотами в тех местах, откуда были вынуты книги, и мрачно улыбаясь при виде камина, с панели которого всего год назад на него безмятежно взирал старый Джозеф Карвен. Через некоторое время в комнате сгустились тени, и живые цвета солнечного заката уступили место жутковатому полумраку — вестнику наступающей ночи. Наконец явился Вард-старший, который выразил удивление и гнев

по поводу отсутствия сына, для охраны которого он приложил столько усилий. Отец не знал, что Чарльз пригласил доктора Виллета, и обещал известить его тотчас по возвращении сына. Прощаясь, мистер Вард выразил крайнее беспокойство состоянием здоровья Чарльза и умолял доктора сделать все возможное, чтобы юноша вернулся к нормальному образу жизни. Виллет был рад покинуть библиотеку, ибо в тамошней атмосфере ощущалось присутствие чего-то омерзительного и нечистого, словно дух сгинувшего портрета все еще витал в этих стенах. Доктору никогда не нравилась эта картина, и даже теперь, когда портрет исчез, этому человеку с весьма крепкими нервами все время чудилось за гладкой панелью чье-то незримое присутствие, так что он был рад наконец выйти отсюда на свежий воздух.

3

На следующее утро Виллет получил записку от мистера Варда, в которой говорилось, что Чарльз все еще не появился. Вард писал, что ему позвонил доктор Аллен, сообщивший, что Чарльз на некоторое время останется в Потаксете и не желает, чтобы его беспокоили. Присутствие Чарльза было необходимо, так как сам Аллен, по его словам, должен будет уехать на неопределенный срок, а их опыты требуют постоянного наблюдения. Устами коллеги Чарльз передал всем горячий привет и сожаления, если неожиданная перемена его планов создала кому-нибудь неудобства. Мистер Вард впервые услышал голос Аллена, что-то ему смутно напомнивший. Он не мог с уверенностью сказать, что именно, однако ассоциации были самые неприятные.

Получив столь странные и противоречивые известия, доктор Виллет не знал, что и подумать. Письмо Чарльза было явно продиктовано отчаянием и страхом, но почему тогда

он ушел из дому вопреки собственным же планам? Молодой Вард написал, что его изыскания таят в себе чудовищную угрозу, что бородатый доктор Аллен должен быть уничтожен любой ценой и что он больше никогда не вернется в Потаксет. Однако, если верить последним сообщениям, он забыл свои слова и вновь отправился в это гнездо мрачных тайн. Здравый смысл подсказывал доктору, что лучше всего оставить в покое молодого Варда со всеми его дикими причудами, но какое-то более глубокое чувство не давало изгладиться впечатлению от письма. Виллет перечитал его и вновь убедился, что оно отнюдь не столь бессвязно и бесполо, как это могло показаться на первый взгляд. В нем чувствовался подлинный и глубокий страх, а учитывая уже известные доктору факты, намек на чудовищное вторжение в наш мир из иных времен и пространств уже не представлялся ему всего-навсего глупой выдумкой. Где-то совсем рядом таился несказанный ужас, и, даже не будучи в силах постичь его суть, надо было держаться настороже, в полной готовности дать ему отпор.

Больше недели доктор Виллет размышлял над вставшей перед ним дилеммой, все более склоняясь к мысли навесить Чарльза в Потаксете. Ни один из знакомых молодого человека не отважился проникнуть в это тайное убежище, и даже мистер Вард знал о нем только то, что сын нашел нужным ему сообщить. Но Виллет чувствовал необходимость поговорить с пациентом начистоту. Мистер Вард время от времени получал от Чарльза краткие бессодержательные письма, напечатанные на машинке; насколько он знал, аналогичные послания получала и миссис Вард в Атлантик-Сити. Итак, доктор решил действовать и, невзирая на недобрые предчувствия, связанные со старинными легендами о Джозефе Карвене и недавними предостережениями Чарльза, отправился к деревянному коттеджу на крутом речном берегу.

Виллет однажды уже побывал в этих местах из чистого любопытства — хотя, конечно, не входил в дом и никак не обозначал свое присутствие, — так что дорога была ему известна. В конце февраля, вскоре после полудня, он сел в свой небольшой автомобиль и выехал на Бруд-стрит. По пути ему вдруг представилась картина полуторавековой давности, когда в том же направлении двигалась толпа утруемых людей, чтобы свершить жуткий тайный суд, подробности которого так и остались нераскрытыми.

Поездка через приходящие в упадок городские окраины не заняла много времени, и скоро перед ним уже расстились чистенький Эджвуд и сонный Потаксет. Виллет повернул направо, вниз по Локвуд-стрит, и проехал вперед, сколько позволяла заброшенная проселочная дорога, а потом вышел из машины и пошел на север, к обрывистому речному берегу, за которым простирались затянутые туманом низины. Домов здесь было мало, и он без труда отыскал деревянный коттедж с бетонным гаражом. Быстро пройдя по мощенной гравием дорожке, доктор твердой рукой постучал в дверь и решительно обратился к мрачному мулату, приоткрывшему одну створку.

Доктор сказал, что должен немедленно видеть Чарльза Варда по очень важному делу. Он не примет никаких отговорок, а если его не пустят, то об этом сразу же будет доложено старшему мистеру Варду. Мулат стоял в нерешительности и придержал дверь, когда Виллет попытался толкнуть ее, но доктор еще громче повторил свое требование. Затем из темноты дома раздался шепот, от которого у доктора по спине побежали мурашки.

— Впусти его, Тони, — сказал странный голос. — Сейчас столь же подходящее время для разговора, как и любое другое.

Но каким бы пугающим ни был этот низкий, словно отдающийся эхом голос, доктор Виллет еще сильнее испугался в следующую минуту, когда доски пола заскрипели и из

темноты показался говоривший — это был Чарльз Вард собственной персоной.

Тщательность, с которой доктор Виллет впоследствии восстановил разговор с Чарльзом, вызвана тем, что он придавал особое значение этому периоду. Именно тогда личность Чарльза Декстера Варда претерпела окончательную трансформацию — мозг, порождавший мысли и слова нынешнего Чарльза Варда, уже не имел ничего общего с мозгом того человека, за ростом и развитием которого он наблюдал в течение двадцати шести лет. Научная полемика с доктором Лайманом побудила его стремиться к максимальной точности, и он с полной уверенностью датирует начало подлинного безумия Чарльза Варда тем днем, когда родители получили от него первое письмо, напечатанное на машинке. Стил ь писем, которые он регулярно отправлял им, совершенно не похож на стил ь Варда. Он чрезвычайно архаичен, словно внезапное перерождение автора писем высвободило целый поток мыслей и впечатлений, которые он бессознательно приобрел в дни своего детского увлечения стариной. В них наблюдается явное стремление казаться современным, но от их духа, не говоря уже о языке, явственно веет прошлым.

Дух прошлого сквозил и в каждом слове, в каждом движении Варда, когда он беседовал с доктором в полумраке старого деревянного дома. Он поклонился, указал Виллету на кресло и заговорил сиплым шепотом, причину которого сразу же попытался объяснить.

— Я изрядно застудил горло, — начал он, — и едва не подхватил чахотку от этих треклятых речных миазмов. Не взыщите, прошу вас, за мою речь. Я предполагаю, вы явились от батюшки, дабы взглянуть, как обстоят мои дела. Смею надеяться, что ваш рассказ не представит ему никаких резонансов для беспокойства.

Виллет очень внимательно прислушивался к скрипящим звукам голоса Чарльза, но еще более внимательно всматри-

вался в его лицо. Он чувствовал, что здесь не все ладно, вспомнив, что рассказывали ему родители Варда о внезапном страхе, поразившем в ту памятную ночь их слугу. В комнате стоял полумрак, но доктор не попросил открыть хотя бы один ставень. Вместо этого он сразу перешел к делу и прямо спросил молодого Варда, почему тот не дождался его визита, о котором так отчаянно умолял менее недели тому назад.

— Я как раз к этому вел речь,— ответил хозяин дома.— Вам должно быть известно, что я страдаю сильным нервным расстройством и часто делаю и говорю странные вещи, в которых не отдаю себе отчета. Не раз я заявлял вам, что нахожусь накануне великих открытий и свершений, и само величие их заставляет меня по временам терять голову. Мало найдется людей, которые не почувствуют страха перед тем, что мной обнаружено, но теперь уже недолго остается ждать. Я был глупцом, когда согласился на этих стражников и на сидение дома, ибо сейчас мое место здесь. Я знаю, что обо мне злословят любопытствующие соседи. Может статься, тщеславие — эта слабость, присущая всем людям,— побудило меня иметь о себе слишком высокое мнение. Однако нет ничего дурного в том, что я делаю, пока я делаю сие правильно. Если вы соблаговолите подождать еще шесть месяцев, я покажу вам такое, что безмерно вознаградит вас за терпение. Вам также следует знать, что я нашел способ изучать науки, в которых преуспели древние, черпая из источника, более надежного, чем все книги. Вскорости вы сможете сами судить о важности сведений в области истории, философии и изящных искусств, кои я сделаю доступными посредством этого источника. Мой предок овладел всеми этими знаниями, но обделенные разумом ничтожные людишки толпой ворвались к нему в дом и убили. Теперь я по мере своих слабых сил воссоздал бóльшую часть из утраченного предком. На этот раз ничего дурного не должно случиться, и менее всего я желаю неприятностей по причине собственных постыдных приступов малодушия. Умоляю

вас, сэр, забудьте все, что я написал вам, и не опасайтесь ни этого дома, ни его обитателей. Доктор Аллен — весьма достойный джентльмен, и я должен принести ему извинения за все дурное, что написал о нем. Я бы желал не расставаться с ним, но у него были важные дела в другом месте. Он столь же ревностно относится к изучению сих наиважнейших материй. Должно быть, я, страшась величия стоящей перед нами задачи, невольно переносил этот страх на доктора Аллена как на своего ближайшего помощника.

Вард умолк; доктор тоже молчал, пребывая в растерянности. Он чувствовал себя в неловком положении, слушая, как молодой человек отрекается от своего письма. В то же время речь нынешнего Варда была очень неестественной и безусловно бредовой, тогда как отчаянное и трагическое послание явно принадлежало тому Чарльзу Варду, которого доктор знал с детских лет. В попытке вернуть былой доверительный тон их бесед Виллет упомянул кое-какие эпизоды их прежних встреч и был неожиданно и глубоко потрясен результатами этой попытки (сходное потрясение испытали впоследствии и другие врачи-психиатры). Как выяснилось, из памяти Чарльза начисто изгладились целые пласты, связанные с его собственной жизнью и событиями новейшего времени, и в то же время всплыли исторические сведения, приобретенные в пору его увлечения стариной, — то есть подсознательное прошлое вытеснило его современную индивидуальность. Осведомленность молодого Варда обо всем, что имело отношение к далекому прошлому, приобрела прямо-таки пугающий и нездоровый характер, так что он даже пытался ее скрыть. Впрочем, это ему не удавалось — когда Виллет заговорил об истории города, изучением которой Чарльз увлекался с детских лет, в ответах собеседника то и дело встречались подробности, какие вряд ли могли быть известны современному человеку, и доктор невольно вздрагивал, слушая бойкую речь Чарльза.

Трудно было представить, откуда молодой человек узнал, как свалился парик с головы толстого шерифа, когда тот перегнулся через бортик кровати при исполнении пьесы в Театральной академии мистера Дугласа на Кинг-стрит в пятницу 11 февраля 1762 года, или как актеры неудачно сократили текст пьесы Стила «Совестливые влюбленные», испортив ее до такой степени, что можно было лишь радоваться решению городского совета, который две недели спустя закрыл театр по настоянию общины баптистов. Старые письма вполне могли содержать упоминание о том, что «бостонская коляска Томаса Себина была дьявольски неудобной», но какой даже самый выдающийся исследователь колониального периода мог знать, что скрип новой вывески Эпенетуса Олни (он велел наклеивать на ней аляповатую корону после того, как переименовал свою таверну в «Королевский кофейный зал») был в точности похож на первые звуки новомодной джазовой пьесы, часто звучащей по радио в Портсете?

Однако Вард недолго распространялся на подобные темы, дав понять, что его более не интересуют ни современность, ни старина. Было совершенно ясно, что он желает лишь удовлетворить любопытство посетителя, чтобы тот поскорее убрался восвояси и больше не приходил. Очевидно, с этой целью он предложил Виллету показать дом и провел его по всем комнатам, от подвала до чердака. Доктор внимательно присматривался к обстановке и заметил, что стоявших на виду книг было слишком мало — явно недостаточно для того, чтобы заполнить зияющие пробелы на книжных полках домашней библиотеки Чарльза. Он понял также, что так называемая лаборатория устроена весьма небрежно, явно для отвода глаз. Без сомнения, настоящие библиотека и лаборатория располагались где-то в другом помещении, но где именно, угадать было невозможно. Итак, потерпев полную неудачу и не узнав ничего определенного, Виллет к вечеру возвратился в город и обо всем расска-

зал мистеру Варду. Они пришли к общему мнению, что юноша окончательно сошел с ума, но решили не спешить с принятием мер, сочтя необходимым и дальше держать в полном неведении миссис Вард, какой бы помехой этому ни были странные письма ее сына.

Теперь и мистер Вард решил посетить сына — причем так, чтобы его визит стал для Чарльза полной неожиданностью. Однажды вечером доктор Виллет отвез его в Потаксет на своей машине, издала показал деревянный коттедж и остался терпеливо ждать его возвращения. Разговор затянулся надолго, и мистер Вард вышел из дома грустным и взволнованным. Чарльз принял его так же, как и Виллета, с той только разницей, что очень долго не появлялся. Нежданный посетитель вынужден был силой вломиться в прихожую и отправил мулата с настоятельным требованием позвать к нему сына. В поведении молодого Варда не было и следа сыновней привязанности. В комнате было полутемно — Чарльз жаловался, что у него даже при слабом свете страшно болят глаза. Он говорил приглушенным голосом, объясняя это тем, что у него раздражение голосовых связок, и его хриплый шепот внушал отцу неясную тревогу, от которой тот не смог избавиться до конца встречи.

Договорившись вместе предпринять все, что будет в их силах, чтобы спасти Чарльза от полного безумия, мистер Вард и доктор Виллет стали по крупицам собирать сведения, которые могли бы хоть что-нибудь добавить к тому, что им было уже известно. Прежде всего они обратились к слухам, ходившим в Потаксете. Выяснить это было нетрудно, поскольку оба имели немало друзей в округе. С доктором Виллетом люди говорили откровеннее, чем с отцом Чарльза, и из услышанного он сделал вывод, что в последнее время Чарльз вел действительно странную жизнь. Досужие языки приписывали обитателям коттеджа причастность к вампиризму, свирепствовавшему прошлым летом; а грузо-

вики, подъезжавшие к дому молодого Варда в глухие часы ночи, давали пищу самым мрачным предположениям. Местные торговцы рассказывали о подозрительных заказах Варда, поступавших к ним через угрюмого мулата, и главным образом о неимоверном количестве мяса и свежей крови, которую доставляли мясники с ближайшей бойни. Поскольку в доме жили лишь три человека, эти заказы представлялись поистине абсурдными.

Кроме того, люди рассказывали о голосах, раздававшихся из-под земли. Проверить эти слухи было значительно труднее, но для них имелись вполне реальные основания. Когда слышались эти звуки, окна дома были темны, а это значило, что источник их — в каком-то подвале. Все были убеждены, что под домом находится разветвленная сеть глубоких подземных ходов. Припомнив старинные легенды о катакомбах, вырытых Джозефом Карвенем, и не сомневаясь в том, что Чарльз выбрал этот коттедж именно потому, что он расположен на месте той зловещей фермы, Виллет и мистер Вард не оставили эти слухи без внимания. Они несколько раз безуспешно старались отыскать на крутом речном берегу потайную дверь, о которой упоминал старый манускрипт. В том, что касалось обитателей дома, общественное мнение было единодушно: мулат внушал всем отвращение, борода того доктора Аллена в черных очках боялись, а к бледному молодому ученому испытывали инстинктивную неприязнь. В последние недели две Вард очень сильно изменился: он оставил попытки казаться любезным и общительным в тех немногих случаях, когда выходил из дома, и разговаривал лишь хриплым, внушающим непонятный страх шепотом.

Таковы были подробности, собранные мистером Вардом и доктором Виллетом, и они долго их обсуждали, в меру своих сил пытаясь применить индуктивный и дедуктивный методы, сопоставляя все известные факты жизни Чарльза за последнее время — в том числе его отчаянное письмо, которое доктор наконец решил показать отцу, — со скудными

документальными данными, касающимися покойного Джо-зефа Карвена. Они многое бы дали за то, чтобы хоть мельком заглянуть в найденные Чарльзом бумаги, ибо не сомневались, что истоки безумия юноши связаны с тем, что он узнал о старом колдуне и его деяниях.

4

Вскоре эта странная история приняла иной оборот, но в том нет заслуги мистера Варда или доктора Виллета, которые бездействовали, столкнувшись с чем-то не поддававшимся объяснению. Чарльз писал родителям все реже. Наступило начало месяца, когда он обычно улаживал свои финансовые дела, и клерки некоторых банков в недоумении пожимали плечами и советовались друг с другом по телефону. Представители банков, знавшие Чарльза Варда в лицо, посетили его коттедж в Потаксете и постарались выяснить, почему все чеки, которые он подписывал в последнее время, представляют собой грубую подделку. Они остались недовольны объяснениями, произнесенными хриплым шепотом. Молодой Вард уверял их, что нервное расстройство так повлияло на правую руку, что ему трудно писать. Он даже вынужден печатать на машинке все свои письма.

Однако банковских инспекторов поразило не столько это обстоятельство, в котором не было ничего необычного или подозрительного, и даже не ходившие в Потаксете разговоры, отголоски которых долетели и до них. Главным образом их смутила бессвязная речь молодого человека, свидетельствующая о полной потере памяти во всем, что касалось финансовых вопросов и расчетов, которые пару месяцев назад не представляли для него никаких затруднений. На первый взгляд он говорил вполне связно и разумно, но проявлял полное невежество в важнейших вещах, которое тщетно пытался скрыть. И хотя никто из этих людей не

был особенно близок с молодым Вардом, они поневоле замечали перемену в его поведении и речи. Они слышали, что Чарльз Вард — любитель и знаток старины, но ни один самый заядлый поклонник всего старинного не пользуется в обыденной жизни устаревшими выражениями и жестами. Все это, вместе взятое, — сиплый голос, трясущиеся, словно пораженные параличом руки, провалы в памяти, затрудненная речь и странные манеры — казалось проявлением тяжелой болезни, которая давала пищу для новых слухов, вскоре широко распространившихся. Покидая своего клиента, инспекторы решили, что им совершенно необходимо переговорить с Вардом-старшим.

Шестого мая 1928 года в конторе мистера Варда состоялась длительная и серьезная беседа, после которой до крайности расстроенный мистер Вард вызвал доктора Виллета и признался, что бессилен что-либо предпринять. Виллет, просмотрев чеки Чарльза с неуклюже нацарапанными подписями, мысленно сравнил их с почерком, которым было написано последнее письмо. Разница бросалась в глаза, но такой почерк, как на чеках, доктор уже где-то встречал. Буквы были угловатыми и архаическими, их очертания и наклон разительно отличались от написания этих букв Вардом. Весьма необычный почерк, но где он мог его видеть? Не оставалось сомнений в том, что Чарльз сошел с ума, не правомочен распоряжаться своим имуществом и должен быть изолирован от внешнего мира. Его следовало срочно взять под наблюдение и лечить. Мистер Вард вызвал известных психиатров — докторов Пека и Вейта из Провиденса и доктора Лаймана из Бостона — и при участии доктора Виллета подробно рассказал им о предыстории болезни Чарльза. Они собрались в бывшей библиотеке больного, просматривая оставленные Чарльзом книги и бумаги, чтобы получить представление о его наклонностях и характере. Изучив этот материал, а также письмо, написанное Виллету, психиатры согласились, что столь интенсивные занятия Чарльза Варда могли разрушить или, по крайней мере, де-

формировать нормальный интеллект, и выразили желание увидеть прочие книги и документы, с которыми Чарльз работает в настоящее время. Но это можно было сделать только в его доме в Потаксете. Виллет занялся случаем Варда с удвоенной энергией и среди прочего добыл показания рабочих, видевших, как Чарльз нашел документы Карвена, а также обнаружил, просматривая подшивки «Джорнал», что Чарльз скрывал от своих домочадцев газетные заметки о кладбищенских происшествиях.

В четверг, 8 марта, Виллет, Пек, Лайман и Вейт нанесли молодому Варду визит, не скрывая своих целей. Они намеревались задать ему, уже официально признанному их пациентом, множество вопросов, интересуясь каждой мелочью. Чарльз, которого им пришлось чрезвычайно долго ждать, наконец появился, источая странный и неприятный запах, и казался очень взволнованным. Однако он был настроен мирно и без всяких возражений признал, что его память и общее самочувствие сильно пострадали от непосильных занятий. Он не возражал, когда врачи настойчиво посоветовали ему сменить обстановку, и продемонстрировал поистине блестящие знания во всем, что не касалось современной жизни. Его спокойное и сдержанное поведение могло бы смутить врачей, если бы не архаичный строй его речи, несвойственный современному человеку, что указывало на явные отклонения в психике. О своей работе он рассказал врачам не больше, чем ранее сообщил родителям и доктору Виллету, а письмо, написанное им в прошлом месяце, приписывал нервному расстройству, которое вызвало истерический припадок. Он утверждал, что в коттедже нет ни второй библиотеки, ни лаборатории, и объяснял временный уход из родительского дома нежеланием наполнять его запахами, которые прямо-таки пропитали всю его одежду. Разговоры соседей он считал глупыми выдумками невежественных людей, терзаемых неутоленным любопытством. Относительно нынешнего местопребывания мистера Аллена он не сказал ничего определенного, но уверял,

что тот появится, когда в этом будет необходимость. Расплачиваясь с молчаливым мулатом, не ответившим ни на один вопрос гостей, и запирая свое таинственное жилище, молодой Вард не проявил никакой нервозности и лишь на короткое время задержался у двери, словно прислушиваясь к каким-то очень слабым звукам. По-видимому, он отнесся к происходящему философски, решив покориться, словно его отъезд — временное и незначительное обстоятельство и для него будет лучше, если все пройдет без лишних осложнений. Казалось, он был абсолютно уверен в том, что выдающийся ум и сообразительность помогут ему выбраться из неприятного положения, в которое его поставили пробелы в памяти, утрата голоса и изменившийся почерк, затворничество и эксцентричное поведение. Все сошлись во мнении, что миссис Вард не следует ни о чем сообщать, а муж продолжит посылать ей письма от имени Чарльза.

Молодого Варда поместили в частную лечебницу доктора Вейта в Коннектикут-Айленде, расположенную на берегу залива, в уединенном и живописном месте, где он находился под постоянным врачебным наблюдением. Именно тогда были замечены странности физиологического характера — замедленный обмен веществ, огрубевшая и вялая кожа, аномалии нервных реакций. Больше всего этим был обеспокоен доктор Виллет, поскольку он знал Варда с самого рождения и лучше всех мог заметить, насколько далеко зашел этот процесс. Даже хорошо знакомая доктору овальная родинка на бедре Чарльза рассосалась, а на груди появилось большое родимое пятно или шрам, которого там раньше не было. Увидев эту отметину, Виллет стал подумывать, не подвергся ли юноша операции, производимой на сборищах сатанистов в диких и уединенных местах, в результате которой на теле появляется так называемый «ведьмин знак». Доктор припомнил одну из записей о салемиких ведьмах, которую ему показывал Чарльз еще тогда, когда не хранил в тайне свои находки. В ней говорилось следующее: «Мистер Г. Б. сообщает, что в ту Ночь Дьявол пометил своим Зна-

ком Бриджит С., Джонатана А., Саймона О., Деливеренс В., Джозефа К., Сьюзен П., Мехитейбл К. и Дебору В.». Само по себе лицо молодого Варда вызывало у доктора безотчетный страх, и в один прекрасный день он осознал причину этого. Над правым глазом юноши появилась какая-то неровность, ранее отсутствовавшая: небольшой шрам или углубление, точно такое же, как на старом портрете Джозефа Карвена, — возможно, след какого-нибудь ритуального надреза или укола, произведенного Чарльзом Вардом на определенной стадии магических изысканий, как в свое время поступил и Джозеф Карвен.

Случай Чарльза Варда поставил в тупик врачей лечебницы; тем не менее велось тщательное наблюдение за корреспонденцией, адресованной как ему, так и доктору Аллену. Мистер Вард распорядился переправлять все письма прямо к нему. Впрочем, доктор Виллет был заранее убежден, что эти меры не дадут существенных результатов, ибо все действительно важное Аллен наверняка передавал через посланцев. Однако в конце марта пришло письмо из Праги, которое заставило мистера Варда и доктора серьезно задуматься. Написанное старинными угловатыми буквами, оно изобиловало теми же странными архаизмами, какие употреблял в своей речи молодой Вард. Вот содержание письма:

*Кляйнштрассе 11,
Альтштадт, Прага,
11-го дня месяца февраля 1928 года*

Брат мой в Альмонсине-Метратоне!

Сего дня получил уведомление Ваше касательно того, что возродилось из золы, посланной мною. Сия ошибка означает со всей ясностью, что надгробья были переставлены, когда Барнабус доставил мне сей Образец. Такое случается весьма часто, как Вы должны были заключить по Вещи, что получили из Королевской Усыпальницы в году 1769, памятуя также о Вещи, добытой Х. в году 1690 с Кладбища в Олдбери-Пойнт,

что едва его не погубило. Нечто подобное получил я в землях Египетских тому назад 75 лет, откуда и происходит Шрам, замеченный Мальчишкой на моем теле в году 1924. Как и много лет назад, снова говорю вам: не вызывайте То, что не сможете одолеть из мертвой Золы, равно как и из внешних Сфер. Держите постоянно наготове Слова, потребные для того, чтобы вернуть нечто в небытие, и немедленно остановитесь, если появится хотя бы малейшее сомнение относительно того, КТО перед вами. Надгробья переставлены уже в 9 случаях из 10. Пока не выяснишь досконально, нельзя быть уверенным. Сего дня слышал я известие о Х., у которого случилось несогласие с Солдатами. Думаю, он горько жалеет, что Трансильвания перешла от Венгрии к Румынии, и сменил бы местожительство, если бы Замок не был полон Тем, что Нам с Вами известно. Впрочем, о сем предмете он, без сомнения, уже отписал Вам. В следующей моей Посылке будет кое-что из содержимого Восточного Кургана; надеюсь, это доставит Вам немалую радость. Тем временем не забывайте, что я имею сильное желание получить Б.Ф.; не сможете ли добыть его для меня? Дж. из Филадельфии Вам известен лучше, чем мне. Предоставляю Вам взять его первым, но не используйте его с чрезмерным усердием, чтобы он не стал проявлять Упорство, ибо в конце я тоже намерен говорить с ним.

*Йог-Сотот Неблюд Зин
Саймон О.*

*Мистеру Дж. К.
в Провиденсе.*

Мистер Вард и доктор Виллет не знали, что и думать об этом послании, носящем явные следы безумия его автора. Только со временем проникли они в суть странного документа. Значило ли это, что душой изысканий, которые велись в Потаксете, был не Чарльз Вард, а отсутствующий ныне доктор Аллен? Это могло объяснить многие казавшиеся дикими и безумными заявления, содержащиеся в

последнем, написанном в лихорадочном возбуждении, письме юноши. Почему корреспондент называет странного бородатого человека в темных очках не Алленом, а «Дж. К.»? Единственное объяснение, напрашивавшееся при этом, казалось слишком невероятным. Кто такой «Саймон О.»? Некий невероятно старый человек, которого Чарльз Вард посетил в Праге четыре года назад? Не исключено, хотя полтора столетия назад существовал еще один Саймон О.: Саймон Орн, он же Джедедия из Салема, исчезнувший бесследно в 1771 году. Более того: *характерный почерк «Саймона О.» из Праги доктор Виллет признал идентичным тому, которым были написаны формулы Орна на фотокопии старинного документа, однажды показанной ему Чарльзом Вардом.* Какие запретные тайны, какие жуткие извращения законов природы вновь, спустя полтора столетия, пробудились в старом Провиденсе, дотоле мирно дремавшем под сенью своих куполов и остроконечных крыш?

Озадаченный мистер Вард в сопровождении доктора Виллета отправился в лечебницу, где они со всей возможной деликатностью стали расспрашивать Чарльза о докторе Аллене, о путешествии в Прагу и о том, что было ему известно о Саймоне или Джедедии Орне из Салема. На все это молодой человек с вежливо-безразличным видом, произнося фразы все тем же лающим хриплым шепотом, отвечал, что привлек к своим исследованиям доктора Аллена для того, чтобы иметь как можно более тесную спиритическую связь с духами определенных людей, вызывая их из прошлого, и что пражский корреспондент доктора Аллена, должно быть, обладает аналогичным даром. Покидая Чарльза, раздосадованные Виллет и Вард осознали, что на самом деле именно их подвергли тщательному допросу: изолированный от мира пациент психушки очень ловко вытянул из них всю информацию, содержавшуюся в письме из Праги.

Доктора Пек, Войт и Лайман не были склонны придавать большое значение этому странному посланию коллеги молодого Варда; они знали, что подобные люди, особенно если

они охвачены одной и той же манией, стремятся контактировать друг с другом. Доктора считали, что Чарльз или Аллен просто-напросто разыскивали какого-нибудь эмигранта, который, вероятно, когда-то видел почерк Орна и старался теперь как можно тщательнее скопировать его, пытаясь представить себя воплощением давно умершего человека. Возможно, таким же был и сам Аллен, заставивший молодого Варда признать себя аватарой Джозефа Карвена, который скончался полтора века назад. Подобные случаи мании были известными и прежде, на каком-то основании врачи отмахнулись от гипотез доктора Виллета, проявлявшего все большее беспокойство по поводу нынешнего почерка Чарльза Варда, о котором он мог судить по нескольким образцам, добытым с помощью различных уловок. Виллет наконец вспомнил, где ему попадался похожий почерк, — больше всего он напоминал руку старого Джозефа Карвена. Однако приезжие знаменитости считали изменившийся почерк новой фазой подражания, что и следовало ожидать при маниакальном состоянии подобного вида, и отказывались придавать этому факту какое-либо иное значение. Не встретив понимания у своих коллег, Виллет посоветовал мистеру Варду оставить у себя письмо, которое пришло второго апреля из местечка Ракус в Трансильвании на имя доктора Аллена. Адрес был написан почерком, столь схожим с шифрованным манускриптом Хатчинсона, что изумленные мистер Вард и доктор не сразу решились вскрыть конверт. В письме говорилось:

Замок Ференци, 7 марта 1928 года.

Дражайший друг К.

В Замке побывал отряд Милиции в двадцать человек числом. Стремилась выведать, есть ли правда в том, что болтают местные поселяне. Следует лучше хранить Тайну, дабы не допустить распространения Слухов. Эти проклятые

румыны сильно докучают мне, ибо ведут себя как важные чиновники и чванятся; мадьяр же всегда можно было расположить к себе добрым вином и угощением. В прошлом месяце М. достал мне Саркофаг Пяти Сфинксов из Акрополя, где обещал пребывать Тот, Кого я вызвал, и я имел три Беседы с Тем, Кто был Внутри. Он отбыл в Прагу прямо к С. О., а оттуда направится к вам. Он упрямится, но Вы знаете, как управляться с подобными. Поистине, Вы проявили Мудрость, держа таковых в меньшем количестве, нежели ранее, ведь теперь нет необходимости держать Стражей наготове, и будет меньше найдено в случае Неприятностей, как вам слишком хорошо известно. Вы можете переехать в иное место и работать там, не подвергаясь опасности, хотя я питаю надежду, что ныне Никто не заставит Вас предпринять такой шаг, чреватый многими трудами.

Я весьма доволен, что Вы реже общаетесь с Теми, что обитают Вне Нашего Мира, ибо в этом всегда таилась смертельная опасность. Вы сами знаете, что произошло, когда Вы попросили Защиты у одного из Них, не расположенного снисходить к этой просьбе. Вы превосходите меня в искусстве составлять формулы таким образом, что произносить их успешно сможет другой; однако Бореллий утверждает, что главное — найти верные Слова. Часто ли употребляет их Мальчишка? Искренне сожалею, что он начинает проявлять Непослушание и Строптивость. Впрочем, я опасался этого, когда он гостил у меня здесь целых пятнадцать месяцев. Но известно мне, что Вы отменно с ним управляетесь. Вы не можете повергнуть его с помощью формул, ибо они оказывают действие лишь на тех, кто вызван к жизни из Золы другими формулами, от тех отличными, но в Вашем распоряжении сильные Руки, Нож и Пистолет, и не составляет особого труда вырыть Могилу либо облить тело кислотой, дабы его уничтожить. О. сообщает, что Вы обещали ему Б. Ф. Я должен получить его следующим. Б. скоро прибудет к Вам и, надеюсь, поведает о Темном Существо из-под

Мемфиса. Будьте осторожны с Тем, что вызывает к жизни, и берегитесь Мальчишки. Время пришло, через год к Вам могут явиться Легионы из Бездны, и тогда не будет пределов нашему Могуществу. Верьте моим словам, ибо Вы знаете О., да и я прожил на 150 лет дольше Вашего и имел больше времени на изучение сих Материй.

*Нефрен-Ка наи Хадот
Эдв. Х.*

*Дж. Карвену, эсквайру,
Провиденс.*

Виллет и мистер Вард не стали показывать это письмо психиатрам, однако не преминули предпринять определенные самостоятельные шаги. Все ученые рассуждения, все доводы современной науки были бессильны опровергнуть тот факт, что доктор Аллен, щеголявший явно фальшивой бородой и никогда не снимавший черных очков, которого Вард в своем паническом письме представил как некую чудовищную угрозу, поддерживал постоянную связь с двумя загадочными и опасными личностями.

Этих людей Вард посетил во время своих странствий; эти люди утверждали, что являются салемами коллегами Карвена или же их аватарами. Без сомнения, Аллен рассматривал себя как воплощение самого Джозефа Карвена и намеревался осуществить (во всяком случае, к этому его постоянно побуждали сообщники) некий зловещий план относительно «мальчишки», под каковым почти наверняка подразумевался Чарльз Вард. Налицо был некий чудовищный заговор, главой которого являлся доктор Аллен. По счастью, Чарльз находился в лечебнице, где ему ничто не угрожало. Мистер Вард, не теряя времени, нанял детективов, дав им задание разузнать как можно больше о загадочном бородатом «докторе»: выяснить, когда именно он явился в Потаксет, что думают о нем местные жители, и, если возможно, установить его нынешнее местопребывание. Пе-

редав детективам один из ключей от дома в Потаксете, взятый у Чарльза, мистер Вард попросил тщательно осмотреть комнату, которую ранее занимал Аллен, и попытаться добыть какие-нибудь улики, наводящие на след «доктора». Вард инструктировал детективов в старой библиотеке Чарльза, и эти люди с облегчением вздохнули, покинув помещение, где им было явно не по себе. Возможно, на детективов произвело впечатление то, что они услышали о недоброй памяти старом колдуне, чей портрет еще недавно украшал панель над камином, а быть может, дело было в самой тамошней атмосфере. Так или иначе, им казалось, будто они надышались ядовитых миазмов, как будто исходивших от резного камина и временами сгущавшихся в физически ощутимую эманацию зла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

УЖАС И КАТАСТРОФА

1

Приближалось событие, навсегда отметившее печатью страха душу Маринуса Бикнелла Виллета и состарившее на добрый десяток лет этого человека, чья молодость и без того давно уже миновала. Виллет долго совещался с Вардом-старшим, и они пришли к единому мнению относительно происходящего, хотя понимали, что психиатры, как и весь цивилизованный мир, узнав об их выводах, наверняка подняли бы их на смех. Темные силы с помощью некромантии и колдовства куда более древнего, чем обряды салемских ведьм, плели адскую сеть, в которую должно было угодить человечество. Хоть это и противоречило всем известным законам природы, неопровержимые факты указывали на существование по крайней мере двух (а также третьего, чье имя они по возможности избегали упоминать) воплощений неких таинственных существ, о которых впервые стало известно в 1690 году. Деяния и цели этих чудовищ — а также, увы, Чарльза Варда — были ясны из их посланий друг другу и из сообщений тех, кто был знаком с ними как в далеком прошлом, так и в наши дни. Они похищали из могил недавно погребенные или давным-давно истлевшие тела, в том числе останки величайших мудрецов мира, в надежде вытянуть из них все знания, какими те обладали при жизни.

Дьявольские создания вели между собой торговлю, одна мысль о которой заставила бы содрогнуться любого нор-

мального человека: со счастливой безмятежностью и холодной расчетливостью школьников, меняющихся картинками, они обменивались костями знаменитых усопших, и те знания, что они извлекали из тысячелетних останков, должны были дать им могущество, которым не обладал доселе ни один смертный. Они изобрели противные природе и человеческому естеству способы воскрешать тело и мозг давно умершего и истлевшего человека, останки которого им доставляли, и извлекать из него любые сведения. Они следовали указаниям средневекового философа Бореллия, учившего готовить из истлевшего праха «основные соли», из которых можно воссоздать живое подобие давно умершего человека. Им была известна формула, с помощью которой они оживляли эти «тени», и еще одна формула, которая их уничтожала. Они достигли в своих мерзких действиях совершенства и могли научить страшным формулам любого. Однако, вызывая тени, они могли ошибиться и воскресить не того, кто им нужен, ибо с течением времени надгробья могли быть переставлены.

Доктор Виллет и мистер Вард с ужасом поняли, что колдуны способны вызвать страшные тени не только из человеческих могил, но и из иных сфер, и эти существа могут представлять грозную опасность. Джозеф Карвен, без сомнения, совершал немало того, что даже в их колдовском кругу считалось запретным, — может быть, на что-то подобное отважился и Чарльз? Какие силы из «иных сфер» дошли до нас со времен Джозефа Карвена и заставили разум Чарльза обратиться к прошлому? Эти силы направляли его, и он был не в состоянии им противиться: Чарльз вел долгие беседы с одним из колдунов в Праге и гостил у другого, затаившегося в горах Трансильвании. В конце концов он нашел подлинную могилу Джозефа Карвена. Такой вывод можно было сделать из газетных заметок; об этом же говорил странный шум, услышанный ночью миссис Вард в

покоях сына. Чарльз вызвал нечто ужасное, и оно явилось на его зов. Громовой голос, который домочадцы Чарльза слышали в Страстную пятницу, и странные разговоры в его лаборатории на чердаке — на что были похожи эти глухие звуки, отдававшиеся вокруг многократным эхом? Не был ли обладатель этого голоса предтечей таинственного доктора Аллена, внушавшего ужас всем, кто слышал его низкий бас, словно исходящий из бездны? Недаром у мистера Варда так сильно забилося сердце, когда он говорил по телефону с этим человеком — если это действительно был человек.

Какое дьявольское существо, какая тень, вырвавшаяся из ада, явилась к Чарльзу Варду в ответ на его заклинания, произнесенные за крепко запертой дверью лаборатории? А что означали слова: «Три месяца нужна кровь»? Боже правый! Разве все это не предшествовало появлению неизвестного вампира? Осквернение могилы, где покоился Эзра Виден, страшные вопли в Потаксете — кто задумал эту месть, кто нашел заброшенное гнездо богопротивных деяний? Уединенно стоящий коттедж, бородатый незнакомец, перекуды и страхи соседей... Мистер Вард и доктор Виллет были уверены, что разум и воля Джозефа Карвена вернулись на землю и продолжают лелеять нечистые замыслы. Неужели одержимость дьяволом — не выдумка? Во всем этом был замешан таинственный доктор Аллен, и детективы получили задание узнать все об этом человеке или фантоме, чье существование угрожало жизни молодого Варда. Без сомнения, под уединенным коттеджем раскинулась целая сеть подземелий, и нужно было, приложив максимум усилий, как можно скорее их отыскать. Врачи-психиатры скептически относятся ко всему сверхъестественному; посему Виллет и Вард решили предпринять поиски самостоятельно, не упуская ни одной мелочи. Они договорились встретиться на следующее утро у дома в Потаксете, взяв с собой необ-

ходимые инструменты, чтобы раскопать вход в подземелье, если они его обнаружат.

Шестого апреля стояла ясная погода, и они были на месте ровно в десять часов. Мистер Вард, имевший ключ от дома, открыл входную дверь, и они прошли по комнатам, внимательно их осматривая. В комнате, которую прежде, вероятно, занимал доктор Аллен, царил беспорядок, явно оставленный побывавшими здесь детективами. Мистер Вард выразил надежду, что они нашли что-нибудь важное. Особый интерес представлял погреб, поэтому друзья, не мешкая, спустились туда и обошли его кругом. В тот день, когда Чарльза увезли в лечебницу, они уже обыскивали подвал, однако безрезультатно. Каждый дюйм утоптанного земляного пола и каменных стен казался настолько прочным и нетронутым, что трудно было даже предположить наличие где-то здесь отверстия, ведущего в мрачное подземелье. «Этот погреб некогда вырыл человек, не имевший ни малейшего понятия о скрытых под ним катакомбах, — подумал Виллет. — Значит, подземный ход, соединяющий подвал с катакомбами, был прорыт Чарльзом и его сообщниками совсем недавно и, возможно, не с первой попытки».

Доктор попробовал поставить себя на место Чарльза — где бы тот в первую очередь предпринял раскопки? — но ему ничего не приходило в голову. Тогда он решил прибегнуть к методу исключения и снова обошел подвал, внимательно рассматривая и выстукивая каждый дюйм стен и пола. Вскоре площадь его поисков значительно сократилась, и наконец остался только небольшой участок пола — плита перед трубами отопления, где раньше он ничего не заметил. Нагнувшись, доктор Виллет нажал на плиту изо всех сил, пытаясь ее повернуть, и внезапно она поддалась, соскользнув в сторону и открыв аккуратно залитое цементом углубление с железным люком посередине. Мистер Вард с юношеской живостью тотчас же прыгнул туда и поднял крышку

люка. Он сделал это без особых усилий, однако доктор заметил, что лицо Варда покрылось мертвенной бледностью, после чего он пошатнулся и уронил голову на грудь. Из черного отверстия, зиявшего у их ног, вырвалась струя затхлого зловонного воздуха.

Доктор Виллет быстро вытащил из ямы своего теряющего сознание спутника и брызнул ему в лицо холодной водой. Мистер Вард открыл глаза и глубоко вздохнул; бледность сошла с его щек, но было видно, что зловонные миазмы, проникшие из подземелья, не дают ему дышать свободно. Не желая рисковать, Виллет выбежал из дома, добрался до шоссе, поймал такси и отправил находившегося в полуобморочном состоянии мистера Варда к нему домой, несмотря на его слабые протесты. Затем доктор вынул из сумки электрический фонарик, закрыл рот повязкой из стерильной марли и спустился к люку, чтобы заглянуть в обнаруженное ими подземелье. Зловоние немного рассеялось, и Виллет, нагнувшись, осветил лучом фонарика внутренность этой адской дыры. Примерно на десять футов вниз простирался бетонный колодец, по стене которого шла железная лестница, а ниже ее сменили истертые каменные ступени — вероятно, когда-то они выходили прямо на поверхность земли немного южнее того места, где теперь стоял дом.

2

Позже Виллет признался, что довольно долго стоял у люка, не решаясь в одиночку спуститься в зловонную бездну и вспоминая рассказы Люка Феннера о последней ночи старого колдуна. Наконец чувство долга победило страх, и доктор начал спуск. Он взял с собой сумку, куда намеревался складывать найденные бумаги, которые сочтет достаточно важными. Медленно, как и подобало че-

ловеку его возраста, спустился он по железной лестнице и ступил на скользкий каменный пол. Луч фонарика осветил ступени, высеченные в скале полтора века тому назад; на сочащихся сыростью стенах он увидел болезненно-бледный мох, казалось, питавшийся миазмами подземелья. Все дальше вниз вела лестница, делающая три крутых поворота. Спуск был так узок, что два человека с трудом могли бы разойтись. Виллет насчитал около тридцати ступеней, когда его ушей достиг слабый звук, заставивший его позабыть о всяких подсчетах.

Этот дьявольский звук сочетал в себе низкий тягучий вой, приглушенный вопль нестерпимой боли, душераздирающий предсмертный стон и безнадежную мольбу лишенной разума и обреченной на гибель плоти. Не к этому ли звуку прислушивался молодой Вард в тот день, когда его увозили в лечебницу? Виллет никогда в жизни не слышал ничего подобного. Между тем исходящий из неведомых глубин вой не прекращался ни на минуту. Доктор, медленно спускаясь по истертым ступеням, дошел до конца лестницы и, посветив вокруг фонариком, увидел высокие стены с циклопическими сводами и множество темных арочных проемов по бокам. Высота сводчатого зала превосходила четырнадцать футов при ширине от десяти до двенадцати футов. Пол покрывали большие плиты тесаного камня, стены и потолок были оштукатурены. О длине помещения трудно было судить — оно казалось уходящим в темную бесконечность. Некоторые из боковых ходов имели двери из широких досок в старом колониальном стиле, в других дверей не было вовсе.

Преодолевая страх, внушенный зловонием и неутраченным воем, Виллет стал один за другим исследовать боковые ходы. Они вели в залы с крестовыми сводами или небольшие комнаты; во многих были устроены каминные печи, трубы которых представляли собой любопытные об-

разчики старинного ремесла. Отовсюду из-под толстых слоев пыли и паутины, накопившейся здесь за полтора века, выглядывали детали диковинных приспособлений и инструментов, каких Виллету не приходилось видеть ни ранее, ни впоследствии. Многие из них были сломаны и казались намеренно разбросанными, словно эти комнаты подверглись нападению или обыску. Однако многие помещения были совершенно нетронуты — судя по примитивным инструментам, как раз в них Джозеф Карвен проводил свои первые опыты. Наконец Виллет набрел на комнату, обустроенную совсем недавно. Там имелись воздухонагреватели, книжные полки, столы, стулья и шкафы, а также письменный стол, заваленный старинными и современными документами. Обнаружив масляные лампы, подсвечники и коробку спичек, доктор зажег несколько свечей.

Когда в помещении стало светлее, Виллет понял, что это и есть новый кабинет или библиотека Чарльза Варда. Он узнал многие из находившихся здесь книг, а мебель почти вся была перевезена из особняка Вардов на Проспект-стрит. Всюду попадались вещи, хорошо знакомые Виллету, и это чувство узнавания овладело им настолько, что он уже не замечал смрада и зловещего воя, хотя они ощущались здесь сильнее, чем у начала лестницы. Главной его задачей было найти какие-нибудь важные бумаги, и в первую очередь те документы, которые Чарльз обнаружил за портретом Карвена в Олни-Корт. Начав поиски, доктор понял, с какими невероятными трудностями придется встретиться тем, кто будет досконально расследовать это дело, ибо сотни папок были заполнены бумагами, написанными необычным почерком и снабженными непонятными иллюстрациями. Для того чтобы все это прочесть и расшифровать, могли понадобиться месяцы и даже годы. Он нашел среди бумаг целые связки писем, отправленных из Праги и Ракуса, причем адреса на конвертах были проставлены рукой Орна или

Хатчинсона. Все эти письма доктор Виллет отобрал и поместил в свою сумку.

Наконец в запертом шкафчике красного дерева, который раньше украшал кабинет молодого Варда, доктор нашел кучу старых бумаг Карвена, тотчас их узнав, хотя Чарльз некогда позволил ему взглянуть на них лишь мельком. Все было на месте, кроме писем, адресованных Орну и Хатчинсону, и шифрованного манускрипта с ключом к шифру. Виллет положил все эти бумаги в сумку и продолжал просматривать папки. Желая понять причину внезапного безумия Чарльза, доктор с особым вниманием изучал позднейшие записи. К его удивлению, лишь немногие из них были сделаны обычным почерком Чарльза — самая поздняя более двух месяцев тому назад. Зато имелись целые груды листов, покрытых символами и формулами, многочисленные заметки по истории и философии — все это было написано угловатым почерком Джозефа Карвена, причем написано совсем недавно. Возникало впечатление, что в последнее время Чарльз Вард старательно имитировал архаичную манеру письма старого колдуна и поистине достиг в этом совершенства. При этом здесь не обнаружилось образцов иного почерка, которые можно было бы приписать Аллену. Если он действительно был в этом деле за главного, то, очевидно, заставлял молодого Варда исполнять роль писца.

Особенно часто в записях попадалась некая магическая формула, которую Виллет по мере чтения невольно затвердил наизусть. Формула состояла из двух параллельных столбцов; над левым был начертан архаический символ,носящий название «Голова дракона», или «Восходящий узел», а над правым — соответственно, «Хвост дракона», или «Нисходящий узел». Доктор с удивлением заметил, что вторая часть формулы в целом повторяла первую, но с переставленными строками и слогами. Исключение составляли последние, несовпадающие строки и оставленное неизменным

имя ЙОГ-СОТОТ, которое он встречал раньше в других бумагах в различных написаниях.

Й'АИ' НГ'НГАХ,
ЙОГ-СОТОТ
Х'ЕЕ—Л'ГЕБ
Ф'АИ ТРОДОГ
УАААХ

ОГТРОД АИ'Ф
ГЕБ'Л—ЕЕ'Х
ЙОГ-СОТОТ
НГАХ'НГ АИ'Й
ЗХРО

Виллет мог поклясться, что уже слышал где-то эту формулу, и каждый раз, когда он встречал ее в тексте, по спине пробегал холодок страха. Не в ту ли ужасную Страстную пятницу он слышал нечто подобное? Формула повторялась в бумагах так часто, что доктор, сам того не замечая, стал бормотать ее вслух. Наконец, просмотрев все бумаги и отобрав самые, по его мнению, важные, доктор решил оставить прочие до той поры, когда сможет привести сюда своих коллег-скептиков для более систематического дальнейшего осмотра. Надо было еще найти тайную лабораторию; поэтому, оставив сумку в освещенной комнате, Виллет снова вышел в черный зловонный коридор, под сводами которого эхом отдавался непрекращающийся тоскливый вой.

Открывая поочередно двери следующих комнат, доктор увидел, что некоторые из них совершенно пусты, другие заставлены полуистлевшими деревянными ящиками и свинцовыми гробами — размах чудовищных экспериментов старого Джозефа Карвена был воистину впечатляющим. Виллет размышлял о бесследно пропавших чернокожих рабах и местных моряках, о могилах, подвергшихся осквернению во всех частях света, и о том, что должны были увидеть те люди, которые участвовали в нападении на ферму Карвена. Но вот справа по ходу туннеля он увидел широкую каменную лестницу и подумал, что она должна вести к одному

из домов в бывших владениях Карвена — возможно, к тому самому печально знаменитому каменному строению с узкими бойницами вместо окон, если считать, что лестница, по которой он спустился, находилась на месте главного здания фермы. Внезапно стены раздались вширь, зловоние и вой стали нестерпимыми, и перед доктором открылся огромный подземный зал. Он был так обширен, что луч фонаря не достигал его противоположного конца. Своды потолка поддерживали массивные колонны.

Через некоторое время он подошел к целой группе каменных плит, расположенных кольцом, наподобие монолитов Стоунхенджа. В центре кольца на пьедестале высился резной алтарь, к которому вели три ступени. Доктор подошел поближе, чтобы рассмотреть причудливую резьбу при свете фонаря, но тут же подался назад, охваченный дрожью, и уже не пытался исследовать природу темных пятен, покрывавших верхнюю часть алтаря и тонкими полосками спускавшихся по его боковым сторонам. Пробравшись между колоннами к противоположной стене, он пошел вдоль ее массивной каменной кладки, образующей гигантский круг, кое-где разрываемый черными прямоугольниками дверей и усеянный множеством забранных железными решетками ниш, в глубине которых виднелись ручные и ножные кандалы, вделанные в заднюю стену. Все ниши были пусты. Зловоние и вой становились все сильнее, и иногда к стонам примешивались новые звуки, напоминавшие удары по чему-то скользкому и липкому.

3

Жуткие звуки и смрад настолько усилились, что Виллет уже не мог сосредоточиться на чем-либо ином. Звуки эхом перекатывались в огромном зале и казались исхо-

дящими из какой-то бездонной пропасти, расположенной еще глубже, чем этот погруженный в темноту загадочный подземный мир. Прежде чем ступить на одну из лестниц, уходящих вниз от центрального зала, доктор осветил лучом фонарика вымощенный каменными плитами пол. На неравном расстоянии друг от друга попадались плиты со множеством небольших, беспорядочно расположенных отверстий; в одном углу зала была небрежно брошена очень длинная деревянная лестница, источавшая особо резкое зловоние. Осторожно обойдя лестницу, Виллет заметил, что и запах, и зловещие звуки чувствовались сильнее всего у странных плит с проделанными в них отверстиями. Похоже, они здесь играли роль люков, ведущих еще глубже, в самое средоточие ужаса. Встав на колени у одной из плит, доктор попытался приподнять ее, и ценой огромных усилий ему удалось это сделать. Когда он дотронулся до холодного камня, вой внизу стал громче, но, собрав все свое мужество, доктор приоткрыл каменную крышку подземного колодца. Из отверстия вырвалась струя невыносимого зловония, от которого Виллет едва не потерял сознание, но он все же откинул каменную плиту и осветил зияющую черную дыру.

Он ожидал, что увидит ступени, ведущие вглубь, к источнику странных звуков, но, задышавшись от ядовитых испарений, из-за которых началась резь в глазах, различил лишь кирпичный колодец диаметром примерно в полтора ярда. Ни ступенек, ни каких-либо иных приспособлений для спуска там не было. Когда луч света скользнул вниз, вой немедленно сменился ужасающими воплями, скрежещущими звуками; наконец раздался глухой гулкий стук, словно неведомое существо, таящееся в колодце, царапая когтями по скользким стенам, попыталось выбраться из своей темницы и сорвалось на дно. Доктора охватил ужас. Он боялся даже представить себе, как может выглядеть скры-

вавшееся внизу чудовище. Все же, собравшись с духом, он лег на пол и свесил голову за край люка, держа фонарик на расстоянии вытянутой руки и вглядываясь в темноту. Вначале были видны лишь скользкие, обросшие мхом кирпичные стены, бесконечно уходящие вниз, туда, где клубились тошнотворные испарения и раздавался злобный рев, а потом он различил лихорадочное движение в самой глубине узкого колодца, дно которого было на двадцать — двадцать пять футов ниже уровня каменного пола: что-то темное неуклюже прыгало, пытаясь выбраться наружу. Рука, державшая фонарик, дрогнула, но доктор заставил себя снова посмотреть вниз; он должен был убедиться, что в глубине зловещего подземелья действительно замуровано живое существо. Чарльз оставил его здесь умирать от голода — ведь прошло уже несколько месяцев с тех пор, как его увезли в лечебницу, и из множества подобных тварей, заключенных в каменные гробы с просверленной крышкой, которых так много в этом огромном сводчатом подземелье, наверняка выжило лишь несколько. Каким бы ни было заживо погребенное существо, оно не могло даже улечься в своей тесной узкой норе: все эти страшные недели оно стояло, корчилося и выло, подпрыгивая на слабых ногах, тщетно ожидая избавления, ибо хозяин оставил его голодным и беспомощным.

Маринус Бикнелл Виллет, опытный хирург, за свою жизнь чего только не повидавший в прозекторской, до сих пор сожалеет, что решился бросить в глубину колодца еще один взгляд. Трудно сказать, почему вид этого существа, каким бы уродливым оно ни было, мог так потрясти его. Возможно, определенные формы способны внушать необъяснимый ужас, пробуждая древние, таящиеся в подсознании инстинкты, — словно исчезает на миг спасительное покрывало, и человек остается один на один с непознаваемыми вселенскими силами, с тем неведомым, что доселе

скрывали от него спасительные иллюзии здравого смысла. Как раз одну из таких форм узрел Виллет в глубине колодца и на несколько минут был охвачен безумием, словно сам превратился в пациента лечебницы доктора Вейта. Фонарик выпал из его онемевших пальцев, но доктор даже не обратил внимания на хруст, раздавшийся внизу, когда фонарь достиг страшного пленника. Виллет кричал и кричал, не в силах остановиться. Ни один из его друзей не поверил бы, что подобный панический визг может исходить из уст почтенного доктора. Ноги не держали его, и он пытался ползти, катиться по скользкому полу, стремясь оказаться как можно дальше от адского колодца, обитатель которого отвечал заунывным воем на его панические вопли. Он ободрал руки о грубо отесанные камни и несколько раз ударился головой о колонну.

Понемногу доктор пришел в себя. Вокруг расстился зловонный мрак. Виллет закрыл ладонями уши, чтобы не слышать глухих злобных стонов, которыми сменились давешние вопли. Тело доктора покрылось липким потом. Вокруг царили непроглядная тьма и неизбывный страх. Внизу, под ним, копошились десятки несчастных созданий, все еще живых; с одного из колодцев он сам, собственными руками снял крышку... Виллет сознавал, что существо, которое он увидел, никогда не сможет взобраться вверх по скользким стенам, и все же дрожал, не в силах избавиться от навязчивой мысли, что оно найдет какую-нибудь опору и выкарабкается из своей темницы.

Впоследствии доктор не мог описать это существо; он говорил лишь, что оно напомнило ему одну из фигур, вырезанных на чудовищном подземном алтаре. Природа никогда не создавала чего-либо подобного: создание выглядело как бы незавершенным, словно некий безумец слепил его из частей, не подходящих друг к другу. Очевидно, они были воссозданы из того, что Вард называл «несовершенными

солями», и приносились в жертву во время свершения различных ритуалов. Потому-то их изображения и были вырезаны на алтаре. Среди изображений попадались твари пострашнее той, что так испугала доктора Виллета, — а ведь он заглянул только в один из колодцев! Блуждая под темными сводами старого подземелья, Виллет вдруг припомнил фразу из письма Саймона Орна (он же Джедедия Орн), адресованного Карвену: «Разумеется, ничего, кроме ожившей Монструозности, не вышло, когда Хатчинсон воссоздал Целое из того, что сумел собрать лишь в малой части».

Потом он подумал о найденном в поле близ Потаксета обугленном трупе получеловека-полузверя. По словам старого Слокума, это произошло сразу же после нападения на ферму Карвена.

Жуткие образы теснились в голове Виллета, раскачивавшегося на корточках в полной темноте на полу зловонного подземелья. Он старался взять себя в руки, громко повторяя все, что приходило ему на ум: знакомые с детства молитвы, модернистские пассажи из «Бесплодной земли» Элиота, и наконец, сам не зная почему, стал произносить запавшую в память двойную формулу, которую нашел в подземной лаборатории Чарльза: «Й'АИ 'НГ'НГАХ, ЙОГ-СОТОТ...» и далее, вплоть до последнего слова «ЗХРО». Звук собственного голоса немного успокоил его, и через некоторое время он поднялся на ноги. Как он жалел сейчас о потерянном фонарике! Он искал хотя бы проблеск света в густом, как чернила, мраке. Сырой, леденящий воздух словно прилипал к телу. Доктор оглядывался по сторонам, напрягая глаза. Может быть, на одной из стен покажется отражение света ламп, которые он зажег в лаборатории Чарльза? Через некоторое время ему показалось, что он увидел слабый блик где-то очень далеко, и он пополз туда на четвереньках, ощупывая перед собой пол, чтобы не упасть

в открытый колодец и не удариться о какую-нибудь из бесчисленных колонн.

Его дрожащие пальцы нащупали ступень, ведущую к алтарю, и он с отвращением отдернул руку. Немного позже он наткнулся на просверленную плиту, затем — на край отверстия и стал двигаться еще осторожнее, почти не отрывая ладони от пола. Наконец колодец остался позади. Существо, заключенное в нем, уже не выло и не шевелилось. Очевидно, проглоченный электрический фонарик не пошел ему впрок. Виллету попадались все новые просверленные плиты, закрывавшие отверстия колодцев, и каждый раз, как руки доктора касались такой плиты, он вздрагивал, и вой внизу становился громче, хотя он старался двигаться бесшумно. Вдруг доктор заметил, что светлое пятно, к которому он уже подполз довольно близко, тускнеет, и понял, что лампы одна за другой гаснут. Он может остаться в полной темноте и заблудиться в этом кошмарном царстве подземных лабиринтов! Доктор вскочил на ноги и бросился бежать — ведь открытый колодец остался позади и он больше не боялся упасть в него. Если свет погаснет и он заблудится, ему остается надеяться только на Варда. Добежав до ближайшего коридора, доктор увидел, что свет выходит из открытой двери справа. Собрав все силы, доктор бросился туда и очутился в лаборатории Чарльза. Задыхаясь от изнеможения, он увидел, как медленно гаснет огонь последней лампы, спасшей ему жизнь.

4

В следующую секунду доктор с лихорадочной поспешностью нашарил в углу спички и еще ранее примеченную им канистру с маслом, после чего заправил и зажег все лампы. Теперь комната снова была ярко освещена, и он

стал искать фонарик, чтобы продолжать осмотр подземелья. Хотя доктор чувствовал сильную усталость и был потрясен увиденным, он не отказался от намерения выяснить подлинную причину внезапного безумия Чарльза. Не найдя фонаря, он взял самую маленькую масляную лампу, рассовал по карманам несколько коробков спичек и свечей и вдобавок прихватил еще канистру с маслом вместимостью около галлона, рассудив, что запас не помешает, если тайная лаборатория Чарльза находится где-то далеко в глубине подземелья, позади центрального зала с его мерзким алтарем в окружении бесчисленных каменных колодцев. Виллету понадобилось собрать все свое мужество, чтобы вновь пройти тем же путем. На этот раз он решил двигаться вдоль стены зала, подальше от алтаря и открытого колодца, один за другим обследуя отходящие от зала туннели.

И вот он снова очутился среди воя и смрада, пробираясь меж массивных колонн под нависшими сводами подземного зала. Он немного прикрутил фитиль лампы, чтобы при тусклом свете нельзя было даже издали различить очертания алтаря и зияющее отверстие открытого колодца. В некоторых проходах были двери, которые большей частью вели в маленькие комнаты. Иные из них были совершенно пусты, а в других, когда-то бывших кладовыми, Виллет нашел целую коллекцию любопытных предметов. Одна кладовая была доверху забита полуистлевшими горами тряпья; в основном это была одежда, какую носили полтора-два столетия тому назад. В следующей комнате хранилось множество комплектов современной мужской одежды, которой хватило бы на добрую сотню человек. В некоторых помещениях стояли большие медные чаны, в каких обычно держат едкую кислоту. Об их предназначении можно было догадаться по остаткам человеческих костей на дне некоторых чанов. Это зрелище внушило ему даже большее омерзе-

ние, чем свинцовые гробы странной формы, еще хранившие часть своего отвратительного содержимого. Вокруг них витал тошнотворный сладковатый запах разложения, уловимый даже сквозь смрад, который пропитал все подземелье. Пройдя большую часть полукруга, образованного стеной, доктор Виллет обнаружил еще один широкий коридор со множеством боковых дверей. Первые три комнаты были невелики и не содержали ничего интересного. Четвертая комната была гораздо большего размера. Здесь имелось несколько столов, баки, газовые горелки, различные инструменты и в беспорядке разбросанные на столах книги, а вдоль стен — бесконечные ряды полок, уставленных колбами и бутылками. Казалось, хозяин этой комнаты только что вышел отсюда. Вот она — тайная лаборатория Чарльза Варда! И без сомнения, эта комната некогда была лабораторией Джозефа Карвена.

Доктор Виллет зажег несколько масляных ламп, резервуары которых были наполнены еще Чарльзом, и стал с интересом осматривать комнату. На полках стояло множество различных химических реактивов. Их названия наводили на мысль, что интересы молодого Варда лежали главным образом в области органической химии. В лаборатории стоял также стол для анатомического вскрытия, но в целом по характеру научного оборудования нельзя было сделать вывод, чем именно занимался Вард. Осмотрев комнату, доктор почувствовал даже некоторое разочарование: здесь не было ничего могущего объяснить причину безумия Чарльза. Среди лежавших на столе книг доктор увидел старинное издание Бореллия, в котором, как оказалось, Вард подчеркнул тот же пассаж, что полтора века назад так напугал доброго мистера Меррита. Экземпляр Карвена наверняка пропал вместе с другими книгами по оккультным наукам во время нападения на ферму. Из лаборатории вели три двери, и доктор поочередно открыл каждую. За двумя оказались не-

большие кладовки; Виллет внимательно осмотрел их содержимое. Среди прочего там обнаружилось несколько рядов поставленных друг на друга полусгнивших и почти целых гробов с прибитыми к ним табличками, несколько надписей на которых он сумел разобрать. В этих помещениях были также целые кипы самой разнообразной одежды, несколько совершенно новых, заколоченных гвоздями ящиков, которые он не открыл из-за недостатка времени. По мнению доктора, самым интересным из всего, что он там нашел, были странные предметы, которые, очевидно, представляли собой остатки лабораторных приборов старого Карвена. Сильно поврежденные участниками давнего набега, они тем не менее были вполне узнаваемы как оборудование для химических опытов, применявшееся в XVIII веке.

Третья дверь вела в просторное помещение, стены которого были целиком заставлены шкафами, а в центре стоял стол с двумя большими масляными лампами. Виллет зажег их и в ярком свете стал внимательно оглядывать окружающие его шеренги полок. Верхние были пусты, а остальные сплошь заставлены свинцовыми сосудами двух типов: одни высокие и без ручек, как древнегреческие лекифы — кувшины для масла, другие с одной ручкой, широкие и низкие. Все они были закупорены металлическими пробками и испещрены рельефно выступающими загадочными символами. Доктору бросилось в глаза, что сосуды расставлены в строгом порядке: все высокие сосуды разместились на полках с одной стороны комнаты, где была прибита деревянная дощечка с надписью «Custodes», а низкие стояли с противоположной стороны, под надписью «Materia». На каждом сосуде — кроме нескольких пустых на верхних полках — имелась бирка с номером, вероятно, обозначающим соответствующий номер каталога. Виллет решил непременно отыскать этот каталог. Но сейчас его больше интересовало, чем кроме формы разнятся между собой сосуды. Он наудачу открыл

несколько высоких и низких кувшинов, чтобы получить представление об их содержимом. Во всех было одно и то же: немного мелкого, как пыль, порошка разных цветов — серого, светло-зеленого, тускло-коричневого или белого. Содержимое сосудов различалось лишь по цвету, причем невозможно было заметить какую-либо закономерность. Голубовато-серый порошок мог стоять рядом со светло-розовым, некоторые сосуды — неважно, высокие или низкие — имели совершенно одинаковое с виду содержимое. Самым примечательным было то, что этот порошок ни к чему не прилипал. Виллет высыпал на ладонь немного порошка, а когда вернул его обратно в сосуд, на руке не осталось ни единой крупинки.

Названия двух разновидностей сосудов поначалу озадачили доктора, который, кроме того, не мог понять, почему они помещены отдельно от стеклянных банок, хранящихся в соседней комнате. Он знал, что латинские слова «Custodes» и «Materia» соответственно означают «Стражи» и «Материал», а потом вдруг вспомнил: конечно же, слово «стражи» фигурировало в недавно полученном на имя доктора Аллена письме от человека, утверждающего, что он — проживший мафусаилов век Эдвард Хатчинсон. Одна фраза из этого письма запомнилась доктору почти дословно: «Нет необходимости держать Стражей наготове, и будет меньше найдено в случае Неприятностей, как вам слишком хорошо известно». Что бы это могло значить? «Погоди-ка, — сказал он себе, — а не упоминались ли эти стражи еще где-нибудь?» И тут его осенило. В то время, когда Чарльз еще не был таким скрытным, он много рассказывал о дневнике Элеазара Смита. В одном месте дневника, где говорилось о том, как Виден и Смит наблюдали за фермой Карвена, упоминался подслушанный ими разговор, в котором шла речь о каких-то пленниках, которых Карвен держал в подземелье, и о стражах этих пленников. Эти «стражи», судя по письму

Хатчинсона, не были у Аллена «наготове», то есть воссозданными в своем первоначальном виде. Значит, они хранятся в виде порошка, или «солей», в которые эта банда колдунов превращала человеческие останки.

Так вот что хранилось в этих лекифах: чудовищный результат богопротивных ритуалов и преступных деяний, прах людей, которые должны были помимо своей воли поклониться могущественным заклинаниям и, получив новую, противоестественную жизнь, защищать своего мучителя и приводить к повиновению непокорных! Виллет содрогнулся, подумав о том, какой порошок он только что держал на ладони. На минуту им овладела слабость, и он готов был бежать сломя голову из этого подземного хранилища, от ужасных полок, на которых стояли молчаливые, но, возможно, следившие за каждым его шагом часовые. Потом доктор подумал о «материале», содержащемся в низких широких сосудах. Тоже прах, «соли», но чей прах? О господи! Возможно ли, чтобы в этой пещере были собраны останки великих мыслителей, ученых и философов Земли от глубокой древности вплоть до наших дней, похищенные этими чудовищами из могил и склепов, где они должны покоиться в мире? Неужто должны они повиноваться воле безумца, задумавшего извлечь все их знания и мудрость для исполнения своего ужасного замысла, от которого будет зависеть, как писал несчастный Чарльз, «судьба всей человеческой цивилизации, всех законов природы, может быть, даже Солнечной системы и всего мироздания»? А он, Маринус Бикнелл Виллет, бездумно перебирал пальцами их прах!

Немного успокоившись, доктор продолжил обследование комнаты. Заметив небольшую дверь в противоположной стене, он стал изучать знак, небрежно начертанный над ней. Этот простой символ наполнил его душу смутным страхом, ибо один его друг, чудака и мечтатель по имени Рэндольф Картер, однажды нарисовал такой же знак на бу-

маге и объяснил, чего следует ожидать, встретив его в темных безднах сновидений. Этот знак люди видят иногда во сне начертанным над входом в мрачную черную башню, едва различимую в призрачных сумерках. Виллет помнил, как неприятно поразило его то, что Картер говорил о силе, которой обладает знак. Но уже через мгновение доктор забыл о нем, почувствовав резкий запах каких-то ядовитых химикалий, который проникал из комнаты, находящейся за дверью, и был явственно различим даже в насыщенном зловонием воздухе. Виллет сразу узнал этот запах — им была пропитана одежда Чарльза Варда в тот день, когда его увезли в лечебницу. Значит, он находился именно здесь, когда незванные посетители прервали его опыты. Он оказался благоразумнее старого Джозефа Карвена и не стал сопротивляться. Полный решимости разгадать все тайны зловещего подземелья, доктор взял лампу и переступил порог.

Комната была невелика. В ней находились стол, единственный стул и несколько странных приспособлений с зажимами и винтами, напомнивших Виллету средневековые орудия пытки. На стене рядом с дверью висели на крюках плети и бичи устрашающего вида, над ними были прибиты полки с рядами неглубоких свинцовых чаш на подставках, напоминавших греческие килики. Все чаши были пусты. На столе, рядом с большой лампой, лежали блокнот и карандаш; здесь же находились закупоренные высокие сосуды «стражей», снятые с лабораторных полок. Судя по беспорядку, это помещение было покинуто в большой спешке. Виллет зажег лампу и стал перелистывать страницы блокнота, но нашел лишь отрывочные заметки, сделанные угловатым почерком Карвена и ни о чем ему не говорившие:

*В. не умер. Прошел сквозь стены и скрылся Внизу.
Видел старого В. Он произнес имя Саваоф и узнал истинный Путь.*

Трижды вызывал того, чье имя Йог-Сотот, и на следующий день отсылал Его.

Ф. пытался все уничтожить, призвав Тех, что обитают в Иных Сферах.

В ярком свете лампы доктор увидел, что в стену, по содействию с орудиями пыток, вбито множество деревянных колышков, на которых висят некогда белые, а сейчас сильно пожелтевшие бесформенные одеяния. Все стены в комнате были покрыты изображениями мистических символов и формулами, грубо высеченными на гладком камне. Серые плиты пола тоже были исчерчены, и Виллет проследил линии, образующие большую пентаграмму в центре комнаты. Между пентаграммой и углами комнаты были нарисованы мелом круги диаметром примерно в три фута. В одном из кругов находились пожелтевшее одеяние, свинцовая чаша на подставке и низкий пузатый кувшин из соседней комнаты, на котором висела бирка с номером 118. Он был откупорен и, как убедился доктор, осмотрев его, совершенно пуст. Его содержимое, вероятно, было пересыпано в чашу, содержащую сухой, сероватый, слегка светящийся порошок, такой легкий, что он оставался в чаше только потому, что воздух здесь был совершенно неподвижен. Доктор вздрогнул, подумав о том, что происходило в этой комнате. Разрозненные факты стали связываться в единое целое. Бичи, плети и орудия пыток, прах из кувшинов с «материалом», два сосуда с прахом «стражей», формулы на стенах, пометки в блокноте, странные одеяния... Доктор с ужасом вспомнил загадочные письма и легенды, а также мучительные подозрения, терзавшие друзей и родных Варда.

Сделав над собой усилие, Виллет отогнал эти мысли и стал рассматривать высеченные на стенах формулы. Их покрывали зеленоватые пятна плесени; некоторые знаки по-

чти стерлись — вероятно, надписи были сделаны еще во времена Карвена. Одна из формул была знакома доктору — именно ее слышала миссис Вард в ночь на Страстную пятницу. Чарльз повторял ее многократно, так что она поневоле запомнила эти слова и потом пересказала их доктору. Тогда же Виллет обратился за разъяснением к известному знатоку магии, и тот сказал, что это одно из самых сильных заклинаний, с помощью которых вызывают неведомые существа из внешних сфер. Здесь это заклинание слегка отличалось как от пересказа миссис Вард, так и от варианта, продемонстрированного Виллету упомянутым специалистом в запретном сочинении Элифаса Леви, но это без сомнения была та же самая формула, где фигурировали имена Саваофа, Метратона, Альмонсина и Зариатнатмика. Все это не могло не повергнуть в трепет человека, совсем недавно ощутившего присутствие неземного, запредельного ужаса.

Заклинание было высечено на стене слева от двери. На правой стене надписей было меньше; среди них Виллет увидел парную формулу, уже встречавшуюся ему при разборе записей в подземной библиотеке. Ее предваряли символы «Головы дракона» и «Хвоста дракона», однако написание слов сильно отличалось от современной версии — вероятно, Карвен использовал иной способ обозначения звуков или же новейшие исследования выявили более совершенный вариант заклинания. Доктор попытался сопоставить надпись на стене с той, что запомнил при чтении записей Варда, однако это оказалось непростым делом. У Варда заклинание начиналось словами «Й'аи 'нг'нгах, Йог-Сотот», а здесь оно выглядело как «Айе, энгенгах, Йог-Сотот», что предполагало несколько иную разбивку на слоги во втором слове.

Поскольку он успел накрепко затвердить «современную» версию, это мешало сосредоточиться на усвоении древнего варианта. Впившись взглядом в надпись на стене, док-

тор, сам того не замечая, принялся вслух произносить формулу. Жутко и угрожающе звучал его голос; постепенно слова слились в монотонный гудящий напев, от которого веяло чем-то древним и таинственным, и ему вторил леденящий душу вой, доносившийся издали из гулких колодцев, то взмывая, то утихая в каком-то странном ритме:

Й'АИ' НГ'НГАХ,
ЙОГ-СОТОТ
Х'ЕЕ—Л'ГЕБ
Ф'АИ ТРОДОГ
УАААХ!

Откуда взялся пронзительный холодный ветер, что закружил по комнате в ответ на этот напев? Огонь в лампах заметался под его порывами; стало так темно, что надпись на стене едва можно было различить. Заклубился дым; во круг разнесся едкий запах, заглушивший даже смрад, доносящийся из колодцев,— этот запах чувствовался и раньше, но сейчас стал нестерпимо сильным. Доктор повернулся, чтобы посмотреть, что происходит за его спиной. Из чаши на полу, хранившей светящийся порошок, поднимались густые клубы черно-зеленого дыма. Боже мой! Этот прах... он был взят на полке с надписью «Materia»... Что здесь происходит? Формула, которую он сейчас произнес — «Голова дракона», или «Восходящий узел»,— это первая часть парного заклинания... Боже милосердный, неужели действительно...

Доктор покачнулся. В голове мелькали обрывки прочитанного, бессвязные картины — все, что он видел и слышал за последнее время. «Как и много лет назад, снова говорю вам: не вызывайте То, что не сможете одолеть,— из мертвой Золы, равно как и из внешних Сфер... Держите постоянно наготове Слова, потребные для того, чтобы вернуть нечто в небытие, и немедленно остановитесь, если появится хотя

бы малейшее сомнение относительно того, КТО перед вами... Я имел три Беседы с Тем, Кто был Внутри...» *Силы небесные! Что за фигура показалась в постепенно тающем облаке дыма?*

5

Маринус Бикнелл Виллет не надеялся, что ему повесят, и потому рассказал о своем приключении лишь узкому кругу избранных друзей. Люди, узнавшие об этом из третьих уст, высмеивали доктора, говоря, что он впадает в старческий маразм. Ему советовали хорошенько отдохнуть и в будущем не иметь дела с душевными болезнями. Но Вард-старший знал, что доктор не солгал и ничего не приукрасил. Разве он не видел собственными глазами злобное отверстие в подвале коттеджа? Вернувшись домой в то злополучное утро, мистер Вард, разбитый и обессиленный, забылся тяжелым сном и проспал до самого вечера. На следующий день он много раз звонил доктору Виллету, но никто ему не отвечал. Когда стемнело, встревоженный Вард отправился в Потаксет, где нашел своего друга лежавшим без сознания на койке в одной из верхних комнат коттеджа. Виллет дышал с трудом, но, сделав глоток бренди, которое Вард предусмотрительно захватил с собой, медленно открыл глаза. Потом он внезапно соскочил с кровати и крикнул, словно в бреду: «О боже, кто вы такой? Эта борода... глаза...» Слова его прозвучали по меньшей мере странно, ибо с ними он обращался к аккуратному, чисто выбритому джентльмену, которого знал уже много лет.

Между тем при свете дня все вокруг выглядело так же, как накануне. Одежда Виллета была почти в полном порядке, лишь на коленях можно было заметить пятна и небольшие прорехи. Почти выветрившийся терпкий запах напо-

мнил мистеру Варду кислую вонь, которой пропахла одежда его сына в тот день, когда его увозили в лечебницу. Фонарик доктора пропал, но сумка была на месте, совершенно пустая. Ничего не объясняя Варду, Виллет нетвердыми шагами спустился в подвал и попробовал приподнять плиту, но она не поддавалась. Пройдя в угол подвала, где лежали инструменты, доктор взял ломик и с его помощью немного приподнял плиту. Под ней друзья увидели аккуратно забетонированную поверхность — никаких следов отверстия! Исчез зловонный люк, больше не было доступа к подземному миру ужасов, к тайной лаборатории с высеченными на стенах формулами, к глубоким каменным колодцам, откуда раздавался вой и струилось зловоние... Доктор Виллет побледнел и схватил за руку своего спутника.

— Вчера... Вы ведь сами видели...— пробормотал он.— Вы ведь чувствовали запах?

Мистер Вард, сам донельзя удивленный и испуганный, утвердительно кивнул.

— Тогда я вам все расскажу,— сказал доктор.

Они поднялись наверх и расположились в самой светлой из комнат коттеджа, после чего доктор поведал обо всем случившемся в подземелье. Последнее, что он помнил, были медленно рассеивающиеся клубы зеленовато-черного дыма, сквозь которые проступал неясный силуэт. Виллет слишком устал, чтобы строить догадки о произошедшем потом. Мистер Вард, изумленно качавший головой во время рассказа, наконец сказал приглушенным голосом:

— Может, попробуем раскопать вход в подземелье?

Доктор промолчал, не представляя, чем может ответить человеческий разум на вторжение в привычный ему мир неведомых сил, зародившихся по ту сторону Великой Бездны.

— Но куда делось существо, возникшее из дыма? — спросил мистер Вард.— Ведь это оно отнесло вас сюда, а потом каким-то образом заделало отверстие!

Доктор Виллет промолчал и на сей раз.

Однако неведомое существо все же оставило после себя след. Когда Виллет хотел достать носовой платок, он обнаружил у себя кармане помимо свечей и спичек из лаборатории неизвестно как очутившийся там клочок бумаги. Это был обычный лист, вероятно, вырванный из блокнота, лежавшего на столе в той подземной комнате ужасов. Надпись на бумаге была сделана обычным карандашом — без сомнения тем, что лежал рядом с блокнотом. Лист был небрежно сложен, как самая обычная записка, и лишь слабые следы едкого запаха напоминали о том, откуда явилось это послание. Сам же текст был поистине необычным: составлявшие его буквы больше походили на вычурные изломанные символы. И все же доктор смог различить отдельные знаки, которые показались ему знакомыми.

Ɔɹɹɹɹɹ ɹɹɹɹɹɹ Ɔɹɹ.
 Ɔɹɹɹɹɹ ɹɹ ɹɹɹɹɹ ɹɹɹɹɹɹɹɹɹ
 ɹɹ ɹɹɹɹɹ ɹɹɹɹɹɹɹɹ.
 Ɔɹɹɹɹɹ ɹɹɹɹɹ.

Это набросанное торопливой рукой послание словно прибавило им решимости. Они торопливо вышли из дома, сели в машину, и Вард приказал шоферу отвезти их в какой-нибудь не шумный ресторан. Подкрепившись, они отправились в библиотеку Джона Хея в верхней части города, где до позднего вечера изучали различные труды и пособия по палеографии. Наконец они нашли то, что им требовалось. Символы в записке оказались не тайнописью, а обычным рукописным шрифтом, употреблявшимся в раннем Средневековье. Это были старинные саксонские буквы восьмого или девятого века нашей эры — свидетели беспокойных времен, когда под тонким покровом христианского учения

еще таились древние верования и ритуалы, когда на Британских островах под бледным светом луны еще совершались тайные обряды среди развалин римских крепостей Керлеона и Гексхэма и в башнях разрушавшейся стены Адриана.

Записка была составлена на варварской латыни, характерной для тех веков: *«Corvinus necandus est. Cadaver aq(ua) forti dissolvendum, nec aliq(ui)d retinendum. Tace ut potes»*. Это можно было приблизительно перевести так: *«Карвен должен быть уничтожен. Тело следует растворить в кислоте, ничего не оставляя. Храните полное молчание»*.

Виллет и мистер Вард, расшифровав послание, долго молчали. После всего пережитого ничто уже не могло их удивить. Они просидели в библиотеке до самого закрытия, затем отправились домой к Варду на Проспект-стрит и проговорили всю ночь, так и не придя ни к какому решению. Доктор пробыл у Варда до воскресенья, когда позвонили детективы, которым было поручено разузнать как можно больше о таинственном докторе Аллене.

Мистер Вард, нервно расхаживавший по комнате, бросился к телефону и, услышав от детективов, что расследование почти закончено, попросил их прийти к нему на следующее утро. И Виллет, и Вард были совершенно уверены, что Карвен, которого автор послания просил уничтожить, — не кто иной, как доктор Аллен. Чарльз тоже боялся этого человека и написал, что тело его следует растворить в кислоте. Аллен получал письма из Европы, адресованные Карвену, и, без сомнения, считал себя его воплощением. Такое вряд ли можно назвать простым совпадением. И разве Аллен не намеревался убить Чарльза по наущению некоего существа, именовавшего себя Хатчинсоном? Из писем, которыми обменивались эти люди, было ясно, что Аллен попытается убрать юношу, если тот станет слишком «строптивым». Следовало как можно скорее найти Аллена и сделать все, чтобы он не смог повредить Чарльзу.

В тот же день Вард вместе с Виллетом отправился в лечебницу, надеясь, что Чарльз сообщит что-нибудь новое. Виллет спокойным тоном рассказал юноше обо всем увиденном в подземелье, приведя множество деталей, доказывающих, что это не пустые выдумки. Щеки Чарльза покрылись мертвенной бледностью. Рассказывая о каменных колодцах и сидящих в них чудовищных тварях, доктор постарался, как мог, расцветить свое описание устрашающими подробностями, однако Чарльз оставался безучастным. Виллет негодуяще заговорил о том, что эти существа умирают от голода, обвинив Чарльза в бессердечии и жестокости. Однако в ответ он услышал лишь саркастический смех. Чарльз, поняв бесполезность уверток, казалось, воспринимал происходящее с мрачным юмором. Он произнес своим неприятным свистящим шепотом:

— Черт возьми! Эти проклятые твари жрут, но вовсе не нуждаются в постоянном питании. Вы говорите, месяц без еды? Это просто смешно, сэр, — что для них месяц! Их создали специально для того, чтобы подшутить над бедным стариной Випплом, который постоянно болтал о божественной благодати и грозил небесным возмездием. Проклятье! Старикашка тогда чуть не оглох от грохота Внешних Сфер! Дьявол возьми этих чертовых тварей, *они воют там внизу вот уже сто пятьдесят семь лет, с тех самых пор, как прикончили Карвена!*

Больше Виллет ничего от него не добился. Глядя на Чарльза, доктор испытывал одновременно сострадание и страх. Как он изменился за последние месяцы! Это неудивительно — ведь молодому человеку пришлось столько пережить! Он продолжал свой рассказ, надеясь, что какая-нибудь подробность все же сорвет с Чарльза маску напускного безразличия. Когда доктор упомянул о комнате с начертанными на стенах формулами и зеленоватым порошком в чаше, Чарльз несколько оживился. Он насмешливо улыбнулся, услышав, что прочел Виллет в записной книжке,

лежавшей на столе, и сказал, что это старые заметки, бесполезные для людей, недостаточно знакомых с историей магии.

— Но, — добавил он, — если бы вы знали слова, способные возродить к жизни то, что я высыпал в чашу, вы бы не смогли явиться сюда и говорить со мной. Это был номер сто восемнадцать, и, думается мне, вы были бы потрясены, если бы узнали, кто значится под этим номером в моем каталоге. Прежде я никогда не вызывал его и собирался сделать это как раз в тот день, когда вы увезли меня сюда.

Потом Виллет рассказал о том, как произнес заклинание и как со дна бокала поднялся дым, — и тут впервые увидел страх в глазах Чарльза.

— Он таки явился, и вы остались живы! — произнес он уже не хриплым шепотом, а звучным басом, который отдался в комнате зловещим эхом.

Виллет решил воспользоваться внезапным волнением своего пациента и процитировал отрывок из письма, который запомнил наизусть: «Не забудь, что все надгробия переставлены, и никогда нет полной уверенности...» Потом он молча вынул из кармана полученное им странное послание и поднес его к глазам пациента. Результат превзошел все его ожидания: Чарльз Вард тотчас лишился чувств.

Этот разговор происходил в отсутствие психиатров, и содержание его осталось неизвестным ни врачам лечебницы, ни приезжим знаменитостям, дабы те не могли обвинить доктора Виллета в том, что он способствует развитию мании молодого Варда. Виллет и мистер Вард не стали звать никого из персонала лечебницы; они подняли рухнувшего на пол Чарльза и перенесли его на кровать. Приоткрыв глаза, больной несколько раз невнятно пробормотал, что нужно скорее предупредить Орна и Хатчинсона. Когда Чарльз окончательно пришел в себя, доктор сказал ему, что по крайней мере один из этих подозрительных субъектов — его злейший враг, посоветовавший доктору Аллену расправиться

с ним. Чарльз никак на это не среагировал, лицо его было словно у загнанной дичи. Вскоре посетители удалились и на прощание снова предостерегли юношу насчет Аллена. Чарльз ответил, что об этом человеке уже позаботились и он не сможет причинить никакого вреда, даже если очень захочет. Это было произнесено со зловещим смешком, от которого мороз пробежал у них по коже. Виллет и Вард были уверены, что Чарльз не сумеет предупредить Орна и Хатчинсона, поскольку администрация лечебницы задерживала для проверки все письма, отправляемые больными, и не пропустила бы послание, отмеченное признаками явного безумия.

Однако история Орна и Хатчинсона — если корреспондентами Аллена действительно были эти изгнанные из Салема колдуны — имела любопытное продолжение. Движимый каким-то неясным предчувствием, Виллет обратился в международное пресс-бюро, попросив присылать ему газетные вырезки, рассказывающие о различных происшествиях и преступлениях, совершенных за последний год в Праге и восточной Трансильвании. Через несколько месяцев он нашел среди переведенных для него вырезок две очень интересные заметки. В одной говорилось о том, как в древнем квартале Праги неожиданно рухнул дом и его единственный жилец, некий Иозеф Наде, глубокий старик, бесследно исчез. В другой заметке сообщалось о мощном взрыве в горах Трансильвании, к востоку от Ракуса, в результате чего был стерт с лица земли древний замок Ференци, пользующийся дурной славой. Владелец его занимался какими-то таинственными экспериментами, тревожившими местных жителей. Виллет понял, что автор старосаксонского послания был способен на большее, нежели простое предупреждение: предоставив доктору разбираться с Карвенон, он самолично занялся Орном и Хатчинсоном. О том, какая участь их постигла, доктор старался не думать.

На следующее утро после разговора с Чарльзом доктор Виллет поспешил к мистеру Варду, чтобы присутствовать при его встрече с детективами. Он был уверен, что необходимо любой ценой уничтожить или подвергнуть строгому заключению Аллена, и постарался убедить в этом Варда. На этот раз они не поднялись в библиотеку, ибо все старались лишний раз не заходить на верхний этаж из-за сладковатого тошнотворного запаха, который никак не выветривался оттуда, — слуги приписывали это зловоние проклятию, которое навлек на дом портрет Карвена.

В девять часов утра детективы вошли в кабинет мистера Варда и доложили о результатах расследования. К сожалению, они не смогли разыскать мулата, которого звали Бравя Тони Гомеш, и не выяснили, откуда приехал в Провиденс доктор Аллен. Им также не было известно, где Аллен находится в настоящее время. Однако им все же удалось собрать кое-какие факты, касающиеся загадочного чужестранца. В Потаксете его считали очень странным типом; по общему мнению, борода его была либо крашеной, либо фальшивой. Это мнение подтвердилось: в комнате, которую он занимал, детективы нашли черные очки и искусственную бороду. У него был незабываемый голос — это мог подтвердить мистер Вард, однажды говоривший с ним по телефону, — гулкий и очень низкий бас, словно отдававшийся вокруг многократным эхом. Взгляд его, по свидетельству тех, кто с ним встречался, был тяжелым и злобным, и это было заметно даже сквозь темные очки. Некий торговец, получивший расписку от доктора Аллена, обратил внимание на его необычный угловатый почерк; тем же почерком сделаны найденные в его комнате многочисленные записи. Рассказывая о случаях вампиризма, которые наблюдались в тех местах прошлым летом, люди считали, что эти преступления совершал именно Аллен. Детективы ознакомились также

с докладом полицейских, посетивших коттедж Чарльза после нападения на грузовики. Стражи закона не увидели ничего особо странного в Аллене, но пришли к выводу, что из них двоих именно он был главной фигурой, а Чарльз лишь выполнял его приказания. В доме царил полумрак, и они не смогли ясно различить его черты, но узнали бы этого человека, если бы им довелось увидеть его еще раз. Помимо необычной бороды, они отметили небольшой шрам у него на лбу над правым глазом. Тщательный обыск в комнате Аллена не дал результатов, кроме уже упомянутых очков, фальшивой бороды и нескольких карандашных заметок, написанных корявым угловатым почерком — идентичным, как с первого взгляда понял Виллет, почерку в рукописях старого Карвена и заметках в блокноте, который доктор видел в исчезнувших загадочным образом катакомбах.

Сопоставив все эти факты, Виллет и Вард с ужасом посмотрели друг на друга — почти одновременно им пришла в голову одна и та же безумная мысль... Фальшивая борода и черные очки, своеобразный почерк Карвена, старый портрет с небольшим шрамом на лбу над правым глазом, молодой человек с точно таким же шрамом там, в лечебнице, гулкий бас... Мистер Вард вспомнил, что во время последнего визита он слышал этот голос из уст своего сына, забывшего на время, что он якобы обречен изъясняться жалобным хриплым шепотом...

Кто видел Чарльза и Аллена вместе после визита полицейских в коттедж? Разве не после исчезновения Аллена Чарльз забыл о своем страхе и переселился в Потаксет? Карвен — Аллен — Вард — в какой противоестественный и чудовищный сплав слились две эпохи и два человека! А невероятное сходство с портретом старого колдуна, который как будто не отрывал взгляда от Чарльза! И почему оба — и Аллен, и Чарльз — старались копировать почерк Карве-

на, даже когда были одни и никто не следил за ними? Богомерзкие деяния этих людей — невесть как сгинувшее подземелье, посещение которого состарило доктора на несколько лет; голодные монстры в зловонных колодцах; формула, произнесение которой привело к неожиданному результату; послание, начертанное старыми саксонскими буквами; бумаги и письма с упоминаниями могил, «солей» и кошмарных открытий — что из всего этого следовало? И тогда мистер Вард, стараясь даже в мыслях не комментировать свои действия, вручил детективам некий предмет, попросив показать его тем торговцам, которые видели доктора Аллена вблизи. Этим предметом была фотография его несчастного сына, на которой он аккуратно пририсовал тушью очки в толстой оправе и черную остроконечную бороду, в точности похожую на ту, что была найдена в комнате Аллена.

Два часа провели они в напряженном ожидании, не выходя из старого дома, где постепенно сгущалась атмосфера страха и усиливалось зловоние, средоточием которого казалась пустая панель над камином. Наконец детективы вернулись. Разрисованная фотография была точным подобием доктора Аллена. Мистер Вард побледнел, Виллет вытер носовым платком внезапно вспотевший лоб. Аллен—Вард—Карвен — страшно было даже подумать об этом. Какой фантом вызвал юноша из черной бездны небытия и что этот фантом сделал с ним самим? Кто такой этот Аллен, который намеревался убить Чарльза, ставшего, по его мнению, слишком строптивым? Почему Вард в постскриптуме к своему последнему письму написал, что тело Аллена должно быть растворено в кислоте? И почему в таинственном послании говорилось, что Карвен должен быть уничтожен тем же способом? Как происходила подмена и когда наступила ее последняя стадия? В тот день, когда доктор получил от молодого Варда паническое письмо, тот с утра проявлял крайнюю нервозность, но потом его поведение резко переменилось. Он незамеченным выскользнул из дома

и через некоторое время вернулся, пройдя мимо людей, которых наняли для его охраны. Очевидно, все произошло именно тогда, когда он находился вне дома. Но ведь он вскрикнул в ужасе, войдя в кабинет! Что он застал там? Или, быть может, *что-то застало его?* Этот псевдо-Вард, преспокойно вошедший в дом, откуда перед тем никто не видел его уходящим, — не был ли он тенью из чуждого мира, захватившей врасплох испуганного человека, который и не покидал своей комнаты? Разве лакей не рассказывал о необычном шуме, доносившемся из кабинета Чарльза?

Виллет позвонил лакею и очень тихо задал ему несколько вопросов. Да, конечно, там случилось что-то нехорошее. Он слышал странные звуки: крик, прерывистый вздох, хрип — будто кого-то душили, потом грохот, треск и топот. И мистер Чарльз был не похож на себя, когда выглянул из комнаты, не сказав при этом ни слова. Лакей вздрогнул, произнося эти слова и вдыхая тяжелый сладковатый запах, доносящийся с верхнего этажа. С этой минуты страх прочно поселился в доме, и лишь поглощенные своим делом детективы не сразу это заметили. Но ими также овладело беспокойство, ибо вся эта история была не очень-то им по вкусу. Доктор Виллет погрузился в мрачные раздумья, и время от времени, забывшись, он что-то бормотал себе под нос, мысленно восстанавливая цепь событий.

Наконец мистер Вард сделал знак, что совещание окончено, и все, кроме него и доктора, покинули комнату. Ярко светило солнце, но казалось, что мрак навеки поглотил дом, в котором витал дух старого Карвена. Виллет вызвался взять дальнейшее расследование на себя, заявив, что ему будет легче вынести некоторые неприятные моменты, с которыми оно сопряжено. На правах семейного врача он потребовал определенной свободы действий и прежде всего попросил оставить его на некоторое время одного наверху, в библиотеке Чарльза.

У мистера Варда голова шла кругом. Предположения одного другого страшнее теснились в его мозгу. Доктор заперся в библиотеке, где раньше с панели над камином смотрел портрет Джозефа Карвена. Мистер Вард, стоявший за дверью, ибо он не решался оставить Виллета одного в этом месте, услышал шум передвигаемой мебели и сухой треск — очевидно, доктор открыл плотно прилегающую дверцу стенового шкафа за панелью. Послышался сдавленный крик, и дверца быстро захлопнулась. Потом Виллет выбежал из библиотеки, бледный как смерть, с остановившимся взглядом, и потребовал, чтобы ему тотчас же принесли дрова для большого камина. По его словам, в комнате было слишком холодно, а электрический камин играл скорее декоративную роль. Не решаясь расспрашивать доктора, Вард отдал приказания, и один из слуг принес охапку сосновых поленьев. С опаской войдя в библиотеку, он положил дрова в камин. Тем временем Виллет отправился в заброшенную лабораторию Чарльза и в закрытой корзине принес несколько предметов, не показав их Варду.

Затем доктор снова заперся в библиотеке, и по густым клубам тяжелого дыма, которые, вылетая из трубы, опускались и заволакивали окна, Вард понял, что в камине горит сильный огонь. Через некоторое время зашуршала бумага, потом снова раздался треск открываемой дверцы и звук падения чего-то тяжелого; за этим последовали удары, словно наносимые топором мясника. Дым, прибиваемый книзу ветром, стал черным и зловонным, и обитатели особняка плотно закрыли окна, чтобы не задохнуться. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем дым посветлел и почти рассеялся, а за дверью библиотеки, судя по звукам, доктор тщательно скреб и мыл пол. И наконец на пороге появился Виллет, измученный, бледный и печальный, держа в руках закрытую корзину. Он оставил окно библиотеки открытым, и в комнату вливался чистый свежий воздух. Чувствовал-

ся слабый запах дезинфицирующего раствора. Панель над камином более не производила зловещего впечатления, словно на ней никогда и не было изображения Джозефа Карвена. Надвигалась ночь, но темнота уже не казалась пугающей — теперь она скорее навевала легкую грусть. Доктор никому не сообщил, чем он занимался в библиотеке. Он лишь заметил, обращаясь к мистеру Варду:

— Я не могу отвечать ни на какие вопросы, скажу лишь, что есть разные виды магии. С помощью известной мне магии я очистил этот дом от зла. Его обитатели могут теперь спать спокойно.

7

Это «очищение» было для Виллета почти таким же тяжким испытанием, как и блуждания по подземному лабиринту. В тот вечер, вернувшись домой, Виллет чувствовал себя совершенно разбитым и обессиленным. Трое суток не выходил он из своей спальни, хотя позже слуги шептались, что в среду, в самую полночь, входная дверь дома тихо открылась и через мгновение почти бесшумно затворилась. К счастью, слуги не отличались чересчур живым воображением, иначе они могли бы сопоставить этот факт со следующей заметкой в вечернем выпуске местной газеты:

«ГРОБОКОПАТЕЛИ СЕВЕРНОГО КЛАДБИЩА
СНОВА ЗА ДЕЛОМ

После временного затишья, продолжавшегося десять месяцев, с тех пор как был совершен акт вандализма над могилой Видена на Северном кладбище, ночной сторож Роберт Харт снова заметил злоумышленников сегодня в два часа ночи. Выглянув случайно из своей сторожки, Харт увидел

неподалеку слабый луч карманного фонаря. Открыв дверь пошире, он различил в свете ближайшей электрической лампы фигуру мужчины, державшего в руке лопату. Выбежав из сторожки, Харт стал преследовать злоумышленника, который бросился к воротам кладбища, добежал до начала улицы и скрылся в темноте, так что сторож не смог догнать и задержать его.

Как и гробокопатели, замеченные на кладбище в прошлом году, этот человек не успел нанести какого-либо урона. На участке, принадлежащем семье мистера Варда, обнаружены следы поверхностных раскопок, но не замечено ни попыток вырыть более глубокую яму, размером с обычную могилу, ни повреждения старых захоронений.

Харт может лишь приблизительно описать злоумышленника: это мужчина небольшого роста, с бородой. Сторож склонен предположить, что все три случая связаны между собой, однако полицейские с этим не согласны, принимая во внимание варварский характер, отличавший второй случай, когда был похищен труп давно умершего человека вместе с гробом, а надгробье было расколото ударами лопаты либо другого тяжелого предмета.

Первый случай — неудачная попытка что-то зарыть — произошел год назад, в марте. Его приписали бутлегерам, намеревавшимся устроить на кладбище тайный склад спиртного. Сержант Райли замечает, что, возможно, сейчас преследовалась та же цель. Полиция приложит все усилия, чтобы обнаружить банду мерзавцев, оскверняющих могилы наших предков».

В среду доктор Виллет отдыхал весь день, словно восстанавливая силы после какой-то тяжелой работы или готовясь к чему-то очень важному. Вечером он написал мистеру Варду письмо, приказав своему лакею вручить его адресату на следующее утро. Мистер Вард все эти три дня не

выходил из дома, забросив все свои дела. Он не мог оправиться от шока, вызванного рассказами детективов и «очищением», произведенным доктором, но, как это ни странно, письмо Виллета его отчасти успокоило, несмотря на мрачные намеки, которые в нем содержались:

*Барнз-стрит, 10,
Провиденс, Род-Айленд,
12 апреля 1928 года.*

Дорогой Теодор.

Я должен Вам кое-что сообщить, прежде чем завтра исполню то, что задумал. Это будет завершением тяжкого испытания, через которое нам суждено было пройти (ибо ни одна живая душа не сможет теперь раскопать вход в обитель ужаса, о которой знаем только мы). Боюсь, однако, что это не принесет Вашей душе желанного покоя, пока я не смогу убедить Вас в том, что мои действия являются завершением всей цепи страшных событий.

Вы знаете меня с юных лет и, надеюсь, поверите, если я скажу, что некоторых вещей лучше не касаться и оставить их как они есть. Не думайте больше о том, что случилось с Чарльзом; не следует также сообщать его матери больше того, о чем она и так уже подозревает. Когда я приду к Вам завтра, Чарльз уже покинет пределы лечебницы. Он совершит побег, и это все, что должны знать окружающие: сумасшедший пациент сбежал из больницы. Позднее у Вас будет возможность рассказать о его болезни Вашей супруге, сделав это постепенно и с максимальной деликатностью. Тогда наконец отпадет необходимость посылать ей отпечатанные на машинке письма от имени сына. Я бы посоветовал Вам присоединиться к супруге в Атлантик-Сити и хорошенько отдохнуть. Видит Бог, Вы нуждаетесь в передышке после такого страшного потрясения. Я также собираюсь на неко-

торое время уехать на юг, чтобы успокоиться от пережитого.

Когда я приду к Вам завтра, не задавайте никаких вопросов. Если что-то выйдет не так, как было задумано, я сразу об этом скажу. Теперь уже беспокоиться не о чем: Чарльзу ничто не угрожает. Когда я пишу эти строки, он находится в большей безопасности, чем Вы предполагаете. Можете также не бояться Аллена и не ломать голову над тем, кто он и откуда взялся. В настоящий момент он просто часть прошлого, такая же как портрет Джозефа Карвена. Когда услышите мой звонок в дверь, будьте уверены, что этого человека больше не существует. И таинственный незнакомец, который написал то послание на латыни, больше не беспокоит Вас и Ваших домочадцев.

Но Вы и Ваша супруга должны подготовиться к самому худшему. Скажу откровенно, бегство Чарльза вовсе не означает, что он когда-нибудь к Вам вернется. Он поражен очень опасной и необычной болезнью, как явствует из определенных изменений не только в психике, но и в его физическом состоянии. Не надейтесь снова его увидеть. Пусть утешением Вам послужит то, что он не был злодеем, да и безумцем его назвать нельзя. Это всего лишь недоедаемый неумным любопытством юноша, чье пристрастие к древнему и таинственному навлекло на него все эти беды. Он столкнулся с тем, что превосходит разум обычных смертных, и мрачная тень из прошлого поглотила его существо.

А сейчас о деле, в котором прошу поверить мне на слово, не требуя пояснений. Откровенно говоря, мне хорошо известно, какая судьба постигла Чарльза Варда. Примерно через год Вы сможете, если пожелаете, придумать какую-нибудь трогательную историю о смерти сына, ибо его уже не будет в живых. Поставьте надгробный памятник на Вашем участке Северного кладбища, отмерив ровно десять футов к западу от могилы Вашего отца, и этот памятник отме-

тит истинное место погребения Вашего сына. Прах, покаящийся там, будет принадлежать Вашей плоти и крови, а не какому-то чудовищу или постороннему человеку, — там будет лежать тот Чарльз Декстер Вард, которого Вы выпестовали, настоящий Чарльз, отмеченный родинкой на бедре, а не дьявольским знаком на груди и шрамом на лбу. Чарльз, который никогда не совершал ничего дурного и заплатил жизнью за свою «строптивость».

Вот и все. Чарльз сбежит из лечебницы, а через год Вы сможете увенчать его могилу надгробием. Завтра ни о чем меня не спрашивайте. И поверьте, чести Вашей семьи ничто не угрожает и ее репутация останется безупречной, какой была в прошлом.

С глубочайшим сочувствием и пожеланием быть стойким и спокойно смириться с судьбой, остаюсь Вашим преданным другом,

Маринус Б. Виллет.

Утром в пятницу тринадцатого апреля 1928 года в комнату пациента частной лечебницы доктора Вейта, Чарльза Декстера Варда, вошел доктор Виллет. Не пытаясь избежать разговора со своим посетителем, молодой человек тем не менее был настроен мрачно и явно не желал вести беседу на темы, избранные Виллетом. Прошлый разговор лишь увеличил взаимную неприязнь, так что после обмена обычными, довольно натянутыми приветствиями оба смешались, не зная, с чего начать. Атмосфера стала еще более напряженной, когда Вард увидел в застывшем, словно маска, лице доктора, решительность и жесткость, которых прежде не было. Пациент тревожно напрягся, осознавая, что со времени последнего посещения с Виллетом произошла разительная перемена: излучавший заботливость семейный врач ныне выглядел как безжалостный и неумолимый мститель.

Вард побледнел. Виллет заговорил первым.

— Найдены важные улики,— сказал он,— и я должен откровенно предупредить вас: расплаты не избежать.

— Выкопали еще немного голодных зверюшек? — насмешливо произнес Вард.

Было ясно, что он намерен до конца выдержать вызывающий тон.

— Нет,— медленно ответил Виллет.— На этот раз мне не понадобилось ничего раскапывать. Мы наняли детективов, чтобы выяснить правду о докторе Аллене, и они нашли в коттедже искусственную бороду и черные очки.

— Замечательно! — воскликнул пациент, стараясь за насмешливой наглостью скрыть тревогу.— Они наверное больше подошли бы вам, чем борода и очки, которые сейчас на вас.

— Вам они больше к лицу,— последовал спокойный, словно обдуманый заранее ответ.— *Ведь раньше они вам подходили.*

После этих слов в комнате внезапно потемнело, будто облако заслонило солнце, хотя небо за окном было ясным.

Наконец Вард спросил:

— И только поэтому вы так торжественно заявляете, что расплата неизбежна? Вы считаете таким уж страшным преступлением, что я счел необходимым на время изменить свой облик?

— Нет,— спокойно произнес Виллет.— Вы снова ошиблись. Не мое дело, если кто-то ведет двойную жизнь. Но только при условии, что у него вообще есть право на существование, и если этот кто-то не уничтожил несчастного, вызвавшего его к жизни из иных сфер.

Вард бешено крикнул:

— Что еще вы там нашли, сэр, и что вы хотите от меня?

Доктор немного помолчал, словно подбирая слова для решительного ответа.

— Я нашел,— произнес он наконец,— некий предмет в стенном шкафу над старым камином за панелью, на которой когда-то был написан маслом портрет. Я сжег находку и похоронил прах там, где должна быть могила Чарльза Декстера Варда.

Его собеседник, задыхаясь, вскочил со стула.

— Ах, будь ты проклят, кому еще ты сказал... и кто поверит этому теперь... прошло полных два месяца, а я сижу здесь... Что ты задумал?

Несмотря на свой маленький рост, Виллет выглядел почти величественно, жестом призвав его успокоиться.

— Я никому не сказал. Перед нами необычный случай — безумие, проникшее из глубины веков; ужас, пришедший сюда из неведомых сфер; случай, неразрешимый в рамках обычной логики, перед которым бессильны и врачи, и полиция, и судьи. Слава богу, я смог выйти за пределы обычных представлений, иначе мой рассудок не выдержал бы, столкнувшись с Неведомым. Вы не обманете меня, Джозеф Карвен, ибо эта ваша проклятая магия, благодаря которой вы стоите сейчас передо мной,— реальность! Я знаю, как вы соткали колдовскую сеть, пережившую полтора века, и как поймали в нее вашего потомка-двойника; знаю, как вы затянули его в прошлое и заставили поднять ваш прах из смрадной могилы. Мне известно, что он прятал вас в своей лаборатории. Известно, что днем вы занимались изучением реалий современной жизни, а по ночам, превращаясь в вампира, рыскали по округе в поисках жертвы, чтобы напитать свежей кровью свое тело. Позднее, надев бороду и темные очки, чтобы не вызвать удивления своим феноменальным сходством с Чарльзом, вы показались на людях. Я знаю, что вы решили сделать, когда Чарльз стал протестовать против того, что вы оскверняете могилы. Знаю, какой вы составили план и как вы его осуществили. Вы оставили дома бороду и очки и одурачили охранников, стоявших вокруг дома.

Они решили, что это Чарльз вошел в дом, а позже вышел на улицу, на самом же деле тогда вы уже задушили юношу и спрятали труп в стенном шкафу. Но вы забыли о том, что от Чарльза вас отделяют полтора века, не учли разницу в интеллекте, характере. Каким же глупцом вы были, Карвен, полагая, что достаточно будет внешнего сходства! Почему вы не подумали о манере выражаться, о голосе и почерке? Но в конце концов, как видите, вас постигла неудача. Вам лучше, чем мне, известно, кто написал ту записку старыми саксонскими буквами, и имейте в виду, что его предупреждение не прошло даром. То, что извращает саму природу человеческую, должно быть стерто с лица земли, и, думаю, автор записки позаботится об Орне и Хатчинсоне. Один из них когда-то писал: «Не вызывай того, кого не сможешь повергнуть». Однажды вы уже заплатились за свою опрометчивость, и ваше проклятое колдовство погубит вас снова. Человек может играть силами природы лишь до определенных пределов; то, что вы создали, обернется против вас.

Внезапно слова доктора прервал судорожный вопль, исторгнутый стоявшим перед ним существом. Безоружный, загнанный в угол, потерявший всякую надежду, сознавая, что любое проявление насилия лишь приведет на помощь доктору дюжих санитаров, Джозеф Карвен решил прибегнуть к единственному оставшемуся у него средству и начал совершать магические пассы. Он делал круговые движения указательными пальцами обеих рук, и гулкий бас, который он более не старался замаскировать хрипотой, разнесся по комнате. Прозвучали первые слова ужасной формулы: *«Заклинаю именами Адонай Элохим, Адонай Йегова, Адонай Саваоф, Метратон...»*

Но Виллет опередил его. Уже во дворе вокруг дома завывали собаки, уже ледяной ветер поднялся со стороны глубоких вод бухты; но тут доктор начал нараспев произносить заклинание, которое приготовил, направляясь сюда. Око

за око, колдовство за колдовство, — сейчас станет ясно, насколько прочно усвоил он уроки самого Карвена! Твердым голосом Виллет стал произносить вторую формулу из пары, первая часть которой вызвала к жизни в подzemелье того, кто написал записку, — таинственное заклинание, над которым было изображение Хвоста Дракона — знак «Нисходящего узла»:

ОГТРОД АИ'Ф
ГЕБ'Л—ЕЕ'Х
ЙОГ-СОТОТ
'НГАХ'НГ АИ'Й
ЗХРО!

Как только Виллет произнес первое слово формулы, Карвен замер.

Лишившись дара речи, он делал лихорадочные движения руками, но вскоре и они застыли, словно парализованные. Когда было названо страшное имя ЙОГ-СОТОТ, начались ужасающие изменения. То, что стояло перед доктором, не рассыпалось, а медленно растворялось в воздухе, принимая чудовищные формы, и Виллет закрыл глаза, чтобы не лишиться чувств прежде, чем закончит произнесение формулы.

Он смог продержаться до конца, и существо, порожденное нечистой магией, навсегда исчезло из мира людей. Могуществу темных сил, вырвавшихся из недр столетий, пришел конец — так закончилась история Чарльза Декстера Варда. Открыв глаза, Виллет понял, что не напрасно хранил в памяти слова, много раз повторявшиеся в манускрипте Карвена. Как он и предполагал, не было нужды прибегать к кислоте. Ибо колдуна постигла та же участь, что и его портрет год назад: на полу комнаты, там, где за секунду до того находился Джозеф Карвен, теперь лежала лишь кучка легкой голубовато-серой пыли.

СИЯНИЕ ИЗВНЕ

К западу от Аркхема высятся угрюмые кручи, перемежающиеся лесистыми долинами, в чьи непролазные дебри не доводилось забираться ни одному дровосеку. Там встречаются узкие лощины, поросшие деревьями с причудливо изогнутыми стволами и столь густыми кронами, что ни одному лучу солнца не удастся пробиться сквозь их своды и поиграть на поверхности сонно журчащих ручьев. По отлогим каменистым склонам холмов разбросаны древние фермерские угодья, чьи приземистые, замшелые строения скрывают в своих стенах вековые секреты Новой Англии. Там повсюду царит запустение — массивные дымоходы разрушены временем, а панелированные стены опасно заваливаются под тяжестью низких двускатных крыш.

Местные жители давно покинули эти места, да и вновь прибывающие переселенцы предпочитают здесь не задерживаться. В разное время сюда наезжали франкоканадцы, итальянцы и поляки, но очень скоро все они собирались и следовали дальше. И вовсе не потому, что обнаруживали какие-либо явные недостатки, — нет, ничего такого, что можно было бы увидеть, услышать или пощупать руками, здесь не водилось, — просто само место действовало им на нервы, рождая в воображении странные фантазии и не давая заснуть по ночам. Это, пожалуй, единственная причина, по которой чужаки не селятся здесь, ибо доподлинно известно, что никому из них старый Эмми Пирс и словом не обмол-

вился о том, что хранит его память об «окаянных днях». Эмми, которого в здешних краях уже давно считают немного повредившимся в уме, остался единственным, кто не захотел покинуть насиженное место и уехать в город. И еще, во всей округе только он один осмеливается рассказывать об «окаянных днях», да и то потому, что сразу же за его домом начинается поле, по которому можно очень быстро добраться до всегда оживленной дороги, ведущей в Аркхем.

Некогда дорога проходила по холмам и долинам прямоком через Испепеленную пустошь, но после того, как люди отказались ездить по ней, было проложено новое шоссе, огибающее местность с юга. Однако следы старой дороги все еще можно различить среди густой поросли наступающего на нее леса, и, без сомнения, кое-какие ее приметы сохранятся даже после того, как большая часть низины будет затоплена под новое водохранилище. Когда это случится, вековые леса падут под ударами топоров, а Испепеленная пустошь навсегда скроется под толщей воды, на поверхности которой будет отражаться безмятежное голубое небо и поигрывать бликами солнце. И тогда тайна «окаянных дней» станет всего лишь еще одной непостижимой тайной водных пучин, еще одним сокрытым на века секретом древнего океана, еще одной недоступной человеческому пониманию загадкой древней планеты.

Когда я только собирался отправиться к этим холмам и долинам на разметку нового водохранилища, меня предупредили, что место это «нечистое». Дело было в Аркхеме, старинном и, пожалуй, одном из немногих оставшихся городков, где легенды о нечистой силе дожили до наших дней, и я воспринял предупреждение как часть обязательных страшных историй, которыми седовласые старушки испокон веков пичкают своих внуков на ночь. Само же название «Испепеленная пустошь» показалось мне чересчур вычурным и аффектированным, и я, помнится, еще удивлялся, откуда вся эта сверхъестественная чушь могла просочиться

в предания потомков благочестивых пуритан. Однако, после того как я собственными глазами увидел эту невообразимую мешанину темных ущелий и обрывистых склонов, я перестал удивляться чему-либо, кроме загадочной природы катаклизма, ее породившего. Когда я добрался туда, было ясное раннее утро, но стоило мне ступить под мрачные своды ущелий, как я оказался в вечном полумраке. Для типичных лесов Новой Англии деревья росли здесь слишком часто, а стволы их были чересчур толсты. Да и мертвая тишина, царившая в узких проходах, была чересчур мертвой, и слишком уж много сырости таил в себе настил из осклизлого мха и древнего перегноя.

На открытых местах, большей частью вдоль старой дороги, мне попадались маленькие фермы, пригнанные к склонам холмов. На некоторых из них все постройки были в сохранности, на иных — только одна или две, но встречались и такие, где среди развалин возвышалась лишь одинокая печная труба или темнел разверстый зев полузасыпанного мусором погреба. Повсюду властвовали сорняки и колючки, в зарослях которых при моем появлении начиналась беспокойная возня неведомых лесных тварей. На всем, что меня окружало, лежала печать тревоги и смертной тоски, некая вуаль нереальности и гротеска, как если бы из привычной с детства картины вдруг пропал жизненно важный элемент перспективы или светотени. Теперь я уже не удивлялся тому, что переселенцы не захотели обосновываться в этих местах, ибо вряд ли нашелся бы хоть один человек, который согласился бы остаться здесь на ночь. Слишком уж походил этот пейзаж на картины Сальватора Розы, слишком уж сильно напоминал он нечестивые гравюры из забытых колдовских книг.

Но все это не шло ни в какое сравнение с Испепеленной пустошью. Как только я наткнулся на нее посреди очередной долины, я тотчас же понял, что это она и есть, ибо ни одно другое название не могло бы столь верно передать

своеобразие этого места, как, впрочем, и ни одно другое место на земле не могло бы столь точно соответствовать этому названию. Это определение казалось рожденным в голове неведомого поэта после того, как он побывал в данной географической точке необъятного материка. На первый взгляд пустошь представляла собой обычную проплешину, какие остаются в результате лесного пожара, — но почему же, вопрошал я себя, на этих пяти акрах серого безмолвия, въевшегося в окрестные леса и луга наподобие того, как капля кислоты въедается в бумагу, с тех пор не выросло ни одной зеленой былинки? Большая часть пустоши лежала к северу от старой дороги, и только самый ее краешек переползал за южную обочину. Когда я подумал о том, что мне придется пересекать это неживое пепельное пятно, я почувствовал, что все мое существо необъяснимым образом противится этому. И только чувство долга и ответственность за возложенное поручение заставили меня наконец двинуться дальше. На всем протяжении моего пути через пустошь я не встретил ни малейших признаков растительности. Повсюду, насколько хватало глаз, недвижимо, не колышима ни единым дуновением ветра, лежала мельчайшая серая пыль или, если угодно, пепел. В непосредственной близости от пустоши деревья имели странный, нездоровый вид, а по самому краю выжженного пятна стояло и лежало немало мертвых гниющих стволов. Как ни ускорял я шаг, я все же успел заметить справа от себя груды потемневших кирпичей и булыжника, высившуюся на месте обвалившегося дымохода, и еще одну такую же кучу там, где раньше, по всей видимости, стоял погреб. Немного поодаль зиял черный провал колодца, из недр которого вздымались зловонные испарения и окрашивали проходящие сквозь них солнечные лучи в странные, неземные тона. После пустоши даже долгий, изнурительный подъем под темными сводами чащобы показался мне приятным и освежающим, и я больше не удивлялся тому, что стоит только разговору

зайти об этих местах, жители Аркхема переходят на испуганный шепот. Я не смог различить поблизости ни одного строения или хотя бы развалин: похоже, что и в старые времена здесь редко бывали люди. В наступивших сумерках никакая сила не смогла бы подвигнуть меня на возвращение прежним путем, а потому я добрался до города по более долгой, но зато достаточно удаленной от пустоши южной дороге. Все время, пока я шагал по ней, мне смутно хотелось, чтобы налетевшие вдруг облака закрыли собой неисчислимые звездные бездны, нависшие над моею головой и рождавшие в глубине души первобытный страх.

Вечером я принялся расспрашивать местных старожилов об Испепеленной пустоши и о том, что означала фраза «окаянные дни», которую они так часто повторяли в своих уклончивых ответах. Как и раньше, мне не удалось ничего толком разузнать, кроме, пожалуй, того, что загадочное происшествие, возбудившее мое любопытство, случилось гораздо позднее, чем я предполагал, и было не очередной выдумкой, испокон веков передающейся из поколения в поколение, но совершенно реальным событием, многочисленные свидетели которого и по сию пору находятся в добром здравии. Я выяснил, что дело происходило в восьмидесятих годах прошлого столетия и что тогда была убита или бесследно пропала одна местная фермерская семья, но дальнейших подробностей мои собеседники не смогли, а может быть, и не пожелали мне сообщить. При этом все они, словно сговорившись, убеждали меня не обращать внимания на полоумные рассказы старого Эмми Пирса. Это поразительное единодушие как раз и послужило причиной тому, что на следующее утро, порасспросив дорогу у случайных прохожих, я стоял у дверей полуразвалившегося коттеджа, в котором на самом краю леса, там, где начинают попадаться первые деревья с уродливо толстыми стволами, в полном одиночестве обитал местный юродивый. Это было невероятно древнее строение, от которого уже начинал исходить

тот особый запах, который имеют обыкновение издавать дома, простоявшие на земле чересчур долго. Пришлось изрядно поколотить в дверь, прежде чем старик поднялся открыть мне, и по тому, как медлительна была его шаркающая походка, я понял, что он далеко не обрадован моему посещению. Он оказался не такой развалиной, как я его себе представлял, однако потухшие, опущенные долу глаза, неряшливое платье и всклокоченная седая борода придавали ему довольно изнуренный и подавленный вид.

Не зная, как лучше подступиться к старику, я притворился, что мой визит носит чисто деловой характер, и принялся рассказывать о цели своих изысканий, попутно вставляя вопросы, касающиеся характера местности. Мое невысокое мнение о его умственных способностях, сложившееся из разговоров с городскими обывателями, также оказалось неверным — он был достаточно сметлив и образован для того, чтобы мгновенно уяснить себе суть дела не хуже любого другого аркхемца. Однако он вовсе не походил на обычного среднестатистического фермера, каких я немало встречал в районах, предназначенных под затопление. Во всяком случае, я не услышал от него ни одного протеста по поводу уничтожения переросших лесов и запущенных угодий, хотя, возможно, он отнесся к этому так спокойно лишь потому, что его собственный дом находился вне границ будущего озера. Единственным чувством, отразившимся на его лице, было чувство облегчения, как будто он только и желал, чтобы мрачные вековые долины, по которым ему довелось бродить всю свою жизнь, исчезли навсегда. Конечно, их лучше затопить, мистер, а еще лучше — если бы их затопили тогда, сразу же после «окайнных дней». И вот тут-то, после этого неожиданного вступления, он понизил голос до доверительного хриплого шепота, подался корпусом вперед и, выразительно покачивая дрожащим указательным пальцем правой руки, начал свой рассказ.

Я безмолвно слушал и, по мере того как его дребезжащий голос все больше завладевал моим сознанием, ощущал, как, несмотря на теплый летний день, по моему телу все чаще пробегает невольный озноб. Не раз мне приходилось помогать рассказчику находить потерянную нить повествования, связывать воедино обрывки научных постулатов, подхваченных им из разговоров проезжих профессоров, или же преодолевать иные запутанные места, в которых ему изменяло чувство логики и последовательности событий. Когда старик закончил, я более не удивлялся ни тому, что он слегка тронулся умом, ни тому, что жители Аркхема избегают говорить об Испепеленной пустоши. Не желая снова очутиться один на один со звездами, я поспешил вернуться в гостиницу до захода солнца, а на следующий день уже возвращался в Бостон сдавать свои полномочия. Я не мог заставить себя еще раз приблизиться к этому мрачному хаосу чащоб и крутых склонов или хотя бы взглянуть в сторону серого пятна Испепеленной пустоши, посреди которой, рядом с грудой битого кирпича и булыжника, чернел бездонный зев колодца. Теперь уже недалек тот день, когда водохранилище будет построено и несколько саженей воды надежно упрячут под собою всю эту стародавнюю жуть. Однако я отнюдь не уверен, что, даже после того, как это произойдет, я когда-либо отважусь проезжать по тем местам ночью,— и уж ничто на свете не заставит меня испить хотя бы глоток воды из нового аркхемского водопровода.

По словам Эмми, все началось с метеорита. До той поры по всей округе невозможно было сыскать и одного страшного предания — все они повывелись после прекращения ведьмовских процессов, но даже в те глухие времена, когда охота на ведьм шла в полную силу, прилегающие к Аркхему западные леса не таили в себе и десятой доли того ужаса, каким люди наделили, например, небольшой островок по-

среди Мискатоника, где у каменного алтаря причудливой формы, установленного там задолго до появления на материке первых индейцев, сатана имел обыкновение устраивать свои приемы. Здешние же леса нечистые духи обходили стороной, и до наступления «окаянных дней» в их таинственном полумраке не скрывалось ничего зловещего. А потом появилось это белое полуденное облако, эта цепочка разрывов по всему небу и, наконец, этот огромный столб дыма, выросший над затерянной в дебрях леса лощиной. К вечеру того дня всему Аркхему стало известно: порядочных размеров скала свалилась с неба и угодила прямо во двор Наума Гарднера, где и упокоилась в огромной воронке рядом с колодцем. Дом Наума стоял на том самом месте, где позднее суждено было появиться Испепеленной пустоши. Это был на редкость опрятный, чистенький домик, и стоял он посреди цветущих садов и полей.

Наум поехал в город рассказать тамошним жителям о метеорите, а по дороге завернул к Эмми Пирсу. Эмми тогда было сорок лет, голова у него работала не в пример лучше, чем сейчас, и потому все последовавшие события накрепко врезались ему в память. На следующее утро Эмми и его жена вместе с тремя профессорами Мискатоникского университета, поспешившими собственными глазами узреть пришельца из неизведанных глубин межзвездного пространства, отправились к месту падения метеорита. По прибытии их прежде всего удивил тот факт, что размеры болида оказались не такими громадными, как им за день до того обрисовал хозяин фермы. «Он съежился», — объяснил Наум, указывая на довольно высокий буроватый холмик, возвышавшийся посреди неровного пятна искореженной почвы и обуглившейся травы рядом с колодцем, однако ученые мужи тут же возразили, что метеориты «съеживаться» не могут. Наум добавил еще, что жар, исходящий от раскаленной глыбы, не спадает с течением времени и что по ночам от

нее исходит слабое сияние. Профессора потыкали болид киркой и обнаружили, что он на удивление мягок. Он действительно оказался мягким, как глина или как смола, и потому небольшой кусочек, который ученые мужи унесли в университет для анализа, им пришлось скорее отщипывать, нежели отламывать от основной глыбы. Им также пришлось поместить образец в старую бадью, позаимствованную на кухне у Наума, ибо даже столь малая частичка метеорита упрямо отказывалась охлаждаться на воздухе. На обратном пути они остановились передохнуть у Эмми, и тут-то миссис Пирс изрядно озадачила их, заметив, что кусочек метеорита за это время значительно уменьшился в размерах, да к тому же еще почти наполовину прожог дно гарднеровской бадьи. Впрочем, он и с самого начала был не очень велик, и, может быть, тогда им только показалось, что они взяли больше.

На следующий день — а было это в июне восемьдесят второго — сверх меры возбужденные профессоры опять всей гурьбой нагрянули на ферму Гарднеров. Проходя мимо дома Эмми, они ненадолго задержались, чтобы рассказать ему о необыкновенных вещах, которые выделял принесенный ими накануне образец, прежде чем исчезнуть без следа вместе со стеклянной мензуркой, в которую его поместили. По сему поводу университетские умники долго покачивали головами, рассуждая о странном сродстве ядра метеорита с кремнием. И вообще, в их образцовой исследовательской лаборатории анализируемый материал повел себя неподобающим образом: термическая обработка древесным углем не произвела на него никакого воздействия и не выявила никаких следов поглощенных газов, бура дала отрицательную реакцию, а нагревание при самых высоких температурах, включая и те, что получаются при работе с кислородно-водородной горелкой, выявило лишь его полную и безусловную неспособность к испарению. На наковальне

он только подтвердил свою податливость, а в затемненной камере — люминесцентность. Его нежелание остывать окончательно взбудоражило весь технологический колледж, а после того как спектроскопия показала наличие световых полос, не имеющих ничего общего с полосами обычного спектра, среди ученых только и было разговоров что о новых элементах, непредсказуемых оптических свойствах и прочих вещах, которые обыкновенно изрекают ученые мужи, столкнувшись с неразрешимой загадкой.

Несмотря на то что образец сам по себе напоминал сгусток огня, они пытались расплавить его в тигле со всеми известными реагентами. Вода не дала никаких результатов. Азотная кислота и даже царская водка лишь яростно шипели и разлетались мелкими брызгами, соприкоснувшись с его раскаленной поверхностью. Эмми с трудом припоминал все эти мудреные названия, но, когда я начал перечислять ему некоторые растворители, обычно применяемые в такого рода процедурах, он согласно кивал головой. Да, они пробовали и аммиак, и едкий натр, и спирт, и эфир, и вонючий дисульфид углерода, и еще дюжину других средств, но, хотя образец начал понемногу остывать и уменьшаться в размерах, в составе растворителей не было обнаружено никаких изменений, указывающих на то, что они вообще вошли в соприкосновение с исследуемым материалом. Однако вне всякого сомнения вещество это было металлом. Прежде всего потому, что оно выказывало магнетические свойства, а кроме того, после погружения в кислотные растворители ученым удалось уловить слабые следы видманштеттовых фигур, обычно получаемых при работе с металлами метеоритного происхождения. После того как образец уже значительно поостыл, опыты были продолжены в стеклянных ретортах, в одной из которых и были оставлены на ночь образцы, полученные в ходе работы из исходного куска. На следующее утро все они исчезли вместе с ретортой, оставив

после себя обугленное пятно на деревянном стеллаже, куда накануне вечером их поместил лаборант.

Все это профессора поведали Эмми, остановившись ненадолго у дверей его дома, и дело кончилось тем, что он опять, на этот раз без жены, отправился с ними поглазеть на таинственного посланника звезд. За два прошедших дня метеорит «съежился» настолько заметно, что даже не верящие ни во что профессора не смогли отрицать очевидность того, что лежало у них перед глазами. За исключением нескольких осыпаний почвы, между краями воронки и сжимающейся бурой глыбой теперь было изрядное количество пустого места, да и ширина самой глыбы, равнявшаяся накануне семи футам, теперь едва ли достигала пяти. Она все еще была невыносимо горяча, и потому городским мудрецам пришлось соблюдать максимальную осторожность, исследуя ее поверхность и — при помощи молотка и стамески — отделяя от нее еще один довольно крупный кусок. На этот раз они копнули глубже и при извлечении своей добычи обнаружили, что ядро метеорита было не столь однородным, как они полагали вначале.

Взору их открылось нечто, напоминавшее боковую поверхность сверкающей глобулы, засевшей в основной массе болида, наподобие икринки. Цвет глобулы, отчасти схожий с некоторыми полосами странного спектра, полученного учеными накануне, невозможно было определить словами, да и цветом-то его можно было назвать лишь с большой натяжкой — настолько мало общего имел он с земной цветовой палитрой. Легкое пробное постукивание по лоснящемуся телу глобулы выявило, с одной стороны, хрупкость ее стенок, а с другой — ее полую природу. Потом один из профессоров врезал по ней как следует молотком, и она лопнула с тонким неприятным звуком, напоминающим хлюпанье. Однако более ничего не произошло: разбитая глобула не только не выпустила из себя никакого содержимого, но

и сама моментально исчезла, оставив после себя лишь сферическое, в три дюйма шириной, углубление в метеоритной породе да надежду в головах ученых мужей на обнаружение других подобных глобул.

Надежда эта оказалась напрасной, и после нескольких неудачных попыток пробурить раскаленный болид в поисках новых глобул в руках неутомимых исследователей остался лишь образец, который им удалось извлечь нынешним утром и который, как выяснилось позднее, в лабораторных условиях повел себя ничуть не лучше своего предшественника. Кроме уже известных пластичности, энергоемкости, магнетизма, способности светиться в темноте, немного охлаждаться в концентрированных кислотах и неизвестно куда улетучиваться в воздушной среде, а также уникального спектра и предрасположенности к бурному взаимодействию с кремнием, результатом которого являлось взаимное уничтожение обоих реагентов, исследуемое вещество не выказало ровным счетом никаких индивидуальных свойств. В конце концов, исчерпав все существующие методы анализа, университетские ученые вынуждены были признать, что в их обширном хранилище знаний для него просто не существует подходящей полки. Метеорит явно не имел ничего общего с нашей планетой — он был плоть от плоти неведомого космического пространства и, как таковой, был наделен его неведомыми свойствами и подчинялся его неведомым законам.

Той ночью разразилась гроза, а когда на следующее утро профессора опять появились на ферме Наума, их ожидало горькое разочарование. Обладая ярко выраженным магнетизмом, метеорит, очевидно, таил в себе некие неизвестные электростатические свойства, ибо, согласно свидетельству Наума, во время грозы «он притягивал к себе все молнии подряд». Ему довелось наблюдать, как в течение часа молния шесть раз ударяла в невысокий бугорок посреди его двора, а когда гроза миновала, от пришельца со звезд не

осталось ничего, кроме наполовину засыпанной оползнем ямы рядом с колодцем. Раскопки не принесли никакого результата, и ученые были вынуждены констатировать факт полного исчезновения метеорита. Больше им тут делать было нечего, и они отправились назад в лабораторию продолжать свои опыты над неуклонно уменьшающимся в размерах образцом, который они на этот раз предусмотрительно запрятали в свинцовый контейнер. Этого последнего кусочка им хватило на неделю, по окончании которой они так и не узнали ничего ценного о его природе. Когда же образец наконец прогорел окончательно, от него не осталось ни шлака, ни осадка, ни каких-либо иных следов его материального существования, и с течением времени профессора начали терять уверенность в том, что вообще видели этот загадочный обломок нависшей над нами необъятной бездны, этот необъяснимый знак, посланный нам из других галактик, где властвуют иные законы материи, энергии и бытия.

Вполне естественно, что аркхемские газеты, куда университетские мужи бросились помещать свои статьи о необычном феномене, устроили грандиозную шумиху по поводу метеорита и чуть ли не ежедневно посылали корреспондентов брать интервью у Наума Гарднера и членов его семьи. А после того как у него побывал и репортер одной из бостонских ежедневных газет, Наум быстро начал становиться местной знаменитостью. Это был высокий, худой, добродушный мужчина пятидесяти лет от роду. Он имел жену и троих детей, и все они в добром согласии жили на небольшой, но по всем показателям образцовой ферме посреди долины. Наум и Эмми, как и их жены, частенько заглядывали друг к другу в гости, и за все годы знакомства Эмми не мог сказать о нем ничего, кроме самого хорошего. Наум, кажется, немного гордился известностью, которая нежданно-негаданно выпала на долю его фермы, и все последующие недели только и говорил, что о метеорите. Между тем в июле и августе того года для фермеров выдались горячие деньки,

и ему пришлось изрядно повозиться с заготовкой сена, от темна до темна курсируя на своей грохочущей телеге по лесным просекам, соединявшим ферму с пастбищем за Чепменовским ручьем. В этом году работа давалась ему не так легко, как прежде, и он с грустью замечал, что чувствует приближение старости.

А затем наступила осень. День ото дня наливались соком яблоки и груши, и торжествующий Наум клялся всякому встречному, что никогда еще его сады не приносили столь роскошного урожая. Достигавшие невиданных размеров и крепости плоды уродились в таком поразительном изобилии, что Гарднерам пришлось заказать добавочную партию бочек для хранения и перевозки своего будущего богатства. Однако, когда пришло время собирать фрукты, Наума постигло ужасное разочарование, ибо среди неисчислимого множества этих, казалось бы, непревзойденных кандидатов на украшение любого стола не обнаружилось ни одного, который можно было бы взять в рот. К нежному вкусу плодов примешивались неизвестно откуда взявшиеся тошнотворная горечь и приторность, так что даже самый малейший надкус вызывал непреодолимое отвращение. То же самое творилось с помидорами и дынями, и вскоре упавший духом Наум вынужден был примириться с мыслью о том, что весь его нынешний урожай безвозвратно потерян. Будучи сообразительным малым, он тут же сопоставил это событие с недавним космическим феноменом и заявил, что это метеорит отравил его землю и что теперь ему остается только благодарить Бога за то, что бо́льшая часть остальных посадок находилась на удаленном от дороги предгорье.

В том году зима пришла рано, и выдалась она на редкость суровой. Эмми теперь видел Наума не так часто, как прежде, но и нескольких коротких встреч ему хватило, чтобы понять, что его друг чем-то не на шутку встревожен. Да и остальные Гарднеры заметно изменились: они стали молчаливы и замкнуты, и с течением времени их все реже можно было

встретить на воскресных службах и сельских праздниках. Причину внезапной меланхолии, поразившей доселе цветущее фермерское семейство, невозможно было объяснить, хотя временами то один, то другой из домашних Наума жаловался на ухудшающееся здоровье и расстроенные нервы. Сам Наум выразился по этому поводу достаточно определенно: однажды он заявил, что его беспокоят следы на снегу. На первый взгляд то были обыкновенные беличьи, кроличьи и лисьи следы, но наметанный глаз потомственного фермера уловил нечто не совсем обычное в рисунке каждого отпечатка и в том, как они располагались на снегу. Он не стал вдаваться в подробности, но у его собеседников сложилось впечатление, что таинственные следы только отчасти соответствовали анатомии и повадкам белок, кроликов и лис, водившихся в здешних местах испокон веков. Эмми не придавал этим разговорам большого значения до тех пор, пока однажды ночью ему не довелось, возвращаясь домой, проезжать мимо фермы Наума. В ярком свете луны дорогу перебежал кролик, и было в этом кролике и его гигантских прыжках нечто такое, что очень не понравилось ни Эмми, ни его лошади. Во всяком случае, понадобился сильный рывок вожжей, чтобы помешать последней во весь опор понестись прочь. После этого случая Эмми серьезнее относился к рассказам Наума и уже не удивлялся тому, что каждое утро гарднеровские псы испуганно жались по углам, а со временем настолько утратили былую бодрость, что и вовсе перестали лаять.

Как-то в феврале сыновья Макгрегора, что с Медоу-Хилл, отправились поохотиться на сурков и неподалеку от фермы Гарднеров подстрелили весьма странный экземпляр. Тушка зверька приводила в замешательство своими непривычными размерами и пропорциями, а на морде было написано жутковатое выражение, какого до той поры никому не приходилось встречать у сурков. Изрядно напугавшись, мальчишки тут же забросили уродца подальше в кусты и верну-

лись домой, так что по округе принялся ходить лишь их ничем не подтвержденный, довольно фантастический рассказ. Однако тот факт, что поблизости от дома Наума лошади становились пугливыми, больше не отрицался никем, и постепенно отдельные темные слухи начали слагаться в легенды, которые и до сих пор окружают это проклятое место.

Весной стали поговаривать, что близ фермы Гарднеров снег тает гораздо быстрее, чем во всех остальных местах, а в начале марта в лавке Поттера, что в Кларкс-Корнерз, состоялось возбужденное обсуждение очередной новости. Проезжая по гарднеровским угодьям, Стивен Райс обратил внимание на пробивавшуюся вдоль кромки леса поросль скунсовой капусты. Никогда в жизни ему не доводилось видеть скунсову капусту столь огромных размеров — и такого странного цвета, что его вообще невозможно было передать словами. Растения имели отвратительный вид и издавали резкий тошнотворный запах, учуяв который лошадь Стивена принялась храпеть и взбрыкивать. В тот же полдень несколько человек отправились взглянуть на подозрительную поросль и, прибыв на место, единодушно согласились, что подобные чудовища не должны пускать ростков в христианском мире. Тут все заговорили о пропавшем урожае предыдущей осени, и вскоре по всей округе не осталось ни единого человека, который не знал бы о том, что земли Наума отравлены. Конечно, все дело было в метеорите; и, памятуя об удивительных историях, которые в прошлом году рассказывали о нем университетские ученые, несколько фермеров, будучи по делам в городе, выбрали время и потолковали с профессорами о всех происшедших за это время событиях.

И вот однажды те вновь заявили к Науму и часок-другой покрутились на ферме, но, не имея склонности доверять всякого рода слухам и легендам, пришли к очень скептическим заключениям. Действительно, растения выглядели довольно странно, но скунсова капуста в большинстве слу-

чаев имеет довольно странный вид и окраску. Кроме того, не исключено, что какая-нибудь минеральная составляющая метеорита и в самом деле попала в почву, но если это так, то она вскоре будет вымыта грунтовыми водами. А что касается следов на снегу и пугливых лошадей, то это, без сомнения, всего лишь обычные деревенские байки, порожденные таким редким научным явлением, как аэролит. Серьезному человеку не следует обращать внимания на нелепые пересуды, ибо давно известно, что сельские жители только и знают, что рассказывают небылицы и верят во всякую чушь. А потому, когда наступили «окайнные дни», профессора держались в стороне от происходящего и только презрительно фыркали, услышав очередное невероятное известие. Только один из них, получив полтора года спустя от полиции для анализа две наполненные пеплом склянки, припомнил, что непередаваемый оттенок листьев скунсовой капусты, с одной стороны, очень напоминал одну из цветовых полос необычного спектра, снятого университетским спектроскопом с образца метеорита, а с другой — был сродни окраске хрупкой глобулы, обнаруженной в теле пришельца из космической бездны. Припомнил он это потому, что две горстки праха, принесенные ему для анализа, дали в своем спектре все те же странные полосы, однако через некоторое время явление это прекратилось и все снова пришло в норму.

На деревьях вокруг гарднеровского дома рано набухли почки, и по ночам их ветви зловеще раскачивались на ветру. Тадеуш, средний сын Наума, уверял, что ветки качаются и тогда, когда никакого ветра нет, но этому не могли поверить даже самые заядлые из местных сплетников. Однако все явно ощущали повисшее в воздухе напряжение. У Гарднеров появилась привычка временами безмолвно вслушиваться в тишину, как если бы там раздавались звуки, доступные им одним. Выйдя из этого своеобразного транса, они ничего не могли объяснить, ибо находившие на них момен-

ты оцепенения свидетельствовали не о напряженной работе сознания, а скорее о почти полном его отсутствии. К сожалению, такие случаи становились все более частыми, и вскоре то, что «с Гарднерами неладно», стало обычной темой местных пересудов. Когда расцвела камнеломка, было замечено, что ее бутоны опять-таки имели странную окраску — не совсем такую, как у скунсовой капусты, но несомненно чем-то родственную ей и, уж конечно, непохожую ни на какую другую на земле. Наум сорвал несколько цветков и принес их редактору «Аркхемских ведомостей». Однако сей почтенный джентльмен не нашел ничего лучшего, как написать по этому поводу пространный фельетон, очень изящно выставлявший на посмешище темные страхи невежественных людей. Со стороны Наума и впрямь было ошибкой рассказывать солидному трезвомыслящему горожанину о том, что некоторые бабочки — в особенности черные, немислимых размеров траурницы — вытворяли над цветками этих камнеломок.

В апреле среди местных жителей распространилась настоящая эпидемия страха, которая и привела к тому, что пролегающая мимо дома Наума аркхемская дорога была окончательно заброшена. Причиной страха была растительность. Деревья в гарднеровском саду оделись странным цветом, а на каменистой почве двора и на прилегающих к дому пастбищах пробилась к свету невиданная поросль, которую только очень опытный ботаник мог бы соотнести с обычной флорой данного региона. Все, за исключением трав и листвы, было окрашено в различные сочетания одного и того же призрачного, нездорового тона, которому не было места на Земле. Один взгляд на бикукуллу внушал ужас, а невероятная пестрота волчьей стопы, казалось, служила треклятому цветку для того, чтобы издеваться над проходившими мимо людьми. Эмми вместе с Гарднерами долго размышляли о том, что бы могла означать эта зловещая окраска, и в конце концов пришли к выводу, что она очень напоминала окрас-

ку хрупкой глобулы, найденной в ядре метеорита. Бессчетное количество раз Наум перепаживал и засеивал заново свои угодья в долине и предгорьях, но так ничего и не смог поделать с отравленной почвой. В глубине души он знал, что труды его были напрасны, и надеялся лишь на то, что уродливая растительность нынешнего лета вберет в себя всю дрянь из принадлежащей ему земли и очистит ее для будущих урожаев. Однако уже тогда он был готов к самому худшему и, казалось, только ждал того момента, когда нависшая над его семьей туча разразится страшной грозой. Конечно, на нем сказалось и то, что соседи начали их сторониться, но последнее обстоятельство он переносил гораздо лучше, чем его жена, для которой общение с людьми значило очень многое. Ребятам, каждый день посещавшим школу, было не так тяжело, но и они были изрядно напуганы ходившими вокруг их семьи слухами. Более всего страдал от этого Тадеуш, самый чувствительный из троих детей.

В мае появились насекомые, и ферма Наума превратилась в сплошной жужжащий и шевелящийся кошмар. Большинство этих созданий имело не совсем обычный вид и размеры, а их ночное поведение противоречило всем существующим биологическим законам. Гарднеры начали дежурить по ночам — они вглядывались в темноту, окружавшую дом, со страхом выискивая в ней сами не ведая что. Тогда же они удостоверились и в том, что странное явление Тадеуша относительно деревьев было чистой правдой. Сидя однажды у окна, за которым на фоне звездного неба простер свои разлапистые ветви клен, миссис Гарднер обнаружила, что, несмотря на полное безветрие, ветви эти определенно раскачивались, как если бы ими управляла некая внутренняя сила. Это уже были явно не те старые добрые клены, какими они видели их еще год тому назад! Но следующее зловещее открытие сделал человек, не имевший к Гарднерам никакого отношения. Привычка притупила их бдительность, и они не замечали того, что сразу же броси-

лось в глаза скромному мельнику из Болтона, который в неведении последних местных сплетен как-то ночью проезжал по злосчастной старой дороге. Позднее его рассказу о пережитом той ночью даже уделили крохотную часть столбца в «Аркхемских ведомостях», откуда новость и стала известна всем фермерам округи, включая самого Наума. Ночь выдалась на редкость темной; от слабеньких фонарей, установленных на крыльях пролетки, было мало толку, но, когда мельник спустился в долину и приблизился к ферме, которая, судя по описанию, не могла быть никакой иной, кроме гарднеровской, окружавшая его тьма странным образом рассеялась. Это было поразительное зрелище: насколько хватало глаз, вся растительность — трава, кусты, деревья — испускала тусклое, но отчетливо видимое свечение, а на мгновение мельнику даже почудилось, что на заднем дворе дома, возле коровника, шевельнулась какая-то фосфоресцирующая масса, отдельным пятном выделявшаяся на общем светлом фоне.

До последнего времени трава оставалась незараженной, и коровы спокойно паслись на прилегавшем к дому выгоне, но к концу мая у них начало портиться молоко. Тогда Наум перегнал стадо на предгорное пастбище, и положение как будто выправилось. Вскоре после того признаки недуга, поразившего траву и листву деревьев в саду Гарднеров, можно было увидеть невооруженным глазом. Все, что было зеленым, постепенно становилось пепельно-серым, приобретая по мере этого превращения еще и способность рассыпаться в прах от малейшего прикосновения. Из всех соседей теперь сюда наведывался только Эмми, да и его визиты становились все более редкими. Когда школа закрылась на летние каникулы, Гарднеры потеряли последнюю связь с внешним миром и потому охотно согласились на предложение Эмми делать для них в городе кое-какие закупки. Вся семья медленно, но верно угасала как физически, так и умственно,

и когда в округе распространилось известие о сумасшествии миссис Гарднер, никто особенно не удивился.

Это случилось в июне, примерно через год после падения метеорита. Несчастную женщину преследовали неведомые воздушные создания, которых она не могла толком описать. Речь ее стала малопонятной — из нее исчезли все существительные, и теперь она изъяснялась только глаголами и местоимениями. Что-то неотступно следовало за ней, оно постоянно изменялось и пульсировало, оно надрывало ее слух чем-то лишь очень отдаленно напоминающим звук. С ней что-то сделали — из нее высасывают что-то — в ней есть нечто, чего не должно быть — его нужно прогнать — нет покоя по ночам — стены и окна расплываются, двигаются... Поскольку она не представляла серьезной угрозы для окружающих, Наум не стал отправлять ее в местный приют для душевнобольных, и некоторое время она как ни в чем не бывало бродила по дому. Даже после того, как начались изменения в ее внешности, все продолжало оставаться по-старому. И только когда сыновья уже не смогли скрывать своего страха, а Тадеуш едва не упал в обморок при виде гримас, которые ему корчила мать, Наум решил запереть ее на чердаке. К июлю она окончательно перестала говорить и передвигалась на четвереньках, а в конце месяца старик Гарднер с ужасом обнаружил, что его жена едва заметно светится в темноте — точь-в-точь как вся окружавшая ферму растительность.

Незадолго до того со двора убежали лошади. Что-то испугало их посреди ночи, и они принялись ржать и биться в стойлах с поистине ужасающей силой. Все попытки успокоить животных не принесли успеха, и когда Наум наконец открыл ворота конюшни, они вылетели оттуда, как стадо встревоженных лесных оленей. Четверых беглянок пришлось искать целую неделю, а когда их все же нашли, то оказалось, что они не способны даже нагнуться за пучком травы, росшей у них под ногами. Что-то сломалось в их

жалких мозгах, и в конце концов всех четверых пришлось пристрелить для их же собственной пользы. Для заготовки сена Наум одолжил лошадь у Эмми, но это на редкость смиренное и послушное животное наотрез отказалось приближаться к сараю. Она упиралась, взбрыкивала и оглашала воздух ржанием до тех пор, пока ее не увели обратно во двор, и мужчинам пришлось на себе волочить тяжеленный фургон до самого сеновала. А между тем растения продолжали сереть и сохнуть. Даже цветы, сначала поражавшие всех своими невиданными красками, теперь стали однообразно серыми, а начинавшие созревать фрукты имели кроме привычного уже пепельного цвета карликовые размеры и отвратительный вкус. Серыми и искривленными выросли астры и золотарники, а розы, циннии и алтеи приобрели такой жуткий вид, что Наумов первенец Зенас однажды забрался в палисадник и вырезал их все под корень. Примерно в это же время начали погибать заполонившие ферму гигантские насекомые, а за ними и пчелы, перед тем покинувшие ульи и поселившиеся в окрестных лесах.

К началу сентября вся растительность начала бурно осыпаться, превращаясь в мелкий сероватый порошок, и Наум стал серьезно опасаться, что его деревья погибнут до того, как трава вымоется из почвы. Каждый приступ болезни у его жены теперь сопровождался ужасающими воплями, отчего он и его сыновья находились в постоянном нервном напряжении. Они стали избегать людей, и, когда в школе вновь начались занятия, дети остались дома. Теперь они видели только Эмми, и как раз он-то во время одного из своих редких визитов и обнаружил, что вода в гарднеровском колодце больше не годилась для питья. Она стала не то чтобы затхлой и не то чтобы соленой, а просто настолько омерзительной на вкус, что Эмми посоветовал Науму не откладывая дела в долгий ящик вырыть новый колодец на лужайке выше по склону. Наум, однако, не внял предупреждению своего старого приятеля, ибо к тому времени стал

нечувствителен даже к самым необычным и неприятным вещам. Они продолжали брать воду из зараженного колодца, апатично запивая ею свою скудную и плохо приготовленную пищу, которую принимали в перерывах между безрадостным, механическим трудом, заполнявшим все их бесцельное существование. Ими овладела тупая покорность судьбе, как если бы они уже прошли половину пути по охраняемому невидимыми стражами проходу, ведущему в темный, но уже ставший привычным мир, откуда нет возврата.

Тадеуш сошел с ума в сентябре, когда в очередной раз, прихватив с собой пустое ведро, отправился к колодцу за водой. Очень скоро он вернулся, визжа от ужаса и размахивая руками, но даже после того, как его удалось успокоить, от него ничего невозможно было добиться, кроме бессмысленного хихиканья да еле слышного шепота, каким он бесконечно повторял одну-единственную фразу: «Там, внизу, живет свет...» Два случая подряд — многовато для одной семьи, но Наума не так-то просто было сломить. Неделю или около того он позволял сыну свободно разгуливать по дому, а потом, когда тот начал наткаться на мебель и падать, запер его на чердаке, в комнате, расположенной напротив той, где содержалась его мать. Отчаянные вопли, которыми эти двое обменивались через запертые двери, держали в страхе остальную семью. Особенно угнетающе они действовали на маленького Мервина, который всерьез полагал, что его брат переговаривается с матерью на неизвестном людям языке. Болезненная впечатлительность Мервина пугала Наума, который к тому же заметил, что после того, как его брата и товарища по играм заперли наверху, Мервин просто не находил себе места.

Примерно в это же время начался падеж скота. Куры и индейки приобрели сероватый оттенок и быстро издохли одна за другой, а когда их попытались приготовить в пищу, то обнаружилось, что мясо их стало сухим, ломким и непередаваемо зловонным. Свины сначала непомерно растол-

стели, а затем вдруг стали претерпевать такие чудовищные изменения, что ни у кого просто не нашлось слов, чтобы дать объяснение происходящему. Разумеется, их мясо тоже оказалось никуда не годным, и отчаяние Наума стало беспредельным. Ни один местный ветеринар и на милое не осмелился бы подойти к его дому, а специально вызванное из Аркхема светило только и сделало, что вылупило глаза от изумления и удалилось, так ничего и не сказав. А между тем свиньи начинали понемногу сереть, затвердевать, становиться ломкими и в конце концов развалились на куски, еще не успев издохнуть, причем глаза и рыльца несчастных животных превратились в нечто совершенно невообразимое. Все это было тем более странно и непонятно, если учесть, что скот не получил ни единой былинки с зараженных пастбищ. Затем мор перекинулся на коров. Отдельные участки, а иногда и все туловище очередной жертвы непостижимым образом сжималось, высыхало, после чего кусочки плоти начинали отваливаться от пораженного места, как старая штукатурка от гладкой стены. На последней стадии болезни (которая во всех без исключения случаях предшествовала смерти) наблюдалось появление серой окраски и общая затверделость, ведущая к распаду, как и в случае со свиньями. О преднамеренном отравлении не могло быть и речи, так как животные содержались в запертом коровнике, расположенном вплотную к дому. Вирус не мог быть занесен и через укусы хищников, ибо ни одна из обитающих на земле тварей не смогла бы проникнуть через крепко сколоченные стены. Оставалось предположить, что это была все-таки болезнь — однако что это за болезнь, да и существует ли вообще на свете болезнь, которая могла бы приводить к таким ужасным результатам, было непостижимо уму. Когда пришла пора собирать урожай, на дворе у Наума не осталось ни единого животного — птица и скот погибли, а все собаки исчезли однажды ночью, и больше о них никто не слышал. Что же касается пятерых котов, то они убежали

еще на исходе лета, но на их исчезновение вряд ли кто-нибудь обратил внимание, ибо мыши в доме давным-давно перевелись, а миссис Гарднер была не в том состоянии, чтобы заметить пропажу своих любимцев.

Девятнадцатого октября пошатывающийся от горя Наум появился в доме Пирсов с ужасающим известием. Бедный Тадеуш скончался в своей комнате на чердаке — скончался при обстоятельствах, не поддающихся описанию. Наум вырыл могилу на обнесенном низкой изгородью семейном кладбище позади дома и опустил в нее то, что осталось от его сына. Как и в случае со скотом, смерть не могла прийти снаружи, ибо зарешеченное окно и тяжелая дверь чердачной комнаты оказались нетронутыми, но бездыханное тело Тадеуша носило явные признаки той же страшной болезни, что до того извела всю гарднеровскую живность. Эмми и его жена, как могли, утешали несчастного, в то же самое время ощущая, как у них по телу пробегают холодные мурашки. Смертный ужас, казалось, исходил от каждого Гарднера и всего, к чему бы они ни прикасались, а самое присутствие одного из них в доме было равносильно дыханию бездны, для которой у людей не было и никогда не будет названия. Эмми пришлось сделать над собой изрядное усилие, прежде чем он решился проводить Наума домой, а когда они прибыли на место, ему еще долго пришлось успокаивать истерически рыдавшего маленького Мервина. Зенас не нуждался в утешении. Все последние дни он только и делал, что сидел, невидящим взором уставясь в пространство и механически выполняя что бы ему ни приказал отец, — участь, показавшаяся Эмми еще не самой страшной. Временами рыдания Мервина сопровождались душераздирающими женскими криками, доносившимися с чердака. Заметив вопросительный взгляд Эмми, Наум сказал, что его жена слабеет не по дням, а по часам. Когда начало смеркаться, Эмми удалось улизнуть, ибо даже старая дружба не могла задержать его до утра в доме, окруженном светящейся

травой и деревьями, чьи ветви колыхались без малейшего намека на ветер. Эмми еще повезло, что он уродился ни особенно сообразительным, ни чересчур чувствительным и все пережитое лишь слегка повредило его рассудок. Обладая же он хоть каплей воображения и способностью сопоставлять отдельные факты зловещих событий, ему бы не миновать буйного помешательства. Он почти бежал домой в сгущавшихся сумерках, а в ушах его все звучали пронзительные крики малыша и его безумной матери.

Прошло три дня, а ранним утром четвертого (Эмми только что отправился куда-то по делам) Наум ворвался на кухню Пирсов и заплетающимся языком выложил оцепеневшей от ужаса хозяйке известие об очередном постигшем его ударе. На этот раз пропал маленький Мервин. Накануне вечером, прихватив с собой ведро и лампу, он пошел за водой — и не вернулся. В последнее время состояние его резко ухудшилось. Он практически не отдавал себе отчета в том, что делает и где находится, и с криком шарахался от собственной тени. Его отчаянный вопль, донесшийся со двора в тот вечер, заставил Наума вскочить на ноги и что есть мочи ринуться к дверям, но, когда он выскочил на крыльцо, было уже поздно. Мервин исчез без следа, нигде не было видно и зажженного фонаря, который он взял, чтобы осветить себе у колодца. Сначала Наум подумал, что ведро и фонарь пропали вместе с мальчиком, однако странные предметы, обнаруженные им у колодца на рассвете, когда после целой ночи бесплодного обшаривания окрестных полей и лесов он, почти падая от усталости, вернулся домой, заставили его изменить свое мнение. На мокрой от росы полоске земли, опоясывающей жерло колодца, поблескивала расплюснутая и местами оплавленная решетка, которая когда-то несомненно являлась частью фонаря, а рядом с нею валялись изогнутые, перекрученные от адского жара обручи ведра. И больше ничего. Наум был близок к помешательству, миссис Пирс балансировала на грани обморока, а от вернув-

шегося домой и узнавшего о случившемся Эмми тоже было мало проку. Нечего было даже думать о том, чтобы искать помощи у соседей, которые от одного вида Гарднеров убегали как от огня. Обращаться же к горожанам было и того не лучше, ибо в Аркхеме давно уже только похохатывали над рассказами деревенских простофиль. Тед погиб. Теперь, видно, пришла очередь Мервина. Какое-то злое облако надвигалось на несчастную семью, и недалеко уже был тот миг, когда гром и молния истребят ее целиком. Уходя, Наум попросил Эмми приглядеть за его женой и сыном, если ему суждено умереть раньше их. Все происходящее представлялось ему карой небесной; вот только за какие грехи ему ниспослана эта кара, он так и не мог понять. Ведь насколько ему было известно, он никогда нарушал заветов, в незапамятные времена оставленных людям Творцом.

Две недели о Науме ничего не было слышно, и в конце концов Эмми поборол свои страхи и отправился на проклятую ферму. Представшая его взору картина была поистине ужасна: пепельно-серый ковер из увядшей, рассыпающейся в прах листвы покрывал землю, высохшие жгуты плюща свисали с древних стен и фронтонов, а огромные мрачные деревья, казалось, вонзили в хмурое ноябрьское небо свои острые сучья и терзали ими низко пролетавшие облака (Эмми показалось, что это впечатление возникло у него из-за того, что наклон ветвей и впрямь изменился и они смотрели почти перпендикулярно вверх). Огромный дом Гарднеров казался пустым и заброшенным; над высокой кирпичной трубой не вился, как обычно, дымок, и на секунду Эмми овладели самые дурные предчувствия. Но, к его радости, Наум оказался жив. Он очень ослаб и лежал без движения на низенькой кушетке, установленной у кухонной стены, но, несмотря на свой болезненный вид, находился в полном сознании и в момент, когда Эмми переступал порог дома, громким голосом отдавал какие-то распоряжения Зенасу. В кухне царил адский холод, и, не пробыв там

и минуты, Эмми начал непроизвольно поеживаться, пытаясь сдержать охватывающую его дрожь. Заметив это, хозяин отрывисто приказал Зенасу подбросить в печь побольше дров. Обернувшись к очагу, Эмми обнаружил, что туда и в самом деле уже давно не подбрасывали дров — слишком давно, если судить по тому, как холоден и пуст он был и как неистово крутилось в его глубине облако сажи, вздымаемое спускающейся вниз по трубе струей ледяного воздуха. А когда в следующее мгновение Наум осведомился, стало ли ему теперь теплее или следует послать сорванца за еще одной охапкой, Эмми понял, что произошло. Не выдержала, оборвалась самая крепкая, самая здоровая жила, и теперь несчастный фермер был надежно защищен от новых бед.

Несколько осторожных вопросов не помогли Эмми выяснить, куда же подевался Зенас. «В колодце... Он теперь живет в колодце...» — вот и все, что удалось ему разобрать в бессвязном лепете помешанного. Внезапно в голове у него пронеслась мысль о запертой в комнате наверху миссис Гарднер, и он изменил направление разговора. «Небби? Да ведь она стоит прямо перед тобой!» — воскликнул в ответ пораженный глупостью друга Наум, и Эмми понял, что с этой стороны помощи он не дожидется и что надо принимать за дело самому. Оставив Наума бормотать что-то себе под нос на кушетке, он сдернул с гвоздя над дверью толстую связку ключей и поднялся по скрипучей лестнице на чердак. Там было очень тесно, пахло гнилью и разложением. Ниоткуда не доносилось ни звука. Из четырех дверей, выходивших на площадку, только одна была заперта на замок. Один за другим Эмми принялся вставлять в замочную скважину ключи из связки, позаимствованной им внизу. После третьей или четвертой попытки замок со щелчком сработал, и, поколебавшись минуту-другую, он толкнул низкую, выкрашенную светлой краской дверь.

Внутри царил полумрак, так как и без того маленькое окошко было наполовину перекрыто толстыми деревянными

ми брусьями, и Эмми поначалу не удалось разглядеть ровным счетом ничего. В лицо ему ударила волна невыносимого зловония, и, прежде чем двинуться дальше, он немного постоял на пороге, наполняя легкие пригодным для дыхания воздухом. Войдя же и остановившись посреди комнаты, он заметил какую-то темную кучу в одном из углов. Когда ему удалось разобрать, что это было такое, из груди его вырвался протяжный вопль ужаса. Он стоял посреди комнаты и кричал, а от грязного дощатого пола поднялось (или это ему только показалось?) небольшое облачко, на секунду заслонило собою окно, а затем с огромной скоростью пронеслось к дверям, обдав его обжигающим дыханием, как если бы это была струя пара, вырвавшаяся из бурлящего котла. Странные цветочные узоры переливались у него перед глазами, и, не будь он в тот момент напуган до полусмерти, они бы, конечно, сразу же напомнили ему о невиданной окраске глобулы, найденной в ядре метеорита и разбитой профессорским молотком, а также о нездоровом оттенке, который этой весной приобрела едва появившаяся на свет растительность вокруг гарднеровского дома. Но как бы то ни было, в тот момент он не мог думать ни о чем, кроме той чудовищной, той омерзительной груды в углу чердака, бывшей некогда женой его друга, а теперь разделившей страшную и необъяснимую судьбу Тадеуша и большинства остальных обитателей фермы. А потому он стоял и кричал, отказываясь поверить в то, что этот воплощенный ужас, продолжавший у него на глазах разваливаться, крошиться, расползаться в бесформенную массу, все еще очень медленно, но совершенно отчетливо двигался вдоль стены, словно стараясь уйти от опасности.

Эмми не стал вдаваться в дальнейшие подробности этой чудовищной сцены, но из его рассказа я понял, что, когда он покидал комнату, бесформенная груда в углу больше не шевелилась. Есть вещи, о которых лучше не распространяться, потому что акты человеческого сострадания ино-

гда сурово наказываются законом. Так или иначе, на чердаке не было ничего, что могло бы двигаться, и я полагаю, что Эмми принял верное решение, ибо оставить живую человеческую душу претерпевать невиданные муки в этом адском месте было бы гораздо более страшным преступлением. Любой другой на его месте несомненно свалился бы без чувств или потерял рассудок, но сей достойный потомок твердолобых первопроходцев лишь слегка ускорил шаги, выходя за порог, и лишь чуть дольше возился с ключами, запирая за собой низкую дверь и ужасную тайну, что она скрывала. Теперь следовало позаботиться о Науме — его нужно было как можно скорее накормить и обогреть, а затем перевезти в безопасное место и поручить заботам надежных людей.

Едва начав спускаться по полутемному лестничному пролету, Эмми услышал, как внизу, в районе кухни, с грохотом свалилось на пол что-то тяжелое. Ушей его достиг слабый сдавленный крик, и он, как громом пораженный, замер на ступеньках, тотчас вспомнив о влажном светящемся облаке, обдавшем его жаром в той жуткой комнате наверху. Что же за дьявольские бездны всколыхнуло его внезапное появление и невольный крик? Охваченный неизъяснимым ужасом, он продолжал прислушиваться к происходившему внизу. Сначала он различил глухие шаркающие звуки, как если бы какое-то тяжелое тело волочили по полу, а затем, после непродолжительной тишины, раздалось настолько отвратительное чавканье и хлюпанье, что Эмми всерьез решил: это сам сатана явился из ада высасывать кровь у всего живого, что есть на земле. Под влиянием момента в его непривычном к умопостроениям мозгу вдруг сложилась короткая ассоциативная цепочка, и он явно представил себе то, что происходило в комнате наверху за секунду до того, как он открыл запертую дверь. Господи, какие еще ужасы таил в себе потусторонний мир, в который ему было уготовано нечаянно забрести? Не осмеливаясь двинуться ни вперед ни

назад, он продолжал стоять, дрожа всем телом, в темном лестничном проеме. С того момента прошло уже четыре десятка лет, но каждая деталь давнего кошмара навеки запечатлелась у него в голове — отвратительные звуки, гнетущее ожидание новых ужасов, темнота лестничного проема, крутизна узких ступеней и — милосердный Боже! — слабое, но отчетливое свечение окружавших его деревянных предметов: ступеней, перекладин, опорных брусьев крыши и внутренней обивки стен.

Прошло несколько страшных минут, и Эмми вдруг услышал, как во дворе отчаянно заржала его лошадь, за чем последовал дробный топот копыт и грохот подскакивающей на выбоинах пролетки. Звуки эти быстро удалялись, из чего он совершенно справедливо заключил, что напуганная чем-то Геро стремглав бросилась домой, оставив оцепеневшего от ужаса хозяина торчать на полутемной лестнице и гадать, какой бес в нее вселился в самый неподходящий момент. Однако это было еще не все. Эмми был готов поклясться, что в разгар всего этого переполоха ему почудился негромкий всплеск, определенно донесшийся со стороны колодца. Поразмыслив, Эмми решил, что это был камень, который выбила из невысокого колодезного бордюра наскочившая на него пролетка, ибо именно возле колодца он оставил свою лошадь, ввиду ее мирного нрава не удосужившись проехать несколько лишних метров до привязи. Он стоял и раздумывал над всеми этими вещами, а вокруг него продолжало разливаться слабое фосфоресцирование, исходившее от старых, изъеденных временем стен. Боже, каким же древним был этот дом! Главное здание было возведено около тысяча шестьсот семидесятого года, а пристройки и двускатная крыша — не позднее семьсот тридцатого.

Доносившиеся снизу шаркающие звуки стали теперь гораздо более отчетливыми, и Эмми покрепче сжал в руках тяжелую палку, прихваченную им на всякий случай на чердаке. Не переставая ободрять себя, он спустился с лестни-

цы и решительным шагом направился на кухню. Однако туда он так и не попал, ибо того, за чем он шел, там уже не было. Оно лежало на полпути между кухней и гостиной и все еще проявляло признаки жизни. Само ли оно приползло сюда или было принесено некой внешней силой, Эмми не мог сказать, но то, что оно умирало, было очевидно. За последние полчаса оно претерпело все ужасные превращения, на которые раньше уходили дни, а то и недели: отверждение, потемнение и разложение уже почти завершились. Высохшие участки тела на глазах осыпались на пол, образуя кучки мелкого пепельно-серого порошка. Эмми не мог заставить себя прикоснуться к нему, а только с ужасом посмотрел на разваливающуюся темную маску, которая еще недавно была лицом его друга, и прошептал:

— Что это было, Наум? Что это было?

Распухшие, потрескавшиеся губы раздвинулись, и увядающий голос прошелестел в гробовой тишине:

— Не знаю... не знаю... просто сияние... оно обжигает... холодное, влажное, но обжигает... живет в колодце... я видел его... похоже на дым... тот же цвет, что у травы этой весной... колодец светится по ночам... Тед, и Мервин, и Зенас... все живое... высасывает жизнь из всего живого... в камне с неба... оно было в том камне с неба... заразило все кругом... не знаю, чего ему надо... та круглая штука... ученые выковыряли ее из камня с неба... они разбили ее... она была того же цвета... того же цвета, что и листья, и трава... в камне были еще... семена... яйца... они выросли... впервые увидел его на этой неделе... стало большое, раз справилось с Зенасом... Зенас был сильный, много жизни... сначала селится у тебя в голове... потом берет всего... сжигает тебя... вода из колодца... ты был прав... вода была плохая... Зенас не вернулся с колодца... от него не уйти... оно притягивает... ты знаешь... все время знаешь, что будет худо... но поделаться ничего нельзя... я видел его не раз с тех пор, как оно взяло Зенаса... не помню, где Небби, Эмми?... у меня в голове все смешалось... не по-

мню, когда кормил ее последний раз... оно заберет ее, если мы не помешаем... просто сияние... оно светится... ее лицо точь-в-точь так же светится в темноте... а оно обжигает и высасывает... оно пришло оттуда, где все не так, как у нас... так сказал профессор... он был прав... берегись, Эмми, оно не только светится... оно высасывает жизнь...

Это были его последние слова. То, чем он говорил, не могло больше издать ни звука, ибо составлявшая его плоть окончательно раскрошилась и провалилась внутрь черепа. Эмми прикрыл останки белой в красную клетку скатертью и, пошатываясь, вышел через заднюю дверь на поля. По отлогому склону он добрался до десятиакрового гарднеровского пастбища, а оттуда по северной дороге, что шла напрямиком через леса, побрел домой. Он не мог пройти мимо колодца, от которого убежала его лошадь, ибо перед тем, как отправиться в путь, бросил на него взгляд из окна и убедился в том, что пролетка не оставила на каменном бордюре ни малейшей царапины — скорее всего, она вообще проскочила мимо. Значит, это был не камень, а что-то другое... Что-то неведомое, что скрылось в колодце после того, как разделалось с беднягой Наумом.

Вернувшись домой, Эмми обнаружил там свою лошадь, пролетку и сильно испуганную жену, которая уже начала строить самые мрачные предположения относительно его судьбы. Не вдаваясь в объяснения, он успокоил ее и сразу же отправился в Аркхем заявить полиции, что семьи Гарднеров больше не существует. В полицейском участке он вкратце сообщил о гибели Наума и Небби (о Тадеуше уже знали в городе) и высказал предположение, что причиной смерти послужила та же самая неведомая болезнь, что ранее погубила весь скот на ферме. Кроме того, он заявил об исчезновении Мервина и Зенаса. После этого Эмми подвергли официальному допросу, а кончилось дело тем, что его заставили сопровождать на злосчастную ферму трех сержантов, coronера, судебно-медицинского эксперта и вете-

ринара, обследовавшего гарднеровский скот. Уговорить его стоило огромных трудов — близился полдень, и он опасался, что расследование затянется до темноты, — но в конце концов, поразмыслив и решив, что с такой оравой ему нечего опасаться, он согласился.

Шестеро представителей закона разместились в легком фургоне, Эмми уселся в свою пролетку, и около четырех часов пополудни они уже были на ферме. Даже привыкшие к самым жутким ипостасям смерти полицейские не смогли сдержать невольную дрожь при виде останков, найденных на чердаке и под белой в красную клетку скатертью в гостиной. Мрачная пепельно-серая пустыня, окружавшая дом со всех сторон, сама по себе могла вселить ужас в кого угодно, однако эти две груды праха выходили за границы человеческого разума. Никто не мог долго глядеть на них, и даже судмедэксперт признался, что ему тут, собственно, не над чем работать, разве что только собрать образцы для анализа. Тогда-то две наполненные пеплом склянки и попали на лабораторный стол технологического колледжа Мискатоникского университета. Помещенные в спектроскоп, оба образца дали абсолютно неизвестный спектр, многие полосы которого совпадали с полосами спектра, снятого в прошлом году с кусочка странного метеорита. Однако в течение месяца образцы утратили свои необычные свойства, и спектральный анализ начал стабильно указывать на наличие в пепле большого количества щелочных фосфатов и карбонатов.

Эмми и словом бы не обмолвился о колодце, если бы знал, что за этим последует. Приближался закат, и ему хотелось поскорее убраться восвояси. Но как он ни сдерживался, взгляд его постоянно возвращался к каменному парапету, скрывавшему черное круглое жерло, и когда наконец один из полицейских спросил его, в чем дело, он вынужден был признаться, что Наум ужасно боялся этого колодца — боялся настолько, что ему даже в голову не пришло загля-

нуть в него, когда он искал пропавших Мервина и Зенаса. После этого заявления полицейским ничего не оставалось, как досуха вычерпать колодец и обследовать его дно. Эмми стоял в сторонке и дрожал всеми членами, в то время как полицейские поднимали на поверхность и выплескивали на сухую, потрескавшуюся землю одно ведро зловонной жидкости за другим. Люди у колодца морщились, зажимали носы, и неизвестно, удалось бы им довести дело до конца, если бы уровень воды в колодце не оказался на удивление низок и уже через четверть часа работы не обнажилось дно. Полагаю, нет необходимости распространяться в подробностях о том, что они нашли. Достаточно сказать, что Мервин и Зенас оба были там. Останки их представляли собой удручающее зрелище и почти целиком состояли из разрозненных костей да двух черепов. Кроме того, были обнаружены небольших размеров олень и дворовый пес, а также целая россыпь костей, принадлежавших, по-видимому, более мелким животным. Ил и грязь, скопившиеся на дне колодца, оказались на редкость рыхлыми и пористыми, и вооруженный багром полицейский, которого на веревках спустили в колодезный сруб, обнаружил, что его орудие может полностью погрузиться в вязкую слизь, так и не встретив никакого препятствия.

Сгустились сумерки, и работа продолжалась при свете фонарей. Через некоторое время, поняв, что из колодца не удастся более выжать ничего ценного, все гурьбой повалили в дом и, устроившись в древней гостиной, освещаемой фонарями да призрачными бликами, которые показывавшийся иногда из-за облаков месяц отбрасывал на царившее кругом серое запустение, принялись обсуждать результаты проведенных изысканий. Никто не скрывал своего замешательства, равно как и не мог предложить убедительной версии, которая связывала бы воедино необычную засуху, поразившую близлежащую растительность, неизвестную болезнь, приведшую к гибели скота и людей на ферме, и,

наконец, непостижимую смерть Мервина и Зенаса на дне зараженного колодца. Конечно, им не раз доводилось слышать, что говорят об этом в округе, но они не могли поверить, чтобы рядом с ними могло произойти нечто, абсолютно не отвечающее законам природы. Без сомнения, метеорит отравил окрестную землю, но как объяснить тот факт, что пострадали люди и животные, не взявшие в рот ни крошки из того, что выросло на этой земле? Может быть, виновата колодезная вода? Вполне возможно. Было бы очень недурно отправить на анализ и ее. Но какая сила, какое безумие заставило обоих мальчиков броситься в колодец? Один за другим они прыгнули туда, чтобы там, на илистом дне, умереть и рассыпаться в прах от все той же (как показал краткий осмотр останков) иссушающей серой заразы. И вообще, что это за болезнь, от которой все сереет, сохнет и рассыпается в прах?

Первым свечение у колодца заметил коронер, сидевший у выходившего во двор окна. Снаружи уже совсем стемнело, и все окружавшее дом пространство было залито таким ярким лунным светом, что казалось, земля, деревья и деревянные пристройки светятся сами по себе. Однако это новое сияние, отчетливо выделявшееся на общем фоне, не было иллюзией. Оно поднималось из черных недр колодца, как слабый луч фонарика, и терялось где-то в вышине, успевая отразиться в маленьких лужицах зловонной колодезной воды, оставшихся на земле после очистных работ. Сияние это было весьма странного цвета, и когда Эмми наконец получил возможность выглянуть во двор из-за спин сгрудившихся у окна людей, он почувствовал, как у него останавливается сердце. Ибо окраска загадочного луча, вздымавшегося к небу сквозь плотные клубы испарений, была хорошо знакома ему. Это был цвет хрупкой глобулы, в ядре зловещего метеорита, цвет уродливой растительности, появившейся этой весной, и, наконец, — теперь он мог в этом поклясться! — цвет того движущегося облачка, что не далее

как сегодня утром на мгновение заслонило собой узенькое окошко чердачной комнаты, таящей в себе невыразимый ужас. Одно лишь мгновение переливалось оно у окошка, а в следующее — влажная обжигающая струя пара пронеслась мимо него к дверям, и какая-то тварь точно такого же цвета прикончила внизу беднягу Наума. Умирая, тот так и сказал: того же цвета, что и трава весной, что и проклятая глобула. И лошадь понеслась прочь со двора, и что-то тяжелое упало в колодец — а теперь из него угрожающе выпирал в небо бледный, мертвенный луч все того же дьявольского света.

Нужно отдать должное крепкой голове Эмми, которая даже в тот напряженный момент была занята разгадкой парадокса, носящего чисто научный характер. Его поразил тот факт, что светящееся, но все же достаточно разреженное облако выглядело совершенно одинаково как на фоне светлого квадрата окна, за которым сияло раннее погожее утро, так и в кромешной тьме посреди черного, опаленного смертью ландшафта. Что-то здесь было не так, не по законам природы, и он невольно подумал о последних страшных словах своего умирающего друга: «Оно пришло оттуда, где все не так, как у нас... так сказал профессор... он был прав».

Во дворе отчаянно забились и заржали лошади, оставленные на привязи у двух чахлых ив, росших на самой обочине дороги. Кучер фургона направился было к дверям, чтобы выйти и успокоить испуганных животных, когда Эмми положил трясущуюся руку ему на плечо.

— Не ходи туда, — прошептал он. — Там нечто такое, что нам и не снилось. Наум сказал, там, в колодце, живет что-то... Оно высасывает жизнь. Он сказал, оно выросло из круглой штуки — такой же, что была в этом треклятом метеоритном камне, который упал прошлым летом. Все видели эту штуку — такую круглую, как яйцо. Он сказал, оно жжет и высасывает, а из себя как облачко — просто сияние — и цвет у него такой же, как у вон того облачка за окном, такого

бледного, что с трудом видать, а уж сказать, что это такое, и вообще нельзя. Наум говорил, оно пожирает все живое, и чем больше ест, тем сильнее становится. Он сказал, что видел его на этой неделе. Оно пришло издалека, оттуда, где кончается небо,— так сказали доктора из колледжа, когда были здесь в прошлом году. Оно устроено не так, как весь остальной Божий мир, и живет оно не по его законам. Это нечто *извне*.

Кучер в нерешительности остановился у дверей, а между тем сияние во дворе становилось все ярче, и все отчаяннее ржали и дергали поводья привязанные у дороги лошади. Это был поистине ужасный момент: мрачное, навешающее ужас жилище, четыре чудовищных свертка с останками (включая поднятые со дна колодца) в дровянике у задней двери и столб неземного, демонического света, вздымающийся из осклизлой бездны во дворе. Под влиянием этого момента Эмми и удержал кучера — он совсем забыл, что влажная струя светящегося пара, пронесшаяся утром близ него на чердаке, не причинила ему никакого вреда,— но, может быть, это было и к лучшему. Теперь уже никто никогда не узнает, какой опасности они подвергались в ту ночь, и хотя до той поры адский огонь, разгоравшийся в ночи, казалось, был бессилен причинить вред собравшимся в доме людям, неизвестно, на что он был способен в те последние минуты, когда готова была высвободиться вся его устрашающая сила и когда на черном небосводе, наполовину скрытом облаками, вот-вот должна была обозначиться его конечная цель.

Внезапно один из толпившихся у окна полицейских издал короткий сдавленный вопль. Все присутствующие, вздрогнув от неожиданности, проследили его взгляд до того участка внешней тьмы, к которому он был прикован. Ни у кого не нашлось слов, да и никакие слова не смогли бы выразить охватившее всех смятение. Ибо в тот вечер одна из самых невероятных легенд округи перестала быть легендой и пре-

вратилась в жуткую реальность — и когда несколько дней спустя свидетели этого превращения подтвердили его истинность, весь Аркхем содрогнулся от ужаса, и с тех пор там уже не осмеливались в полный голос обсуждать события «окайнных дней». Нужно заметить, что в тот вечер в воздухе не ощущалось ни дуновения ветерка. Позднее поднялась настоящая буря, но в тот момент воздух был абсолютно недвижим. Даже высохшие лепестки поздней полевой горчицы, пепельно-серые и наполовину осыпавшиеся, не колыхались, как обычно, в струях исходявшего от земли тепла, и, как нарисованная, застыла окаймлявшая крышу фургона бахрома. Вся природа замерла в жутком оцепенении, но то, что вселилось в черные, голые ветви росших во дворе деревьев, по-видимому, не имело к природе никакого отношения, ибо как объяснить тот факт, что они двигались на фоне всеобщего мертвого затишья! Они судорожно извивались, как одержимые, пытаясь вцепиться в низколетающие облака, они дергались и свивались в клубки, как если бы какая-то неведомая чужеродная сила дергала за связывающую их с корнями невидимую нить.

На несколько секунд все затаили дыхание. Затем набежавшее на луну плотное облачко ненадолго скрыло силуэты шевелящихся деревьев в кромешной тьме — и тут из груди каждого присутствующего вырвался хриплый, приглушенный ужасом крик. Ибо тьма, поглотившая бившиеся в конвульсиях ветви, лишь подчеркнула царившее снаружи безумие: там, где секунду назад были видны кроны деревьев, теперь плясали, подпрыгивали и кружились в воздухе тысячи бледных, фосфорических огоньков, облепивших каждую ветвь наподобие огней святого Эльма или сияния, сошедшего на головы апостолов в Троицын день. Это чудовищное созвездие замогильных огней, напоминавших рой обожравшихся светляков-трупоедов, светило все тем же пришлым неестественным светом, который Эмми отныне

суждено было запомнить и смертельно бояться всю оставшуюся жизнь. Между тем исходивший из колодца столб света становился все ярче и ярче, а в головах сбившихся в кучу дрожащих людей, напротив, все более сгущалась тьма, рождая мрачные образы и роковые предчувствия, выходившие далеко за границы обычного человеческого сознания. Теперь сияние уже не *истекало*, а *вырывалось* из темных недр, плавно и бесшумно поднимаясь к нависшим над головой тучам.

Ветеринар поехал и направился к дверям, чтобы положить поперек них добавочный деревянный брус. Эмми продолжало трясти, и ему стоило больших трудов поднять руку — в ту минуту голос отказался служить ему — и указать остальным на деревья, которые с каждой секундой светились все ярче и напоминали теперь скорее брызжащие во все стороны фосфорические фонтаны. Ржание и беспокойство лошадей у привязи становились невыносимым, но ни один из бывших в доме ни за какие земные блага не согласился бы выйти наружу. Свечение деревьев все нарастало, а их извивающиеся ветви все более вытягивались к небу, принимая почти вертикальное положение. Теперь светилось и деревянное коромысло над колодцем, а когда один из полицейских молча ткнул пальцем в сторону каменной ограды, все обратили внимание на то, что притулившиеся к ней пристройки и навесы тоже начинают излучать свет, и только полицейский фургон да пролетка Эмми оставались не вовлеченными в эту огненную феерию. Через некоторое время со стороны дороги донесся шум отчаянной возни и громкий стук копыт. Эмми поспешно погасил лампу, и прильнувшие к стеклу люди увидели, как оборвавшая наконец поводья пара гнедых удирает вместе с фургоном по направлению к городу.

Это происшествие немного ослабило напряжение, царившее в доме, и присутствующие принялись возбужденно шептаться.

— Оно... это явление... распространяется на все органические материалы, какие только есть поблизости, — пробормотал судмедэксперт.

Ему никто не ответил, но тут полицейский, которого опускали в колодец, заявил, содрогаясь всем телом, что его длинный багор, очевидно, задел нечто такое, чего не следовало было задевать.

— Это было ужасно, — добавил он. — Там совсем не было дна. Одна только муть и пузырьки — да ощущение, что кто-то притаился там, внизу.

Лошадь Эмми все еще билась и ржала во дворе, наполовину заглушая дрожащий голос своего хозяина, которому удалось выдать из себя несколько бессвязных фраз:

— Оно вышло из этого камня с неба... выросло там, внизу... оно убивает все живое... пожирает душу и тело... Тед и Мервин, Зенас и Небби... Наум был последним... все они пили воду... плохую воду... оно взяло их... становилось все сильнее... оно пришло извне, где все не так, как у нас... теперь оно собирается домой.

В этот момент сияющий столб во дворе вспыхнул ярче прежнего и начал приобретать определенную форму — но форму такую фантастическую, что позднее ни один из видевших это явление собственными глазами так и не смог толком его описать. Одновременно бедная, привязанная у дороги Геро издала жуткий рев, какого ни до, ни после того не доводилось слышать человеку. Все присутствующие зажали ладонями уши, а Эмми, содрогнувшись от ужаса и тошноты, поспешно отвернулся от окна. Смотреть на то, что там происходило, было выше человеческих сил, и когда он наконец набрался достаточно мужества, чтобы снова взглянуть в окно, он различил в том месте, где стояла его лошадь, лишь темную бесформенную грудку, возвышавшуюся между расщепленными оглоблями пролетки. Ему больше не довелось увидеть свою бедную, смирную Геро — полицейские, которые на следующий день обследовали развали-

ны фермы, похоронили все, что от нее осталось, в ближайшем овраге. Однако в тот момент Эмми было не до траура по своей бедной лошадке — один из полицейских знаками давал понять остальным, что пылающая смерть уже находится вокруг них, в этой самой гостиной! Лампа, которую Эмми незадолго до того затушил, теперь не мешала видеть, как все деревянные предметы вокруг них начинали испускать все то же ненавистное свечение. Оно разливалось по широким половицам и брошенному поверх них лоскутному ковру, мерцало на переплете окон, пробежало по выступающим угловым опорам, вспыхивало на буфетных полках над камином и постепенно распространялось на двери и всю мебель. Оно усиливалось с каждой минутой, и вскоре уже ни у кого не осталось сомнений в том, что, если они хотят остаться в живых, им нужно немедленно покинуть этот дом.

Через заднюю дверь Эмми вывел всю компанию на тропу, пересекавшую поля в направлении пастбища. Они брели по ней, как во сне, спотыкаясь и покачиваясь, не смея оборачиваться назад, до тех пор, покуда не оказались на высоком предгорье. Все очень обрадовались существованию этой тропинки, ибо никто не рискнул бы пройти по двору мимо дьявольского колодца. И без того они натерпелись страху, когда пришлось миновать светящиеся загоны и сараи, не говоря уже об изуродованных фруктовых деревьях, ветви которых — хвала Создателю, на достаточном удалении от земли! — продолжали свою сумасшедшую пляску. Едва они пересекли Чепменовский ручей, как луну окончательно заволокло облаками, и им пришлось ощупью выбирать место на открытое место.

Когда они остановились, чтобы в последний раз посмотреть на долину, их взору предстала ужасающая картина: вся ферма — трава, деревья, постройки, и даже те участки растительности, что еще не были затронуты обжигающим дыханием серой смерти, — все было охвачено зловещим сия-

нием. Ветви деревьев теперь смотрели вертикально в небо, и на концах их плясали тоненькие язычки призрачного пламени, в то время как другие огневые струйки переливались на кровле дома, коровника и других строений. Все это напоминало одно из видений Фюссли: светящееся аморфное облако в ночи, в центре которого набухал переливчатый жгут неземного, неопишуемого сияния. Холодное смертоносное пламя поднялось до самых облаков — оно волновалось, бурлило, ширилось и вытягивалось в длину, оно уплотнялось, набухало и бросало во тьму блики всех цветов невозможной космической радуги.

А затем, не дав потрясенным зрителям прийти в себя от этого сверхъестественного зрелища, отвратительная тварь стремительно рванулась в небо и бесследно исчезла в идеально круглом отверстии, которое, казалось, специально для нее кто-то прорезал в облаках. Онемевшие от изумления люди застыли на склоне холма. Эмми стоял, задрав голову и тупо уставившись на созвездие Лебедя, в районе которого пущенная с земли сияющая стрела была поглощена Млечным Путем, когда донесшийся из долины оглушительный треск заставил его опустить взор долу. Позднее многие ошибочно утверждали, что это был взрыв, но Эмми отчетливо помнит, что в тот момент они услышали только громкий треск и скрежет разваливающегося на куски дерева. Однако последствия этого треска были действительно очень похожи на взрыв, ибо в следующую секунду над обреченной фермой забурился искрящийся дымовой гейзер, из сердца которого, ослепляя окаменевшую группу людей на холме, вырвался и ударил в зенит ливень обломков таких фантастических цветов и форм, каким не должно быть места в привычном нам мире. Сквозь быстро затягивающуюся дыру в облаках они устремились вслед за растворившейся в космическом пространстве тварью, и через мгновение от них не осталось и следа. Теперь внизу царила крошечная тьма, а сверху резкими ледяными порывами уже налетал

ураган, принесшийся, казалось, непосредственно из распахнувшейся над людьми межзвездной бездны. Ветер свистел и завывал вокруг, подминал под себя поля, неистово сражался с лесами, и перепуганные, дрожащие люди на склоне холма решили, что, пожалуй, им не стоит ждать, пока появится луна и высветит то, что осталось от гарднеровского дома, а лучше поскорее отправиться восвояси. Слишком подавленные, чтобы обмениваться замечаниями, все семеро поспешили прочь по северной дороге, что должна была вывести их к Аркхему. Эмми в тот день досталось больше других, и он попросил всю компанию сделать небольшой крюк и проводить его домой. Он просто представить себе не мог, как пойдет один через эти мрачные, стонущие под напором ветра леса. Ибо минуте тому назад бедняге довелось пережить еще одно потрясение, оставившее в глубине его души свинцовую печать ужаса, от которого он так и не сумел избавиться за все прошедшие годы. В то время как все остальные благоразумно повернулись спиной к проклятой долине и ступили на ведущую в город тропу, Эмми замешкался и еще раз взглянул в клубящуюся тьму, которая навеки скрыла его несчастного друга. Он задержался лишь на мгновение, но этого мгновения было достаточно, чтобы увидеть, как там, далеко внизу, с обожженной, безжизненной земли поднялась тоненькая светящаяся струйка — поднялась только затем, чтобы тут же нырнуть в бездонную черную пропасть, откуда совсем недавно стартовала в небо светящаяся нечисть. Что это было? Просто сияние, маленькая цветная змейка — но цвета, в который она была окрашена, не существовало ни на небесах, ни под ними. Эмми узнал этот цвет и понял, что последний слабый отросток чудовищной твари затаился все в том же колодце, где и будет теперь сидеть, ожидая своего часа. Именно в тот момент что-то повернулось у Эмми в голове, и с тех пор он так уже и не оправился.

Эмми больше не бывал на ферме Гарднеров. Прошло уже сорок четыре года, и все это время он старательно обходил

проклятое место стороной. Он очень обрадовался, когда узнал, что долина будет затоплена под водохранилище. Откровенно говоря, при мысли об этом я тоже испытываю огромное облегчение, ибо мне вовсе не нравятся те странные, неземные тона, в которые окрашивались лучи заходящего солнца над заброшенным колодцем. Я также очень надеюсь, что вода в этом месте будет достаточно глубока, но даже если и так, я ни за что не соглашусь отпить и глотка из аркхемского водопровода. И вообще, я не думаю, что когда-нибудь снова приеду сюда.

На следующий после происшествия день трое полицейских вернулись на ферму, чтобы осмотреть развалины при дневном свете. Однако они не нашли там практически никаких развалин — только кирпичный дымоход, завалившийся каменный погреб, разбросанный по двору щебень вперемешку с металлическими обломками да бордюр ненавистного колодца. Все живое или сделанное из органического материала — за исключением мертвой лошади Эмми, которую они оттащили в ближайший овраг и закопали в землю, да его же пролетки, которую они в тот же день доставили владельцу, — исчезло без следа. Остались лишь пять акров жуткой серой пустыни, где с тех пор так и не выросло ни одной былинки. Так и лежит она посреди лесов и полей, как вьезшаяся в бумагу капля кислоты, и те немногие местные жители, у которых хватило духу сходить посмотреть на нее, окрестили ее Испепеленной пустошью.

Странные слухи расползаются по округе. Но если ученые когда-нибудь удосужатся взять на анализ воду из заброшенного колодца или серую пыль, которую никакой ветер не может вынести за пределы пустоши, реальные факты могут оказаться еще более странными. Ботаникам также следовало бы заняться изучением причудливой, медленно гибнущей растительности по краям выжженного пятна и заодно опровергнуть, если, конечно, удастся, бытующую в округе легенду, гласящую, что это самое пятно медленно,

почти незаметно — не более дюйма в год, — наступает на окружающий его лес. Еще люди говорят, что каждую весну в долине появляются молодые побеги очень необычного цвета, а зимою на снегу можно встретить ни на что не похожие следы. Между прочим, на Испепеленной пустоши снега выпадает гораздо меньше, чем в остальной округе. Лошади — те немногие, что еще остались в наш автомобильный век, — проявляют неожиданно буйный нрав, стоит им только приблизиться к долине, а охотящиеся в окрестных лесах фермеры не могут положиться на своих собак.

Еще говорят, что проклятое место влияет и на душевное здоровье. Со времени гибели Наума было много случаев помешательства, и всякий раз чувствовавшим приближение болезни людям не хватало духу покинуть родные очаги. Однако мало-помалу старожилы набирались решимости и уезжали в город, и теперь только иностранцы время от времени делают попытки прижиться под крышами древних, обветшалых строений. Но и они не остаются здесь надолго. Если же кто-нибудь начинает подтрунивать над горе-переселенцами и обвинять их в том, что они запугивают друг друга нелепыми страшными байками, они шепчут в ответ, что кошмары, мучающие их по ночам в этой жутковатой глухомани, не похожи на обычные земные кошмары, и это-то их пугает больше всего. И немудрено — одного взгляда на это царство вечного полумрака бывает достаточно, чтобы пробудить в человеке самые нездоровые фантазии. Ни один путешественник, побывавший в этих краях, не избежал гнетущего ощущения чьего-то чужеродного присутствия, а художники, которым доводилось забираться в здешние ущелья с мольбертом, не могли удержаться от невольной дрожи, переноса на полотно недоступную глазу обычных смертных загадку древнего леса. Сам я навсегда запомню ужас, охвативший меня во время одинокой прогулки накануне того дня, когда я повстречался с Эмми. Я буду помнить, как в сгущавшемся ночном сумраке мне смутно хотелось, чтобы

налетевшие вдруг облака закрыли собой неисчислимые звездные бездны, нависшие над моей головой и рождавшие первобытный страх в моей душе.

Не спрашивайте меня, что я обо всем этом думаю. Я не знаю — вот и все. Эмми был единственным, кто согласился поговорить со мной тогда, — из жителей Аркхема невозможно было вытянуть и слова, а все три профессора, видевшие метеорит и сверкающую глобулу, давно умерли. Однако в том, что там были другие глобулы, можете не сомневаться. Одна из них выросла, набралась сил, пожрав все живое вокруг, и улетела, а еще одна, как видно, не успела. Я уверен, что она до сих пор скрывается в колодце — недаром мне так не понравились краски заката, игравшие в зловонных испарениях над его жерлом. В округе говорят, что серое пятно расширяется примерно на один дюйм в год, — следовательно, засевавшая в колодце тварь все это время питается и копит силы. Но какой бы дьявол ни высиживал там свои яйца, он, очевидно, накрепко привязан к этому месту, иначе давно уже пострадали бы соседние леса и поля. Может быть, его держат корни деревьев, что вонзают свои ветви в небо в напрасной попытке вцепиться в облака? Недавно в Аркхеме как раз прошел слух о том, что могучие дубы окрестных лесов внезапно обрели привычку светиться и шевелить ветвями в темноте, чего обычно деревья себе не позволяют.

Что это такое, знает один только Бог. Если верить описаниям Эмми, то это, несомненно, газ, но газ этот не подчиняется физическим законам нашей Вселенной. Он не имеет никакого отношения к звездам и планетам, безобидно мерцающим в окулярах наших телескопов или безропотно запечатлевающимся на наших фотопластинках. Он не входит в состав атмосфер, чьи параметры и движения усердно наблюдают и систематизируют наши астрономы. Это просто сияние — сияние извне, — грозный вестник, явившийся из бесконечно удаленных, неведомых миров, о чьей природе мы не имеем даже смутного представления; миров, одно

существование которых заставляет содрогнуться наш разум и окаменеть наши чувства, ибо при мысли о них мы начинаем смутно прозревать черные, полные опасностей бездны, что ждут нас в космическом пространстве.

У меня есть все основания сомневаться в том, что рассказ старого фермера был намеренной выдумкой или, как меня уверяли в городе, бредом душевнобольного. Что-то поистине ужасное поселилось в здешних лесах и полях после падения памятного многим метеорита, и это что-то — не знаю, правда, в каком качестве — несомненно обитает в них до сих пор. Так или иначе, я буду рад, когда вся эта жуткая местность скроется под водой. И надеюсь, что до той поры ничего не случится со стариком Пирсом. Он слишком часто встречался с этой тварью — а ведь она, как известно, не отпускает своих жертв. Не потому ли он так и не собрался переселиться в город? Не мог же он забыть последние слова умирающего Наума: «От него не уйти... оно притягивает... ты знаешь... все время знаешь, что будет худо... но поделать ничего нельзя». Эмми такой славный старик — пожалуй, когда строители выедут на место, я накажу главному инженеру получше присматривать за ним. Мне ужасно не хочется, чтобы он превратился в пепельно-серое, визжащее, разваливающееся на куски чудовище, что день ото дня все чаще является мне в моих беспокойных снах.

СНЫ В ВЕДЬМИНОМ ДОМЕ

Уолтер Джилмен не мог сказать, являлись ли его сны следствием болезни или ее причиной. Все происходившее с ним таило в себе нечто ужасное, порочное, наполнявшее душу гнетущим страхом, который исходил, казалось, от каждого камня старинного города, и более всего — от ветхих стен мансарды одного древнего дома, издавна прославившего в округе нечистым. Здесь, в убогой комнатке, проводил Джилмен свои дни — писал, читал, бился с длинными рядами цифр и формул, а по ночам метался в беспокойном сне на обшарпанной железной кровати. В последнее время слух его обострился до необычайной степени, и это причиняло невыносимые страдания — даже каминные часы пришлось остановить: их тиканье отдавалось у него в ушах артиллерийскими залпами. А по ночам едва различимые голоса далеких улиц, возня крыс за изъеденными червями стенами и скрип разохшихся стропил наверху сливались для него в сплошной грохочущий ад. Темнота всегда приносила с собой множество звуков, и Джилмен с ними почти свикся, но вздрагивал от ужаса при мысли, что однажды привычный шум может уступить место звукам иного рода, которые до поры таились за общим фоном.

Джилмен поселился в древнем Аркхеме, где казалось, что время давно остановилось и люди живут одними легендами. Здесь повсюду в немом соперничестве вздымаются к небу островерхие крыши; под ними, на пыльных чердаках, в колониальные времена скрывались от преследований ко-

ролевской стражи аркхемские ведьмы. Но не было в жуткой истории города места, с которым связывалось бы больше страшных воспоминаний, чем с той самой комнатой в мансарде, что послужила приютом Уолтеру Джилмену. Именно эта самая комната в этом самом доме приняла когда-то в свои стены старую Кецию Мейсон, ту, чей побег из Салемской тюрьмы так и остался загадкой для всех. Это происшествие имело место в 1692 году. Тюремный надзиратель в ту ночь сошел с ума и с тех пор непрерывно бормотал нечто нечленораздельное о каком-то косматом животном с белыми клыками, якобы выбежавшим из камеры, где содержалась Кеция. На стенах помещения тогда же были обнаружены странные рисунки, нанесенные липкой красной жидкостью и изображающие овалы и многоугольники, истолковать смысл которых был не в состоянии даже высокоученый Коттон Мэзер.

Видимо, Джилмену все же не следовало так много заниматься. Изучение таких дисциплин, как неэвклидова геометрия и квантовая физика, само по себе является достаточно серьезным испытанием для разума; когда же эти науки безрассудно совмещают с древними преданиями, пытаясь отыскать черты многомерной реальности в тумане готических легенд или в таинственных старых сказках, что шепотом рассказывают темными вечерами у камина, — тогда умственное перенапряжение почти неизбежно. Юность Джилмена прошла в Хаверхилле, и только после поступления в Аркхемский университет он постепенно пришел к мысли о некоей внутренней связи избранного им предмета, математики, с фантастическими преданиями о древних магических таинствах. Сама атмосфера дышащего стариной Аркхема каким-то непонятным образом воздействовала на воображение юноши. Внимательные к одаренному студенту университетские профессора настоятельно советовали ему «несколько поубавить пыл», с которым он отдавался

учебе, и пошли даже на то, чтобы сократить для него обязательный курс наук. Кроме того, Джилмену было запрещено пользоваться некоторыми книгами весьма сомнительного, а подчас и явно запретного содержания, что хранились под замком в подвалах университетской библиотеки. К несчастью, эта последняя мера предосторожности запоздала: к тому времени Джилмен уже успел ознакомиться с ужасающими откровениями «Некрономикона» Абдула Альхазреда, дошедшей до нас в отрывках «Книги Эйбона» и запрещенного исследования фон Юнцта «Сокровенные культы». Одних неясных намеков и беглых упоминаний оказалось достаточно для сопоставления их с абстрактными математическими формулами, что абсолютно по-новому освещало свойства вселенной и взаимодействие известных и неведомых нам измерений пространства.

Джилмен знал, конечно, что живет в пресловутом Ведьмином доме; собственно, именно поэтому он и снял здесь комнату. В архивах округа Эссекс сохранилось немало документов о судебном процессе над Кецией Мейсон. Ее признания — сделанные, впрочем, явно под давлением высокого суда — произвели на юношу совершенно необычайное впечатление. Обвиняемая заявила судье Гаторну, что ей известны некие геометрические фигуры, точнее, прямые и искривленные линии, определенные сочетания которых могут указывать направления «выхода из пределов этого пространства». Подсудимая Мейсон дала также понять, что названные ею фигуры служат для «перехода в другие миры», и не стала отрицать, что вышеуказанные линии нередко использовались на ночных собраниях, а вернее, сборищах, проходивших либо в долине Белого камня, что находится по ту сторону холма Медоу-Хилл, либо на пустынном острове, лежащем посередине реки в пределах городской черты. Названная Мейсон, кроме того, дала показания о некоем Черном Человеке, о принесенных ею клятвах и о своем

новом тайном имени Нахав. Вскоре после этого она начертила на стенах своей камеры уже упоминавшиеся фигуры и бесследно исчезла.

Странные фантазии будоражили воображение Джилмена, когда он думал о Кеции Мейсон; когда же юноша узнал, что дом, дававший приют старой колдунье более двух с половиной веков назад, по-прежнему стоит на узкой улочке в центре Аркхема, его охватил необъяснимый трепет. Наконец, ушей Джилмена достигли и те из аркхемских легенд, что горожане осмеливались передавать только шепотом. В необычайных этих историях утверждалось, что Кецию Мейсон и по сей день видят в ее старом доме и на близлежащих улицах; что по утрам жильцы этого дома и прилегающих особнячков неоднократно обнаруживали у себя на теле неровные следы укусов, причем отпечатки зубов по форме удивительно напоминали человеческие; что в Вальпургиеву ночь и канун Дня всех святых многие аркхемцы слышали приглушенные детские крики, а по прошествии этих дат, издревле внушавших горожанам неподдельный ужас, вблизи дома старой ведьмы появлялся отвратительный запах, исходивший откуда-то с чердака; наконец, говорили, что в ветшавшем на глазах Ведьмином доме, как, впрочем, и в некоторых других местах, незадолго перед рассветом появляется неизвестный косматый зверек небольших размеров с необычайно острыми зубками, и если ему попадается случайный прохожий, то он с любопытством обнюхивает его. Наслушавшись таинственных историй, Джилмен решил, во что бы то ни стало поселиться в Ведьмином доме. Это оказалось несложно: дом пользовался дурной славой и желавших снять его целиком не находилось; тогда здание разбили на дешевые меблированные комнаты. Джилмен не смог бы объяснить, что он ожидал найти в своем новом жилище, но ему непременно нужно было попасть туда, где в силу каких-то неизвестных ему обстоятельств пожилая го-

родская обывательница из XVII столетия была наделена — вероятно, неожиданно для нее самой — способностью проникать в такие глубины математики, каких, быть может, не достигал умственный взор столь выдающихся мыслителей современности, как Планк, Гейзенберг, Эйнштейн и Де Ситтер.

Джилмен внимательно обследовал чуть ли не весь дом, разыскивая под отставшими обоями на оштукатуренных и деревянных стенах хоть какие-нибудь следы тайных знаков; а спустя неделю ему удалось получить ту самую комнату в мансарде с восточной стороны здания, где, как полагали, Кеция предавалась своим магическим занятиям. Это помещение, собственно, никто и не снимал — да и кому захотелось бы надолго оставаться в такой комнате! — и все же владелец дома, поляк, предоставил ее Джилмену с большой неохотой. Однако и здесь с новым жильцом ничего особенного не происходило — до того самого времени, когда обнаружились первые признаки его болезни. Призрак Кеции не спешил объявляться в мрачных комнатах старого дома, косматый зверек не вползал украдкой в унылые покои Джилмена, чтобы обнюхать его, а предпринятые новым жильцом настойчивые поиски не увенчались успехом — ему не удалось обнаружить каких бы то ни было следов магических формул старой ведьмы. Иногда юноша предпринимал долгие прогулки по тенистым хитросплетениям немощеных, пахнувших плесенью переулков старого города; побуревшие от времени жуткие глыбы домов, не имевших, казалось, возраста, склонялись над его головой, словно грозя обрушиться вниз, и с издевкой бросали на него злобные взгляды узких подслеповатых оконеч. Здесь, думал Джилмен, когда-то проходили поистине ужасные события; ему казалось порой, что доступное поверхностному взгляду таит в себе неопределенный намек на то, что страшное прошлое еще не полностью умерло и, возможно, где-нибудь, пусть в самых

темных, узких и извилистых переулках старого города, продолжает жить прежней жизнью. Джилмен дважды побывал и на лежавшем посередине реки острове, что вызывал столько суеверных толков в городе. Там он сделал зарисовки необычных фигур, образуемых рядами серых, поросших мхом камней, расставленных неведомой рукой в туманном прошлом, которое не оставило никаких иных следов в памяти людей.

Комната Джилмена представляла собою помещение довольно внушительных размеров при весьма необычной форме: северная ее стена имела явный наклон внутрь, к северу же был скошен и низкий потолок. В наклонной стене Джилмен обнаружил небольшое отверстие с неровными краями — несомненно, ход в крысиную нору — и еще несколько таких же отверстий, но уже тщательно заделанных; отсутствовали малейшие признаки того, что имеется — или хотя бы имелся ранее — какой-нибудь доступ в пространство между наклонной стеной комнаты и совершенно прямой внешней стеной здания: взглянув на дом снаружи, легко было убедиться, что там когда-то имелось и окно, заложенное, впрочем, уже очень давно. Также совершенно недоступной оказалась и та часть чердака, которая находилась над комнатой Джилмена и определенно должна была иметь наклонный пол. Когда юноша, воспользовавшись приставной лестницей, проник на покрытый густой паутиной чердак с совершенно горизонтальным полом, над входом в свою комнату он обнаружил стену с очевидными следами когда-то бывшего в ней проема, теперь крепко заколоченного очень старыми на вид досками — они держались на длинных деревянных гвоздях, какими пользовались в колониальную эпоху. Увы, сколь ни убедительны были просьбы и заверения Джилмена, флегматичный и на редкость упрямый домовладелец не позволил вскрыть хотя бы одно из замкнутых пространств, примыкавших к комнате.

С течением времени интерес Джилмена к тому, что могли скрывать необычная стена и потолок его новой комнаты, только возрастал — он начал думать, что величина угла между ними может иметь некий математический смысл, дающий ключ к разгадке того, для чего они были предназначены. У старой Кеции, размышлял он, наверняка имелись особые причины жить в комнате именно такой странной формы; разве не утверждала она сама, что именно посредством сочетаний определенных углов можно покинуть пределы известного нам пространства? Постепенно, однако, замкнутые пустоты за стеной и над потолком все меньше привлекали к себе внимание Джилмена — ему стало казаться, что назначение непривычной формы связано не с тем, что находится за поверхностью, а с тем, что лежит по эту сторону.

Первые симптомы нервной болезни и нездоровые сновидения появились в начале февраля. Очевидно, в течение всего времени, что Джилмен жил в комнате, необыкновенная ее форма оказывала на него в высшей степени странное, едва ли не гипнотическое воздействие: в ту холодную блеклую зиму он то и дело ловил себя на том, что все пристальнее вглядывается в линию, соединяющую наклонную стену и скошенный потолок. Примерно в то же время он стал ощущать беспокойство по поводу обнаружившейся вдруг полной неспособности сконцентрироваться на изучаемых дисциплинах — беспокойство тем более оправданное, что приближался срок очередных экзаменов. С другой стороны, чуть меньше давал себя знать невероятно обострившийся слух. Однако, несмотря на это последнее обстоятельство, жизнь Джилмена превратилась в навязчивую и почти непрерывную какофонию; но самым ужасным было неослабевающее ощущение, что в этом хаосе присутствуют новые, неслыханные доселе звуки — они находились где-то у самой границы восприятия, быть может, имея источник за пределами постижимого. Что касается обычных шумов, то

самые отвратительные звуки производили крысы, копошившиеся за старыми деревянными стенами. Иногда их скрытная возня казалась даже осмысленной. Из-за наклонной северной стены доносилось что-то вроде резкого сухого грохота, когда же шум исходил из заколоченной части чердака над самой комнатой Джилмена, юноша замирал в ужасе, как если бы предчувствовал нечто страшное, только и дожидаящееся своего часа, чтобы окончательно завладеть его разумом.

Сновидения Джилмена полностью вышли за пределы нормального; он догадывался, что причиной тому послужило сочетание усиленных занятий по математике с чересчур глубоким изучением определенных разделов древнего фольклора. Слишком много размышлял он над возможностью существования таинственных пространств, что, как подсказывали математические формулы, должны были находиться вне известного нам трехмерного мира. Слишком много размышлял он о том, могла ли старая Кеция Мейсон — ведомая, несомненно, силами, превосходящими человеческий разум, — найти способ проникнуть в эти неведомые пространства. Пожелтевшие от времени страницы судебных протоколов сохранили слишком много дьявольски красноречивых свидетельств как самой колдуньи, так и ее обвинителей о существовании явлений, лежащих вне сферы чувственного опыта человека. Описания сказочного спутника ведьмы, подвижного косматого зверька, были невероятно реалистичны, несмотря даже на откровенную фантастичность некоторых деталей.

Косматая тварь, размером не более крупной крысы, была известна в городе под кличкой Бурый Дженкин и являлась, видимо, порождением небывалого случая массовой галлюцинации; так, в 1692 году не менее одиннадцати человек под присягой утверждали, что видели ее собственными глазами. Сохранились и более поздние, совершенно независи-

мые свидетельства; поражала невероятная, способная привести в замешательство степень их сходства. Очевидцы рассказывали, что зверек покрыт длинной шерстью, по форме сходен с крысой, имеет необыкновенно острые зубы; мордочка его, снизу и по бокам также поросшая шерстью, удивительно напоминает болезненно сморщенное человеческое лицо, а крошечные лапки выглядят как миниатюрная копия человеческих кистей. Говорили также, что мерзкая тварь выполняет у старой Кеции обязанности посыльного к дьяволу, а питается она якобы кровью самой ведьмы, подобно тому как это делают вампиры. Голос отвратительного существа, по словам слышавших его, представляет собой невообразимо отвратительный писк, но при всем том оно свободно изъясняется на всех известных языках. Ни одно из невероятных чудовищ, являвшихся Джилмену в беспокойных снах, не наполняло его душу таким смрадом и омерзением, как этот ужасный крошечный гибрид; ни один из ночных образов, переселившихся в воспаленный мозг юноши со страниц древних хроник и из рассказов его современников, не вызывал у него тысячной доли того страха и отвращения, какие внушала маленькая тварь, без устали сновавшая в его видениях.

Чаще всего во сне Джилмену представлялось, что он погружается в какую-то пропасть, бездну, наполненную странным сумрачным светом, исходящим из невидимого источника, и невероятно искаженными звуками. Невозможно было составить хоть сколько-нибудь отчетливое представление о материальных и гравитационных свойствах окружавшего хаоса или о его воздействии на самого Джилмена. Юноша всегда ощущал во сне, что каким-то образом движется — отчасти по своей воле, отчасти подчиняясь смутному импульсу извне, — но никак не мог определить характер своих перемещений: он не шел, не карабкался, не летел, не плыл и не полз. О том, что, собственно, с ним происходи-

ло, Джилмен не мог судить с достаточной уверенностью, поскольку необъяснимое искажение перспективы лишало его возможности видеть собственное тело, руки или ноги; при этом он чувствовал, как весь его организм претерпевает удивительную трансформацию, словно он был изображен в какой-то косой проекции, хотя и сохранял странное карикатурное сходство с тем, что было Джилменом в нормальном мире.

Пропасти ночных видений отнюдь не пустовали — они были заполнены скоплениями какого-то вещества совершенно невероятной формы и неестественно резкой окраски: некоторые из них имели, видимо, органическую природу, другие — явно неорганическую. Несколько таких органических предметов, казалось, вызывали у него смутные воспоминания о чем-то, но Джилмен не мог дать себе ясный отчет, на что, собственно, могут с таким ехидством намекать ему эти ночные образы. Позже он разделил для себя массу органических объектов на несколько групп, явно отличных друг от друга по способу и характеру перемещения. Из всех этих групп особенно выделялась одна, включавшая предметы, чьи движения казались более осмысленными и поддающимися логике, чем это было присуще остальным. И все же эти странные предметы — равно органического и неорганического происхождения — совершенно не укладывались в рамки категорий человеческого разума. Неорганические предметы иногда имели определенное сходство то с разнообразными призмами, то с какими-то лабиринтами, нагромождениями кубов и плоскостей, даже с циклопическими постройками; среди органических объектов Джилмен с удивлением находил и простые скопления каких-то пузырей, и некие подобию осьминогов и многоножек, и оживших индусских идолов, и, наконец, отвлеченные узоры, изысканные линии которых, переливаясь, переходили одна в другую, составляя нечто вроде тела огромной змеи.

Все вокруг несло в себе какую-то невыразимую угрозу, скрытый ужас; стоило Джилмену по движениям того или иного существа заподозрить, что оно заметило его, как юношу охватывал столь невыносимый страх, что он немедленно просыпался, будто от толчка.

О том, каким образом передвигались органические существа в его снах, Джилмен мог бы сообщить не больше, чем о своих собственных непостижимых перемещениях. Позднее ему открылась еще одна тайна — он заметил, что время от времени некоторые из объектов неожиданно возникают из пустоты и столь же неожиданно исчезают. Окружавшую его бездну наполняла ужасная смесь визжащих и ревущих голосов; невозможно было бы определить высоту, тембр или ритм этих звуков, но казалось, что они каким-то образом согласованы во времени со смутными видоизменениями являвшихся во сне предметов и существ. С обреченностью и ужасом юноша постоянно ожидал того момента, когда в своих непрерывных модуляциях этот неослабевающий рев достигнет такой силы, которую уже невозможно будет выдержать.

Но первая встреча с Бурым Дженкином произошла не здесь. Вместо чудовищной бездны для нее были заготовлены другие сны — не столь тяжелые и более отчетливые в своих очертаниях. Такие сны обычно предшествовали погружению в более глубокое и страшное забвение. Лежа в темноте и борясь со сном, Джилмен обычно замечал, как его ветхую комнатку постепенно заполняет облако мягкого, искристого, как бы отраженного света, и тогда в фиолетовой дымке отчетливо проступает угол между наклонной стеной и потолком, так настойчиво привлекавший к себе его внимание в последнее время. Маленькое чудовище выпрыгивало из прогрызенной крысами дыры в углу и, постукивая коготками по широким, изъеденным временем половицам, приближалось к Джилмену, обратив к нему пол-

ную злобного ожидания бородатую мордочку, так похожую на человеческое лицо; к счастью, этот неглубокий сон милосердно рассеивался, прежде чем отвратительная тварь успевала подобраться достаточно близко, чтобы начать обнюхивать Джилмена. У Дженкина были дьявольски длинные острые клыки. Чуть ли не каждый день юноша заделывал дыру в стене, из которой появлялся Дженкин, но на следующую ночь крысы уничтожали вновь появившуюся преграду, сколь бы крепкой она ни казалась. Однажды по просьбе Джилмена хозяин дома забил отверстие куском жести, однако на завтра юноша обнаружил, что крысы прогрызли новый ход, попутно то ли вытолкнув, то ли вытащив наружу небольшой кусочек кости очень странного вида.

Джилмен решил не сообщать своему врачу об открывшейся болезни, опасаясь, как бы его не отправили в университетский лазарет как раз в тот момент, когда на счету была каждая минута: приближались очередные экзамены. Он, собственно, и так уже не сдал дифференциальное счисление и психологию, но все же у него оставалась надежда подтянуться до конца семестра.

В начале марта в тех неглубоких снах Джилмена, которые предшествовали более длительным видениям, возникло нечто новое: рядом с ужасным призраком Бурого Дженкина стало появляться неясное размытое пятно, все больше напоминавшее силуэт согбенной старухи. Новый образ встревожил Джилмена гораздо больше, чем он сам мог бы ожидать; в конце концов он решил, что очертания пятна и в самом деле похожи на очень преклонных лет женщину, которую он действительно дважды встречал, прогуливаясь по темным извилистым переулкам в окрестностях заброшенных доков. Ему особенно запомнился взгляд старой карги — внешне безразличный, но на самом деле злобный и язвительный, взгляд, от которого его бросало в дрожь; при первой встрече, когда он заметил очень большую крысу, про-

бегавшую через тенистую аллею чуть в стороне от него, — ни с того ни с сего Джилмен подумал тогда о Буром Дженкине. Теперь, рассуждал он, пережитое однажды нервное потрясение вновь дает о себе знать в бессмысленном сне.

Джилмен не мог более отрицать, что атмосфера дома, в котором он поселился, была явно нездоровой; и все же прежний болезненный интерес удерживал его там. Он убеждал себя в том, что все видения вызваны исключительно его болезнью и, как только горячка пройдет, ночные чудовища отступят. Кошмары эти, однако, необычайно занимали Джилмена своей потрясающей жизненностью и убедительностью; всякий раз, просыпаясь, юноша смутно чувствовал, что во сне он испытал куда больше, чем ему удалось запомнить. Джилмен был уверен — хотя и думал об этом с отвращением, — что в тех снах, которые не сохранялись в памяти, он беседовал о чем-то с Бурым Дженкином и старухой. Они убеждали его куда-то пойти вместе с ними и встретиться с кем-то третьим, обладавшим еще большими силами, чем они.

К концу марта Джилмен начал делать большие успехи в математике, хотя другие дисциплины все больше обременяли и раздражали его. Он приобрел некое особое математическое чутье, позволявшее ему без труда решать, к примеру, уравнения Римана, и немало поражал профессора Апхэма тонким пониманием проблем четвертого измерения и иных вопросов, которые ставили в тупик его товарищей по учебе. Однажды в аудитории обсуждалась возможность существования нерегулярных искривлений пространства и теоретическая вероятность сближения или даже соприкосновения нашего участка вселенной с другими ее областями, удаленными от нас не менее, чем самые далекие звезды нашей галактики или чем сами другие галактики, а может быть, даже не менее далекие, чем такие объекты, которые, как можно предположить лишь гипотетически, находятся вне пределов эйнштейновского континуума пространства-времени.

Всех поразило, с какой свободой владеет Джилмен этими темами, несмотря даже на то, что некоторые из его построений не могли не возбудить новых слухов о его эксцентрической нервозности и замкнутости. Однокашникам Джилмена оставалось только недоуменно пожимать плечами, когда они слушали его совершенно хладнокровные рассуждения о том, что человек, обладай он математическими познаниями, человеческому разуму все же вряд ли доступны, мог бы одним усилием воли перемещаться с Земли на любое другое небесное тело, лежащее в одной из бесчисленных точек, составляющих узоры дальних созвездий.

Такие перемещения, утверждал далее Джилмен, требуют лишь двух последовательных шагов: во-первых, выхода из известной нам трехмерной сферы и, во-вторых, входа в какую-либо иную трехмерную же сферу, возможно, бесконечно удаленную от нас. Нет оснований допускать, что в большинстве случаев подобные пространственные переходы сопряжены с угрозой для жизни. В принципе, любое существо из любой части трехмерного пространства, вероятно, могло бы совершенно безболезненно для себя находиться в четвертом измерении; что же касается второй стадии, то здесь все будет зависеть от того, какой именно участок трехмерного пространства будет выбран в качестве цели. Обитатели одних планет вполне могут оказаться способными жить на других планетах — даже на тех, что принадлежат к иным галактикам или сходным пространственным фазам иного континуума пространства-времени, хотя, несомненно, должно существовать значительное количество совершенно несовместимых в этом отношении небесных тел или областей космоса, будь они даже с математической точки зрения расположены в непосредственной близости друг от друга.

Не исключена также возможность того, что обитатели одной пространственной области способны существовать в

других, пусть им неизвестных и даже не укладывающихся в их физические представления, — в мирах с определенным или неопределенным множеством дополнительных измерений, буде такие миры расположены внутри или вне данного пространственно-временного континуума; возможно, вероятно и обратное. Этот вопрос подлежит дальнейшему обсуждению, однако с полной уверенностью можно утверждать, что изменения в живом организме, сопровождающие переход с одного пространственного уровня на другой, более высокий, не сопряжены с какими-либо разрушительными последствиями для биологической целостности этого организма, насколько мы ее понимаем. Джилмен не мог с достаточной ясностью обосновать этот последний пункт своих рассуждений, но такая незначительная недоработка, несомненно, вполне компенсировалась замечательно ясным пониманием многих других очень сложных проблем. Профессору Алхэму особенно импонировали иллюстрации Джилмена к вопросу об известной близости высшей математики к некоторым сторонам древней магии, таинства которой дошли до нас из неизмеримо далеких эпох — доисторических, а может быть, и дочеловеческих, — когда познания о Вселенной и ее законах были куда шире и глубже наших.

В начале апреля Джилмен стал испытывать уже нешуточное беспокойство по поводу своей затянувшейся болезни. Внушали тревогу и рассказы соседей: их нельзя было толковать иначе, как свидетельство появления у Джилмена симптомов лунализма.

Судя по всему, во сне он покидал свою постель — сосед снизу часто слышал скрип половиц в его комнате в предутренние часы. Тот же сосед утверждал, что по ночам сверху раздается и стук башмаков, но это была ошибка: каждое утро Джилмен находил свою одежду и обувь точно в том же месте, где оставлял их на ночь. Поистине, в этом ужасном старом доме развивались слуховые галлюцинации — разве

самому Джилмену не пришлось убедиться в этом, после того как даже в дневное время ему стало казаться, что из черных пустот за наклонной стеной и над скошенным потолком доносятся помимо крысиной возни и какие-то другие звуки? Его болезненно обостренный слух начал различать в давно заложенной части чердака прямо над комнатой слабые отзвуки чьих-то шагов, и иногда эти галлюцинации казались ему ужасающе реальными.

В одном сомнений быть не могло: Джилмен страдал лунатизмом. Дважды в ночное время его комнату находили пустой, хотя вся одежда была на месте. Он узнал об этом от своего товарища — студента Фрэнка Элвуда, вынужденного по бедности поселиться в том же мрачном и нелюбимом горожанами доме. Элвуд, прозанимавшись как-то до глубокой ночи, решил обратиться к Джилмену за помощью — ему никак не давались несколько дифференциальных уравнений, — но в комнате на верхнем этаже никого не было. Конечно, со стороны Элвуда было довольно-таки бесцеремонно открывать даже и не запертую дверь чужой комнаты и заглядывать внутрь, не получив ответа на настойчивый стук, но ему действительно требовалась помощь, и он понадеялся, что сосед сверху не слишком огорчится, если его достаточно вежливо растолкать. Элвуд поднимался наверх примерно в то же время и еще через несколько дней, но Джилмена снова не оказалось дома. Выслушав его рассказ, Джилмен не мог не задаться вопросом, где же он был ночью, босой, в одной пижаме? Он решил обязательно исследовать эту загадку, если только ночные хождения не прекратятся; можно, например, посыпать мукой пол в коридоре, чтобы с утра выяснить, куда ведут следы. Несомненно, покинуть комнату он мог только через дверь, поскольку с внешней стороны дома у окна не было никаких выступов или хотя бы неровностей, по которым можно было бы выбраться наружу.

К середине апреля болезненно обостренный слух Джилмена подвергся новому испытанию: до его комнаты стали доноситься тонкие заунывные причитания суеверного заклинателя духов по имени Джо Мазуревич — он снимал квартиру в первом этаже. Мазуревич имел обыкновение рассказывать длинные, бессвязные истории о призраке старухи Кеции и маленьком косматом зверьке с необычайно острыми клыками, вечно что-то вынюхивавшем. По его словам, эта парочка настолько навязчиво преследовала его своими явлениями, что пришлось воспользоваться серебряным распятием (специально выданным для этой цели отцом Иванническим из церкви Святого Станислава), чтобы избавиться от нее. Джо молился так усердно, потому что приближалась ночь Великого шабаша. Как известно, в ночь накануне первого мая, именуемую Вальпургиевой, самые страшные силы зла покидают ад и переносятся на землю, а все подданные сатаны собираются вместе для свершения самых отвратительных обрядов и богопротивных таинств. Для Аркхема это всегда было самое тяжелое время в году, хотя благородная публика с Мискатоникского авеню, Хай-стрит или улицы Селтонстол и предпочитает изображать полное неведение на сей счет. Страшные дела творятся тогда в городе; бывает, даже пропадают дети. Джо хорошо разбирался в таких вещах: еще на родине бабка рассказывала ему разные жуткие истории, которые слышала, в свою очередь, от своей бабки. Мудрые люди советуют на это время вооружиться четками и побольше молиться. Вот уже три месяца как старуха Кеция и Бурый Дженкин не попадались на глаза ни самому Мазуревичу, ни его земляку и соседу Павлу Чонскому — вообще никому в городе. Это не предвещало ничего хорошего. Раз они держались в тени, значит, что-то задумали.

16 апреля Джилмен побывал наконец у врача и был очень удивлен, узнав, что температура у него вовсе не такая высо-

кая, как он того боялся. Доктор внимательно расспросил его о симптомах и порекомендовал обратиться к специалисту по нервным болезням. Джилмен даже обрадовался, что не попал на прием к прежнему университетскому врачу, человеку еще более дотошному. Старик Уолдрон, недавно оставивший практику, уже как-то раз настоял на том, чтобы Джилмен сделал длительный перерыв в своих занятиях. То же самое он сделал бы и сейчас — но разве можно было остановиться именно в тот момент, когда вычисления сулили столь блестящие результаты! Несомненно, он уже нащупывал границу четвертого измерения, и кто знает, насколько далеко он мог продвинуться в своих поисках?

Но даже при мысли о возможном успехе Джилмена не оставляло недоумение по поводу того, откуда, собственно, он черпает такую уверенность. Неужели это пугающее чувство неизбежности исходит всего лишь от строчек математических формул, которыми день за днем заполнял он бесчисленные листки бумаги? Воображаемые шаги над головой, мягкие и крадущиеся, не давали ему покоя. Появилось какое-то новое и все усиливающееся ощущение: Джилмену казалось, будто что-то или кто-то склоняет его к чему-то ужасному, чего он ни при каких условиях не должен делать. А лунатизм? Куда он отправлялся по ночам во сне? И что это был за звук, вернее, слабый отголосок какого-то звука, то и дело прорывавшийся сквозь невообразимое смещение уже привычных шумов даже в дневное время, когда он бодрствовал? Едва различимый, этот звук подчинялся какой-то странной ритмической закономерности, не похожей ни на что земное, кроме, может быть, ритмов самых сокровенных гимнов шабаша, названий которых не смеет произносить смертный. Иногда Джилмен со страхом думал, что есть в этом ритме и нечто от того скрежета и рева, что заполнял мрачные пропасти его сновидений.

Сны между тем становились все ужаснее. В первой, менее глубокой их части злобная старуха предстала уже дья-

вольски отчетливо, и Джилмен убедился, что именно она так напугала его во время давнишней прогулки по старым городским кварталам. В этом невозможно было усомниться — достаточно было взглянуть на ее согбенную спину, длинный нос и морщинистое лицо; узнаваемо было и бесформенное коричневое платье. Лицо старухи носило выражение самой гнусной злобы и омерзительного возбуждения; по утрам Джилмен вспоминал ее каркающий голос, настойчивый и угрожающий. Он должен был предстать перед Черным Человеком и вместе с ним отправиться к трону Азатота, что находится в самом сердце хаоса, — вот чего требовала старуха. Там своею собственной кровью распишется он в книге Азатота, раз уж удалось ему самостоятельно дойти до сокровенных тайн. Джилмен почти готов был подчиниться и отправиться вместе с ведьмой, Бурым Дженкином и тем, третьим, к трону хаоса, туда, где бездумно играют тонкие флейты. Его останавливало только упоминание об Азатоте — из книги «Некрономикон» он знал, что этим именем обозначают исконное зло, слишком ужасное, чтобы его можно было описать.

Старуха всегда появлялась будто из пустоты, вблизи того угла, где наклонный потолок встречался с наклонной стеной. Кажется, она материализовывалась ближе к потолку, чем к полу. При этом в каждом новом сне она понемногу приближалась к Джилмену, и он видел ее все отчетливее. Бурый Дженкин тоже приближался к юноше в течение этого непродолжительного сна; в облаке неестественного фиолетового света зловеще поблескивали его длинные желтовато-белые клыки. Его визгливый хихикающий голосок все сильнее врезался Джилмену в память, и по утрам юноша вспоминал, как мерзкая тварь говорила что-то об Азатоте и о ком-то по имени Ньярлатхотеп.

Затем следовали более глубокие и длительные сны, и в них тоже все имело гораздо более отчетливые очертания,

чем прежде. Джилмен теперь ясно чувствовал, что окружающие его пропасти принадлежат к четвертому измерению. Органические объекты, чьи движения казались наименее беспричинными и бесцельными, вероятно, представляли собою проекции живых существ, населяющих нашу планету, включая и людей. Что касается остальных, то Джилмен не решался даже представить себе, как они могут выглядеть в своих собственных пространственных сферах. Два существа из числа двигавшихся наиболее осмысленно (одно напоминало скопление переливающихся пузырей вытянутой сферической формы, а другое, поменьше, — многогранник совершенно невероятной окраски с быстро сменяющимися выступами на поверхностях), казалось, чуть ли не опекали Джилмена и двигались рядом с ним или чуть впереди, пока он пробирался между какими-то гигантскими призмами, огромными лабиринтами, нагромождениями кубов и плоскостей, подобиями странных циклопических построек. На всем протяжении сна видения сопровождались отдаленным скрежетом и ревом, которые постепенно усиливались и как будто стремились к некоему чудовищному пределу мощности, совершенно непереносимому для человеческого слуха.

В ночь с 19 на 20 апреля в сновидениях Джилмена появилось нечто новое и чрезвычайно важное. Почти вопреки своей воле он парил в сумеречной бездне вслед за скоплением переливающихся пузырей и маленьким многогранником, когда заметил, что края находившихся в стороне от него гигантских призм образуют на удивление правильные повторяющиеся углы. В то же мгновение он оказался вне привычной бездны, обнаружив, что стоит, едва удерживая равновесие, на склоне каменистого холма, залитого ярким, хотя и рассеянным светом. Джилмен был без обуви, в одной только пижаме. Он пытался пойти дальше, но не в силах был оторвать ноги от земли. Кружащиеся клубы густых испарений скрывали от него окрестности: Джилмен видел только не-

большую часть склона прямо перед собой; он содрогнулся при мысли о том, какие звуки может таить в себе непроницаемый для взора туман.

Затем он заметил две с трудом подползавшие к нему фигуры — то были старуха и маленькая косматая тварь. Старая ведьма с видимым усилием приподнялась и на особый манер скрестила руки. Бурый Дженкин, тоже с большим трудом, поднял правую лапку, так пугающе похожую на человеческую кисть, и указал ею куда-то в пустоту. Подчиняясь непостижимому импульсу извне, Джилмен, преодолевая огромную тяжесть, потащился по направлению, обозначенному средней линией угла, под которым сходились скрещенные руки ведьмы и лапка маленького чудовища. Едва Джилмен сумел сделать пару шагов, как оказался в уже привычной полутемной бездне. Вокруг проносились бесчисленные тела всевозможных форм; чувствуя невыносимое головокружение, Джилмен стремительно падал куда-то вниз, и стремительному полету не было конца... Он проснулся в своей постели, в противоестественно спланированной мансарде старого дома.

Не было и речи о том, чтобы заняться чем-нибудь серьезным, и Джилмен не пошел на лекции. К своему немалому удивлению, он вдруг обнаружил, что какая-то неведомая сила странным образом управляет его зрением: он просто не мог оторвать взгляд от совершенно пустого места на полу. Со временем положение точки, притягивавшей его взор, менялось, и только к полудню удалось Джилмену справиться с непреодолимым желанием сидеть на одном месте, уставившись в пустоту. Около двух часов дня он отправился в город перекусить и, шагая по узким переулкам, неожиданно заметил, что все время поворачивает на юго-восток. Ему потребовалось известное усилие воли, чтобы заставить себя зайти в кафе на Черч-стрит, но после обеда непонятное притяжение только усилилось.

Все-таки в ближайшее время придется обратиться к психиатру, решил он; может быть, это как-то связано с лунатизмом, но до тех пор нужно хотя бы попытаться самому справиться с болезненным наваждением. Несомненно, у него еще достанет сил сопротивляться непостижимому притяжению. Полный решимости бороться, Джилмен направился на север, по Гаррисон-стрит, но обнаружил, что едва способен медленно тащиться по улице. Он был весь в холодном поту, когда наконец добрался до моста через Мискатоник. Ухватившись за железные перила, юноша взглянул на лежащий вверх по течению остров, что пользовался такой дурной славой; в ярких лучах послеполуденного солнца резко выделялись правильные ряды древних каменных глыб, стоявших в мрачной задумчивости...

Внезапно он вздрогнул и едва не упал, различив на пустынном острове какую-то фигуру, в которой нетрудно было узнать старуху, чей образ безжалостно вторгся в его сны. Рядом со старухой шевелилась высокая трава, как если бы у ног ее, на земле, копошилось другое живое существо. Увидев, что старая ведьма поворачивается в его сторону, Джилмен стремительно спустился с моста и углубился в сумрачные аллеи, высаженные по берегу реки. Даже находясь на значительном расстоянии от острова, он, казалось, чувствовал всю силу чудовищной, неукротимой злобы, которую источал полный насмешки взгляд согбенной ветхой старухи в коричневом платье.

Странное притяжение с юго-востока не ослабевало; Джилмену стоило огромных усилий добраться до старого дома и взойти по шаткой лестнице к себе в мансарду. Несколько часов просидел он бесцельно, в полном молчании, сосредоточив бессмысленный взгляд на неведомой ему точке, медленно смещавшейся к западу. Около шести вечера его тонкий слух снова уловил заунывные молитвы Джо Мазуревича, жившего двумя этажами ниже. В отчаянии Джил-

мен схватил шляпу и вышел на освещенную заходящим солнцем улицу, решившись полностью отдаться странному чувству, влекшему его теперь точно на юг. Часом позже солнце зашло. Темнота застала Джилмена в открытом поле, где-то за ручьем Висельников; впереди сверкало звездами весеннее небо. Стремление во что бы то ни стало идти вперед сменилось почти непреодолимым желанием оторваться от Земли, пусть только мысленно, и устремиться в космос. Джилмен вдруг понял, откуда исходит странное притяжение, мучившее его весь день.

Источник притяжения — в небе. Некая точка небесной сферы властно звала к себе Джилмена, манила его. Очевидно, она располагалась где-то между Гидрой и Кораблем Арго. Джилмен знал теперь, что неведомая звезда влекла его к себе с той минуты, как он проснулся рано утром. В то время звезда находилась под ним, внизу, а сейчас переместилась на юг и медленно двигалась к западу. Что могло все это означать? Не сходит ли он с ума? Долго ли все это будет продолжаться? Вновь собравшись с силами, Джилмен развернулся и медленно, с трудом зашагал домой.

У дверей его поджидал Мазуревич; жгучее желание сообщить соседу о новых сверхъестественных событиях боролось в нем с суеверным страхом говорить на подобные темы. Дело в том, что в доме снова появился колдовской свет. Накануне Джо довольно поздно вернулся домой — по всему Массачусетсу отмечался День патриота, — уже после полуночи. Перед тем как войти в дом, он взглянул на окна Джилмена: сначала они показались ему совершенно темными, но потом стало заметно слабое фиолетовое свечение. Джо хотел бы предостеречь молодого джентльмена, ибо всякому в городе было известно, что такой свет всегда сопровождает появление призрака старухи Кеции и Бурого Дженкина. Раньше Мазуревич предпочитал не заговаривать на эту тему, но теперь колдовское свечение означало, что Кеция

и ее зубастая тварь преследуют юного джентльмена. Не раз и сам Джо Мазуревич, и Павел Чонский, и домовладелец господин Домбровский вроде бы замечали, что такой же свет пробивается наружу сквозь щели в стенке, закрывавшей часть чердака над комнатой джентльмена; правда, все трое сговорились держать язык за зубами... Лучше бы молодому джентльмену сменить комнату и запастись распятием у хорошего ксендза, вроде отца Иваницкого.

Выслушивая нескончаемую болтовню соседа снизу, Джилмен ощущал, как тиски страха все плотнее сжимаются вокруг него. Конечно, Джо наверняка был в изрядном подпитии, когда возвращался домой накануне ночью; тем не менее его упоминание о фиолетовом свете наполнилось ужасным смыслом. Именно такой искристый свет всегда окружал старуху и маленькую косматую тварь в тех недолгих и отчетливых снах, которые предшествовали погружению в неведомые пропасти более глубоких видений; однако сама мысль, что бодрствующий сторонний наблюдатель мог видеть свет, являвшийся Джилмену во сне, решительно не укладывалась в рамки разумного. И где только этот парень мог такое узнать? Может, он и сам разговаривает или ходит во сне? Нет, по словам Джо, этого за ним не замечалось. Надо будет все-таки проверить. Может быть, Фрэнк Элвуд что-нибудь знает, хотя очень уж не хочется обращаться к нему с такого рода расспросами.

Горячка, невероятные сновидения, лунатизм, слуховые галлюцинации — а теперь еще и подозрение, что он разговаривает во сне, и без того очень нездоровом! Необходимо отложить занятия, посоветоваться с психиатром и взять себя в руки. Поднявшись на второй этаж, Джилмен задержался было у двери Элвуда, но увидел, что того нет дома. Он неохотно поднялся к себе и сел, не зажигая света. Взгляд был по-прежнему прикован к югу; кроме того, он поймал себя на том, что настойчиво прислушивается к тишине,

словно надеясь уловить некий звук с чердака, и, кажется, воображает, будто видит зловеющий фиолетовый свет, просачивающийся сквозь микроскопическую щель в низком наклонном потолке.

Той ночью во сне фиолетовый свет обрушился на него с возросшей силой, а старая ведьма и маленькая косматая тварь подобрались еще ближе и явно издевались над ним, визжа нечеловеческими голосами и делая какие-то дьявольские жесты. Джилмен был даже рад погрузиться в сумрачную бездну с ее привычным приглушенным ревом, хотя и там настойчивое преследование двух существ, похожих на скопление переливающихся пузырей и маленький многогранник со сторонами, меняющимися словно в калейдоскопе, вызывало особенно острое ощущение угрозы и необычайно раздражало. Затем сверху и снизу возникли огромные сходящиеся плоскости из очень гладкого материала — и Джилмен очутился в ином пространстве, ослепившем его резким холодным светом и представлявшем собой неистовую смесь красного, желтого и синего.

Он полулежал на высокой террасе, окруженной балюстрадой совершенно фантастической формы; внизу простиралась бескрайняя равнина, вся покрытая причудливыми остроконечными пиками, огромными наклонными плоскостями, неизвестно каким чудом удерживавшимися в равновесии, куполами, башенками наподобие минаретов, дисками, опиравшимися на тонкие шпили, и бесчисленными комбинациями других фигур. Некоторые из камня, остальные из металла — все они переливались великолепными красками в ослепительном многоцветном сиянии неба. Взглянув вверх, Джилмен увидел три гигантских пламенеющих диска разных оттенков, находившихся на различных расстояниях от необыкновенно далекого дугообразного горизонта, на котором выделялись вершины низких гор. Позади, насколько хватало глаз, были видны все новые и новые

ярусы вздымавшихся к небу террас, подобных той, на которой находился Джилмен. Это подобие города простиралось до самых пределов видимости; Джилмен надеялся только, что оттуда не донесется какой-нибудь новый невыносимый звук.

Он очень легко поднялся с террасы; пол был выложен отполированным камнем неизвестной породы с частыми прожилками. Джилмена поразила причудливая форма угловатых плиток — не то чтобы полностью асимметричная, но, скорее, имеющая какую-то свою необычную симметрию, правил которой он никак не мог уразуметь. Балюстрада по краю террасы, доходившая Джилмену до груди, была необычайно тонко и причудливо отделана: вдоль перил на небольшом расстоянии друг от друга стояли фигурки весьма необычного вида и очень искусной работы, изготовленные, по-видимому, как и сама балюстрада, из какого-то неизвестного металла. Цвет этого металла невозможно было определить в царившем здесь ослепительном хаосе; нельзя было также понять, что могут изображать эти странные статуэтки. Они представляли собой нечто вроде поставленных вертикально цилиндров, сужающихся к концам, с тонкими спицами, расходившимися из центра, как от ступицы колеса. На обоих концах, сверху и снизу, каждый цилиндр имел по шарiku или набалдашнику, с пятью плоскими, треугольной формы лучами, наподобие лучей морской звезды. Лучи лежали почти точно в горизонтальной плоскости, лишь немного отклоняясь от центрального цилиндра. Нижними своими шариками фигурки были припаяны к сплошным перилам, но крепление казалось крайне непрочным из-за очень маленькой площади соприкосновения двух поверхностей в месте пайки, так что нескольких статуэток не доставало: видимо, они были кем-то отломлены. Высота фигурок не превышала четырех с половиной дюймов, а максимальный диаметр спиц составлял дюйма два с половиной.

Поднявшись на ноги, Джилмен сразу почувствовал голыми ступнями довольно сильный жар, исходивший от плиток пола. Он был здесь совершенно один и первым делом подошел к балюстраде, чтобы взглянуть вниз, где в головокружительной глубине — не менее шестисот метров — лежал бескрайний город. Прислушавшись, он уловил ритмическую смесь мелодичных свистящих звуков разной высоты, едва доносившихся с узких улиц внизу; Джилмен пожалел, что не может отсюда разглядеть обитателей города. Через некоторое время юноша почувствовал, что от слишком долгого взгляда вниз начинает кружиться голова; пошатнувшись, он инстинктивно потянулся к сверкающей балюстраде и схватился правой рукой за одну из фигурок. Движение было несильным, но его оказалось достаточно, чтобы удержаться на ногах; зато не выдержала невероятно тонкая пайка, и фигурка со спицами отломилась от своей опоры. Головокружение еще чувствовалось, и, не выпуская статуэтки из правой руки, левой Джилмен покрепче ухватился за гладко отполированные перила.

В этот момент его обостренный слух уловил некое движение сзади; он быстро оглянулся на террасу и увидел пять фигур, приближавшихся к нему осторожно, но без всякой скрытности. В двух из них он сразу узнал злобную старуху и косматого зверька с острыми клыками. Одного взгляда на остальных было достаточно, чтобы сознание покинуло Джилмена. Он увидел живых существ ростом примерно в два с половиной метра, точно такого же вида, как статуэтки на балюстраде; существа передвигались на своих нижних лучах, изгибая их наподобие паучьих лапок...

Джилмен проснулся в своей постели, весь в холодном поту; лицо, ладони и ступни как будто слегка саднили. Вскочив на ноги, он умылся и оделся с молниеносной быстротой, словно ему вдруг понадобилось срочно уйти из дому. Он еще не знал, куда пойдет, но понял, что и на сей раз за-

нятиями в колледже придется пренебречь. Непостижимого притяжения точки между Гидрой и Арго сегодня не чувствовалось, но на смену ему пришло другое, еще более сильное ощущение того же рода. Теперь он испытывал непреодолимое желание двигаться куда-то на север, как можно дальше на север. Джилмен боялся идти по мосту, с которого открывался вид на пустынный остров посередине Мискатоника, и поэтому пересек реку в районе Пибоди-авеню. Часто он запинался, но продолжал шагать, не глядя себе под ноги: зрение и слух его были прикованы к неведомой точке в безоблачной выси голубого неба.

Примерно через час Джилмену удалось в какой-то степени овладеть собой, и он обнаружил, что ушел довольно далеко от города. Вокруг простирались блеклые пустые солончаки; Джилмен шел по узкой дороге, что вела в Инсмут, старинный полузаброшенный городок, куда по непонятным соображениям так опасались ездить жители Аркхема. Хотя появившееся с утра стремление двигаться на север не ослабло, Джилмен нашел в себе силы сопротивляться ему, равно как и возобновившемуся притяжению с юго-востока; более того, ему удалось почти уравновесить их. Он с трудом добрался до города и, выпив чашку кофе в небольшом заведении, нехотя зашел в библиотеку и стал бесцельно перелистывать первые попавшие под руку журналы. Затем Джилмен снова бродил по улицам, встретил пару знакомых, вспоминавших впоследствии, что их удивил загар на его лице; он не стал рассказывать им о своей недавней прогулке за город. Часа в три пополудни Джилмен пообедал в каком-то ресторане; к этому времени притяжение то ли ослабло, то ли окончательно разделилось на два противоположных импульса. Позже он убивал время в киношке, несколько раз подряд просмотрев фильм и ничего из него не запомнив.

Около девяти Джилмен направился наконец домой и с большим трудом дотащился до старого особняка. Внизу

опять раздавалось неразборчивое нытье молившегося Мазуревича, и Джилмен поспешил наверх, в свою мансарду, даже не заглядывая к Элвуду. Он вошел в комнату, включил тусклую лампочку — и остоленел, не веря своим глазам. Еще только открывая дверь, он уловил боковым зрением, что на письменном столе находится совершенно посторонний предмет, и теперь мог убедиться в этом. Не имея обычной опоры, она просто лежала на боку — статуэтка, отломившаяся от перил в последнем кошмарном сне. Все детали полностью совпадали: сужающийся к концам цилиндр, радиально расходящиеся от него спицы, набалдашники сверху и снизу, плоские, чуть отогнутые в сторону лучи — все было на месте. При электрическом освещении фигурка казалась искристо-серой, с зелеными прожилками, и Джилмен, несмотря на испуг и замешательство, заметил на одном из набалдашников след от пайки, скреплявшей статуэтку с перилами балюстрады, которую он видел во сне.

Джилмен не закричал только потому, что ужас совершенно парализовал его. Невозможно было перенести такое смешение сна и реальности. Все еще плохо владея собой, он взял фигурку в руки и, пошатываясь, пошел вниз, в квартиру Домбровского, хозяина дома. Нытье суеверного заклинателя духов с первого этажа по-прежнему разносилось по ветхим коридорам, но Джилмен больше не обращал на него внимания. Владелец дома был у себя и любезно приветствовал юного джентльмена. Нет, он никогда не видел этой вещицы и ничего не знает о ней. Но вот жена говорила, что сегодня утром, убирая комнаты, она нашла какую-то занятую жестянку в постели одного из жильцов. Может, это та самая жестянка и есть. Домбровский позвал жену, и та, по-утиному раскачиваясь, степенно ввалилась в комнату. Точно, та самая вещичка. В кровати у молодого джентльмена лежала, у стенки. Конечно, очень странно она выглядит, да ведь у мистера Джилмена в комнате и других необычных

вещей полно: книг каких-то, рисунков, записей. И ничего ей про эту вещицу не известно.

Джилмен поднимался к себе в состоянии крайнего смятения, не зная, то ли сон его все еще продолжался, то ли лунатизм развился до такой крайней степени, что заводил его во время ночных блужданий во сне в совершенно незнакомые места. Но все-таки где он мог найти столь необычный предмет? Джилмен не помнил, чтобы ему приходилось видеть его в каком-нибудь из аркхемских музеев. Но должен же он был где-то находиться прежде. Видимо, образ статуэтки вызвал в его воображении сложную картину, и он увидел себя на террасе, окруженной балюстрадой. Завтра надо будет навести кое-какие справки — очень осторожно, разумеется, — и, может быть, сходить наконец к психиатру.

А до тех пор стоит хотя бы выяснить, куда он ходит во сне. Поднимаясь наверх и двигаясь по обветшалому залу, куда выходила дверь его комнаты, он насыпал повсюду немного муки, две горсти которой одолжил у хозяина, нисколько не скрывая, зачем она ему понадобилась. По пути Джилмен остановился было у дверей Элвуда — но тот, видно, опять отсутствовал: в комнате было темно. Войдя к себе, Джилмен положил фигуру со спицами на стол и лег, даже не раздевшись, — настолько он был утомлен и истощен как умственно, так и физически. В заколоченной части чердака над наклонным потолком опять, кажется, кто-то еле слышно скребся и можно было различить чьи-то глухие мягкие шажки, но Джилмен чувствовал себя слишком разбитым, чтобы обращать на это внимание. Непонятное притяжение с севера снова начало усиливаться, но точка на небосклоне, из которой оно исходило, видимо, постепенно приближалась к горизонту.

Пришел сон, и в ослепительном фиолетовом свете опять появилась старуха с неизменно сопровождавшим ее косматым клыкастым зверьком; на сей раз очертания обеих фи-

гур были отчетливее, чем когда бы то ни было прежде. Этой ночью они подобрались вплотную к юноше, и он почувствовал, как старая ведьма вцепилась в него иссохшими пальцами. Джилмена молниеносно вытащили из постели и бросили куда-то в пустоту, он снова услышал размеренный рев и увидел неясный сумрачный свет, наполнявший собою бездну, бурлившую вокруг. Но все это длилось лишь какую-то долю секунды, ибо в следующее мгновение он оказался в тесном замкнутом помещении с глухими голыми стенами из нетесаных досок и балок, сходявшихся прямо над головой, и со странным неровным полом, идущим под уклон к одной из стен. Почти весь наклонный пол был заставлен ровными рядами низких сундучков, заполненных книгами, среди которых были и сравнительно новые, и постарше, и настолько древние, что они чуть ли не разваливались на глазах; в центре стояли стол и скамейка, видимо, прибитые к полу. Поверх книг были разбросаны небольшие предметы совершенно невероятных форм; в ярком фиолетовом свете Джилмену удалось разглядеть одну вещицу, которая оказалась в точности похожей на ту статуэтку со спицами, которую он уже видел сначала во сне, а потом наяву. Слева от него пол обрывался, образуя темный треугольный провал, откуда сначала донесся глухой стук, а еще через секунду показалась гнусная косматая тварь с длинными желтыми клыками, выделявшимися на бородатой мордочке, удивительно напоминавшей человеческое лицо.

Злобно ухмылявшаяся старуха была рядом и все так же крепко держала Джилмена. По ту сторону стола стоял некто, кого юноша никогда прежде не видел. Это был высокий худой человек с очень черной кожей, но, впрочем, без каких бы то ни было негроидных черт; на голове и на лице у него не было ни единого волоска, одежду же его составлял один только бесформенный балахон из тяжелой черной материи. Ног незнакомца не было видно из-за стола и скамей-

ки, но, очевидно, он был во что-то обут, поскольку всякое его движение сопровождалось отчетливым стуком. Человек ничего не говорил; мелкие, но правильные черты его лица не имели совершенно никакого выражения. Он молча указал на огромную раскрытую книгу, лежавшую на столе, после чего старая ведьма сунула в правую руку Джилмена большое серое перо. Всю эту сцену окутывала атмосфера невыносимого, сводящего с ума ужаса; это ощущение достигло своей высшей точки в тот момент, когда маленькая косматая тварь вскарабкалась на плечи Джилмену и, проворно спустившись по левой руке к кисти, впиалась острыми длинными клыками в запястье в том месте, где заканчивалась манжета. Из раны на внутренней части руки хлынула кровь — и Джилмен провалился в небытие.

Проснувшись наутро — а это было 22 апреля, — Джилмен почувствовал довольно сильную боль в запястье левой руки; манжета пижамной куртки потемнела от засохшей крови. Он мог лишь очень смутно припомнить видения прошедшей ночи, и только фантастическая сцена с черным человеком в странной комнате, как живая, стояла у него перед глазами. Вероятно, на самом деле, во сне его укусила крыса, а в мозгу возникло целое кошмарное видение. Открыв дверь, Джилмен убедился, что за ночь на рассыпанной по полу муке не появилось никаких следов, если не считать огромных отпечатков, оставленных, как видно, сапожищами неотесанного малого, снимавшего комнату напротив. Итак, нынче он не ходил во сне. Пора наконец избавиться от крыс, о чем следует самым серьезным образом поговорить с хозяином. А пока Джилмен заткнул отверстие в нижней части наклонной стены свечным огарком, примерно подходившим по диаметру. В ушах у него все еще стоял звон, как если бы ему до сих пор были слышны отзвуки ужасного шума, сопровождавшего сновидения.

Принимая ванну и переодеваясь, Джилмен все пытался вспомнить, что еще он видел во сне после той сцены в неиз-

вестном помещении, залитом ярким фиолетовым светом, но память отказывалась воссоздать хоть какую-нибудь более или менее определенную картину. Поразившая его сцена, должно быть, возникла в воображении под влиянием мыслей о заколоченной части чердака над комнатой, так властно привлекавшей к себе его внимание в последнее время; дальнейшие воспоминания были неясны и расплывчаты. Кажется, он опять видел сумеречный свет туманной пропасти; потом возникла новая бездна, еще глубже и темнее, где видения уже не имели определенной формы. Джилмена втолкнули туда два неизменно сопровождавших его существа, одно — как скопление вытянутых пузырей, а другое — будто маленький многогранник. Вступив в эту новую область теперь уже полного мрака, они, подобно самому Джилмену, обратились во что-то вроде клочков тумана или пара. Впереди двигался еще кто-то, какое-то более крупное облако пара, время от времени принимавшее более определенные очертания, но все же недостаточно ясное. Как показалось Джилмену, они перемещались не строго по прямой, а скорее описывали совершенно невероятные кривые или, возможно, спирали в непостижимом завихрении эфира, где не действовали физические или математические законы какого бы то ни было пространства, которое мы только способны себе представить. Затем появились едва различимые огромные скачущие тени, некая чудовищная пульсация, лишь отчасти доступная слуху, и высокий монотонный наигрыш невидимой флейты, — но здесь воспоминания окончательно обрывались. Джилмен решил, что эти последние видения проникли в его сон из «Некрономикона», точнее, из той его части, где речь шла о некоем лишенном жалости существе по имени Азатот, что управляет пространством и временем, восседая на черном троне посреди великого Хаоса...

Смыв кровь с запястья, Джилмен убедился, что крысы не очень сильно его покусали; юношу озадачило только рас-

положение двух крохотных ранок. Как ни странно, на постели не осталось ни единого пятнышка крови, что, судя по ее количеству на руке и манжете, казалось совершенно невероятным, если только, конечно, ночью он не поднимался с кровати. Значит, он все-таки ходил во сне, не покидая, правда, комнаты, а крыса укусила его, когда он задержался где-нибудь, сев, скажем, на стул, а то и в менее естественном положении? Джилмен внимательно осмотрел всю комнату в поисках пятен или хотя бы высохших капель крови, но не обнаружил ничего подобного. Надо было посыпать мукой пол не только за дверями и на лестнице, но и внутри комнаты; впрочем, ему уже не требовалось никаких дополнительных доказательств того, что он страдал лунатизмом. Он знал, что болен, — теперь требовалось остановить болезнь. Нужно попросить о помощи Фрэнка Элвуда. Этим утром странное притяжение из космоса, кажется, ослабло, однако появилось другое ощущение, еще более непостижимое. Джилмен испытывал смутное, но вместе с тем настойчивое желание немедленно бежать куда-то от всего, что его окружало, но куда именно его так тянет, он не знал. Взяв со стола таинственный предмет со спицами, он как будто почувствовал, что прежняя тяга на север чуть усилилась, но если даже и так, ее значительно превосходило и даже почти сводило на нет новое загадочное желание, вызывавшее у Джилмена гораздо большее смятение, чем прежде.

Прихватив странную статуэтку, Джилмен отправился вниз, к Элвуду; ему пришлось собрать все свои силы, чтобы не обращать внимания на доносившиеся с первого этажа завывания заклинателя духов. Слава богу, Элвуд оказался дома. Времени до завтрака и ухода в колледж оставалось мало, и Джилмен поспешно рассказал все, что касалось сновидений и страхов последнего времени. Элвуд выслушал его с сочувствием, согласившись, что необходимо что-то предпринять. Его поразило изможденное и исхудавшее ли-

цо раннего гостя, а также неестественный загар Джилмена, замеченный за последнюю неделю и многими другими. Однако он признался, что вряд ли сможет вот так, с ходу дать какой-нибудь конкретный совет. Ему не случалось видеть, чтобы Джилмен ходил по дому во сне, и, разумеется, мало что известно о возможных причинах столь необычных сновидений. Хотя... Как-то вечером он случайно услышал разговор Мазуревича с молодым франкоканадцем, который жил как раз под Джилменом: они делились страхами по поводу приближения Вальпургиевой ночи и выражали глубокое сожаление по поводу печальной судьбы юного джентльмена, снявшего комнату в мансарде. Дероше, тот самый франкоканадец, рассказывал, что по ночам он слышит в мансарде шаги босых и обутых ног. Однажды поздней ночью он подкрался к двери верхней комнаты с намерением заглянуть в замочную скважину, но увидел у Джилмена фиолетовый свет, пробивавшийся сквозь щель под дверью, и не решился довести свою затею до конца. В комнате раздавались какие-то голоса — вот последнее, что удалось расслышать Элвуду до того, как Мазуревич и Дероше окончательно перешли на таинственный шепот.

Элвуд не очень хорошо понимал, что, собственно, заставило суеверную парочку пуститься в такого рода сплетни; вероятно, их воображение подстегивало, с одной стороны, то, что Джилмен допоздна не ложится спать и страдает лунатизмом, а с другой — приближение ночи, которой укorenившиеся в народе предрассудки приписывают особое сверхъестественное значение. Нет сомнений, что Джилмен разговаривает во сне: именно благодаря этому Дероше, подслушивавший у двери, узнал о фиолетовом свете, который так часто снится Джилмену. Таковы уж эти люди: стоит им услышать что-нибудь о каком-либо необычном явлении, как они начинают воображать, что сами были ему свидетелями. Что касается плана действий на ближайшее время,

то прежде всего Джилмену следует перебраться к Элвуду, чтобы впредь не оставаться по ночам одному. Элвуд, если только, конечно, сам не заснет, разбудит Джилмена, как только тот заговорит или начнет подниматься с постели во сне. Затем следует повидать врача. Кроме того, надо будет показать этот странный предмет в здешних музеях и кое-кому из преподавателей, солгав на всякий случай, будто она найдена в мусорном ящике, — может быть, удастся выяснить, что представляет собой эта необычная вещь. Ну и Домбровскому придется наконец потравить крыс в доме.

Заботливо опекаемый Элвудом, Джилмен посетил в тот день все занятия. Все еще чувствовалось странное притяжение неизвестных небесных тел, но теперь ему вполне удавалось справиться с ним. В перерывах между лекциями Джилмен показал принесенный с собою загадочный предмет со спицами нескольким профессорам; все они проявили самый искренний интерес, но никто не смог прояснить природу или происхождение этой необычной вещи. Следующую ночь Джилмен провел на кушетке, которую Элвуд велел поставить у себя в комнате; впервые за несколько недель у него не было никаких тревожных сновидений. И все же юношу не покидало ощущение, что болезнь отступила лишь на время. Кроме того, ужасно раздражало беспрестанное нытье заклинателя духов.

Еще несколько дней Джилмен наслаждался почти полным отсутствием всяких проявлений своей болезни. По свидетельству Элвуда, он совершенно не разговаривал во сне и не пытался встать с постели; тем временем хозяин старательно посыпал все углы дома отравой для крыс. Беспокоила только постоянная болтовня суеверных иностранцев, чье воображение разыгралось до чрезвычайности. Мазуревич долго навязывал Джилмену и наконец всучил-таки крестик, освященный отцом Иваницким. Дероше тоже было чем поделиться: он готов был поклясться, что в первые

две ночи после переезда Джилмена к Элвуду в опустевшей комнате наверху все же раздавались чьи-то осторожные шаги. Павел Чонский утверждал, что слышал как-то ночью странные звуки в прихожей и на лестнице, а мадам Домбровская давала голову на отсечение, что недавно, впервые после Дня всех святых, снова видела Бурого Дженкина. В наивных рассказах было, конечно, мало смысла; врученное ему дешевое распятие Джилмен повесил на ручку гардероба, стоявшего в изголовье кушетки.

За три дня Джилмен и Элвуд обошли все городские музеи, пытаясь узнать хоть что-нибудь о загадочном предмете со спицами, но поиски не дали никакого результата. Везде, однако, странная фигурка вызывала неподдельный интерес: ее необычный внешний вид не мог не возбудить любознательность ученых. От статуэтки отломили одну из треугольных ножек-лучей и подвергли ее химическому анализу. Профессор Эллери установил, что в необычном сплаве содержатся платина, железо, теллур и еще по меньшей мере три неизвестных вещества с огромным атомным весом, идентифицировать которые современная наука совершенно не в состоянии. Они не просто отличаются от всех известных элементов, но и вообще не укладываются в Периодическую таблицу — даже в еще оставшиеся в ней пустые клетки. Тайна эта остается неразгаданной до сего дня, а сам необычный предмет ныне находится в экспозиции музея Мискатоникского университета...

Утром 27 апреля в стене комнаты, давшей Джилмену временный приют, появилась свежая крысиная дыра; впрочем, Домбровский тут же забил ее куском жести. Яд, как видно, не подействовал: мерзкие твари скреблись и пищали за стенами с неослабевающей силой.

Вечером Элвуд где-то задержался, и Джилмен стал дожидаться его, не ложась спать. Он не хотел засыпать в пустой комнате, тем более что чуть раньше, в сумерках, опять

видел отвратительную старуху, чей образ стал частью его страшных снов. Что это все-таки была за старуха и что за животное гремело какой-то жестянкой на куче мусора у входа в захламленный дворик? Старая карга, похоже, заметила юношу и даже бросила на него злобный взгляд исподлобья — или это ему только показалось?

К вечеру следующего дня оба молодых человека очень устали и почувствовали, что с наступлением ночи заснут крепким, глубоким сном. Они коротали вечер, вяло обсуждая математические штудии, которым столь самозабвенно предавался Джилмен, — быть может, ко вреду для него самого. Рассуждали и о том, насколько реальной может быть связь этой дисциплины с магией и волшебными сказками древности, — связь, казавшаяся столь трудноуловимой и в то же время не лишенной вероятности. Они говорили о старой Кеции Мейсон, и Элвуд согласился, что у Джилмена имелись вполне достаточные с научной точки зрения основания строить определенные догадки относительно тех неизвестных до сих пор, но очень важных сведений, на которые могла совершенно случайно натолкнуться старуха еще в XVII столетии. Сокровенные культы, к которым принадлежат колдуньи, нередко сохраняют, передавая из поколения в поколение, удивительные тайны, принадлежавшие далеким, давно забытым эпохам. Поэтому ни в коем случае нельзя исключать возможность того, что Кеция действительно владела искусством преодолевать границы измерений. Недаром в преданиях всегда подчеркивается, что для ведьм не существует телесных преград. А кто может сказать, какие явления лежат в основе сказок о том, как по ночам ведьмы летают на помеле?

Неизвестно, способен ли современный исследователь овладеть такими же возможностями, двигаясь исключительно по пути математического анализа. Успехи в этой области, говорил Джилмен, могут привести к самым опасным и не-

предсказуемым последствиям, ибо кто может знать, что происходит в пространствах, граничащих с нашим, но нам недоступных? С другой стороны, открывающиеся возможности просто необычайны, поистине беспредельны. К примеру, в некоторых областях вселенной времени может просто не существовать; тогда, перейдя в такую область и оставаясь в ней, можно жить бесконечно долго, практически не старея; организм там не будет подвержен метаболическим процессам и старению, кроме разве что тех случаев, когда понадобится вернуться в свое собственное пространство или отправиться в какое-либо другое. Можно было бы, скажем, отправиться в такую область космоса и вернуться на Землю в отдаленном будущем или прошлом все таким же молодым.

Нет достаточных оснований судить, удавалось ли когда-нибудь что-либо подобное человеку. Предания старины запутанны и двусмысленны, а традиция более близких к нам исторических периодов связывает любые попытки выйти за пределы возможного с необходимостью сверхъестественного и ужасного союза с обитателями и посланцами запредельных миров. Здесь-то и выступает на передний план страшная фигура представителя или посланника тайных ужасных сил — будь то Черный Человек колдовских заклинаний или Ньярлатхотеп «Некрономикона». Есть и не менее мерзкие, хотя и не столь могущественные посланники или посредники темных сил — они имеют вид животных или странных гибридов и упоминаются в преданиях как ближайшие спутники ведьм... У обоих молодых людей давно уже слипались глаза, и они наконец улеглись. Засыпая, и тот и другой слышали неверные шаги Джо Мазуревича, возвращавшегося с очередной попойки; дойдя до своей комнаты, он опять начал молиться, и от его отчаянных причитаний по коже пробегал мороз.

Той ночью Джилмен снова видел во сне фиолетовый свет. Сначала кто-то скребся и грыз что-то твердое за доща-

той стеной, потом ему показалось, что чья-то рука неуклюже нащупывает ручку двери. Затем он увидел, как по ковру, покрывавшему пол, к нему приближаются старуха и маленькая косматая тварь. Лицо старой ведьмы горело нечеловеческим возбуждением, а маленькое чудовище с желтыми клыками гнусно хихикало, с издевкой указывая на темную неподвижную фигуру Элвуда, крепко спавшего на своей кровати в противоположном углу комнаты. Страх настолько парализовал Джилмена, что отчаянный крик застрял у него в горле. Как и в прошлый раз, мерзкая старуха схватила юношу за плечи и, вытащив его из постели, бросила куда-то в пустоту. Вновь промелькнули короткой вспышкой беспредельные скрежещущие пропасти, и уже в следующее мгновение он оказался в темном, грязном и зловонном проулке между высокими стенами старых полуразвалившихся домов.

Прямо перед ним, одетый в подобие мантии, стоял Черный Человек из предыдущего сна; старуха держалась рядом и словно требовала чего-то от Джилмена своими повелительными кивками и грозными гримасами. Бурый Дженкин с игривой преданностью терся о ноги Черного Человека, утопавшие по щиколотки в дорожной грязи. Справа от Джилмена виднелся темный проем открытой двери; Черный Человек молча указал на него. Злобно ухмыляясь, ведьма потащила туда Джилмена, вцепившись в рукав его пижамы. Показалась лестница, источавшая отвратительное зловоние и пронзительно скрипевшая под ногами; тут юноша заметил, что от ведьмы исходит слабое фиолетовое свечение. Они поднялись на лестничную площадку и остановились перед закрытой дверью. Старуха открыла ее, немного повозившись с задвижкой, а затем, красноречивым жестом приказав Джилмену ждать ее здесь, исчезла в черном дверном проеме.

Обострившийся слух позволил юноше различить сдавленный крик; тут же вернулась старуха, держа в руках что-

то маленькое и бесформенное, и протянула свою ношу Джилмену, словно приказывая помочь ей. Стоило юноше взглянуть на то, что ему протянули, и увидеть личико ребенка, как сковывавшие его чары мгновенно спали. Все еще не владея своим голосом, он, однако, нашел в себе силы бежать и стремительно бросился вниз по скрипучей лестнице. На улице ему опять пришлось ступить в отвратительную глубоководную грязь — но тут его остановил поджидавший у входа Черный Человек: он преградил путь и крепко схватил юношу за плечи. Теряя сознание, Джилмен услышал слабое, но пронзительное хихиканье клыкастого крысоподобного чудовища.

Проснувшись утром 29 апреля, Джилмен почти физически ощутил, как погружается в настоящую пучину ужаса. Едва открыв глаза, он понял, что произошло нечто невероятное, потому что очнулся он в своей старой комнате в мансарде, где потолок и северная стена сходились под необычным углом; Джилмен лежал на нерасправленной постели. Почему-то болело горло; с трудом поднявшись, он испуганно устался себе на ноги: ступни и обшлага пижамных брюк были покрыты засохшей черной грязью. В ту минуту он еще не мог вспомнить во всех подробностях сновидения прошедшей ночи, но в одном сомнений быть не могло: он опять ходил во сне. Элвуд, как видно, крепко спал и не мог ни услышать его, ни остановить. Пол был покрыт множеством грязных следов — странно, что они не доходили до двери. Чем дольше смотрел Джилмен на эти следы, тем больше они его поражали. Помимо своих собственных следов он обнаружил на полу более мелкие, почти круглые отпечатки — можно было бы подумать, что они оставлены ножками большого кресла или стола, если бы преобладающая их часть не оказалась как бы разделенной пополам. Кроме них на полу имелись грязные следы крысиных лапок, ведущие в комнату из свежей дыры в стене и обратно. Полное

замешательство и ужас от мысли, что он сходит с ума, охватили Джилмена, когда, с трудом доковыляв до двери и открыв ее, он взглянул на небольшой холл и лестницу, ведущую вниз, — там не было ни одного следа. Чем подробнее вспоминал юноша свой отвратительный сон, тем больший страх охватывал его; к этому чувству примешивалось ужасное уныние, почти отчаяние, которое навевали заунывные причитания Джо Мазуревича, раздававшиеся двумя этажами ниже.

Спустившись к Элвуду, Джилмен разбудил его, чтобы рассказать о происшедшем; выслушав, тот не мог, однако, найти этому разумного объяснения. Где был Джилмен этой ночью, как он добрался до своей кровати, не оставив следов внутри дома, каким образом в его комнате оказались грязные отпечатки ножек кресла или стола — ни на один из этих вопросов не было ответа. А эти темные лиловатые следы на горле? Можно подумать, что Джилмен пытался задушить себя собственными руками. Он приложил руки к синякам — нет, размеры совершенно не совпадали. Во время беседы заглянул Дероше: он хотел сообщить, что незадолго до рассвета наверху был слышен ужасный стук. Нет, после полуночи по лестнице никто не поднимался, а вот до полуночи он, кажется, слышал чьи-то тихие осторожные шаги в мансарде и на лестнице; они ему страшно не понравились. В Аркхеме, говорил Дероше, наступает очень беспокойное время. Так что молодому джентльмену лучше бы все-таки надеть крестик, который ему дал Джо Мазуревич. Даже днем становится небезопасно: вчера, только стемнело, в доме раздавались странные звуки, включая что-то вроде детского плача, внезапно оборвавшегося.

Джилмен отправился на занятия, однако в то утро он был не способен сосредоточиться на учебе. Мрачные предчувствия окончательно завладели юношей; казалось, он ждет какого-то нового сокрушительного удара судьбы. В полдень

Джилмен завтракал в университетской столовой; ожидая десерта, он машинально подобрал с соседнего стула оставленную кем-то местную газету и стал ее просматривать... Джилмен так и не дождался своего десерта — то, что он прочитал в одной из заметок на первой странице, разом лишило его сил и заставило внутренне окаменеть. Словно в тумане, юноша расплатился и поплелся к Элвуду.

В газете сообщалось, что прошлой ночью в районе Орнской пристани при весьма загадочных обстоятельствах произошло похищение ребенка: исчез двухлетний сын некоей Анастасии Волейко, работницы местной прачечной. Как выяснилось, мать ребенка давно уже опасалась чего-то подобного, но ее страхи основывались на таких диких предрассудках, что никто не принимал их всерьез. Волейко утверждала, что примерно с начала марта поблизости от ее дома постоянно появлялся пресловутый Бурый Дженкин, по поведению которого она поняла, что ее маленький Ладислав избран в качестве жертвы для ужасного шабаша в так называемую Вальпургиеву ночь. Волейко обращалась к своей соседке Мэри Чанек с просьбой остаться на ночь в их комнате, чтобы защитить ребенка, но та не осмеливалась выполнить эту просьбу. Обращаться в полицию казалось ей бесполезным, поскольку там, по ее мнению, не верят в подобные вещи. Между тем, сколько она себя помнит, детей похищают в округе каждый год. Сожитель Анастасии Волейко, Питер Стовацкий, также не желал помочь ей, поскольку «ребенок ему только мешал».

Еще одна заметка, помещенная рядом, произвела на Джилмена настолько ошеломляющее впечатление, что он буквально облился холодным потом. В ней приводился рассказ двух припозднившихся гуляк, проходивших мимо той же пристани в первом часу ночи. Признавшись, что находились в состоянии опьянения, они тем не менее клятвенно заверяли, будто видели, как в темный переулочек непо-

далеку от пристани крадучись заходили три очень странно одетых человека. Необычная троица состояла из огромного негра в балахоне, старухи в лохмотьях и молодого белого в одной пижаме. Старуха буквально тащила за собой молодого человека, а об ноги негра все время, пока их было видно, терлась ручная крыса, неутомимо сновавшая в грязи.

Джилмен просидел остаток дня в каком-то оцепенении; так его и застал по возвращении домой Элвуд, уже видевший газеты и сделавший поистине ужасные выводы из прочитанного. Теперь ни тот ни другой не сомневались, что они оказались в центре очень серьезных и жутких событий. Нечто немыслимое происходило у них на глазах: ночные кошмары вторгались в повседневную реальность, и только трезвая готовность противостоять миру призраков могла предотвратить еще более страшные события. Несомненно, рано или поздно Джилмену придется повидать врача, но лучше не делать этого сейчас, когда все газеты полны сообщений о вчерашнем похищении ребенка.

Оставалось по-прежнему непонятным, что же происходило на самом деле; страшная неизвестность сводила с ума. Элвуд и Джилмен тревожным шепотом обменивались самыми невероятными предположениями. Могло ли случиться так, что Джилмен, сам того не зная, продвинулся в своих исследованиях пространства и его измерений куда дальше, чем предполагал? Мог ли он действительно перемещаться из нашей вселенной в иные миры, о существовании коих не догадывался прежде? Где мог он находиться — если действительно покидал свою комнату — в те ночи, когда его преследовали все эти дьявольские видения? Сумрачные ревущие пропасти — зеленый склон холма — блистающая всеми цветами радуги терраса — притяжение неизвестных планет — черная спираль эфира — Черный Человек — грязный переулок и скрипучая лестница — старая колдунья и

маленькая косматая тварь с длинными клыками — скопление пузырей и маленький многогранник — странный загар — ранки на руке — что-то маленькое и бесформенное в руках у старухи — покрытые грязью ноги — сказки и страхи суеверных иностранцев — что все это, наконец, означало? Насколько применимы здесь законы логики и здравого смысла?

Ночью оба не могли заснуть, но наутро они не пошли в колледж и немного вздремнули. Настало 30 апреля, и после захода солнца должен был начаться шабаш, вызывавший такой панический страх у всех без исключения местных жителей старшего поколения. Мазуревич вернулся домой ровно в шесть; по его словам, рабочие на фабрике передавали, что Вальпургиева оргия должна состояться в овраге за пригорком Медоу-Хилл, где посреди пустыря, начисто лишённого растительности, стоит древний Белый камень. Некоторые даже обращались в полицию и советовали именно в том месте искать пропавшего Ладислава Волейко, но никто не верил, что полицейские хоть пальцем шевельнут. Джо настойчиво уговаривал бедного молодого джентльмена надеть на шею крестик. Чтобы успокоить доброго малого, Джилмен так и сделал, спрятав маленькое распятие под рубашкой.

Поздно вечером оба молодых человека дремали в креслах, убаюканные молитвами суеверного простака с первого этажа. Борясь со сном, Джилмен ни на секунду не переставал вслушиваться в тишину, так как, сам того не желая, надеялся все же, что его тонкий слух поможет разобрать за привычными скрипами старого дома другие звуки, едва различимые и такие пугающие. С каким-то болезненным чувством он дал волю воспоминаниям о некогда прочитанных «Некрономиконе» и «Чёрной книге» и вдруг поймал себя на том, что тихонько раскачивается на месте в такт тем гнусным ритмам, что, говорят, сопровождают самые отвратительные обряды шабаша и происходят оттуда, где время и пространство не существуют.

Неожиданно он понял, к чему так внимательно прислушивается, — к сатанинским гимнам мерзкого празднества в далекой черной долине. Откуда он так хорошо знал, что произойдет дальше? Откуда могло быть ему известно, в какую именно минуту Нахав и ее прислужник должны внести наполненную кровью чашу, предваряемые черным петухом и черным козлом? Джилмен увидел, что Элвуд заснул, но тщетно пытался разбудить своего товарища окриком: неведомая сила не давала ему раскрыть рот. Он был не властен более над самим собой. Неужели он все-таки расписался в книге Черного Человека?

Потом слабое дуновение ветра донесло новые звуки, доступные лишь его воспаленному слуху. Над дальними дорогами, полями и холмами летели эти звуки, преодолевая многие мили, но Джилмен сразу узнал их. То разжигали костры и танцоры становились в круг. Что так тянуло его к ним присоединиться? Что за сила пыталась им овладеть? Увлечение математикой — древние предания — старуха Кеция — Бурый Дженкин... И тут он увидел, что в стене, недалеко от его кушетки, появилось новое отверстие. И гимны, доносившиеся издалека, и молитвы Джо Мазуревича на первом этаже перекрывал теперь другой звук: кто-то мерзко и настырно скребся за дощатой стеной. Лишь бы не погасла электрическая лампочка, успел подумать Джилмен. В эту минуту из отверстия в стене показалась зубастая бородатая мордочка (то была жуткая, издевательская копия лица старухи Кеции, понял наконец юноша), и тут же кто-то легонько толкнулся в дверь.

Перед глазами возникла визжащая сумрачная пропасть, и Джилмен почувствовал, что силы оставляют его по мере того, как вокруг смыкаются бесформенные переливающиеся пузыри. Впереди неся маленький многогранник со сторонами, сменяющимися, будто стеклышки в калейдоскопе; бурлящую пустоту вокруг пронизывали все быстрее следо-

вавшие друг за другом и все повышавшиеся звуки — они составляли неясную мелодию, стремившуюся, казалось, разрешиться некоей неопикуемой и невыносимой кульминацией. Похоже, Джилмен знал, что должно за этим последовать — чудовищный взрыв ритма Вальпургиевой ночи, музыки космоса, вобравшей в себя всю силу брожения изначального пространства-времени; ритм этот таится глубоко в недрах материи, но иногда пробивается наверх в отмеренных слабых отзвуках, проникающих во всякий слой бытия; такие взрывы не проходят бесследно — они придают жуткую значимость определенным периодам в любом из миров.

Через секунду перед его глазами возникла новая картина. Джилмен снова оказался в залитой фиолетовым светом тесной комнатке со сводчатым потолком и наклонным полом, с низкими сундуками, полными древних рукописей, скамейкой и столом, со странными небольшими предметами и треугольным отверстием в полу. На столе лежала маленькая белая фигура — совершенно раздетый мальчик лет двух, видимо, без сознания. По другую сторону стояла мерзкая старуха со злобным взглядом; в правой ее руке сверкал нож с замысловатой рукояткой, а в левой ведьма держала необычной формы чашу из светлого металла, покрытую странным орнаментом, с тонкими ручками по бокам. Колдунья хрипло прокаркала слова какого-то заклинания; Джилмен не понял их, но он, кажется, встречал несколько фраз на этом языке в «Некрономиконе».

Глаза его постепенно привыкали к фиолетовому свечению, и Джилмен увидел, что старуха наклонилась вперед и протянула через стол пустую чашу. Не владея более собой, юноша покорно вытянул руки и принял от нее кубок, отметив про себя его сравнительно малый вес. В ту же минуту на край треугольного отверстия в полу вскарабкался гнусный Дженкин. Затем ведьма жестом указала юноше, в каком поло-

жении он должен держать чашу, а сама занесла над крошечной жертвой огромный, причудливой формы нож, как можно выше подняв правую руку. Клыкастая косматая тварь тем временем подхватила ведьмино заклинание резким взвизгивающим голосом, а колдунья каркала что-то в ответ. Джилмен почувствовал, как острое отвращение разъедает сковавший его паралич мыслей и чувств; чаша задрожала в его руках. Еще секунда — и вид огромного ножа, опускающегося на маленькую беззащитную жертву, окончательно разрушил чары: Джилмен отбросил чашу, издавшую резкий звон, словно треснутый колокол, и руки его простерлись над столом, стремясь предотвратить чудовищное преступление.

В мановение ока он поднялся по наклонному полу, обогнул угол стола, вырвал нож из лап старухи и отбросил его в сторону с такой силой, что, звякнув о край узкого треугольного отверстия, огромный резак исчез в темном провале. Но уже в следующую секунду Джилмен утратил преимущество, которое дала ему внезапность; иссохшие пальцы старой колдуньи мертвой хваткой вцепились ему в горло, и он увидел перед собой морщинистое лицо ведьмы, перекосившееся от бешеной ярости. Джилмен почувствовал, как цепочка от дешевого нательного крестика врезалась в шею; положение было отчаянное, и он подумал, что, может быть, на колдунью подействует хотя бы вид распятия? Ужасная старуха обладала нечеловеческой силой, но, пока она продолжала сжимать свои железные пальцы вокруг его горла, Джилмен сумел дотянуться слабеющими руками до крестика и вытащил его из-под рубашки, порвав при этом цепочку.

При виде этого оружия ведьма явно струсила, ее хватка настолько ослабела, что Джилмену удалось разжать старухины пальцы. Еще немного — и он подтащил бы ее к самому краю треугольного отверстия, но тут колдунья словно получила откуда-то дополнительный заряд энергии и с но-

вой силой вцепилась юноше в горло. На сей раз он решился ответить тем же, и его руки потянулись к горлу мерзкого создания. Прежде чем старуха успела заметить, что он делает, Джилмен обернул вокруг ее шеи цепочку с крестиком и быстро затянул ее так, что у ведьмы перехватило дыхание. В ту минуту, когда ее сотрясала агония, Джилмен почувствовал несколько резких укусов в лодыжку и увидел, что Бурый Дженкин пришел на помощь своей хозяйке. Сильнейшим пинком он отправил маленькое чудовище в черный треугольный провал и услышал его удаляющийся визг где-то далеко внизу.

Джилмен не знал, мертва ли старуха; он просто бросил ее там, куда она упала. Отвернувшись, он взглянул на стол — и то, что он увидел, едва не лишило несчастного последних остатков разума. Бурый Дженкин, вооруженный четырьмя дьявольски проворными лапками, не терял времени даром, пока старая колдунья пыталась задушить Джилмена. Нелегкая схватка была напрасной: то, чему юноша хотел помешать, все же произошло, только не грудь ребенка была пронзена острым кинжалом, а шея его — клыками косматого чудовища; чаша, еще недавно валявшаяся на полу, стояла теперь наполненной, рядом с маленьким безжизненным тельцем.

В нескончаемом бреду снова возникла нечеловеческая песнь шабаша, что доносилась из беспредельной дали; где-то там, понял Джилмен, должен находиться и сам Черный Человек. Смутные воспоминания о прежних видениях сливались в сознании с обрывками математических формул; юноша был почему-то уверен, что в дальних закоулках памяти должны сохраниться те самые фигуры и углы, нужные ему теперь для того, чтобы переместиться обратно в нормальный мир, на сей раз самостоятельно. Джилмен знал уже, что находится в заколоченной когда-то части чердака над своей комнатой; но удастся ли выбраться отсюда сквозь

наклонный пол или через сужающееся пространство за наклонной стеной? Кроме того, даже если это удастся, не переместится ли он просто из одного сна в другой — из привидевшейся в кошмаре комнатки над наклонным потолком в ничуть не более реальный фантом старого дома, куда он хочет вернуться? Джилмен был больше не в силах провести границу между сном и действительностью.

Невыносимо страшно погружаться в ревушую сумрачную пропасть, где бьется жуткий пульс Вальпургиевой ночи; смертельный ужас охватил юношу при мысли, что ему придется услышать собственными ушами первозданный ритм космоса, таившийся до поры в неведомых глубинах. Даже сейчас он чувствовал чудовищную низкую вибрацию, слишком хорошо догадываясь, что за ней кроется. В ночь шабаша космический пульс достигает населенных миров, сзывая посвященных на страшные обряды. Множество тайных гимнов основано на подслушанных у вечности ритмах, но человеческое ухо не способно вынести их во всей первозданной полноте. Джилмена страшило и другое: может ли он, полагаясь на одну только хрупкую память, быть уверенным, что перенесется именно туда, куда хочет? Не окажется ли он вдруг на залитом зеленым светом склоне холма, или на мозаичной террасе над городом чудовищ с маленькими щупальцами в какой-то иной галактике, или даже в черной воронке последних пределов хаоса, где царит лишенный жалости владыка демонов Азатот?

Джилмен еще только готовился совершить ужасный прыжок в пространство, когда фиолетовое свечение исчезло и он очутился в полной темноте. Эта ведьма — старая Кеция — Нахав — это должно означать ее гибель. И тут к отдаленному гимну шабаша и визгу Бурого Дженкина в черном треугольном провале добавился новый звук, еще более дикий: ужасный вой откуда-то снизу. Джо Мазуревич! Молитва — заклинание — заговор от Хаоса Наступающего — вот она

обращается в необъяснимо торжествующий визг — насмешливая действительность слилась наконец с лихорадочным сном! Йо! Шубб-Ниггурат! Всемогущий Козел с легионом молодых...

Джилмена нашли лежащим на полу его комнаты в мансарде еще задолго до рассвета: нечеловеческий вопль поднялся на ноги Дероше, Чонского, Домбровского и Мазуревича, тут же прибежавших наверх. Крик разбудил даже крепко спавшего в своем кресле Элвуда. Джилмен был жив; он лежал с широко открытыми, остановившимися глазами, по видимому, без сознания. На горле у него были огромные синяки, а на левой лодыжке — глубокая рана от укусов крысы. Одежда была в сильном беспорядке, крестик, подаренный Джо Мазуревичем, исчез. Элвуд весь дрожал: он не смел и предполагать, что могло случиться с его другом во сне на этот раз. Мазуревич был явно не в себе, он объяснил свое состояние «знамением», которое получил якобы в ответ на свои молитвы, и тут же, услышав за наклонной стеной отчаянную крысиную возню и писк, истово перекрестился.

Когда больного уложили на кушетку в комнате Элвуда, был вызван доктор Мальковский, врач с хорошей репутацией, известный к тому же как человек, умеющий, когда это требовалось, хранить молчание. Он сделал Джилмену несколько подкожных инъекций, приведших больного в расслабленное состояние, по крайней мере внешне похожее на сон. В течение дня Джилмен несколько раз приходил в сознание и бессвязно шептал что-то Элвуду, пытаясь рассказать о кошмарах последней ночи. Процесс выздоровления шел мучительно и медленно, тем более что с самого начала обнаружилось весьма печальное обстоятельство.

Джилмен, еще недавно обладавший невероятно тонким слухом, совершенно оглох. Доктор Мальковский, спешно вызванный по этому поводу, сообщил Элвуду, что обе бара-

банные перепонки пациента разорваны, как если бы они подверглись воздействию звуковых колебаний такой чудовищной силы, какую человек ни представить себе, ни тем более выдержать положительно не в состоянии. Как честный человек и добросовестный специалист, доктор Мальковский находит неуместным строить догадки о том, каким образом звук подобной силы, раздавшись всего несколько часов назад, не всполошил всю долину Мискатоника.

Используя для общения с больным бумагу и карандаш, Элвуд мог сравнительно легко поддерживать беседу с Джилменом. Оба не знали, что и подумать о происшедшем, и почли за благо вспоминать обо всем как можно меньше. Было решено покинуть проклятый старый дом сразу же, как только удастся найти новую квартиру. В вечерних газетах сообщалось, что накануне вечером, сразу после заката, полиция обнаружила в долине за Медоу-Хилл некое странное сборище; при этом упоминалось, что так называемый Белый камень, находящийся в той местности, издавна служит объектом суеверного почитания. Арестовать никого не удалось; среди собравшихся был замечен огромного роста негр. В другой заметке отмечалось, что пропавший без вести Ладислав Волейко до сих пор не найден.

Последнее происшествие в ряду ужасных событий этой весны случилось той же ночью. Элвуду никогда не забыть его, ибо вызванное им нервное потрясение оказалось настолько велико, что он вынужден был прервать учебу до начала следующего семестра. Весь вечер ему слышалась крысиная возня за стеной, но он не придавал этому особого значения. Спустя довольно длительное время после того, как они с Джилменом улеглись спать, комнату огласили ужасные душераздирающие вопли. Элвуд вскочил с постели, включил свет и бросился к кровати больного. Тот кричал нечеловеческим голосом, словно от какой-то невообразимой пытки, и извивался всем телом под скомканными про-

стынями; на одеяле появилось быстро растущее кровавое пятно.

Элвуд не смел прикоснуться к своему другу, но постепенно крики и конвульсии прекратились. К этому времени Домбровский, Чонский, Дероше, Мазуревич и жилец с верхнего этажа уже столпились в дверях комнаты, а хозяин послал жену срочно телефонировать доктору Мальковскому. Возглас изумления и страха вырвался у присутствующих, когда из пропитанной кровью постели выскочил маленький, похожий на крысу зверек и тут же исчез в новой крысиной дыре, появившейся в стене рядом с кушеткой пострадавшего. Когда врач наконец прибыл и стал убирать окровавленное белье, чтобы осмотреть больного, Уолтер Джилмен был уже мертв.

Было бы попросту бесчеловечно строить какие-либо теории насчет причины смерти Джилмена. Было похоже на то, что кто-то прогрыз туннель сквозь все его тело — и вырвал сердце. Домбровский, отчаявшийся вывести крыс, смирился с мыслью об убытках и уже через неделю переехал со всеми старыми жильцами в не менее ветхое, но не такое древнее здание на Уолнет-стрит. Труднее всего было держать в узде Джо Мазуревича: впечатлительный заклинатель духов беспробудно пьянствовал, вечно ныл и нес что-то нечленораздельное о привидениях и прочих ужасах.

В ту последнюю страшную ночь Джо себе на беду слишком долго разглядывал алые от крови следы крысиных лапок, ведущие от кровати Джилмена к свежей дырке в стене. На ковре они были почти не видны, но между краем ковра и плинтусом оставался небольшой участок голого пола. Здесь-то и обнаружил Мазуревич нечто ужасное; во всяком случае, он хотел всех в этом уверить, хотя очевидцы с ним не соглашались, признавая в то же время, что следы действительно очень странные. Отпечатки на половицах и в самом деле отличались от обычных крысиных следов, но даже Чон-

ский и Дероше решительно отвергали их сходство с отпечатками крошечных человеческих рук.

Ведьмин дом никогда более не сдавался внаем. После того как Домбровский с жильцами съехали, здание стояло заброшенным — его сторонились не только из-за дурной славы, но и из-за появившегося там ужасного зловония. Возможно, крысиный яд, которым пользовался бывший владелец, наконец-то подействовал, поскольку вскоре после того, как последний жилец покинул здание, оно превратилось в истинное проклятие для всей округи. Как установила санитарная инспекция, смрад исходил из заколоченных пустот вдоль стены и под потолком в восточной части мансарды; несомненно, число отравленных крыс было огромно. Решили, однако, что не стоит тратить время на разборки перегородок и дезинфекцию пустот за ними, ибо запах должен был сам постепенно выветриться, да и место это было не из тех, где очень уж заботились о соблюдении правил санитарии. В самом деле, многие в городе утверждали, что чуть ли не каждый год после Вальпургиевой ночи и Дня всех святых с чердака Ведьминого дома распространяется неизвестно откуда взявшееся отвратительное зловоние. Привычные ко многому соседи молча переносили это неудобство, хотя оно отнюдь не способствовало улучшению репутации района. В конце концов городская строительная комиссия официально запретила дальнейшее использование дома под жилье.

С тех пор так и не удалось найти разумное объяснение всему, что произошло с Джилменом, — в особенности его странным сновидениям. Элвуда размышления о случившемся едва не довели до психического расстройства; он возобновил учебу осенью и в июле следующего года закончил университетский курс. Со временем городские пересуды о всевозможных призраках почти смолкли, благо после гибели Джилмена никаких новых сплетен о появлении ста-

рухи Кеции или Бурого Дженкина не возникало — были, правда, какие-то толки о странных звуках в покинутом доме, но эти слухи существовали чуть ли не столько же, сколько само здание. К счастью для Элвуда, его уже давно не было в городе, когда дальнейшие события дали пищу новым разговорам на старую тему. Конечно, он узнал обо всем впоследствии и провел после этого немало часов в невыразимо мучительных размышлениях и гнетущей неопределенности; но куда страшнее и невыносимее было бы находиться в тот момент где-то рядом, а то и увидеть все собственными глазами.

В марте 1931 года сильный буран разрушил крышу и трубу опустевшего Ведьминого дома; огромная масса колото-го кирпича, почерневшей, поросшей мхом дранки, прогнивших досок и балок рухнула вниз, на чердак, проломив и потолок мансарды. Весь верхний этаж был завален обломками и мусором, но никто и не подумал притронуться к развалинам до тех пор, пока не придет время сносить обветшавший дом. Развязка наступила в декабре того же года, когда несколько рабочих нехотя и с некоторым страхом расчищали бывшую комнату Джилмена: тут же по городу поползли самые невероятные слухи.

В мусоре, проломившем наклонный потолок и свалившемся прямо в комнату, было найдено несколько предметов, один вид которых заставил рабочих немедленно вызывать полицию. Чуть позже полицейские вынуждены были, в свою очередь, пригласить коронера и нескольких экспертов-медиков из университета.

Необычная находка представляла собою несколько костей — частью сломанных и раздробленных, но, вне всякого сомнения, человеческих. Самым загадочным было то, что кости имели явно недавнее происхождение, хотя доступ в единственное место, где они могли находиться без того, чтобы их кто-нибудь обнаружил, то есть в заколоченную низ-

кую каморку с наклонным полом на чердаке, по всеобщему убеждению, был практически невозможен в течение очень многих лет. По заключению главного эксперта при коронере, некоторые из костей принадлежали, скорее всего, младенцу мужского пола, тогда как другие — их нашли лежащими вперемешку с полусгнившими обрывками одежды грязно-коричневого цвета — несомненно, пожилой женщины очень низкого роста, со сгорбленной спиной. Тщательное исследование обломков и мусора позволило также обнаружить множество крошечных костей крыс, раздавленных при обвале крыши, а также и более старые крысиные кости со следами чьих-то зубов, форма которых не могла не вызвать изрядного числа недоуменных вопросов и самых странных ассоциаций.

Кроме того, были найдены в большом количестве обрывки рукописных книг и масса желтоватой пыли — все, что осталось от каких-то других бумаг, видимо, еще более древних. Все без исключения фрагменты, поддававшиеся прочтению, касались черной магии, причем наиболее сложных и жутких ее разделов; явно недавнее происхождение некоторых рукописей до сей поры составляет не меньшую загадку, чем найденные там же человеческие кости. Еще одна неразгаданная тайна — старомодный почерк автора рукописей: почерк этот был одним и тем же как в недавних записях, так и в тех, что были сделаны, судя по бумаге, не менее чем за 150–200 лет до описываемых событий. Многие, однако, придерживаются мнения, что наибольшую загадку представляет собой происхождение крайне необычных предметов, в разной степени сохранности обнаруженных среди развалин, — предметов, чьи формы, назначение и материал совершенно не поддаются определению. Один из таких предметов, вызвавший особенный интерес у профессоров Мискатоникского университета, представлял собою сильно поврежденную копию уродливой вещицы, некогда переданной Джилменом в университетский музей, и отличался

от последней разве только более крупными размерами, материалом (то был не металл, а камень синего цвета) и наличием подставки странной угловатой формы, покрытой письменами, которые до сих пор не удалось расшифровать.

По сей день остаются бесплодными и попытки целого ряда археологов и антропологов истолковать рисунки, вырезанные на расколотой чаше из легкого металла; при ее обнаружении на внутренней поверхности были замечены странные бурые пятна очень подозрительного вида. Иностранных рабочих и старушек сплетниц впечатлил дешевый никелевый крестик современной работы на оборванной цепочке, также найденный в мусоре и признанный дрожавшим от ужаса Джо Мазуревичем тем самым распятием, которое он много лет назад подарил бедняге Джилмену. Некоторые думают, что крестик затащили в каморку на чердаке крысы; другие полагают, что он просто валялся где-нибудь в углу старой комнаты Джилмена. А кое-кто, и Джо в том числе, выдвигают на сей счет настолько фантастические теории, что их было бы глупо принимать в расчет.

Когда вскрыли наклонную северную стену в комнате Джилмена, оказалось, что мусора в ней куда меньше, чем можно было ожидать, судя по количеству обломков, упавших в комнату; однако то, что было там найдено, повергло рабочих в неопиcуемый ужас. Нижняя часть когда-то замкнутого пространства представляла собою настоящий склеп, устланный толстым слоем детских костей — от довольно свежих до таких старых, что они рассыпались в прах от прикосновения. Поверх костей лежал огромный нож, несомненно, старинной работы, с причудливым, в своем роде изысканным орнаментом; сверху он был завален мусором.

В этом-то мусоре, между куском кирпичной кладки из печной трубы и упавшей откуда-то широкой доской, и был найден предмет, вызвавший в Аркхеме куда больше удивления, страхов и суеверных домыслов, чем любая другая находка в проклятом доме. То был частично поврежденный

скелет огромной дохлой крысы, строение которого так разительно отклонялось от нормы, что это обстоятельство до сих пор вызывает горячие споры специалистов при непонятном упорном молчании сотрудников кафедры сравнительной анатомии Мискатоникского университета. Лишь очень скудные сведения о скелете стали достоянием широкой публики — в основном они были получены от строительных рабочих, которые участвовали в сносе старого дома и рассказали о клочках длинной бурой шерсти, местами покрывавшей старые кости.

По слухам, строение пятипалых лапок найденного скелета крысы дает основание заключить, что на каждой из них один палец был противопоставлен всем остальным — черта, совершенно естественная, скажем, для миниатюрной обезьянки, но никак не для крысы. Кроме того, маленький череп с длинными желтыми клыками имел, как рассказывают, крайне необычную форму и, если рассматривать его под определенным углом, выглядел как многократно уменьшенная жуткая пародия на человеческий череп. Обнаружив останки этой твари, рабочие в страхе перекрестились, а позже поставили в церкви Святого Станислава по свечке в благодарность за избавление от мерзких, напоминающих хихиканье потусторонних звуков, которые они слышали в старом Ведьмином доме и теперь надеялись никогда не услышать впредь.

МГЛА НАД ИНСМУТОМ

I

Зимой 1927/28 г. чиновники федерального правительства провели секретное расследование неких странных событий, произошедших в старом портовом городке Инсмут, штат Массачусетс. Впервые известие об этом было предано огласке в феврале, после серии рейдов и арестов, за которыми последовала серия поджогов и взрывов — конечно, с соблюдением надлежащих предосторожностей — огромного числа обветшалых, полусгнивших и, как считалось, пустующих домов возле заброшенных пирсов. Нелюбопытные обыватели сочли эти облавы очередным эпизодом сумбурной войны с алкоголем¹. Те же, кто более пристально следил за новостями, однако, были поражены лавиной арестов, пугающей численностью вооруженных отрядов, брошенных производить эти аресты, и таинственностью дальнейшей судьбы арестованных. Никто потом не слышал ни о судебных процессах, ни даже о предъявлении кому-либо внятных обвинений, как никто из задержанных не был впоследствии замечен ни в одной из тюрем страны. Распространялись какие-то туманные сообщения об эпидемии и концентрационных лагерях, а позднее — о распределении арестованных по разным военно-морским и армейским тюрьмам, но ничего конкретного так и не выявилось. Сам же Инсмут практически обез-

¹ В эти годы в США действовал «сухой закон». — *Здесь и далее примеч. перев.*

людел и лишь с недавних пор стал подавать первые признаки медленного возрождения.

Негодующие выступления либеральных организаций спровоцировали долгие кулуарные дискуссии, после чего представителей общественности пригласили посетить ряд неких лагерей и тюрем. И в итоге все эти общества удивительным образом быстро присмирели и затихли. С газетчиками же справиться оказалось куда труднее, но и они, похоже, в конце концов пошли на сотрудничество с властями. Лишь одна газета — таблоид, который никто не принимал всерьез по причине его безалаберной редакционной политики, — написала про глубоководную субмарину, якобы выпустившую несколько торпед в морскую бездну близ Дьяволова рифа. Но это заявление, случайно подслушанное в популярной у местных моряков прибрежной таверне, представляется надуманным; ведь невысокий черный риф лежит аж в полутора милях от Инсмутской гавани.

Жители округа и соседних городов судачили меж собой о странностях Инсмута, но с чужаками не откровенничали. Вообще же разговоры о вымирающем и почти опустевшем Инсмуте ходили на протяжении чуть ли не целого века, и вряд ли можно было сказать про него нечто еще более пугающее и фантастичное, чем то, о чем люди тихо шептались и нехотя вспоминали в недавние годы. Многие события прошлого приучили их к скрытности, так что выпытывать у них что-нибудь было бесполезно. Кроме того, они и впрямь мало что знали, ибо бескрайние солончаковые болота, мрачные и безлюдные, отживали обитателей окрестных городков от посещения Инсмута.

Но я наконец собираюсь приподнять завесу молчания над теми событиями. Ибо, уверен, дело это настолько важное, что, если я хотя бы намеком упомяну о находках, столь ужаснувших участников инсмутского расследования, от этого не будет никакого вреда, ну разве что вызовет у публики отвращение и шок. Кроме того, эти находки, вероят-

но, можно объяснить по-разному. Не знаю, в полном ли виде история Инсмута была рассказана даже мне, но у меня есть веские причины не углубляться во все детали. Ибо я был теснее связан с этим делом, чем иной обыватель, и сделанные там открытия со временем вынудят меня радикально изменить свою жизнь...

Ведь это я спешно покинул Инсмут ранним утром 16 июля 1927 года, и именно я обратился к правительственным чиновникам с призывом провести расследование и предпринять срочные меры в связи со всеми этими событиями. Я держал язык за зубами, пока события еще были свежи в памяти и не существовало внятного объяснения их подоплеку и природы; но теперь, когда это уже дело прошлое и интерес общественности к нему схлынул, меня гложет странное желание поведать о нескольких страшных часах, проведенных мной в печально известном и объятom мглой тайны морском порту, где поселились смерть и богомерзкое уродство. Этот рассказ поможет мне восстановить веру в то, что я пребываю в здравом рассудке, а не пал жертвой кошмарных галлюцинаций. Он также поможет мне решиться на некий ужасный шаг, который мне еще предстоит сделать...

Я никогда не слышал об Инсмуте до того самого дня, как я увидел его в первый — и пока что последний — раз в жизни. Я отмечал достижение совершеннолетия¹ поездкой по Новой Англии, положив себе целью изучение местных достопримечательностей и древностей, а также моей родословной, и планировал отправиться из старинного Ньюберипорта напрямик в Аркхем, родовое гнездо моей матушки. Автомобиля у меня не было, и я путешествовал на поездах, автобусах и перекладных, всегда выбирая самый дешевый маршрут. В Ньюберипорте мне посоветовали добраться до Аркхема поездом, и только оказавшись у железнодорожной кассы и опешив от дороговизны би-

¹ В США совершеннолетним считается возраст 21 год.

лета, я впервые услышал об Инсмуте. Тучный, с пройдошливой ухмылкой билетер, который, судя по егоговору, не был уроженцем здешних мест, посочувствовал моей бережливости и дал совет, не пришедший в голову никому из тех, кто консультировал меня перед дорогой.

— Туда еще можно добраться на старом автобусе, — сказал он раздумчиво, — правда, его тут не больно жалуют — ведь он идет через Инсмут, — а вы, наверно, уже слышали о нем — вот люди и не любят на нем ездить. Автобусную линию держит инсмутский житель — Джо Сарджент, — но здесь, да и в Аркхеме, наверно, пассажиров у него кот наплакал. Странно, что этот автобус все еще ходит по маршруту. Билеты на него хоть и дешевые, но я ни разу не видел в нем больше двух-трех пассажиров — никто, кроме инсмутцев, им и не пользуется. Отходит от площади — остановка перед аптекой Хэммонда — в десять утра и в семь вечера, если только не поменяли расписание. С виду жалкий драндулет — я на нем ни разу не ездил...

Вот так я впервые узнал о существовании объятого мглой Инсмута. Меня бы непременно заинтересовало любое упоминание городка, отсутствующего на обычных картах или не названного в современных путеводителях, и странные намеки билетера вызвали у меня естественное любопытство. Городок, к которому местные жители испытывают столь явную неприязнь, подумалось мне, должен быть, по меньшей мере, своеобразным и заслуживающим внимания туриста. И коль скоро он находился по дороге на Аркхем, мне захотелось непременно сделать там остановку, поэтому я попросил билетера рассказать о городке подробнее. Он согласился весьма охотно и начал вещать, не скрывая пренебрежительного отношения к теме своего монолога.

— Инсмут? Ну что тут сказать... чудной, доложу вам, городишко в устье реки Мануксет. Раньше, еще до войны тысяча восемьсот двенадцатого года, это был большой город с морским портом, да в последние сто лет все там разла-

дилось, одни воспоминания остались от бывшего величия. Теперь даже железнодорожного сообщения с ним нет — бостонско-мэнскую ветку туда так и не дотянули, а местная ветка от Раули уже много лет как бурьяном поросла.

Я вам так скажу: пустых домов там сейчас больше, чем осталось жителей, которые, считай, ничем уже и не занимаются, окромя ловли рыбы да омаров. Теперь вся торговля процветает либо здесь у нас, либо в Аркхеме, либо в Ипсвиче. Когда-то там было несколько фабрик, а теперь ничего не осталось, кроме одного золотоплавильного заводика, да и тот раскошегаривается раз в год по обещанию.

Одно время, правда, этот завод был крупным предприятием, и старик Марш, его владелец, был побогаче Креза. Тот еще старый гусь! Теперь вот сидит сиднем дома. Люди говорят, у него к старости то ли кожная болезнь развилась, то ли какая-то деформация костей выявилась, вот он на людях и перестал появляться. Он приходится внуком капитану Оубеду Маршу, который и начал заниматься очисткой золота. А мать его была вроде как иностранка — говорят, с островов Южных морей... Знали бы вы, как все тут взбухли, когда он женился на девушке из Ипсвича, пятьдесят лет тому. Тут у нас всегда взбухают по поводу инсмутцев, и здешние, и те, кто из соседних городов, всегда стараются скрыть свое кровное родство с инсмутскими. Но по мне, дети и внуки Марша выглядят не ужаснее прочих. Мне местные на их пальцем указывали... Хотя, ежели подумать, то его старшие дети чего-то давненько не появлялись... А самого старика я вообще ни разу в жизни не видел.

А отчего все так взвелись на этот Инсмут? Ну, молодой человек, вы особенно не берите в голову все, что люди здесь говорят. Завести их трудно, а уж коли завелись, то не остановишь. Об Инсмуте всякие истории рассказывают — и все втихаря, украдкой, — считай, последние лет сто, и, по-моему, тут все дело в людском страхе, а больше ни в чем. Какие-то из этих историй вызовут у вас смех и толь-

ко — ну, например, о том, будто старый капитан Марш обдeldывал делишки с дьяволом и переманивал бесенят из ада в Инсмут на жительство, или о каком-то дьявольском ритуале и жутких жертвоприношениях в каких-то укромных углах возле пирсов, на которые случайно наткнулись в тысяча восемьсот сорок пятом году или вроде того... Сам-то я родом из Пантона, что в Вермонте, и во все эти бредни не верю.

Вам бы, правда, стоило послушать рассказы наших старожилков о черном рифе недалеко от берега — Дьяволов риф, так его называют. Он редко когда весь уходит под воду, но и островом его не назовешь. Говорят, на этом рифе обитает целое воинство дьяволов, которых изредка там замечают, — они то лежат на нем, то прячутся в пещерах на его вершине. Весь этот Дьяволов риф — неровная, изрезанная волнами гряда скал в миле от берега или поболее, и на подходе к порту моряки обычно делали большой крюк, лишь бы не напороться на этот проклятый риф. Ну, то есть моряки, кто не родом из Инсмута. А недолжблвали они старого капитана Марша за то, что он, по слухам, частенько высаживался на риф по ночам во время отлива. Ну, может, он и впрямь высаживался, потому как, доложу я вам, скалы там шибко занятные, или, может, он искал там спрятанную добычу пиратов, а может даже, и нашел что... Но еще люди говорили, что именно там он обдeldывал свои делишки с нечистой силой. И если хотите знать мое мнение, у этого рифа дурная слава именно из-за капитана Марша.

А было это еще до большой эпидемии тысяча восемьсот сорок шестого, которая выкосила больше половины жителей Инсмута. Тогда так и не установили, откуда взялась та дурная болезнь, но, по моему разумению, ее занесли морячки из дальних плаваний, из Китая или еще откуда-то. Страшная была болезнь, что и говорить, — из-за нее по городу бунты прокатились и творились всякие кошмарные дела, но я так думаю, за пределы города зараза не распространилась. Вот из-за этой самой болезни город зачах, а

после так и не оправился. Сейчас там живет человек триста-четыреста, не больше.

Но, скажу я вам, истинная причина дурного отношения к Инсмуту — обычные расовые предрассудки. И я не осуждаю тех, кто их разделяет. Я и сам терпеть не могу этих инсмутцев и ни за какие коврижки к ним в город не поеду. Вы, должно быть, знаете — хотя, судя по вашему выговору, вы с Запада, — что в те времена очень много кораблей из Новой Англии вели торговлю в сомнительных портах у берегов Африки, Азии, на островах Южных морей и бог знает где еще и привозили они с собой из плаваний сомнительных людишек. Вы, может, слыхали о моряке из Сейлема, который вернулся домой с женой-китайкой, а где-то на Кейп-Коде все еще обитает шайка туземцев с Фиджи.

Ну и естественно предположить, что подобные чужаки понаехали в Инсмут. Городок всегда был напрочь отрезан от соседних поселков непроходимыми болотами да речными протоками, так что мы толком и не знаем, как там у них обстоят дела. Но совершенно ясно, что старый капитан Марш наверняка привез домой каких-то диковинных существ, еще в те времена, когда все его три корабля выходили в море, то есть в двадцатые и тридцатые годы. Это факт: сегодня среди инсмутцев встречается немало субъектов, прямо скажем, безобразной внешности — не знаю, как вам объяснить, но увидишь таких — и вас в холодный пот бросает... Вы сразу заметите эту безобразность и в Сардженте, если поедете на его автобусе. У некоторых из них ненормально узкие головы, приплюснутые носы и выпученные блестящие глаза, которые никогда не закрываются, и с кожей у них явно что-то не так. Она огрубевшая и вся покрыта чешуйками, а шеи у них то ли в морщинах, то ли в складках. И лысеют они рано, уже в юности. Хуже всего выглядят взрослые мужчины. И вот еще что: я ни разу не видал их стариков! Это факт. Может, они там мрут от страха, нечаянно увидав себя в зеркале? Животные их тоже не

выносят — раньше, когда еще не было автомобилей, у них лошади часто бесились.

Никто ни здесь, ни в Аркхеме или Ипсвиче не хочет с ними связываться, да и к ним тоже не подойди — когда они сами появляются тут в городе и когда кто-то из здешних пробует рыбачить в их водах. Странное дело: вблизи Инсмутской бухты всегда ходит рыба — крупная, жирная, а в других местах — ни рыбешки! Так вот стоит вам забросить там сеть — они на вас сразу налетят со всех сторон и погонят прочь! Раньше они приезжали сюда по железной дороге — потом, когда их ветку закрыли, стали ходить пёхом до Раули и там садились на поезд, а теперь пользуются вот этим автобусным маршрутом.

Да, есть в Инсмуте гостиница — называется «Гилман-хаус», но навряд ли тамошние условия будут вам по душе. Не советую туда даже заходить. Лучше переночуйте здесь, завтра утром отправляйтесь в Инсмут десятичасовым автобусом, а оттуда уедете в Аркхем вечерним автобусом, который отправляется в восемь. Приезжал туда пару лет назад один инспектор фабрик, так он снял номер в «Гилман-хаусе», и, доложу я вам, очень неприятные впечатления у него остались от этого заведения. Похоже, у них там обретается сомнительный сброд, потому как тот инспектор слышал голоса из других номеров — притом что большинство номеров пустовало! — от которых у него мурашки по коже бегали. Ему почудилось, что лопочут иностранцы, но, по его словам, больше всего его напугал один голос, который время от времени вступал в разговор. Голос этот звучал так ненатурально — как он выразился, был похож на хлопанье — и так страшно, что он не смог даже раздеться и лечь в кровать. Так и просидел до утра, не сомкнув глаз, и чуть свет пустился оттуда наутек. А голоса галдели всю ночь!

Этот инспектор, Кейси его фамилия, рассказывал, что инсмутцы наблюдали за ним во все глаза, словно выслеживали его и вроде как все время были начеку. Заходил

он на завод Марша — говорит, очень странное предприятие в здании старой сукновальной фабрики у нижних порогов Манускета. Кейси повторил все то, что я и без него слышал. В бухгалтерских книгах у них черт ногу сломит, никаких следов какой бы то ни было деловой активности. Знаете, для нас всегда оставалось загадкой, откуда Марш берет золото, которое он там очищает. Они вроде никогда не занимались скупкой золота, а вот много лет назад их корабль вернулся в порт с большим грузом золотых слитков.

Еще люди говорили о диковинных драгоценностях, которыми моряки и работники золотоплавильни иногда приторговывали из-под полы, — кто-то видел пару раз эти украшения на женщинах из рода Марш. Люди решили, что, должно быть, старый капитан Оубед Марш выменял эти украшения у туземцев в каком-нибудь заморском порту, потому как он всегда перед плаванием закупал горы стеклянных бус и побрякушек, какие мореплаватели обычно брали с собой для торговли с туземцами. А кто-то считал — и до сих пор считает, — что он нашел-таки пиратский клад на Дьяволовом рифе. Но вот что странно: старый капитан уже шестьдесят лет как умер, и ни один большой корабль не выходил из инсмутского порта со времен Гражданской войны, но тем не менее семья Марш, как я слышал, продолжает закупать стеклянные и резиновые безделушки для торговли с туземцами. Может, инсмутским жителям просто нравится напяливать их на себя и красоваться друг перед другом... хе-хе... Бог их знает, может, они сами уже стали такими же дикарями, как каннибалы Южных морей и гвинейские туземцы?

Та эпидемия сорок шестого года, похоже, выкосила лучших из лучших в их городе. Как ни посмотри, теперь там проживает сомнительный народец. И Марши, и прочие богатые семьи — такие же вырожденцы, как и прочие в Инсмуте. Я же говорю: во всем городе осталось не больше четырехсот жителей, притом что улиц и домов там не счесть сколько. По моему разумению, там осталось одно жалкое

отребье, то, что в южных штатах называют «белой швалью», — хитрые, подлые, не признающие закон людишки, чья жизнь — сплошная тайна за семью печатями. Они вылавливают довольно много рыбы и омаров и вывозят улов грузовиками. Странно, что рыба косяками приходит только в их бухту, а больше — никуда.

Никто толком не знает, сколько там вообще жителей. Когда туда приезжают школьные инспекторы да переписчики населения, они им задают ту еще работку! И точно вам говорю: любопытным приезжим, которые суют нос в чужие дела, в Инсмуте не поздоровится! Я своими ушами слышал, что там исчезло несколько заезжих бизнесменов и чиновников, а еще рассказывали — и это факт! — об одном бедолаге, который там свихнулся и теперь сидит в Дэнверсе¹. Во какого страха они напустили на парня!

Потому-то я и говорю: на вашем месте я бы туда не ездил на ночь глядя, и сам я не горю желанием туда ездить. Хотя, может, если поехать туда днем — риск не велик, но здешние будут хором вас отговаривать. Правда, ежели вам только посмотреть, что там и как, и ежели вы интересуетесь здешней стариной, то Инсмут — то, что вам надо!

Я провел несколько вечерних часов в публичной библиотеке Ньюберипорта в поисках сведений об Инсмуте. Когда я обратился с расспросами к местным жителям в лавках, таверне, в гаражах и в пожарной части, то выяснялось, что разговорить их еще сложнее, чем предрекал билетер на станции, и наконец я решил не тратить время на попытки преодолеть эту замкнутость. Они отнеслись ко мне с необъяснимой подозрительностью, словно всякий, проявляющий живой интерес к Инсмуту, по их мнению, отмечен печатью порока. Клерк местного отделения Христианской ассоциации молодых людей, куда я зашел, категорически осудил мое желание посетить столь жалкое и убогое место, и все, с кем я успел побеседовать в городской

¹ Психиатрическая лечебница в штате Массачусетс.

библиотеке, высказались в таком же духе. Мне стало ясно, что в глазах образованной части горожан Инсмут являл собой яркий пример социального вырождения.

Найденные мной на библиотечных полках труды по истории округа Эссекс содержали немного сведений об Инсмуте, помимо того, что город был основан в 1643 году, в колониальную эпоху считался важным центром кораблестроения, в начале XIX века стал преуспевающим торговым портом, а позже превратился в фабричный городок, чьим основным энергетическим ресурсом была река Мануксет. Об эпидемии и волнениях 1846 года упоминалось мимоходом, точно они составляли самые позорные страницы в истории округа. О периоде упадка Инсмута тоже говорилось вскользь, хотя важность событий позднего периода его истории не вызывала сомнений. После Гражданской войны вся местная промышленность свелась к Аффинажной компании Марша, и торговля золотыми слитками оставалась последним видом некогда кипучей деловой активности города, помимо неизменного рыболовного промысла. Притом что в связи с падением цен на рыбу и успешной конкуренцией со стороны крупных корпораций рыболовство приносило все меньше дохода, в районе Инсмутской гавани рыба не переводилась никогда. Иностранцы селились там редко, и я нашел ряд завуалированных свидетельств о том, что поляки и португальцы, пытавшиеся осесть в этих краях, были решительно и быстро оттуда изгнаны.

Наибольший мой интерес вызвало коротенькое упоминание о странных драгоценных изделиях, непонятно как связанных с Инсмутом. Эти драгоценности явно произвели сильное впечатление на местную публику — недаром некоторые из них были выставлены в музее Мискатоникского университета в Аркхеме и в зале экспозиций Исторического общества Ньюберипорта. Описания изделий были скупыми и шаблонными, но притом содержали намек на их необычное происхождение. За этими текстами, по-

хоже, скрывалось нечто настолько загадочное и будоражащее ум, что я не вытерпел и, несмотря на вечерний час, твердо решил увидеть своими глазами один из местных экспонатов — как было сказано в описании, крупное изделие причудливой формы, вероятно нечто вроде тиары. Теперь оставалось это как-то устроить.

Хранитель библиотеки дал мне записку для куратора Исторического общества, мисс Анны Тилтон, жившей неподалеку, и после недолгих объяснений старушка оказалась столь любезна, что провела меня в уже закрытое для посетителей здание, благо было еще не слишком поздно. Коллекция оказалась и впрямь довольно впечатляющей, но, пребывая в волнении, я ни на что другое глядеть не мог, кроме как на угловой шкаф, в котором лежал странный предмет, поблескивающий в сиянии электрических ламп. Даже не обладая каким-то особо утонченным чувством прекрасного, я буквально вытаращил глаза при виде этого диковинного произведения, рожденного какой-то неземной богатой фантазией, которое покоилось на пурпурной бархатной подушечке. Даже теперь я едва ли смогу в точности описать увиденное мною, хотя это была, как явствовало из описания, своего рода тиара. Довольно высокая спереди и с довольно крупными и странно неровными боковинами, эта тиара словно предназначалась для головы причудливой эллиптической формы. Тиара почти целиком была изготовлена из золота, хотя странный светлый глянец указывал на необычный сплав золота со столь же красивым металлом непонятной природы. Изделие находилось почти в идеальном состоянии и стоило того, чтобы часами созерцать эти изумительные, чарующе причудливые орнаменты — иные просто геометрические, другие выдержанные в морской тематике, — с изысканным мастерством вычеканенные или рельефно выбитые на поверхности.

И чем дольше я смотрел на этот предмет, тем больше он меня завораживал; и к этой завороженности примешива-

лось некое странное ощущение тревожности, непонятное и необъяснимое. Поначалу я решил, что мое волнение вызвано необычным характером тончайшего мастерства, казавшегося потусторонним. Все прочие произведения искусства, какие я видел когда-либо ранее, либо были созданы в известных традициях культуры той или иной расы или народности, либо же представляли собой нарочитые модернистские отклонения от любых узнаваемых норм. Но эта тиара не была ни тем ни другим. Ее, несомненно, создали в какой-то канонической технике, доведенной до высочайшего уровня совершенства, но эта техника была абсолютно далека от любого — европейского или азиатского, древнего или современного — стиля из тех, что я знал или чьи образцы я видел. Создавалось впечатление, что это филигранное творение мастера из иного мира.

Тем не менее потом я осознал, что охватившая меня тревога возникла под действием другого, вероятно более мощного импульса, а именно изобразительных и математических мотивов в причудливых орнаментах тиары. Эти орнаменты словно намекали на далекие тайны и невообразимые бездны времени и пространства, а повторяющиеся в рельефах морские мотивы обрели вдруг почти что зловещую суть. Среди рельефных фигур угадывались сказочные чудовища гротескно-уродливого и зловещего вида, причудливо сочетавшие в себе признаки рыб и земноводных, и они вызывали у меня некие навязчивые и неприятные псевдовоспоминания, как если бы это были некие таинственные образы, всплывшие из жуткой пучины первобытной прапамяти. Временами мне грезилось, что рельефные контуры этих нечестивых рыбобаб являют собой квинтэссенцию неведомого беспощадного зла.

Станным контрастом жутковатому виду тиары была ее короткая и прозаичная история, которую мне поведала мисс Тилтон. В 1873 году эту тиару буквально за гроши сдал в ломбард на Стейт-стрит пьяный житель Инсмута, вскоре после того зарезанный в уличной драке. Историчес-

кое общество выкупило тиару у хозяина ломбарда и сразу выставило на обозрение, отведя ей видное место в экспозиции. Экспонат снабдили этикеткой, на которой указали местом ее вероятного изготовления Восточную Индию или Индокитай, хотя эта атрибуция была откровенно произвольной.

Мисс Тилтон, сравнив все возможные гипотезы о происхождении тиары и ее появлении в Новой Англии, была склонна считать, что изделие находилось в пресловутом пиратском кладе, найденном капитаном Оубедом Маршем. Справедливость ее мнения, между прочим, нашла подтверждение в настойчивых предложениях о выкупе тиары за огромные деньги, которые стали поступать Обществу от семейства Марш, как только те прознали о ее местонахождении, и которые они неустанно делали по сей день, невзирая на решительный отказ Общества с ней расстаться. Выпроводив меня из здания, добрая старушка дала понять, что с пиратской версией происхождения состояния Маршей единодушно соглашались далеко не самые глупые жители этого края. Ее же собственное отношение к обьятому мглой Инсмуту — где она никогда не бывала — было продиктовано отвращением к общине, которая в культурном смысле скатилась на самое дно. И она уверила меня, что слухи о распространенном в городе ритуале поклонения дьяволу отчасти подтверждались необычным тайным культом, укorenившимся там и взявшим верх над всеми традиционными вероисповеданиями.

Этот культ назывался, как она выразилась, «Эзотерическим орденом Дагона» и, без сомнения, был вульгаризированным квазиязыческим верованием, занесенным туда с Востока еще в прошлом веке, в то самое время, когда рыбные места близ Инсмута внезапно оскудели. Его распространение среди малограмотных простолюдинов было вполне естественно, если учесть нежданное возвращение рыбного изобилия в инсмутских водах, и вскоре адепты этого культа стали пользоваться в городе огромным влиянием, пол-

ностью вытеснив местных франкмасонов и заняв под свою штаб-квартиру старый масонский храм на площади Нью-Чёрч-Грин.

Все это, по мнению набожной мисс Тилтон, служило разумным поводом игнорировать сей очаг упадка и деградации. Мне же, напротив, это показалось лишним доводом в пользу поездки. К моему любопытству доморощенного архитектора и историка теперь еще прибавился азарт антрополога-любителя, и я, находясь в возбужденном предвкушении путешествия, почти всю ночь не сомкнул глаз в своей крошечной комнатухе в общежитии Христианской ассоциации.

II

Наутро около десяти часов я уже стоял с небольшим саквояжем в руках перед аптекой Хэммонда на старой площади Маркет-сквер. В ожидании инсмутского рейсового автобуса я наблюдал за горожанами: к остановке не подошел ни один, и люди в основном шатались без дела по улице или забредали в таверну «Айдиэл ланч» на противоположной стороне площади. Похоже, говорливый билетер ничуть не преувеличил неприязнь, которую здешние жители испытывали к Инсмуту и его обитателям. Через несколько минут небольшой автобус, грязно-серого цвета и неописуемо дряхлый, протарахтел по Стейт-стрит, развернулся и затормозил у тротуара рядом со мной. Я сразу догадался, что именно этот автобус мне и нужен. Мою догадку подтвердила и прикрепленная к лобовому стеклу табличка с выцветшей надписью: Аркхем — Инсмут — Ньюберипорт.

В автобусе находилось всего три пассажира — смуглые, неопрятные мужчины с мрачными лицами, все довольно молодые; когда автобус остановился, они, неуклюже волоча ноги, выползли наружу и направились вверх по Стейт-стрит — молча и едва ли не крадучись. За ними появился

и водитель. Я проводил его глазами до аптеки, куда он направился, видимо, за покупками. Ага, подумал я, это и есть Джо Сарджент, о котором мне рассказывал билетер. И еще до того, как я успел внимательно его рассмотреть, меня охватила волна инстинктивного отвращения, которое я не мог ни сдержать, ни объяснить. Мне вдруг стало совершенно ясно, почему здешние жители не хотят ни ездить на автобусе, владельцем и водителем которого был Сарджент, ни посещать чаще, чем по острой необходимости, город, где проживал этот человек и его земляки.

Когда водитель вышел из аптеки, я присмотрелся к нему и попытался понять причину произведенного им на меня неприятного впечатления. Это был тощий, сутулый мужчина чуть меньше шести футов ростом, в поношенном синем сюртуке и потрепанной кепке для гольфа. На вид ему было лет тридцать пять — хотя его старили глубокие морщинистые складки на шее, о настоящем возрасте можно было судить по лицу, туповатому и ничего не выражающему. У него была узкая голова, выпученные водянисто-голубые глаза, которые, похоже, никогда не моргали, приплюснутый нос, маленький покатый лоб и такой же подбородок и, что особенно было заметно, недоразвитые ушные раковины. Над его длинной толстой верхней губой и на пористых землистых щеках не замечалось никакой растительности, кроме редких желтоватых волосков, торчащих курчавящимися клоками, причем в некоторых местах кожа его лица была покрыта странными струпьями, точно ее поразила экзема. Его большие, с набрякшими венами руки имели странный серовато-голубой оттенок. Пальцы же были непропорционально короткими и как будто самопроизвольно скрючивались, плотно вжимаясь в огромные ладони. Пока он шагал к автобусу, я отметил про себя его нелепую шаркающую походку и обратил внимание на его необычайно длинные ступни. Разглядывая их, я невольно задумался, где же он покупает себе подходящую по размеру обувь.

И весь он был какой-то скользко-маслянистый, что лишь усугубило мою неприязнь. Он явно изо дня в день только и делал, что крутил руль своего автобуса да шатался по рыбным складам, о чем можно было судить по исходящему от него сильному запаху рыбы. Но какие чужие крови были в нем намешаны, я мог лишь догадываться. Его странная внешность не выдавала в нем ни азиата, ни полинезийца, ни левантинца или негроида, но я теперь понимал, отчего люди считали его инородцем. Хотя я бы сказал, что в нем угадывались признаки не чужеземного происхождения, а скорее биологического вырождения.

Я огорчился, поняв, что буду единственным пассажиром в автобусе. Меня, честно говоря, совсем не обрадовала перспектива ехать одному в компании с этим водителем. Но время отправления приближалось, и, поборов сомнения, я вошел в салон следом за ним и протянул ему доллар, пробормотав единственное слово: «Инсмут». Он с любопытством смерил меня взглядом и без лишних слов вернул сорок центов сдачи. Я выбрал себе место далеко позади водителя, но на той же левой стороне салона, потому что хотел во время поездки полюбоваться морским берегом.

Наконец старая колымага дернулась с места и с грохотом покатила по Стейт-стрит мимо старых кирпичных домов, выпуская из выхлопной трубы клубы сизого дыма. Глядя на идущих по тротуару пешеходов, я заметил, что они всячески избегают смотреть на этот автобус или, по крайней мере, притворяются, что его не видят. Потом мы свернули налево, на Хай-стрит, и тут дорога стала ровнее, и автобус резво промчался мимо импозантных старых особняков времен молодой республики и еще более древних фермерских домов колониальной эпохи; потом мы пересекли реки Лоуэр-Грин и Паркер-ривер и наконец оказались посреди бесконечных и однообразных просторов прибрежной равнины.

День был теплый и солнечный, но береговой пейзаж, в котором песчаные дюны перемежались с зарослями трост-

ника и чахлыми кустарниками, становился все более пустынным. Из окна я видел голубые воды океана и песчаный берег острова Плам. А вскоре, свернув с главного шоссе на Раули и Ипсвич, мы поехали по узкому проселку почти вплотную к песчаному взморью. Вокруг не было видно ни единой постройки, и, судя по состоянию дороги, движение транспорта в этих краях было довольно незначительным. На обветренных телефонных столбах виднелись лишь два провода. То и дело мы проезжали по старым деревянным мостам над узкими приливными бухтами, врезавшимися в материк и служившими естественной преградой между этим пустынным краем и остальным штатом.

Временами я замечал темные пни и останки фундаментов, торчащих из зыбучих песков, и мне вспомнилась одна старинная легенда, о которой я прочитал в книге по истории здешних мест. Легенда гласила, что некогда это был благодатный и плотно населенный край. Но все резко изменилось сразу после инсмутской эпидемии 1846 года, и, как считали малообразованные фермеры, эти перемены имели некую связь с тайными силами зла. На самом же деле причиной запустения стала бездумная вырубка прибрежных лесов, которая лишила местную почву надежной защиты и открыла путь для стремительного наступления берегового песка, приносимого дующими с моря ветрами.

И вот остров Плам скрылся из виду, и слева я увидел бескрайние просторы Атлантики. Наша узкая дорога начала карабкаться вверх по крутому склону, и меня вдруг охватило неприятное беспокойство, когда я заметил впереди гребень холма, где ухабистый проселок как будто встречался с небом. Можно было подумать, что автобус готов без остановки продолжать движение вверх по склону, чтобы через несколько миль оторваться от земли и слиться с неведомой тайной эфира и загадочных небес. Запах моря неожиданно стал каким-то зловещим, а сутулая спина молчаливого водителя и узкая голова показались мне еще

более омерзительными. Глядя на него, я заметил, что его затылок, подобно его лицу, был практически лишен растительности и лишь местами на сизой чешуйчатой коже торчали пучки желтоватых волос.

Затем мы достигли вершины хребта, и моему взору открылась широкая долина, где Мануксет впадала в море к северу от длинной гряды скал с высочайшим пиком Кингс-порт-Хед, которая уходила в сторону полуострова Кейп-Энн. На дальнем туманном горизонте я мог различить лишь величественный профиль пика, к вершине которого прилепилось старинное здание, упоминавшееся во многих легендах; но в какой-то момент мое внимание привлекла открывшаяся прямо под нами панорама города. И тут я понял, что это и есть окутанный мглой тайны Инсмут.

В этом широко раскинувшемся городе с довольно плотной застройкой меня сразу неприятно поразило отсутствие признаков кипучей жизни. Над крышами торчали многочисленные печные трубы, но дымок вился лишь из очень немногих. Три высоких серых башни отчетливо виднелись на фоне морского горизонта. Шпиль на одной из них давно обвалился, и на ней, как и на другой башне, вместо циферблата часов зияли черные провалы. Бесконечное нагромождение прохудившихся двускатных крыш и заостренных фронтонов буквально вопияли о дряхлости и гниении. И когда автобус покатиł вниз по склону, я заметил, что крыши многих домов полностью провалились. Еще я увидел несколько крупных особняков в георгианском стиле, с куполообразными башенками и смотровыми площадками на крышах. Эти особняки располагались на приличном расстоянии от набережной и по меньшей мере два из них были в хорошем состоянии. От них из города вглубь материка тянулись покрытые ржавчиной и поросшие травой рельсы заброшенной железнодорожной ветки с покосившимися телеграфными столбами без проводов по обеим сторонам да еле заметные ленты старых проселков на Раули и на Ипсвич.

Приметы запустения особенно бросались в глаза в прибрежных кварталах, но и там я сумел разглядеть белую колокольню над неплохо сохранившимся кирпичным зданием, с виду — небольшим заводом. Гавань, давно забитую песком, ограждал от моря древний каменный волнорез, на котором, напрягши зрение, я различил крохотные фигурки рыбаков; на самом его краю высились останки фундамента от давно не существующего маяка. От каменного волнореза вглубь гавани длинным языком тянулась песчаная коса, на которой я заметил несколько ветхих лагун, причаленные плоскодонки да разбросанные верши для ловли омаров. Единственное глубокое место в бухте, похоже, было в том месте, где река разливалась позади здания с колокольней и потом резко изгибалась к югу, перед тем как встретиться с океаном в самом конце волнореза.

Там и сям вдоль берега торчали прогнившие руины пирсов, из коих те, что в южной части гавани, казались давным-давно заброшенными и полностью изъеденными гнилью. А далеко в море, несмотря на прилив, я заметил длинную черную полосу, едва виднеющуюся над водой и навевавшую мысли о древней тайной пагубе. Это, вероятно, и был печально знаменитый Дьяволов риф. И покуда я смотрел на него, помимо мрачного отвращения, я вдруг ощутил смутную, необъяснимую и неодолимую тягу к нему, и, как ни странно, его смутная притягательность встревожила меня гораздо больше, нежели первоначальное отвращение.

На дороге нам никто не встретился, и вскоре мы поехали мимо заброшенных ферм в разной стадии разора. Потом я заметил несколько обитаемых домов — их выбитые окна были законопачены тряпьем, а дворы усеяны битыми ракушками и дохлой рыбой. Раз или два я видел взрослых мужчин, вяло копошащихся на пустых огородах или выкапывающих из берегового песка моллюсков, да чумазных детишек с обезьяньими личиками, которые играли на поросших высокой травой ступеньках. Почему-то

эти горожане вызвали у меня куда большую тревогу, чем унылые дома, ибо их лица и движения были отмечены некой странностью, сразу же возбудившей во мне инстинктивную неприязнь, — но в чем именно заключалась эта странность, я не мог ни определить, ни понять. На секунду мне почудилось, что их телосложение напомнило какую-то картинку, которую я некогда увидел, может быть, в книге, в момент нахлынувшего на меня невообразимого ужаса или приступа меланхолии. Но это псевдовоспоминание промелькнуло очень быстро.

Когда автобус спустился со склона в низину, я уловил в неестественной тишине далекий шум водопада. Здесь покосившиеся некрашенные домишки плотно теснились друг к другу по обеим сторонам дороги и больше походили на городские постройки, нежели те лачуги, что остались позади. Через лобовое стекло теперь я мог видеть только улицу и сразу заметил участки, где проезжая часть некогда была вымощена булыжником, а тротуары выложены кирпичом. Все дома в этой части города были явно заброшены, и между домами то и дело встречались небольшие пустыри, где лишь обвалившиеся печные трубы и обугленные стены подвалов скорбно напоминали о стоявших тут когда-то домах. И повсюду стоял тошнотворный рыбный смрад.

А вскоре стали попадаться перекрестки и развилки улиц: те, что слева, убегали к прибрежным кварталам, где на немощеных улицах царило убогое запустение, а те, что справа, вели в мир былой роскоши. До сих пор я еще не увидел ни единого человека на городских улицах, но зато в домах появились скудные приметы жизни: портьеры на окнах, старенькие автомобили у дверей. Проезжая часть и тротуары были здесь в заметно лучшем состоянии, чем в других районах города, и хотя большинство деревянных и кирпичных домов были явно старой постройки — начала XIX века, — все они оставались вполне пригодными для проживания. При виде всего этого я, как истинный любии-

тель древностей, почти избавился и от чувства гадливости, какое во мне вызвала вездесущая рыбная вонь, и от подсознательного чувства опасности и неприязни.

Но окончание поездки ознаменовалось для меня потрясением весьма неприятного свойства. Автобус выехал на открытую площадь, по обе стороны которой высились церкви, а в центре виднелись грязные останки круглой клумбы. Но тут мое внимание привлекло величественное здание с колоннами на перекрестке справа. Некогда белая краска на его стенах посерела и во многих местах облупилась, а черно-золотая вывеска на каменном постаменте настолько потускнела, что я лишь с превеликим усилием смог прочесть слова «Эзотерический орден Дагона». Так значит, это был бывший масонский храм, занятый теперь последователями некоего нечестивого культа. Пока я разбирал выцветшую надпись на постаменте, с противоположной стороны улицы раздался пронзительный бой надтреснутого колокола. Я поспешно повернул голову к окну слева от меня.

Колокол бил с приземистой каменной церкви в псевдогоготическом стиле, явно выстроенной гораздо позже, чем окрестные дома; у нее был непропорционально высокий цокольный этаж, где все окна были наглухо закрыты ставнями. Хотя обе стрелки на башенных часах отсутствовали, я сосчитал пронзительные удары и понял, что бой возвестил одиннадцать часов. И тут мои мысли о времени внезапно были смяты мимолетным, но необычайно отчетливым видением и волной необъяснимого ужаса, охватившего меня прежде, чем я смог догадаться, что же это такое. Дверь в церковный подвал была распахнута, и в проеме виднелся прямоугольник крошечной тьмы. И когда я заглянул в дверной проем, некая фигура стремительно возникла и исчезла — или мне так показалось — на фоне темного прямоугольника, тотчас вызвав у меня ассоциацию с каким-то кошмарным видением, причем самое ужасное

заклучалось в том, что, если рассудить здраво, в этой фигуре ничего кошмарного не было.

Это был человек — не считая водителя, первый, увиденный мной после того, как автобус въехал в центральную часть города,— и не будь я в столь возбужденном состоянии, я бы не усмотрел в нем ничего ужасного. Это же, как я догадался через мгновение, священник в диковинном ритуальном облачении, которое стало общепринятым после того, как орден Дагона изменил обряды в местных церквах. И то, что, по всей видимости, привлекло мое внимание и вызвало мимолетный приступ необъяснимого ужаса, оказалось высокой тиарой на его голове — почти точной копией той, что мисс Тилтон показывала мне накануне вечером. Наверняка именно эта тиара, взбудоражив мою фантазию, заставила меня приписать зловещие черты человеку в странном облачении, которого я заметил в темном церковном подвале. Так что, сделал я вывод, нет ровным счетом никакого разумного объяснения охватившему меня приступу ужасных псевдовоспоминаний. Нет ничего странного в том, что местный таинственный культ использует в качестве одного из атрибутов своего ритуального облачения диковинный головной убор, который, как считали местные жители, попал сюда загадочным образом — быть может, из старинного клада?

Только теперь на тротуаре появились редкие прохожие — юнцы с отталкивающей внешностью, которые шли поодиночке или молчаливыми группками по двое-трое. Кое-где в нижних этажах обветшалых зданий располагались мелкие лавчонки с вылинявшими вывесками, и, пока мы ехали мимо, я заметил один или два припаркованных грузовичка. Шум падающей воды стал громче, и вскоре я увидел впереди реку, протекавшую по довольно глубокому ущелью, через которое был перекинут широкий мост с железными перилами, а дальше за мостом виднелась большая площадь. Когда автобус с грохотом катил по мосту,

я глазел по сторонам, рассматривая фабричные здания на поросшем травой пустыре впереди. Река под мостом была полноводная, и я заметил справа выше по течению два мощных водопада и по меньшей мере еще один — чуть ниже. На мосту рев низвергающейся воды стал чуть ли не оглушающим. Миновав мост, автобус выехал на большую полукруглую площадь и подкатил к фасаду высокого, увенчанного куполом здания с остатками желтой краски на стенах и с полустертой вывеской, гласившей, что это и есть «Гилман-хаус».

Я с облегчением вышел из автобуса и, зайдя в обшарпанный вестибюль гостиницы, сразу же пристроил свой саквояж в гардеробе. Единственный, кого я увидел в вестибюле, был старик-портье, причем без характерных черт, как я ее окрестил, «инсмутской внешности», но я решил не задавать ему вертевшихся на языке вопросов, вспомнив о приписываемых этой гостинице странностях. Вместо того я вышел на площадь и, увидев, что автобус уже уехал, оглядел окрестности оценивающим взглядом.

С одной стороны вымощенная булыжником площадь граничила с рекой, а с другой была окаймлена полукругом кирпичных зданий с высокими двускатными крышами постройки начала XIX века; от площади лучами разбегались улицы — на юг, юго-восток и юго-запад. Уличных фонарей было явно недостаточно, и все они были оснащены мало-мощными лампами накаливания, так что я лишний раз порадовался тому, что решил покинуть этот город еще до наступления темноты, хотя, насколько я знал, сегодня ночь обещала быть ясной и лунной. Все здания были в сносном состоянии, и я заметил не меньше дюжины работающих заведений — в том числе сетевую бакалею «Фёрст нэшнл», убогую закусочную, аптеку, офис оптовой рыбной торговли и, наконец, далеко в восточной части площади, около самой реки, офис единственного в городе промышленного предприятия — Аффинажной компании Марша. На глаза мне попались человек десять горожан, и я насчитал четыре

или пять легковых автомобилей и грузовиков, стоявших без движения в разных углах площади. Как можно было сразу догадаться, это и был центр деловой и общественной жизни Инсмута. В восточной стороне горизонта я заметил водную гладь гавани, на фоне которой высились развалины некогда красивых георгианских башен. А ближе к взморью, на противоположном берегу реки, виднелась белая колокольня над, как можно было догадаться, зданием аффинажного завода Марша.

Сам не знаю почему, я решил начать расспросы в сетевой бакалее, чьи сотрудники вряд ли были родом из Инсмута. Я быстро нашел старшего — юношу лет семнадцати, и, к своей радости, отметил его сообразительность и учтивость, что обещало массу интересующей меня информации. Мне подумалось, что он не прочь поболтать, и очень скоро я узнал, что в городе ему все не нравится — и рыбный смрад, и нелюдимые жители. Так что его обрадовала возможность перекинуться парой слов с приезжим. Он был родом из Аркхема, а здесь снимал жилье у семьи, переехавшей из Ипсвича, и, если выпадала такая возможность, на выходные возвращался к родителям. Те не одобряли его работу в Инсмуте, но сюда его назначило руководство торговой сети, и ему не хотелось потерять место.

В Инсмуте, по словам юноши, не было ни публичной библиотеки, ни торговой палаты, но и без их справочной информации сориентироваться здесь было несложно. Улица, по которой я шел от гостиницы, называлась Федерал-стрит, к западу от нее располагались благополучные кварталы на Брод-, Вашингтон-, Лафайет- и Адамс-стрит, а к востоку — приморские трущобы. Именно в этих трущобах — вдоль Мейн-стрит — находятся старинные георгианские церкви, но они давно уже заброшены. Было бы разумно не привлекать внимания тамошних обитателей — особенно в районах к северу от реки, где живут мрачные и крайне неприветливые люди. Бывало, и не раз, что приезжие там бесследно исчезали.

Некоторые места в городе считались чуть ли не запретной территорией — это он узнал на своей шкуре. Не стоит, к примеру, долго задерживаться около завода Марша или возле действующих церквей или бродить вокруг храма ордена Дагона на площади Нью-Чёрч-Грин. Местные церкви отличались странностями — от них решительно отреклись все единоверцы из прочих мест, потому что там явно практиковали очень уж странные обряды, а их священники носили очень уж странные облачения. Их вера была основана на ересь и тайных культах, которые включали элементы неких чудесных превращений, якобы ведущих к телесному бессмертию в этом мире. Духовник моего собеседника — доктор Уоллес из методистской евангелической церкви Эсбери в Аркхеме — настоятельно рекомендовал ему держаться подальше от инсмутских храмов.

Что же до самих обитателей Инсмута, то юноша не мог сказать о них ничего определенного. Они отличались чрезвычайной скрытностью и крайне редко показывались на свет — точно лесные звери, обитающие в земляных норах. Невозможно было представить, как они вообще проводят свои дни, помимо рыбалки, коей занимались от случая к случаю. Возможно, если судить по количеству потребляемого ими нелегального спиртного, они целыми днями пребывали в алкогольном отупении. Их всех объединяли прочные узы угрюмого братства или тайного знания — ненависти к внешнему миру, точно у них имелся доступ к каким-то иным, более предпочтительным для них сферам бытия. У многих из них была пугающая внешность — особенно немигающие выпученные глаза, — а уж их голоса вызвали омерзение. От их ритуальных ночных песнопений в храмах пробирал мороз по коже, особенно во время главных праздников или всеобщих бдений, отмечавшихся дважды в год, 30 апреля и 31 октября.

Они обожали воду и много плавали в реке и в гавани. Часто устраивали заплывы на скорость к Дьяволову рифу, и в такие дни все, кто физически крепок, выползали на

свет божий и принимали участие в состязании. Правда, если подумать, на глаза в этом городе попадались лишь относительно молодые люди, причем с возрастом у них все явственнее проявлялись признаки какого-то дефекта или уродства. А если пожилые и встречались, то это были люди вообще без каких-либо признаков физических отклонений — вроде старика-портье в гостинице, и можно было лишь гадать, куда подевались представители старших поколений горожан, и не была ли «инсмутская внешность» признаком неведомой и медленно прогрессирующей болезни, которая с годами внешне проявлялась все сильнее. Ведь только крайне редкое заболевание могло бы вызвать у человека в зрелом возрасте глубокие деформации костной структуры — к примеру, изменение строения черепа, — но никакие внутренние патологии не могли превзойти своей странностью внешние проявления этого заболевания. Было бы сложно, заметил юноша, сделать какой-то определенный вывод относительно этого феномена; потому как никто еще не заводил близкого знакомства с местными жителями, даже прожив в Инсмуте довольно долго.

Юноша был уверен, что некоторых особей, более безобразной внешности, чем у самых уродливых из тех, кто появлялся на улицах, держали дома под замком. А в некоторых районах города иногда слышали очень необычные звуки, доносящиеся из-за стен. По слухам, ветхие припортовые лачужки к северу от реки соединялись секретными туннелями, образующими настоящий подземный лабиринт, который, возможно, кишел неописуемыми уродами. Трудно сказать, какие чужеземные крови — если они тому виной — смешались в этих существах. Самых мерзопакостных субъектов частенько упрятывали подальше, когда в городе появлялись правительственные чиновники или другие приезжие издалека.

Совершенно бесполезно, уверил меня собеседник, спрашивать местных об этом городе. Только один согласился бы на такой разговор — очень древний, но с виду впол-

не нормальный старик, что жил в ночлежке на северной окраине города и целыми днями околачивался возле пожарной части. У убеленного сединами дедули по имени Зейдок Аллен, которому девяносто шесть лет от роду, явно были не все дома, и еще он был известный на весь город пропойца. Это был чудаковатый, очень недоверчивый человек, который вечно оглядывался через плечо, точно боялся чего-то, и, когда бывал трезв, ничто не могло заставить его вступить в беседу с незнакомцем. Однако если предложить ему порцию его излюбленной отравы, он не устоял бы перед искушением; и, напившись, он был готов нашептать на ухо невольному слушателю свои самые сокровенные воспоминания, от которых просто волосы вставали дыбом. Впрочем, из него можно было выудить лишь крохи полезной информации, так как все его рассказы сводились к бредовым и очень уклончивым намекам на какие-то невероятные чудеса и ужасы, которые, скорее всего, существовали исключительно в его пьяных фантазиях. И хоть никто ему не верил, местные страшно не любили, когда он, напившись, пускался в беседы с приезжими; более того, если незнакомца замечали беседующим с ним, это могло иметь самые печальные последствия. Вероятнее всего, от этого забулдыги и пошли самые невероятные слухи и предрассудки, связанные с Инсмутом. Кое-кто из горожан-переселенцев время от времени заявлял, будто видел каких-то чудовищ, но чему ж тут удивляться, коли все были наслышаны про байки старого Зейдока и, как всем было известно, некоторые горожане действительно страдали от каких-то физических уродств. Никто из этих переселенцев не выходил из дому по ночам, ведь, как говорили втихомолку, очень неразумно появляться на улице в поздний час. К тому же ночью Инсмут всегда был погружен в крошечную тьму.

Что же до бизнеса, то изобилие рыбы в здешних водах, конечно, факт почти необъяснимый, но горожане все реже стали пользоваться этим благом к своей выгоде. К тому

же и цены сильно упали, и конкуренция выросла. По словам юноши, в городе остался единственный настоящий бизнес — аффинажный завод, чей главный офис располагался на площади всего в нескольких шагах к востоку от бакалейного магазина, где мы вели нашу беседу. Старик Марши никогда не показывался людям на глаза, но изредка видели, как он направляется на свой завод в автомобиле с плотно занавешенными окнами.

Ходило много разных слухов о нынешней внешности Марша. Некогда он слыл большим модником; и люди говорили, что он до сих пор щеголяет в роскошном сюртуке, скроенном по эдвардианской моде, но только теперь специально подогнанном под его деформированную фигуру. Один из его сыновей еще до недавней поры был управляющим в конторе на площади, но в последнее время он также стал редко появляться на людях, переложив основное бремя забот на более молодое поколение клана. Сыновья старика Марша и их сестры в последнее время стали выглядеть очень странно — особенно старшие, и поговаривали, что их здоровье сильно пошатнулось.

Одна из дочек Марша — женщина с отталкивающим лицом рептилии — любила обвешивать себя диковинными украшениями, изготовленными в той же самой дикарской традиции, в какой была сделана странная тиара. Мой собеседник видел эту тиару много раз и слышал, будто ее нашли в тайной сокровищнице, принадлежавшей то ли пиратам, то ли демонам. Здешние священники — или жрецы, или как их там называли — носили головные уборы вроде этой тиары. Но их мало кто встречал лично. Других украшений такого типа юноша не видел, хотя, если верить слухам, их в Инсмуте предостаточно у разных владельцев.

Марши, как и три других благородных семейства города — Уэйтсы, Гилманы и Элиоты, — были очень нелюдимы. Они проживали в огромных особняках на Вашингтон-стрит, и кое-кто из них, как говаривали, держал взаперти некоторых своих родичей, чья внешность не позволяла

выставлять их на всеобщее обозрение, но когда те умирали, их смерть всегда предавалась огласке и должным образом регистрировалась.

Предупредив, что таблички с названиями улиц во многих местах отсутствуют, юноша не считал за труд набросать для меня большую и достаточно подробную карту города, обозначив на ней основные достопримечательности. Бегло изучив карту, я убедился, что она послужит мне немалым подспорьем. Сложив ее и сунув в карман, я рассыпался в искренних благодарностях. Поскольку единственная попавшаяся мне на глаза закусочная не внушала доверия по причине своей крайней обшарпанности, я купил в бакалее изрядный запас сырных крекеров и имбирного печенья, чтобы потом ими пообедать. Мысленно я составил себе такую программу: обойти главные улицы, побеседовать по дороге со всеми недавно поселившимися в городе людьми и успеть на восьмичасовой автобус до Аркхема. Город, как я уже успел заметить, являл собой живописный и более чем убедительный образец всесторонней деградации; но, не имея интереса к социологии, я решил ограничиться изучением памятников архитектуры.

Итак, я отправился в поход по узким и сумрачным улицам Инсмута. Перейдя через мост и свернув на шум нижнего водопада, я миновал аффинажный завод Марша, откуда, к моему немалому удивлению, не доносилось типичных для промышленного предприятия звуков. Здание стояло на крутом утесе над рекой у моста, недалеко от площади, на которую выбегало несколько улиц, — я решил, что на этой площади некогда располагался городской центр, который после Революции переместился на нынешнюю Таун-сквер.

Еще раз перейдя реку уже по мосту на Мейн-стрит, я попал в район полнейшего запустения и невольно содрогнулся. Провалившиеся кровли двускатных крыш смотрелись неровным фантастическим силуэтом на фоне неба, над которым уродливо высился обезглавленный шпиль старинной церкви. Лишь некоторые из домов на Мейн-стрит

были заселены, большинство же наглухо забиты досками. Заглядывая в немощные переулки, я видел зияющие черные провалы окон в брошенных домишках, многие из которых покосились так сильно, что вот-вот грозили свернуться с просевших фундаментов. Эти призрачные окна походили на пустые глазницы рыбьих голов, и мне пришлось набраться смелости, чтобы все же свернуть на восток и направиться мимо них в портовую часть города. Ну и разумеется, мой ужас при виде заброшенных домов рос скорее в геометрической, чем арифметической прогрессии, ибо количество домов-призраков оказалось столь велико, что эта часть города выглядела полностью вымершей. Зрелище бесконечных рядов рыбьеглазых домов, олицетворявших запустение и смерть, как и общее впечатление от длинной вереницы черных мрачных жилищ, пребывающих во власти пауков, смутных воспоминаний и победительных червей, пробуждало похороненные в глубинах моей души страхи и антипатии, которые даже самые трезвые философские доводы не могли бы развеять.

Фиш-стрит оказалась такой же обезлюдевшей, как и Мейн, но, в отличие от последней, она вся была застроена еще вполне крепкими кирпичными и каменными складами. Уотер-стрит оказалась ее почти точной копией, если не считать пустырей вдоль береговой линии, где раньше стояли пирсы. Я не заметил ни единой живой души, кроме видневшихся вдалеке на волнорезе рыбаков, и не услышал ни единого звука, кроме мерного рокота прибоя в гавани да отдаленного шума водопадов на Мануксете. Город все больше и больше действовал мне на нервы, и на обратном пути, шагая через шаткий мост на Уотер-стрит, я то и дело украдкой оглядывался. Мост на Фиш-стрит, судя по карте, был полностью разрушен.

К северу от реки меня встретили признаки какой-никакой жизни: цеха по упаковке рыбы на Уотер-стрит, дымящие трубы и залатанные кровли домов, временами доносящиеся до моего слуха звуки непонятного происхождения

да темные фигуры, которые, шаркая, шатались по сумрачным улицам и немощным переулкам, — и все это произвело на меня куда более гнетущее впечатление, чем запустение южных кварталов. Сразу бросалось в глаза, что здешние обитатели отличались более пугающей и более уродливой внешностью, чем жители центральной части города, поэтому я несколько раз ловил себя на неприятных ощущениях и фантастических псевдовоспоминаниях, чему я не мог найти объяснения. Несомненно, признаки смещения с чужой кровью в обитателях прибрежной части Инсмута проявлялись куда сильнее, чем в удаленных от моря районах, — если только, конечно, «инсмутская внешность» была именно болезнью, а не наследственной чертой, и в таком случае здесь, наверное, встречались субъекты с признаками более поздней стадии заболевания.

Что особенно докучало мне, так это странные приглушенные звуки, которые я время от времени слышал. По логике вещей, они должны были бы доноситься из обитаемых домов, но на самом деле звучали громче всего как раз из заброшенных зданий с наглухо заколоченными фасадами. Я слышал то скрип, то топот, то какой-то невнятный хрип и с содроганием подумал о бесчисленных подземных туннелях, о которых мне поведал юноша-бакалейщик. А потом я подумал, какие же голоса у таинственных обитателей здешних мест. Ведь я еще ни разу не слышал их речь, но почему-то не имел ни малейшего желания ее услышать.

Остановившись ненадолго, чтобы полюбоваться двумя симпатичными, но разрушенными старыми церквями на Мейн- и Чёрч-стрит, я поспешил покинуть отвратительные припортовые грущобы. Следующим пунктом моей пешей программы была площадь Нью-Чёрч-Грин, но почему-то я никак не мог заставить себя вновь вернуться к церкви, в дверном проеме которой я заметил так сильно напугавшую меня фигуру священника — или жреца — в диковинной диадеме. Кроме того, я помнил предупреждение юноши-

бакалейщика о том, что приедем лучше не приближаться к городским церквам и к храму ордена Дагона.

Соответственно, я двинулся по Мейн-стрит в северном направлении, к Мартин-стрит, затем повернул в сторону от моря, благополучно пересек Федерал-стрит, оставив позади Нью-Чёрч-Грин, и вошел в ветшающий мирок городской аристократии на Брод-, Вашингтон-, Лафайет- и Адамс-стрит. Хотя эти обсаженные вязами старые улицы были плохо вымощены и имели неряшливый вид, они еще не совсем утратили былое величие. Здесь каждый особняк привлекал мой взор, причем многие из них обветшали и стояли заколоченные посреди заброшенных дворов, но один-два на каждой улице подавал признаки жизни. На Вашингтон-стрит я заметил четыре или пять недавно отремонтированных особняков посреди ухоженных лужаек и садов. Самый роскошный из них — с широкими цветниками, которые террасами тянулись до самой Лафайет-стрит, — как я догадался, принадлежал хозяину аффинажного завода старому Маршу, страдающему неведомым недугом.

На улицах не было ни единого живого существа, и я невольно пораился полному отсутствию в Инсмуте кошек и собак. Еще меня озадачило и встревожило то, что даже в лучше всего сохранившихся особняках все окна в третьих этажах и на чердаках были плотно закрыты ставнями. Похоже, мгла скрытности и нелюдимости и впрямь лежала на этом безмолвном городе таинственных существ и загадочных смертей, и я не мог избавиться от ощущения, что на меня постоянно и отовсюду тайком таращатся выпученные немигающие глаза.

Услышав три удара надтреснутого колокола откуда-то слева, я невольно вздрогнул, потому что все никак не мог забыть приземистую церковь, с чьей колокольни донеслись эти удары. Идя по Вашингтон-стрит к реке, я оказался в очередном бывшем центре городской торговли и производства и заметил впереди руины фабричных зданий,

а еще дальше, по правую руку, останки старого вокзала и крытого железнодорожного моста через реку.

Я вышел к безымянному мосту, снабженному предупреждающей табличкой «Опасно», но все же рискнул ступить на него и возвратился на южный берег реки, где вновь увидел приметы городской жизни. Безмолвные фигуры двигались шаркающей походкой и бросали в мою сторону загадочные взгляды; но здесь уже было больше людей с нормальными чертами лица, которые разглядывали меня с холодным любопытством. Инсмут быстро мне надоел, и, свернув на Пейн-стрит, я двинулся к главной городской площади в надежде поймать там хоть какой-то транспорт до Аркхема вместо того, чтобы еще несколько часов дожидаться того зловещего автобуса.

И тут слева я увидел обвалившуюся пожарную каланчу, а потом заметил одетого в жалкие лохмотья старика с красным лицом, заросшим кустистой бородой, и слезящимися глазами, который сидел на скамейке перед пожарной частью и беседовал с двумя неопрятно одетыми, но нормальными с виду пожарниками. Это, разумеется, был не кто иной, как Зейдок Аллен, полоумный старый пьянчуга, чьи байки о старом Инсмуте, объятom мглой мрачных тайн, были столь же пугающими, сколь и неправдоподобными.

III

Должно быть, некий дух противоречия — или какой-то сардонический импульс, возникший по велению неведомых темных сил, — вынудил меня изменить свои планы. А ведь я заранее твердо решил ограничить свои наблюдения местной архитектурой и поспешил на площадь в надежде поймать там попутный транспорт и покинуть этот проклятый город смерти и разрухи, но при виде старика Зейдока Аллена в моем мозгу возникли новые мысли, заставившие меня задержаться здесь с неясной пока целью.

Как заверил меня бакалейщик, этот старик только и мог, что бессвязно пересказывать фантастические и бредовые легенды, и он же предупредил, что местным жителям очень не нравилось, когда приезжие вступали в разговоры со стариком. Но все же искушение пообщаться с этим древним очевидцем медленного упадка города, который помнил славную пору мореплавания и расцвета фабричного производства, не могли перебороть самые рациональные доводы. В конце концов, все диковинные и безумные мифы частенько являются лишь символами или аллегориями, основанными на правдивых событиях. А старый Зейдок наверняка самолично видел все, что происходило в Инсмуте в последние девяносто лет. Тут во мне разыгралось любопытство, затмившее и здравый смысл, и чувство осторожности, и, поддавшись самолюбивому азарту, я вообразил, что сумею отделить факты реальных событий от кучи несусветных небылиц, которые я надеялся выудить из него с помощью виски.

Я понимал, что не смогу сразу же заговорить с ним, ибо его собеседникам-пожарным это, конечно же, не понравится. Вместо того я решил заранее приобрести бутылочку контрабандного виски в лавке, где, по словам юноши-бакалейщика, этого добра было всегда вдоволь. Потом я вернусь к пожарной части и словно от нечего делать буду там прохаживаться и как бы случайно разговаривать с Зейдоком, когда он по своему обыкновению пустится в блуждания по городу. Юноша предупредил меня, что старик очень непоседлив и редко когда проводит около пожарной части больше двух часов.

Я без труда, хотя и не задешево, добыл кварту виски в захудалом универмаге рядом с главной площадью на Элиот-стрит. Меня обслуживал чумазый продавец, чьи выпученные глаза отчасти придавали ему черты «инсмутской внешности», но при всем том он был по-своему общителен, вероятно привыкнув иметь дело с такими словоохотливыми субъектами, как водители грузовиков, скупщики

золота и им подобные, которые оказывались в городе по делам.

Снова вернувшись на площадь, я убедился, что мне везет: из-за угла «Гилман-хауса», со стороны Пейн-стрит, появилась высокая тощая фигура, которая, еле передвигая ногами, ковыляла мне навстречу. Это был Зейдок Аллен собственной персоной. В согласии со своим планом, я привлек его внимание, демонстративно помахав только что купленной бутылкой. Заметив, что он с несчастным видом побрел за мной, я свернул на Уэйт-стрит, направившись в самое безлюдное место города, какое только мог бы найти. Я сверялся с картой, начерченной юным управляющим бакалейного магазина, и уверенно шел к совершенно безлюдному пустырю в южной части набережной, где я успел ранее побывать. Единственно, кого можно было там заметить, так это редких рыбаков на дальней оконечности волнореза. И, пройдя несколько кварталов к югу, можно было и вовсе скрыться из их поля зрения, присесть возле какого-нибудь заброшенного пирса и спокойно беседовать со старым Зейдоком сколько заблагорассудится. Но не успел я дойти до Мейн-стрит, как за моей спиной раздался еле слышный жалобный возглас: «Эй, мистер!» — после чего я позволил старику нагнать меня и сделать несколько жадных глотков из бутылки.

Пока мы пробирались мимо причудливых руин посреди всеобщего запустения, я начал было задавать Зейдоку наводящие вопросы, но вскоре сообразил, что его старый язык развязать было не так легко, как мне бы того хотелось. Наконец я заметил среди останков кирпичных стен пустырь с видом на воду, от которого в море уходил заросший травой земляной пирс, обложенный камнями. Мшистые валуны около воды обещали послужить удобными сидячими местами, а сам пустырь надежно укрывался от посторонних глаз развалинами склада. Найдя наконец идеальную площадку для нашей тайной беседы, я повел туда своего спутника и сразу заметил подходящее местечко

среди камней. Все здесь было объято призрачным духом опустошения и смерти, а отвратительный запах рыбы был почти невыносимым, но я твердо решил ничем не отвлекаться от беседы.

На разговор со стариком у меня оставалось около четырех часов, чтобы успеть на восьмичасовой автобус до Аркхема, и посему я сразу разрешил старому пьянчуге залить в себя щедрую порцию спиртного, пока сам уплетал свой скромный обед всухомятку. Я тщательно отмерял свои подношения, опасаясь переборщить, ибо мне совсем не хотелось, чтобы пьяная болтовня Зейдока внезапно сменилась полным беспамятством. Спустя час его настороженность и неразговорчивость начали улетучиваться, но, к моему великому разочарованию, он упрямо уходил от ответов на все мои вопросы об Инсмуте и его покрытом мглой тайны прошлом. Он бубнил о совсем недавних событиях, выказывая немалую осведомленность о газетных публикациях и сильную склонность к философствованию в высокопарном деревенском стиле.

К концу второго часа я уже боялся, что моей кварты виски не хватит, чтобы извлечь из нашего общения сколь-нибудь значимые результаты, и подумал даже о том, чтобы оставить Зейдока одного и сбежать за добавкой. И вдруг, как ни странно, случайный повод вызвал его на откровенность, какой мне не удалось от него добиться всеми моими наводящими вопросами; в очередном раунде пьяного словоблудия вдруг выплыла весьма интересная тема, и я наострил уши, наклонившись к старику поближе. Я сидел спиной к воняющему рыбой морю, а он смотрел прямо на воду, как вдруг что-то заставило его блуждающий взгляд остановиться на далеком силуэте Дьяволова рифа, четко и почти маняще видневшегося над волнами. Это зрелище, похоже, ему не понравилось, ибо он пустился изрыгать тихие проклятья, а под конец перешел на доверительный шепот, сопровождая его многозначительным подмигивани-

ем. Он приник ко мне, ухватил за лацкан сюртука и вполне членораздельно просипел:

— Вона откуда все и пошло — от этого проклятого рифа, где вся эта мерзость обитает, где начинается глубокая вода. Вот где настоящие врата ада — там крутой обрыв подводный до самого глубокого дна, и его глубину ни одним лотом не измерить. Это все учудил старый кэп Оубед — это он нашел на островах Южных морей то, что сослужило ему недобрую службу... В те времена у всех тут дела шли из рук вон... Торговля хирела, фабрики терпели убытки — даже новые, — и лучшие из наших людей полегли на полях войны восемьсот двенадцатого года или потонули вместе с бригам «Элизи» и шхуной «Рейнджер»... Оба корабля принадлежали Гилману. У Оубеда Марша было три корабля на ходу — бригантина «Колумб», бриг «Хефти» да барка «Суматра Куин». Сначала только он и вел торговлю в Восточной Индии и на Тихом океане, а это уж потом, токмо в двадцать восьмом году, шхуна «Малай Бридж» Эздраса Мартина сошла на воду.

Не было у нас морехода лучше, чем старый кэп Оубед... Вот уж сатанинское отродье, прости господи! Хе-хе... Я своими ушами слышал его рассказы о заморских землях... И как он всех в городе клял и называл дураками — за то, что они ходят на христианские богослужения да несут свое бремя смиренно и безгласно... Говорит, им бы поклоняться другим богам, тем, кто пощеднее, — вроде тех, кого чтят в Индии, — эти боги приносят богатый улов рыбы в обмен на жертвоприношения... и воистину слышат вознесенные к ним молитвы...

Мэтт Элиот, его первый помощник, тоже много чего рассказывал, да токмо он был супротив того, чтобы люди поклонялись язычным богам... Рассказывал про один остров к востоку от Отахайтэ¹, где много каменных развалин, которые стояли там с незапамятных времен... такие же вро-

¹ Старое европейское название острова Таити

де них камни стоят на острове Понапе, в Каролинском архипелаге, но токмо там лица каменные вырезаны, что видом схожи с большими статуями острова Пасхи. Есть там рядом крохотный вулканический островок, где стоят каменные обломки с резьбой, да токмо обломки эти сильно истерлись, точно их долго помотало по морскому дну, и вся их поверхность сплошь в картинках безобразных чудищ...

Да, сэр... А вот Мэтт, тот говорил, что тамошние туземцы добывают рыбы стоко, скоко могут выловить, и носят браслеты на предплечьях и запястьях, а на голове диадемы вроде как из золота и все покрытые картинками чудищ, точно таких же, какие вырезаны на обломках камней на том маленьком островке, — а на картинках вроде как рыбоподобные жабы или жабоподобные рыбы, нарисованные в разных позах, словно люди. Никто не мог попытаться у них, откуда все это взялось, и даже туземцы с других островов понять не могли, как это они около того островка умудряются вылавливать так много рыбы, когда у соседних островов никакого лова нет вовсе. Мэтт крепко об этом задумался, и старый кэп Оубед тоже. Оубед, кстати, заметил, что с того островка из года в год исчезает безвозвратно много красивых юношей и что там почти не видать стариков. И еще он говорил, что кое-кто из тамошних туземцев выглядит уж больно странно, даже на канаков не похожи.

А Оубед, тот прознал-таки правду про энтих язычных. Уж не знаю, как ему удалось, но начал он скупать у них золотые украшения, которые они носили. Он все допытывался у них, откуда, мол, эти вещи и могут ли они еще достать, и наконец вызнал историю у старого вождя — Уалаки его прозывали. Ни один живой человек, окромя Оубеда, не поверил бы старому желтому дьяволу, но кэп мог читать людей, будто книги... Хе-хе... Никто мне не верит теперича, когда я им говорю, да и вы вряд ли поверите, молодой человек, — хотя дайте-ка погляжу на вас... Да, у вас такие же острые глаза для чтения людей, точь-в-точь как у старого Оубеда...

Шепот старика стал едва слышным, а у меня мороз по коже пробежал от этого потока пугающих, но притом явно искренних излияний, хотя я понимал, что его рассказ — не более чем пьяная фантазия.

— Да, сэр... Оубед, тот знал, что есть на земле много чего такого, о чем простые люди даже не слыхивали и чему не поверили бы, если бы им довелось услышать. Вроде как эти канаки приносили в жертву своих юношей и девиц каким-то божествам — тварям, что жили в морской пучине, а взамен получали от них много каких благодеяний. Моряки встречали этих тварей на том маленьком острове с каменными обломками и вроде как те страшные картинки жаборыб изображали тех самых тварей. А можа, это были как раз те твари, про которых потом пошли легенды о русалках и прочей нечисти.

У них там на морском дне выстроены всякие разные города, и тот островок поднялся как раз со дна. И вроде как кое-кто из энтых подводных тварей еще оставался в своих каменных жилищах, когда островок вдруг выпрыгнул из пучины на поверхность. Вот так канаки и прознали, что они там на дне обитают. А как токмо у них первый страх прошел, они стали с ними беседовать знаками и жестами, да и по-быстрому уговор заключили.

Энтим тварям понравились человечьи жертвоприношения. Давным-давно они людей сами утаскивали на дно, а потом потеряли связь с верхним миром. А что они с жертвами делали, я не скажу, токмо надо думать, что Оубед не стал у них допытываться. Но язычные и сами помалкивали, потому как им и так туго жилось и они сильно переживали из-за этого дела. Они отдавали морским тварям определенное число молодых два раза в год — в канун первой Майской ночи¹ и в Хеллоуин — всегда токмо в эти дни. А еще отдавали им резные безделушки, которые сами де-

¹ Имеется в виду Вальпургиева ночь (с 30 апреля на 1 мая) — шабаш ведьм и языческий праздник изгнания ведьм

дали. Взамен твари согласились давать им рыбу... много рыбы... которую они сгоняли к островку со всего моря, — и кое-какие золотые вещицы приносили им изредка, нечасто...

Да... Вот я и говорю, что туземцы встречали тварей на маленьком вулканическом островке, куда приплывали на каноэ с жертвоприношениями, а назад привозили золотые украшения, какие твари им отдавали взамен. Поначалу эта торговля не перемещалась на главный остров, но потом время прошло, и твари захотели туда попасть. Вроде как, пообщавшись с людьми, позарились проводить на главном острове церемонии жертвоприношений — в Майскую ночь и на Хеллоуин. Понимаешь ты, мил-человек, они могли жить и в воде, и на суше, — ну как энти... анфибии. Канаки им сказали, что люди с других островов могут их выгнать оттуда, если прознают, что они там появились, но те ответили, что им, мол, наплевать, потому как они могут стереть с лица земли весь род человеческий, ежели захотят, и используют тайные знаки, как это проделали когда-то сгинувшие Старцы, уж не знаю, кто они были. Но твари не хотели поднимать заваруху и потому прятались, когда кто-то чужой приезжал на остров.

А как дело дошло до спаривания с жабоподобными рыбами, канаки вроде как попервоначально заупрямились, но потом узнали что-то такое, отчего по-иному на энто дело взглянули. И вроде как наладили родственные отношения с морскими чудищами — и у них теперь все живое, что на острове обитает, выходит из воды, а чтоб потом обратно вернуться в море, нужно, чтоб какие-то там у них в теле изменения случились. Твари сказали канакам, что от их кровосмешения родятся дети, которые поначалу будут выглядеть совсем как люди, а со временем все больше будут похожи на энтих тварей, и в конце концов опять вернуться в воду и присоединятся к остальному ихнему населению в морской пучине. И что самое главное, мил-человек, те, кто обратятся в рыбоподобных тварей и уйдут жить в воду, уже нико-

гда не помрут. И энти твари никогда не помирают, разве что погибают в сражениях.

Да, сэр... Вроде как к тому времени, как Оубед встретил островитян, в их жилах уже давно текла рыба кровь тех тварей из морской пучины. А с возрастом энти черты в них сильно проявлялись. Их держали взаперти, пока они не чувствовали, что готовы вернуться в море и покинуть остров навсегда. Кто-то был больше прочих к энтому готов, а кто-то так и не изменился настоко, чтобы жить в воде. Но большинство изменялись так, как и говорили твари. Те, кто рождался уже похожим на тварей, потом с каждым годом быстро менялись, но те, кто больше похож был на людей, менялись медленнее и доживали на острове до семидесяти, а то и дольше. Правда, они временами ныряли поглубже, чтобы проверить, смогут ли жить под водой. Те, кто переселился под воду, обычно возвращаются навестить родню, так что часто бывает, что человек разговаривает со своим живым прапрапрапрадедом, который покинул сушу лет двести тому или более...

Все уж там свыклись с тем, что никто не умирает, — ну, кроме тех, кто гибнет в морских стычках с другими островитянами, или приносится в жертву морским божествам, живущим в пучине, или умирает от змеиных укусов или от скоротечных болезней, пока они еще не стали жить в воде, а дожидаются, когда же начнет изменяться их внешность, что, в общем-то, оказалось не так уж и страшно. Думали-думали они и додумались, что получили взамен того, от чего отказались, очень даже выгодное приобретение — и я думаю, что Оубед и сам пришел к такому же выводу, когда он малость поразмыслил над историей старого Уалаки. А Уалаки, тот один из немногих, в ком нету ни капли рыбьей крови, — он был из королевского клана, и все они женились на других представителях королевских кланов с других островов.

Уалаки, тот научил Оубеда многим обрядам и песнопениям, чтобы завлечь морских тварей, и водил его к ста-

рикам в деревне, которые с возрастом сильно изменились и внешне перестали быть похожими на людей. Но Улаки, уж не знаю почему, никогда не позволял Оубеду увидеть хоть одним глазком настоящую тварь со дна моря. А в конце он дал ему странную штуковину, сделанную то ли из олова, то ли из какого другого металла, с помощью которой, как он сказал, можно вызвать тварей в любом месте моря, где у них под водой есть обиталище. Надо токмо сбросить ее в воду и сказать правильную молитву. Улаки сказал, что энти твари живут повсюду на нашей земле, так что, ежели поискать хорошенько, всякий может найти их обиталище на дне морском и вызвать оттуда наружу — было бы желание.

А Мэтту, тому все это совсем не понравилось, и он настаивал, чтобы Оубед держался от острова подальше, но кэп был алчный до денег. И смекнул, что сможет скупать у туземцев те золотые вещицы задешево и хорошо на этом нажиться. Так продолжалось много лет, и Оубед скопил достаточное количество золота, чтобы открыть большую плавильню в заброшенном здании сукновальной фабрики Уэйта. Он не хотел перепродавать эти штуковины в их обычном виде, потому как люди начали бы задавать ему вопросы, откуда, мол... Но все ж таки членам его команды дозволялось время от времени брать себе по вещичке и втихаря загонять их из-под полы в разных местах, хотя с них брали клятву, что они будут держать язык за зубами, а еще кэп позволял носить кое-какие из энтих золотых вещей женщинам из своего клана, которые больше прочих людей.

Да, ну, году в тридцать восьмом — а мне об ту пору было семь годков — Оубед обнаружил, что с того острова всех жителей как ветром сдуло, как раз между двумя его плаваниями. Похоже, на соседних островах прознали, что там что-то неладное творится, и взялись сами исправить положение. Надо думать, они имели при себе все старые магические символы, потому как морские твари говорят, это

единственное, чего они боялись. Иначе у тех канаков не было бы шансов уцелеть, ежели со дна морского выскочит остров с каменными изваяниями еще с допотопных времен. Бог его знает, они не оставили камня на камне ни на главном острове, ни на маленьком вулканическом островке, кроме тех каменных столбов, что были слишком большими, чтобы их свалить. Кое-где повсюду были разбросаны маленькие камушки — точно амулеты — с диковинными знаками на поверхности, вроде тех, что сегодня называют свастикой. Может, это и были магические символы Старцев. Да, всех людей с острова как ветром сдуло, и золотые слитки исчезли без следа, а канаки с соседних островов как воды в рот набрали — ничего не рассказывали, что же там произошло. Даже божились, что, мол, никаких людей на этом островке отродясь и не было.

Все это, понятное дело, отразилось на Оубеде, потому как его торговля быстро захирела. Отразилось это и на Инсмуте, потому как в пору активного судоходства от выгоды, которая доставалась хозяину корабля, соответственно, перепало и команде. Большинство жителей Инсмута к свалившимся на них тяготам отнеслись смиренно и опустили руки, а тяготы были оттого, что рыболовство заглохло, а городские фабрики встали без работы.

Вот тогда-то кэп Оубед и начал ругать людей за то, что они ведут себя как покорные овцы и молятся христианскому Богу, который им совсем не помогает. И он рассказал всем, что встречал людей, поклонявшихся богам, которые давали им то, в чем они нуждались, и еще сказал, что ежели команда крепких мужчин согласится его поддержать, он, может быть, сумеет убедить какие-то высшие силы дать им обильные косяки рыбы да золотишка побольше. Ясное дело, те, кто служил у него на «Суматра Куин» и видел тот остров, сразу скумекали, что это значит, да не больно-то им хотелось иметь дело с морскими тварями, о которых они были наслышаны, но те, кто не понимал, что это значит, встали на сторону Оубеда и начали спрашивать его,

что он может сделать, чтобы направить их на путь новой веры, которая быстро принесет плоды...

Тут старик запнулся, что-то пробормотал и, впав в печальную задумчивость, умолк: его точно что-то испугало. Он нервно оглянулся через плечо и потом стал глядеть как зачарованный на темнеющий вдали риф. Когда я заговорил с ним, он не ответил, и я понял, что расшевелить его сможет только очередная порция виски. Безумный рассказ, который я только что выслушал, заинтересовал меня безмерно, ибо я подумал, что в нем скрыта некая аллегория, в которой реальные факты странной истории Инсмута смешались с дикими выдумками изошренного ума и фрагментами туземных легенд. Я ни на секунду не поверил, что эта сказка имела под собой сколько-нибудь достоверную основу, и тем не менее рассказ старика заставил меня невольно испытать подлинный ужас, хотя бы потому, что в нем упоминались диковинные украшения вроде той злосчастной тиары, которую я видел в Ньюберипорте. Возможно, орнаменты, покрывающие ту тиару, были созданы на некоем неведомом острове, и вполне возможно, что все фантастические истории про клад выдумал не этот дряхлый пьянчужка, а сам старик Оубед.

Я отдал Зейдоку бутылку, и он осушил ее до дна. Я порадовался, как это в него влезает так много виски, притом что его высокий, дребезжащий голос даже ничуть не осип, как это обычно бывает с захмелевшими. Он облизал горлышко и сунул бутылку в карман, после чего начал кивать и бубнить что-то себе под нос. Я наклонился, чтобы слышать хотя бы отдельные слова, и мне показалось, что я различил сардоническую ухмылку сквозь густые заросли седых усов. Да, он и впрямь продолжал свой рассказ, и я разобрал почти все, что он шептал.

— Бедняга Мэтт... Мэтт всегда был супротив энтото... Все пытался перетянуть людей на свою сторону и имел долгие беседы в разных приходах с проповедниками в конгрегационных церквях, да токмо без толку... А методист-

ский пастор исчез, и никто больше не видел Твердолобого Бэбкока, баптистского проповедника... излился гнев Иеговы... Я в ту пору еще был совсем малец... Но я слышал своими ушами то, что слышал, и видел своими глазами то, что видел, — Дагон и Аштортет — Велиал и Вельзевул — Златой телец и идола ханаанские и филистимляньские — мерзости вавилонские... Мене, мене, текел, упарсин...

Он вновь умолк и, глядя в его слезящиеся голубые глаза, я испугался, что он вот-вот впадет в пьяное бесчувствие. Но стоило мне слегка потрепать его по плечу, как он на удивление живо отреагировал и, резко оборотившись ко мне, выпалил еще несколько туманных сентенций:

— Не веришь мне, что ли? Хе-хе-хе... Тогда скажи мне, мил-человек, почему кэп Оубед и еще два десятка других молодцов имели привычку плавать к Дьяволоу рифу в кромешной ночи и распевать там молитвы, да так громко, что, когда ветер дул с моря, весь город слышал каждое их слово. Что скажешь, а? И скажи-ка мне, почему Оубед всегда бросал какие-то тяжелые предметы в воду по ту сторону рифа, где сразу начинается глубина и где дна не достать, скоко ни опускай туда лот. И скажи мне, что он сделал с той свинцовой штуковиной странной формы, которую ему дал Уалаки? А, мил-человек? И что они все воют хором на Майскую ночь, а потом в Хеллоуин? И почему новые церковные проповедники — из его бывших моряков — носят эти чудные рясы и надевают на голову эти золотые штуковины, которые Оубед привез из плаваний? А?

Слезящиеся голубые глаза теперь глядели почти дико и маниакально, и грязная седая борода топорщилась, точно наэлектризованная. Старый Зейдок, возможно, заметил, как я невольно отпрянул, потому что он вдруг мерзко захихикал:

— Хе-хе-хе-хе! Ну что, начинаешь прозревать? А мож, хочешь узнать про те дни, когда я по ночам видел кое-что в море с крыши моего дома? Доложу я тебе, у маленьких детишек ох какие большие уши! И я не пропускал мимо

ушей ни одну из сплетен о старом кэпе Оубеде и людях, кто плавал на риф! Хе-хе-хе... А как насчет той ночи, когда я взял папашину подзорную трубу, забрался на крышу и стал смотреть на риф и увидел, что весь риф кишмя кишит тварями, которые, как токмо луна взошла, сразу попрыгали в воду?

Оубед со своими людьми плыл в ялике, а эти твари прыгали в воду с дальней стороны рифа прямо в глубину и больше не появлялись...

Ну что, можешь представить себе мальчонку, который забрался на крышу и наблюдает в подзорную трубу за тварями, совсем не похожими на людей? Хе-хе-хе-хи-хи...

Старик зашелся истерическим хохотом, и я съежился от охватившей меня непонятной тревоги. Тут он вцепился костистыми пальцами в мое плечо, и мне показалось, что его рука трясется вовсе не от смеха.

— А представь: однажды ночью мальчонка видит, как за рифом с ялика Оубеда сбросили что-то тяжелое, а на следующий день выясняется, что в городе пропал парнишка. Эй? Никто не видел Хирама Гилмана? Нет? Ни пуговицы с рубашки, ни волоса с головы? Нет? А Ник Пирс куда делся? И Луэлл Уэйт? А куда пропал Адонирам Саутвик? А Генри Гаррисон? А? Хе-хе-хе... Твари говорят друг с дружкой языком жестов, размахивая руками... ну, тем, что им заменяет руки...

Да, сэр, вот тогда-то у старого кэпа Оубеда дела снова пошли в гору. И люди заметили, что его три дочери стали носить золотые украшения, каких никто на них раньше не видел, а потом — ба! Из трубы над плавильней опять дым пошел! Ну и другим тоже удача подвалила... рыба начала косяками заходить в наши воды, токмо успевай сети вытаскивать, и бог знает скоко рыбных грузов мы начали отправлять в Ньюберипорт, в Аркхем и даже в Бостон. Вот тогда-то Оубед провел сюда ветку от старой железной дороги. А потом рыбаки из Кингспорта прослышали про наши несусветные уловы и кинулись сюда толпами, да токмо

все они куда-то пропали. Никто их никогда больше не видел. Вот тогда-то у нас и учредили «Эзотерический орден Дагона» и выкупили у масонов здание их храма. Хе-хе-хе... Мэтт Элиот был масоном и противился продаже храма, да и он как раз в то самое время сгинул бесследно.

Вы имейте в виду: я же не утверждаю, что Оубед намеревался все тут у нас устроить так, как было заведено у канаков на том острове. Вряд ли он поначалу думал о кровосмешении или о подготовке детишек к будущей жизни под водой и об их превращении в рыб для вечной жизни. Он токмо и хотел занять побольше золотых вещей и готов был платить за это хорошую цену, и я так думаю, что все были всем довольны первое время.

А в сорок шестом году горожане посмотрели вокруг да призадумались. Уж больно много народу исчезает — больно много безумных проповедей на воскресных службах, больно много сплетен о рифе. Я так думаю, в том отчасти есть и моя вина. Ведь это я рассказал члену городского совета Маури о том, что видел тогда в подзорную трубу с крыши, все как было. И вот как-то ночью целая депутация отправилась на ялике следом за Оубедом и его людьми к рифу. И я слышал, что между ними завязалась перестрелка в море. А наутро Оубед и тридцать два его молодца оказались в городской тюрьме, и все начали гадать, как оно теперь обернется и какое обвинение им могут предъявить. Господи, кабы можно было заглянуть в будущее... И вот спустя пару недель... а все это время в воду за рифом ничего не бросали...

Зейдок осекся, всем своим видом демонстрируя страх и усталость, и я позволил ему помолчать немного, а сам то и дело нервно поглядывал на часы. Настала пора прилива, и шум набегающих волн словно придавал старику сил. И я был рад приливу, потому что во время прилива мерзкий запах рыбы немного рассеялся. Я снова напряг слух, чтобы не пропустить ни единого слова.

— В ту ужасную ночь... я их видел. Я забрался в башенку на крыше... стаи тварей... тучи... Они усеяли весь риф и пересекали бухту, чтобы заплыть в Мануксет... Боже, что творилось в ту ночь на улицах Инсмута... Кто-то постучался в нашу дверь, но папаша не открыл... А потом он вылез из окна кухни со своим мушкетом и пошел искать мистера Маури, хотел узнать, какая от него помощь требуется... По улицам лежали горы трупов и умирающих... слышались выстрелы и вопли... Люди кричали на Олд-сквер, и на Таун-сквер, и на Нью-Чёрч-Грин — ворота тюрьмы взломали — кто-то орал «свобода!», а кто-то «измена!»... А потом списали все на эпидемию, когда приехали люди из соседних городов и обнаружили, что половина жителей Инсмута исчезла... Никого в живых не осталось, кроме тех, кто сошелся с Оубедом и энтими тварями или же сидел тихо. А папашу своего я с той ночи больше не видал...

Старик задыхался, по его лбу ручьями тек пот. Но его костистые пальцы еще крепче впивались в мое плечо.

— А к утру все прибрали... да не до конца, следы побоища остались... Оубед, тот вроде как взял на себя власть и сказал, что отныне в городе все переменится... Все горожане должны молиться с ними на общих собраниях, а дома должны будут принимать гостей... Энтих тварей, значит, для кровосмешения... которые захотели с нами проделывать то, что раньше проделывали с канаками, и он не собирался им в этом мешать. Он совсем сбрендил, Оубед, просто свихнулся на энттой теме. Он сказал: они дадут нам рыбу и сокровища, и им надо взамен давать то, чего им надобно...

Если кто к нам со стороны приедет, говорит, пусть видят, что в городе все идет по-прежнему, ничего не изменилось, а мы не должны заводить разговоров с приезжими, если желаем себе добра... Все мы должны были дать клятву Дагону, а опосля кое-кто из нас дал и вторую, и третью клятву. А те, кто особенно себя проявил, получали особенную награду — золотишко и всякие сокровища. Смысла артачиться не было, потому как энтих тварей на дне морском

были миллионы! Сами они не хотели устраивать облавы на людей или уничтожать род человеческий, но ежели бы их вынудили к тому, они могли много бед принести на землю... У нас не было старинных амулетов, чтобы отвадить их, как энто делали туземцы Южных морей, а канаки ни за что бы не раскрыли нам своих тайн.

Им и жертвы приносили вдосталь, и дикарские побрякушки бросали в воду, и пускали их на постой в дома, когда им того хотелось, и они нас не тревожили. И никто не боялся, что приезжие разнесут о нас всякие слухи — ну само собой, ежели они не станут совать свой нос куда не надо... И все вступили в конгрегацию праведных — орден Дагона — чьи дети никогда не будут умирать, а вернуться к Матери Гидре и Отцу Дагону, от которых все мы происходим... Йа! Йа! Ктулху фтагн! Ф'нглуи мглу'наф Ктулху Р'льех вгах-нагл фтага...

Старый Зейдок уже нес совершеннейший бред, и я затаил дыхание. Бедняга! В какие же ужасные бездны галлюцинаций низвергся сей плодovitый творческий ум под воздействием алкоголя, одиночества, окружающего запустения и уродства! Он застонал, и слезы заструились по его морщинистым щекам, теряясь в космах седой бороды.

— Боже, с тех пор, как мне сравнялось пятнадцать, чего я только не видел... Мене, мене, текел, упарсин! Люди исчезали, кончали с собой... А тех, кто рассказывал про Инсмут в Аркхеме или в Ипсвиче и в других городах, называли безумцами, вот как ты, мил-человек, называешь меня сейчас... Но боже ты мой, что я видел... Меня бы давным-давно убили за мою болтовню... да токмо я дал и первую, и вторую клятву Дагону самому Оубеду, и потому я нахожусь под его защитой, да токмо покудова их жюри не докажет, что я болтаю осознанно и намеренно. А вот третью клятву я не дам... Я лучше умру, чем сделаю это...

Это случилось как раз в Гражданскую войну, когда дети, рожденные в сорок шестом, выросли — ну то есть те, что выжили. Я боялся... И никогда больше не подглядывал за

тварями после той страшной ночи и ни разу, за всю свою жизнь, не видел их вблизи. Ну, то есть живьем... Я пошел на войну, и коли бы мне хватило ума да отваги, я бы сюда не вернулся, а осел бы где-нибудь подальше от этого проклятого места. Но соседи писали мне в письмах, что в Инсмуте дела не так уж и плохи. А все потому, я так думаю, что в шестьдесят третьем в городе разместился правительственный призывной пункт. И после войны опять все стало плохо. Население пошло на убыль — фабрики да магазины закрывались — судоходству пришел конец, гавань зачахла — и железная дорога тоже — а они... они не переставали приплывать к нам с Дьяволова рифа и плескаться в реке — и все больше чердачных окон в домах забивали досками... и все больше слышалось криков из домов, в которых вроде как никаких жильцов не было...

В соседних городах люди болтают о нас всякие байки — я так думаю, ты сам их слыхал немало, судя по твоим вопросам... И о том, как кто-то тут когда-то видел уродов, и о том неведомом золоте, которое до сих пор откуда-то все появляется и появляется, да не все из этих вещей переплавляют в слитки... Но тут ничего точно сказать нельзя. Никто ничему не верит. Считается, что золотые побрякушки были пиратской добычей, считается, что в жителях Инсмута то ли чужая кровь течет, то ли неведомая болезнь сидит, то ли еще что. Да еще здешние жители отваживают всех приезжих, а кого не могут отвадить, тем советуют не слишком любопытничать, особенно по ночам. Животные пугались тварей — особенно нервничали лошади и мулы, — но как токмо лошадей заменили автомобили, в городе вроде стало поспокойнее.

В сорок шестом кэп Оубед во второй раз женился, да токмо его жену никто в городе никогда не видал, — говорят, он не хотел жениться, да пришлось, когда *они* его заставили... От нее у него трое детей было, двое пропали еще в детстве, а дочка, говорят, выглядела как все и образование получила в Европах. Оубед в конце концов исхитрил-

ся выдать ее замуж за аркхемского парня, который ничего такого не подозревал. Вот теперь никто из соседних городов не хочет знаться с инсмутцами. Барнабус Марш — он сейчас ведет дела на заводе, — внук Оубеда от первой жены, сын Онисифора, старшего сына кэпа, а его мать была из таких, кого никогда не выпускали из дому.

Сейчас Барнабус совсем изменился. Глаза у него больше не закрываются, и сам весь стал какой-то скрюченный. Говорят, он еще носит человеческую одежду, но скоро уплывет в море. А может, он уже и попробовал это сделать, — иногда они ненадолго ныряют на глубину, прежде чем навсегда уплыть на морское дно. На люди он не показывался уж лет десять как. Даже не знаю, каково его бедной жене... Она сама родом из Ипсвича, и там местные чуть не линчевали Барнабуса, когда он за ней ухлестывал лет пятьдесят назад. Оубед, тот помер в семьдесят восьмом, и все его следующее поколение теперь уж померло — детей от первой жены нет, как и прочих... Одному богу известно, куда они подевались...

Шум прибоя усилился, и мало-помалу мерный рокот волн повлиял на настроение старика, чья пьяная слезливость сменилась опасливой настороженностью. Он то и дело замолкал и начинал то нервно озираться, то пристально всматриваться в далекий риф, и я, невзирая на всю фантастическую абсурдность его рассказа, тоже ощутил инстинктивный страх. Голос Зейдока теперь звучал на повышенных тонах, точно он пытался громкой речью прищипорить свою смелость.

— Эй, вы! А чего ж вы молчите? Как бы вам понравилось жить в городе вроде нашего, где все вокруг гниет и умирает и повсюду в домах с заколоченными окнами чудища ползают, и клеочут, и лают, и прыгают по черным погребам и чердакам... А? А как вам понравится слушать каждую ночь вой из церквей и из храма ордена Дагона? И знать, что энто за вой? А как вам понравятся вопли с энтого рифа в каждую Майскую ночь да на Хэллоуин? А?

Думаете, старик из ума выжил? Хе-хе... Да, сэр, я вам вот расскажу еще не самое ужасное!

Зейдок уже буквально кричал, и безумная истступленность его голоса уже не просто тревожила, но поистине пугала меня.

— Будьте прокляты! И неча таращить на меня глаза — говорю же, Оубед Марш в аду, и быть ему там вовеки! Хе-хе... В аду, говорю! Ему меня не достать! Я ничего не сделал и никому еще ничего не рассказал...

А, это вы, мил-человек? Ну, ежели я еще никому ничего не рассказал, то уж сейчас вот расскажу! Вы токмо сидите тихо и слушайте меня, юноша,— такого я еще никогда никому не рассказывал. Я перестал за ними подглядывать в подозрную трубу после той ночи, но я и без того много чего вызнал...

Хотите узнать, что такое настоящий ужас, а? Ну так вот он... Это не то, что уже сделали те рыбы-дьяволы, а то, что они собираются сделать! Они приносят с собой в город вещи из своей морской пучины... несколько лет приносили, да в последнее время чего-то уже не так ретиво... Дома к северу от реки, что стоят промежду Уотер- и Мейн-стрит, битком набиты — в них полным-полно и дьяволов морских, и их добра... И когда они будут готовы... говорю же, когда будут готовы... Вы когда-нибудь слышали о шогготе?

Эй! Вы меня слушаете или нет? Я же говорю вам, я знаю, что они принесли с собой! Я видел однажды ночью, когда... эх-ха-ха...иахxxx!

Старик завопил так неожиданно и с таким истступлением, что я чуть не лишился чувств от страха. Его глаза, устремленные мимо меня к зловонному морю, чуть не вылезали из орбит, а лицо обратилось в маску ужаса, подходящую для греческой трагедии. Его костистые пальцы больно сжали мое плечо, но он замер без движения, когда я обратил взгляд к морю в попытке увидеть то, что привлекло его внимание.

— Уезжайте отсюда! Уезжайте! Они нас видели — бегите отсюда во всю мочь! Ничего не ждите — теперь они знают — бегите! Быстрее! Прочь из города...

— Ээээяаааааааххх... Ихooooooooоооооо!

Я снова взглянул на море, но там ничего не было. А когда я добрался до Уотер-стрит и внимательно оглядел ее от одного конца до другого, Зейдока Аллена уже и след простыл.

Едва ли я смогу описать свое состояние, в которое меня ввергла эта душераздирающая сцена, столь же безумная и печальная, сколь нелепая и ужасающая. И хотя юноша-бакалейщик предупреждал меня о возможности такого поворота событий, тем не менее финал беседы со стариком меня крайне озадачил и встревожил. Какой бы наивной ни казалась история, поведанная стариком Зейдоком с безумной искренностью и неподдельным ужасом, она лишь усилила мою неприязнь к обаятому мглой городу и его тайнам.

Позднее я бы мог трезво проанализировать рассказ старика, отсеять все лишнее и вычленить зерно исторической аллегории; но сейчас я лишь хотел поскорее забыть о нем. Уже было довольно, если не сказать — слишком поздно: мои часы показывали 19:15, а аркхемский автобус отправлялся от Таун-сквер ровно в восемь, — поэтому я постарался привести свои растрепанные мысли в порядок и быстро зашагал по пустынным улицам мимо домов с покосившимися стенами и зияющими провалами в крышах к гостинице, где я оставил свой саквояж и где намеревался дожидаться автобуса.

Хотя золотистые отсветы заката на древних крышах с торчащими осколками печных труб создавали некую атмосферу мистической прелести и покоя, я то и дело с опаской оглядывался через плечо.

Я думал о том, с какой радостью покину зловонный и подернутый мглой страха Инсмут, и мечтал обнаружить на площади какой-нибудь еще вид транспорта, помимо автобуса со зловещим Сарджентом за рулем. И все же мое продвижение было не слишком быстрым, потому что буквально на каждом углу меня встречала новая архитектурная достопримечательность, достойная внимательного осмотра, и, по моим расчетам, я мог легко одолеть оставшееся расстояние за какие-то полчаса.

Изучая нарисованную юношей-бакалейщиком карту в поисках еще не известного мне маршрута, я решил дойти до Таун-сквер не по Стейт-, а по Марш-стрит. Ближе к углу Фолл-стрит мне стали попадаться группки горожан, которые о чем-то тихо перешептывались, и, выйдя наконец на площадь, я увидел, что у входа в «Гилман-хаус» собралась чуть не целая толпа. Получая у портье свой саквояж, я спиною чувствовал, как меня буравили немигающие взгляды выпученных водянистых глаз. Я молил с судьбу о том, чтобы ни один из этих малоприятных субъектов не оказался моим попутчиком.

Автобус довольно рано, за несколько минут до восьми, прогрохотал по мостовой, привезя трех пассажиров, и, как только он остановился, злобного вида парень на тротуаре шепнул водителю на ухо что-то неразборчивое. Сарджент выкинул из салона мешок с почтой и сверток газет и вошел в гостиницу, а из автобуса, шаркая, вышли пассажиры — те самые мужчины, которые приехали сегодня утром в Ньюберипорт, — и обменялись с одним из горожан парой гортанных слов на языке, который — могу поклясться — не был английским. Я забрался в пустой салон и сел на то же самое место, на котором сидел утром. Но не успел я толком расположиться, как появился Сарджент и начал что-то бормотать омерзительным гортанным голосом.

Похоже, мне сильно не повезло. Из его лопотания я уяснил, что у автобуса забарахлил мотор, и хотя из Ньюберипорта он приехал точно по расписанию, в Аркхем сегодня поехать мы уже не сможем. Нет, вряд ли мотор починят до утра, и другого транспортного сообщения ни с Аркхемом, ни с каким иным городом нет. Очень жаль, но придется мне переночевать в «Гилман-хаусе», сообщил Сарджент, другого выхода нет. Возможно, портье найдет для меня номер по сходной цене. Ошеломленный этим непредвиденным препятствием и не на шутку напуганный мыслью, что мне предстоит провести ночь в этом обветшалом и скудно освещенном городе, я вышел из автобуса и снова вернулся в гостиничный вестибюль. Странноватого вида угрюмый ночной портье заявил, что может предложить мне только комнату 428 на верхнем этаже — там, правда, нет водопровода, зато номер просторный, и всего за доллар.

Несмотря на дурные отзывы об этой гостинице, слышанные мной в Ньюберипорте, я расписался в регистрационной книге, уплатил доллар за ночь, а потом, передав саквояж мрачному портье, последовал за ним и преодолел три лестничных пролета по скрипучим ступенькам, мимо пыльных коридоров, по которым, как мне показалось, давно никто не ходил. Мой убогий номер, располагавшийся

в задней части здания, был обставлен невыразительной дешевой мебелью и имел два окна с видом на унылые задворки: замусоренный двор был с обеих сторон зажат невысокими кирпичными строениями; позади двора виднелись тянущиеся в западном направлении ветхие крыши, а еще дальше — болотистая низина. В конце коридора находилась ванная комната — увечный реликт старины с допотопной мраморной раковиной, железной ванной, тусклой лампочкой под потолком и полусгнившими фанерными панелями, прикрывавшими трубы.

Еще не стемнело, и я спустился, вышел на площадь и огляделся в поисках заведения, где можно было бы поужинать, попутно заметив устремленные на меня взгляды прохожих весьма болезненного вида. Поскольку бакалейный магазин был уже закрыт, мне пришлось посетить закусочную, которую я проигнорировал днем. Посетителей обслуживал сутулый узкоголовый мужчина с выпученными немигающими глазами, приплюснутым носом и невероятно толстыми неуклюжими руками. Обслуживание велось у стойки, и, к своему облегчению, я сразу заметил, что почти все меню исчерпывается готовой едой из консервных банок и пакетов. Я удовольствовался миской разогретого овощного супа с крекерами и вскоре вернулся в свой жалкий номер в «Гилман-хаусе», по пути захватив у уродливого портье вечернюю газету и засиженный мухами журнал, которые тот снял с шаткой стойки.

За окном уже сгустились сумерки, и, включив тусклую лампочку над дешевой железной кроватью, я попытался продолжить начатое чтение. Я счел целесообразным чем-то занять себя, чтобы не терзаться понапрасну бессмысленными размышлениями о странностях древнего городка, окутанного мглой тайн. Фантастический рассказ престарелого пьянчуги не предвещал приятных сновидений, и я старался поскорее забыть его полоумные слезящиеся глаза. И еще я силился не вспоминать ни о рассказе фабричного инспектора, поведавшего билетному кассиру в Нью-

берипорте о «Гилман-хаусе» и голосах его ночных постояльцев, ни о видении лица под тiarой в черном проеме церковной двери, вызвавшего у меня необъяснимый ужас. Возможно, мне было бы куда легче отвлечься от тревожных раздумий, если бы в моем номере не так воняло затхлой сыростью. Этот трупный смрад, вкупе с витавшей над городом рыбной вонью, заставлял постоянно думать о тлении и смерти.

Еще меня сильно беспокоило отсутствие задвижки на моей двери. Когда-то задвижка была, о чем свидетельствовали следы от креплений на дверной панели, но, судя по свежим следам от гвоздодера, ее недавно сняли. Как я догадался, задвижка просто сломалась, что не удивительно для такого обветшалого здания, где все, казалось, дышало на ладан. Нервничая, я обвел взглядом комнату и обнаружил задвижку на шкафу для белья — того же размера, что и снятая с двери. Чтобы хоть немного успокоить нервы, я занялся переносом задвижки на дверь, воспользовавшись универсальным брелком с тремя инструментами, включая отвертку, который всегда висит у меня на связке ключей. Задвижка подошла идеально, и я немало успокоился, убедившись, что перед сном смогу надежно запереть входную дверь. Не то чтобы у меня были реальные опасения по поводу предстоящей ночи, но в такой обстановке я был готов обрадоваться любому, пускай даже символическому атрибуту безопасности. На межкомнатных дверях, соединяющих соседние номера с моим, я обнаружил вполне надежные засовы и тоже их задвинул.

Я не стал раздеваться и решил читать до того момента, как меня начнет клонить в сон, и заснуть, не снимая сюртука, воротничка и башмаков. Достав из саквояжа фонарик, я положил его в карман брюк, чтобы осветить им циферблат часов, если вдруг проснусь среди ночи. Но сон не приходил. И когда я бросил газету и стал анализировать свои мысли, то, к своему ужасу, понял, что неосознанно вслушиваюсь в тишину, пытаюсь различить некие неопи-

суемо пугающие звуки. Должно быть, рассказ фабричного инспектора подействовал на меня сильнее, чем я думал. Я вновь взялся за газету, но мой взгляд уперся в одну строчку, дальше которой не мог двинуться. Спустя какое-то время мне почудились шаги в коридоре и скрип ступенек на лестнице, и я решил, что это новые постояльцы въезжают в пустующие номера. Однако никаких голосов я не слышал, и мне пришло в голову, что такой тихий скрип издают половицы, если человек ступает по ним крадучись, словно таясь от кого-то... Мне это сразу не понравилось, и я стал раздумывать, не лучше ли сегодня ночью вообще не спать. В этом городе немало странных субъектов, и тут, как утверждали, случались исчезновения людей. А вдруг это одна из тех гостиниц, где денежных постояльцев убивают и грабят? Хотя, конечно, посмотришь на меня — и сразу станет ясно, что я не купаюсь в роскоши. Или местные жители и впрямь терпеть не могут чересчур любопытных приезжих? Неужели мои хождения по городу с картой в руке были замечены и вызвали у кого-то раздражение? Но потом я подумал, что, верно, нахожусь в слишком сильном нервном возбуждении, если случайный скрип на лестнице породил у меня столь безумные фантазии. Правда, я подсадовал, что у меня с собой не было оружия.

Наконец, чувствуя неимоверную усталость — хотя сна не было ни в одном глазу, — я закрыл входную дверь на задвижку, выключил свет и улегся на твердый, бугристый матрас — не раздевшись и не разувшись. Во тьме каждый тихий ночной звук казался преувеличенно громким, и меня снова начали обуревать тревожные мысли. Я уже пожалел, что выключил свет, но был слишком утомлен, чтобы подняться и включить лампочку снова. Потом, после долгой томительной паузы, послышался легкий скрип ступенек и половиц в коридоре, и я, точно в оправдание самых дурных предчувствий, услышал в замке металлический лязг, отчего мое сердце бешено заколотилось. Не

было ни малейшего сомнения: кто-то пытался — осторожно, тайком — открыть ключом мою дверь.

Моя реакция на этот явный сигнал грозящей опасности была, пожалуй, менее, а не более панической из-за уже испытанных мною смутных страхов. Я инстинктивно предпочел оставаться начеку, хотя для этого не было никаких оснований, просто чтобы иметь преимущество на случай непредвиденной ситуации, если вдруг таковая возникнет. Тем не менее новый характер угрозы, когда смутное предчувствие опасности сменилось ее осязаемым проявлением, буквально поверг меня в шок. Мне даже не пришло в голову, что кто-то пытался вставить ключ в мой дверной замок просто по ошибке. Я мог думать только о чем-то злом умысле и затаился в ожидании следующих действий непрошеного гостя.

Потом лязг стих, и я услышал, как отперли ключом соседний номер. Потом кто-то попробовал открыть межкомнатную дверь между моим и соседним номером. Но закрытая на задвижку дверь не поддавалась. Через мгновение я услышал скрип половиц: неизвестный вышел из номера. А через мгновение опять послышалось тихое клацанье, и мне стало ясно, что на сей раз вошли в соседний номер с другой стороны. Кто-то вновь осторожно попытался открыть межкомнатную дверь, но и она была на задвижке, после чего я услышал скрип половиц. Потом звук удаляющихся шагов донесся с лестницы, из чего я заключил, что непрошенный гость, обнаружив, что все двери в моем номере заперты на задвижки, оставил попытки проникнуть ко мне. Но надолго ли? Последующие события покажут, решил я.

Готовность, с которой я приступил к плану действий, доказывает, что инстинктивно я все время находился в ожидании опасности и подсознательно перебирал возможные варианты спасения. С самого начала я чувствовал, что невидимый гость представляет опасность и что самое разумное — не встретиться с этой опасностью лицом к лицу,

а поскорее ее избежать. Для меня теперь самое главное было выбраться из гостиницы живым, причем не по главной лестнице и не через вестибюль.

Я тихонько встал с кровати и, включив фонарик, направил его луч на выключатель лампочки над кроватью, чтобы при свете лампочки собрать вещи, а потом быстро отсюда убежать, оставив саквояж в гардеробе. Я несколько раз пощелкал кнопкой, но безрезультатно: видимо, в здании отключили электричество. Тут мне стало ясно, что это неспроста и все происходит согласно некоему зловещему плану, но какова его цель, я не имел ни малейшего понятия. Пока я стоял и раздумывал над сложившейся ситуацией, все еще нажимая на бесполезный выключатель, приглушенный скрип половиц раздался в номере подо мной, и мне почудилось, что я различил несколько голосов, вступивших в тихую беседу. Спустя мгновение я уже засомневался, что это были голоса, потому что лающие и квакающие звуки не имели никакого сходства с человеческой речью. И тут же с накатившим на меня ужасом я опять вспомнил рассказ инспектора фабрик об ужасных голосах, которые он слышал ночью в этом ветхом зловонном здании.

Рассовав при свете фонарика кое-какие вещи по карманам, я надел шляпу и на цыпочках подошел к окнам, чтобы оценить возможность побега. Несмотря на действующие в штате правила безопасности, пожарная лестница в этой части здания отсутствовала, и я понял, что мне придется спрыгнуть из окна, причем мои окна находились на высоте трех этажей от вымощенного булыжником двора. Справа и слева, однако, я заметил стоящие вплотную к зданию гостиницы ветхие хозяйственные постройки с двускатными крышами, и спрыгнуть на них из окна моего номера большого труда не составляло. Только с одной поправкой: чтобы оказаться прямо над крышей правого или левого здания, мне бы надо было находиться на две комнаты левее или правее от моего номера — и я стал тут же соображать, каким же образом можно оказаться в одной из них.

Я решил не рисковать и не выходить в коридор, где мои шаги, несомненно, услышат, и тогда я едва ли смогу осуществить план побега. Я бы смог достичь цели и добраться до соседних номеров, преодолев с виду непрочные межкомнатные двери, но для этого пришлось бы применить силу, чтобы взломать замки и задвижки, а если дверь не поддастся, воспользоваться плечом как тараном. Это возможно, решил я, если учесть ветхость здания и его оборудования. Но в то же время мне было понятно, что я не смогу все это проделать бесшумно, поэтому придется положиться исключительно на стремительность моих действий и на малый шанс, что я успею добраться до нужного окна прежде, чем мои преследователи преградят мне путь. Дверь же своего номера я забаррикадировал, придвинув к ней тяжелое бюро, причем постарался сделать это без лишнего шума.

Я отдавал себе отчет в призрачности надежды на успех и был готов к любой неожиданности. Даже если бы мне удалось спрыгнуть на крышу соседнего здания, это не решало всех проблем: ведь мне еще надо будет спуститься с крыши на землю, а потом каким-то образом выбраться из города. Одно обстоятельство было мне на руку: соседнее кирпичное здание было давно заброшенным, и в его прохудившейся крыше черными провалами зияли чердачные окна.

Изучая карту бакалейщика, я еще раньше сообразил, что самый удачный для меня маршрут бегства из города — в южном направлении. Поэтому я сначала стал изучать межкомнатную дверь в соседний номер, располагавшийся с южной стороны здания. Дверь открывалась в мою комнату, поэтому, отодвинув задвижку и подергав дверную ручку, я убедился, что открыть ее будет трудновато. Мне пришлось бы потратить немало сил, чтобы взломать замок. Об этом пути побега пришлось сразу забыть, и я осторожно придвинул к этой двери кровать, которая должна была послужить преградой для нападавших, если они попытаются ворваться ко мне из номера с южной стороны. Противоположная межкомнатная дверь, ведущая в номер в север-

ной части здания, открывалась наружу; попробовав ее открыть, я понял, что она заперта на ключ или задвижку с другой стороны, и, значит, именно ею можно воспользоваться для бегства. Если бы мне удалось перебежать по крышам зданий к Пейн-стрит и благополучно спуститься на землю, я мог бы дать деру через двор и, минуя соседние здания, добежать до Вашингтон или Бейтс или же выбежать на Пейн-стрит и попасть с нее на Вашингтон. В любом случае мне следовало каким-то образом добраться до Вашингтон-стрит, а уж оттуда бежать подальше от Таун-сквер. А самое главное — не появляться на Пейн-стрит, потому что пожарная часть могла быть открыта и ночью.

Раздумывая обо всем этом, я оглядел теснящиеся вокруг трухлявые крыши, освещенные ярким светом овальной луны. Справа от меня панораму города пересекал черный разрез глубокого речного русла с приросшими к нему с обеих сторон, точно ракушки, зданиями заброшенных фабрик и бывшего вокзала. А дальше проржавевшая железнодорожная ветка и шоссе на Раули тянулись по болотистой низине, испещренной поросшими высоким сухостоем кочками. Слева виднелся ближний пригород с лугами, изрезанными речными протоками, и узкая дорога на Ипсвич белела в лунном сиянии. С этой стороны гостиницы не была видна уходящая в южном направлении дорога на Аркхем, которую в конечном итоге я и выбрал своим маршрутом.

С сомнением раздумывая о том, когда лучше начать штурм межкомнатной двери и как бы проделать это с наименьшим шумом, я отметил, что звуки внизу стихли, зато на лестнице послышался громкий скрип половиц: кто-то тяжело поднимался по лестнице. В ромбовидном оконце моей входной двери мелькнул свет, и тут уж половицы в коридоре просто застонали под тяжестью неведомого груза. Послышались приглушенные звуки — возможно, голоса, — после чего в мою дверь громко постучали.

Затаив дыхание, я замер и стал ждать. Казалось, прошла целая вечность, как вдруг витавшая повсюду тошнотвор-

ная рыбная вонь сгустилась и стала просто удушающей. Потом стук повторился — теперь стучали долго и настойчиво. Я понял: настала пора действовать. С этой мыслью я резко дернул задвижку межкомнатной двери и изготовился выбить ее плечом. Тем временем стук стал еще громче, и мне оставалось только надеяться, что он заглушит треск высаживаемой двери. Забыв о страхе и боли, я кинулся на дверь, раз за разом врезаясь левым плечом в тонкие доски. Вопреки моим ожиданиям, дверь оказалась крепкой, но я не сдавался. Тем временем шум в коридоре нарастал.

Наконец дверь поддалась, но распахнулась с таким грохотом, что его наверняка слышали люди в коридоре. После этого они уже не просто стучали, а буквально дубасили в запертую дверь, и до моего слуха со всех сторон донесся лязг ключей во всех замках на этаже. Ринувшись через образовавшийся проем в смежный номер, я закрыл входную дверь на задвижку прежде, чем ее успели отпереть ключом снаружи, но тут же услышал, как кто-то пытается отпереть замок в следующем номере — том самом, из окна которого я намеревался прыгнуть на крышу соседнего здания.

На мгновение я пришел в полное отчаяние, ибо не сомневался, что оказался в ловушке. Меня обуял неопишуемый страх, но я буквально затрясся от ужаса, когда луч моего фонарика уперся в пыльный пол и осветил свежие следы ног неведомого гостя, рвавшегося незадолго до того ко мне в номер. Действуя автоматически, точно под гипнозом, невзирая на безнадежность положения, я подскочил к следующей межкомнатной двери и сильно толкнул ее в надежде, что входная дверь там тоже, на мое счастье, оборудована засовом и я успею задвинуть его прежде, чем дверь попытаются отпереть ключом со стороны коридора.

И тут судьба мне улыбнулась: эта межкомнатная дверь была не только не заперта, но и приоткрыта. В следующую секунду я оказался в смежном номере и подпер плечом входную дверь, которую уже отворяли снаружи. Оказан-

ное мной сопротивление застигло злоумышленника врасплох, потому что под моим напором дверь захлопнулась, и я быстро задвинул крепкий засов. Получив краткую передышку, я прислушался: во все соседние двери колотили почем зря, а из-за межкомнатной двери, которую я забаррикадировал кроватью, доносились недоуменные возгласы. Очевидно, что передовой отряд моих непрощенных гостей уже проник в соседний номер с южной стороны и собирал силы для решающей атаки на мою дверь. Но в это мгновение в замке соседнего номера с северной стороны клацнул ключ, из чего следовало, что опасность уже совсем близко и подступила она, откуда я ее не ждал.

Межкомнатная дверь была распахнута настежь, но медлить было нельзя, так как в замок входной двери уже вставили ключ снаружи. Мне оставалось только запереть на засов обе межкомнатные двери и вдобавок придвинуть к одной кровать, к другой бюро, а входную дверь забаррикадировать умывальником. У меня был единственный вариант — довериться этим временным препятствиям, пока я не вылезу из окна на карниз и не спрыгну на крышу соседнего здания на Пейн-стрит. Но даже в этот решающий момент меня буквально трясло от ужаса — и вовсе не из-за угlosti возведенных мною оборонительных укреплений. Меня ужасала мысль, что среди жуткого сопения, ворчания и приглушенного потягивания я ни разу не услышал членораздельных звуков человеческого голоса.

Покуда я передвигал мебель, из коридора слышался торопливый топот ног в направлении соседнего номера, а грохот в южном конце коридора прекратился. Понятно, что основная масса преследователей собралась перед хлипкой межкомнатной дверью, чтобы выбить ее и схватить меня в этой комнате. А за окном висела луна и освещала конек крыши кирпичного здания внизу, и только теперь я осознал, насколько рискованна моя затея с прыжком из окна, потому что скат крыши, куда я намеревался приземлиться, оказался довольно крутым.

Оценив обстановку, из двух окон я выбрал для прыжка то, что южнее, решив после приземления на внутренний скат крыши скрыться в ближайшем чердачном окне. Я понимал, что, даже спрятавшись внутри соседнего здания, мне не избежать погони, но я надеялся благополучно спуститься с чердака, а потом броситься по темному двору, наугад забегая в одну дверь заброшенного здания и выбегая из другой, и таким образом в конце концов добежать до Вашингтон-стрит и ускользнуть из города по южной дороге.

Грохот за забаррикадированной дверью нарастал, и я заметил, что тонкие дверные панели уже расщепились. Ясное дело, нападавшие воспользовались каким-то тяжелым предметом в качестве тарана. Но кровать, припертая к двери с моей стороны, пока что выдерживала атаку, так что у меня еще оставался призрачный шанс на успешный побег. Распахнув окно, я заметил, что оно прикрыто с обеих сторон тяжелыми велюровыми гардинами, прикрепленными к карнизу медными кольцами, и что снаружи торчит длинный металлический штырь — захват для ставней. Обнаружив возможную альтернативу опасному прыжку, я ухватился за гардины, дернул их вниз и содрал вместе с карнизом, а затем быстро надел два кольца на штырь и выпростал одну гардину наружу. Тяжелые складки велюра почти достигли крыши внизу, и я понадеялся, что и оба кольца, и плотная ткань выдержат мой вес. Я вылез из окна и спустился по импровизированной лесенке вниз. Так я навсегда покинул кишаший загадочными постояльцами «Гилман-хаус».

Я благополучно достиг крутой крыши и быстро добрался до зияющего чердачного окна. Бросив взгляд назад, я увидел, что в покинутой мной комнате еще темно, а дальше, в северной части города, за обвалившимися печными трубами, я заметил зарево от огней, освещающих храм ордена Дагона, баптистскую церковь и конгрегационную церковь, которую я не мог вспоминать без содрогания. Внизу, во дворе, на первый взгляд не было никого, и я понадеялся

ся, что смогу унести ноги еще до объявления общей тревоги. Посветив фонариком в черный проем окна, я заметил, что лестница, которая соединяла бы чердачное окно с полом, отсутствует. Но высота была небольшая, поэтому я перегнулся через край окна и спрыгнул на покрытый толстым слоем пыли пол, заставленный трухлявыми ящиками и бочками.

Местечко было жутковатое, но я не мешкая метнулся к деревянной лесенке, которую обнаружил с помощью фонарика. Посветив на циферблат, я также узнал время — было 2:00. Ступени подо мной закрипели, но выдержали, и я быстро миновал похожий на амбар второй этаж и вскоре очутился на первом. Здесь царило полное запустение, и только эхо моих шагов гулко звучало в тишине. Наконец я добрался до конца коридора и увидел еле заметный в кромешном мраке прямоугольник дверного проема — это был главный вход в здание со стороны Пейн-стрит. Бросившись обратно, я нашел дверь черного хода — тут тоже все было нараспашку — и по каменным ступеням крыльца спустился на поросшую травой брусчатку заднего двора.

Лунный свет во двор не проникал, но я все же смог разобрать дорогу без фонарика. Несколько окон в «Гилман-хаусе» были тускло освещены, и я смутно расслышал доносящиеся оттуда звуки. Осторожно ступая, я пошел вдоль кирпичного здания в сторону Вашингтон-стрит и, заметив несколько раскрытых дверей, выбрал ближайшую и забежал в холл. Внутри было темно, и, добравшись до противоположной стороны холла, я увидел, что дверь на улицу накрепко заколочена. Решив попытать счастья в другом здании, я повернул обратно с намерением выйти на задний двор, но уже у самого выхода резко остановился.

Дело в том, что парадная дверь гостиницы распахнулась и оттуда вывалила толпа сомнительных субъектов: размахивая в темноте фонарями, они тихо переговаривались жуткими клекочущими голосами — явно не на английском языке! Толпа на секунду задержалась перед отелем,

и кто-то двинулся в одну сторону, а кто-то в другую, и, к своему облегчению, я догадался, что они не знают, где меня искать; но тем не менее одним лишь своим видом они нагнали на меня такого ужаса, что у меня мороз по коже пробежал. Разглядеть их лиц я не мог, но при виде их сутулой осанки и шаркающей походки меня сразу затошнило от омерзения. Хуже того, на одной фигуре я разглядел странное одеяние и — тут сомнений не было — уже знакомые мне очертания высокой тиары на голове. Когда фигуры разбрелись по двору, мой страх усилился. А что, если мне не удастся найти выход на улицу? Рыбой воняло так невыносимо, что я боялся потерять сознание. В поисках выхода на улицу я пошел дальше по коридору и, открыв какую-то дверь, очутился в пустой комнате с оконными проемами без рам, плотно закрытыми ставнями. Добравшись до оконного проема, я посветил фонариком и с удовлетворением понял, что смогу без труда распахнуть ставни, и уже через мгновение выбрался наружу и наглухо закрыл ставнями пустой проем, придав ему первоначальный вид.

Я вышел на Вашингтон-стрит и в первый момент не заметил ни живого существа, ни огонька — только лунный овал в небе. Правда, издалека с разных сторон до меня доносились хриплые восклицания, топот и какой-то странный цокот, который совсем не походил на звук шагов. Словом, нельзя было терять ни минуты. Я сразу сориентировался по сторонам света и обрадовался, что все уличные фонари были выключены, как часто бывает в ясные лунные ночи даже в богатых сельских районах. Какие-то звуки доносились с южной стороны, но я не отказался от своего плана бежать именно туда. Ведь мне было известно, что в той части города на моем пути будет достаточно пустых домов, где можно будет спрятаться от погони, если вдруг я замечу группу своих преследователей.

Я шагал быстро, бесшумно, вплотную прижимаясь к руинам заброшенных зданий. В своем нынешнем виде — без шляпы, помятый и растрепанный после отчаянного по-

бега через окно — я едва ли мог привлечь чье-то внимание на этих улицах и надеялся незаметно проскользнуть мимо случайного ночного прохожего.

На углу Бейтс-стрит я едва успел шмыгнуть через черный проем в вестибюль, завидев впереди двух субъектов, которые шаркающей походкой пересекали улицу; отдышавшись, я снова пустился в путь и вскоре оказался на площади, где соседние Элиот-стрит и Вашингтон-стрит встречались с Саут-стрит. Хотя я сам ни разу не бывал на этой площади, она мне показалась опасной, еще когда я разглядывал ее на самодельной карте, потому что все ее пространство ярко освещалось луной. Но обойти эту площадь стороной нечего было и пытаться, потому что, выбери я любой альтернативный маршрут, мне пришлось бы делать длинный крюк, а значит, рисковать быть замеченным или задержаться в этом проклятом городе. Так что единственным выходом для меня было отважно и не таясь пересечь площадь, усиленно копируя характерную для инсмутцев шаркающую походку в надежде, что никто — по крайней мере никто из моих преследователей — не окажется здесь. Насколько серьезно была организована облава на меня — и с какой именно целью, — я не имел ни малейшего понятия. В городе в этот поздний час было необычнолюдно, впрочем, я рассудил, что известие о моем бегстве из «Гилманхауса» вряд ли уже распространилось среди горожан. Вскоре мне, конечно, придется оставить Вашингтон-стрит и двигаться куда-то в южном направлении, потому как толпа, собравшаяся возле гостиницы, вне всякого сомнения, погналась за мной. Они, должно быть, заметили мои следы на пыльном полу соседнего кирпичного здания и уразумели, что мне удалось выбраться на улицу.

Площадь, чего я и опасался, была ярко освещена луной; в центре площади некогда находился небольшой скверик, о котором теперь напоминали лишь железные перила. К счастью, площадь оказалась пуста. Но тут до моего слуха донеслось странное урчание со стороны Таун-сквер. Саут-

стрит была весьма широкая и вела вниз к набережной, и с нее вдалеке открывался отличный вид на море; мне оставалось надеяться, что со стороны моря никто не следит за улицей и не заметит, как я пересекаю ее при свете луны.

Я без задержки осуществил задуманное, и, судя по гробовой тишине вокруг, никто за мной не шпионил. Озираясь, я невольно сбавил шаг, чтобы взглянуть на освещенный луной величественный морской простор, открывающийся в конце улицы. Далеко за волнорезом темнел силуэт Дьяволова рифа, и, завидев его, я не мог удержаться от воспоминаний о тех ужасных легендах, которые мне рассказали за последние сутки и в которых это нагромождение черных скал рисовалось чуть ли не вратами в мир непостижимого зла и неописуемых ужасов. А потом я вдруг заметил на рифе вспышки огня. Это зрелище было настолько четким и реальным, что мою душу захлестнула волна слепого ужаса. Все мое тело напряглось, изготавившись к паническому бегству, и меня удержало на месте лишь инстинктивное чувство самосохранения и чуть ли не гипнотическое ощущение восторга. Хуже того, с куполообразной крыши «Гилман-хауса», чья громада темнела позади меня, последовала серия таких же световых вспышек, хотя и с иной частотой, которые я принял за ответные сигналы.

Сдерживая первый порыв пуститься наутек и отчетливо осознав, что сразу буду замечен, я двинулся дальше по Саут-стрит, вновь перейдя на торопливую шаркающую походку. Я шел, не отрывая взгляда от мерзкого рифа, пока он оставался виден на горизонте. Что означал этот обмен световыми сигналами, я понятия не имел: то ли это был некий диковинный ритуал, связанный с Дьяволовым рифом, то ли кто-то высадился на зловеющий риф с судна. Я двинулся левее, в обход зеленоющего пятна бывшего скверика, все еще глядя на океан, поблескивающий в призрачном свете летней луны, и на вспышки загадочных маяков.

Вот тут-то мне открылось зрелище, которое напрочь лишило меня самообладания и заставило со всех ног помчаться в южном направлении, мимо чернеющих дверных проемов и по-рыбы вытаращенных пустых окон, вытянувшихся вдоль безлюдной кошмарной улицы. Ибо, приглядевшись внимательнее, я увидел, что темные воды между рифом и берегом вовсе не пустыньны. Море кишело живыми существами, которые стаями плыли к городу; причем, рассмотрев даже на таком далеком расстоянии головы и конечности пловцов, я убедился, что это вовсе не люди, а какие-то диковинные твари неизвестной породы и непонятного происхождения.

Но не успел я в панике добежать до конца квартала, как откуда-то слева услышал топот ног и гортанные возгласы, а потом по Федерал-стрит в южном направлении прогремел автомобиль. В эту секунду все мои планы изменились, ибо, если южное шоссе из города уже перекрыли, мне надо было срочно искать новый путь бегства из Инсмута. Я остановился и юркнул в зияющий дверной проем, радуясь, что мне повезло скрыться с освещенной луной площади, прежде чем мои преследователи запрудили параллельную улицу.

Вторая мысль была менее утешительной. Коль скоро облава устремилась в другую сторону, понятно, что они меня потеряли и просто отрезали мне возможный путь отступления. А это означало, что, скорее всего, уже все дороги из Инсмута перекрыты патрулями; ведь они не знали точно, какую дорогу я выберу. А раз так, то и бежать мне придется по пересеченной местности, вдали от проезжих дорог, но как же мне это удастся, если город со всех сторон окружала болотистая, иссеченная протоками равнина? На мгновение мне стало дурно — и из-за полной безнадежности моего положения, и от стремительно сгустившегося рыбного смрада, который точно облаком накрыл весь квартал.

И тогда я вспомнил о заброшенной железнодорожной ветке на Раули, чья заросшая травой колея на прочной зем-

ляной насыпи тянулась в северо-западном направлении от разрушенного здания вокзала по кромке высокого русла реки. У меня теперь осталась одна лишь слабая надежда, что горожане не примут в расчет этот маршрут, ведь густые заросли вереска делали заброшенную железнодорожную ветку почти непроходимым препятствием для беглеца. Мне удалось ее разглядеть из окна гостиницы, и я отчетливо представлял себе характер местности. Ближний отрезок железнодорожного полотна, к сожалению, хорошо просматривался как со стороны шоссе на Раули, так и с верхних этажей городских зданий, хотя, возможно, если передвигаться ползком по кустам, можно было проскочить этот участок незамеченным. Во всяком случае, это был мой единственный шанс на спасение, которым мне придется воспользоваться.

Углубившись в заброшенное здание, ставшее моим временным укрытием, я снова сверился с картой юношибакалейщика, осветив ее фонариком. Перво-наперво мне предстояло решить, как добраться до старой железнодорожной ветки. Из карты следовало, что наиболее безопасный маршрут пролегал по Бэбсон-стрит; с нее надо было свернуть к западу на Лафайет, а там обойти, но ни в коем случае не переходить в открытую, такую же площадь, что я недавно пересек, а потом, петляя то к северу, то к западу по Лафайет, Бейтс, Адам, добраться наконец до Бэнк-стрит, идущей вдоль скалистого русла реки. Она-то и приведет меня к полуразрушенному зданию вокзала, который я видел из окна моего гостиничного номера. Я выбрал именно такой путь — через Бэбсон-стрит, — потому что мне не хотелось снова идти через ту самую открытую площадь и двигаться в западном направлении, где я непременно попал бы на такую же широкую улицу, как Саут-стрит.

Двинувшись в путь, я перешел на правую сторону в тень, чтобы дойти до Бэбсон-стрит как можно незаметнее. Со стороны Федерал-стрит все еще слышался гомон многолюдной толпы. Я обернулся и, как мне показалось, за-

метил луч света возле того самого здания, из которого только что вышел. Торопясь покинуть Вашингтон-стрит, я перешел на рысь, надеясь не привлечь ничьего любопытного взора. На углу Бэбсон-стрит я с опаской заметил, что один из домов еще обитаем, о чем свидетельствовали занавески на окнах, но света внутри не было, и я миновал его без происшествий.

Бэбсон-стрит пересекала Федерал-стрит, с которой мои преследователи вполне могли меня заметить, поэтому я жался к вытянувшимся неровной линией фасадам покосившихся зданий и был вынужден дважды забежать в дверной проем, когда шум погони за моей спиной усилился. Пустая площадь впереди бледнела одиноким пятном под луной, но я не собирался ее пересекать. Во время очередной передышки я различил в нестройном гуле выкриков новый звук; осторожно выглянув из своего укрытия, я заметил автомобиль, прогромыхавший через площадь по Элиот-стрит в сторону Бэбсон и Лафайет. И тут меня чуть не стошнило от внезапно пахнувшей рыбной вони, и после некоторого затишья я приметил группу крадущихся фигур — по-видимому, патруль, охраняющий Элиот-стрит, продолжением которой за чертой города было шоссе на Ипсвич. Двое были облачены в складчатые мантии, а на голове у одного красовалась островерхая диадема, поблескивающая в лунном свете. Его походка была настолько необычной, что у меня кровь застыла в жилах — мне показалось, что он передвигался вприпрыжку, на лягушачий манер.

Когда последний член группы скрылся из виду, я сорвался с места и пулей метнулся за угол на Лафайет-стрит, потом поспешно пересек Элиот, опасаясь, что кто-то из преследователей все еще там. Я услышал удаляющийся клеткот и топот — патруль двигался в сторону Таун-сквер — и без помех добрался до противоположной стороны улицы. Больше всего опасений у меня вызвала широкая и ярко освещенная луной Саут-стрит, которую мне предстояло

вновь пересечь. Тут мне пришлось собрать волю в кулак, чтобы пройти это испытание. Ведь кто-то мог наблюдать за улицей со стороны моря, или же патрульные на Элиот-стрит могли заметить мою фигуру. В последний момент я решил, что лучше сбавить рысь и пересечь улицу шаркающей походкой, выдавая себя за обычного инсмуца.

Когда на горизонте вновь возникло море, на этот раз по правую руку, я изо всех сил старался не смотреть туда, но воспротивиться искушению не смог. Усердно волоча ноги по брусчатке и сгорбившись, я все же не удержался и скосил глаза направо, прежде чем укрыться в спасительном сумраке. Вопреки моим ожиданиям, никакого большого корабля в открытом море не было, но зато я увидел небольшую гребную лодку с громоздким грузом под брезентом, которая плыла к заброшенным пирсам. Гребцы, плохо различимые на таком расстоянии, производили, прямо скажу, отталкивающее впечатление. В волнах я заметил нескольких пловцов, а над далеким темным рифом все еще стояло огненное зарево неопределенного цвета, совсем не похожее на замеченные мною ранее вспышки света. Над покатыми крышами впереди, чуть правее, виднелся высокий купол «Гилман-хауса», только теперь совершенно темный. Дурманящая рыбная вонь, которую немного развеял ветерок с моря, теперь снова сгустилась в воздухе.

Не успев дойти до тротуара на противоположной стороне улицы, я услышал гомон группы преследователей, двигавшейся по Вашингтон-стрит с северной стороны. Оказавшись у широкой площади, откуда мне в первый раз открылось пугающее зрелище моря в лунном сиянии, я увидел их всего в квартале от себя и ужаснулся звериному уродству их рыл и их отвратной манере передвигаться — по-собачьи выгнув спины. Один из них походкой напоминал примата, то и дело касаясь длинными руками земли, а другой — в мантии и тиаре, — как мне показалось, двигался вприпрыжку. Я решил, что именно эта группа рыскала на заднем дворе «Гилман-хауса», и выходит, они преследо-

вали меня буквально по пятам. Когда один из них обернулся в мою сторону, я окаменел от ужаса, но ухитрился не сбиться с шаркающей походки. До сего дня не знаю, заметили они меня или нет. Если заметили, то, значит, моя уловка сбила их с толку, потому что они, не останавливаясь, перешли залитую лунным светом площадь, непрерывно лопоча гортанными голосами — на наречии, которое я не мог разобрать.

Оказавшись на темной стороне улицы, я опять перешел на рысь и рванул мимо бледнеющих во тьме ветхих развалин, свернул за угол на Бейтс-стрит и побежал, вплотную прижимаясь к ветхим фасадам. В двух домах явно кто-то жил, судя по тускло освещенным окнам во втором этаже, но я беспрепятственно продолжил свой путь. Свернув на Адамс-стрит, я почувствовал себя в большей безопасности, но содрогнулся от страха, когда прямо передо мной из темной подворотни внезапно возник незнакомец. Однако он оказался мертвецки пьян и не представлял для меня угрозы; так что в конце концов я без приключений добрался до жалких развалин складов на Бэнк-стрит.

На этой мертвой улице близ утесистого русла реки не было ни души, и шум водопада заглушал мои шаги. Я довольно долго бежал рысцой до здания вокзала, и высокие кирпичные стены заброшенных фабрик навяли на меня куда больший ужас, нежели ветхие фасады жилых кварталов. Наконец я увидел обветшавшую аркаду вокзала и бросился напрямик к железнодорожным путям, виднеющимся вдаль под луной.

Рельсы были проржавевшие, но целые, правда, многие шпалы давно сгнили. Идти или бежать по ним было нелегко, но я старался как мог и в общем довольно быстро принововился. Поначалу колея шла вдоль высокого берега реки, и вскоре я достиг длинного крытого моста, перекинутого через ущелье головокружительной глубины. Мой дальнейший план действий целиком зависел от состояния моста. Если он окажется непроходимым, я буду вынужден

вернуться и снова пуститься в опасное путешествие по городским улицам в поисках более или менее прочного моста.

Старый мост, похожий на длинный амбар, призрачно бледнел в лунном свете, и я заметил, что шпалы на этом отрезке еще достаточно крепкие. Выйдя на мост, я включил фонарик, и тут же меня чуть не сбила с ног взметнувшаяся стая летучих мышей. Где-то на середине моста я обнаружил, что часть шпал провалилась, образовав опасную брешь, и испугался, что это станет для меня непреодолимым препятствием, но в конце концов отважился на отчаянный прыжок через провал, и, на мое счастье, прыжок оказался удачным.

Выбежав из мрачного туннеля, я был рад вновь увидеть лунный овал в небе. Железнодорожная колея пересекала Ривер-стрит и сразу пошла под уклон; а уже за городом побежала по зеленым предместьям, где не так сильно ощущалась жуткая рыбная вонь, которой пропах весь Инсмут. Но тут мне встретилась естественная преграда из зарослей вереска и осоки, которые хлестали меня по одежде и рукам, но я тем не менее был этому даже рад, ибо надеялся, что в случае опасности густые заросли станут для меня надежным укрытием. Я прекрасно отдавал себе отчет, что все мои перемещения отлично просматриваются со стороны шоссе на Раули.

Неожиданно зеленая равнина сменилась болотами — тут одноклейка протянулась по поросшему травой низкому берегу, где заросли осоки немного поредели. Потом я очутился на возвышенности, где ржавая колея бежала среди густых кустов дикой малины. Такое естественное укрытие меня порадовало, так как, если верить проведенному мною визуальному обследованию местности из гостиничного окна, именно здесь железная дорога находилась в опасной близости от шоссе на Раули. В самом конце возвышенности шоссе пересекало железную дорогу и резко уходило далеко в сторону; и пока что мне следовало дей-

ствовать с величайшей осторожностью. Правда, теперь я уже был почти убежден, что железную дорогу никто не патрулирует.

Перед тем как нырнуть в заросли кустарника, я огляделся и не заметил погони. Старинные шпили и крыши проклятого Инсмута красиво и призрачно поблескивали в магическом желтоватом сиянии луны, и я подумал, как, должно быть, безмятежно они выглядели в стародавние времена, еще до того, как на город пала мгла пагубы. А потом, когда я перевел взгляд с городских крыш на равнину, мое внимание привлекло нечто куда менее безмятежное, что заставило меня на мгновение замереть.

Сперва я заметил — или мне привиделось? — лишь какое-то странное колыхание в южной стороне горизонта; чуть погодя, взглядевшись в колышущуюся массу, я заключил, что из города по ипсвичскому шоссе движется довольно внушительная колонна. Расстояние было весьма велико, и я не мог различить отдельных лиц, но то, что я увидел, мне очень не понравилось... Колонна двигалась по дороге колышущимся потоком, ярко поблескивая под лучами уже клонящейся к западу луны. До моего слуха донесся неясный гомон, и хотя дующий в противоположную сторону ветер относил звуки прочь, я сумел расслышать то ли звериный рык, то ли птичий клекот, показавшийся мне еще ужаснее, чем гомон преследовавшей меня в городе толпы.

Сонм крайне тревожных мыслей промелькнул в моем мозгу. Я сразу подумал о тех инсмутских чудовищах, которые, как говорили, прятались в старинных подземных лабиринтах у береговой линии; и еще я подумал о загадочных пловцах, которых недавно видел в открытом море. Мысленно прикинув количество участников облавы и прибавив к ним численность дорожных патрулей, я сделал вывод, что армия моих преследователей неправдоподобно велика для такого малонаселенного города, как Инмут.

И откуда же тогда, спрашивается, могла взяться столь многочисленная колонна, чье передвижение по шоссе

я наблюдаю? Неужели в тех прибрежных туннелях под землей теплится некая аномальная, никому не ведомая и никем не изученная форма жизни? Или и впрямь к адскому рифу незаметно пристал какой-то корабль, с которого десантировался легион таинственных пришельцев? Но кто же они? И что тут делают? И если такое неисчислимое войско рыщет по ипсвичскому шоссе, значит ли это, что патрули на других подступах к Инсмуту получили столь же внушительное подкрепление?

Оказавшись на поросшей кустарником возвышенности, я медленно продирался сквозь заросли дикой малины и вскоре почуял тяжелый, тошнотворный запах рыбы. Возможно, ветер внезапно переменял направление, стал дуть со стороны моря и принес вонь из города? Да, видимо, так и было, решил я, потому что теперь отчетливо услышал издали приглушенные гортанные возгласы. А потом до моих ушей донесся новый звук — то ли хлопанье исполинских крыльев, то ли топот огромных лап, — вызвавший у меня ассоциации самого скверного свойства. Вопреки здравому смыслу, я почему-то считал, что этот кошмарный шум издает колонна, что текла колышущимся потоком по ипсвичскому шоссе.

А потом вонь и шум усилились, так что я, дрожа от страха, остановился и затаился в спасительных зарослях кустарника. Именно здесь, как я вспомнил, шоссе на Раули подходило совсем близко к железнодорожной колее, а потом резко отклонялось к западу. Масса неведомых существ двигалась по шоссе, и мне следовало лежать в кустах тихо как мышь и дожидаться, когда эта масса проследует мимо меня и удалится. Слава богу, что эти существа не использовали для погони охотничьих собак, хотя, надо полагать, это было бы и невозможно при той ужасающей вонь, что постоянно витала над городом. Сидя на корточках в кустах в песчаном овражке, я ощущал себя в безопасности, хотя и понимал, что рано или поздно мои преследователи будут переходить через рельсы не далее чем в ста ярдах от моего

укрытия. Отсюда я их смогу видеть, а вот они меня — нет, разве что по какой-то злой игре случая.

Мне было страшно даже взглянуть на это шествие. При виде освещенного луной участка дороги, который они должны были миновать, я почему-то подумал, что теперь это место осквернится неисцелимой пагубой. Вероятно, это окажутся худшие представители ужасной расы инсмутцев, которых потом и вспомнить-то будет страшно.

Вонь стояла нестерпимая, и над шоссе звучала кошмарная какофония звериного рыка, лая и воя, в которой я не мог распознать ни намека на человеческую речь. Неужели это были голоса моих преследователей? Или они все-таки нашли где-то собак-ищек? До сих пор мне еще не представилось возможности лицезреть наиболее отвратительных обитателей Инсмута. Шумное хлопанье и громкий топот производили чудовищное впечатление — мне не хватало духу взглянуть на отвратительных дегенератов, издающих такие звуки. Я решил зажмурить глаза и неподвижно лежать в кустах, пока этот жуткий гомон не стихнет вдали. Колонна приближалась — в воздухе носились сиплые возгласы, а земля дрожала под мерным топотом чудовищных лап. Я затаил дыхание и, собрав волю в кулак, заставил себя крепко зажмуриться.

А потом... Я отказываюсь даже гадать о том, что это было — то ли ужасающая реальность, то ли кошмарная галлюцинация. Расследование правительственной комиссии, проведенное впоследствии по моей настоятельной просьбе, подтвердило, что это была чудовищная правда; но разве не могла иметь место повторная галлюцинация, жертвой которой стали члены комиссии, попав под действие полугипнотических чар старинного города, обьятого призрачной мглой? Подобные города обладают странным свойством, а безумные предания и легенды вполне могли оказать пагубное влияние не только на мое воображение, но и на психику тех, кто, подобно мне, оказался на этих безжизненных и пропитанных смрадом гниения улицах, сре-

ди ветхих крыш и обвалившихся башен... И разве нельзя допустить, что объявившая Инсмут мгла не источает ядовитый вирус настоящего и весьма заразного безумия? И можно ли быть уверенным в реальности чего бы то ни было, наслушавшись рассказов Зейдока Аллена? Правительственные агенты, между прочим, так и не нашли беднягу Зейдока, и у них не возникло никаких версий относительно того, что с ним случилось. Так где же кончается безумие и начинается реальность? А может быть, даже мой последний кошмар — это всего лишь заблуждение?

Но все же попытаюсь рассказать, что, как мне почудилось, я увидел той ночью под усмехающейся желтой луной — то, что скакало и прыгало по шоссе прямо у меня перед глазами, когда я лежал, притаившись среди кустов дикой малины на пустынном участке старой железнодорожной колеи. Разумеется, мое намерение зажмурить глаза было обречено на неудачу — и кто бы смог отказаться наблюдать марш легиона квакающих и клекочущих существ неведомой расы, которые с оглушительным топотом прошествовали в какой-то сотне ярдов от меня? Я полагал, что готов к худшему, а именно к этому мне и следовало готовиться, учитывая все виденное мною раньше.

Коль скоро доселе виденные мною преследователи были неописуемо отвратительны — значит теперь надо было готовиться увидеть наимерзейших чудовищ, в ком физическое уродство достигло крайней степени, — тварей, в которых не было ни намека на нормальные черты земных существ. Я открыл глаза лишь в то самое мгновение, когда хлопки, клекот и топот загрохотали в непосредственной близости от моих кустов и стало ясно, что колонна вышла к пересечению железнодорожной колеи с шоссе и теперь ее будет видно как на ладони. Тут уж я не мог удержаться от искушения увидеть наконец завоораживающее зрелище, что мне сулила ухмыляющаяся желтая луна.

Сие зрелище окончательно лишило меня — что бы ни было суждено мне судьбой увидеть еще на грешной зем-

ле — последних крупниц душевного покоя и веры в целокупность природы и человеческого разума. Ничего, что я бы мог вообразить или что я даже мог бы допустить, взяв на веру безумную повесть старого Зейдока, не шло ни в какое сравнение с демонической богомерзкой картиной, представшей моему взору — или рожденной моим воспаленным воображением. До этого я пытался лишь намекнуть на их истинный облик, из желания отсрочить ужасную необходимость подробно и бесстрашно живописать его на бумаге. Неужели возможно, что наша планета на самом деле породила столь чудовищных тварей и что человеческие глаза воистину увидели воплощенным в материальной форме то, что доселе существовало лишь в болезненных фантазиях и сомнительных преданиях?

Тем не менее я видел их, скачущих, прыгающих, клекочущих, квакающих, марширующих бесконечной колонной в призрачном сиянии луны, точно в зловещем уродливом танце фантастического кошмара. У некоторых на головах были тиары из неведомого бело-золотого металла... другие были облачены в диковинные мантии... а один, вожак, был облачен в мерзкий черный сюртук, пузырящийся на горбатой спине, и полосатые штаны, а на бесформенном окончании туловища, где должна находиться голова, торчала мужская фетровая шляпа.

По-моему, все твари были в основном серовато-зеленого цвета и с белесыми животами. Их склизкая кожа поблескивала в лунном свете, а хребты покрывала чешуя. Очертаниями они отдаленно напоминали человекоподобных существ, но головы у них были рыбы, с гигантскими выпученными глазами без век, которые тарасились, не моргая. Сбоку на их шеях располагались пульсирующие жабры, а длинные лапы заканчивались перепончатыми пальцами. Они передвигались беспорядочными прыжками, иногда на задних лапах, а иногда и на четвереньках. Я почему-то даже обрадовался, что конечностей у них всего четыре. Они перекликались квакающими и твякающими

возгласами, заменявшими им членораздельную речь и содержащими все мрачные оттенки эмоций, которые не могли отразиться на их пучеглазых рылах.

Но при всем отвратительном уродстве внешности, они не были мне совсем незнакомы. Я тотчас узнал их, ибо рельефные изображения на тиаре из исторического музея Ньюберипорта накрепко запечатлелись в моей памяти. Это были мерзопакостные рыбожабы неведомой породы — живые и отвратительные! — и, едва увидев их, я сразу догадался, кого же мне напомнил тот горбатый священник в тиаре, промелькнувший в темном церковном подвале... Количество марширующих тварей не поддавалось исчислению. Создавалось впечатление, что на это шоссе стеклась бесчисленная их орда, а возможно, я успел увидеть лишь малую часть их несметных полчищ. И в следующий момент эту леденящую кровь картину милосердно сменило забытие обморока — первого в моей жизни.

V

Ласковый дневной дождь оросил мое лицо, и я очнулся, лежа в кустах рядом с железнодорожной колеей, а когда, шатаясь, добрал до шоссе, то не обнаружил ни следа в свежей слякоти. Рыбная вонь тоже исчезла. Вдалеке, в юго-восточной части неба, серели силуэты провалившихся крыш и порушенных башен Инсмута, но на всей болотистой равнине вокруг я не смог, сколько ни силился, заметить ни единой живой души. Мои часы все еще шли и сообщили, что время уже за полдень.

Все, что произошло со мной ночью, подернулось туманом сомнений, но интуитивно я чувствовал, что все это было неспроста и имело некую ужасную подоплеку. Мне надо было как можно скорее убраться подальше от объятых зловещей мглой Инсмута, но при первой попытке встать я еще не был уверен, смогу ли идти вообще. Не-

смотря на слабость, голод, ужас и отчаяние, через некоторое время мне стало ясно, что я все же способен передвигаться, и я медленно побрел по шоссе в сторону Раули. К вечеру я добрался до городка, утолил голод и привел себя в порядок, прикупив кое-что из одежды. Я сел на ночной поезд до Аркхема и на следующий день имел долгую откровенную беседу с тамошними правительственными чиновниками — позднее те же показания мне пришлось повторить и в Бостоне. Публика уже знает главный итог этих бесед — и я хотел бы надеяться, ради своего же блага, что больше мне добавить нечего. Возможно, я стал жертвой внезапного приступа безумия, оказался во власти величайшего ужаса — или соприкоснулся с величайшим чудом.

Как вы можете догадаться, я отказался от почти всех заранее запланированных целей своего путешествия, а именно от изучения местных достопримечательностей, архитектурных памятников и древностей. И я не осмелился взглянуть на то диковинное украшение, которое, как говорили, хранилось в музее Мискатоникского университета. Впрочем, в Аркхеме я провел время с пользой, собрав массу сведений о своей семье, о чем давно мечтал. Это были отрывочные и не всегда точные сведения, что правда, то правда, но им можно было найти хорошее применение позже, когда у меня нашлось бы время для их сверки и систематизации. Куратор тамошнего исторического общества — мистер Б. Лафэм Пибоди — весьма любезно оказал мне всяческую помощь и выказал необычайный интерес, услышав, что я прихожусь правнуком Элизе Орн из Аркхема, родившейся в 1867 году и в возрасте семнадцати лет вышедшей замуж за уроженца Огайо Джеймса Уильямсона.

Самое же загадочное заключалось в отсутствии достоверных сведений о происхождении ее официально зарегистрированных родителей, Эноха и Лидии Марш,— во всяком случае, среди старинных семей Нью-Гэмпшира

таковых никто не знал. Возможно, как предполагали многие, она была биологической дочерью какого-то известного Марша, ибо у нее был характерный для Маршей разрез глаз. Главные же загадки начались после ее ранней смерти родами, то есть при появлении на свет моей бабушки — ее единственного ребенка. Так как у меня уже сложились весьма неблагоприятные впечатления, связанные с кланом Маршей, я без всякой радости отнесся к известию, что они составляют ветвь моего генеалогического древа, как не обрадовало меня и предположение мистера Пибоди, что и у меня разрез глаз, оказывается, такой же, как у Маршей. Тем не менее я был благодарен ему за ценные сведения, к тому же я составил подробные заметки и списки книг, в которых можно было найти тщательно задокументированную историю семьи Орн.

Из Бостона я направился прямехонько к себе домой в Толидо и потом провел целый месяц в Моми, восстанавливая пошатнувшееся после моих походов физическое и душевное здоровье. В сентябре я вернулся в Оберлинский колледж, где мне предстояло проучиться последний год, и вплоть до следующего июня целиком посвятил себя учебе и прочим полезным делам, вспоминая о прошлых ужасах лишь изредка, когда ко мне приезжали официальные лица провести очередную беседу в связи с моими запросами, которые, как оказалось, послужили поводом для проведения широкомасштабного расследования. Где-то в середине июля — спустя год после моих инсмутских приключений — я провел неделю в доме у родственников моей покойной матушки в Кливленде, где сверял недавно полученные мною генеалогические сведения с хранящимися в доме рукописными заметками, преданиями и реликвиями, чтобы на их основе составить полное генеалогическое древо нашего рода.

Сказать по правде, эта работа меня не больно вдохновляла из-за царящей в доме Уильямсонов гнетущей атмос-

сферы. В этом доме было всегда нечто пугающее и злое- щее, и, как мне помнилось, в детстве мать никогда не по-ощряла мои визиты к своим родителям, хотя всегда ра-душню принимала отца, когда тот приезжал погостить к нам в Толидо. Моя аркхемская бабушка представлялась мне, ребенку, странной и даже страшной, и думаю, я не слиш-ком горевал, когда она вдруг исчезла. Мне тогда было во-семь лет, и, как говорили, она ушла из дому от горя после самоубийства моего дяди Дугласа, ее старшего сына. Он застрелился, вернувшись из поездки в Новую Англию — не сомневаюсь, того самого путешествия, благодаря кото-рому его до сих пор вспоминали в Аркхемском истори-ческом обществе.

Этот дядя внешне очень был похож на нее, и мне он никогда не нравился. Что-то в выражении их глаз — слег-ка выпученных и немигающих — внушало мне смутную необъяснимую тревогу. А вот моя мать и дядя Уолтер вы-глядели совсем иначе. Они были похожи на своего отца, хотя мой маленький кузен Лоуренс, сын Уолтера, был почти идеальной копией своей бабушки — еще до того, как беднягу по состоянию здоровья навечно упрятали в лечеб-ницу Кантона. Я не видел его четыре года, но дядя как-то обмолвился, что его состояние, и физическое, и душевное, безнадежно. Видимо, сильные переживания по этому по-воду свели его мать в могилу два года назад.

Мой дед и его вдовец-сын Уолтер теперь оставались единственными представителями кливлендской ветви на-шей семьи, и воспоминания о прежней жизни, похоже, ви-сели над ними тяжким бременем. Мне по-прежнему было крайне неудобно в их доме, и я постарался как можно ско-рее завершить изучение семейного архива. Дед подготовил для меня объемистое собрание различных документов и семейных дневников Уильямсонов; что же до материалов об Орнах, то тут мне очень помог дядя Уолтер, который передал в мое распоряжение все свои папки, включая за-

метки, письма, газетные вырезки, семейные реликвии, фотографии и живописные миниатюры.

И вот, изучая письма и фотографии членов семейства Орн, я с какого-то момента вдруг начал испытывать подобие ужаса перед собственными предками. Как я уже сказал, моя бабушка и дядя Дуглас всегда вызывали у меня некую тревогу. А теперь, спустя годы после их смерти, когда я разглядывал их лица на фотографиях, меня охватывало неодолимое чувство гадливости. Поначалу я не мог понять, в чем причина, но постепенно в моем подсознании невольно возникло навязчивое сравнение, несмотря на отчаянный отказ моего разума допустить даже малейшее подозрение на сей счет. Мне вдруг стало ясно, что характерное выражение их лиц напоминало мне нечто, чего раньше я никогда не замечал, — нечто, что приводило меня в панический ужас.

Но худшее ожидало меня впереди — когда дядя показал мне фамильные украшения Орнов, хранящиеся в банковском сейфе. Некоторые из этих украшений представляли собой изящные ювелирные изделия тонкой работы, но была там еще и коробка с диковинными старинными изделиями, оставшимися от моей таинственной прапрабабки, которые мой дядя долго не хотел показывать. Они были украшены, по его словам, орнаментами весьма причудливого и даже отталкивающего вида, и, насколько ему было известно, их никто никогда не надевал, хотя моя бабушка обожала их разглядывать. О них в семье ходили мрачные легенды, будто бы они приносят несчастье, а французская гувернантка моей прапрабабки уверяла, что их не следует носить в Новой Англии, а вот в Европе, мол, это было бы совершенно неопасно.

Когда дядя начал медленно и неохотно разворачивать обертку, он предупредил, чтобы я не пугался причудливых, а то и жутких орнаментов, покрывающих эти изделия. Художники и археологи, которым доводилось их видеть, восторгались неподражаемым совершенством линий

и тончайшим мастерством неведомых умельцев, хотя все они затруднились в точности назвать материал, из которого украшения были сделаны, и определить, в какой художественной традиции они изготовлены. В коробке, по его словам, хранились два браслета на предплечья, тиара и нечто вроде нагрудного украшения — последнее было покрыто горельефными изображениями неких фигур довольно мерзкого вида.

Пока он описывал мне фамильные украшения, я кое-как сдерживал эмоции, но, должно быть, мое лицо выдало нарастающий страх. Дядя бросил на меня озабоченный взгляд и даже перестал разворачивать украшения. Я жестом попросил его продолжать, что он и сделал с видимой неохотой. Он, наверное, ждал моей бурной реакции, когда продемонстрировал мне первое изделие — тиару, но вряд ли он ожидал того, что произошло. Я и сам этого не ожидал, ибо считал себя достаточно подготовленным. Я просто упал в обморок, как это случилось годом раньше на поросшей дикой малиной железнодорожной насыпи близ Инсмута.

С того самого дня моя жизнь превратилась в сплошной кошмар мрачных раздумий и подозрений, ибо я не мог понять, сколько тут страшной правды, а сколько — безумия. Моя прапрабабка была урожденная Марш, хотя кто ее родители, доподлинно не было известно, и ее муж родился в Аркхеме. Но разве старый Зейдок не обмолвился, что дочь Оубеда Марша от матери-чудовища хитростью вышла замуж за мужчину из Аркхема? И что там еще этот старый забулдыга болтал про сходство моих глаз с глазами капитана Оубеда? Да и в Аркхеме куратор исторического общества тоже подметил, что у меня глаза точь-в-точь как у Маршей.

Что, если Оубед Марш приходится мне родным прапрапрадедом? Но тогда кем же была моя прапрапрабабка? Вполне возможно, что все это чистой воды безумие. Эти фамильные бело-золотистые изделия с орнаментами

вполне могли быть куплены у какого-то инсмутского морячка отцом моей прапрабабки, кто бы он ни был. А подмеченное мной на фотографиях странное выражение выпученных глаз моей бабушки и дяди-самоубийцы, может быть, были всего лишь плодом моих фантазий — фантазий, возникших из мглы над Инсмутом, которая столь причудливым образом поразила мое воображение. Но отчего же мой дядя покончил с собой после поездки по Новой Англии?

Более двух лет я гнал от себя эти раздумья с переменным успехом. Отец выхлопотал для меня должность в страховой конторе, и я заставил себя погрузиться в рутину конторских забот. Зимой 1930/31 года, однако, меня начали посещать эти сны. Поначалу они были отрывочными и редкими, но постепенно, от недели к неделе, преследовали меня все чаще и настойчивее, становясь все более яркими и незабываемыми. Передо мной открывались необъятные водные глубины, и я блуждал меж исполинских затонувших портиков и по лабиринтам поросших водорослями громадных стен в сопровождении диковинных рыб. А потом мне начали являться другие существа, и я пробуждался, объятый неопишуемым ужасом. Но во время снов они меня вовсе не пугали, ибо я был одним из них, и был облачен в их жуткий наряд, и следовал за ними глубокоководными маршрутами, и возносил чудовищные молитвы в их зловещих храмах на самом морском дне.

Всего, что грезилось мне в этих снах, я не мог упомянуть, но и того, что я помнил, просыпаясь каждое утро, было довольно, чтобы объявить меня сумасшедшим или гением, если бы я осмелился записать эти сны. Я чувствовал, как некая пугающая сила все время стремилась утянуть меня из нормального здравого мира в безымянные бездны мрака и неземного существования; и это сильно сказалось на мне. Мое здоровье ухудшалось, и внешность стала меняться в худшую сторону, пока я наконец не был вынужден отказаться от должности и начал вести уединенную жизнь инвалида. Меня поразили некий нервный недуг, и времена-

ми я обнаруживал, что не могу зажмурить глаза. Вот когда я с растущей тревогой стал изучать себя в зеркале. Всегда неприятно наблюдать признаки прогрессирующей болезни, но в моем случае болезнь развивалась на фоне совсем уж загадочных симптомов. Мой отец вроде бы это тоже подметил, и я все чаще ловил на себе его удивленные и даже испуганные взгляды. Что же со мной происходило? Возможно ли, что я внешне начал напоминать свою бабушку и дядю Дугласа?

Как-то ночью мне приснился страшный сон, в котором я встретил бабушку в морской пучине. Она жила в фосфоресцирующем дворце со множеством террас, среди садов диковинных чешуйчатых кораллов и причудливых ветвистых кристаллов, и она приветствовала меня с таким превеличенным радушием, что его можно было бы счесть сардоническим. Она заметно изменилась — подобно тем, кто изменился для продолжения жизни в водной стихии, — и сообщила, что никогда и не умирала. Наоборот, она нашла особое место, о котором некогда узнал ее покойный сын, и отсюда отправилась в страну, чьи чудеса — предназначенные и ему тоже — он малодушно отверг выстрелом из пистолета. Эта страна предназначена также и мне, и я не смогу ее избежать. Я никогда не умру, но буду жить среди тех, кто родился еще до появления на земле первых людей.

Я также встретил там существо, которое когда-то было ее бабушкой. На протяжении восьмидесяти тысяч лет Пт'тхиа-л'йи жила в городе Й'ха-нтхлеи и вернулась туда после смерти Оубеда Марша. Й'ха-нтхлеи не был уничтожен, когда люди верхней земли принесли в море смерть. Ему причинили урон, но не уничтожили. Глубоководных нельзя уничтожить, хотя им может стать преградой палеогеновая магия давно забытых Древних. Сейчас они затаились, но когда-нибудь могут вспомнить былое и вновь восстать, дабы Великий Ктулху вернул себе то, что принадлежит ему по праву. И в следующий раз они захватят город поболее, чем Инсмут. Они были готовы распростра-

нить свою власть на суше и уже подняли из океанских глубин то, что для этого требовалось, но теперь им надобно немного подождать. Это по моей вине смерть пришла в море от людей верхней земли, и я должен понести наказание, но оно будет не слишком тяжким. Такой вот мне приснился сон, в котором я впервые увидел шоггота, и при виде его пробудился, крича от ужаса. И в то утро зеркало недвусмысленно сообщило мне, что я наконец окончательно обрел инсмутскую внешность.

Я до сих пор не застрелился по примеру моего дяди Дугласа. Я купил пистолет и почти уже собрался это сделать, но меня остановили некие сны. Жуткие приступы ужаса ослабевают, и я ощущаю не отвращение, но странное влечение к неведомым морским глубинам. Я слышу и делаю странные вещи во сне и теперь пробуждаюсь скорее с восторгом, чем с ужасом. Я не думаю, что мне следует дожидаться полного превращения, подобно другим. Если бы я сидел и ждал, то мой отец, скорее всего, запер бы меня в психиатрической лечебнице, как это сделали с моим бедным маленьким кузеном. Головокружительные невиданные чудеса ожидают меня в морской пучине, и очень скоро я отправлюсь на их поиски. Йа-Р'льех Ктулху фхтагн йа йа! О нет, я не буду стреляться, меня никто не заставит застрелиться!

Я помогу моему маленькому кузену сбежать из санатория в Кантоне, и мы вместе с ним отправимся в объятый мглой чудес Инсмут. Мы будем плавать на тот чудесный риф в открытом море и нырять в черные бездны к циклопическому и многоколонному Й'ха-нтлею, и в том обиталище Глубоководных мы обречем чудесную и славную жизнь вечную.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Даже самым леденящим ужасам нередко сопутствует ирония. Порою она составляет их неотъемлемую часть, порою связана с ними опосредованно, через тех или иных лиц или места. Прекрасным образцом иронии последнего рода может служить случай в старинном городе Провиденсе в конце сороковых, когда там частенько гостил Эдгар Аллан По в пору своего безуспешного сватовства к даровитой поэтессе Хелен Уитмен. Обычно По останавливался в «Мэншн-хаус» на Бенефит-стрит — той самой гостинице, что некогда носила название «Золотой шар» и в разное время приветчала таких знаменитостей, как Вашингтон, Джефферсон и Лафайет. Излюбленный маршрут прогулок поэта пролегал вверх по названной улице к дому миссис Уитмен и расположенному на соседнем холме погосту церкви Святого Иоанна с его многочисленными надгробиями восемнадцатого века, скрытыми под сенью древ и имевшими для По особое очарование.

Ирония же состоит в следующем. Во время этих прогулок, повторявшихся изо дня в день, величайший мастер ужаса и гротеска всякий раз проходил мимо одного дома на восточной стороне улицы — обветшалого старомодного строения, торчавшего на склоне холма, с большим запущенным двором, существовавшим еще с тех времен, когда окружающая местность фактически находилась за чертой горо-

да. Нет указаний на то, что По когда-либо писал или говорил об этом доме, как нет и оснований утверждать, что он вообще обращал на него внимание. Тем не менее именно этот дом, в глазах двух людей, обладающих некоторой информацией, по ужасам своим не только равен, но даже превосходит самые безумные из вымыслов гения, столь часто проходившего мимо него в неведении, и поныне взирает на мир тусклым взглядом своих оконниц, как пугающий символ всего неопишимо чудовищного и ужасного.

Строение это было и, пожалуй, остается объектом такого рода, которые всегда привлекают внимание любопытных. Изначально имевшее вид обычного фермерского дома, впоследствии оно приобрело ряд черт, типичных для новоанглийской колониальной архитектуры середины восемнадцатого столетия, и превратилось в помпезный двухэтажный особняк с остроконечной крышей и глухой мансардой, георгианским парадным входом и внутренней панельной обшивкой в тогдашнем вкусе. Дом стоял на западном склоне холма и был обращен фасадом на юг; нижние окна с правой его стороны находились почти вровень с землей, зато левая половина дома, граничившая с улицей, была открыта до самого основания. Конструкция дома, чей фундамент был заложен более полутора веков назад, изменялась по мере улучшения и выпрямления дороги, пролежавшей рядом с ним. Речь идет все о той же Бенефит-стрит, которая прежде называлась Бэк-стрит и представляла собой узкую улочку, петлявшую между могилами первых поселенцев. Выпрямить ее удалось лишь после того, как с перезахоронением тел на Северном кладбище отпало единственное моральное препятствие к тому, чтобы проложить путь прямо через старые фамильные делянки.

Первоначально западная стена дома возвышалась на расстоянии около шести метров от дороги, однако в результате расширения последней, осуществленного незадолго до Революции, интервал существенно сократился, а подваль-

ный этаж обнажился настолько, что пришлось соорудить кирпичную стену с двумя окнами и дверью, оградившую его от нового маршрута для публичного передвижения. Когда сто лет тому назад был проложен тротуар, промежуток между домом и улицей исчез окончательно, и во время своих променадов По мог видеть лишь серую кирпичную стену высотой в три метра, вплотную примыкавшую к тротуару, да свес крытой дранкой крыши.

Обширный земельный участок простирался от дома вверх по склону холма почти до Уитон-стрит. Пространство между фасадом дома и Бенефит-стрит располагалось значительно выше уровня тротуара, образуя своего рода террасу, опиравшуюся на высокий каменный вал, сырой и замшелый. Узкие и крутые ступени, выдолбленные в камне, вели вверх, в мир запущенных лужаек, неухоженных огородов и осыпающихся кирпичных кладок, где в беспорядке валялись разбитые цементные урны, ржавые котлы, узловатые треноги, некогда служившие им опорой, и тому подобные предметы, образуя живописный фон для выдавшей виды парадной двери с зияющим над ней веерообразным оконным проемом, прогнившими ионическими пилястрами и изъеденным червями треугольным фронтоном.

Все, что я слышал о заброшенном доме в детстве, сводилось к необыкновенно большому количеству людей, которые в нем умерли. Именно это обстоятельство якобы и заставило первых владельцев покинуть дом лет через двадцать после того, как он был построен. Причиной смертей, скорее всего, была нездоровая атмосфера, обусловленная сыростью и погаными наростами в подвале, всепроникающим тошнотворным запахом, сквозняками или, наконец, недоброкачественной водой. Любого из перечисленных факторов было бы вполне достаточно, а дальше таких предположений никто из моих знакомых не шел. И только записные книжки моего дядюшки, неутомимого собирателя древностей доктора Илайхью Уинпла, поведали мне о более мрачных подо-

зрениях, ходивших среди старой прислуги и простого люда; подозрениях, никогда не покидавших пределы узкого круга посвященных и по большей части забытых к тому времени, когда Провиденс вырос в крупный современный город с быстро меняющимся составом населения.

Здравомыслящие горожане никогда не ассоциировали этот дом с нечистой силой. Об этом свидетельствует полное отсутствие рассказов о лязгающих цепях, ледяных сквозняках, блуждающих огоньках и чужих лицах за окнами. Иные максималисты называли дом «дурным местом», но не более того. Что действительно не вызывало сомнений, так это неслыханное количество людей, которые в нем умирали — точнее, умерли, ибо после известных событий шестидесятилетней с лишним давности он остался без жильцов ввиду полной невозможности быть сданным внаем. В этом доме редко кто умирал скоропостижно и по какой-то конкретной причине. Общим для многих смертей было то, что у человека незаметно иссякала жизненная сила, и каждый умирал от того недуга, который в нем уже сидел, но только в гораздо более короткие сроки. А у тех, кто оставался в живых, в различной степени проявлялось малокровие или чахотка, а иногда и снижение умственных способностей, что явно говорило не в пользу целебных качеств помещения. К слову сказать, соседние дома вообще не обладали подобными пагубными свойствами.

Вот все, что было мне известно на тот момент, когда уставший от моих настойчивых расспросов дядюшка показал мне записи, которые в конечном счете подвигли нас обоих начать расследование. В пору моего детства в страшном доме никто не жил; в расположенном на террасе дворе, где никогда не зимовали птицы, росли одни бесплодные, безобразно искривленные, старые деревья, высокая, густая и неестественно блеклая трава да уродливые, как ночной кошмар, сорняки. Детьми мы часто посещали это место, и я до сих пор помню тот своеобразный азартный страх, кото-

рый я испытывал не только перед нездоровой причудливостью этой зловещей растительности, но и перед странной атмосферой и запахом полуразрушенного здания, куда мы часто проникали через незапертую парадную дверь, чтобы пощекотать себе нервы. Маленькие оконца были по большей части лишены стекол, и невыразимый дух запустения оведал еле державшуюся камышитовую обшивку, ветхие внутренние ставни, отстающие обои, отваливающуюся штукатурку, шаткие лестницы и сломанную мебель. Пыль и паутина вносили свою лепту в общее ощущение ужаса, и подлинным храбрецом считался тот мальчик, который отваживался добровольно подняться по стремянке на чердак, обширное балочное пространство которого получало свет лишь через крошечные угловые оконца и было заполнено сваленными в кучу обломками сундуков, стульев и прялок, за многие годы окутанными паутиной настолько, что они приобрели самые чудовищные и дьявольские очертания.

И все же самым страшным местом в доме был не чердак, а сырой и промозглый подвал, внушавший нам наибольший ужас, хотя он почти вплотную примыкал к людной улице, от которой его отделяла лишь тонкая дверь да кирпичная стена с окошком.

Мы не были уверены, стоило ли заходить в дом, уступая естественной тяге к неизвестному и пугающему, либо же следовало сторониться его, дабы не навредить душе и рассудку. Ибо, с одной стороны, дурной запах, пропитавший весь дом, ощущался здесь в наибольшей степени; с другой стороны, нас пугала та белая грибовидная поросль, что появлялась в иные дождливые летние дни на твердом земляном полу. Эти грибы, гротескно схожие с растениями во дворе, имели поистине жуткие формы, представляя собой отвратительные карикатуры на поганки и «индейские трубки», каких мне не случалось видеть нигде больше. Они быстро разлагались и на определенной стадии начинали слегка фосфоресцировать, так что запоздалые прохожие

нередко рассказывали о бесовских огоньках, мерцающих за источающими смрад оконницами.

Даже в разгар самых буйных своих сумасбродств в канун Дня всех святых мы не наведывались в подвал в темное время суток, зато во время дневных посещений не раз наблюдали упомянутое свечение, особенно в пасмурную и сырую погоду. Было еще одно явление, более неуловимое и необычное, казавшееся нам реально существующим, но, скорее всего, существовавшее лишь в нашем воображении. Я имею в виду расплывчатое белесое пятно на грязном полу — как бы налет плесени или селитры, который мы порой смутно различали среди скудной грибовидной поросли перед огромным очагом в подвальной кухне. Иногда нам бросалось в глаза жутковатое сходство этого пятна с очертаниями скрюченной человеческой фигуры, хотя в большинстве случаев такого сходства не наблюдалось, а зачастую никакого белесого налета не было вовсе. Как-то в дождливый полдень, когда сходство было особенно сильным и когда, как мне почудилось, над пятном поднималось какое-то испарение, слабое, желтоватое и мерцающее, которое улетучивалось в зияющую дыру дымохода, я рассказал об увиденном дяде. В ответ он только улыбнулся, но в улыбке его, казалось, мелькнуло некое воспоминание. Позднее я узнал, что о подобном явлении гласят простонародные поверья, связанные с безобразными, уродливыми формами, которые порой принимает дым, покидая широкий дымоход, и гротескными контурами, которые приобретают извилистые корни деревьев, пробившиеся в подвал сквозь щели меж камнями фундамента.

2

Пока я не достиг совершеннолетия, дядя не спешил знакомить меня с собранными им сведениями и материалами, касавшимися страшного дома. Доктор Уиппл был консер-

вативным здравомыслящим врачом старого закала и, несмотря на весь свой интерес к этому загадочному месту, остерегался поощрять юный, неокрепший ум в тяге к сверхъестественному. По его мнению, дом и прилегающий к нему участок всего лишь нуждались в основательной санитарной обработке и не были связаны ни с какими аномальными явлениями, но при этом он прекрасно понимал, что сама живописность и неординарность строения, не оставлявшая равнодушным даже такого закоренелого материалиста, как он, в живом воображении мальчика непременно будет вызывать самые жуткие образные ассоциации.

Дядюшка жил бобылем. Этот седовласый, чисто выбритый, одевавшийся по старой моде джентльмен слыл местным летописцем и неоднократно скрещивал полемическую шпагу с такими любителями дискуссий и охранителями традиций, как Сидни С. Райдер и Томас У. Бикнелл. Он и его единственный слуга жили в георгианском особняке с дверным кольцом и лестницей с железными перилами, стоявшем на крутом подъеме Норт-Корт-стрит, рядом со старинным кирпичным зданием, где некогда располагались суд и колониальная администрация. Именно в этом здании 4 мая 1776 года дедушка моего дяди (между прочим, двоюродный брат того самого капитана Уиппла, чей капер в 1772 году потопил военную шхуну «Гаспи» флота ее величества) голосовал за независимость колонии Род-Айленд. В библиотеке — сыром, низком помещении с потемневшей от времени панельной обшивкой, затейливыми резными украшениями над камином и крошечными оконцами, затененными виноградными лозами, — дядю окружали старинные фамильные реликвии и бумаги, содержавшие немало многозначительных аллюзий на заброшенный дом по Бенефит-стрит. Кстати, этот очаг заразы находится совсем рядом, так как Бенефит-стрит, идущая по склону крутого холма, где ранее стояли дома первых поселенцев, проходит прямо над бывшим зданием суда.

Когда наконец мои докучливые просьбы и зрелость лет вынудили дядю поведать мне все, что он знал о заброшенном доме, передо мной предстала довольно странная хроника. Все это обилие фактов, дат и скучнейших генеалогических построений пронизывало ощущение некоего гнетущего и неотвязного ужаса и сверхъестественной демонической злобы, что произвело на меня впечатление гораздо более сильное, нежели на моего почтенного дядюшку. События, казалось бы, ничем между собой не связанные, складывались в одно целое самым удивительным и жутким образом; а несущественные на первый взгляд подробности давали повод для самых чудовищных предположений. Меня одолев новый жгучий интерес, в сравнении с которым прежнее детское любопытство казалось мне теперь необоснованным и смешным. Это первое откровение подвигло меня на тщательное расследование и в конечном счете вынудило решиться на леденящий душу эксперимент, оказавшийся губительным для меня и моего родственника. Ибо дядюшка все-таки настоял на том, чтобы принять участие в начатых мною изысканиях, и дождливая ночь, проведенная нами в том доме, стала для него последней. Как мне не хватает этого милого человека, чья долгая жизнь была образцом честности, добродетели, изысканного вкуса, великодушия и учености! В память о нем я воздвиг мраморную урну на кладбище Святого Иоанна, которое так любил Эдгар По: оно расположено на вершине холма под сенью высоких ив, где могилы и надгробия смиренно теснятся между старинной церковью и зданиями Бенефит-стрит.

История дома, открывавшаяся целым лабиринтом дат, не содержала и намека на какую-либо зловещую тайну ни в связи с его постройкой, ни в связи с воздвигшим его семейством, состоятельным и почтенным. Тем не менее уже с самого начала ощущалась какая-то надвигающаяся угроза, в скором времени принявшая ощутимые масштабы. Летопись, добросовестно составленная дядей из разрозненных

фактов, начиная с постройки дома в 1763 году, отличалась удивительным изобилием подробностей. Первыми жильцами дома были некто Уильям Гаррис, его супруга Роби Декстер и дети: Элькана, Абигайль, Уильям-младший и Рут, появившиеся на свет соответственно в 1755, 1757, 1759 и 1761 годах. Гаррис был преуспевающим купцом и вел морскую торговлю с Вест-Индией через фирму Обедайи Брауна и его племянников. Когда в 1761 году Браун-старший приказал долго жить и компанию возглавил его племянник Николас, Гаррис стал хозяином 120-тонного брига «Пруденс», что дало ему возможность построить собственный дом, о котором он мечтал со дня женитьбы.

Выбранное им место — недавно выпрямленный отрезок новой, фешенебельной Бэк-стрит, проходившей по склону холма над многолюдным Чипсайдом, — не оставляло желать лучшего, а возведенное здание, в свою очередь, делало честь выбранному месту. Это было лучшее, на что мог претендовать человек с умеренными средствами, и Гаррис поспешил въехать в новый дом накануне рождения пятого ребенка. Мальчик появился на свет в декабре, но был мертворожденным. В течение следующих полутора столетий ни один ребенок не родился в этом доме живым.

В апреле следующего года на семью обрушилось новое горе: дети внезапно заболели, и двое из них, Абигайль и Рут, умерли, не дожив до конца месяца. По заключению доктора Джоуба Айвза, их унесла в могилу какая-то разновидность скарлатины; другие врачи в один голос утверждали, что болезнь скорее напоминала туберкулез или скоротечную чахотку. Как бы то ни было, но она, видимо, оказалась заразной, ибо именно от нее в июне того же года скончалась служанка по имени Ханна Бауэн. Еще один слуга, Илай Лиддисон, постоянно жаловался на дурное самочувствие и уже было собирался вернуться на отцовскую ферму в Рехобот, как вдруг вспылал страстью к Мехитабель Пирс, принятой на место Ханны. Илай умер на следующий год, год

воистину скорбный, поскольку он был ознаменован кончиной самого Уильяма Гарриса, здоровье которого не выдержало климата Мартиники, где ему за последние десять лет приходилось часто и подолгу бывать по служебным делам.

Молодая вдова так и не оправилась от потрясения, вызванного смертью мужа, а кончина ее старшей дочери Эльканы, последовавшая спустя два года, нанесла окончательный удар по рассудку несчастной женщины. В 1768 году она впала в легкое умопомешательство, и с тех пор ее держали взаперти на верхнем этаже дома. Забота о хозяйстве и семье пала на плечи ее старшей сестры, незамужней Мерси Декстер, которая переехала к ним. Худая и некрасивая Мерси обладала недюжинной физической силой, однако после переезда здоровье ее стало резко ухудшаться. Она была исключительно предана своей несчастной сестре и питала особую привязанность к своему племяннику Уильяму, единственному из детей, кто остался в живых. Правда, этот некогда румяный крепыш превратился в хилое, рахитичное существо. В том же году умерла служанка Мехитабель, и сразу после ее смерти уволился второй слуга, Смит по прозвищу Береженный, не дав своему поступку сколько-нибудь вразумительного объяснения, если не считать каких-то совершенно диких небылиц и сетований на то, будто ему не нравился запах в доме. Какое-то время Мерси не могла найти новых слуг, поскольку семь смертей и одно умопомешательство за пять лет запустили механизм распространения сплетен, которые в скором времени приобрели самый абсурдный характер. В конце концов ей все же удалось найти двоих из другой местности: это были Энн Уайт, неприветливая особа из той части Норт-Кингстауна, которая позднее приобрела статус отдельного города под названием Экстер, и расторопный бостонец по имени Зенас Лоу.

Первым человеком, кто придал зловещим пересудам более или менее конкретные очертания, стала Энн Уайт. Мерси следовало бы хорошенько подумать, прежде чем нани-

мать в прислуги уроженку Нуснек-Хилла, дремучей дыры, что была и остается гнездом самых диких суеверий. Еще в 1892 году жители Эксетера выкопали мертвое тело и подвергли сердце трупа торжественному сожжению, дабы предотвратить пагубные для общественного здоровья и мира влияния, которые якобы не замедлили бы воспоследовать, если бы покойник был оставлен в покое. Можно себе представить настроения тамошней общины в 1768 году! Язык у Энн Уайт был настолько злым и длинным, что через несколько месяцев ее пришлось уволить, а на ее место взять верную и добрую амазонку из Ньюпорта Марию Роббинс.

Между тем несчастная Роби Гаррис окончательно потеряла рассудок и принялась оглашать на весь дом свои сны и видения, носившие самый чудовищный характер. Ее ужасающие вопли могли продолжаться часами, что в конце концов вынудило домашних временно поселить ее сына в доме его двоюродного брата Пелега Гарриса, жившего в Пресвитерианском переулке, по соседству с новым зданием колледжа. Как следствие, мальчик заметно поправился, и если бы Мерси руководствовалась не только благими намерениями, но и здравым смыслом, она бы оставила его у брата насовсем. О том, что именно выкрикивала миссис Гаррис во время своих буйных припадков, семейное предание умалчивает, в лучшем случае приводя настолько экстравагантные примеры, что они опровергают сами себя ввиду их нелепости. Ну разве не абсурдно звучит утверждение, будто женщина, имевшая лишь самые элементарные познания во французском, могла часами выкрикивать просторечные и непристойные выражения на этом языке или будто она же, сидя в одиночестве и под надежным надзором, во всеуслышание жаловалась на то, что якобы ее щипало и кусало некое существо с пристальным взглядом? В 1772 году умер Зенас, и, узнав об этом, миссис Гаррис разразилась пугающе радостным смехом, совершенно ей не свойствен-

ным. Она скончалась на следующий год и была похоронена на Северном кладбище рядом с мужем.

В 1775 году, когда началась война с Англией, Уильяму Гаррису-младшему, несмотря на его шестнадцать лет и слабое телосложение, удалось поступить в наблюдательный корпус под командованием генерала Грина, и с этого дня его здоровье и карьера стремительно пошли в гору. В 1780 году, будучи уже капитаном род-айлендских волонтеров на территории Нью-Джерси (ими командовал полковник Энджел), он женился на Фиби Хетфилд из Элизабеттауна, а в следующем году, уйдя в почетную отставку, вернулся в Провиденс вместе с молодой женой.

Нельзя сказать, что возвращение славного воина ничем не было омрачено. Дом, правда, по-прежнему оставался в хорошем состоянии, а улицу расширили и переименовали из Бэк-стрит в Бенефит-стрит, зато Мерси Декстер претерпела печальную и странную метаморфозу: эта некогда крепкая женщина превратилась в сутулую и жалкую старуху с глухим голосом и мертвенно-бледным лицом. На удивление сходное превращение произошло и с единственной оставшейся служанкой Марией. Осенью 1782 года Фиби Гаррис родила мертвую девочку, а 15 мая следующего года Мерси Декстер завершила свой самоотверженный, скромный и добродетельный жизненный путь.

Уильям Гаррис, теперь уже полностью удостоверившись в нездоровой атмосфере своего жилища, принял меры к переезду, предполагая в ближайшем будущем заколотить дом навсегда. Сняв комнаты для себя и жены в недавно открывшейся гостинице «Золотой шар», он занялся возведением нового, более фешенебельного дома на Вестминстер-стрит, в строящемся квартале за Большим мостом. Именно там в 1785 году появился на свет его сын Дьюти, и там семья благополучно жила до тех пор, пока наступление коммерческих заведений, заполонивших округу, не вынудило ее вернуться на противоположный берег реки, в новый жилой

район Ист-Сайд и поселиться на Энджел-стрит, пролежавшей по ту сторону холма, где в 1876 году ныне покойный Арчер Гаррис построил себе пышный, но безвкусный особняк с мансардой. Уильям и Фиби скончались в 1797 году во время эпидемии желтой лихорадки, и Дьюти был взят на воспитание своим кузеном Рэтбоуном Гаррисом, сыном Пелега.

Рэтбоун был человеком практичным и сдавал дом на Бенфит-стрит внаем, несмотря на последнюю волю Уильяма, не желавшего, чтобы там кто-то жил. Как опекун, он считал, что мальчик должен получать от своей собственности как можно больше дохода, и его нимало не смущали ни смерти и болезни, вследствие которых жильцы сменяли друг друга с быстротой молнии, ни растущая враждебность к дому со стороны горожан, и когда в 1804 году муниципалитет распорядился, чтобы территория дома была окурена серой и смолой, он едва ли ощутил что-то, кроме легкой досады. Поводом для такого решения городских властей послужили четыре смерти, вызванные, предположительно, уже сходящей в то время на нет эпидемией лихорадки и возбудившие немало досужих толков. Ходил, в частности, слух, что дом источает лихорадочные миазмы.

Что касается Дьюти, то судьба дома почти его не волновала, поскольку, достигнув совершеннолетия, он поступил в военно-морской флот и во время войны 1812 года с отличием служил на капере «Бдительный» под началом капитана Кэхуна. Воротясь целым и невредимым, в 1814 году он женился и вскоре стал отцом. Последнее событие произошло в ту памятную ночь на 23 сентября 1815 года, когда случился сильнейший шторм и воды залива затопили полгорода; при этом один шлюп увлекло волнами аж до Вестминстер-стрит, и мачты его стучали в окна Гаррисов как бы в символическое подтверждение того, что младенец с говорящим именем Уэлком, то есть «желанный», родился сыном моряка.

Уэлком не пережил своего отца: он пал смертью храбрых в битве при Фредериксбурге в 1862 году. В глазах Уэлкома и его сына Арчера заброшенный дом был не более чем старой развалиной, в которой никто не хотел селиться — вероятно, по причине дряхлости и тошнотворного запаха, неременного спутника любой старческой неопрятности. Действительно, дом ни разу не удалось сдать внаем после целого ряда смертей в 1861 году, которые, впрочем, были скоро забыты за всеми треволениями, вызванными начавшейся войной. Кэррингтон Гаррис, последний из рода по мужской линии, видел в заброшенном доме лишь живописный объект преданий, пока я не поведал ему о своем опыте. Прежде он намеревался сровнять особняк с землей и построить на его месте многоквартирный дом, но после беседы со мной решил провести в него водопровод и пустить жильцов. С тех пор никаких проблем с жильцами не было. Кошмар покинул эти стены.

3

Нетрудно представить, какое сильное впечатление произвела на меня семейная хроника Гаррисов. На всем протяжении этого пространного отчета мне мерещилось назойливое присутствие какого-то злого начала, противного самой природе этого мира; было также очевидно, что зло это связано с домом, а не с семьей. Впечатление мое подтверждалось множеством разрозненных фактов, с грехом пополам сведенных моим дядей в подобие системы: я имею в виду рассказы слуг, газетные вырезки, копии свидетельств о смерти и тому подобные вещи. Я не собираюсь приводить здесь этот материал в полном объеме — дядюшка был неутомимым собирателем древностей и испытывал живейший интерес к страшному дому; упомяну лишь несколько наиболее важных моментов, заслуживающих внимания

хотя бы потому, что они воспроизводятся во многих сообщениях из разных источников. К примеру, слуги практически единодушно приписывали неоспоримое верховенство в дурном влиянии затхлому и заплесневелому подвалу. Некоторые из них, в том числе Энн Уайт, никогда не пользовались подвальной кухней, и как минимум в трех сообщениях говорилось о причудливых, порой человеческих, порой inferнальных очертаниях, которые принимали корни деревьев и налеты плесени в том помещении. Эти сообщения вызвали у меня особый интерес в связи с тем явлением, которое я наблюдал собственными глазами, когда был ребенком, и все же меня не покидало ощущение, что самое главное в каждом из этих случаев было в значительной степени искажено дополнениями, заимствованными из местных легенд о привидениях.

Энн Уайт, болезненно суеверная, как все выходцы из Эксетера, распространяла самую экстравагантную и в то же время самую убедительную версию, уверяя, что прямо под домом находится могила одного из тех вампиров — то есть мертвецов, сохранивших свою телесную оболочку и питающихся кровью или дыханием живых людей, — чьи богомерзкие легионы отправляются по ночам на кровавый промысел в виде телесных образов или призраков. Чтобы уничтожить вампира, как советуют старые люди, его следует откопать и сжечь у него сердце — или хотя бы всадить ему в сердце осиновый кол. В конечном счете настойчивость, с которой Энн требовала проведения раскопок в подвале, и послужила решающей причиной ее увольнения.

Тем не менее ее байки имели широкую и благодарную аудиторию и принимались на веру тем охотнее, что дом действительно стоял на месте старого кладбища. Лично меня все эти рассказы интересовали постольку, поскольку они удивительно согласовывались с некоторыми другими фактами, а именно: словами заблаговременно уволившегося слуги по прозвищу Береженный Смит, жившего в страшном

доме намного раньше Энн и не знавшего ее, который жаловался, будто по ночам нечто неведомое «высасывает из него дыхание»; свидетельствами о смерти четырех жертв лихорадки, выданными доктором Чедом Хопкинсом в 1804 году и констатировавшими у покойников необъяснимое малокровие; и, наконец, с обрывками бредовых причитаний несчастной Роби Гаррис, упоминавшей острые клыки какого-то бестелесного существа с тусклым взглядом.

Как бы ни был я свободен от глупых суеверий, сведения эти вызвали у меня странное ощущение, которое было усугублено парой газетных вырезок, касавшихся смертей в страшном доме и разделенных большим промежутком времени, — одной из «Провиденс газетт энд кантри джорнал» от 12 апреля 1815 года, а другой из «Дейли трэнскрипт энд кроникл» от 17 октября 1845 года. В обеих заметках описывался жуткий феномен, двукратное повторение которого, на мой взгляд, было симптоматичным. В том и другом случаях умирающий (в 1815 году пожилая дама по фамилии Стэнфорд, в 1845 году школьный учитель средних лет Элиейзер Дюрфи) претерпевал чудовищную трансформацию, а именно: его глаза становились будто стеклянными, и он пытался укусить за горло лечащего врача. Однако еще более загадочным был последний эпизод, положивший конец сдаче дома внаем: я имею в виду серию смертей от малокровия, каждой из которых предшествовало прогрессирующее умопомешательство, проявлявшееся в том, что больной коварно покушался на жизнь своих близких, пытаясь прокусить им шею или запястье.

Упомянутые смерти относятся к 1860–1861 годам, когда мой дядя только приступил к врачебной практике; он много слышал о них от своих старших коллег перед уходом на фронт. Поистине необъяснимым оставался тот факт, что жертвы — а это были невежественные представители низшего сословия, ибо сдать дурно пахнувший и имевший недобрую славу дом приличным людям было в то время не-

возможно, — выкрикивали проклятия по-французски, хотя ни один из них ни в коей мере не владел этим языком ранее. То же самое имело место за сто лет до этих смертей в случае несчастной Роби Гаррис, и данное совпадение настолько поразило моего дядюшку, что вскоре после возвращения с войны, выслушав рассказы очевидцев, докторов Чейза и Уитмарша, он начал собирать факты из истории страшного дома. Я не раз убеждался в том, что дядя действительно глубоко размышлял над этим предметом и что он был рад моему интересу к последнему — интересу непредвзятому и сочувственному, позволявшему ему обсуждать со мной такие материи, которые у любого другого не вызвали бы ничего, кроме смеха. Фантазия его не заходила так далеко, как моя, однако он осознавал, что этот дом исключителен по своей способности давать пищу для воображения и достоин внимания хотя бы как источник вдохновения в области гротескного и зловещего.

Я со своей стороны отнесся к предмету со всей серьезностью и сразу приступил не только к проверке показаний очевидцев, но и к сбору новых фактов, насколько это было в моих силах. Я не раз беседовал с престарелым Арчером Гаррисом, тогдашним владельцем дома, вплоть до его смерти в 1916 году, и получил от него и его сестры, ныне еще здравствующей незамужней Элис, авторитетное подтверждение всех семейных дат, собранных моим дядюшкой. Но когда я спрашивал у них, какое отношение мог иметь дом к Франции или ее языку, они признавались, что столь же искренне недоумевают по этому поводу, как и я. Арчер вообще ничего не знал, что же до мисс Гаррис, то она поведала мне лишь о некоем упоминании, которое слышал ее дед, Дьюти Гаррис, и которое могло пролить хоть какой-то свет на эту загадку. Старый морской волк, который на два года пережил своего павшего на поле брани сына Уэлкома, рассказывал ей, что его старая няня Мария Роббинс смутно догадывалась о чем-то таком, что придавало особый, жут-

кий смысл французскому бреду Роби Гаррис. Мария жила в страшном доме с 1769 года вплоть до переезда семьи в 1783 году и присутствовала при смерти Мерси Декстер. Как-то раз она обмолвилась в присутствии малолетнего Дьюти об одном неординарном обстоятельстве, сопровождавшем последние минуты Мерси, однако со временем он начисто забыл, что это было за обстоятельство, а уж его внучка и подавно не могла сказать ничего определенного. Она и ее брат не так живо интересовались домом, как сын Арчера Кэррингтон, нынешний владелец, с которым я беседовал после своего эксперимента.

Вытянув из Гаррисов всю информацию, какой они обладали, я приступил к изучению старых городских хроник с еще большим энтузиазмом, чем в свое время мой дядюшка. Я хотел иметь исчерпывающие сведения об участке, где стоял дом, начиная с его застройки в 1636 году, а еще лучше — с более древних времен, когда здесь жили индейцы наррагансеты. Прежде всего я установил, что участок некогда входил в состав длинной полосы земли, изначально пожалованной некоему Джону Трокмортону, — одной из многих подобных полос, начинавшихся от улицы Таун-стрит, что идет параллельно реке, и тянувшихся вверх через холм примерно на одной линии с нынешней Хоуп-стрит. Участок Трокмортон в дальнейшем неоднократно подвергался разделу, и я тщательно проследил судьбу того его отрезка, на котором позднее пролегла Бэк-стрит, она же Бенефит-стрит. Легенда гласила, что раньше там действительно располагалось семейное кладбище Трокмортонов, однако, изучив документы более досконально, я обнаружил, что все могилы давным-давно были перенесены на Северное кладбище, находящееся на Потакет-Уэст-роуд.

Неожиданно мне попало одно свидетельство — по редкостному везению, ибо оно отсутствовало в основном массиве документов и легко могло затеряться, — которое возбудило во мне живейший интерес, так как давало ключ

к некоторым наиболее туманным аспектам всей истории. Это был договор об аренде от 1697 года, согласно которому земля переходила в пользование некоего Этьена Руле и его супруги. Наконец-то появился французский след, а вместе с ним и добавочный элемент ужаса, вызванного этим именем из самых отдаленных уголков моей памяти, где у меня хранилась вся информация о страшном доме, почерпнутая из обильного и разнородного чтения. Я принялся лихорадочно изучать бумаги о застройке местности, составленные еще до прокладки и частичного выпрямления Бэк-стрит в период между 1747 и 1758 годами, и сразу нашел то, чего наполовину ждал, а именно: на том самом месте, где теперь находился заброшенный дом, сразу за тогдашним коттеджем с мансардой, Руле с женой в свое время разбили кладбище; в то же время я не обнаружил ни одного упоминания о переносе могил. Заканчивался документ весьма сумбурно, и я был вынужден обшарить библиотеки Шепли и Род-Айлендского исторического общества в поисках дверцы, которая бы отпиралась ключом с именем Этьена Руле. В конце концов мне удалось кое-что откопать, и хотя моя находка носила довольно неопределенный характер, она имела настолько чудовищный смысл, что я немедленно приступил к обследованию подвала заброшенного дома с особыми тщательностью и рвением.

Согласно официальной записи, Руле прибыли в наши края в 1696 году из Ист-Гринвича, спустившись вдоль западного побережья залива Наррагансет. Они были гугенотами из местечка Код в Анжу и столкнулись с немалым противодействием со стороны членов городской управы, прежде чем им разрешили поселиться в Провиденсе. Косые взгляды окружающих преследовали их еще в Ист-Гринвиче, куда они прибыли в 1686 году, после отмены Нантского эдикта; ходили слухи, будто эта неприязнь выходила за рамки обычных национальных предрассудков или споров из-за земли, вовлекавших многих французских переселенцев в такие

раздоры с англичанами, которые не в силах был уладить сам губернатор Эндрос. Но, к счастью, их ревностный протестантизм — слишком ревностный, как утверждали злые языки, — и вопиющая нужда, в которой пребывали изгнанники, помогли им обрести приют в Провиденсе, и смуглолицый Этьен Руле, склонный не столько к земледелию, сколько к чтению непонятных книжек и черчению замысловатых схем, устроился складским клерком на верфь Пардона Тиллингаста в южном конце Таун-стрит. Но спустя годы — лет через сорок, уже после смерти старого Руле — случились какие-то беспорядки, и с тех пор об этих людях не было слышно ни слова.

Тем не менее в течение ста с лишним лет семью Руле часто вспоминали и обсуждали как незаурядное явление в спокойной, размеренной жизни новоанглийского приморского городка. Сын Этьена, Поль, — угрюмый тип, чье неадекватное поведение, вероятно, и спровоцировало те беспорядки, после которых семья бесследно исчезла, — вызывал особый интерес, и, хотя жители Провиденса никогда не разделяли панического страха своих пуританских соседей перед черной магией, с подачи старых кумушек в городе широко распространились рассказы о том, что, дескать, Руле-младший и произносил-то свои молитвы не в урочное время, и направлял-то их не по тому адресу. Вероятно, именно эти слухи легли в основу легенды, которую знала старуха Роббинс. Какое отношение они имели к французскому бреду Роби Гаррис и других обитателей страшного дома, можно было либо только гадать, либо выяснить посредством дальнейших изысканий. Меня интересовало, многие ли из тех, кто был в курсе местных легенд, осознавали ту дополнительную связь с ужасным, о существовании которой мне стало известно благодаря обильному чтению. Я имею в виду полный зловещего смысла эпизод, упоминаемый во французских анналах и связанный с неким *Жаком Руле из Кода*, приговоренным в 1598 году к костру за бесноватость, но впоследствии помилованным парижским парламентом и

заключенным в сумасшедший дом. Он был задержан в лесу, весь в крови и клочьях мяса, вскоре после того, как пара волков задрала мальчугана. Одного из волков видели убегающим вприпрыжку. Чем не история для рассказов у камина, особенно с учетом имени и места действия, но я решил, что кумушки из Провиденса в большинстве своем ее не знали. Если бы знали, то совпадение имен неминуемо повлекло бы за собой какие-нибудь радикальные, вызванные страхом действия. А может быть, именно этот слух, поначалу циркулировавший в ограниченных кругах, со временем привел к тем беспорядкам, кульминацией которых стало бесследное исчезновение семейства Руле?

Я стал все чаще наведываться в проклятое место, изучая нездоровую растительность в саду, осматривая стены здания и внимательно обследуя каждый дюйм земляного пола в подвале. Испросив разрешения у Кэррингтона Гарриса, я подобрал ключ к неиспользуемой двери, ведущей из подвала прямо на Бенефит-стрит, и теперь имел более близкий доступ к внешнему миру, нежели через неосвещенную лестницу, прихожую и парадное. В этом средоточии нездоровой атмосферы я обшаривал каждую пядь, заглядывал в каждый уголок в те долгие послеполуденные часы, когда солнечные лучи просачивались сквозь щели в затканной паутиной надземной двери, по ту сторону которой всего в паре шагов пролегал безопасная пешеходная дорожка. Но — увы! — старания мои не были вознаграждены новыми находками: кругом была все та же угнетающая затхлость, гниlostный запах и странные контуры на полу. Представляю, с каким любопытством разглядывали меня многочисленные прохожие через пустые оконные проемы!

Наконец, по совету дядюшки, я решил обследовать подвал в темное время суток и одной непогожей ночью, вооружившись карманным фонарем, еще раз тщательно осмотрел заплесневелый пол с видневшимися на нем непонятными контурами и пробивавшимися сквозь него причудливо искривленными, слабо фосфоресцирующими грибами. В ту

ночь окружающая обстановка давила на меня почему-то сильнее, чем прежде, и я почти не удивился, когда увидел — если только мне не почудилось — очертания скрюченной фигуры, отчетливо выделявшиеся среди белесоватых наростов. Это была та самая фигура, о которой я помнил с детства. Она выглядела необыкновенно четко, и, не отрывая от нее глаз, я снова увидел слабое желтоватое мерцающее испарение, которое ужаснуло меня в дождливый день так много лет назад.

Эта едва различимая, нездоровая, испускавшая слабое свечение дымка поднималась над человекоподобным пятном плесени возле очага; клубясь и извиваясь в темноте, она непрерывно принимала различные неясные, но пугающие формы, постепенно истончаясь и улетучиваясь в черноту огромного дымохода и оставляя за собой характерный мерзкий запах. Все это было ужасно и в моем случае еще усугублялось всем, что мне было известно об этом месте. Дав себе слово не покидать своего поста, что бы ни случилось, я внимательно наблюдал за исчезновением дымки и, наблюдая, не мог отделаться от ощущения, что и она, в свою очередь, плотоядно следит за мной своими не столько видимыми, сколько воображаемыми зрачками. Когда я рассказал обо всем дяде, он пришел в сильное возбуждение и после часа напряженных раздумий принял радикальное решение. Взвесив в уме всю важность предмета и той миссии, которая на нас лежала, он настоял на том, чтобы мы оба подвергли испытанию, а при необходимости и уничтожению скверну этого дома путем совместного неусыпного ночного дежурства в затхлом и заклеяменном плесенью подвале.

В среду 25 июня 1919 года, с разрешения Кэррингтона Гарриса, которому мы, впрочем, не открыли своих истинных намерений, мы с дядей приволокли в заброшенный

дом два складных стула, одну раскладушку и какой-то аппарат для лабораторных экспериментов, весьма сложный и громоздкий. Разместив эти предметы в подвале при свете дня, мы занавесили окна бумагой и покинули дом до вечера, когда было запланировано наше первое дежурство. Перед уходом мы заперли дверь, ведущую из подвала в первый этаж, и теперь, имея ключ от двери с прямым выходом на улицу, могли быть уверены, что наш высокочувствительный аппарат, добытый тайно и за большие деньги, будет оставаться в безопасности столько дней, сколько может нам потребоваться для ночных бдений. План на вечер был таков: до назначенного часа мы оба сидим не смыкая глаз, а затем начинаем дежурить в очередь по два часа каждый, сначала я, потом дядя, в то время как другой отдыхает на раскладушке.

Природная предприимчивость, с которой дядюшка раздобыл аппарат в лабораториях Университета Брауна и арсенала на Крэнстон-стрит, а также инстинктивно выбранное им направление наших поисков убедительно демонстрируют, какой запас жизненных сил и энергии сохранялся в этом восьмидесятилетнем джентльмене. Илайхью Уиппл строго соблюдал правила здорового образа жизни, которые пропагандировал как врач, и если бы в тот вечер ничего не случилось, он бы и по сей день пребывал в полном здравии. Только двое знают о случившемся — Кэррингтон Гаррис и ваш покорный слуга. Я не мог оставить его в неведении, так как дом принадлежал Гаррису и он имел право знать все. Кроме того, мы заранее уведомили его о своем эксперименте, и после того, что случилось с дядей, я знал, что Гаррис поймет меня и поможет мне дать необходимые публичные разъяснения. Выслушав мой рассказ, Гаррис стал блее мела, но согласился помочь и решил, что теперь можно без опаски пустить в дом жильцов.

Заявить, что в ту дождливую ночь дежурства мы не испытывали страха, было бы нелепым и глупым бахвальством.

Как я уже говорил, мы были далеки от любых суеверий, однако в процессе ученых штудий и долгих размышлений мы пришли к тому, что известная нам трехмерная вселенная представляет собой лишь ничтожную часть целого космоса вещества и энергии. В данном случае огромное количество свидетельств из многочисленных достоверных источников объективно указывало на существование неких сил, обладающих невероятной мощью и в высшей степени враждебных человеку. Сказать, что мы серьезно верили в вампиров или, скажем, в оборотней, означало бы сделать слишком поверхностное заявление. Вернее было бы выразиться, что мы не отрицали возможность существования неких неизвестных науке и неописанных форм жизненной силы и разреженной материи; форм, крайне редко встречающихся в трехмерном пространстве ввиду своего более тесного родства с другими элементами пространства, но тем не менее находящихся в достаточной близости к нам, чтобы время от времени удивлять нас феноменами, которые мы, за отсутствием удобной позиции для наблюдения, вряд ли когда-нибудь сможем понять.

Одним словом, мы с дядей полагали, что множество неоспоримых фактов свидетельствует о некоем пагубном влиянии, гнездящемся в страшном доме, — влиянии, восходящем к кому-то из злополучных французских переселенцев двухвековой давности и по-прежнему проявляющем себя через посредство редких и неизвестных науке законов движения атомов и электронов. На то, что члены семьи Руле находились в противоестественном контакте с внешними кругами бытия — кругами враждебными, внушающими нормальным людям лишь страх и отвращение, — достаточно красноречиво указывали письменные свидетельства. Не могло ли случиться так, что беспорядки, произошедшие в те далекие 1730-е годы, привели в движение некие кинетические структуры в болезненном мозгу одного или нескольких французов — хотя бы того же порочного Поля Руле, — в

результате чего структуры эти пережили своих умерщвленных носителей и продолжали функционировать в многомерном пространстве вдоль исходных силовых линий, определенных неистовой злобой возмущившихся горожан?

В свете новейших научных гипотез, разработанных на основе теории относительности и внутриатомной активности, подобный феномен уже не может считаться невозможным ни с точки зрения физики, ни с точки зрения биохимии. Нетрудно вообразить некий чужеродный сгусток вещества или энергии, пусть бесформенный, пусть какой угодно, существование которого поддерживается неощутимым или нематериальным паразитированием на жизненной силе или телесной ткани и жидкости других, более живых организмов, в которые он проникает и с материей которых он иногда сливается. Сгусток этот может быть активно враждебным, а может и просто руководствоваться слепыми мотивами самосохранения. В любом случае такой монстр в рамках нашей системы вещей неизбежно представляет собой аномалию и незваного гостя, и истребление его является священным долгом каждого, кто не враг природе, здоровью и здравому смыслу.

Более всего нас смущало наше полное неведение относительно того, какую форму примет противник. Никто из находившихся в здравом уме ни разу не видел его, и лишь очень немногие более или менее ясно его ощущали. Это могла быть энергия в чистом виде — как бы некая эфирная форма, существующая вне мира вещества; а могло быть и нечто материальное, но лишь отчасти, — какая-нибудь неизвестная науке пластичная масса, способная произвольно видоизменяться, образуя расплывчатые подобиya твердой, жидкой, газообразной или разреженной среды. Пятно плесени на полу, желтоватые испарения и извивы древесных корней, фигурирующие в ряде старинных легенд, — все они имели отдаленное сходство с человеческими очертаниями, однако нельзя было сказать ничего

определенного о том, насколько показательным и постоянным могло быть это сходство.

Для уничтожения противника мы запаслись двумя видами оружия: большой трубкой Крукса специальной конструкции, работающей от двух мощных аккумуляторных батарей и оснащенной особыми экранами и отражателями на тот случай, если враг окажется нематериальным и ему можно будет противодействовать только посредством разрушительного эфирного излучения; и парой армейских огнеметов времен мировой войны — на случай, если враг окажется частично материальным и чувствительным к механическому воздействию, ибо, по примеру суеверных эксетерцев, мы готовы были испепелить сердце врага, если бы таковое у него оказалось. Все эти орудия агрессии мы разместили в подвале таким образом, чтобы до них легко было дотянуться с раскладушки и стульев и чтобы они были нацелены на то место перед камином, где находилось пятно плесени, принимавшее различные странные очертания. Кстати, пресловутое пятно на этот раз было едва заметно — как днем, когда мы размещали мебель и механизмы, так и вечером, когда мы приступили непосредственно к дежурству, — и я даже на секунду усомнился, видел ли я его когда-нибудь вообще в более отчетливой форме, но потом вспомнил о легендах.

Мы заступили на дежурство в десять вечера и до поры до времени не замечали никаких перемен. При тусклом мерцании атакуемых ливнем уличных фонарей снаружи и еле заметном свечении омерзительной грибной поросли внутри мы различали источающие сырость каменные стены без малейшего следа известки; влажный, зловонный, подернутый плесенью земляной пол с его непотребными грибами; куски полусгнившей древесины, когда-то служившие скамейками, стульями, столами и прочей, теперь уже трудно сказать какой, мебелью; массивные доски и балки межэтажного перекрытия над головой; увечную дощатую дверь, ведущую в каморы и закрома, расположенные под другими частями

дома; крошащуюся каменную лестницу со сломанными деревянными перилами и грубую, законченную кирпичную кладку камина с какими-то ржавыми железяками внутри очага, намекавшими на наличие в прошлом крюков, подставок, вертелов и дверцы духовки. Помимо вышеперечисленного мы также могли видеть принесенные с собой стулья, походную раскладушку и громоздкие мудреные орудия разрушения.

Как и в прежние свои визиты, мы оставили дверь на улице незапертой — чтобы иметь прямой и удобный путь к отступлению на тот случай, если бы нам вдруг оказалось не под силу справиться с враждебным явлением. Мы полагали, что наши постоянные ночные бдения рано или поздно спровоцируют таящееся здесь зло на то, чтобы проявить себя, и что мы, заранее вооруженные всем необходимым, сможем расправиться с ним при помощи того или другого орудия, как только достаточно хорошо разглядим и поймем, с чем или кем имеем дело. Сколько времени может потребоваться на то, чтобы «разбудить» и истребить эту сущность или существо, мы не знали. Мы, конечно, понимали, что предприятие наше далеко не безопасно, ибо нельзя было заранее предугадать, насколько сильным окажется враг. И все же мы были уверены, что игра стоит свеч, и без колебаний решились пойти на риск в одиночку, понимая, что, обратившись за посторонней помощью, мы бы выставили себя на посмешище и, вероятно, только погубили бы все дело. Вот в таком настроении мы сидели и беседовали до позднего часа, пока мой дядюшка не стал клевать носом и мне не пришлось напомнить, что ему положено два часа сна.

Мое одинокое бдение в первые часы после полуночи сопровождалось чувством, похожим на страх, — я сказал «одинокое», ибо тот, кто бодрствует в присутствии спящего, одинок в большей степени, чем в любой другой ситуации; быть может, даже более одинок, чем сам это осознает. Дядя дышал тяжело и неровно, шум дождя на улице служил

аккомпанементом его глубоким вдохам и выдохам, а в роли невидимого дирижера выступал доносившийся откуда-то издалека звук капающей воды — в этом доме было невыносимо сыро даже в сухую погоду, и такой ливень, как сегодня, мог просто превратить его в болото. При тусклом свете грибов и слабых лучей, украдкой просачивавшихся с улицы сквозь занавешенные окна, я рассматривал старую, неплотную кирпичную кладку стен. Один раз, почувствовав, что задыхаюсь в спертой атмосфере, я приоткрыл дверь и некоторое время глядел то в один, то в другой конец улицы, теща взор знакомыми видами и вдыхая полной грудью нормальный, здоровый воздух. До сих пор не случилось ничего такого, что могло бы вознаградить меня за мое бдение, и я непрерывно зевал, испытывая теперь уже не страх, а только усталость.

Внезапно мое внимание было привлечено звуками, доносившимися со стороны дяди. В течение второй половины первого часа из двух, отведенных ему на сон, он несколько раз беспокойно повернулся с боку на бок; теперь же он начал как-то странно дышать — неравномерно и со вздохами, скорее напоминающими хрипы задыхающегося человека. Посветив на него фонарем и увидев, что он лежит ко мне спиной, я обогнул раскладушку и снова включил фонарь, чтобы проверить, не стало ли ему плохо. И хотя я не увидел ничего особенного, мне стало не по себе — вероятно, оттого, что замеченное мною странное обстоятельство связалось в моем сознании со зловещим характером наших местонахождения и цели, поскольку само по себе оно не было ни пугающим, ни тем более сверхъестественным. А заключалось оно всего-навсего в том, что выражение лица дяди — вероятно, под влиянием каких-то нелепых сновидений, спровоцированных ситуацией, — выдавало сильнейшее внутреннее возбуждение, совершенно для него нехарактерное. Обычно его лицо дышало уверенностью и спокойствием, свойственными всем благородным джентльменам, в то

время как теперь на нем отражалась борьба самых разнообразных чувств. Полагаю, что именно это *разнообразие* и встревожило меня более всего. Дядя, который то хватал воздух ртом, то переворачивался с боку на бок, теперь уже с широко открытыми глазами, представлялся мне не одним, но многими людьми одновременно; он словно перестал быть самим собой.

Потом он принялся бормотать, и меня неприятно поразило вид его рта и зубов. Поначалу слова звучали неразборчиво, но потом — переход был ужасающе резким — я слышал нечто такое, что сковало меня ледяным страхом, оставившим меня лишь после того, как я вспомнил о широте эрудиции дядюшки и о тех бесконечных часах, которые он просиживал над переводами статей по антропологии и древностям из «*Revue des deux mondes*». Да! — почтенный Илайхью Уиппл бормотал на французском языке, и те немногие фразы, которые мне удалось разобрать, могли быть выдержками из самых жутких мифов, которые ему когда-либо случалось переводить из вышеназванного парижского журнала.

Неожиданно на лбу спящего выступил пот, и он резко подскочил, наполовину проснувшись. Нечленораздельная французская речь сменилась нормальной английской, и дядя принялся хрипло восклицать: «Мое дыхание, мое дыхание!» Потом, когда он окончательно проснулся и на его лицо вернулось привычное спокойное выражение, дядя схватил меня за руку и поведал мне содержание своего сна, о реальной подоплеке которого я мог только строить самые страшные догадки.

По его рассказу, все началось с цепочки довольно заурядных образов, исподволь выросших в видение столь странное, что его невозможно было соотнести ни с чем из когда-либо им прочитанного. Видение это было одновременно и от мира, и не от мира сего — какая-то геометрическая неразбериха, где детали знакомых вещей выступали в самых невооб-

разимых комбинациях. Разрозненные образы накладывались один на другой, элементы пространства и времени как бы рассыпались, а затем соединялись друг с другом без всякой логики. В этом калейдоскопе фантазмагорических образов порой появлялись своего рода моментальные снимки, если можно воспользоваться этим термином; снимки исключительно четкие, но в то же время совершенно сумбурные.

Был момент, когда дяде представилось, будто он лежит в открытой свежевырытой яме, а сверху на него с ненавистью взирают какие-то люди в треугольных шляпах, с мрачными лицами в обрамлении длинных прядей волос. Потом он очутился во внутренних покоях незнакомого дома — по всем признакам, очень старого, — но детали интерьера и жильцы непрерывно менялись, и он никак не мог запомнить лиц, мебели и даже самого помещения, ибо двери и окна, похоже, пребывали в состоянии столь же непрерывного изменения. Самым странным в рассказе дяди, странным до нелепости (недаром он рассказывал об этом очень неуверенно, словно боялся, что ему не поверят), было то, что якобы многие лица несли черты фамильного сходства с Гаррисами. Все это время дядюшкин сон сопровождался ощущением удушья, как будто нечто неосязаемое и невидимое распростерлось на его теле и пыталось овладеть его жизненными процессами. Я вздрогнул при мысли о тех усилиях, какие пришлось приложить этому организму, порядком изношенному за восемьдесят с лишним лет, чтобы противодействовать неведомым силам, представляющим серьезную опасность даже для самого молодого и крепкого тела. Но уже в следующую минуту я успокоил себя тем, что это был всего лишь сон и что все эти неприятные видения были не более чем реакцией сознания моего дяди на те исследования и предположения, которыми в последнее время были заполнены наши с ним умы, вытеснив все остальное.

Беседа с дядюшкой отвлекла меня и развеяла ощущение странности; не в силах сопротивляться дремоте, я воспользовался своим правом на сон. Дядя к этому времени окончательно взбодрился и охотно приступил к дежурству, несмотря на то что кошмар разбудил его задолго до истечения его законных двух часов. Я мгновенно забылся сном, и вскоре меня атаковали видения самого беспокойного свойства. Меня охватило чувство безбрежного, космического одиночества; враждебные силы сходились со всех сторон и бились в стены узилища, где я лежал, связанный по рукам и ногам и с кляпом во рту. Глумливые вопли миллионов глоток, жаждущих моей крови, доносились до меня издалека, перекликаясь эхом. Моему взору предстало лицо дяди, вызвавшее у меня столь жуткие ассоциации, что я несколько раз силился закричать, но не смог. Одним словом, приятного отдыха у меня не вышло, и в первую секунду я даже обрадовался разбудившему меня пронзительному, эхом отдающемуся крику, который проложил себе путь сквозь барьеры сновидений и разом вернул меня в состояние бодрствования. Пробуждение было настолько внезапным и резким, что все окружавшие меня предметы обстановки предстали мне с более чем естественными отчетливостью и натуральностью.

5

Я лежал спиной к дяде, так что в первое мгновение увидел только дверь на улицу, окно, расположенное ближе к северу, а также стены, пол и потолок в северной части комнаты; все это запечатлелось в моем мозгу с ужасающей четкостью благодаря свету более яркому, нежели блеск грибов или мерцание уличных фонарей. Нельзя сказать, что этот свет был сильным — его не хватило бы, скажем, для чтения

книги, но все же его было достаточно, чтобы от меня падала тень. Кроме того, он обладал неким — иначе не скажешь — желтоватым проникающим качеством, которое заставляло предполагать в нем нечто большее, нежели просто свет. Я воспринимал это качество поразительно отчетливо, несмотря на то что еще два моих чувства подвергались самой яростной атаке — в ушах моих продолжали звенеть отзвуки ужасающего вопля, а ноздри мои страдали от зловония, заполнявшего собой все помещение. Осознав, что происходит нечто необычайное, я почти автоматически вскочил и повернулся к орудиям уничтожения, которые мы оставили нацеленными на пятно плесени перед очагом. Поворачиваясь, я заранее боялся того, что мне, возможно, придется увидеть, ибо разбудивший меня крик явно принадлежал моему дяде, а я еще не знал, от какой опасности надо себя и его защищать.

Но то, что я увидел, превзошло худшие из моих страхов. Существуют ужасы ужасов, и это была одна из тех квинтэссенций всего доступного воображению кошмара, которые космос прибегает для наказания самых проклятых и несчастных. Над оккупированной грибами почвой поднималось паровозное свечение, желтое и болезненное; оно пузырилось и плескалось, образуя гигантскую фигуру с расплывчатыми очертаниями получеловека-полузверя, через которую я различал дымоход и очаг. Фигура словно глядела на меня плотоядным и дразнящим взглядом, а ее складчатая, как у насекомого, голова вверху истончалась в струйку, которая зловонно вилась и клубилась и в конце концов исчезала в недрах дымохода. И хотя я все это видел собственными глазами, лишь намного позже, напряженно припоминая, я сумел более или менее четко воссоздать дьявольские очертания фигуры. Тогда же она была для меня не более чем бурлящим и фосфоресцирующим облаком вонючего пара, которое обволакивало и размягчало до состояния омерзительной пластичности некий объект, находившийся в

центре моего внимания. Объект этот был не чем иным, как моим дядей, почтенным Илайхью Уипплом. Черты его лица чернели и постепенно сходили на нет, в то время как сам он скалился, невнятно бормоча, и протягивал ко мне свои когтистые разлагающиеся лапы, чтобы разорвать меня на части в дикой злобе, порожденной присутствующим ужасом.

От безумия меня спасли только выработанные рефлексы. Загодя готовясь к критическому моменту, я многократно проделал все нужные операции, и эта выучка оказалась кстати. Понимая, что бурлящее передо мною зло не является субстанцией, на которую может подействовать огонь или химическое вещество, и потому проигнорировав огнемёт, маячивший по правую руку от меня, я включил аппарат с трубкой Крукса и навел на развернувшуюся передо мной богомерзкую сцену сильнейшее излучение, исторгнутое искусством человека из недр и токов естества. Появилась синеватая дымка, раздалось оглушительное шипение и треск, и желтоватое свечение как будто стало тускнеть, но уже в следующее мгновение я убедился в том, что потускнение это кажущееся и что излучение аппарата не произвело абсолютно никакого эффекта.

Потом, в самый разгар этого демонического зрелища, на меня накатила новая волна ужаса, исторгшая вопль из моих уст и заставившая меня броситься, шарахаясь и спотыкаясь, по направлению к незапертой двери на тихую и безопасную улицу; броситься, не думая о том, какой кошмар я выпускаю на свет и уж тем более о том, какие суждения и вердикты ближних я навлекаю на свою голову. Случилось же следующее: в той мутной смеси желтого и синего облик моего дяди претерпел некое отвратительное разжижение, характер которого не поддается никакому описанию; достаточно сказать, что по ходу этого процесса на исчезающем лице дядюшки происходила такая сумасшедшая смена идентичностей, какую мог бы вообразить только безнадежный лунатик. Он был одновременно демоном и толпой, склепом

и карнавальным шествием. Освещенное колеблющимися неоднородными лучами, его желеобразное лицо приобрело десятки, сотни, тысячи образов; злорадно скалясь, оно оплывало вместе с телом на пол, словно тающий воск, и принимало на себя многочисленные личины, имевшие карикатурное сходство с исчадиями ада.

Я видел фамильные черты Гаррисов, мужские и женские, взрослые и детские, и черты многих других людей, старческие и юношеские, грубые и утонченные, знакомые и незнакомые. На мгновение мелькнула скверная подделка под миниатюру с изображением несчастной Роби Гаррис, которую мне доводилось лицезреть в музее художественной школы, а в другой раз мне померещился худощавый облик Мерси Декстер, каким я его помнил по портрету в доме Кэррингтона Гарриса. Все это было чудовищно сверх всякой меры, а ближе к концу, когда уже почти над самым полом с образующейся на нем лужицей зеленоватой слизи замелькала курьезная мешанина из лиц прислуги и младенцев, мне стало казаться, что видоизменяющиеся черты боролись между собой и пытались сложиться в облик, напоминающий добродушную физиономию моего дяди. Я тешу себя мыслью, что тогда еще он существовал и пытался попрощаться со мной. Мне помнится также, что и я, выбираясь на улицу, пролепетал запекшимися губами слова прощания, и едкая струйка пара проследовала за мной в открытую дверь на орошаемый ливнем тротуар.

Остальное помню смутно и с содроганием. Не только на умытой дождем улице, но и в целом мире не было ни единой души, которой бы я осмелился поведать о случившемся. Без всякой цели я брел на юг и, миновав Университетскую горку и библиотеку, спустился вниз по Хопкинс-стрит, перешел через мост и очутился в деловом квартале города с его высотными зданиями, которые как будто защищали меня, как все материальные продукты современной цивилизации защищают мир от нездоровых чудес старины. Сырая

блеклая заря занялась на востоке, и допотопный холм с его архаичными крышами вырисовался на ее фоне, словно призывая меня завершить мое скорбное дело. И я направился туда, промокший до нитки, без шляпы, оторопев от утреннего света. Я вошел в страшную дверь на Бенефит-стрит, оставленную мной распахнутой настежь и по-прежнему болтавшейся на петлях на виду у рано пробудившихся соседей, с которыми я не осмелился заговорить.

Вся слизь ушла в поры земляного пола. От гигантской скрюченной формы перед очагом не осталось ни следа. Я оглядел раскладушку, стулья, оборудование, свой забытый головной убор и желтую соломенную шляпу дяди. Я находился в каком-то ступоре и мучительно пытался вспомнить, что было сном и что реальностью. Постепенно ко мне вернулась ясность мысли, и теперь я твердо знал, что наяву стал свидетелем вещей гораздо более ужасных, чем те, что могут привидеться во сне. Опустившись на стул, я попытался осмыслить происшедшее, насколько я мог это сделать в своем тогдашнем состоянии, и найти способ уничтожить ужас, если, конечно, он был реальным. Он явно не был ни материей, ни эфиром, ни какой-либо другой умопостигаемой сущностью. Тогда чем же еще он мог быть, как не какой-то диковинной эманацией, какими-то вампирическими параметрами вроде тех, что, по рассказам экстерских жителей, витают над иными кладбищами? Найдя, как мне показалось, ключ к разгадке, я снова принялся разглядывать тот участок пола перед очагом, где плесень и селитра принимали всевозможные необычные формы. Через десять минут в голове моей созрело решение, и, прихватив с собой шляпу, я ринулся домой. Там я принял ванну, плотно закусил и заказал по телефону кирку, мотыгу, лопату, армейский противогаз и шесть бутылей серной кислоты с распоряжением доставить все это утром следующего дня к двери в подвал заброшенного дома по Бенефит-стрит. Потом я попытался заснуть, но не смог и провел оставшиеся

часы за чтением и сочинением глупых стишков, пытаюсь отвлечься от мрачных мыслей.

На следующее утро в одиннадцать часов я приступил к раскопкам. Погода стояла солнечная, чему я был несказанно рад. Я был по-прежнему один, ибо при всем моем страхе перед тем неведомым, что я искал, открыться кому-нибудь постороннему казалось мне еще страшнее. Позднее я рассказал обо всем Гаррису, но сделал это исключительно из необходимости и еще потому, что он сам слышал разные невероятные истории о заброшенном доме, которые, впрочем, отнюдь не расположили его к вере в нечистую силу. Ворочая комья черной зловонной земли, рассекая лопатой на части белесую грибовую поросль, из которой тут же начинал сочиться желтоватый вязкий гной, я трепетал от нетерпения и гадал, что увижу я там, в глубине. Недра земные хранят тайны, которых человеку лучше не знать, и меня, похоже, ждала одна из них.

Мои руки ощутимо тряслись, но я упорно продолжал копать и вскоре уже стоял в довольно широкой яме. По мере углубления ямы, ширина которой составляла примерно два метра, тяжелый запах усиливался, и я уже не сомневался в том, что меня ждет встреча с исчадием ада, эманации которого были бичом этого дома в течение полутора с лишним веков. Мне не терпелось узнать, как оно выглядит, какую имеет форму, из какого вещества состоит и до каких размеров выросло за долгие века потребления человеческой жизненной силы. Чувствуя, что дело близится к развязке, я вылез из ямы, разбросал накопившуюся кучу земли по сторонам и разместил по краям ямы с двух сторон от себя огромные бутылки с кислотой с тем расчетом, чтобы в случае необходимости их можно было быстро опорожнить одну за другой в образовавшуюся скважину. В дальнейшем я уже сваливал землю только по обе другие стороны ямы; работа пошла медленнее, а вонь усилилась настолько, что мне пришлось надеть противогаз. Сознывая близость неведомого,

таившегося у меня под ногами, я с трудом сохранял присутствие духа.

Внезапно моя лопата коснулась чего-то менее твердого, чем земля. Я резко вздрогнул и сделал было первое движение к тому, чтобы выкарабкаться из ямы, края которой уже доходили мне до самого горла. Но я преодолел свой страх и, стиснув зубы, выгреб еще немного земли при свете карманного фонаря. Показалась какая-то поверхность, тусклая и гладкая, что-то вроде полутухлого студня с намеком на прозрачность. Продолжая скрести, я увидел, что «студень» имеет форму. В одном месте была щель, где часть обнаруженной мной субстанции образовывала складку. Обнажившаяся область имела почти цилиндрическую форму, напоминая гигантскую бело-голубую трубу синеватого цвета, перегнутую пополам, и в самом широком месте достигая более полуметра в диаметре. Еще несколько скребков — и я пулей вылетел из ямы, чтобы как можно дальше находиться от этой мерзости; в каком-то исступлении я накренил тяжелые бутылки одну за другой и низвергал их едкое содержимое в зияющую бездну, на ту невообразимую аномалию, чей колоссальный *локоть* мне довелось лицезреть.

Слепящий фонтан зеленовато-желтого пара, вырывающийся из глубины, куда потоком лилась кислота, никогда не изгладится из моей памяти. По сию пору обитатели холма рассказывают о «желтом дне», когда отвратительные тлетворные пары поднимались над рекой Провиденс в месте сброса фабричных отходов, и только один я знаю, как они обманываются относительно истинного источника этих паров. Рассказывают также о чудовищном реве, сопровождавшем этот выброс и доносившемся, по всей видимости, из какой-то поврежденной водопроводной трубы или подземного газопровода, но и здесь я придерживаюсь иного взгляда, нежели молва, хотя и не осмеливаюсь высказать его вслух. У меня нет слов, чтобы описать весь этот ужас, и я до сих пор не могу понять, каким чудом остался жив. Я лишился

чувств сразу после того, как опустошил четвертую емкость, которой был вынужден воспользоваться, когда испарения стали проникать через мою газовую маску. Очнувшись, я увидел, что пар исчез.

Две оставшиеся бутылки я опорожнил без всякого видимого результата и через некоторое время пришел к выводу, что яму можно снова засыпать землей. Я трудился не покладая рук до глубокой ночи, зато ужас покинул дом навсегда. В подвале было уже не так сыро и затхло, а все диковинные грибы высохли и превратились в безобидный грязновато-серый порошок, разметавшийся по полу, как пепел. Один из худших ужасов земли сгинул навеки, и если существует ад, то в тот день он наконец-то принял в свое лоно демоническую душу богомерзкого существа. Разровняв последнюю порцию земли, упавшую с моей лопаты, я пролил первую из многих непритворных слез в дань памяти своего горячо любимого дяди.

С приходом весны в саду на бугре, где стоит страшный дом, не взошли ни блеклая трава, ни диковинные сорняки, и через некоторое время Кэррингтон Гаррис сдал участок и дом в аренду. Это место по-прежнему овеяно для меня тайной, но эта таинственность меня пленяет, и нынешнее чувство облегчения неизбежно смешается с горечью сожаления, когда дом снесут, а вместо него воздвигнут какой-нибудь модный магазин или многоквартирную пошлость. Старые голые деревья в саду начали приносить маленькие сладкие яблоки, и в прошлом году птицы впервые свили себе гнезда среди их причудливо изогнутых ветвей.

ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН

I

После двадцати двух лет непрерывных ночных кошмаров, после бесчисленных попыток избавиться от диких и невероятных фантазий, ставших со временем частью моей жизни, я не рискну поручиться за полную достоверность описываемых ниже событий, имевших место — если это был все же не сон — в Западной Австралии в ночь с семнадцатого на восемнадцатое июля 1935 года. Во всяком случае, я еще не потерял надежду на то, что все происшедшее было просто еще одной из множества галлюцинаций, благо поводов для нервного расстройства у меня в те дни хватало с избытком. Но, увы, и эта слабая надежда каждый раз угасает, едва соприкоснувшись со страшной реальностью.

Итак, если выяснится, что все случившееся не является плодом моего воображения, человечеству останется лишь воспринять это как предупреждающий знак, поданный нам таинственными силами Вселенной, и отказаться от непомерных амбиций, осознав ничтожность собственного бытия в кипящем водовороте времени. Ему также следует быть готовым к встрече с доселе неведомой опасностью, которая, даже не будучи в состоянии охватить целиком всю нашу расу, может обернуться чудовищными и непредсказуемыми последствиями для многих наиболее смелых и любознательных ее представителей.

Последнее обстоятельство и побудило меня выступить с этим сообщением, дабы предостеречь людей от попыток проникнуть в тайну тех древних развалин, которые не так давно стали предметом исследований возглавляемой мною экспедиции.

Я утверждаю, что в ту ночь, находясь в здравом уме и памяти, я столкнулся с явлением, могущим в корне переменить наш взгляд на окружающий мир. Все, что я стремился развенчать как легенду и вымысел, получило, наоборот, ужасающее подтверждение. Я отчасти даже благодарен охватившей меня тогда панике, ибо она стала причиной потери одной вещи, которая, будь она извлечена из той гибельной бездны, явилась бы окончательным и неопровержимым доказательством моей правоты.

Я был единственным, кто все это видел, — и до сих пор я никому об этом не рассказывал. Я не мог помешать другим продолжить начатые мною раскопки, но, к счастью, непрестанные бури и движущиеся пески пока еще не позволили им добиться успеха. Мною движет не столько забота о собственном душевном равновесии, сколько желание предупредить тех, кто отнесется ко всему здесь написанному всерьез.

Данный отчет — значительная часть которого на первых порах не сообщит ничего нового людям, следящим за публикациями в прессе, особенно в некоторых научных изданиях, — пишется сейчас в каюте корабля, везущего меня домой. По завершении этой работы я передам ее моему сыну, Уингейту Пизли, профессору Мискатоникского университета, — единственному члену моего семейства, не оставившему меня после того давнего случая с амнезией и лучше других осведомленному о некоторых обстоятельствах моей жизни. Во всяком случае, он менее всех прочих будет склонен подвергать сомнению то, что я собираюсь поведать о событиях той роковой ночи.

Я ничего не сказал ему до своего отплытия, почтя за лучшее сделать это в письменной форме. Последовательное

изложение на бумаге создаст более полную и убедительную картину происшедшего, чем это мог бы сделать мой бессвязный и взволнованный устный рассказ.

Дальнейшая судьба этих записок будет зависеть только от моего сына — он волен передать их, сопроводив собственными комментариями, в любые инстанции, какие сочтет наиболее для того подходящими. Что же касается тех возможных читателей, кто не знаком с обстоятельствами, предшествовавшими моему открытию, то специально ради них я предпосылаю сему труду достаточно пространную вводную часть.

Итак, меня зовут Натаниэль Уингейт Пизли; имя мое должно быть известно тем, кто еще помнит газетные истории, наделавшие шуму лет тридцать назад, или более поздние — шести-семилетней давности — письма и статьи в специальных журналах по психологии. В печати тогда широко обсуждались подробности странной формы амнезии, в которой я находился с 1908 по 1913 год; распространению всевозможных слухов немало способствовали предания и легенды, связанные с колдовством, магией и разными жуткими проявлениями безумия, по сей день бытующие в окрестностях небольшого старинного городка в штате Массачусетс, который был и остается моим основным местом жительства. Должен сразу оговориться, что ни моя наследственность, ни ранние годы жизни не позволяли предполагать наличие отклонений в умственном развитии или каких-нибудь иных нарушений психики. Этот факт представляется важным, поскольку далее речь пойдет об удивительных явлениях, существующих где-то *вне* моего бытия и лишь по прихоти судьбы отбросивших на меня свою зловещую тень.

Может статься, что сам этот столетиями сохранявшийся дух города Аркхема с его ветхими домами, населенными призраками далекого прошлого, оказался особенно уязвимым для проникновения подобного рода теней, — хотя и эта версия кажется мне весьма сомнительной, принимая во

внимание характер последовавших за тем событий. Главным здесь является то, что я по своему происхождению и биографии мало чем отличаюсь от большинства местных жителей. Перемена пришла откуда-то извне — откуда именно, я по сей день затрудняюсь описать словами.

Родителями моими были Джонатан и Ганна (Уингейт) Пизли, происходившие из двух коренных хаверхильских семей. Я родился и рос в Хаверхилле, в старой усадьбе на Бордмен-стрит близ Голден-Хилл, и не бывал в Аркхеме до тех пор, пока в 1895 году не устроился в Мискатоникский университет на должность преподавателя политической экономики.

С той поры еще в течение тринадцати лет жизнь моя текла спокойно и размеренно. В 1896 году я женился на Алисе Кизар, также родом из Хаверхилла; трое моих детей — Роберт, Уингейт и Ганна — появились на свет соответственно в 1898, 1900 и 1903 годах. В 1898 году я стал адъюнкт-профессором, а с 1902 года носил уже полное профессорское звание и ни разу за все это время не проявлял интереса ни к оккультизму, ни к психопатологии.

Но вот однажды — это был четверг четырнадцатого мая 1908 года — произошел тот самый странный припадок амнезии. Все случилось внезапно, хотя позднее я пришел к выводу, что неясные видения, короткими вспышками возникавшие за несколько часов до того — нечто бессмысленно хаотическое, встревожившее меня в первую очередь своей неординарностью, — вполне могли быть расценены как своеобразные предваряющие симптомы. Голова моя буквально раскалывалась, я испытывал такое чувство, будто кто-то со стороны пытается проникнуть в самые глубины моего сознания.

Припадок как таковой начался около десяти часов двадцати минут утра, в тот момент, когда я вел занятия по политической экономике — история и современные тенденции

развития экономических учений — для младшего курса и нескольких присутствовавших в зале студентов постарше. Вдруг перед моими глазами возникли какие-то странные образы, мне показалось, что я нахожусь не в классной комнате, а в совершенно ином помещении самого необычного, даже абсурдного вида. Мысли и речь помимо моей воли отделились от обсуждаемого предмета, и студенты тотчас заметили, что здесь творится что-то неладное. Затем я, теряя сознание, тяжело рухнул на стул и погрузился в обморок, из которого меня так и не смогли вывести. В свое нормальное состояние я вернулся через пять лет четыре месяца и тринадцать дней.

Позднее мне рассказали, что со мной тогда происходило. Я почти не подавал признаков жизни в течение шестнадцати с половиной часов, несмотря на все усилия врачей, к тому времени уже перевезших меня в мой дом на Крейн-стрит, 16. В три часа утра пятнадцатого мая мои глаза открылись и я подал голос, но очень скоро врачи и члены моей семьи пришли в сильнейшее смятение оттого, что и как я говорил. Было ясно, что я не представляю себе, кто я такой, и не помню ничего из собственного прошлого, хотя по какой-то причине я, как им показалось, всячески старался скрыть этот пробел в своих знаниях. Взгляд мой, останавливаясь на окружающих, явно их не узнавал, а движения лицевых мышц резко отличались от моей обычной мимики.

Да и сама речь моя была сильно затруднена, скованна и вообще казалась речью иностранца. Я испытывал определенные сложности с управлением своими речевыми органами, а моя манера выражаться имела тот неестественно выпященный оттенок, какой бывает характерен для людей, долго и основательно изучавших английский язык по книгам и при этом полностью лишенных живого языкового общения. Произношение было каким-то по-варварски чужеродным, а словарь включал в себя как давно уже забытые

архаизмы, так и совершенно непостижимые новообразования.

В числе последних было одно выражение, впоследствии — спустя двадцать лет — вспомнившееся самому молодому из врачей при обстоятельствах, глубоко его поразивших. Ибо теперь он слышал это выражение вторично — на сей раз уже как новый термин, получающий все большее распространение сначала в Англии, а затем и в Соединенных Штатах. Несмотря на сложность и безусловную новизну этого термина, он в мельчайших деталях воспроизводил те загадочные слова, что были услышаны доктором в Аркхеме весной 1908 года.

На моем физическом состоянии болезнь практически не отразилась, хотя мне потребовалось довольно много времени для того, чтобы вновь научиться владеть всеми частями тела и выполнять даже самые простые и обыденные операции. По этой и ряду иных причин, связанных с потерей памяти, я еще долго находился под строгим медицинским наблюдением.

Когда я наконец понял, что все мои попытки утаить от окружающих провалы в памяти оказываются тщетными, я открыто признал этот факт и начал с удивительной жадностью заново накапливать всевозможную информацию. Вскоре докторам начало казаться, что, едва убедившись в достаточно спокойном отношении людей к постигшей меня болезни, я совсем перестал интересоваться своим прошлым и собственной личностью вообще. Вместо этого я сосредоточил основные усилия на изучении отдельных вопросов истории, естественных наук, искусства, языка и фольклора, причем если некоторые из них были чрезвычайно трудны для понимания, то другие были совершенно элементарны и известны чуть ли не каждому ребенку, но каким-то образом умудрились изгладиться из моей памяти.

Зато, как вскоре выяснилось, я обладал обширными познаниями в областях, недоступных для современной нау-

ки,— познаниями, которые я не только не стремился проявить, но и по возможности утаивал. Так, однажды я имел неосторожность сослаться в разговоре на некоторые исторические факты, относящиеся к временам гораздо более древним, чем в состоянии были представить себе наши ученые-историки,— и тут же поспешил обратить свои слова в шутку, заметив неподдельное изумление на лицах собеседников. Кроме того, я имел весьма странную привычку рассуждать о будущих событиях как об уже совершившихся, что два или три раза вызвало у людей настоящий испуг.

Понемногу подобные необычные проявления случались все реже, а потом и вовсе прекратились, хотя некоторые наблюдатели были склонны приписать их исчезновение принятым мною мерам предосторожности, а отнюдь не утрате самих этих сверхъестественных знаний. В самом деле, я выказывал поразительную активность в изучении языков, обычаев и перспектив развития окружающей меня цивилизации, напоминая при этом любознательного путешественника, прибывшего сюда из каких-то далеких чужих краев.

Получив соответствующее разрешение, я целыми днями просиживал в библиотеке колледжа, а еще какое-то время спустя предпринял ряд весьма необычных экспедиций, в промежутке между которыми прослушал специальные курсы лекций в американских и европейских университетах,— все это вызывало множество разных толков на протяжении нескольких последующих лет.

В тот период времени мое уникальное заболевание принесло мне определенную известность среди крупнейших светил психологии — известность, которой я как мог пользовался для расширения своих контактов в научных кругах. Неоднократно мне приходилось фигурировать на лекциях в роли экспоната, демонстрируя в своем лице типичный экземпляр повторного формирования личности, при этом я часто ставил лекторов в тупик своими эксцентричными

заявлениями и заставлял их подозревать во всем этом тщательно скрываемую издевку.

Мне крайне редко случалось встречать по-настоящему дружелюбный прием. Что-то в моем облике и речи отпугивало людей и пробуждало в них чувство антипатии, словно я был существом бесконечно далеким от всего, что они считали здоровым и естественным. Постепенно разговоры о темной и мрачной бездне, заключенной в самой природе моего сознания и связанной с моей непреодолимой отчужденностью от окружающего мира, переросли в устойчивое и почти единодушное мнение.

Моя собственная семья мало отличалась в этом смысле от всех прочих. С момента моего странного пробуждения жена воспринимала меня с крайним ужасом и неприязнью, утверждая, будто видит во мне кого-то чужого и абсолютно ей неизвестного, вселившегося в тело ее супруга. В 1910 году она оформила официальный развод и даже позднее, после возвращения меня в нормальное состояние в 1913 году, категорически отказывалась со мной встречаться. Точно так же относились ко мне мой старший сын и дочь — совсем еще дитя; никого из них с тех пор я не видел.

И лишь мой второй сын Уингейт нашел в себе силы преодолеть страх и отвращение, вызванные случившейся со мной переменой. Он также чувствовал во мне чужака, но, несмотря на свой малый возраст — ему тогда было лишь восемь лет, — сохранял надежды на то, что однажды мое настоящее «я» вернется в свою телесную оболочку. Когда это и впрямь произошло, он немедленно меня разыскал и вскоре законным порядком перешел под мою опеку. Все последующие годы он оказывал посильную помощь в моих изысканиях, и сегодня, в возрасте тридцати пяти лет, он уже носит звание профессора Мискатоникского университета.

Но в период амнезии я ничуть не удивлялся и почти не обращал внимания на страх и ненависть, которые сеял во-

круг себя, — ибо сознание, голос и выражение лица того существа, что проснулось пятнадцатого мая 1908 года, на самом деле не имели ничего общего с Натаниэлем Уингейтом Пизли.

Я не собираюсь рассказывать здесь во всех подробностях о своей жизни с 1908 по 1913 год — желающие могут ознакомиться с ними, просмотрев подшивки старых газет и научных журналов, как поступил впоследствии и я сам. Скажу лишь, что, будучи признан в целом вменяемым и допущен к пользованию своими денежными средствами, я расходовал их достаточно рачительно, большей частью на путешествия и на занятия в различных центрах науки и культуры. Путешествия мои, однако, никак нельзя было отнести к ряду обычных: как правило, я надолго исчезал в самых отдаленных и пустынных уголках планеты.

Так, в 1909 году я провел месяц в Гималаях, а в 1911-м привлек внимание прессы своим походом на верблюдах в глубь неисследованных пустынь Аравийского полуострова. Что происходило во время этих экспедиций — навсегда осталось загадкой, в том числе теперь и для меня самого.

Летом 1912 года я зафрахтовал судно, на котором принял плавание в арктические широты на север от Шпицбергена, по возвращении откуда выказывал явные признаки разочарования. В конце того же года я в полном одиночестве провел несколько недель в громадном комплексе известковых пещер в Западной Виргинии, намного превзойдя по продолжительности экспедиции как своих предшественников, так и всех позднейших исследователей. Система этих лабиринтов столь запутанна, что проследить мой маршрут в их глубинах не представляется возможным.

Говоря о моих научных занятиях, нельзя не отметить необычайно высокие темпы усвоения информации; судя по всему, интеллектуальные возможности моей второй личности на несколько порядков превосходили мои собственные —

те, что были изначально даны мне природой. Скорость чтения и работоспособность были просто феноменальными. Я мог запомнить во всех подробностях содержание книги, лишь бегло перелистав ее страницы, а моя способность мгновенно разгадывать сложнейшие умопостроения и извлекать из них самую суть производила на ученых мужей воистину потрясающий эффект.

Время от времени в газетах появлялись статьи почти скандального характера, в которых утверждалось, будто я могу по своей воле изменять и направлять мысли и действия других людей, хотя я, безусловно, старался не злоупотреблять этим опасным даром.

Другие сообщения подобного рода касались моих близких сношений с представителями различных оккультных обществ, а также с учеными, которых не без основания подозревали в связях с некими мистическими сектами, ведущими свое происхождение с древнейших времен. Все эти слухи, не получившие тогда реального подтверждения, в значительной мере провоцировались моим пристрастием к чтению трудов весьма сомнительного содержания — ведь, справляясь в библиотеке о редких старинных книгах, практически невозможно сохранить это дело в тайне.

Имеются свидетельства — подкрепленные моими собственноручными пометками на полях книг — того, что я очень внимательно изучил такие произведения, как «Cultes des Goules» графа д'Эрлетта, «De Vermis Mysteriis» Людвига Принна, «Unaussprechlichen Kulten» фон Юнцта, уцелевшие фрагменты из загадочной «Книги Эйбона», а также «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда. И потом, ни для кого не являлась секретом беспрецедентная активизация всевозможных магических и сатанинских культов как раз в период моего странного превращения.

К лету 1913 года я начал проявлять признаки апатии и не раз намекал на какие-то грядущие перемены в моем со-

стоянии. Я говорил, что во мне начинают пробуждаться воспоминания о прежней жизни; правда, большинство знакомых считали это обычной уловкой, ибо все мои откровения касались лишь тех фактов, которые могли быть позаимствованы из моей частной переписки прошлых лет.

В середине августа я вернулся в Аркхем и поселился в своем давно уже пустовавшем доме на Крейн-стрит. Там я установил необычного вида прибор, собранный по частям различными фирмами-изготовителями научной аппаратуры в Европе и Америке и тщательно охраняемый от взоров специалистов, могущих сделать какие-нибудь догадки о его назначении.

Те, кто видел этот прибор, — привезший его рабочий, служанка и новая экономка — в один голос утверждали, что это была ни с чем не сравнимая мешанина из рычагов, колес и зеркал высотой не более двух футов, шириной и длиной в один фут. Выпуклое центральное зеркало аппарата имело идеально круглую форму. Все эти сведения впоследствии подтвердились изготовителями каждой отдельной детали из числа упомянутых в описании.

Вечером в пятницу двадцать шестого сентября я отпустил экономку и прислугу до следующего полудня. Допоздна в доме горел свет, и я находился там не один — соседи видели, как к крыльцу подкатил на автомобиле худой темноволосяный мужчина, в котором по каким-то неуловимым приметам безошибочно угадывался иностранец.

Последний раз свет в окнах видели около часу ночи. В два часа пятнадцать минут совершавший обход полицейский заметил, что автомобиль все еще стоит у обочины тротуара; в доме было темно. При повторном обходе около четырех часов автомобиля на месте не оказалось.

В шесть часов утра зазвонил телефон в доме доктора Уилсона и запинаящийся голос с сильным иностранным акцентом попросил доктора заехать ко мне домой и вывести меня

из состояния глубокого обморока. Этот звонок — а он пришел по междугородной линии — был сделан, как впоследствии установила полиция, из телефонной будки на Северном вокзале Бостона; что же до странного иноземца, то никаких следов его существования обнаружено не было.

Когда доктор прибыл ко мне домой, он нашел меня полулежащим в мягком кресле посреди гостиной. Я был без сознания. На полированной поверхности стола, придвинутого почти вплотную к креслу, остались царапины и вмятины, указывавшие на то, что здесь прежде стоял какой-то сравнительно крупный и массивный предмет. Необычного аппарата в доме не оказалось, и никаких известий о нем с тех пор не поступало. Несомненно, ночной пришелец забрал аппарат с собой.

В камине домашней библиотеки была найдена целая гора еще теплого пепла, очевидно оставшегося после сожжения всех — до мельчайшего клочка — бумаг, на которых остались мои записи, сделанные с момента наступления амнезии. Мое дыхание внушило доктору Уилсону некоторые опасения, но после подкожной инъекции оно выровнялось и стало спокойней.

В одиннадцать часов пятнадцать минут утра двадцать седьмого сентября мое тело начало шевелиться, а на застывшем, как маска, лице стало проглядывать живое выражение. Доктор Уилсон обратил внимание на то, что выражение это больше напоминало мой первоначальный облик, нежели облик, характерный для моего *alter ego*. Около половины двенадцатого я произнес несколько звуковых сочетаний, мало походивших на человеческую речь. Казалось, я веду борьбу с чем-то внутри себя. Наконец, уже после полудня — к тому времени в доме появились отпущенные мной накануне служанка и экономка, — я заговорил по-английски:

— ...Среди ортодоксальных экономистов того периода мы можем выделить Джевонса как типичного представите-

ля преобладавшей тогда тенденции к соотнесению, казалось бы, далеких друг от друга научных понятий. Он, в частности, пытался установить связь между экономическими циклами процветания и депрессии и циклическим образованием и исчезновением пятен на поверхности Солнца, что можно считать своего рода вершиной подобных...

Натаниэль Уингейт Пизли вернулся — нелепый призрак из прошлого, на временной шкале которого все еще значилось майское утро 1908 года, университетская аудитория и ряды студентов-первокурсников, не сводящих глаз с обшарпанного стола на лекторской кафедре.

II

Мое возвращение к нормальной жизни оказалось трудным и болезненным процессом. Потеря пяти лет создает в этом плане гораздо больше проблем, чем это можно себе представить на первый взгляд, а в моем случае имелось еще множество дополнительных сложностей.

Все, что я узнал о своих действиях в период с 1908 года, крайне меня озадачило и огорчило, но я постарался смотреть на эти вещи философски. Поселившись со своим вторым сыном, Уингейтом, в доме на Крейн-стрит, я попытался возобновить преподавательскую деятельность — моя прежняя профессорская должность была любезно предложена мне руководством колледжа.

Я вышел на работу в феврале 1914 года и продержался несколько семестров, к этому времени окончательно убедившись в том, что последние пять лет не прошли даром для моего здоровья. Хотя мои умственные способности как будто не пострадали — по крайней мере, я очень хотел бы на это надеяться — и личность моя восстановилась во всей ее цельности, я не мог сказать того же о своих нервах. Меня часто преследовали неясные тревожащие сны; порой мне

в голову приходили идеи самого странного свойства, а когда начавшаяся мировая война направила мои мысли в историческую плоскость, я вдруг обнаружил, что рассматриваю события прошлого с какой-то совершенно необычной — чтобы не сказать неприемлемой для нормального человека — точки зрения.

Мои представления о *времени* — в частности, моя способность проводить грань между последовательным и одновременным — казались отчасти нарушенными; у меня иногда появлялись химерические идеи о возможности, живя в каком-то конкретном временном промежутке, перемещать при этом свое сознание в пределах вечности с целью непосредственного изучения как прошлых, так и будущих веков.

В связи с продолжающейся войной у меня порой возникало такое чувство, будто я могу вспомнить некоторые из ее весьма отдаленных последствий, — словно я уже знал ее итоги и мог смотреть на нее *ретроспективно*, владея информацией о событиях, которым еще только предстояло свершиться. Все эти псевдовоспоминания сопровождалось приступами сильной боли и ощущением искусственного психологического барьера, отделяющего их от остальных участков моей памяти.

Когда я в разговорах с другими пробовал осторожно намекнуть на эти свои впечатления, ответная реакция была самой разной. Иные глядели на меня подозрительно, иные с оттенком сожаления, а некоторые мои знакомые с математического факультета сразу подхватили тему и сообщили мне о новых открытиях в теории относительности, тогда обсуждавшихся в узких научных кругах и лишь позднее получивших широкую известность. Доктор Альберт Эйнштейн, сказали они, скоро уже низведет понятие времени до статуса одного из нескольких обычных измерений, свободное перемещение в пределах которого будет не так уж и невозможно.

Между тем причуды расстроенного воображения захватывали меня все больше, что повлекло за собой мой уход с работы в 1915 году. Некоторые из ощущений начали приобретать раздражающую отчетливость: мне все чаще приходила в голову мысль о том, что моя амнезия была своего рода насильственным обменом, что мое второе «я» было в действительности некой внешней силой, происходившей из далеких и неведомых нам сфер, и что моя собственная личность была подвергнута одновременному встречному перемещению.

Так я постепенно перешел к размышлениям на весьма скользкую и опасную тему, а именно: о местопребываний моей настоящей личности в те годы, когда чья-то чужая воля распоряжалась моей физической оболочкой. Необычный круг интересов и странное поведение этого «временного владельца» беспокоили меня все сильнее, и я продолжал выискивать все новые и новые подробности в газетах и журналах тех лет, а также в свидетельствах очевидцев.

Оказалось, что многие связанные с этим делом странно-сти каким-то жутким образом сочетались с расплывчатыми и туманными образами, которые иной раз возникали в моем мозгу. Я принялся лихорадочно искать любые зацепки, любые крохи информации о научных занятиях и путешествиях моего зловещего двойника.

Впрочем, отнюдь не все мои тревоги концентрировались вокруг этого полуабстрактного предмета. Еще одним беспокоившим меня моментом были сны, которые постепенно становились все более живыми и конкретными. Догадываясь о том, как они будут восприняты окружающими, я избегал говорить на эту тему с кем бы то ни было, за исключением моего сына и нескольких врачей-психологов, которым вполне доверял. Позднее, однако, я решился провести довольно основательное исследование всех схожих случаев заболевания, дабы выяснить, насколько типичными или,

наоборот, нетипичными были подобные видения среди людей, оказавшихся жертвами амнезии.

Результаты этого исследования, подкрепленные авторитетом опытных психологов, историков, антропологов и психиатров и основанные на данных обо всех известных случаях раздвоения личности, начиная с легенд об одержимых дьяволом и кончая современными научно аргументированными фактами, не только не успокоили, но скорее еще больше встревожили и напугали меня.

Как выяснилось, мои сны не имели аналогов среди громадного большинства описанных в разное время случаев амнезии. Удалось, правда, выделить несколько письменных свидетельств, озадачивших меня именно поразительным сходством с моим собственным опытом. Часть из них относилась к древнему фольклору, другие представляли собой истории болезни, обнаруженные в медицинских архивах; было даже два или три анекдота, затерявшихся на страницах общей истории.

Таким образом, моя форма заболевания оказалась невероятно редкой, хотя примеры ее при желании можно было найти в самые разные исторические эпохи. На некоторые столетия приходилось по одному, два, а то и по три таких случая, на другие — вообще ни одного, по крайней мере ни одного документально подтвержденного.

Суть каждого из этих случаев была одна и та же: человек, обладающий острым и незаурядным умом, в один прекрасный момент вдруг резко меняется и начинает вести образ жизни, в корне отличный от прежнего, что продолжается в течение более или менее значительного отрезка времени. На первых порах перемена эта характеризуется потерей памяти, а также частичной либо полной утратой речевых и двигательных навыков, а затем — невероятно быстрым поглощением знаний в различных областях науки, истории, искусства и антропологии, причем эта бурная активность сочетается с нечеловеческой способностью к усвоению

огромных объемов информации. После этого происходит столь же внезапное возвращение первичного существа, и человеку до конца его дней периодически досаждают неясные потусторонние сны, содержащие обрывки необычных и страшных воспоминаний, тщательно удаленных кем-то из его сознания.

Близкое сходство найденных описаний ночных кошмаров с моими собственными — вплоть до самых, казалось бы, второстепенных деталей — не оставляло сомнений в их безусловной однородности. В одном или двух случаях у меня промелькнуло смутное ощущение знакомства, словно я прежде уже общался с этими людьми по каким-то неведомым космическим каналам, природа которых не поддается логическому осмыслению. Трижды в рассмотренных нами отчетах встречалось упоминание о неизвестном аппарате вроде того, что был доставлен в мой дом накануне обратного превращения.

В ходе расследования я наткнулся на еще одну заинтересовавшую меня подробность: как оказалось, в истории были не так уж редки случаи кратких явлений все тех же характерных кошмарных образов людям, никогда не впадавшим в состояние амнезии.

На сей раз это были люди более чем заурядных умственных способностей — иные из них находились на столь примитивном уровне развития, что казалось просто невозможным представить их в роли пусть даже элементарного телесного проводника для чужого разума с его ненасытным стремлением к познанию. На какую-то долю секунды люди эти ощущали на себе обжигающе-пронзительное воздействие внешних сил, затем эта волна откатывалась, оставляя лишь слабое воспоминание о мгновенно открывшихся человеку ужасах вселенской бездны.

За последние полвека было отмечено по меньшей мере три таких случая — последний около пятнадцати лет назад. Не походило ли все это на поиск вслепую, ведомый кем-то

очень далеким от нас, кем-то скрывающимся в неизмеримых глубинах времен? Не имели ли мы дело с чудовищными экспериментами, источник и смысл которых лежали за гранью человеческого понимания?

Таковы были лишь некоторые из вопросов, мучивших меня в те часы, когда моя фантазия особенно распалялась под влиянием сделанных мною открытий и следующих отсюда предположений и домыслов. И все же было бы нелепым отрицать наличие связи между легендами незапамятной древности и сравнительно недавними проявлениями странной амнезии, жертвы которой — точно так же, как и лечившие их врачи, — не имея никакого понятия о других подобных случаях, везде описывали одни и те же индивидуальные симптомы, во всех деталях совпадавшие с моими.

Я по сей день опасаясь пускаться в рассуждения относительно природы моих снов, становившихся со временем все более навязчивыми. В них все чаще начали проглядывать зловещие признаки безумия, и я порой всерьез тревожился за свое душевное здоровье. Быть может, я имел дело с особым рода заблуждением, характерным для всех людей, переживших временную потерю памяти? Не исключено, что первопричиной этого явились попытки нашего подсознательного существа заполнить образовавшийся вдруг пробел некими порожденными внутри нас самих псевдовоспоминаниями.

Данной точки зрения — хотя мне лично больше нравилась альтернативная теория фольклорных традиций — придерживались многие психиатры, помогавшие мне в поисках идентичных клинических случаев и разделявшие мое изумление по поводу их несомненного сходства с моим собственным. Они не считали это состояние сумасшествием в чистом виде, классифицируя его скорее как одну из форм нервного расстройства. Полностью одобряя мою склонность изучать и анализировать это явление вместо того, чтобы по-

пытаться забыть его или скрыть, они расценивали такие действия как абсолютно нормальные и правильные с точки зрения принципов психологии. С особым интересом я прислушивался к словам тех врачей и ученых, которые обследовали меня еще в тот период, когда моя физическая оболочка принадлежала другой личности.

Первые признаки моего расстройства не имели характера визуальных образов — это были уже упомянутые мной неясные и абстрактные ощущения. В частности, у меня постепенно развился страх перед самим собой, точнее — перед собственным телом. Я всячески избегал смотреть на него, как будто ожидал увидеть нечто совершенно чужое и непередаваемо отвратительное. Когда я все же решался опустить взгляд и видел свои ноги — обычные человеческие ноги в серых или голубых брюках, — я испытывал огромное облегчение, хотя для того, чтобы совершить сей нехитрый поступок, мне каждый раз приходилось выдерживать нелегкую внутреннюю борьбу. Я старательно отворачивался от попадавшихся на моем пути зеркал и всегда брился только в парикмахерских.

Далеко не сразу я уловил связь между этими явлениями и мимолетными зрительными галлюцинациями, к тому времени также начавшими меня преследовать. Впервые я это понял, когда почувствовал, как некая внешняя сила пытается искусственно отгородить отдельные участки моей памяти.

Эти короткие, как вспышки, галлюцинации, безусловно, имели особый глубинный смысл и непосредственно касались крайне важных для меня вещей, но чье-то постороннее вмешательство не оставляло мне никаких надежд проникнуть в этот смысл и разгадать суть этих вещей. Нечто непонятное творилось и со временем: раз за разом я отчаянно и безуспешно пытался расположить обрывки видений хоть в какой-то хронологической последовательности.

Сами видения были поначалу скорее просто непривычными, нежели наводящими ужас. Мне казалось, что я нахожусь внутри огромного помещения, величественные каменные своды которого едва виднеются в вышине. Монумен- тальность и строгая форма арочных перекрытий чем-то напоминали постройки времен Римской империи. Я разгля- дел колоссальных размеров полукруглые окна, гигантские двери и множество пьедесталов или столов, каждый высо- той с обычную комнату. Длинные полки из темного дерева тянулись вдоль стен и были заняты рядами непомерно боль- ших фолиантов с иероглифическими символами на кореш- ках.

Все видимые участки каменной кладки были покрыты затейливой резьбой — изогнутые линии, пересекаясь и рас- ходясь под всевозможными углами, создавали впечатление математически выверенной композиции и в конечном счете образовывали все те же странные иероглифы. Гранитные блоки чудовищной величины, из которых были сложены стены, имели, судя по линиям стыка, выпуклую верхнюю часть, идеально подогнанную под вогнутую поверхность следующего ряда кладки.

В помещении не было стульев или кресел, но широкие пьедесталы были заняты лежавшими в беспорядке книгами, листами бумаги и тем, что, вероятно, играло роль письмен- ных принадлежностей: фигурными кувшинами из фиолето- вого металла и стержнями, один конец которых был заост- рен. Хотя эти огромные тумбы были выше моего роста, я тем не менее временами получал возможность как бы взгля- дывать на них сверху. На некоторых из них стояли большие круглые сферы из светящихся кристаллов, служившие здесь вместо ламп, и непонятные механизмы, самыми заметными деталями которых были стекловидные трубки и длинные металлические рычаги.

Окна были застеклены и забраны решетками из толстых прутьев. Я не решился приблизиться к ним и выглянуть

наружу, но с того места, где я стоял, были видны верхушки отдельных папоротникообразных растений. Пол был вымощен массивными восьмиугольными плитами; ковры или портьеры при этом отсутствовали.

Позднее мне привиделось, будто я медленно передвигаюсь по циклопическим каменным коридорам, опускаюсь и поднимаюсь наклонными галереями, — лестниц нигде не было, так же как не было ни одного прохода шириной менее тридцати футов. Отдельные части зданий, внутри которых я находился, казалось, поднимались в небо на высоту нескольких тысяч футов.

На разных уровнях я встречал множество темных сводчатых склепов и люков с никогда не поднимавшимися крышками, опечатанных металлическими полосами и — это ощущалось сразу — скрывавших внизу что-то таинственное и непередаваемо жуткое.

Я был здесь как будто на положении пленника, и безысходный ужас, казалось, витал надо всем, на что бы я ни направил свой взор. Я чувствовал, что издевательски кривляющиеся иероглифы на стенах несут в себе смертельную опасность, от которой, как это ни странно, одно лишь неведение может меня уберечь.

Далее мне открывались виды за полукруглыми окнами здания и еще более широкая перспектива, обозреваемая с его крыши — огромной плоской крыши с разбитыми на ней садами и высоким зубчатым парапетом, — на которую я поднялся по одной из верхних наклонных галерей.

Я увидел бесконечные ряды окруженных садами монументальных строений, протянувшиеся вдоль мощеных улиц, каждая шириною в добрых двести футов. Здания сильно отличались одно от другого по внешнему облику, но редко какое из них не достигало пятисот футов в поперечнике и тысячи футов в высоту. Иные простирались на несколько тысяч футов по фасаду, а иные врезались вершинами в серые пасмурные небеса.

Все это было построено из камня или бетона с использованием того самого изогнутого типа кладки, что был отмечен мною еще в самом начале. Крыши были плоскими, часто с небольшими садами на них и почти всегда с зубчатыми парапетами. Иногда мне попадались на глаза террасы, приподнятые над уровнем земли открытые площадки и широкие поляны посреди сплошного моря растительности. На дорогах мне порой удавалось заметить некие признаки движения, но в ранних своих снах я еще не мог разобраться в этих деталях.

На определенном расстоянии друг от друга стояли грандиозные темные башни цилиндрической формы, далеко возвышавшиеся над остальными строениями. В отличие от последних, все эти башни имели однотипную конструкцию и казались намного более древними — даже при взгляде на них издали возникало ощущение упадка и медленного разрушения. Они были выложены из прямоугольных базальтовых глыб и слегка сужались от земли к закругленным верхушкам. Ни в одной башне не было окон или иных отверстий, кроме огромных дверей внизу. Я разглядел еще несколько зданий поменьше, также несших на себе печать времени и по своему архитектурному типу схожих с цилиндрическими башнями. Вокруг этих угрюмых сооружений как будто концентрировалась атмосфера страха и скрытой угрозы — та же самая, что расплзалась от запечатанных люков в нижних этажах дворца.

Разбросанные всюду сады тоже выглядели весьма зловеще: очень уж непривычными были растения, раскачивавшиеся на ветру по сторонам широких аллей. Преобладали, как ни странно, гигантские папоротники — иногда зеленые, а иногда отвратительно бледные, цвета поганки. Местами над зарослями поднимались пальмы с тонкими и коленчатыми, как у бамбука, стволами. Были там также росшие пучками подобия цикадовых, заросли странных темно-зеленых кустарников и деревья, напоминавшие по виду хвойные.

Цветы — мелкие, бледные и совершенно мне незнакомые — были высажены в клумбах различной конфигурации и во множестве виднелись просто среди травы. На отдельных террасах или в разбитых на крышах садах можно было увидеть более крупные и яркие цветы, отнюдь не радовавшие глаз своими отвратительно хищными формами, — эти, вне всякого сомнения, были плодами искусственной селекции. Невероятной величины и окраски грибы располагались в соответствии с определенной схемой, что выдавало наличие хорошо развитой садоводческой традиции. В больших парках внизу еще можно было заметить стремление сохранить естественный растительный покров, но садики на крышах были ухожены вплоть до фигурной стрижки кустов и деревьев.

Небо почти постоянно было затянуто тучами, и временами я становился свидетелем потрясающих грозовых ливней. Изредка появлялось и солнце — оно было куда крупнее обычного — или луна, на поверхности которой я не смог обнаружить никаких известных мне примет. В одном-двух случаях, когда небо прояснялось, я мог наблюдать созвездия, но почти ничего не узнавал. Даже те немногие, что казались мне знакомыми, были как-то странно искажены и смещены; по их положению на небе я определил, что нахожусь где-то в Южном полушарии, в районе тропика Козерога.

Дальний горизонт скрывался в дымке, сквозь которую я различал за пределами города полосу джунглей, состоявших из гигантских папоротников, пальм, лепидодендронов и сигиллярий; все это фантастическое нагромождение крон, стволов и ветвей призрачно колебалось в поднимавшихся от земли потоках испарений. В воздухе над городом чувствовалось перемещение каких-то тел, но пока еще я не мог разглядеть их как следует.

Начиная с осени 1914 года меня начали посещать сны, в которых я как бы совершал медленный полет над городом

и его окрестностями. Я видел широкие дороги, уходившие через дремучие заросли к другим расположенным поблизости городам столь же причудливо-мрачной архитектуры. Я видел чудовищные сооружения из черного либо радужного камня на полянах и расчищенных участках леса и длинные дамбы, перерезавшие темное пространство болот.

Однажды внизу открылась протянувшаяся на много миль равнина, сплошь усеянная руинами базальтовых строений, близких по стилю к тем лишенным окон закругленным башням, что привлекли мое внимание еще в первом городе.

И только много позднее я в первый раз увидел море — туманное пространство, уходившее в бесконечность за каменными молами одного из гигантских городов и отвлекавшее утомленный взор от этого невероятного скопления дворцов, куполов и арок.

III

Как я уже отмечал, эти видения далеко не сразу начали проявлять свою зловещую природу. Многим людям, случается, снятся и более странные сны, составленные из бесвязных обрывков дневных впечатлений, картин и прочитанных книг, прихотью воображения слитых в одну фантастическую сюжетную форму.

Иной раз я пытался воспринимать свои сновидения как нечто вполне естественное, хотя никогда ранее не был predisposed к вещам подобного рода. Многие из этих кажущихся аномальными явлений, убеждал я себя, в действительности могли иметь массу самых простых и обыденных источников, выследить и раскрыть которые мне не удавалось по каким-то чисто субъективным причинам; другие же могли отражать почерпнутые из книг сведения о растительном мире и прочих деталях жизни планеты в доис-

торическую эпоху, миллионов сто пятьдесят лет назад — в пермский или триасовый периоды.

По прошествии нескольких месяцев, однако, чувство страха начало постепенно брать верх над всеми остальными. Сны к тому времени уже приобрели вид непосредственно личных воспоминаний; тогда-то я и попробовал провести связь между ними и абстрактными ощущениями иного рода — наличием некоего барьера, блокирующего отдельные участки моей памяти, нарушением временного восприятия, пребыванием в моем теле чуждого мне разума в период между 1908 и 1913 годами и, наконец, необъяснимым отращиванием к своему внешнему облику, которое я так и не смог в себе побороть.

Когда же в мои сны начали проникать отдельные конкретные подробности, постоянно испытываемый мною ужас возрос тысячекратно, и однажды — это случилось в октябре 1915 года — я решил предпринять кое-какие практические шаги. Именно с того дня я приступил к интенсивному изучению всех прошлых случаев амнезии, чувствуя, что мне необходимо найти реальное объяснение всему, что со мной происходит, и вырваться из сжимающих мое сознание тисков.

Но, как о том уже говорилось, первые же результаты исследований оказали на меня совершенно противоположное действие. Я был потрясен, узнав, насколько полно дублировались мои сны в ряде аналогичных случаев, особенно если учесть, что многие описания их были сделаны задолго до того, как человечество достигло современного уровня геологических знаний. Таким образом была опровергнута моя идея о книжном происхождении представлявшихся мне доисторических ландшафтов.

Вдобавок ко всему, многие отчеты содержали ряд самых невероятных подробностей и пояснений, связанных с картинами огромных дворцов, садов, джунглей и прочих уже

знакомых мне по снам вещей. Ладно бы речь шла только о самом зрелище и оставленных им смутных и тяжелых впечатлениях, но отдельные намеки либо утверждения этих сновидцев граничили с откровенным безумием или же с откровенным богохульством. Самым страшным было то, что мои собственные псевдовоспоминания приобрели как бы дополнительный импульс, позаимствовав многое из прочитанного. При этом большинство врачей по-прежнему считали продолжение моих поисков наиболее целесообразным и разумным в данной ситуации.

Тогда же я основательно взялся за изучение психологии. Уингейт вскоре последовал моему примеру — именно эти занятия положили начало его научной деятельности и принесли ему впоследствии профессорскую должность. В 1917–1918 годах я прослушал специальный курс лекций в Мискатоникском университете. Мой интерес к вопросам медицины, истории и антропологии с годами не ослабевал; я предпринял серию поездок в отдаленные библиотеки, в конечном счете добравшись до мало кому известных трудов по мистике и черной магии, столь привлекавших некогда моего не в меру любознательного двойника.

Среди прочих мне попались и несколько книг, побывавших когда-то в его — то есть в моих собственных — руках, и я с волнением прочел пометки на полях и даже *поправки*, внесенные прямо в текст странным уродливым почерком и в выражениях, указывающих на несвойственные нормальному человеку стиль и образ мышления.

Пометки делались на том же языке, на каком была написана каждая из этих книг, — писавший, похоже, знал их одинаково хорошо, хотя это знание явно отдавало академизмом. Но одна из надписей на страницах «Unaussprechlichen Kulten» фон Юнцта резко отличалась от всех прочих. Она была выполнена теми же чернилами, что и пометки на немецком языке, но состояла из причудливых криволинейных иероглифов, не имеющих, насколько я мог судить, ничего обще-

го с любым земным иероглифическим письмом. Зато они полностью соответствовали тому алфавиту, надписи на котором постоянно фигурировали в моих снах, — надписи, смысл которых порою начинал смутно доходить до моего сознания, но всегда останавливался, не пересекая последней зыбкой грани между реальной памятью и сновидением.

В окончательное замешательство меня привели работники читального зала, утверждавшие на основании данных предыдущих осмотров книг и записей в картотеке их выдачи, что все указанные надписи могли быть сделаны только *мною* самим, то есть тем, кто, пользуясь моим обликом и именем, изучал эти тома до меня. Достаточно сказать, что сам я ни в коей мере не владел тремя языками из числа тех, на которых делались эти пометки.

Собрав воедино все имевшиеся у меня материалы, старинные и современные, медицинские и антропологические, я обнаружил гораздо более тесное переплетение древних мифов и описанных позднее галлюцинаций, чем это можно было заключить из первых беглых осмотров. Непонятно, каким образом вполне правдоподобные описания пейзажей палеозойской или мезозойской эры могли войти составной частью в мифологические сюжеты, создававшиеся во времена, когда возможность получения столь точных научных данных была совершенно исключена. Факты здесь противоречили здравому смыслу, и одновременно они же подсказывали первопричину формирования столь схожих между собой галлюцинаций.

Без сомнения, повторявшиеся случаи амнезии постепенно создали некую общую мифологическую модель, которая, разрастаясь, начала со временем оказывать уже обратное влияние на людей, ставших жертвами этой болезни, возвращаясь к ним в виде одних и тех же псевдовоспоминаний. Лично я в период своего беспомыслия прочел и изучил все эти древние сказки — мое позднейшее исследование это полностью подтвердило. Почему тогда не допустить,

что мои сны и эмоциональные переживания явились лишь отражением тех знаний, что были получены мной через посредство загадочной второй личности?

Некоторые из упомянутых выше мифов близко соприкасались с другими известными легендами о мире, существовавшем на Земле до появления человека, прежде всего с древнеиндийскими сказаниями, где говорилось о неизмеримых и ошеломляющих безднах времени, — теми, что позднее вошли составной частью в современную теософию.

Древние мифы и посещавшие меня галлюцинации были схожи в главном: и те и другие недвусмысленно намекали на то, что человечество являлось лишь одной из множества высокоразвитых цивилизаций, в разные времена населявших эту планету. Если верить преданиям, существа странного, непередаваемого облика воздвигли башни до небес и проникли во все тайны природы задолго до того, как первый земноводный предшественник человека триста миллионов лет назад выполз на сушу из теплых океанских волн.

Некоторые из хозяев планеты прилетали сюда с далеких звезд — истоки этих цивилизаций порой терялись в глубинах космоса, который сам по себе был их ровесником; другие зарождались в земных условиях, опережая появление первых бактерий нынешнего жизненного цикла в той же степени, в какой сами эти бактерии опережали появление собственно человека. Измерение велось в миллиардах лет и сотнях галактик. Разумеется, здесь не могло быть и речи о времени в его человеческом понимании.

Но большая часть легенд и снов была связана с одной сравнительно поздно появившейся расой, представители которой, внешне резко отличавшиеся от всех известных нашей науке форм жизни, населяли Землю за сто пятьдесят миллионов лет до человека. Эта раса была величайшей из всех, ибо она одна смогла овладеть секретом времени.

Научившись проецировать свое сознание через миллионы лет в прошлое и будущее, они смогли узнать все, что когда-либо было известно, и все, что еще только будет известно прочим цивилизациям этой планеты за все время ее существования. Вмешательством этой расы в жизнь ее предшественников и последователей и объясняются все легенды о прорицателях и ясновидцах, в том числе и те, что вошли в мифологию человечества.

В их громадных библиотеках были собраны тексты и картины, содержавшие весь объем накопленных землянами знаний, начиная с истории развития и физиологии каждой разумной расы и заканчивая полным описанием ее достижений в любых областях жизни, многообразия ее языков и особенностей психологии.

Из этого громадного объема информации Великая Раса выбирала и заимствовала те идеи, творения искусства и технические новшества, которые казались ей подходящими к ее собственным условиям. При этом добывать сведения в прошлом, когда перемещенному сознанию запрещалось вселяться в материальные формы, оказалось намного труднее, чем иметь дело с будущим.

В последнем случае все происходило примерно таким образом: с помощью специальных технических средств личность исследователя проецировалась в будущее и двигалась по экстрасенсорным каналам вплоть до нужного временного отрезка, где после нескольких предварительных проб выбирала более-менее подходящего по уровню интеллекта представителя разумной расы, преобладавшей на планете в данный исторический период. Утвердясь в его мозгу и завладев соответствующим телом, исследователь отправлял замещенное сознание по обратному маршруту и вынуждал последнее обитать в телесной оболочке своего визави вплоть до завершения тем необходимой ознакомительной программы и возвращения каждого из них на свое место.

Спроецированное сознание, принимая физический облик представителя будущей расы, обычно выступало в качестве рядового члена данного общества и старалось в максимально короткий срок собрать максимум сведений о его достижениях.

Между тем вытесненное сознание, оказавшееся в чужом времени и чужом теле, находилось под неусыпным наблюдением и охраной. Особо следили за тем, чтобы оно не нанесло вреда телу — своему временному обиталищу. Одновременно из него с помощью особой системы тестов извлекали всю информацию, которая могла представлять хоть какой-нибудь интерес для исследователей. Часто допрос велся на его родном языке — если соответствующие лингвистические данные были получены в ходе предыдущих экспедиций в будущее. Когда существа, принадлежавшие к Великой Расе, оказывались не в состоянии физически воспроизвести язык, на котором изъяснялся тот или иной носитель пришлого сознания, в дело вступали хитроумные машины, игравшие роль переводчика.

Сами эти существа внешне представляли собой огромные складчатые конусы высотой до десяти футов, голова и некоторые другие органы которых помещались на концах толстых эластичных отростков, выходявших из вершины конуса. Мысли свои они выражали посредством щелкающих и скребущих звуков, издаваемых огромными лапами или клешнями, венчавшими два из четырех упомянутых отростков, а передвигались путем расширения и сжатия нижней части конуса, покрытой каким-то особым клейким ферментом.

Когда перенесенная во времени личность истощала свое изумление и законное негодование по поводу происшедшего и когда — учитывая все физиологические различия — она немного привыкала и приспосабливалась к своему новому облику, ей давали определенную свободу передвиже-

ния и возможность знакомиться с окружавшим ее непривычным миром.

С предусмотренными в таких случаях предосторожностями и в обмен на особого рода услуги ей позволялось странствовать по всем обитаемым районам планеты в гигантских воздушных кораблях или в сухопутных аппаратах с атомными двигателями, стремительно проносившихся по широким и гладким трассам; ее также допускали в библиотеки, где хранились все сведения о прошлом и будущем Земли.

Подобное отношение вскоре примиряло пленников со своей участью; обладая живым и гибким умом — не зря же перед захватом их тел производилась своеобразная селекция, — они быстро осваивались в новой для них обстановке и, преодолевая периодически приступы ужаса и отчаяния, бросались в головокружительную бездну времени, жадно поглощая сведения о прошлом и будущем — и прежде всего о ближайшем будущем тех рас и эпох, из которых они сами происходили.

Порой отдельным пленникам дозволялось даже встречаться друг с другом и вести разговор как бы через века, тысячелетия и миллионы лет, разделявшие две точки во времени, когда их внешние формы были захвачены бесцеремонными пришельцами. Кроме того, каждый из них был принужден составить на своем родном языке подробный отчет о себе, своей цивилизации и том историческом периоде, в котором он жил; позднее эти документы направлялись в хранилища центральных архивов.

Из общего числа плененных сознаний следует выделить группу, пользовавшуюся особыми привилегиями. Это были так называемые *окончательные переселенцы*, обитавшие в дряхлых телах тех представителей Великой Расы, которые, чувствуя близость смерти, пожелали предотвратить неизбежное угасание своего разума, перенесли его в будущее и вселившись в чужой, молодой и здоровый организм.

Число этих злосчастных узников было не так уж и велико, ибо долголетие, вообще свойственное Великой Расе, ослабило в ней любовь к жизни, — в первую очередь это касалось как раз наиболее ярких и незаурядных умов, которые только и были способны к проецированию. Именно такое переселение сознаний и породило случаи внезапных — и окончательных — изменений личности, примеры которых можно найти в истории человечества.

Что же до обычных исследовательских экспедиций, то, узнав все, что его интересовало в будущем, пришелец создавал проекционный аппарат наподобие того, который переправил сюда его сознание, и осуществлял обратную проекцию. В результате он и его недавняя жертва вновь оказывались каждый в собственном теле.

Подобная реставрация была невозможна лишь в одном случае — когда какое-нибудь из двух тел умирало до завершения экспедиции. Тогда сознание исследователя — подобно тем старикам, кто стремился проецированием отдалить свою смерть, — оставалось доживать чужой век в далеком будущем, либо же — в ином варианте — его невольный партнер превращался из временного пленника в окончательно и был обречен на существование среди Великой Расы до тех пор, пока не иссякнет жизнь в доставшейся ему телесной оболочке.

Подобная судьба казалась менее ужасной, когда пленник и сам принадлежал к Великой Расе, каковые обмены случались не так уж и редко, ибо «великие» чрезвычайно интересовались будущим собственной цивилизации. В то же время число окончательно переместившихся представителей Великой Расы было крайне невелико, прежде всего благодаря строжайшему запрету на проецирование престарелых и умирающих особей на своих будущих соплеменников.

Выследив нарушителей запрета с помощью все той же проекции, их подвергали суровому наказанию в их новом

облике или же осуществляли насильственный обратный обмен.

Случаи вторжения в прошлое исправлялись с особой тщательностью. Тем не менее в каждый конкретный период истории, начиная с момента изобретения мысленной проекции, в обществе присутствовала очень небольшая, но легко узнаваемая и контролируемая прослойка временных перемещенцев из древних эпох Великой Расы.

Прежде чем возвратить плененное сознание на его место в будущем, его подвергали операции выборочного гипноза, блокируя те участки памяти, где содержались сведения о Великой Расе: это делалось во избежание нежелательных последствий неконтролируемого переноса во времени больших объемов информации.

Несколько случаев обратного проецирования без предварительного стирания памяти уже вызвало и еще вызовет в будущем серьезнейшие катастрофы. Два таких случая, как мы можем заключить из мифологических источников, и стали причиной того, что человечество узнало о существовании Великой Расы.

Из всех ее материальных памятников уцелели лишь остатки каменных руин, затерянные в глухих и труднодоступных местах планеты, да еще не поддающиеся расшифровке фрагменты текста из так называемых Пнакотикских рукописей.

Итак, возвращенное в свой век сознание сохраняло только ничтожные обрывки воспоминаний обо всем происшедшем с ним после внезапного приступа болезни. Все, что могло быть стерто, было стерто, и чаще всего период пребывания в амнезии оставался в памяти в виде сплошного пробела, лишь иногда тревожимого смутными тенями сновидений. Некоторым удавалось запомнить больше, и случайное соединение уцелевших обрывков воспоминаний могло отчасти прояснить картины прошлого.

Пожалуй, не было в истории такого периода, когда различные тайные секты не пытались бы придать этим воспоминаниям культовое значение. В «Некрономиконе» содержалось упоминание об одном из таких культов, приверженцы которого несколько раз оказывали помощь людям, чье сознание возвращалось из глубин прошлого, из эры Великой Расы.

Эта последняя, сделавшись меж тем почти всеведущей, обратила свой взор к другим обитаемым мирам, исследуя с помощью мысленной проекции их прошлое и будущее. Она попыталась также проникнуть в древние тайны той бесконечно далекой, давно уже мертвой планеты, откуда однажды произошел их собственный разум, ибо разум Великой Расы был гораздо старше ее физической оболочки.

Обитатели того умиравшего мира, овладев всеми возможными знаниями и секретами Вселенной, принялись спешно подыскивать себе новую планету и новую разумную расу, телесную форму которой они могли бы захватить массовым броском многих сознаний через пространство и время. Такая раса нашлась — это были конусообразные неуклюжие существа, населявшие Землю около миллиарда лет назад.

Таким образом и возникла Великая Раса, а мириады сознаний исконных хозяев Земли в один прекрасный миг вдруг обнаружили себя в ужасном качестве вымирающих жителей далекой и неизвестной планеты. Рано или поздно должно было наступить время, когда нынешняя Великая Раса тоже начнет вырождаться, после чего неизбежно встанет вопрос о новой массовой миграции ее самых выдающихся умов в тела другой расы, имеющей лучшие перспективы физического развития.

Такова была общая картина, составленная мною на основании тесно связанных между собой древних легенд и моих собственных сновидений. Когда же в 1920 году я всерьез занялся их сравнительным анализом, то очень скоро пришел

к некоторым утешительным для себя выводам. Оказалось, что, если отбросить все домыслы и фантазии, здесь вполне могло найтись место и для более рационального объяснения. Пребывая в состоянии амнезии, я прочел огромное количество редких старинных книг, в том числе содержащих и описанные выше легенды; я также неоднократно встречался с членами разных тайных обществ и сект. Все это в конечном счете и составило основу сновидений, начавших досаждать мне тотчас по возвращении памяти.

Что касается якобы моих собственных пометок на полях книг, выполненных странными иероглифами или на языках, которыми я до сих пор не владею, то за время своего беспамятства я вполне мог расширить свои лингвистические познания — впоследствии вновь их утратив, — а иероглифы просто измыслить, руководствуясь их описаниями в старых легендах, позднее перешедшими и в мои сны. Пытаясь проверить эту версию, я вступил в сношения с некоторыми из предводителей таинственных культовых общин, но не добился здесь взаимопонимания.

И все же удивительное совпадение клинических случаев, разделенных порой веками и пространствами континентов, продолжало меня беспокоить, хотя, с другой стороны, я отметил, что соответствующая фольклорная традиция имела куда большее распространение в прошлом, чем в наши дни. Вероятно, в прежние времена жертвы подобной формы амнезии были гораздо лучше моего осведомлены обо всех сопутствующих этому преданиях и непроизвольно начинали ассоциировать себя с существами из своих же доморощенных мифов — сказочными чудовищами, изгоняющими душу человека из его тела. Руководствуясь этими мотивами, они принимались активно загружать «пришельцев» всеми сведениями, какие, по их мнению, должны были представлять интерес в фантастическом мире далекого прошлого. Позднее, когда память их восстанавливалась, у них возникал обратный ассоциативный процесс, и они на-

чинали утверждать, будто являются бывшими пленниками, вернувшимися в свое тело, временно побывавшее во власти инородного разума. Отсюда уже брали свое начало сны и псевдовоспоминания, дополнявшие, таким образом, общую мифологическую модель.

Несмотря на кажущуюся громоздкость и неуклюжесть этой теории, она в конце концов потеснила в моем сознании все остальные — прежде всего в силу неубедительности любого иного истолкования. К тому же данная идея нашла поддержку некоторых видных психологов и антропологов.

Чем больше я размышлял на эту тему, тем более доказательными представлялись мне собственные аргументы, так что я постепенно выработал своеобразный иммунитет против назойливых снов и видений. Допустим, я вижу по ночам странные вещи — ну что из того? Это всего лишь отражение услышанного и прочитанного ранее. Допустим, я испытываю необъяснимое отвращение к некоторым вещам, меня мучают предчувствия и тревожат псевдовоспоминания. Ничего особенного — это все лишь отголосок тех мифов, что были восприняты мною в состоянии амнезии. Никакие мои сны, никакие мои абстрактные впечатления не имеют и не могут иметь реального значения.

Вооружившись такой философской концепцией, я сумел вернуть себе душевное спокойствие, несмотря даже на то, что видения появлялись все чаще, с каждым разом дополняясь новыми подробностями. В 1922 году я почувствовал себя способным возвратиться к работе в университете, где я нашел практическое применение своим вновь обретенным знаниям, взявшись читать курс лекций по психологии. К тому времени моя профессорская должность была давно уже занята другим лицом, да и сама методика преподавания политической экономии претерпела в последние годы значительные изменения. Мой сын как раз тогда закончил последний курс колледжа и готовился к научной деятельности, так что мы много и плодотворно работали вместе.

IV

Вне зависимости от происходивших со мной перемен я продолжал аккуратно записывать все увиденное в снах, расценивая эти отчеты как важные психологические документы. Сны между тем становились все более яркими и живыми, и мне порой стоило немалых трудов убедить себя в том, что это была лишь игра воображения, а никак не реальные воспоминания.

В своих записях я изображал эти фантазмагии без каких-либо пояснений, в том виде, в каком они являлись мне из глубин сознания; наяву же я относился к ним так, как вообще следует относиться к иллюзиям. Я никогда не упоминал об этом в частных беседах, но слухи о моих нелепых и странных дневниках все же просочились в местное общество; кое-кто уже начал поговаривать о наличии у меня опасных умственных отклонений. Справедливости ради должен отметить, что подобные мысли высказывались обычно людьми, далекими от науки, и не были поддержаны ни одним более-менее известным психологом или психиатром.

Из числа сновидений, посещавших меня после 1914 года, я упомяну здесь лишь некоторые, поскольку полные отчеты и записи не являются секретом и могут быть предоставлены к услугам всех желающих, стоит лишь обратиться в соответствующий раздел университетской библиотеки. По-немногу сознание мое освобождалось от сжимавших его прежде тисков, и масштабы видений заметно расширились. Но и теперь это были только разрозненные фрагменты без какой-либо ясной мотивировки.

В своих снах я с каждым разом обретал все большую свободу перемещения. Я двигался по залам огромных каменных зданий, переходя из одного в другое широкими подземными коридорами, служившими, судя по всему, основными ходами сообщения. Изредка на самых нижних ярусах мне

попадались на глаза все те же опечатанные люки, неизменно вызывавшие во мне чувство растерянности и страха.

Я видел грандиозные, отделанные мозаичной плиткой бассейны и комнаты, полные самых удивительных и невообразимых вещей. Перед моим взором вставали колоссальные подземные цеха, заполненные сложными машинами и приборами, назначение которых мне было неизвестно. Звуковой фон этих цехов начал проникать в мои сны лишь через несколько лет после первого появления их визуальной картины. Надо сказать, что зрение и слух были единственными из моих чувств, находившимися под воздействием галлюцинаций.

Самое ужасное началось в мае 1915 года, когда я впервые увидел живых существ. Это произошло еще до того, как я познакомился с древними мифами и описаниями аналогичных случаев в истории медицины, и потому я был застигнут врасплох.

Еще ранее, по мере ослабления барьеров, разгораживавших мое сознание, я начал замечать странные сгустки тумана в отдельных местах внутри здания или на улицах. Постепенно туманные пятна становились более плотными и определенными, пока однажды я не узрел очертания этих монстров во всей их красе. Передо мной возникли громадные, переливавшиеся радужными цветами конусообразные тела около десяти футов высотой и столь же широкие у основания конуса. Их толстая складчатая кожа была покрыта подобием чешуи, а из верхушек конуса выступали по четыре гибких отростка, каждый толщиной в фут, имевших ту же складчатую структуру, что и сами тела. Отростки эти могли сжиматься до минимума и вытягиваться, достигая десятифутовой длины. Два из них имели на концах нечто вроде огромных клешней, третий оканчивался четырьмя ярко-красными раструбами, а последний нес желтоватый, неправильной формы шар диаметром примерно в два фу-

та, по центральной окружности которого располагались три больших темных глаза.

Эта уродливая голова была увенчана четырьмя длинными стебельками с утолщениями, напоминавшими по виду цветочные бутоны, а из нижней ее части свисали восемь бледно-зеленых усиков или щупалец. Основание конуса было окаймлено серым пружинящим материалом, который, растягиваясь и сокращаясь, передвигал таким образом всю эту громоздкую массу.

Действия этих существ, хотя и совершенно безвредные, напугали меня еще больше, чем их внешний облик, — труднее всего было представить столь жутких тварей делающими самые обыденные вещи, характерные, казалось бы, только для человека. Они неторопливо передвигались по залам дворца, брали с полок отдельные книги и переходили с ними к столам или же, наоборот, возвращали книги на свои места, предварительно сделав кое-какие записи особыми стержнями, которые они ловко сжимали бледно-зелеными щупальцами нижней части головы. Массивные конечности-клешни использовались ими при переноске книг и для разговора — речь их состояла из шорохов и пощелкиваний.

У них не было никакой одежды, но имелись своеобразные рюкзаки или ранцы, надеваемые на верхнюю половину конуса. Как правило, они держали голову на одном уровне с вершиной тела, но при желании могли ее опускать или поднимать гораздо выше.

Три других отростка, находясь в бездействии, обычно свисали вдоль тела, вытянутые примерно на пять футов. По той скорости, с какой они прочитывали страницы книг, писали и управлялись со своими машинами — в частности, со стоявшими на столах аппаратами, которые имели какое-то отношение к мыслительной деятельности, — я заключил, что степень развития их интеллекта была неизмеримо выше человеческой.

Позднее я уже видел их повсюду: они сновали по коридорам и громадным залам, обслуживали механизмы в сводчатых подземных цехах и мчались по широким дорогам в тяжелых остроносых машинах. Я довольно скоро перестал их бояться, обнаружив, что они на редкость гармонично — если слово «гармония» здесь вообще применимо — дополняли собой окружающий абсурдный пейзаж.

Понемногу я научился различать их между собой, отмечая, что некоторые особи держатся как-то скованно и неуверенно. Не выделяясь среди прочих по внешнему виду, они резко отличались своим поведением и самой манерой двигаться — причем отличались не только от основной массы, но и друг от друга.

Эти последние много писали; сквозь дымку сновидений я разглядел, что их страницы были исписаны самыми разными типами знаков, но никогда я не видел выходящими из-под их пера обычные здесь криволинейные иероглифы. Пару раз, как мне показалось, промелькнул даже латинский алфавит. Большинство этих особей работали значительно медленнее, чем основная масса их собратьев.

В то время мое присутствие в снах ограничивалось ролью пассивного бестелесного наблюдателя, свободно перемещавшегося во всех направлениях, не сходя, впрочем, с проторенных дорог и не превышая обычных здесь скоростей передвижения. Однако с августа 1915 года меня начали тревожить первые намеки на мою телесную форму. Я сказал — намеки, потому что в начальной фазе это было чисто абстрактное чувство, какой-то необъяснимый страх, связывающий мои сновидения с теми приступами брезгливости, что я еще прежде испытывал по отношению к своему телу. До той поры в снах я всячески избегал смотреть вниз на самого себя и, помнится, был рад отсутствию зеркал в огромных комнатах призрачного дома. Одновременно меня беспокоил тот факт, что я запросто мог обозревать поверхность

каменных столов, каждый из которых был высотой не ниже десяти футов.

Искушение взглянуть на свое тело во сне между тем росло, и настал момент, когда я не смог уже ему противиться. Сперва, посмотрев вниз, я вообще ничего не увидел. Чуть погодя я понял, что причина эта заключалась в невероятной длине моей шеи. Втянув голову в плечи, я осторожно повторил свой опыт и на сей раз увидел внизу чешуйчатое, переливающееся всеми цветами радуги конусообразное туловище — мое туловище! Это случилось в ту самую ночь, когда едва ли не половина Арххема была разбужена диким безумным воплем, с которым я вырвался из объятий кошмара.

Понадобилось несколько недель повторяющихся ночных ужасов, для того чтобы хоть как-то приучить меня к своему новому уродливому облику. В снах я двигался среди множества аналогичных тварей, читал книги, снятые с кажущихся бесконечными полок, и часами писал, стоя у монументальных столов и держа стержень в зеленых щупальцах, растущих прямо из моей головы.

Кое-что из прочитанного сохранилось в моей памяти. Это были описания других миров и вселенных, а также той смутной нематериальной жизни, что таится за границами всех вселенных вообще. Были там и повествования о разумных расах, населявших наш мир в незапамятные времена, и потрясающие хроники жизни суперинтеллектуальной цивилизации, которая будет населять его миллионы лет спустя после исчезновения последнего представителя человечества.

Я прочел те главы нашей собственной истории, о существовании которых не подозревает ни один из современных исследователей. Большая часть всего этого была написана на языке иероглифов, который я довольно быстро освоил с помощью специальных учебных машин, — грамматические формы здесь образовывались по принципу агглютинации

при структуре корневых систем, не имеющей аналогов в нашей лингвистике.

Многие тома были заполнены совершенно другими видами знаков, изученными мной точно таким же образом. Попадались — хотя и редко — книги на знакомых мне языках. Большим подспорьем в моих занятиях были очень толковые картины и рисунки, помещенные как среди текста, так и в отдельных к нему приложениях. Сколько помню, я составлял описание своей жизни и своего времени на английском языке. Из тех книг, что я читал, я по пробуждении мог вспомнить лишь незначительные и бессмысленные обрывки иноязычных фраз, так легко дававшихся мне во сне, но, независимо от этого, сама суть прочитанного нередко оставалась в моей памяти.

Так я узнал — задолго до того, как наяву изучил сходные случаи амнезии и древние мифы, от которых косвенно брали начало все мои сны, — что окружавшие меня существа были величайшей в истории расой, подчинившей себе время и рассылающей своих невидимых разведчиков по всем эпохам и всем обитаемым мирам. Я узнал также, что мой разум был перенесен сюда на тот срок, в течение которого чужой разум будет владеть моим телом, и что рядом со мной находилось немало таких же плененных сознаний. Я даже как будто общался на шелкающем языке Великой Расы с другими пленниками из разных областей галактики, и прежде всего — нашей Солнечной системы.

Там был один разум с планеты, известной нам как Венера, которому суждено будет жить еще в очень и очень далеком будущем, и другой — с одного из спутников Юпитера, живший шесть миллионов лет назад. Из числа земных обитателей мне встречался один, представлявший крылатую звездоголовую полурастительную расу, господствовавшую в Антарктике в эпоху палеогена; трое — от живших на Крайнем Севере покрытых густым мехом предшественников человека, поклонявшихся богу Цаттогуа; один — от совсем

уж чудовищной расы чо-чо; трое — от паукообразной цивилизации, населявшей Землю в позднейший период ее существования; пятеро — от тех жесткокрылых тварей, что придут на смену человечеству и станут в свое время объектом массового переноса сознаний Великой Расы, когда та столкнется с угрозой гибели; встречал я и представителей собственной расы.

Я общался с сознанием Юан-Ли, философа, который будет жить около 5000 года нашей эры в жестокой империи Цань-Тянь; с одним из полководцев большеголовых темнокожих людей, владевших югом Африки за пятьдесят тысячелетий до Христа; с Бартоломео Корци, флорентийским монахом из двенадцатого столетия; с королем Ломара, правившим своей жуткой полярной страной за сто тысяч лет до сокрушительного нашествия с запада низкорослых желтых инуитов.

Я беседовал с сознанием Нуг-Зота, колдуна, возглавлявшего черных завоевателей в шестнадцатом тысячелетии нашей эры; с римлянином по имени Тит Семпроний Блес, квестором времен Суллы; с Хефнесом, египтянином из эпохи Четырнадцатой династии, поведавшим мне страшную тайну Ньярлатхотепа; с одним жрецом периода Среднего царства в Атлантиде; с Джеймсом Вудвиллом, джентльменом из Суффолка, свидетелем бурной Кромвелевской эпохи; с придворным астрономом доинкского Перу; с австралийским физиком Невиллом Кингстон-Брауном, который умрет в 2518 году; с великим магом страны Ыхе, бесследно исчезнувшей в Тихом океане; с Теодотидом, греко-бактрийским чиновником из третьего века до нашей эры; с пожилым французом Пьером-Луи Монтаньи, современником Людовика XIII; с Кром-Йа, киммерийским вождем, жившим за пятнадцать тысяч лет до нашей эры, — и еще со многими другими, кого я не уже берусь перечислить.

Каждое утро я просыпался в холодном поту и не раз после того пробовал, опираясь на данные современной науки,

решить этот вопрос радикально: либо полностью опровергнуть, либо подтвердить реальную значимость своих снов, — но тогда все наши традиционные понятия о ходе истории предстали бы в совершенно ином, слишком уж фантастическом свете.

Я не мог не содрогнуться при одной только мысли о тайнах, скрывавшихся в нашем прошлом, и об опасностях, подстерегающих нас в будущем. Многие из того, что я узнал от существ, чьи расы придут на смену человечеству, я до сих пор не решаюсь опубликовать.

После исчезновения людей господство на планете перейдет к могущественной цивилизации насекомообразных, в тела которых и переселятся лучшие умы Великой Расы, когда их старший мир окажется на пороге ужасающей катастрофы. Позднее, когда жизненный цикл Земли будет на исходе, они вновь переместятся во времени и пространстве, захватив похожие на луковицы тела растительных существ на Меркурии. Но и после их ухода на Земле еще будут существовать разумные расы; отчаянно цепляясь за остывающую планету и проникая все глубже в земные недра, они продержатся вплоть до ее неизбежного окончательного разрушения...

Между тем в снах я все еще продолжал писать труд о своем времени — отчасти по собственной воле, а отчасти подгоняемый обещаниями расширить доступ к архивам и предоставить свободу передвижения по населенным районам планеты. Главное хранилище знаний, по заказу которого я выполнял эту работу, находилось глубоко под землей в самом центре города. Это грандиозное сооружение намного превосходило по прочности своих конструкций все иные созданные Великой Расой и было рассчитано на то, чтобы пережить любые природные катаклизмы.

Все, что было записано на больших листах плотного и очень крепкого материала, сделанного на основе волокон целлюлозы, переплеталось в книги, которые хранились каж-

дая в отдельном контейнере из сравнительно легкого нержавеющей металла; на крышке его в обрамлении сложных геометрических узоров помещалось название книги, написанное на языке Великой Расы.

Контейнеры располагались в строгом порядке в особых, прямоугольной формы камерах, изготовленных из того же металла, и запирались хитроумной системой поворотов шарообразной дверной ручки. Моей рукописи было выделено свое место среди позвоночных — эта секция предназначалась для человеческой расы, а также для мохнатых гиперборейцев и разумных рептилий, непосредственно предвравших нас в роли хозяев планеты.

Ни разу ни один из снов не дал мне полной картины прожитого от начала и до конца дня. Видения появлялись разорванными фрагментами вне всякой хронологической последовательности. Например, я имел очень смутное представление об условиях своей жизни в мире снов, хотя я как будто припоминал большую каменную комнату, которая считалась моей собственной. Постепенно все ограничения, наложенные на меня как на пленника, исчезали; в некоторых снах я совершал поездки по дорогам, проложенным сквозь густые джунгли, осматривал странные города и даже пытался обследовать развалины громадных темных сооружений, перед которыми Великая Раса испытывала какой-то необъяснимый страх. Были также длительные плаванья на больших многопалубных кораблях, обладавших удивительной быстроходностью, и полеты над необитаемыми районами в закрытых воздушных аппаратах, поднимаемых и движимых силой электромагнитного отталкивания.

На отдаленных берегах широкого теплого океана также находились города Великой Расы, а на одном из континентов я увидел примитивное поселение черноголовых крылатых созданий, которым суждено было владеть планетой после того, как Великая Раса перенесет свои сознания в буду-

щее, спасаясь от какой-то неотвратимой катастрофы. Равнинный характер местности и обилие пышной растительности были преобладающими элементами любого здешнего пейзажа. Холмы, низкие и весьма редкие, обычно выказывали признаки вулканической активности.

Об увиденном мною животном мире я мог бы написать целые тома. Вся фауна пребывала в своем естественном состоянии, поскольку техническая цивилизация Великой Расы давно уже отказалась от домашних животных, а пища ее была либо растительного, либо синтетического происхождения. Неуклюжие массивные чудовища тяжело передвигались по заболоченным джунглям, летали в насыщенном влагой воздухе или плавали в морях и озерах; среди них я узнавал прототипы многих более поздних видов — динозавров, птеродактилей, ихтиозавров, лабиринтодонтов, плезиозавров и прочих, известных мне по учебникам палеонтологии. Птиц или млекопитающих я не встречал ни разу.

Поверхность земли и болота кишели змеями, ящерицами и крокодилами, в густых зарослях тучами роились насекомые. Далеко в стороне от морского побережья неизвестные, так и не увиденные мною твари выбрасывали огромные пенистые фонтаны в набухшее низкими тучами небо. Однажды мне довелось опуститься в океанские глубины в гигантской подводной лодке, и я при свете прожекторов наблюдал морских обитателей ужасающих размеров и облика. Я видел также развалины давно затонувших городов и множество представителей самых разных форм подводной жизни — криноидей, брахиоподов, кораллов и рыбообразных.

Что касается физиологии, психологии, быта, нравов и подробностей исторического развития Великой Расы, то здесь мои сны были крайне скупы на информацию, и многие из упоминающихся ниже фактов были почерпнуты мною

скорее из старых легенд и описаний других случаев амнезии, чем из моих сновидений.

Дело в том, что мои исследования со временем нагнали, а по многим направлениям и опередили сновидения, так что нередко какой-нибудь из фрагментов сна еще до своего появления был мне знаком по изучаемым материалам. Это окончательно утвердило меня в мысли, что псевдовоспоминания обязаны своим происхождением как моим нынешним занятиям, так и аналогичному поиску, проведенному много раньше моей второй личностью.

Время действия моих снов отстояло от современной эпохи примерно на 150 миллионов лет, когда палеозойская эра начала сменяться мезозоем. Существа, чьи тела были населены разумом Великой Расы, не оставили после себя никакой — по крайней мере никакой известной науке — ветви земной эволюции. Это был обособленный от всех прочих, весьма однородный по своему составу органический тип, совмещавший элементы растительного и животного миров.

Уникальная структура их клеток практически исключала какие-либо проявления усталости и полностью устраняла потребность во сне. Пища, усваиваемая ими через красные раструбы на конце одного из четырех больших отростков, всегда была в полужидком виде и по многим параметрам резко отличалась от пищи других известных нам живых организмов.

Из числа имевшихся у них чувств нам были известны лишь два — зрение и слух, органами последнего были напоминавшие цветочные бутоны выступы на их головах. Кроме того, они обладали многими другими недоступными для нашего восприятия чувствами — даже находясь в их теле, плененное сознание не могло толком разобраться с этими ощущениями. Расположение их глаз значительно увеличивало круг обзора по сравнению с человеком. Кровь их напоминала по виду густой темно-зеленый гной.

Не различаясь по половому признаку, они воспроизводились через семена или споры, висевшие гроздьями в нижней части их туловища и развивавшиеся только будучи погруженными в воду. Для выращивания молодых особей использовались специальные неглубокие цистерны. Учитывая большую продолжительность их жизни — обычно четыре-пять тысячелетий, размножение производилось в весьма ограниченных количествах.

Особь, имевшие явные отклонения в развитии, подвергались немедленной ликвидации сразу по обнаружении дефекта. Заболевание или близость смерти распознавались — за отсутствием чувств осязания и физической боли — исключительно по визуальным симптомам.

Мертвые тела сжигались с почестями и в торжественной обстановке. Порой, как я уже отмечал, какой-нибудь из выдающихся умов избегал смерти, проецируя себя в будущее; однако подобные случаи были немногочисленны. Когда же это происходило, то с прибывшим на его место пленником обращались самым лучшим образом вплоть до смерти его новой телесной оболочки, к которой он так и не успевал привыкнуть.

В целом Великая Раса представляла собой единую нацию — свободное объединение или союз — с общими институтами управления; правда, административно они делились еще на четыре особых самоуправляющихся региона. Политическая и экономическая система в каждом из них была некой разновидностью социал-фашизма, с рациональным распределением основных ресурсов и стоявшим у власти государственным советом, в выборах которого принимали участие все прошедшие особый образовательный и психологический ценз. Семейной организации как таковой у них не было, хотя родственные связи признавались, и родители обычно принимали участие в воспитании своих отпрысков.

Сходство с человеческим складом психики и общественными установлениями можно было заметить прежде всего в тех областях, где дело касалось либо чисто абстрактных понятий, либо же, наоборот, вещей сугубо материальных, характерных для всех вообще форм органической жизни. Еще одним — хотя и не очень существенным — источником сходства было сознательное заимствование, ибо Великая Раса, исследуя будущее, копировала все, что казалось ей полезным и применимым к условиям ее бытия.

Автоматизированная промышленность не требовала к себе большого внимания со стороны граждан, оставляя им много свободного времени для занятий на интеллектуальном и эстетическом поприщах. Наука у них достигла небывалого уровня развития, а искусство превратилось в необходимый элемент жизни, хотя в тот период, к которому относились мои сновидения, оно уже прошло свой зенит. Технический прогресс стимулировался постоянной борьбой за выживание и необходимостью поддерживать функционирование хозяйства огромных городов в условиях повышенной геологической активности.

Преступления были крайне редки; не последнюю роль в этом играла исключительно эффективная полицейская служба. Виды наказаний варьировались от лишения привилегий и заключения в тюрьму до смертной казни или полной эмоциональной ломки сознания; они никогда не применялись без предварительного тщательного расследования всех мотивов преступления.

Войны, в последние несколько миллионов лет бывшие в основном гражданскими, порой велись и против внешних врагов — неимоверно расплодившихся рептилий, агрессивных восьминогих пришельцев или против крылатых звездоголовых существ Старой Расы, все еще обитавших в Антарктике. Случаясь не так уж часто, войны, однако, имели очень тяжелые и разрушительные последствия. Огромная

армия, оснащенная мощным электрическим оружием, постоянно держалась в боевой готовности на тот особый случай, о котором они не любили упоминать и который был явно связан со страхом, испытываемым ими вблизи руин черных, лишенных окон зданий и опечатанных люков на самых нижних подземных ярусах их городов.

О причинах этого страха не говорилось вслух — разве что украдкой, этаким квазишепотом. Любые более-менее конкретные упоминания о базальтовых руинах и таинственных люках были изъяты из общедоступных книг. Это, похоже, была единственная закрытая для обсуждения тема, непосредственно связанная с какой-то жестокой борьбой в прошлом и ужасной трагедией, ожидавшей Великую Расу в будущем, — трагедией, которая однажды вынудит ее спешно перебросить лучшую часть своих сознаний на много миллионов лет вперед.

Расплывчатые и фрагментарные — как и вообще все сведения, полученные мною из снов и легенд, — касательства этого вопроса очень мало его проясняли. В древних мифах он явно был обойден стороной — не исключено, что все соответствующие ссылки были позднее попросту удалены. Мои сны, а равно и описания других видений содержали лишь слабые туманные намеки, поскольку сами представители Великой Расы никогда не обращались в разговорах к данной теме, и, таким образом, единственным источником информации были другие, более наблюдательные и догадливые особи из числа пленных сознаний.

Согласно этим отрывочным сведениям, причиной всех страхов являлась некая древнейшая раса отчасти напоминавших полипы существ, прибывших из далекой чужой вселенной и владевших Землей и тремя другими планетами Солнечной системы около шестисот миллионов лет назад. Их нельзя было назвать полностью материальными — в нашем понимании материи; по типу своего сознания и способам восприятия они разительно отличались от любого из

земных организмов. Например, у них не было такой категории, как зрение, — существующий в их сознании мир являл собой странную не визуальную систему образов. Они, однако, были материальны в достаточной степени для того, чтобы пускать в ход вполне вещественные средства в тех областях космоса, где эти средства имелись в наличии; кроме того, они нуждались в постоянном жилище, пусть даже и несколько своеобразного характера. Хотя чувства их могли проникать сквозь любые физические преграды, материальные элементы их существа были на это не способны; уничтожить их можно было только воздействием некоторых видов электрической энергии. Несмотря на отсутствие крыльев и иных специальных приспособлений, они могли свободно перемещаться по воздуху. Особая структура сознания этих тварей исключала возможность проецирования на них разума Великой Расы.

Появление их на Земле сопровождалось строительством городов, почти сплошь состоявших из мощных базальтовых башен без всяких намеков на окна, и безжалостным истреблением всех попадавшихся на их пути живых созданий. Такова была ситуация на тот момент, когда массовый разум Великой Расы перенесся сюда через бесчисленное множество галактик из своего мрачного темного мира, известного — если верить далеко не бесспорным Эльтдонским таблицам — под названием Йит.

Новые пришельцы довольно быстро изобрели средство борьбы со свирепыми существами, прежде безнаказанно терроризировавшими обитателей планеты, и сумели загнать их в глубь земли, где те еще раньше создали обширные системы искусственных пещер и ходов, являвшихся частью их жилого пространства. Затем все выходы из подземного мира были наглухо закрыты и опечатаны, а Великая Раса завладела исполинскими городами своих предшественников, сохранив в неприкосновенности некоторые из древних базальтовых сооружений, — основой для такого решения

послужил скорее странный суеверный ужас, нежели нарочитое равнодушие либо научный или исторический интерес.

Прошло много миллионов лет до той поры, когда вновь начали появляться зловещие признаки усиления и возрастания численности существ, скрывавшихся в подземных глубинах. Время от времени случались внезапные нападения, страшные и отвратительные следы которых не оставляли сомнений в их авторстве. Обычно это происходило в небольших уединенных поселениях Великой Расы или в развалинах древних городов, то есть в местах, где выходы из-под земли не были надежно перекрыты или не охранялись. После этого был принят ряд дополнительных мер: в частности, были замурованы почти все выходы, за исключением нескольких люков, сохраненных в стратегических целях и находившихся под контролем специальных воинских частей.

Последствия упомянутых вылазок на поверхность оказались гораздо более серьезными, чем можно было ожидать, ибо они наложили отпечаток на психику Великой Расы в целом. Этим и объясняется тот откровенный страх, с которым ее представители встречали любое упоминание о таинственных созданиях, внешний облик которых так и остался для меня загадкой. Ходили неясные слухи об их чудовищной пластичности, об умении временно становиться невидимыми; кое-кто приписывал им способность вызывать и направлять движение ураганов. Первым признаком их появления считались странные свистящие звуки, а в тех местах, где они побывали, позднее нередко находили внушительных размеров отпечатки ног с пятью круглыми пальцами по периметру.

Ни для кого не являлось секретом, что ужасная катастрофа, ожидавшая в будущем их цивилизацию, — та самая катастрофа, что однажды вынудит их лучшие умы искать спасения за гранью времен, в новых, чуждых им телесных формах, — будет самым прямым образом связана с последним и

на сей раз успешным выходом на поверхность древнейшей расы.

Мысленные проекции в будущее позволили предвидеть неизбежную трагедию, и государственный совет постановил, что все граждане, способные к переносу своего сознания, должны будут воспользоваться этой возможностью. У всех остальных шансов спастись не было — они знали, что это нападение явится скорее актом мести, нежели попыткой вновь завладеть верхним миром, ибо исследования позднейшей истории выявили множество возникавших и исчезавших цивилизаций, которые вообще ни разу за весь период своего существования не приходили в столкновение с тварями из подземного мира. Возможно, эта зловеющая раса в конце концов предпочла глубокие земные недра переменчивой и беспокойной поверхности, тем более что свет как таковой не имел для нее никакого значения. Возможно также, силы их с течением времени убывали. По крайней мере, удалось установить, что подземные обитатели окончательно вымрут еще до наступления эры постчеловеческой насекомообразной цивилизации, которой суждено будет стать объектом массового вторжения уцелевших сознаний.

Пока же Великая Раса сохраняла бдительность, постоянно держа наготове оружие и всячески избегая затрагивать страшную тему в своих разговорах и записях. И все это время тень ужаса и обреченности лежала на запечатанных подземных люках и мрачных слепых башнях, возвышавшихся здесь и там среди оживленных пока еще городов.

V

Таким был этот мир, каждую ночь являвшийся мне в беспокойных мучительных снах. Я не берусь в точности передать на бумаге все неуловимо тревожные ощущения, порождаемые моей псевдопамятью.

Как я уже отмечал, основательное изучение данного предмета помогло найти ему рациональное психологическое объяснение, выработав нечто вроде иммунитета, который с течением времени еще более укрепился за счет такого немаловажного фактора, как сила привычки. Хотя это средство не могло полностью уберечь меня от изредка повторявшихся приступов страха, в целом после 1922 года я чувствовал себя значительно лучше, вел нормальный образ жизни, много работал, не забывая при этом следить за своим здоровьем.

Спустя еще несколько лет я пришел к убеждению, что мой опыт — включая также описания сходных случаев болезни и соответствующие детали фольклора — должен быть обобщен и опубликован, что может оказаться неплохим подспорьем для студентов, всерьез интересующихся психологией. Тотчас взявшись за дело, я подготовил серию статей, в которых достаточно сжато передал суть своей теории, приложив к этому ряд собственноручных набросков пейзажей, живых существ, декоративных мотивов и иероглифов, сделанных мною на основании всего увиденного в снах.

Статьи эти печатались на протяжении 1928–1929 годов в нескольких номерах «Журнала Американского психологического общества», но не привлекли к себе особенно большого внимания. Я же все эти годы продолжал записывать содержание своих снов, несмотря на то что растущая кipa дневников начала уже причинять мне определенные неудобства.

Десятого июля 1934 года я получил письмо, которое мне переслали из Психологического общества и которое положило начало кульминационной фазе всей этой безумной истории. На конверте стоял штамп: «Пилбарра, Западная Австралия», а подпись под обратным адресом принадлежала — я специально навел справки — горному инженеру, пользовавшемуся в своих кругах весьма неплохой ре-

путацией. Кроме собственно письма в конверте оказалось несколько фотографий — все это вкупе произвело на меня ошеломляющее впечатление, о котором читатель может хотя бы приблизительно догадаться, ознакомившись с прилагаемым ниже текстом.

Сперва я, сказать по правде, отнесся к этому с известной долей скептицизма, ибо, даже и предполагая, что в основе некоторых древних легенд могут лежать вполне реальные факты, я все же не был готов ко встрече с осязаемыми свидетельствами существования этого мира, порожденного, казалось бы, моим воображением. Сильнее всего на меня действовали фотографии, подлинность которых не вызывала ни малейших сомнений, — я увидел лежащие среди песков огромные, наполовину уже разрушившиеся под влиянием ветров, воды и солнца каменные блоки с характерным изгибом верхней плоскости и соответствующей по форме выемкой в ее нижней части.

Разглядывая снимки через увеличительное стекло, я среди множества трещин и выбоин обнаружил следы хорошо мне знакомых рисунков и иероглифов — тех самых, что почти каждую ночь появлялись в моих сновидениях!

Но вот письмо, пусть оно говорит само за себя:

*Дампир-стрит, 49,
Пилбарра, Зап. Австралия,
18 мая 1934 года.*

*41-я стрит 30 Е,
г. Нью-Йорк, США.
Американское психологическое общество,
профессору Н. У. Пизли*

Уважаемый сэр!

Недавний разговор в Перте с доктором Е. М. Бойлом и несколько журналов с Вашими статьями, которые он мне только что переслал, навели меня на мысль обратиться

к Вам с этим письмом. Речь пойдет об одной интересной находке в Большой Песчаной пустыне к востоку от наших золотоносных месторождений. Находка эта, как мне кажется, имеет определенное отношение к изложенным Вами оригинальным легендам о древних каменных городах, стены которых украшались особыми геометрическими узорами и иероглифическими письменами.

Среди туземцев издавна ходили разговоры о «больших камнях с рисунками», вызывавших у них суеверный страх. Они обычно связывали эти камни со своими традиционными мифами о Буддаи, гигантском старике, который вот уже много веков спит, положив голову на руку, глубоко под землей, но однажды обязательно проснется и проглотит весь этот мир вместе с его обитателями.

Мне также приходилось слышать от местных старые полузабытые сказки об огромных подземных домах из камня, где коридоры все время спускаются вниз и где с людьми происходят страшные и непонятные вещи. Туземцы рассказывают, что когда-то давно несколько воинов, спасаясь бегством от врагов, проникли внутрь одного из таких домов, но никто из них не возвратился обратно, а из-под земли вскоре начали дуть страшные ветры, не подпускаявшие людей к тому месту. Впрочем, я никогда особенно не прислушивался к словам этих примитивных дикарей.

Но сейчас разговор о другом. Два года назад, проводя изыскания в пятистах милях к востоку от разрабатываемых ныне месторождений, я наткнулся среди пустыни на остатки какого-то древнего строения, сложенного из каменных блоков, каждый размером примерно $3 \times 2 \times 2$ фута.

Сперва я не нашел на них рисунков, о которых говорили туземцы, но, приглядевшись, вскоре смог различить на фоне отметин, оставленных временем и непогодой, линии явно искусственного происхождения, складывавшиеся в оригинальный узор. Всего я насчитал над поверхностью песка более

тридцати таких блоков, расположенных в пределах круга диаметром около четверти мили.

Я внимательно обследовал близлежащую местность и определил координаты этой точки с помощью своих инструментов. Я также сфотографировал десять или двенадцать блоков, сохранившихся лучше других, каковые снимки и прилагаю к своему письму.

Сообщение о моем открытии тогда же было направлено властям в Перте, но там оно никого не заинтересовало.

Некоторое время спустя я познакомился с доктором Бойлом и как-то раз во время беседы упомянул о странных камнях. Доктор был знаком с Вашими статьями в «Журнале Американского психологического общества» и пришел в чрезвычайное волнение, увидев сделанные мною снимки. Он сказал, что стиль каменной кладки и узоры на ней очень напоминают описания Ваших снов и приведенные Вами отрывки из древних легенд.

Он собирался связаться с Вами лично, но некоторые обстоятельства этому помешали. Однако он не забыл переслать мне бо́льшую часть журналов с Вашими статьями, в которых я нашел изображения уже знакомых мне архитектурных деталей. В этом сходстве Вы можете убедиться сами, стоит лишь взглянуть на снимки. Дальнейшие пояснения Вы получите непосредственно от доктора Бойла.

Я прекрасно понимаю, какое огромное значение имеет для Вас это открытие. Несомненно одно — мы встретились со следами неизвестной цивилизации, намного более древней, чем все доселе известные, и, вероятно, послужившей прообразом для изучаемых Вами старинных легенд.

Как горный инженер, я обладаю кое-какими познаниями в области геологии, но в данном случае могу лишь утверждать, что возраст этих каменных блоков является воистину пугающим. Они вытесаны в основном из гранита либо песчаника, хотя по крайней мере один из них изготовлен из какой-то разновидности цемента или бетона.

Над камнями основательно потрудились не только ветер и солнце, но и вода — тому есть очевидные свидетельства. Отсюда можно заключить, что опускание на дно океана и повторное поднятие настоящего участка суши происходило уже после того, как были воздвигнуты эти стены. Сотни тысяч, миллионы лет — я боюсь даже думать о сроках.

Учитывая проделанную Вами огромную работу по исследованию древних легенд и всех связанных с ними необычайных обстоятельств, я не сомневаюсь в том, что Вы пожелаете лично возглавить экспедицию в пустыню для проведения археологических раскопок. Мы с доктором Бойлом готовы участвовать в этой экспедиции, если Вы либо какая-нибудь известная Вам организация обеспечит ее финансирование.

Я могу найти с десяток человек для земляных работ — от туземцев здесь проку не будет, ибо они категорически отказываются даже приближаться к развалинам, испытывая перед ними какой-то маниакальный страх. Ни Бойл, ни я никому больше не сообщали об этом деле, справедливо полагая, что первенство и честь открытия должны принадлежать именно Вам.

Добраться туда из Пилбарры можно за четыре дня на вездеходе — этот вид транспорта нам будет необходим. Место это лежит юго-западнее известного маршрута, проложенного в 1873 году Уорбертоном, и примерно в ста милях на юго-восток от Джоанна-Спринг. Часть пути удобнее проделать пароходом вверх по реке Де-Грей, вместо того чтобы стартовать из Пилбарры, — впрочем, все эти варианты могут быть рассмотрены позднее.

По моим расчетам, каменные руины находятся в точке с координатами 22° 3' 14" южной широты и 125° 0' 39" восточной долготы. Климат там очень сухой и жаркий, а условия пустыни в целом крайне неблагоприятны для жизни. Надеюсь на скорое получение ответа и готов способствовать осуществлению любого предложенного Вами плана действий. После знакомства с Вашими статьями я полностью

осознаю исключительную важность этого открытия. Несколько позже Вы получите письмо и от доктора Бойла. Если потребуется наладить более оперативное сообщение, можно будет заменить телеграфную связь через Перт прямой радиосвязью.

В ожидании скорейшего ответа, с совершенным почтением

Роберт Б. Ф. Маккензи.

Ближайшие последствия получения этого письма нашли достаточное отражение в прессе. Мискатоникский университет охотно пошел мне навстречу в вопросах финансирования экспедиции, а мистер Маккензи и доктор Бойл показали себя людьми незаменимыми на ее австралийском этапе. В своих заявлениях и интервью мы старательно обходили некоторые подробности, имевшие отношение к цели нашего предприятия, прекрасно сознавая, как много лишних помех могут создать нам падкие до сенсаций бульварные писаки. В результате этих усилий вся попавшая в газеты информация носила вполне нейтральный характер — сообщалось лишь о намерении отыскать какие-то руины в пустынях Австралии, а также о ходе подготовки экспедиции.

Среди прочих меня вызвались сопровождать мои коллеги — профессор Уильям Дайер, возглавлявший Мискатоникскую антарктическую экспедицию в 1930–1931 годах, Фердинанд С. Эшли с кафедры античной истории и Тайлер М. Фриборн с кафедры антропологии, а также мой сын Уингейт.

Роберт Маккензи приехал в Аркхем в начале 1935 года и принял участие в подготовительных работах. Это был человек лет пятидесяти, весьма приятный в общении, прекрасно образованный и — что самое главное — имеющий большой опыт путешествий в австралийских пустынях. Он сообщил, что в Пилбарре нас уже ждут несколько везухов; кроме того, имелась договоренность о фрахте не-

большого речного парохода. Мы располагали всеми необходимыми средствами и инструментами для проведения археологических раскопок в соответствии с требованиями современной науки.

Двадцать восьмого марта 1935 года экспедиция покинула Бостон на борту старого, страдающего хронической одышкой парохода «Лексингтон». Впереди нас ожидало долгое плавание через Атлантику и Средиземное море, затем через Суэцкий канал и Красное море в Индийский океан. Едва показавшись на горизонте, низкий песчаный берег Западной Австралии поверг меня в состояние мрачной депрессии, которая только усилилась при виде окруженного отвалами пустой породы пыльного шахтерского городка, где мы сделали последнюю остановку перед броском вглубь пустыни.

Встретивший нас доктор Бойл оказался немолодым уже человеком и очень интересным собеседником; я и мой сын нередко вступали с ним в продолжительные дискуссии по разным проблемам психологии, чрезвычайно его занимавшим.

Со смешанным чувством тревожного беспокойства и надежды наш отряд, состоявший из восемнадцати человек, продвигался все дальше на запад по уже совершенно безлюдной местности. В пятницу тридцать первого мая мы переехали вброд один из притоков реки Де-Грей; впереди, сколько хватало глаз, лежал голый — только песок и скалы — угрюмый пейзаж. Все это время я безуспешно пытался подавить в себе страх, нараставший по мере приближения к цели нашего путешествия и усугублявшийся снами и псевдовоспоминаниями, которые с каждой ночью заметно набирали силу.

Впервые мы увидели один из каменных блоков в понедельник третьего июня. Не могу передать то ощущение, с каким я прикоснулся — в реальной действительности — к огромному куску гранита, во всех деталях схожему с элементами циклопических стен, столько раз являвшихся мне

в сновидениях. На камне явно проступали следы резных украшений, и руки мои дрожали, дотрагиваясь до этих линий, в которых я безошибочно узнавал криволинейные иероглифы, вернувшиеся в мой мир со страниц древних мифов и из многолетних ночных кошмаров.

После месяца раскопок мы выявили уже 1250 блоков, находившихся в различных стадиях разрушения. Большинство из них представляли собой монолиты с одним и тем же типичным изгибом верхней и нижней плоскостей. Реже попадались небольшие плоские плиты квадратной или восьмиугольной формы — вроде тех, что покрывали полы и мощеные улицы в моих снах; или другие, особенно массивные, дугообразные искривления которых позволяли предположить в них детали арочных сводов или огромных полукруглых окон.

Чем глубже и дальше на северо-восток продвигались раскопки, тем больше мы находили блоков, но при этом не могли обнаружить хоть какую-нибудь систему в их расположении. Профессор Дайер был в совершенной растерянности и не решался уже заводить разговор о возможном возрасте этих руин, а Фриборну удалось найти следы некой символики, отдаленно напоминавшей мотивы древнейших папуасских и полинезийских легенд. Судя по состоянию блоков и их разбросанности, здесь поработало не только время, но и разрушительные силы природы, в том числе грандиозные тектонические катаклизмы.

Мы имели в своем распоряжении аэроплан, и мой сын Уингейт нередко совершал полеты на разной высоте, пытаясь разглядеть на поверхности песчаной пустыни очертания других разрушенных строений — характерные по форме возвышенности или следы отдельно лежащих блоков. Попытки эти, в конечном счете, были безрезультатными; иной раз ему казалось, что он заметил нечто существенное, но уже следующий полет полностью менял всю картину — сказывалось постоянное движение песков.

Одно или два из этих его эфемерных открытий произвели на меня странное и неприятное действие. Его описания неких линий и смутных контуров напомнили мне что-то прежде прочитанное или виденное во сне, но что именно — я так и не смог уяснить. Я чувствовал близость страшной разгадки и, занимаясь своими делами, время от времени украдкой бросал взгляд в сторону уходящей за горизонт бесплодной равнины.

Первая неделя июля принесла множество самых разных эмоций, связанных с дальнейшим продвижением раскопок в северо-восточном направлении. В первую очередь это был страх, но было и любопытство; самым же удивительным был неоднократно повторявшийся эффект узнавания.

Пытаясь отделаться от этих назойливых ощущений, я испробовал все известные мне психологические приемы и средства, но не добился ни малейшего успеха. Меня часто мучила бессонница, которой, впрочем, я был только рад, ибо она укорачивала периоды ставших уже невыносимыми сновидений. Я приобрел привычку совершать по ночам длительные прогулки в пустыне — обычно на север или северо-восток, куда меня, казалось, влекли какие-то таинственные силы.

Нередко во время этих прогулок я натывался на выступающие из земли фрагменты древней кладки. Хотя лежащие на поверхности блоки встречались здесь гораздо реже, чем в месте начала раскопок, я был уверен, что внизу мы найдем их в большом количестве. Здешний ландшафт был не таким ровным, как в районе нашего лагеря, и почти непрерывно дувшие ветры то и дело вносили в него свои изменения, воздвигая или снося песчаные холмы, обнажая одни и скрывая другие обломки каменных зданий.

Сам не знаю почему, я особенно настаивал на переносе раскопок в это место, одновременно втайне опасаясь того, что могло быть здесь обнаружено. Состояние моей нервной системы стремительно ухудшалось, но страшнее всего

было то, что я никак не мог выяснить настоящую причину такой перемены.

В этом смысле весьма показательной была моя реакция на одну из случайных находок. Произошло это 11 июля, в ясную лунную ночь, когда холодный серебристый свет разливался по гребням песчаных дюн, начисто лишая пейзаж его реального облика. Зайдя в этот раз несколько дальше обычного и собираясь уже поворачивать к лагерю, я заметил впереди огромный камень, явно отличавшийся от всех обнаруженных нами прежде. Руками отгребя с него песок, я нагнулся и внимательно осмотрел находку, добавив к лунной иллюминации свет карманного фонаря.

В отличие от других блоков, этот имел четкую прямоугольную форму без всяких впадин и выпуклостей и был гораздо темнее цветом. На ощупь он больше напоминал базальт, нежели гранит, песчаник или бетон, до сей поры выступавшие в качестве местного строительного материала.

И вот тут я, словно повинувшись какому-то инстинкту, внезапно поднялся с колен, повернулся и что было сил бросился бежать в сторону лагеря. Это был совершенно бессознательный порыв, и, лишь остановившись перед входом в свою палатку, я понял причину столь панического бегства. Необычный темный камень являлся частью того, что я не раз видел в снах и на что порой осторожно намекали самые древние из известных мне мифов. Этот блок некогда лежал в стене одного из базальтовых сооружений, наводивших невыразимый ужас на мифическую Великую Расу, — одной из тех высоких слепых башен, которые были оставлены полуматериальными чудовищными тварями, ушедшими вглубь земли, но готовыми в любой момент вырваться наружу невидимым всепоглощающим ураганом.

Я не спал до самого утра и лишь с наступлением рассвета осознал всю нелепость случившегося. Стоило ли так пугаться, обнаружив материальное подтверждение собственной теории, опиравшейся на древние легенды и сказания?

На моем месте всякий другой исследователь был бы, наоборот, охвачен энтузиазмом.

За завтраком я рассказал остальным о своей находке, после чего в сопровождении Дайера, Фриборна, Бойла и Уингейта отправился на то самое место. Здесь, однако, нас ожидало разочарование. Ночной ветер полностью изменил рельеф песчаных холмов, сделав повторные поиски камня практически бесполезными.

VI

Постепенно я приближаюсь к самой трудной части своего повествования — трудной еще и потому, что я не могу целиком поручиться за реальность изложенных в ней фактов. Временами мне кажется, что все это не было галлюцинацией; но тогда происшедшее со мной приобретает воистину грандиозное значение для всего человечества — именно таким настроениям я и обязан тем, что пишу сейчас этот отчет.

Мой сын, профессиональный психолог, прекрасно осведомленный обо всех связанных с этим делом обстоятельствах, должен быть первым, кто прочтет и даст оценку моему труду.

Для начала я намерен обрисовать чисто внешнюю сторону происшедшего — так, как она представлялась людям, все это время находившимся в лагере.

В ночь с 17 на 18 июля я лег раньше обычного, но не смог заснуть. Поднявшись около одиннадцати часов, я вышел из палатки и, как бывало уже не раз, автоматически зашагал в северо-восточном направлении. По выходе из лагеря мне попался навстречу один из наших рабочих, австралиец по имени Таппер. Мы молча кивнули друг другу и разошлись каждый в свою сторону.

Небо было чистым от горизонта до горизонта, ущербный месяц разливал по пескам свой зловещий мертвенно-белый свет. Было на удивление тихо; ни единого дуновения ветра не замечалось и после, на протяжении пяти с лишним часов, что подтвердили Таппер и другие не спавшие еще члены экспедиции, которые видели в лунном свете мою фигуру, быстро удалявшуюся на северо-восток по голой песчаной равнине.

В половине четвертого утра яростный порыв ветра обрушился на лагерь, разбудив людей, сорвав и завалив три палатки. Небо по-прежнему было ясным; светила луна. При осмотре палаток обнаружилось мое отсутствие, но, зная о моей привычке прогуливаться по ночам, никто особенно не встревожился. Только трое из наших людей — все трое австралийцы — почувствовали нечто странное и зловещее в окружающей атмосфере.

Маккензи объяснил профессору Фриборну, что страх этот передался людям от рассказов туземцев — последние нередко распространялись о злых ветрах, в ясную погоду пронсящих порой над этими районами пустыни. Ветры, по их словам, вылетали из огромных каменных домов глубоко под землей, где творились невероятные и ужасные вещи.

Около четырех часов буря прекратилась столь же внезапно, как и началась, оставив после себя измененный до неузнаваемости ландшафт. В шестом часу, когда потускневшая луна склонилась к западному горизонту, я наконец появился в лагере — без шляпы и фонаря, в изодранной и грязной одежде. Большинство людей уже вернулись на свои койки, лишь профессор Дайер с трубкой в зубах сидел перед входом в палатку. Увидев меня задыхающимся, оборванным, с почти безумным выражением лица, он позвал доктора Бойла, и они вдвоем уложили меня в постель. Вскоре к ним присоединился и мой сын, разбуженный всей этой возней, и они дружно принялись уговаривать меня успокоиться и попытаться заснуть.

Но спать я не мог. Мое психическое состояние было совершенно необычным — никогда прежде я не испытывал ничего подобного. В конце концов я потребовал, чтобы меня выслушали, и начал сбивчиво и путано описывать все со мной происшедшее.

Я сказал им, что во время прогулки, почувствовав усталость, прилег на песок и незаметно для себя задремал. Тут мне и приснился самый ужасный сон из всех мною виденных за эти годы. Когда же я был разбужен стремительно налетевшим бешеным порывом ветра, мои натянутые до предела нервы не выдержали. Я в панике пустился бежать наугад, не разбирая дороги, запинаясь, падая и разрывая одежду о выступы полузасыпанных песком каменных блоков, в результате чего и приобрел столь плачевный вид. Должно быть, я проспал довольно долго, судя по тому, что сейчас было уже утро.

Я не вдавался в подробности относительно увиденного мною — будь то наяву или во сне — и был крайне сдержан, когда речь заходила на эту тему. Однако я заявил о необходимости изменить план дальнейших работ и настаивал на том, чтобы не продолжать раскопки в северо-восточном направлении.

Аргументация моя была не очень-то убедительной — я ссылаясь на постепенное уменьшение числа блоков, на нежелание раздражать и пугать суеверных рабочих, на возможное сокращение поступающих из колледжа средств и на другие столь же нелепые и не относящиеся к делу вещи. Как и следовало ожидать, никто не воспринял всерьез мои слова, даже мой сын, который был заметно обеспокоен состоянием моего здоровья.

Весь следующий день я провел в лагере или его окрестностях, ни разу не приблизившись к месту проведения раскопок. Я решил как можно скорее возвратиться домой, поскольку не мог больше поручиться за свои нервы, и взял с Уингейта обещание перевезти меня самолетом в Перт —

около тысячи миль на юго-запад отсюда — сразу же после завершения им воздушной разведки того участка пустыни, где я накануне провел ночь. Я рассуждал следующим образом: если ему удастся обнаружить какие-либо подтверждения того, что я видел ночью, я, невзирая на риск быть осмеянным, категорически воспротивлюсь продолжению раскопок. В этом случае на моей стороне наверняка окажутся рабочие, и без того уже напуганные зловещими предсказаниями туземцев. Поддавшись на мои уговоры, сын вскоре после обеда совершил облет указанного района, не найдя там абсолютно ничего интересного.

Вновь повторилась та же история, что и с базальтовым блоком: движение песков начисто скрыло все следы. В тот момент я даже пожалел, что утерял во время бегства одно вещественное доказательство; сейчас я благословляю эту потерю, позволившую мне надеяться на иллюзорность моих ночных впечатлений. Дай бог, чтобы эта дьявольская бездна никогда и ни перед кем больше не открылась.

Уингейт доставил меня в Перт 20 июля, отказавшись, однако, свернуть экспедицию и возвратиться в Америку вместе со мной. Он пробыл в городе до 25-го числа, дождавшись отплытия моего парохода. Сейчас, сидя в каюте «Императрицы», я снова и снова обдумываю случившееся и каждый раз прихожу к выводу, что по крайней мере он, мой сын, должен знать все. Последующая судьба этих записок будет зависеть только от него.

В то же время, в расчете на возможного постороннего читателя, незнакомого с предысторией описываемых событий, я начал свое повествование издавleка и вот только теперь подхожу к рассказу о том, что я увидел за несколько страшных часов, проведенных в ту ночь за пределами лагеря.

Влекомый, казалось, какой-то неумолимой силой, я шел прямо на северо-восток по залитой лунным светом пустыне. То и дело мне попадались на глаза торчавшие из песка

обломки монументальных сооружений — свидетели неизмеримо далеких времен и канувших в вечность цивилизаций. Один лишь вид этих чудовищных глыб действовал на меня угнетающе. Я постоянно возвращался мыслями к своим снам, к дремучим легендам, служившим им первоосновой, и к навязчивым страхам, которые порождала эта пустыня в умах суеверных туземцев и даже многих местных жителей из числа европейцев.

Я шел, не отклоняясь от взятого направления, как будто имел впереди обозначенную кем-то цель; дикие фантазии, неясные побуждения и обрывки псевдовоспоминаний кружились в моей голове сплошным хороводом. Я думал о странно знакомых мне очертаниях, увиденных однажды моим сыном с воздуха, — я как будто нащупал дверцу в глухой стене, перегораживавшей мою память, но чужая, неведомая сила препятствовала моему проникновению в запретную область.

Ночь была тиха и неподвижна, мертвенно-бледные валы песка плавно опускались и поднимались передо мной, как застывшие волны моря. Я продолжал двигаться строго по прямой, а между тем призраки снов, возникая из глубины моего сознания, выстраивали разбросанные по пустыне обломки в ровные гладкие стены; бесконечные комнаты и галереи гигантских доисторических зданий проходили перед моим затуманенным взором; резные символы и иероглифы пытались мне что-то сказать на забытом языке Великой Расы.

Моментами мне казалось, что я вижу огромные конические фигуры, деловито перемещающиеся по просторным каменным залам, и тогда я не решался опустить глаза на свое, быть может, столь же безобразное тело. Одновременно я не переставал видеть бескрайнюю равнину, усеянную останками древних монолитов; свет луны сливался со светом круглых кристаллических ламп, а над пейзажем пусты-

ни раскачивались ветви древовидных папоротников — сон и явь причудливо переплетались друг с другом.

Я не знаю, как долго я шел и насколько удалился от лагеря к той минуте, когда впервые заметил множество массивных блоков, обнаженных, вероятно, сильным дневным ветром. Это было самое крупное из всех прежде найденных нами скоплений монолитов; один лишь вид его мгновенно рассеял смыкавшийся вокруг меня мир фантастических снов.

Я вновь находился среди ночной пустыни, свет луны отбрасывал резкую тень от раскинувшихся передо мной развалин. Я подошел ближе и осветил фонарем груды блоков и более мелких фрагментов кладки, имевшую в плане форму неправильного круга диаметром около сорока футов и высотой от двух до восьми футов.

Я сразу почувствовал, что эти камни чем-то отличаются от прочих своих собратьев. Дело было не только в их беспрецедентном количестве, но и в характере узоров, обнаруженных мной на их поверхностях. Ни один из этих блоков в отдельности не представлял собой ничего особо замечательного, но, пробежав взглядом по всему уцелевшему ряду кладки, я уловил какой-то слабый проблеск, какой-то импульс, пришедший из дальних областей моей памяти.

Да, вот оно — уцелевший ряд кладки. Впервые я столкнулся с монолитами, находящимися в их изначальной позиции, и смог убедиться в том, что элементы декоративного оформления каждого из них являлись не чем-то вполне автономным, а все в совокупности служили единому замыслу своих создателей. Выбрав подходящее место, я вскарабкался наверх, по ходу дела очищая от песка отдельные блоки и мучительно пытаюсь вникнуть в содержание начертанных на них линий и контуров, различных по форме, размерам и стилю исполнения.

В конечном счете у меня начала возникать сложная подсознательная параллель между этими руинами с остатками

своеобразных иероглифических обозначений и некоторыми из моих снов.

Я отчетливо представлял себе высоченный — до тридцати футов — и столь же широкий коридор, вымощенный восьмиугольными плитами и накрытый мощным арочным сводом. По правую сторону коридора располагался ряд комнат, а в конце его одна из наклонных галерей плавными кругами спускалась на нижние уровни.

Меня поразил характер информации, содержавшейся в этих видениях, — он далеко выходил за рамки того, что могли мне поведать реально существующие камни. Как я узнал, что этот коридор находится где-то здесь, глубоко под землей? Как я узнал, что позади меня должна быть уходящая вверх наклонная галерея? И наконец, как я узнал, что подземный переход к Большой колоннаде начинается в левом конце коридора, лежащего на один уровень выше моего?

Откуда я мог получить представление о том, что машинный зал и туннель, ведущий к центральным архивам, расположены двумя уровнями ниже? Каким образом я мог догадаться о наличии запечатанных металлических полосами люков на самом нижнем подвальном этаже? Столь грубое вторжение мира моих снов в реальную действительность повергло меня в настоящий шок; я обливался холодным потом и никак не мог унять нервную дрожь.

В следующий миг я уловил слабое дуновение холодного воздуха, струившегося вверх из небольшого углубления в центральной части руин. И вновь мои видения рассеялись как туман, оставив меня наедине с пустыней, зловещим светом луны и мертвыми камнями вокруг. Теперь я столкнулся со вполне реальным и осязаемым явлением; этот поток воздуха мог означать только одно — внизу под землей находилось какое-то значительное полое пространство.

Тотчас же мне вспомнились рассказы туземцев об огромных таинственных домах, скрытых глубоко в недрах земли, где рождаются свирепые ветры, несущие гибель всему жи-

вому. Затем я почувствовал, как в мое сознание снова начинают проникать образы из моих прошлых снов. Что за место лежало внизу подо мной? Не из этого ли источника некогда возникли древние мифы о Великой Расе, а позднее и мои псевдовоспоминания?

Сомнения мои были недолгими, ибо не только любознательность и научное рвение, но и что-то еще, какая-то чуждая воля подталкивала меня вперед, заставляла двигаться почти автоматически, преодолевая возраставший с каждой минутой страх. Засунув в карман фонарь, я с силами, каких до сей поры в себе и не подозревал, приподнял и отодвинул в сторону огромный камень, а затем другой — навстречу сильнее потянуло влажным воздухом, резко отличным от сухой атмосферы пустыни. Когда я убрал последний обломок, который мог быть сдвинут с места, открылась темная расселина, достаточно широкая для того, чтобы в нее мог пролезть человек.

Я включил фонарь и, направив его луч вглубь отверстия, увидел беспорядочное нагромождение камней, уходившее вниз под углом примерно в 45 градусов. Между ним и уровнем земли оказалось обширное пустое пространство, ограниченное сверху полукруглым сводчатым потолком. В это было трудно поверить, но под песками пустыни сохранилась часть грандиозного каменного строения, каким-то чудом пережившего длинную цепь геологических катастроф, сотрясавших нашу планету на протяжении многих сотен и даже тысяч веков.

Сейчас, оглядываясь назад, я не могу назвать свои тогдашние действия иначе как безрассудными и безумными. В самом деле, какой здравомыслящий человек решился бы на спуск в неведомую подземную бездну, не приняв хотя бы минимальных мер предосторожности, — а ведь в то время никто из членов экспедиции не знал ни о сделанном мною открытии, ни о моем местонахождении вообще. Вновь, в который уж раз, я чувствовал себя лишь послушным ору-

дием, направляемым волей судьбы и не имеющим права на собственный выбор.

Протиснувшись в отверстие, я начал спускаться вниз; изредка — дабы не расходовать зря батареи — я включал фонарь и в зависимости от характера очередного участка склона двигался лицом вперед или же пятился на четвереньках, нащупывая ногой опору. Слева и справа в луче фонаря я на довольно значительном удалении видел сложенные из мощных блоков стены. Впереди луч не встречал никакой преграды, растворяясь в черной пустоте.

Не могу сказать точно, сколько времени занял мой спуск, — все представления о реальных вещах отступили куда-то на задний план под натиском фантастических образов и невозможных, казалось бы, ассоциаций. Физические ощущения напрочь отсутствовали, а ставшее уже привычным чувство страха превратилось в некое подобие застывшей уродливой маски, безучастно взирающей на меня откуда-то извне.

Но вот наконец я достиг уровня пола, загроможденного отвалившимися фрагментами каменной кладки и покрытого слоем песка и всевозможных мелких осколков. По обе стороны — на расстоянии тридцати футов друг от друга — поднимались внушительные стены, высоко над головой завершавшиеся сводчатым потолком. По всей длине стен тянулись ряды иероглифов, значение и смысл которых я был не в силах постичь.

Особенно меня впечатлил каменный свод этого помещения. Верхняя его часть оказалась недостижимой для света карманного фонаря, но я смог разглядеть основание монументальных арочных перекрытий, потрясших меня своим абсолютным сходством с некоторыми деталями моих снов.

Вверху за моей спиной слабое пятно лунного света обозначало далекий выход наружу. Я мельком отметил про себя, что мне не следует упускать это пятно из виду, дабы

не заблудиться потом при возвращении. Медленно и осторожно я продвигался вперед, придерживаясь левой стены, — путь по горизонтальному коридору оказался не менее трудным, чем предшествовавший ему спуск. В одном месте я сдвинул в сторону несколько крупных глыб и отгреб ногой каменную крошку, чтобы взглянуть на покрытие пола. Здесь я нашел то, что, в сущности, и ожидал: пол был вымощен плотно подогнанными друг к другу тяжелыми восьмиугольными плитами.

Отступив на несколько шагов от стены, я внимательно осмотрел ее при свете фонаря. Поверхность песчаника носила явные признаки многолетнего воздействия воды, которая, однако, не смогла полностью уничтожить резные узоры и надписи. Местами кладка была сильно повреждена и расшатана, поневоле наведя меня на мысль о тех немногих уже веках, что смогут застать это древнее сооружение в его первозданном виде.

Но более всего меня тревожили иероглифы. Несмотря на разрушительную работу времени и стихий, надписи при близком рассмотрении были достаточно различимы и полностью, вплоть до мельчайших деталей, совпадали с теми, что я видел в снах. Все прочие совпадения, касавшиеся архитектурных элементов, при их безусловной неординарности все же не выходили за рамки вероятного. Произведя сильное впечатление на наших далеких предков, эти руины вполне могли найти отражение и в их мифологии, впоследствии ставшей предметом моих исследований в период амнезии и породившей всю эту длинную цепь гипнотических воспоминаний. Но как объяснить совершенное сходство каждой линии, каждого ее изгиба и завитка, высеченного на стенах подземного здания, с соответствующими изображениями из вот уже многие годы преследовавших меня снов? Возможно ли вообще столь полное слияние реальности и мысленных представлений о ней, полученных самым косвенным образом?

А здесь не могло быть и речи о какой-либо приблизительности. Вне всяких сомнений, этот построенный миллионы лет назад коридор был подлинником того, что являлся мне сотни ночей подряд и который я знал не хуже, чем собственный дом на Крейн-стрит в Аркхеме. Правда, в моих снах отсутствовали все имевшиеся здесь следы разрушений, но в данном случае это было не столь уж существенно.

Важнее всего было то, что я узнал место, где я находился. Знакомо мне было и расположение самого этого дома среди прочих ему подобных в городе моих сновидений. Внезапно я понял, что могу без труда отыскать любое нужное мне помещение как непосредственно здесь, так и в любой другой части погребенного под землей мегаполиса — при условии, разумеется, их теперешней сохранности. Что, в конце концов, это все могло означать? Какая страшная реальность могла еще скрываться за фасадом старинных легенд о существах, некогда населявших эти доисторические лабиринты?

Слова не в состоянии передать весь жуткий сумбур, творившийся в моей голове. Я знал это место. Я знал, что находится глубоко внизу и что находилось на верхних этажах огромной башни до того, как она обрушилась, рассеяв свои обломки по земле, которая целую вечность спустя станет частью Большой Песчаной пустыни. Не без внутреннего содрогания я понял, что теперь не было нужды оглядываться на бледное пятнышко лунного света: заблудиться здесь я не мог.

Я стоял в нерешительности; чувство самосохранения подсказывало: беги! — но лихорадочное любопытство и какая-то странная обреченность толкали меня вперед. Что произошло с этим гигантским городом за миллионы лет, разделившие время моих снов и мое настоящее бытие? Уцелела ли сеть подземных ходов, связывавших между собой все эти громадные дворцы и башни? Что еще могло уцелеть от того невозможно далекого мира Великой Расы? Найду ли я вновь тот дом, где меня некогда обучали письму, или

ту башню, на стенах которой С'гг'ха, плененный разум из числа хищных звездоголовых хозяев Антарктики, вырезал свои ни на что не похожие письмена? Не завалилась ли наклонная галерея, ведущая в зал пленных сознаний двумя уровнями ниже этого? Я вспомнил одного из пленников — полупластического обитателя внутренних полостей неизвестной нам планеты, лежащей за орбитой Плутона, которому суждено будет жить еще через восемнадцать миллионов лет; он хранил в этом зале свое творение — что-то вроде скульптурной композиции, вылепленной из большого куска сырой глины.

Я закрыл глаза и сжал руками голову в тщетной попытке изгнать прочь эти безумные обрывки сновидений. Только сейчас я впервые по-настоящему ощутил влажность и холод струившегося навстречу мне воздуха — там внизу должны были находиться обширные пустые пространства, порождавшие этот воздушный поток.

Воссоздав в памяти череду комнат, переходов и галерей, я подумал и о центральных архивах. Интересно, был ли свободен проложенный к ним коридор? Перед моим мысленным взором потянулись ряды прямоугольных ячеек из нержавеющей металла, каждая из которых содержала контейнер с оригинальной рукописью. Там, если верить снам и легендам, хранилась история разумной жизни огромного пространства космоса от момента ее зарождения вплоть до будущего конца, записанная пленниками из всех времен и цивилизаций нашей планетной системы. Безумные мысли, согласен, — но я был безумен в той самой мере, в какой был безумен и весь окружающий меня подземный мир.

Я помнил расположение своей личной ячейки на нижнем уровне, в секции земных позвоночных. Сколько раз приходилось мне открывать ее после серии нажимов и поворотов круглой металлической ручки! Окажись сейчас здесь эта дверь, я с легкостью мог бы воспроизвести весь замысловатый порядок движений. Это было, похоже, началом пол-

ного помешательства. В следующую секунду я уже мчался, спотыкаясь и перепрыгивая через препятствия, по хорошо знакомой дороге в сторону галереи, спускавшейся в глубь земли.

VII

Начиная с этого момента достоверность моих впечатлений становится проблематичной — сам я очень хотел бы считать это все лишь диким безумным бредом. Находясь в лихорадочном возбуждении, я воспринимал происходящее как сквозь туман, временами совсем застилавший мне взор. Луч моего фонаря метался в темноте, то и дело выхватывая из нее куски стен со странно знакомыми иероглифами. В одном месте часть свода была обрушена, и мне преградила путь огромная гора камней, перебираясь через которую я почти достиг потолка, покрытого тяжелыми наростами сталактитов. Ночной кошмар, достигший, казалось, своего апогея, усугублялся особенно яркими вспышками псевдовоспоминаний. Одно только было совсем непривычно — мой собственный рост в сравнении с гигантскими размерами помещений. Я постоянно ощущал себя как бы уменьшенным, человеческие размеры никак не согласовывались в моем сознании с окружающей обстановкой. Вновь и вновь я взглядывал на свое тело, каждый раз при этом испытывая нечто похожее на удивление.

Так продвигался я все дальше по бесконечному коридору, прыгая, спотыкаясь, нередко падая и однажды едва не разбив свой фонарь. Каждый угол, каждый арочный вход пробуждал во мне какое-либо ответное воспоминание.

Некоторые из комнат были полностью разрушены, иные же, наоборот, сохранились почти в неприкосновенности. Изредка я попадал в помещения, заполненные массивными металлическими тумбами, в которых я сразу узнал много-

кратно сгнившие мне столы — лишь некоторые из них уцелели, большинство же было разбито, смято и искорежено какой-то воистину чудовищной силой.

Наконец я добрался до наклонной галереи и начал спуск, но вскоре остановился перед зияющим провалом шириной не менее четырех футов — здесь рухнувшее перекрытие пробило пол коридора насквозь, открыв бездонную черную пропасть. Я вспомнил, что подо мной должны были находиться еще два уровня, на последнем из которых тяжелые, запечатанные металлическими полосами люки перекрывали выходы из смертоносных глубин земли. На сей раз у люков не могло быть вооруженной охраны, ибо те твари, что обитали внизу, давным-давно совершили свой акт возмездия и за миллионы прошедших с той поры лет постепенно ослабли, деградировали, а может быть, уже и вымерли. Во всяком случае, к эпохе следующей за людьми насекомообразной расы они вымрут наверняка. Рассуждая сам с собой таким образом, я вспомнил рассказы туземцев и тут же поспешил отвлечься от внезапно пришедшей в голову зловещей аналогии.

Преодолеть провал в полу оказалось не так уж легко, поскольку нагромождения камней препятствовали разбегу, — но безумие было сильнее страха. Я выбрал самое узкое место ближе к левой стене, где на противоположном краю имелась достаточно просторная площадка для приземления, и прыгнул — все обошлось удачно.

Спустившись на нижний уровень, я прошел комнату, заваленную разбитыми вдребезги машинами и огромными каменными блоками. Маршрут по-прежнему казался мне знакомым — я уверенно полез на груды обломков, закрывавшую вход в коридор, который должен был привести меня к центральным архивам.

Мне представлялось, что минула вечность, пока я шел, прыгал, полз по бесконечному коридору. Здесь и там я встречал надписи и узоры на стенах — иногда смутно узнаваемые,

а порой и совсем новые, появившиеся, вероятно, в более поздний период. Поскольку этот подземный переход должен был идти вдоль городской улицы, в нем отсутствовали боковые арочные проемы, за исключением тех, что вели в подвалы близлежащих зданий. Несколько раз я ненадолго отклонялся от основной трассы и сворачивал в боковые ответвления, где лишь дважды нашел существенные отличия от того, что видел во сне, — так, один из прежде знакомых проходов оказался наглухо замурован и для верности опечатан металлическими листами.

Я с трудом превозмог внезапно нахлынувший приступ слабости и нервной дрожи, пересекая подвальное помещение черной базальтовой башни, внутри которой, казалось, пульсировала какая-то невидимая и зловещая энергия. Башня эта имела форму круга футов двести в поперечнике, поверхность ее стен была гладкой и ровной, а в полу, свободном от всяких нагромождений и лишь покрытом слоем песка и пыли, имелось довольно большое отверстие — такое же точно отверстие было и в потолке. Лестницы или наклонные галереи отсутствовали — Великая Раса избегала даже прикасаться к этим древним строениям, а те, кто их воздвиг, не нуждались в традиционных средствах для подъема и спуска.

Я помнил это место по своим сновидениям, но тогда нижнее отверстие было заперто тяжелым люком и находилось под неусыпным надзором часовых. Сейчас же оно было открыто — из черной глубины исходил непрерывный поток холодного влажного воздуха. Я поспешно продолжил свой путь, стараясь не думать о том, что могла таить в себе эта мрачная бездна.

Коридор становился все менее проходимым, и вскоре я достиг места, где рухнувший участок кровли образовал впереди целую гору, взобравшись на вершину которой я не увидел над собой ни свода, ни стен, а лишь пустоту, где беспомощно таял свет карманного фонаря. Здесь, по моим

расчетам, должен был находиться склад металлических изделий, корпус которого выходил фасадом на площадь, расположенную недалеко от архивов.

Но уже следующий завал почти полностью перекрыл коридор — между освещенным потолком и поднимавшейся ему навстречу грудой камней, земли и песка лишь местами виднелись небольшие просветы. С упорством и решимостью безумца я начал расшатывать огромные блоки и разгребать песок, ежесекундно рискуя нарушить неустойчивое равновесие и привести в движение всю эту многотонную массу. В конечном счете мне удалось проделать лаз, двигаясь по которому с зажатым в зубах фонарем я чувствовал спиной острые выступы нависающих надо мной сталактитов.

Теперь я находился уже совсем близко от подземного комплекса центральных архивов. Преодолев опасный участок, я через несколько минут добрался до низкого круглого зала со множеством выходов. Стены зала, по крайней мере в той их части, которую я осветил фонарем, были сплошь покрыты иероглифическими письменами и характерными криволинейными символами — некоторые из них появились уже позднее периода моих снов.

Не раздумывая долго, я свернул налево и вошел под хорошо сохранившийся арочный пролет. Я почти не сомневался в том, что проходы и галереи дальше будут в куда лучшем состоянии, чем попадавшиеся мне до сих пор, — строители громадного подземного сооружения, хранившего летописи всех цивилизаций Солнечной системы, особое внимание уделяли его прочности и долговечности, каковое правило распространялось и на всю прилегавшую к нему систему коммуникаций. Мощные гранитные блоки были тщательно сбалансированы и скреплены сверхпрочным цементом, и сейчас, спустя невероятное количество лет, эти стены и своды сохраняли раз и навсегда приданную им форму, а на полах лишь изредка попадались отслоившиеся мелкие обломки да каменная пыль.

Отсутствие серьезных препятствий сразу сказалось на скорости моего продвижения. Вырвавшись на простор и подгоняемый лихорадочным нетерпением, я перешел на бег, успевая все же отмечать знакомые — и уже не удивлявшие меня этим — детали отделки. Потолки здесь были ниже, чем в большинстве других коридоров, а по обеим сторонам тянулись ряды металлических книжных шкафов — иные были закрыты, иные распахнуты, а некоторые смяты и перекошены давлением прошлых тектонических деформаций. То и дело я натыкался на кучи запыленных фолиантов, высыпавшихся из шкафов после какого-нибудь очередного землетрясения. Затейливые буквы и знаки на отдельно стоявших колоннах указывали на систематическое распределение книг по классам и подклассам.

Один раз я задержался перед глубокой нишей с несколькими такими шкафами и не без труда снял с полки самую тонкую из книг, чье заглавие было написано все теми же иероглифами, порядок написания которых, однако, показался мне необычным.

Опустив книгу на пол, я уверенно открыл замок, запиравший крышку ее футляра. Страницы, как я и ожидал, были размером двадцать на пятнадцать дюймов, общая же толщина собственно тома вместе с гибкой металлической обложкой составляла около двух дюймов. Материал страниц и сам текст практически не пострадали от времени; я свободно мог разобрать широкие, странно расцвеченные линии письма, не похожие ни на здешние иероглифы, ни на какой-либо другой земной алфавит. Внезапно мне пришло в голову, что это мог быть язык одного из пленных сознаний, встречавшихся в моих снах, — оно было перенесено сюда с крупного астероида, сохранившего древние формы жизни первичной планеты, частью которой он прежде являлся. Одновременно я вспомнил, что данный раздел архивов предназначался именно для внеземных цивилизаций.

Оторвавшись наконец от этого пусть уникального, но совершенно неудобочитаемого документа, я двинулся дальше, предварительно зарядив потускневший фонарь новой батареей, которую всегда имел про запас. Звуки моих шагов отдавались несообразно громким пугающим эхом под сводами древних катакомб, да и сами следы моих ботинок выглядели как-то жутко на этих пыльных полах, по которым ни разу за все миллионы лет их истории не проходил человек.

Я не отдавал себе отчета в конкретной цели этой безумной гонки; все совершалось помимо и вопреки моей воле, мне же была предоставлена роль свидетеля — или исполнителя, — способного лишь воспринимать, но никак не влиять на ход событий.

Коридор между тем плавно перешел в наклонную галерею, и я, не сбавляя скорости, начал спускаться вниз. Один за другим мелькали подземные этажи, на которых я не задерживался ни на секунду. В моем мозгу тем временем все явственнее проступал странный ритм, двигаясь в такт которому кисть моей правой руки непроизвольно совершала какие-то хитроумные нажимы и повороты, словно отпирая секретный замок невидимого сейфа.

Если все это было лишь сном, то каким образом он — я не говорю уже о подсознательно усвоенных текстах древних мифов — мог выработать во мне столь тонкий и сложный мышечный рефлекс? Я отказывался понимать такие вещи, да они, похоже, и не нуждались в моем понимании, — предел разумного был перейден еще в тот момент, когда я только начал «узнавать» окружающую обстановку. Не исключено, что я тогда уже, как и сейчас в редкие минуты просветления, был уверен в иллюзорности описываемых событий, полагая их просто очередным фрагментом все того же многолетнего нескончаемого сна.

Но вот я достиг самого нижнего уровня и сразу свернул направо. Здесь, повинаясь какому-то смутному инстинкту,

я постарался по возможности смягчить шаги, несмотря на то что скорость моя из-за этого резко упала. Где-то впереди было место, к которому я боялся приближаться, но встречи с которым, вероятно, никак нельзя было избежать.

Вскоре по дуновению влажного холодного воздуха я догадался о причине своего страха: мне предстояло опять пересечь громадный колодец черной базальтовой башни, где должен был находиться еще один запечатанный и охраняемый, то есть когда-то давно охранявшийся, люк.

Достигнув башни, я на цыпочках, почти не дыша, миновал отверстие, которое оказалось широко открытым, и вступил в очередной заполненный книжными шкафами коридор. Внимание мое привлекли несколько шкафов, упавших сравнительно недавно, судя по очень тонкому налету пыли на куче рассыпанных книг. В тот же миг меня словно ударило током — я замер на месте, боясь пошевелиться и все еще ничего не понимая.

Опрокинутые полки, валявшиеся на полу фолианты — подобные вещи здесь отнюдь не были редкостью, учитывая, что за свою долгую историю эти мрачные лабиринты пережили бесчисленное множество землетрясений. В данном случае дело было в другом.

Меня ужаснула не сама по себе куча книг, а непосредственно прилежавший к ней участок пыльного пола. При свете фонаря мне показалось, что пыль лежала не таким ровным слоем, как в прочих местах коридора: на ее поверхности были видны отпечатки нескольких предметов, оставленные не так уж давно, быть может, месяца два-три назад. На сей счет, впрочем, я не был вполне уверен, ибо пятна эти не так уж и выделялись на общем запыленном фоне. Куда больше меня встревожил и озадачил порядок их расположения.

Эта тревога усилилась, когда я опустил фонарь ближе к полу. Я увидел ряд абсолютно одинаковых следов, каждый из которых занимал площадь чуть более квадратного фута

и состоял из пяти отдельных круглых отпечатков — один чуть выдвинут вперед, а остальные четыре компактно, почти вплотную друг к другу.

Следы — если это действительно были следы — вели в двух направлениях, как будто нечто, пройдя по коридору в одну сторону, позднее тем же путем возвратилось обратно. Конечно, я мог бы с не меньшим успехом приписать появление странных пятен каким-нибудь вполне естественным процессам и не впадать по этому поводу в панику, не будь здесь еще одной многозначительной и зловещей подробности. Цепочка следов доходила до груды металлических полок, обрушенных, как я уже отмечал, совсем недавно, после чего следы поворачивали назад и завершались там, откуда брали начало: у самого края черного провала в центре базальтовой башни — провала, дававшего выход рожденным в чудовищной бездне холодным и влажным ветрам.

VIII

Сколь бы ни был велик испытываемый мною страх, но владевшая моим сознанием чуждая воля оказалась сильнее. Никакие доводы разума не могли бы заставить меня идти дальше после того, что я увидел и вспомнил. Но даже в то время, когда я весь трясся от ужаса, моя правая рука не прекращала своих ритмических движений, манипулируя запорами воображаемого замка. Когда же я чуть погодя начал приходить в себя, обнаружилось, что я бегу вперед по безмолвным коридорам все к той же неумолимо притягивающей меня цели.

В моей голове между тем как бы сами собой возникали вопросы, смысл которых я не успевал даже толком постичь. Смогу ли я проникнуть в хранилище? Справится ли человеческая рука с не рассчитанной на нее хитроумной системой запоров? Не окажется ли поврежденным замок? И что

я буду — что я осмелюсь — делать с той вещью, которую я надеялся и одновременно боялся найти? Станет ли она решающим подтверждением, последней точкой во всей этой безумной и страшной истории или в конечном счете послужит доказательством ее нереальности?

Внезапно я прервал свой бег и остановился перед стеной, состоявшей из многочисленных ячеек, каждая из которых имела отдельную дверцу и была помечена соответствующей иероглифической надписью. Нигде не было видно следов повреждений; из огромного количества ячеек в этой секции лишь три оказались распахнутыми настежь. Та же, что меня интересовала, находилась в одном из верхних рядов, недостижимых для человеческого роста. Осмотрев стену, я пришел к выводу, что смогу подняться по ней, используя в качестве опор круглые дверные ручки. В какой-то степени мою задачу облегчала раскрытая дверца в четвертом снизу ряду. Фонарь во время подъема я мог бы держать в зубах, как уже делал не раз, преодолевая особо сложные препятствия. Хуже обстояло дело с обратным спуском — ведь здесь у меня должна была появиться дополнительная ноша. Теоретически я этот вопрос разрешил следующим образом: открыв замок контейнера и зацепив его крюк за воротник своей куртки, я мог бы нести эту вещь на спине наподобие ранца. Более всего меня беспокоила исправность системы, запиравшей дверцу ячейки. Я почти не сомневался в том, что сумею ее открыть, если только не подведет механизм. Итак, я взял в зубы фонарь и начал подъем, цепляясь за шарообразные выступы и поминутно рискуя сорваться вниз. Очень помогла, как я и рассчитывал, открытая ячейка четвертого ряда.

Воспользовавшись сперва краем отверстия, а затем и самой качающейся дверцей, я в конечном счете утвердился на ее верхнем ребре. Балансируя на этой неустойчивой опоре и отклоняясь как можно дальше вправо, я дотянулся до нужного мне замка. Сперва мои онемевшие от напряжения

пальцы никак не могли справиться с гладкой ручкой, но постепенно к ним возвращался задаваемый памятью ритм движений. Сложный порядок нажимов и поворотов все точнее вырисовывался в моем мозгу, а тот уже давал команду мышцам, — по счастью, я не встретил здесь особых трудностей, связанных с чисто анатомическими различиями. Замок поддавался довольно легко, с каждой новой попыткой я действовал все увереннее, и не прошло и пяти минут, как раздался сухой щелчок, хорошо знакомый и в то же время совершенно неожиданный, поскольку в отношении его у меня не было никаких подсознательных предчувствий. В следующий миг тяжелая дверь медленно и почти бесшумно, издав лишь слабый скрип, повернулась на своих шарнирах.

Мое нервное возбуждение, казалось, достигло предела, когда я на расстоянии вытянутой руки увидел край помеченного иероглифами металлического контейнера. Я осторожно извлек его наружу, попутно обрушив вниз целый ливень мелкой песчаной пыли, и замер, переводя дыхание. Все было тихо.

Мельком осмотрев контейнер, я убедился в том, что он внешне ничем не отличался от других виденных мной по пути сюда. Размером он был примерно двадцать на пятнадцать дюймов при толщине чуть более трех, с рельефным изображением иероглифов на плоской крышке.

Я довольно долго провозился с его замком, поскольку мог действовать лишь одной рукой, прижав контейнер к поверхности стены. Наконец я высвободил крючок, поднял крышку и перенес тяжелый металлический ящик за спину, зацепив крючком воротник своей куртки. Теперь обе мои руки вновь были свободны, и я начал сползать вниз, что оказалось делом еще более трудным, чем предшествовавший подъем.

Достигнув пола, я тотчас опустился на колени, достал из-за спины контейнер и положил его перед собой. Руки

мои тряслись, и я долго медлил, не решаясь его открыть, — давно уже догадавшись, что именно я должен там найти, я был буквально парализован этим знанием. Стоило сейчас моей догадке получить реальное подтверждение, и — если все это не было сном — я с той самой минуты не мог бы уже поручиться за целостность своего рассудка. Особенно пугающей была моя все более очевидная неспособность воспринимать себя в атмосфере сна. Ощущение реальности порой странно преломлялось в моем сознании, и мне казалось, что я вспоминаю свои настоящие действия так, словно они были отделены от меня громадной временной пропастью.

В конце концов я все же достал книгу из контейнера и еще в течение нескольких минут смотрел как зачарованный на знакомую комбинацию иероглифов на ее обложке; моментами мне начинало казаться, что я могу их прочесть. Возможно, где-то в глубине моей памяти эта надпись и впрямь ассоциировалась с некими осмысленными звуковыми сочетаниями, но мне не удавалось довести этот процесс до конца.

Время шло, а я все еще пребывал в нерешительности. Вспомнив вдруг про фонарь, по-прежнему зажатый в зубах, я положил его на пол и выключил, дабы не расходовать зря батарею. Оказавшись в темноте, я наконец собрался с духом и перевернул обложку книги. Затем я медленно поднял фонарь, направил его на страницу и щелкнул переключателем.

Одной секунды мне вполне хватило. Стиснув зубы, я, однако, удержался от крика. В наступившей вновь темноте я, почти лишившись чувств, распластался в пыли и сжал руками горевшую голову. То, чего я так опасался, все-таки произошло. Одно из двух: либо это был только сон, либо пространство и время теряли всякий смысл, обращаясь в жалкую ничемную пародию на то, что мы всегда считали незыблемыми категориями своего бытия.

Нет, скорее всего это был сон — мой здравый смысл отказывался допускать обратное, — но, чтобы удостовериться

в этом окончательно, я должен был взять эту вещь с собой наверх, и тогда утром в присутствии остальных все сразу встало бы на свои места. Голова моя сильно кружилась — если можно говорить о головокружении в крошечной тьме, где взгляду просто не за что было зацепиться. Фантастические мысли и образы стремительно сменяли друг друга в моем возбужденном сознании, и я уже не пытался провести границу между реальными фактами моей жизни и отголосками безумных сновидений.

Я подумал о странных следах на пыльном полу и вздрогнул, испугавшись звуков собственного дыхания. Вновь на несколько секунд включив фонарь, я посмотрел на раскрытую страницу с таким чувством, с каким, вероятно, смотрит обреченный кролик в холодные глаза удава. Затем, уже в темноте, я захлопнул книгу, положил ее в контейнер и закрепил в гнезде крючок замка. Теперь оставалось вынести его наверх, в мир людей, если таковой и вправду существовал, как существовала эта подземная бездна, и если вправду существовал я сам, в чем я в этот момент отнюдь не был уверен.

Не могу сказать точно, когда я пустился в обратный путь. За все время, проведенное под землей, я ни разу не взглянул на часы, что также являлось показателем моей отрешенности от привычных человеческих реалий.

С фонарем в руке и зажатым под мышкой контейнером я, сдерживая дыхание, на цыпочках миновал участок коридора с непонятными отпечатками и отверстие в базальтовой башне, из которого продолжал подниматься холодный поток воздуха. Позднее, уже с несколько меньшими предосторожностями идя вверх по бесконечным наклонным галереям, я все же не мог отделаться от мрачных предчувствий, причем на сей раз они были куда более определенными, чем во время моего спуска.

Я с ужасом думал о втором распахнутом люке, который мне еще предстояло пройти. Я думал о тех существах, кото-

рых так боялась Великая Раса и которые — пусть даже ослабевшие и не столь многочисленные, как прежде, — продолжали обитать в своем зловещем подземном мире. Я думал о тех пятипалых отпечатках в пыли и о схожих следах, упоминавшихся в моих сновидениях, а также о неистовых ураганах и странных свистящих звуках, связываемых все с теми же существами. И еще я думал о рассказах туземцев, в которых неизменно присутствовали таинственные руины и якобы порождаемые ими злые ветры.

По настенному символу я определил нужный мне уровень и, пройдя мимо лежавшей на полу открытой книги, которую я не так давно с интересом рассматривал, вступил наконец в круглый холл, где сходились несколько коридоров. Без колебаний я свернул в ближайший справа арочный проем. Впереди меня ждал самый сложный отрезок пути со множеством препятствий и завалов, которые начались почти сразу по выходе за пределы центральных архивов. Тяжесть моей ноши постепенно сказывалась; мне все труднее было избегать шума, перелезая с нею через груды камней и песка.

Но вот я остановился перед мощным, поднимавшимся до самого потолка завалом, который мне в прошлый раз пришлось преодолевать ползком. Тогда я не смог сделать это абсолютно бесшумно, теперь же — после увиденных мной отпечатков — я более всего боялся громких звуков. А ведь сейчас со мной был еще и контейнер, представлявший собой дополнительную помеху во время движения по узкому лазу.

Осторожно взобравшись на гору камней, я сперва просунул в отверстие контейнер, а затем начал протискиваться туда сам, вновь, как и в прошлый раз, задевая спиной за острые края сталактитов. Тут я и совершил свою первую оплошность: когда самый опасный участок был уже позади, контейнер вдруг выскользнул из моих пальцев и с металлическим грохотом покатился вниз по склону. Я рванулся

вперед и успел его перехватить, но в тот же миг неустойчивая тяжелая глыба зашаталась и поехала под моими ногами, вызвав небольшой, но достаточно шумный обвал.

Когда движение камней наконец замерло, я услышал — по крайней мере мне так показалось — иной звук, очень далекий и слабый, донесшийся откуда-то из лабиринта ходов за моей спиной. Это был тонкий вибрирующий свист, не похожий ни на один из слышанных мною прежде звуков.

Совершенно обезумев от ужаса, я бросился бежать по коридору, перепрыгивая через отдельно лежащие блоки, иногда падая, но при этом не выпуская из рук фонаря и книги. Одна только мысль владела мной в те минуты — поскорее выбраться из этих кошмарных подземелий в открытый мир, туда, где спокойный свет луны разливается по бескрайней пустынной равнине.

Не помню, как я добежал до груды обломков, над которой вместо свода зияло черное пустое пространство, и начал карабкаться вверх.

Здесь-то и произошла катастрофа. В спешке я позабыл о том, что за вершиной сразу идет очень крутой спуск, и, не удержав равновесия, с разгону полетел вниз, увлекая за собой целую лавину камней. Оглушительный гром потряс древние своды, отдаваясь долгим эхом во всех закоулках погребенного под землей города.

Из того дикого хаоса я вспоминаю сейчас лишь один эпизод: я падаю, поднимаюсь, ползу сквозь густое облако пыли все дальше и дальше по коридору. Фонарь и контейнер пока еще были при мне.

Когда я достиг базальтовой башни, эхо лавины уже затихло вдали, и в наступившей тишине слух мой — вновь и на сей раз безошибочно — уловил все те же свистящие звуки. Но если ранее источник их находился где-то позади, в уже пройденных мной коридорах, то теперь эти звуки шли из темноты *мне навстречу*.

Вероятно, у меня вырвался крик — я больше не мог себя сдерживать. Смутно помню промелькнувшие стены базальтовой башни и бездонный провал в ее центре, откуда со зловещим свистом вырывался уже не просто поток влажного холодного воздуха, но ветер — свирепый, неистовый, *одушевленный* ветер. Помню свой бег по длинным коридорам в нарастающих с каждой минутой яростных порывах ветра, который хотя и был мне как будто попутным, но на самом деле препятствовал, а не помогал моему движению; он петлей обвивался вокруг меня, цепляясь за руки и ноги, сковывая каждый шаг. Не заботясь уже о поднимаемом мной шуме, я влезал на груды камней, скатывался вниз, скользил и прыгал почти наугад, не разбирая дороги.

Наконец показалась наклонная галерея; помню, как луч фонаря метнулся по машинному залу и как в следующий миг я вздрогнул и едва не закричал от ужаса, увидев тот пролет галереи, что спускался в глубину, к затаившимся двумя уровнями ниже черным дырам распахнутых люков. Но на сей раз вместо крика я принялся вслух убеждать себя в том, что все это только сон и что я нахожусь сейчас где-нибудь в лагере или вообще в своем доме в Аркхеме. Несколько ободренный звуками собственного голоса, я начал быстро подниматься к выходу на поверхность.

Я знал, что мне еще предстоит пересечь место, где упавший свод пробил насквозь пол галереи, но, занятый другими мыслями, не задумывался об этом, пока не подошел почти к самому краю провала. Во время спуска я преодолел его без особого труда, но теперь я должен был прыгать с нижнего края на верхний; к тому же я был страшно утомлен и еще нагружен добавочной ношей, а ветер меж тем все крепче стягивал вокруг меня свою дьявольскую петлю. Я успел лишь мельком подумать о неведомых существах, таящихся на самом дне этой бездны, и остановился перед ней, руководствуясь скорее каким-то внутренним чутьем, ибо луч моего фонаря к этому времени был уже очень слаб.

Практически в ту же секунду до слуха моего донеслись характерные свистящие звуки, выходявшие на сей раз непосредственно из провала в полу, до которого мне оставалось сделать лишь два-три шага. Дальше случилось то, что повторялось уже многократно в течение этой ночи, — я потерял всякую власть над собой и, движимый только инстинктом самосохранения, перешагнул через лежавшие между мной и краем провала камни и с ходу прыгнул вперед. Тотчас все вокруг завертелось в вихре безумных звуков, и я как будто повис в плотных складках тяжелой, осязаемой темноты.

На этом кончаются мои воспоминания как таковые. Дальнейшее следует относить к области бредовых фантазмагорий, не имеющих ничего общего с реальностью.

Мне казалось, что я бесконечно долго падаю в черную вязкую бездну; я слышал звуки, которые не могли принадлежать ни одному из живущих на Земле существ. Во мне ожили какие-то древние, рудиментарные органы чувств, с помощью которых я мог воспринимать тот самый лишенный света мир полуматериальных созданий, чьи базальтовые города возвышались когда-то на берегах доисторического океана. Без участия слуха и зрения я постигал тайны этой планеты, недоступные мне в моих прежних снах. В то же время я постоянно чувствовал, как тугие струи влажного и холодного воздуха сжимают и вертят меня, словно гигантские пальцы, и слышал нескончаемый вибрирующий свист.

Позднее были видения циклопического города моих снов — не разрушенного, а такого, каким он представлялся мне каждую ночь. Я был в конусообразном нечеловеческом теле и двигался по коридорам вместе с толпой представителей Великой Расы или заключенных в их формах других пленных сознаний.

Далее на эти картины накладывались иные, не визуальные, но тем не менее вполне отчетливые ощущения — жестокая борьба, попытки высвободиться из цепких щупалец вет-

ра, безумный полет сквозь плотную темноту, слепое бегство по рушащимся подземным ходам. Один раз промелькнул было намек на свет — какое-то слабое голубоватое сияние высоко вверху. И вновь я взбирался по крутому каменистому склону, вырывался из бешеных объятий ветра, пролезал в узкое отверстие навстречу бледному свету луны, прыгал между нагромождениям камней, которые спустя еще мгновение вдруг разом осели и провалились в недра земли, а на их месте взвился в небо гигантский, стремительно вращающийся столб песка и пыли.

Первые проблески лунного света были началом моего возвращения в реальный мир. Понемногу сознание мое прояснялось: я лежал ничком посреди австралийской пустыни, а над моей головой ревел и бесновался ураган, равного которому по силе я не встречал ни разу за всю свою жизнь. Одежда моя была изодрана в клочья, а тело покрыто бесчисленными ссадинами и кровоподтеками.

Миновало еще много времени, прежде чем я окончательно пришел в себя, но и после этого я не смог провести четкую грань между сном и явью. Я помнил огромное скопление блоков, открывшуюся передо мной бездну, долгое блуждание под каменными сводами мертвого города, невероятные открытия и ужасающий финал похода, — но что из всего этого было действительностью? Я не находил ответа.

Мой фонарь исчез, исчез и металлический контейнер с книгой — да и был ли он вообще? Приподняв голову, я огляделся вокруг и не увидел ничего, кроме однообразной волнистой поверхности пустыни.

Буря уже прекратилась, неровный диск месяца медленно опускался в красноватое море у линии горизонта. С трудом встав на ноги, я зашагал на юго-запад, в направлении лагеря. Что же все-таки произошло? Быть может, я просто заснул и оказался затем в эпицентре песчаного урагана, который протащил меня в бессознательном состоянии несколько миль по пустыне? Ну а если это не так? Тогда ру-

шилась вся моя создававшаяся годами теория мифологического происхождения странных снов; это значило, что Великая Раса существовала на самом деле и что ее посланцы в действительности могли проникать сквозь любые временные преграды, вселяясь в тела будущих обитателей нашей планеты. Это значило, что мое собственное тело в период амнезии и впрямь служило пристанищем для чужого сознания, проникшего в наш мир из далекой эпохи, а я провел эти несколько лет в его отвратительном облике, бродя по бесконечным коридорам и улицам доисторических городов, беседуя с сотнями таких же, как я, пленников, захваченных в разных точках времени и пространства, изучая тайны Вселенной и составляя описание своей цивилизации для гигантских архивов Великой Расы. Это значило, что существовали и другие, еще более древние и непостижимые создания, скрывавшиеся в подземных безднах, тогда как на поверхности, сменяя одна другую, появлялись и исчезали разумные расы, нередко даже не подозревавшие о страшной угрозе, что таилась до времени где-то глубоко внизу, во внутренних областях планеты.

Я не хочу, я отказываюсь верить в то, что на всех нас, на прошлом и будущем человечества лежит чудовищная тень иного разума, подчинившего себе само время и сделавшего все прочие расы заложниками своей неумной жажды познания. К счастью, у меня нет никаких вещественных доказательств того, что мне в действительности удалось найти подземный город, и если законами Вселенной предусмотрено вообще понятие справедливости — он не будет найден никогда. В любом случае я обязан рассказать хотя бы моему сыну обо всем, что я видел в ту ночь, и пусть он сам попробует отделить действительность от болезненных причуд воображения.

Я уже не раз говорил, что истина, какой бы она ни была, полностью зависит от того, насколько реальным было сделанное мной открытие. Мне очень трудно об этом писать,

хотя читатель этих записок, я уверен, давно уже обо всем догадался. Все дело заключалось, конечно же, в книге, которую я извлек из металлической ячейки в стене подземного хранилища.

Ничья рука не касалась этой книги за все недолгое — по сравнению с возрастом этой планеты — существование человечества, и все же, когда я всего лишь на одну секунду зажег фонарь над ее раскрытой страницей, я увидел отнюдь не иероглифы, подобные тем, что испещряли окружавшие меня стены древнего города.

Вместо этого я увидел буквы знакомого мне алфавита, которые легко складывались в английские слова и фразы, написанные, вне всякого сомнения, моим собственным почерком.

ИНЫЕ БОГИ

На высочайшей из земных вершин обитают боги Земли, и никому из смертных не дано увидеть их воочию. Некогда боги населяли не столь высокие горы, но беспокойное людское племя, покидая равнины, упорно карабкалось вверх по скалистым заснеженным склонам, оттесняя богов все дальше и дальше, пока в их владении не остался один-единственный пик. Уходя, они забирали с собой все свидетельства своего пребывания, по каким-то причинам оставив нетронутым лишь загадочный лик, что был высечен на гранитном фасаде горы, именуемой Нгранек.

Наконец они обосновались на неведомом Кадате, в сердце холодной пустыни, где еще не ступала нога человека; и с тех пор боги ожесточились, ибо некуда было уже уходить с этой самой последней вершины, если люди сумеют добраться и до нее. Боги ожесточились, отвергнув бывшее смирение, с каковым они уступали напору людей, и теперь путь на гору был смертным заказан, а взошедшим туда уже не было пути назад. К счастью для них самих, люди ведать не ведали о существовании Кадата в сердце холодной пустыни, а иначе они, как всегда, безрассудно пошли бы на штурм этой все еще не покоренной вершины.

Временами боги Земли, тоскуя по тем горам, что прежде служили им домом, навещают одну из них, выбрав для этого тихую ночь, и едва слышно плачут, не в силах повторить на

знакомых утесах веселые игрища давних дней. Порой слезы богов с белоснежной вершины Тураи слетают в долину, обитатели коей считают их обыкновенным дождем; а печальные вздохи богов порой можно услышать в дуновении ветра, стекающего с крутых склонов горы Лерион. Боги странствуют из края в край на своих кораблях-облаках, и умудренные старцы хранят в памяти легенды, отвращающие смельчаков от восхождения на ту или иную вершину облачными ночами, ибо ныне боги не столь терпимы к чужому присутствию, как это было во время оно.

В Ултаре, что за рекой Скай, жил старик, одержимый идеей увидеть богов Земли. Он преуспел в изучении семи сокровенных книг Хсана и прочел Пнакотикские рукописи, повествующие о далеком, скованном льдами Ломаре. Звали его Барзай Мудрый, а деревенские жители вспоминают его как человека, поднявшегося на гору в ночь необычайного затмения.

Барзай знал о богах Земли так много, что мог предсказывать их перемещения; он разгадал столько их тайн, что его самого почитали за полубога. Это его мудрым советам обязаны жители Ултара принятием известного закона, запрещающего убивать кошек; он же поведал молодому священнику Аталу, куда исчезают все черные кошки в полночь накануне Дня святого Иоанна. Его знания о богах были воистину глубоки и обширны, но ему не давало покоя желание их лицезреть. Веря в то, что причастность к великим тайнам оградит его от божественного гнева, Барзай задумал подняться на гору Хатег-Кла в ночь, когда, по его расчетам, там должны были объявиться боги.

Хатег-Кла расположена в глубине каменистой пустыни, лежащей за Хатегом, чье имя и носит гора. Подобно статуе среди пустого храма, она одиноко высится над мертвым морем камней. У вершины ее всегда клубится туман, ведь туманы — это память богов, а боги особенно любили Хатег-Кла в ту далекую пору, когда здесь была их обитель. Временами

они прилетают сюда на облачных кораблях и, укрыв белой мглой скалистые склоны, самозабвенно танцуют, как встарь, на голой вершине при ярком свете луны. Жители Хатега предпочитают держаться подальше от этой горы и предупреждают гибель всякому дерзнувшему посетить ее в одну из ночей, когда белая мгла окутывает склоны, скрывая от посторонних взоров вершину с висящей над ней луной. Однако Барзай, придя в Хатег из соседнего Улгара со своим учеником Аталом, остался глух к увещаниям старожиллов. Если Атал, сын простого трактирщика, не всегда мог побороть свой страх перед неведомым, то Барзай происходил из семьи аристократов, владевших старинным замком, и примитивные суеверия простолюдинов вызывали у него лишь насмешку.

Итак, презрев мольбы испуганных крестьян, Барзай и Атал отправились в глубь каменистой пустыни и у костра на ночных привалах подолгу беседовали о богах Земли. День за днем они шли вперед, и над горизонтом все выше вздымалась громада Хатег-Кла в ореоле клубящегося тумана. Когда на тринадцатый день они достигли подножья одинокой горы, Атал решился вслух высказать свои опасения. Но старый мудрый Барзай, не ведая страха, двинулся вверх по склону туда, где не бывал ни один человек со времен Сансу, о чьих деяниях с ужасом повествуют полуистлевшие Пнакотикские рукописи.

Подъем был сложен и опасен из-за глубоких расселин, крутых утесов и камнепадов, к которым вскоре добавились холод и снег. То и дело поскальзываясь и рискуя сорваться в пропасть, они упрямо лезли вверх, вонзая в трещины топоры и острые концы посохов. В разреженном воздухе дышалось труднее, а цвет неба постепенно менялся с голубого на густо-синий. Путники взбирались все выше, дивясь странностям открывавшегося пейзажа и невольно содрогаясь при мысли о том, что их ждет наверху, когда опустится белая мгла и луна исчезнет из виду. Три дня продолжалось вос-

хождение; наконец они разбили лагерь на подступах к вершине и стали ждать, когда появятся облака.

Четыре последующие ночи были ясными, и холодный свет луны легко пронзал тончайшую дымку вокруг безмолвного пика. На пятую ночь, когда настало полнолуние, Барзай разглядел вдалеке, у северного края небосклона, несколько плотных облаков. Оба вскочили на ноги и стали следить за их приближением. Мощно и величаво облака подплывали к горе и смыкали ряды над головами потрясенных созерцателей. Целый час они наблюдали, как кольцами вьется туман и все плотнее становится облачная завеса. Многомудрый Барзай напрягал слух, пытаясь уловить какие-то лишь ему ведомые звуки, меж тем как его ученик цепенел от холода и страха в объятиях промозглого ночного тумана. И когда Барзай начал подниматься к самой вершине, знаками подзывая Атала, юноша долго медлил, прежде чем последовать его примеру.

Мгла сгустилась настолько, что Атал едва различал силуэт своего наставника, серым пятном маячивший в неверном лунном свете, который пробивался сквозь разрывы в облаках. Барзай ушел далеко вперед — невзирая на почтенный возраст, он двигался гораздо быстрее Атала, с легкостью одолевая кручи, подняться на которые было по силам лишь очень крепкому и бесстрашному скалолазу, и ни на миг не задерживаясь перед широкими черными провалами, через которые Атал перепрыгивал с большим трудом. Так они поднимались все выше, минуя обрывы и разверстые бездны, скользя, спотыкаясь и лишь изредка приостанавливаясь, чтобы с благоговейным трепетом ощутить необъятность и устрашающее безмолвие обледенелых склонов и гранитных скал.

Атал внезапно потерял из виду Барзая, когда тот взбирался на отвесную стену чудовищного утеса, перекрывшего им путь и казавшегося непреодолимым для любого смертного, не вдохновляемого богами Земли. Находясь гораздо ниже по склону, Атал раздумывал, как ему поступить, когда сия-

ние вверху заметно усилилось, словно оповещаая о близости места сбора богов — открытой лунному свету заоблачной вершины. Юноша пополз в направлении утеса и разливающегося по небу сияния, хотя ужас, его охвативший, не шел ни в какое сравнение с чем-либо им испытанным ранее. И тут сверху донесся ликующий крик невидимого Барзая:

— Я слышал богов! Я слышал пение богов на вершине Хатег-Кла! Отныне Барзай-Пророк знает, как звучат голоса богов Земли! Туман отступает, луна светит ярко, и вскоре я увижу богов неистово пляшущими на горе Хатег-Кла, которую они любили в дни своей юности! Мудрость Барзая возвысила его над богами Земли, чьи запреты и чары не стали для него препятствием! Барзай увидит богов — гордых богов, непостижимых богов, презрительно чуждавшихся людского взора!

Атал не слышал голосов, о которых говорил Барзай; он только что добрался до подножия громадного утеса и теперь осматривал его в поисках точек опоры, когда вновь раздался крик его учителя, еще более громкий и пронзительный:

— Туман почти рассеялся, луна бросает резкие тени на горный склон. Голоса богов полны страха и ярости, они боятся Барзая Мудрого, который превзошел их величием! Лунный свет начинает мерцать впереди — там, где пляшут боги. Очень скоро я увижу, как они с завываниями скачут под луной... Свет слабеет, боги Земли трепещут...

Пока Барзай выкрикивал все это, Атал ощутил странные перемены в окружающем пространстве: казалось, земные законы уступают место иным, более могущественным силам. Крутизна утеса осталась прежней, но теперь на нем явственно обозначился путь наверх, и Атал с какой-то пугающей легкостью начал карабкаться по скале. Между тем свет луны исчез окончательно, и крики Барзая долетали до него из темноты:

— Луна погасла, и боги танцуют во мраке! Небеса объаты ужасом, ибо это затмение не предсказано ни в ученых

книгах людей, ни в скрижалях богов Земли... На Хатег-Кла творится какое-то неведомое мне волшебство, крики испуганных богов перерастают в смех, а ледяные склоны бесконечно возносятся в черные небеса, и вслед за ними уношусь и я... Но вот оно! Наконец-то! В сумеречном свете я их вижу! Я вижу богов Земли!

В следующий миг Атал, цепляясь за скалу на головокружительной высоте, услышал жуткий хохот, сопровождавшийся воплем, какой вряд ли кому доводилось слышать, кроме как в безумном нагромождении ночных кошмаров, — воплем, в котором воплотились и вырвались наружу весь ужас и вся боль уходящей жизни:

— Иные боги! Это ИНЫЕ БОГИ! Адовы исчадия из иных миров, стерегущие обессиленных богов Земли!.. Отвернись!.. Беги прочь!.. Не смотри на них! Не смотри!.. Грядет возмездие из беспредельных бездн... Проклятая, дьявольская пропасть... О милосердные боги Земли, я падаю в небо!

И в тот самый миг, когда Атал, закрыв глаза и заткнув уши, бросился вниз со скалы в попытке спастись от зловеющего притяжения неведомых высот, над Хатег-Кла грянул чудовищный гром, разнесшийся далеко окрест и пробудивший мирных селян на равнине и честных горожан Хатега, Нира и Ултара, и все они могли наблюдать сквозь пелену облаков необычайное затмение луны, которое не было предсказано ни в одной из книг. А когда луна вновь засияла в небесах, живой и невредимый Атал очнулся на снежном склоне ближе к подошве горы и не увидел нигде ни богов Земли, ни тех — Иных богов.

В полуистлевших Пнакотикских рукописях сказано, что Сансу, в пору юности этого мира взошедший на Хатег-Кла, не нашел там ничего, кроме безликих обледенелых скал. Когда же люди из Ултара, Нира и Хатега, переборов свой страх, при свете дня обследовали запретную гору в поисках Барзая Мудрого, они обнаружили на утесе у самой вершины огромный — локтей пятьдесят в ширину — символ, как

будто высеченный неким циклопическим резцом. Этот символ был очень похож на таинственный знак, попадавшийся ученым в тех ужасающих разделах Пнакотикских рукописей, которые слишком пострадали от времени, чтобы их можно было прочесть. Собственно, вот и все.

Барзая Мудрого найти не удалось, и никто не мог уговорить благочестивого Атала помолиться за упокой его души. С той поры жители Ултара, Нира и Хатега испытывают панический страх перед затмениями и проводят в неусыпных молитвах те ночи, когда белая мгла окутывает вершину горы и скрывает из виду лунный диск. А боги Земли и ныне временами посещают Хатег-Кла, чтобы исполнить свой танец памяти на голых скалах над полосой туманов. Зная, что их никто более не потревожит, они охотно приплывают сюда с неведомого Кадата на своих облачных кораблях, чтобы вспомнить далекие времена, когда этот мир был еще молод и родом людским еще не овладела страсть к покорению неприступных вершин.

СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ
ПОИСК
НЕВЕДОМОГО КАДАТА

Трижды Рэндольфу Картеру снился этот чудесный город и трижды его вырывали из сна, когда он стоял неподвижно на высокой базальтовой террасе. Весь в золоте, дивный город сиял в лучах закатного солнца, освещавшего стены, храмы, колоннады и арочные мосты, сложенные из мрамора с прожилками, фонтаны с радужными струями посреди серебряных бассейнов на просторных площадях и в благоуханных садах; широкие улицы, тянущиеся между хрупкими деревьями, мраморными вазами с цветами и статуями из слоновой кости, что выстроились сверкающими рядами; а вверх по крутым северным склонам карабкались уступами вереницы черепичных крыш и старинные остроконечные фронтоны — вдоль узких, мощенных мшистой брусчаткой переулков. То был восторг богов, глас божественных труб и бряцанье бессмертных кимвалов. Тайна объяла его, точно тучи легендарную безлюдную гору, и, покуда ошеломленный и мучимый неясным предчувствием Картер стоял на кромке горной балюстрады, его мучили острая тревога почти что угасших воспоминаний, боль об утраченном и безумное желание вновь посетить некогда чарующие и покинутые им места.

Он знал, что когда-то этот город имел для него некое высокое значение, хотя в каком жизненном цикле или в какой инкарнации он посещал его и было ли то во сне или наяву, он не мог сказать точно. Неясным образом видение этого го-

рода вызвало отблески давно позабытой поры юности, когда удивление и удовольствие пронизывали таинство дней, а рассвет и закат равно полнились пророчествами под пронзительные звуки лютни и песни, распахивая ярящиеся врата к новым и еще более удивительным чудесам. Но каждую ночь Картер стоял на этой высокой мраморной террасе, украшенной диковинными вазами и резными перилами, и глядел на тихий предзакатный город, исполненный красоты и неземного смысла, ощущая бремя власти тиранических богов своих грез, ибо никоим образом он не мог ни покинуть эту возвышенность, ни спуститься по широким мраморным ступеням, бесконечно сбегаящим вниз — туда, к объатым старинными ведьмовскими тайнами улицам, что властно манили его к себе.

Когда же он пробудился в третий раз, так и не осмелившись спуститься по лестнице и прогуляться по тихим предзакатным улицам, он долго и истово молился тайным богам своих грез, что гордо восседают над облаками, плывущими мимо неведомого Кадата в холодной пустыне, куда не ступала нога смертного. Но боги не дали ему ответа и не выказали своей милости, как не подарили ему никакого благого знамения, когда он молился им во сне и самоотреченно звал их, прибегнув к помощи брадатых жрецов Нашта и Каманта, чей пещерный храм с огненными колоннами находится неподалеку от врат в реальный мир. Казалось, однако, что его молитвы сослужили ему плохую службу, ибо уже после первой из них он вдруг вообще перестал видеть чудесный город, точно прошлые три встречи с ним были лишь случайными миражами или оптическими иллюзиями, и он узрел их в нарушение некоего тайного плана или вопреки воле богов.

Наконец, устав от томления по этим сверкающим предзакатным улицам и загадочным горным проулкам, вьющимся меж древних черепичных крыш, и не способный ни во сне, ни наяву прогнать их от своего мысленного взора, Картер решил отправиться с дерзкой мольбой туда, куда еще нико-

гда не хаживал ни один человек, пересечь во тьме льдистые пустыни и попасть туда, где неведомый Кадат, сокрытый в облаках и увенчанный невообразимыми звездами, хранит во мраке вечной тайны ониксовый замок Великих богов.

Погрузившись в легкий сон, он одолел семьдесят ступенек к пещере огня и рассказал о своем замысле брадыатым жрецам Нашту и Каман-Та. Но жрецы покачали венценосными головами и предрекли ему смерть его души. Они заметили, что Великие уже проявили свою волю и не любят, когда их тревожат назойливыми мольбами. Они напомнили ему также, что ни один человек никогда не был на Кадате и никто даже не догадывался, в какой части мироздания он находится — то ли в мире грез, обнимающем наш зримый мир, то ли в тех далеких мирах, что окружают какой-нибудь загадочный спутник Фомальгаута или Альдебарана. Если же в мире наших снов, то его, вероятно, можно достичь, ибо лишь трем смертным, с тех пор как возникло время, удалось пересечь черные бездны к сонным мирам, но из этих троих двое вернулись безумцами. В своих путешествиях они встретили бесчисленные испытания, а напоследок их ожидал несказанный ужас, который невыразимо бормотал что-то из-за пределов стройного космоса — оттуда, куда не достигают наши сны; тот последний бесформенный кошмар в средоточии хаоса, который богомерзко клубится и бурлит в самом центре бесконечности — безграничный султан демонов Азатот, имя которого не осмелятся произнести ничьи уста, кто жадно жует в непостижимых, темных покоях вне времени под глухую, сводящую с ума жуткую дробь барабанов и тихие монотонные всхлипы проклятых флейт, под чей мерзкий грохот и протяжное дудение медленно, неуклюже и причудливо пляшут гигантские Абсолютные боги, безглазые, безгласные, мрачные, безумные Иные боги, чей дух и посланник — ползучий хаос Ньярлатхотеп.

Обо всем этом предупредили Картера жрецы Нашт и Каман-Та в пещере огня, но он тем не менее не изменил своего

решения найти богов на неведомом Кадате в холодной пустыне, где бы он ни находился, и выпросить у них прозрение, и память, и пристанище в чудесном предзакатном городе. Картер знал, что путешествие его будет нелегким и долгим и что Великие ему воспротивятся, но, будучи старожилом мира грез, он понадеялся на помощь многих своих полезных воспоминаний и ухищрений. Итак, испросив необходимого благословения у жрецов и тщательно обдумав свой маршрут, он отважно преодолел семьсот ступеней к Вратам Глубокого Сна и вошел в зачарованный лес.

На потаенных тропинках этой непроходимой чащи, где низкие толстостволовые дубы сплетают протянутые друг к другу ветви и диковинные грибы на их стволах испускают таинственное сияние, обитают хитрые и необщительные зуги, которым ведомо много темных тайн сонного мира и кое-какие тайны мира явного, ибо сей лес двумя опушками подступает к жилищам людей, хотя где именно — сказать нельзя. Там, куда пробираются зуги, множатся необъяснимые слухи, происходят непонятные события и исчезают люди, так что очень даже хорошо, что они не могут удалиться от пределов сновидческого мира. Однако по приграничным областям сновидческого мира они перемещаются свободно, порхая там крошечными коричневыми невидимками и принося на хвосте занятные байки, которыми потом обмениваются, коротая часы у огня в своем любимом лесу. Большинство из них обитает в земляных норах, кое-кто населяет стволы больших деревьев, и, хотя в основном они питаются древесными грибами, ходят слухи, что они любят полакомиться и человечинкой, в телесном или бесплотном обличье, так как совершенно точно известно, что многие спящие вступали в пределы леса и более назад не возвращались. Картер тем не менее не испытывал страха, ибо он был опытным сновидцем, и давно выучил их стрекошущий язык, и заключил с ними немало уговоров, и, в частности, обнаружил с их помощью чудесный город Селефаис в Оот-Наргае за Танарианскими

горами, где половину года владычествует великий царь Куранес, человек, при жизни известный ему под другим именем. Куранес был одним из тех, кто совершил путешествие в зазвездные бездны, но единственный вернулся оттуда с ясным рассудком.

Продвигаясь по низким фосфоресцирующим туннелям меж гигантских деревьев, Картер издавал стрекот, подражая зугам, и напрягал слух в ожидании их отклика. Он помнил, что одно поселение этих тварей находится в самом центре леса, где выложенный круг мшистых валунов на месте старой вырубki хранит память о древних и куда более страшных обитателях, ныне прочно позабытых, — и к этому-то кругу камней он и устремил свои стопы. Он держал путь мимо диковинных грибов, которые по мере приближения к страшному кругу камней, где древние твари устраивали свои пляски и приносили жертвоприношения, казались значительно более тучными и разросшимися. Наконец в ярком сиянии толстых и сочных древесных грибов обнаружилась угрюмая зелено-серая глыба, устремленная ввысь и теряющаяся из виду над куполом леса. Это был первый из каменных колоссов ритуального круга, и Картер понял, что он недалеко от деревни зугов. Возобновив свой стрекот, он стал терпеливо ждать, и в конце концов его терпение было вознаграждено появлением мириад глаз, вперивших в него свой взор. Это были зуги, ибо сначала можно увидеть их зловещие глаза, а потом уж различить скользкие коричневатые тельца.

И вот они высыпали роем из потаенных нор и древесных стволов, и скоро вся тускло освещенная поляна кишела этими тварями. Кто-то из самых дерзких грубовато теребил Картера, а один даже нагло ущипнул его за ухо, но этих негодников очень быстро окоротили старейшины. Совет Мудрых, узнав пришельца, предложил ему бурдюк древесного сока, добытый из необычайного дерева-привидения, что выросло из упавшего с луны семени, и, пока Картер чинно пил предложенный ему напиток, завязалась весьма странная беседа.

Зути, к несчастью, не знали местонахождения Кадата и даже не могли сказать, обретается ли холодная пустыня в мире наших снов или в каком-либо ином мире. Слухи о Великих богах приходили отовсюду, и было очевидно лишь то, что скорее их можно узреть на высоких горных пиках, нежели в долинах, ибо на этих вершинах, когда луна высоко, а тяжелые облака клубятся внизу, они пускаются в свой ностальгический танец.

А потом один очень древний зуг вспомнил нечто, о чем не слыхивали прочие, и сказал, что в Улгаре, за рекой Скай, до сих пор находится последний список тех невероятно древних Пнакотикских рукописей, что были составлены наяву мужами в позабытых арктических царствах и принесены в страну снов, когда косматый каннибал Гнофкес победил многохрамый Олатое и убил всех героев земли Ломар. Эти манускрипты, по его словам, могли поведать много о богах, и, кроме того, в Улгаре были люди, которым довелось видеть знаки богов, и среди них один старый жрец, который вззошел на великую гору, дабы узреть танцующих богов при лунном свете. Он, однако, не сумел достичь своей цели, а вот его спутник сумел и сгинул в неизвестности.

Итак, Рэндольф Картер поблагодарил зугов, и те ответили ему дружелюбным стрекотом и дали ему на дорогу еще один бурдюк с вином из сока лунного дерева, и он отправился в путь по фосфоресцирующему лесу, туда, где быстрая Скай стремит свои потоки вниз по склону Лериона, а на равнине разбросаны Хатег, Нир и Ултар. Следом за ним, незримо порхая за его спиной, устремилось несколько любопытных зугов, которым хотелось узнать, что за страсть овладела гостем, и потом рассказать об этом своим соплеменникам. По мере того как Картер удалялся от деревни, громадные дубы теснились все плотнее, и он внимательно искал глазами то место, где стена дубов должна была расступиться, чтобы перед ним возникли древние высохшие или засыхающие стволы, торчащие между невиданно густых грибов, гнилой

плесени и полых стволов своих падших собратьев. Там он должен был свернуть резко в сторону, ибо на том самом месте покоится на земле огромная каменная глыба, и те, кто отважился к ней приблизиться, говорили, что в нее вмуровано железное кольцо диаметром в три фута. Помня о древнем круге из мшистых каменных глыб и о том, для чего он был тут воздвигнут, зуги не рисковали надолго задерживаться у каменной глыбы с железным кольцом, ибо понимали, что забвение вовсе не обязательно означает смерть, и не горели желанием увидеть, как каменная глыба медленно сдвигается со своего места.

Картер свернул в нужном месте и услышал позади перепуганный стрекот робких зугов. Он предвидел, что они пустятся за ним следом, поэтому не удивился, ибо рано или поздно привыкаешь к странностям поведения этих пытливых созданий. Когда он подошел к лесной опушке, сгустились сумерки, а теперь посветлевшее небо подсказало ему, что близится рассвет. Над тучными лугами, сбегаящими к водам Скай, поднимался дымок из печных труб — повсюду виднелись заросли живой изгороди, вспаханные поля и соломенные крыши мирных хижин. Один раз он подошел к колодцу напиться, и собаки в испуге облаяли невидимых зугов, ползущих за ним в траве. Подойдя к другому двору, где было многолюдно, он спросил о богах, верно ли, что они часто пускаются в пляс на Лерионе, но фермер и его жена в ответ лишь изобразили знак Старцев и показали ему дорогу к Ниру и Ултару.

В полдень он прошел по широкой улице Нира, который некогда уже посещал во сне и который стал тогда конечным пунктом его маршрута, а вскоре после того он вышел к большому каменному мосту через Скай, тому самому, в чей центральный пролет каменщики, когда строили его тринадцать веков назад, вмуровали жертву — живого человека. Когда он перешел на другой берег, многочисленные кошки (при виде сопровождающих его зугов они воинственно выгнули

спины) возвестили о близости Ултара, ибо в Ултаре, согласно древнему непререкаемому закону, человек не вправе убить кошку. Окрестности Ултара являли приятное глазу зрелище: зеленые коттеджики и обнесенные аккуратными заборами фермерские угодья, — а еще приятнее был вид тихого городка со старинными островерхими крышами и тяжелыми вторыми этажами с массивными балконами и бесчисленными печными трубами и узкими улочками, где меж спинами отдыхающих кошек виднелись темные камни брусчатки. Невидимые зуги распугали всех кошек, а Картер направился прямо к огромному храму Старцев, где, как говорили, обитали жрецы и хранились старинные рукописи. И едва оказавшись в этой стоящей на вершине высочайшей горы Ултара древней круглой башне, чьи каменные стены увиты густым плющом, он отыскал патриарха Атала, который когда-то взошел на запретный пик Хатег-Кла и вернулся оттуда целым и невредимым,

Аталу, восседавшему на кафедре из слоновой кости в изукрашенном гирляндами алтаре в верхней части храма, было от роду три века, но он сохранил удивительную ясность сознания и памяти. От него Картер узнал много интересного о богах, и самое главное — что они и впрямь были единственными детьми Земли, немошно владычествующими над нашим сновидческим миром и более нигде не имеющими ни обители, ни власти. Они, по словам Атала, способны внять молитве, коли находятся в хорошем расположении духа, но нельзя даже помыслить о том, чтобы подняться в их ониксовую крепость на вершине Кадата в холодной пустыне. Это хорошо, что никому из смертных не дано узнать местонахождение башен Кадата, ибо плоды такого поиска были бы весьма удручающими. Спутника Атала по имени Барзай Мудрый, за то только, что он поднялся на всем известный пик Хатег-Кла, унесла неведомая сила в небо, а он при этом отчаянно кричал и стenal. А что касается неведомого Кадата, то последствия могут оказаться куда страшнее, ибо хотя бо-

гов Земли иногда и может превзойти мудрый смертный, они находятся под покровительством Иных богов из Внешнего мира, о которых лучше вовсе не говорить. По меньшей мере дважды в мировой истории Иные боги оставляли свой знак на древнем земном граните — первый раз в допотопные времена, как можно догадаться по рисункам в самой древней и нечитабельной части Пнакотикских рукописей, и второй раз на Хатег-Кла, когда Барзай Мудрый попытался увидеть земных богов, танцующих в лунном свете. Так что, добавил Атал, лучше оставить богов в покое и тревожить их лишь смиренными молитвами.

Картер, хотя и разочарованный советом Атала и тем, что большой помощи от Пнакотикских рукописей и семи загадочных книг Хсана ждать не приходится, не отчаялся. Сначала он спросил старого жреца о чудесном предзакатном городе, который можно увидеть с горной террасы, полагая, что, вероятно, его можно отыскать и без помощи богов, но Атал ничего не мог ему поведать. Возможно, сказал Атал, это место обретается в его собственном мире снов, а вовсе не в большом сновидческом краю, посещаемом многими, и, кроме того, логично предположить, что оно и вовсе находится на другой планете. В таком случае боги Земли не в силах стать ему провожатыми. Но, правда, скорее всего, это не так, ибо резкий обрыв сновидения ясно свидетельствовал: то было нечто, что Великие хотели от него утаить.

И тогда Картер совершил недостойный поступок, предложив хозяину испить множество глотков лунного вина, которое зуги дали ему в дорогу, и старец стал чересчур разговорчив. Утратив всякую осторожность, бедняга Атал выболтал гостю много запретных вещей и, в частности, рассказал ему о гигантском лике, который, судя по рассказам путешественников, выбит на скалистом склоне горы Нгранек, что находится на острове Ориаб в Южном море, а также намекнул, что это то самое изображение, которое земные боги однажды сделали по своему подобию в те дни, когда пля-

сали на той горе при свете луны. И еще он добавил, что черты этого лика на скале весьма странны и всякий без труда их запомнит, а потом узнает, и что они, вне всякого сомнения, несут в себе знаки принадлежности к истинному роду богов.

И теперь Картер понял, как полезно ему все то, что он узнал, для поиска богов. Известно было, что, принимая то или иное обличье, самые молодые из Великих частенько вступали в любовную связь с дочерьми человеческими, так что все крестьяне, живущие близ границ холодной пустыни, где стоит Кадат, должны быть связаны с ними кровным родством. Поэтому найти ту пустыню можно следующим образом: отыскать каменный лик на Нгранеке, запомнить его черты, а затем, точно перенеся их на бумагу, предпринять поиски людей с теми же чертами. В тех местах, где обнаружится наибольшее число похожих человеческих лиц, и обитают боги, и если где-то близ деревни есть каменистая пустыня, то в ней находится Кадат.

В таких укромных углах многое можно узнать о Великих, и те, в чьих жилах течет их кровь, наверняка унаследовали кое-какие обрывки воспоминаний, весьма полезных для ищущего. Людям могут быть неизвестны их прашуры, ибо боги не любят появляться среди людей, и нет никого, кто бы воочию видел их лики, — это Картер осознал еще до того, как пустился на поиски Кадата, но им должны быть свойственны необычные возвышенные помыслы, непонятные для их соплеменников, и они должны петь о далеких краях и садах, не похожих на те, что всякому могут привидеться во сне, отчего обыкновенные люди назовут их глупцами, но из этих отрывочных сведений, вероятно, можно узнать старинные тайны Кадата или уловить намеки на чудесный предзакатный город, в котором боги хранят свои тайны. И более того, в иных случаях кому-то удастся взять в заложники какое-нибудь возлюбленное божье дитя или даже полонить самого молодого бога, принявшего человеческое обличье и

живущего среди людей со своей невестой — какой-нибудь прехорошенькой крестьяночкой.

Атал, однако, не знал, как найти Нгранек на острове Ориаб, и посоветовал Картеру идти берегом поющей Скай к самому Южному морю, где не бывал ни один житель Ултара, но откуда купцы приплывали на своих кораблях либо приводили длинные караваны мулов, впряженных в двуколки. Там есть великий город Дайлат-Лин, но в Ултаре о нем ходит дурная слава из-за черных галер с гребцами в три ряда, что приплывают туда с грузом рубинов из неведомых краев. Торговцы, которые сходят с этих галер и торгуют с местными ювелирами, — самые обычные люди или почти что люди, но вот гребцов еще никому не доводилось увидеть, и в Ултаре ропщут из-за того, что городские купцы берут товар с приплывающих невест откуда черных кораблей, чьи гребцы никому не показываются.

Эти последние сведения Атал поведал уже в полудреме, и Картер осторожно уложил его на инкрустированную эбеновым деревом лежанку и аккуратно расправил ему на груди бороду. Собравшись было уйти, он вдруг отметил про себя, что его больше не сопровождает приглушенный стрекот, и подивился, отчего это зуги так внезапно уняли свое любопытство и прекратили погоню. А потом он заметил ултарских лоснящихся кошек, которые облизывались с нескрываемым удовольствием, и тут же вспомнил, что, пока он беседовал со старым жрецом, с нижней части храма до его слуха доносились приглушенное чавканье и кошачий визг. Он также вспомнил, с какой кровожадностью самые безрассудные из молодых зугов поглядывали на крошечного черного котенка, сидящего посреди мостовой. И поскольку Картер более всего на свете любил черных котят, он наклонился и стал гладить лоснящихся ултарских кошек, облизывавших свои лапки, ничуть не печалься из-за того, что любопытные зуги более не будут сопровождать его в пути.

Солнце уже клонилось к закату, и Картер решил сделать привал в древней харчевне, примостившейся на крутом склоне, откуда открывался вид на городок внизу. И когда он вышел на балкон и бросил взгляд на океан красных черепичных крыш, и мощеные улочки, и ласковые поля вдали, загадочно купающиеся в косых лучах солнца, он подумал, что мог бы навечно поселиться в Ултаре, кабы не воспоминания о потрясающем предзакатном городе, властно влекущем его к новым неизведанным опасностям. А потом пала ночь и розовые стены оштукатуренных фронтонов стали фиолетовыми и обрели загадочный вид, а в старых решетчатых оконцах один за другим вспыхивали крошечные желтые огоньки. В колокольне наверху зазвонили мелодичные колокола, и первая звезда замерцала в небе над лугами и над темными водами Скай. В ночи зазвучала песня во славу стародавних дней, и Картер стал слегка покачивать головой в такт звукам лютни, которые неслись из-за резных балконов и из мощенных мозаикой дворигов скромного Ултара. И в этот час сладкими могли бы показаться даже голоса многочисленных ултарских кошек, кабы они не умолкли, отяжелев после диковинной трапезы. Некоторые укрылись в тайных углах, которые ведомы только лишь кошкам, и, по словам деревенских жителей, располагаются на обратной стороне луны, куда кошки допрыгивают с высоких городских крыш, но один крошечный черный котенок вскарабкался вверх по лестнице, вспрыгнул Картеру на колени и стал урчать и играть, а когда путник улегся наконец на лежанку и приклонил голову на подушку, набитую благоуханными дурманящими травами, котенок свернулся калачиком у его ног.

Утром Картер присоединился к каравану купцов, державших путь в Дайлат-Лин с грузом ултарской спряденной шерсти и капусты с ултарских огородов. Шесть дней они были в пути, под перезвон колокольцев двигаясь по ровной дороге вдоль Ская, останавливаясь на ночлег в старинных

постоялых дворах в сонных рыбацких поселках, а иногда проводя ночь под звездным небом и вслушиваясь в доносящиеся с дремлющей реки песни рыбаков. Окружающий пейзаж радовал глаз: зеленые кустарники и рощи и живописные островерхие домики и восьмигранные громады ветряных мельниц.

На седьмой день на горизонте показалось перышко дыма, и вскоре путники увидели высокие черные башни Дайлат-Лина, сложенные по преимуществу из базальтовых глыб. Дайлат-Лин с его тонкими гранеными башнями издалика казался похожим на мост гигантов, и улицы его были мрачны и неприветливы. Там у многих пирсов теснилось немало печальных таверн, а в городе бродили диковинные моряки со всех концов света, а кое-кто, как поговаривали, прибыл даже из портов, коим нет места на земле. Картер опросил диковинно одетых горожан о горе Нгранек на острове Ориаб и узнал, что тут она всем хорошо известна. Из порта Бахарна на том острове сюда прибывали корабли, и один из них должен был вернуться туда через месяц, а Нгранек находится всего-то в двух днях плавания от того порта. Но мало кто видел каменный лик бога, потому что он находится на труднодоступной стене Нгранека, которая смотрит на острые утесы и долину, покрытую застывшей лавой. Когда-то жители той части острова чем-то прогневили богов, и те пожаловались Иным богам.

Непросто было выудить эти сведения у торговцев и моряков в тавернах Дайлат-Лина, потому что они предпочитали шепотом рассказывать о черных галерах. Одна из этих галер через неделю должна была прибыть в порт с грузом рубинов, и горожане с ужасом ожидали дня, когда она бросит здесь якорь. У сходявших с этих галер купцов были огромные рты, а их тюрбаны, с торчащими над лбами двумя верхушками, свидетельствовали о дурновкусии их владельцев. Их ноги были обуты в сандалии — короткие и диковинные, каких не найти в Шести царствах. Но тревожнее всего была

тайна, связанная с невидимыми гребцами. Весла в три ряда сновали так быстро, так слаженно и так мощно, что у стоящих на берегу зрителей по спине бежали мурашки, и совсем уж странным казалось то, что корабль неделями стоял в порту, его купцы всюду торговали, а команду никто в глаза не видел. И владельцы дайлатлинских таверн, и зеленщики, и мясники также этому дивились, ибо на эти галеры никогда не посылалось ни фунта провизии. Приезжие купцы покупали в городе лишь золото и упитанных чернокожих рабов из Парга за рекой — только золото да тучных черных рабов из Парга, цену которым они назначали из расчета за фунт живого веса. Больше они ничего не брали, эти малоприятные на вид купцы, никогда и ничего они не покупали ни у зеленщиков, ни у мясников. А запахи с тех галер, которые южный ветер доносил с пирса, были так ужасны, что и описать невозможно. Вынести этот смрад могли лишь самые стойкие из завсегдатаев таверн, да и то лишь постоянно куря свои трубки с крепчайшими душистыми травами. Дайлат-Лин никогда не допустил бы эти галеры в свои пределы, кабы рубины можно было добывать где-то еще, но ни один рудник во всем сновидческом мире не давал таких камней.

Об этом и о многом другом судачил разноязыкий народ Дайлат-Лина, куда Картер терпеливо дожидался корабля из Бахарны, который мог доставить его к острову, где голыми изваяниями громоздятся высокие башни Нгранека. Тем временем он не уставал расспрашивать гостей из далеких краев о всевозможных преданиях, которые они могли слышать о Кадате в холодной пустыне или о чудесном городе с мраморными стенами и серебряными фонтанами, появляющемся под высокой террасой в предзакатный час. Об этом, однако, он ничего не узнал, хотя как-то ему показалось, что у одного старого косоглазого купца при упоминании о Кадате в холодной пустыне странным образом вспыхнули глаза. Этот старец, как говорили, давно торговал с ужасными каменными деревьями на льдистом пустынном плато Ленг,

куда ни один здравомыслящий человек не отваживался забираться и чьи мрачные костры издалека виднеются в ночи. Ходили слухи, что он даже вел какие-то дела с верховным жрецом, о ком лучше не упоминать и который носит желтую шелковую маску на лице и обитает затворником в древнем каменном монастыре. То, что этот старик мог иметь деловые сношения с существами, обитавшими в холодной пустыне, сомнений не вызывало, но Картер вскоре понял, что об этом его бесполезно даже спрашивать.

А вскоре безмолвная и зловещая черная галера вошла в гавань мимо базальтового вельса и высокого маяка, испускающая невероятный смрад, который южный ветер тут же донес до города. В тавернах на берегу пронесся ропот, и вскоре появились смуглые большеротые купцы в горбатых тюрбанах, которые отправились искать ювелиров. Картер внимательно их рассмотрел, и чем больше он их разглядывал, тем меньше они ему нравились. Потом он увидел, как они привели тучных чернокожих мужчин из Парга, и те поднимались по сходням на диковинную галеру, недовольно бурча и потея, и подумал, в каком уголке земли — если на земле — этим несчастным работникам суждено трудиться.

А в третий вечер один из зловещих купцов, мерзко ухмыляясь, заговорил с Картером и намекнул, что слышал в городских тавернах разговоры о его поисках. Он, похоже, знал нечто тайное, что нельзя было произнести во всеуслышание, и, хотя голос его был невыносимо отвратительным, Картер решил, что многоопытностью этого путешественника стоит воспользоваться. Посему он пригласил его к себе в уединенную комнату наверху и, дабы развязать своему собеседнику язык, достал последний бурдюк с лунным вином зугов. Диковинный купец много пил, но напиток не возымел на него никакого действия. И тогда он вытащил необычную бутылку со своим вином, и Картер, приглядевшись, увидел, что та бутылка представляет собой полый рубин, причудливо изукрашенный замысловатой узорчатой гравировкой. Купец

предложил хозяину свое вино, и, хотя Картер выпил лишь маленький глоточек, он тотчас почувствовал головокружение: вокруг него все поплыло, и он очутился посреди самых настоящих джунглей. А улыбка на лице его гостя становилась все шире и шире, и последнее, что увидел Картер перед тем, как провалиться во тьму, было смуглое злобное лицо, искаженное приступом сатанинского хохота, и еще нечто совершенно неопишемое под одной из двух передних складок тюрбана, которая в порыве этого эпилептического веселья вдруг распустилась.

В следующее мгновение Картер пришел в себя: он учуял чудовищный смрад и увидел, что лежит под навесом на борту корабля, а вдали за бортом с невероятной быстротой проносятся чудесные берега Южного моря. Он не был прикован цепями, но три смуглолицых купца стояли поодаль и сардонически ухмылялись, и от самого вида высоких складок на их тюрбанах Картер ощутил почти такой же приступ тошноты, какой вызывало у него жуткое зловоние, поднимавшееся из зловещего трюма. Он видел, как мимо проносятся величественные земли и города, о которых его земной приятель-сновидец — хранитель маяка в древнем Кингспорте — часенъко рассуждал в стародавние дни, и узнал храмы Зака, обиталища позабытых снов, и шпили бесславного Фалариона, демонического города тысячи чудес, где правит призрачный идол Лафи, и кладбищенские сады Зуры, края недостижимых наслаждений, и двуглавый хрустальный мыс, чьи пики, встречаясь, образуют высокую арку, сторожащую вход в гавань Сона-Нил, благословенной фантастической страны. Мимо всех этих чудесных мест утрюмо летел зловонный корабль, подгоняемый могучими ударами весел, которые сжимали руки незримых гребцов в трюме. И еще не отгорел день, как Картер увидел, что гребцы направили галеру прямо на Базальтовые колонны запада, за которыми, как гласит простонародная молва, лежит чудесная Катурия и, как известно мудрым сновидцам, находятся врата чудовищного

водопада, откуда океаны земного мира низвергаются в бездну и сквозь пустые пространства устремляются к иным мирам и иным звездам, к кошмарным безднам вне пределов нашего упорядоченного космоса, туда, где в хаосе, под топот и трубные гласы и адский танец Иных богов, вместе с их духом и посланником Ньярлатхотепом, жадно жует султан демонов Азатот, безглазый, безгласный, мрачный и безумный...

Тем временем три сардонически ухмыляющихся купца ни словом не обмолвились о своих намерениях, хотя Картер догадывался, что они заодно с теми, кто хочет отвлечь его от поиска. В сновидческом мире известно, что у Иных богов есть много клеветников, посланных в гущу людей, и все эти клеветники, имея вполне или не вполне человеческий облик, ревностно творят волю безглазых и безгласных тварей в обмен на благодеяния их ужасного духа и посланника, ползучего хаоса Ньярлатхотепа. Поэтому Картер сделал вывод, что смуглые купцы в уродливых тюрбанах, прослышав о его дерзком поиске Великих в их замке на Кадате, решили похитить его и доставить к Ньярлатхотепу за неведомое вознаграждение, которое им посулили. Откуда прибыли эти купцы, то ли из наших земных краев, то ли из сверхъестественных пространств за их пределами, Картеру оставалось только гадать, и он мог лишь вообразить, на каком адском перекрестке его похитители встретятся с ползучим хаосом, чтобы выдать ему свою жертву и получить причитающуюся награду. Он знал, однако же, что ни одно человеческое или почти человеческое существо, подобное этим тварям, не осмелится приблизиться к недостижимому мрачному трону демона Азатота в бесформенной запредельной пустоте.

На закате купцы стали облизывать исполинские губы и их очи жадно засверкали, и тогда один из них спустился в трюм и вернулся из какой-то потаенной и пугающей каюты с котелком и полной корзиной тарелок. Затем они уселись на корточки в кружок под навесом и стали есть дымящееся мясо, передавая котелок из рук в руки. Но когда они предло-

жили порцию Картеру, очертания и размеры куска мяса нагнали на него сущий ужас, поэтому он побледнел больше прежнего, и, когда все отворотили от него взоры, украдкой швырнул мясо за борт. И вновь он стал размышлять о том, что же это за невидимые гребцы внизу и какую же загадочную пищу они вкушают, чтобы поддерживать свои неиссякаемые силы.

Было уже совсем темно, когда галера прошла между Базальтовыми колоннами запада и шум чудовищного водопада впереди стал усиливаться. А потом взметнулся мощный веер брызг, затмив звезды на небе, и палуба вмиг покрылась влажным покровом, и судно заплясало в бурлящем потоке, предвещавшем близость водного обрыва. А затем со странным свистом и толчком они совершили прыжок, и Картер испытал отчаянный ужас, точно в ночном кошмаре, когда палуба ушла у него из-под ног и гигантский корабль беззвучной кометой низринулся в межпланетное пространство. Никогда прежде не знал он, что за бесформенные черные твари носятся, кружатся и пляшут в эфире, усмешкой и хохотом встречая редких в их пределах путешественников и стараясь дотронуться до них своими склизкими лапами, если пролетающий мимо предмет возбудит их любопытство. Это безымянные личинки Иных богов, и подобно последним они безглазы, и безумны, и томимы жесточайшими голодом и жаждою.

Но омерзительная галера устремилась вовсе не туда, куда боялся попасть Картер, ибо вскоре он увидел, что рулевой направил ее прямым курсом к лунному серпу, сияющему все ярче по мере их приближения, и скоро уже показались лунные кратеры и горные пики. Корабль летел к лунному окоему, и вскоре стало ясно, что пунктом его назначения была загадочная незримая сторона, которая вечно отвернута от Земли и которую ни один человек, за исключением разве что сновидца Снирет-Ко, никогда не видел. Зрелище лунных ландшафтов взволновало Картера не на шутку, и ему не по-

нравились ни размеры, ни очертания руин, которые виднелись повсюду. Мертвые храмы на горах были расположены так, что было ясно: их воздвигли во славу далеко не славных богов, а в симметрии разрушенных колонн угадывался некий тайный и мрачный смысл, не подвластный человеческому разумению. И что это были за древние богопоклонники и каков мог быть их облик, Картер решительно не догадывался.

Когда же корабль обогнул оком и поплыл над лунной поверхностью, не видимой человеку, в странном пейзаже внизу появились первые признаки жизни, и Картер увидел множество низких круглых домов посреди полей, поросших причудливыми белесыми грибами. Он отметил, что в домах нет окон, и подумал, что своей формой они напоминают эскимосские иглу. Потом он увидел маслянистые волны сонного моря и тут только понял, что дальше они продолжают путь вновь по воде или, во всяком случае, по жидкой субстанции. Галера с жутким шумом рухнула на воду, и Картер подивился тому, каким мягким объятьем встретила морская гладь корабельное днище. Теперь они мчались по волнам с огромной скоростью, то и дело обгоняя схожие по форме галеры, но перед взором Картера маячило лишь безбрежное море и усыпанное звездами черное небо, хотя где-то на горизонте ослепительно сияло солнце.

Вскоре впереди показались зубчатые горы белесого, точно чешуйчатого, побережья, и Картер увидел могучие и неприглядные серые башни города. Узнику стало совсем не по себе при виде того, как они наклонены, и как громоздятся на берегу, и что все они без окон, и он горько пожалел о своей глупости, когда так бездумно хлебнул хмельного вина, предложенного ему купцом в уродливом тюрбане. Берег приближался, и исходившее от его башен жуткое зловоние усиливалось. Картер увидел, что склоны зубчатых хребтов покрыты лесами, причем ему удалось разглядеть отдельные деревья, и они странным образом показались ему похожи-

ми на то одинокое лунное дерево в зачарованном лесу на земле, из чьего сока крохотные коричневые зуги делают свое диковинное вино.

Теперь Картер мог различить движущиеся фигурки на вонючем причале, и чем пристальнее он их разглядывал, тем большим страхом и отвращением наполнялась его душа, ибо в их облике не угадывалось ничего человеческого, это были исполинские серо-белые скользкие твари, которые сокращались и расширялись и своими очертаниями — они постоянно меняли форму — были похожи на безглазых жаб с непрерывно вибрирующими короткими розовыми щупальцами на конце тупой морды. Эти твари деловито сновали по набережной, без усталости перетаскивая с места на место ящики, тюки и коробки, и носились между берегом и стоящими на якоре галерами, сжимая в передних лапах длинные весла. И то и дело кто-то из них сгонял с галер небольшие группки рабов, которые были почти что люди, но с огромными ртами, вроде тех купцов, которые вели меновую торговлю в Дайлат-Лине, да только эти несчастные, без тюрбанов, разутые и раздетые, совсем потеряли человеческий облик. Кое-кого из рабов — самых толстых, кого жабы-десятские ощупывали со знанием дела, — выгружали с кораблей и сажали в деревянные клетки, которые портовые рабочие заталкивали в низкие пакгаузы или грузили на огромные повозки.

После того как очередная повозка заполнилась и покатилась прочь, у Картера, уже повидавшего в этом богомерзком месте немало мерзейших чудовищ, даже перехватило дыхание, стоило ему увидеть, что за диковинная тварь впряжена в нее. Время от времени группы рабов в такой же одежде и в таких же тюрбанах на головах, что и на смуглых купцах, поднимались на галеры, а за ними шли толпы жабообразных тварей — матросы, лоцманы, гребцы. И Картер увидел, что человекоподобные существа выполняли самые презренные виды подневольной работы, для которой не требовалась физическая сила, — стояли у штурвала, готовили пищу, были

посыльными или вели торговлю с жителями Земли и иных планет. Эти существа, должно быть, прекрасно чувствовали себя на Земле, ибо, одетые и обутые, в тюрбанах, они почти ничем не отличались от людей и могли смешаться с шумной толпой на рыночных площадях или в лавках, не вызывая ни замешательства, ни недоуменных вопросов. Но большинство из них, за исключением самых худосочных и уродливых, раздевали и заталкивали в тесные клетки и увозили на громахающих повозках, запряженных фантастическими существами. Иногда с галер сгоняли других существ, кое-кто из которых был очень похож на почти людей, кое-кто не очень похож, а некоторые и вовсе странного обличья. И Картер подумал, не ожидает ли кого-то из несчастных чернокожих толстяков из Парга печальная участь быть посаженным в клетку и увезенным в глубь острова на ужасных повозках.

Когда их галера причалила к замызганному и грязному пирсу, сложенному из окаменевших губок, и из трюма высыпала чудовищная орда жабообразных, двое из них подхватили Картера под руки и поволокли на берег. Зловоние и самый вид этого города произвели на Картера ужасающее впечатление, и в его мозгу запечатлелись лишь отрывочные видения мощеных улиц, и черных подъездов, и бесконечной вереницы высоченных серых стен без окон. Наконец его втолкнули в низкий дверной проем и заставили подниматься по бесконечной лестнице в кромешной тьме. Было совершенно очевидно, что жабообразным все равно где находиться — на свету или во мраке. Запах стоял тошнотворный, и, когда Картера заперли одного в каком-то помещении, он с трудом собрался с силами, чтобы ползком обследовать свою новую обитель. Комната была круглая, около двадцати футов в диаметре.

Потом время словно остановилось. Через равные промежутки ему приносили еду, но до нее Картер не дотрагивался. Он не знал, какая его ждет участь, но интуитивно чув-

ствовав, что его держат тут в ожидании страшного духа и посланника бесконечности Иных богов, ползучего хаоса Ньярлатхотепа. Наконец, по прошествии нескончаемо долгих часов или дней, исполинская каменная дверь отверзлась, и Картера повели вниз по лестнице и вытолкнули на залитые красными бликами улицы страшного города. На Луне была ночь, и по всему городу были расставлены рабы с пылающими факелами в руках.

На какой-то мерзкой площади они выстроились в некое подобие процессии: десять жабообразных и двадцать четыре человекоподобных факелоносца — по одиннадцать с каждой стороны и по одному спереди и сзади. Картера поставили в самую середину колонны, пятеро жабообразных шли позади него и пятеро — впереди, и по одному человекоподобному факелоносцу было справа и слева. Некоторые жабообразные достали резные флейты из слоновой кости и стали извлекать из них омерзительные звуки. Под их адскую музыку процессия покинула мощеные улицы города и вышла на объятую ночным мраком равнину, поросшую отвратительными грибами, и вскоре двинулась вверх по склону низкого пологого холма. Картер ничуть не сомневался в том, что где-то на ужасном склоне или на богомерзком плато их поджидает ужасный ползучий хаос, и он лишь молил, чтобы этот кошмар поскорее завершился. Завывание сатанинских флейт было невыносимым, и он отдал бы все на свете, лишь бы услышать голос, хотя бы отдаленно напоминающий человеческий, но жабообразные были немые, а рабы безмолвствовали.

И вот сквозь звездный мрак прорезался нормальный звук. Он донесся с высоких гор вдалеке и эхом отразился от всех зубчатых вершин вокруг, соединившись в нестройный пандемический хор. Это был полуночный кошачий крик, и тут Картер понял, что деревенские жители правы в своих догадках — существуют таинственные области, ведомые только котам, куда кошачьи старейшины убегают тайком по ночам,

прыгая с самых высоких крыш. И ведь верно, что прыгали они на обратную сторону Луны, чтобы порезвиться на лунных горах и побеседовать с древними тенями; и вот, бредя в середине процессии зловонных существ, Картер услышал их привычный дружелюбный клич и враз вспомнил о высоких крышах, горячих очагах и освещенных окошках родного городка.

Рэндольф Картер владел кошачьим языком почти в совершенстве, и в этом жутком краю он издал подходящий для ситуации вопль. Но этого даже и не требовалось, ибо, как только его губы раскрылись, он услышал, что кошачий хор стал громче и ближе, и увидел, как на фоне звезд быстро замелькали тени и крохотные кошачьи силуэты, элегантно перепрыгивая с холма на холм, начали собираться в многочисленные стаи. Он издал кошачий зов, и, прежде чем участников мрачной процессии объял страх, на них, точно штормовой прибой, обрушились тучи вздыбленной шерсти и волны убийственных когтей. Флейты замолкли, и в ночи раздались ужасные крики. Умирующие человекоподобные визжали, а коты шипели, фыркали и урчали, а жабообразные не издавали ни звука, когда их вонючая зеленая сукровица орошала пористую землю, поросшую мерзкими грибами.

В свете факелов зрелище было чудовищное. Картеру никогда в жизни не приходилось видеть такую армию кошек. Черные, серые, белые, желтые, полосатые и бог знает какие еще, обычные домашние, бесхвостые, тибетские, персидские, египетские — все смешались в вихре схватки, и над ними висела пелена той неподдельной и неоскверняемой святости, благодаря которой была прославлена их богиня в величественных храмах Бубастиса. Кошки мощными прыжками кидались к горлу человекообразных или вцеплялись в розовый пучок щупальцев жабоподобных и яростно низвергали их на поросшую грибами равнину, где мириады их собратьев тучей набрасывались на поверженную жертву и, обуянные священным упоением боя, вонзали в нее трепещу-

щие когти и клыки. Картер подхватил факел из руки поверженного раба, но вскоре его накрыла волна верных защитников. Потом он лежал в крошечной тьме, слушая неистовую какофонию войны и победные крики и ощущая мягкие лапки своих освободителей, метавшихся рядом с ним в круговерти битвы.

Наконец страх и усталость смежили ему веки, и, вновь открыв глаза, он увидел довольно странную картину. Гигантский сверкающий диск Земли, раз в десять больше видимой нами Луны, во всполохах тревожного сияния появился над лунным горизонтом, и по всему пространству сумрачного плато до самых зубчатых хребтов вдали раскинулось безбрежное море стройных рядов кошек. Колонна за колонной они шли и шли к нему, и их вожаки лизали ему лицо и добродушно и успокаивающе мурлыкали. Картер не видел ни убитых рабов, ни жабообразных, хотя потом ему почудилось, будто в прогале между ним и отрядами пушистых воинов мелькнула обглоданная косточка.

Картер завел беседу с вожаками на кошачьем языке и узнал, что в здешних краях хорошо известна его старинная дружба с этим племенем и о нем часто вспоминали в местах кошачьих сборищ. Его заметили и в Ултаре, когда он там появился, и старые лоснящиеся коты вспомнили, как ласково он с ними обошелся после того, как они расправились с голодными зугами, бросавшими зловередные взгляды на черного котенка. И еще они вспомнили, как приласкал он того самого черного котенка, который пробрался к нему в харчевню, и как утром перед своим уходом он дал ему блюдце жирных сливок. Дед того самого котенка был главнокомандующим собравшейся здесь армии, ибо он первым с дальней горы узрел страшную процессию и тотчас узнал в узнике дражайшего друга своих соплеменников как на Земле, так и в сновидческом мире.

С далекой горы донесся кошачий вопль, и старый вожак резко оборвал свою речь. Там, на высочайшем горном пике,

находился один из передовых форпостов кошачьей армии, откуда дозорные вели наблюдение за приближающимися врагами земных котов — необычайными исполинскими котами с Сатурна, которых по непонятной причине влекло к темной стороне Луны. Они были связаны тайным союзом с мерзкими жабоподобными и чрезвычайно враждебно относились к земным котам, так что предстоящая встреча не предвещала ничего хорошего.

После краткого военного совета коты выстроились в боевые порядки, окружив Картера оборонительными рядами, и приготовились совершить небывалый прыжок сквозь космическое пространство обратно на крыши земных домов. Старый фельдмаршал пообещал Картеру бережно и без лишних усилий доставить его обратно на Землю в гуще мягких пушистых прыгунов и объяснил, как надо оттолкнуться ногами вместе с остальными и совершить мягкую посадку на Землю одновременно с остальными. Он также предложил доставить его в любую нужную ему точку, и Картер выбрал город Дайлат-Лин, откуда унесла его черная галера, ибо он возжелал уплыть оттуда к Ориабу и найти вырезанное на склоне горы Нгранек изображение, а также наказать горожанам более не вести торговлю с черными галерами, если, конечно, эту торговлю можно разумно и обоснованно пресечь. Потом по сигналу все коты изящно прыгнули, и их друг оказался очень удобно зажатым между их пушистыми боками; а тем временем в черной пещере на богомерзкой вершине лунных гор напрасно дожидался своей добычи ползучий хаос Ньярлатхотеп.

Полет котов через космическое пространство был стремительным, и, находясь в гуще своих пушистых друзей, Картер на этот раз не увидел безмерную черную бесформенную массу, пляшущую, скачущую и кружащуюся в бездне. Не успев вполне осознать, что с ним произошло, он вновь оказался в знакомой комнате в дайлат-линской харчевне, и друзья-коты стайками незаметно выпрыгнули в окно. Старый

вожак из Ултира покинул его последним и, когда Картер пожал ему на прощание лапу, сказал, что должен вернуться домой до первого петушиного крика. С рассветом Картер спустился вниз и узнал, что с момента его исчезновения прошла целая неделя. Но ему оставалось ждать еще две недели до прибытия корабля, направлявшегося в Ориаб, и в продолжение этого времени он подробно рассказывал горожанам все, что ему стало известно о нечестивых черных галерах и об их нечестивых хозяевах. Многие ему поверили, но местные ювелиры очень ценили огромные рубины и не решились прекратить торговлю с большеротыми купцами, так что если с Дайлат-Лином и случится нечто ужасное по причине продолжающейся торговли, то это будет не вина Картера.

А через неделю долгожданный корабль прошел мимо черного вельса и высокого маяка, и Картер с радостью увидел команду нормальных людей во главе с седым капитаном в шелковом костюме, и свежеекрашенные борта, и желтые треугольные паруса. Корабль доставил груз душистой смолы из лесов Ориаба и хрупкие керамические сосуды, вылепленные гончарами Бахарны, и странные фигурки, вырезанные из древней нгранекской лавы. За эти дары им платили ултарской шерстью, и переливчатыми хатхегскими тканями, и резными поделками из слоновой кости, которые изготавливают чернокожие ремесленники за рекой в Парге. Картер договорился с капитаном, чтобы тот взял его пассажиром до Бахарны, и его предупредили, что путешествие займет десять дней. Всю неделю он провел в беседах с капитаном из Нгранека и узнал, что немногие видели резной лик на горном склоне и что в основном путешественники довольствуются темными преданиями, услышанными от стариков и собирателей лавы и ваятелей из Бахарны, а уж потом, вернувшись домой, уверяют, будто сами видели этот лик воочию. Капитан даже сомневался, что вырезанный на горе лик видел хоть один из ныне живущих, ибо дальняя сторона Нгранека необычайно труднодоступная, безжизненная

и зловещая и ходят слухи о неких пещерах близ горного пика, где обитают ночные призраки. Капитан, правда, не стал уточнять, как выглядят тамошние ночные призраки, ибо эти копытные чудища неизменно являются в снах тем, кто слишком часто о них размышляет. А потом Картер принялся расспрашивать капитана о неведомом Кадате в холодной пустыне и о чудесном предзакатном городе, но добрый человек откровенно признался, что ничего о них не знает.

Наконец на рассвете в час отлива Картер покинул Дайлат-Лин и напоследок увидел, как первые солнечные лучи заиграли на тонких граненых башнях мрачного базальтового города. Два дня они плыли к востоку, не теряя из виду зеленые берега, и часто им на пути попадались симпатичные рыбацкие поселки, чьи красные черепичные крыши и печные трубы карабкались по крутым склонам гор от старых сонных пирсов и песчаных пляжей, на которых сушились старые сети. Но на третий день, когда они резко свернули к югу и волнение на море усилилось, земля совсем скрылась из виду. На пятый день матросы заволновались, но капитан извинился за их малодушие, объяснив, что кораблю предстояло пройти мимо поросших водорослями стен и рухнувших колонн затонувшего города, о котором даже и воспоминаний не осталось, но в тихую погоду на глубине можно разглядеть множество движущихся теней, отчего простой народ это место недолюбливает. Он также сказал, что в этих местах исчезло немало кораблей, которые получали сигнал с острова, но потом никто их больше не видел.

В ту ночь луна светила особенно ярко, и от нее по воде бежала широкая серебристая дорожка. Ветер совсем утих, и корабль едва двигался, а на океане воцарился полный штиль. Глядя через борт, Картер заметил на огромной глубине внизу купол дивного храма, а перед ним целую вереницу неведомых сфинксов, тянущуюся к бывшей рыночной площади. В каменных руинах весело сновали дельфины, и неуклюжие морские свиньи иногда всплывали на поверхность и вы-

прыгивали из воды. Через некоторое время ровное дно океана вздыбилось горами, и можно было разглядеть древние улицы, бегущие вверх-вниз по горным склонам, и выбеленные стены множества домишек.

Потом показался пригород и наконец — одинокое здание на холме, более простой архитектуры, нежели соседние строения, и куда лучше сохранившееся. Оно было темным и низким, все испещренное диковинными круглыми окошками, и располагалось по периметру площади с высокими башнями в каждом углу и мощным двором в центре. Возможно, оно было сложено из базальта, впрочем, почти все его стены поросли водорослями; и эту одинокую импозантную постройку на вершине дальней горы можно было принять за храм или монастырь. Диковинные светящиеся рыбы, заплывавшие внутрь, освещали его окошки неясным сиянием, и Картер понял, что вызывало у матросов такой страх. А потом в жидком лунном свете показался странный высокий монолит в центре двора, и Картер увидел, что к нему что-то привязано. Попросив у капитана подозрную трубу, он разглядел, что к монолиту привязан ориабский матрос в шелковом платье; голова его свесилась вниз, глаз не было вовсе; и когда поднявшийся ветер быстро помчал корабль прочь от этого проклятого места, Картер искренне возрадовался.

На следующий день они встретили корабль с фиолетовыми парусами, который держал курс на Зар, в край позабытых снов, и имел на борту диковинный груз разноцветных лилий. А к вечеру одиннадцатого дня плавания они увидели остров Ориаб и Нгранек, взметнувший в небо свой зубчатый снежный пик. Ориаб — огромный остров, а его порт Бахарна — большой шумный город. За выложенными из порфира причалами Бахарны величественными каменными террасами поднимается город со ступенчатыми улицами, над которыми нередко высятся арки домов и мосты между домами. Под городом протекает широкий канал в туннеле с гранитными воротами; воды канала бегут в глубь суши к

озеру Ят, на чьем дальнем берегу лежат кирпичные руины древнего города, имя которого никто не помнит. Когда корабль под вечер вошел в гавань, его приветствовало яркое сияние двойного маяка Тона и Тала, и в бесчисленных бахарнских окнах один за другим тихо вспыхивали, точно звезды на небе, ласковые огоньки, и скоро этот горный порт превратился в огромное созвездие, висящее между небесными звездами и их зыбким отражением в сонной гавани.

После того как корабль бросил якорь, капитан пригласил Картера в свой небольшой дом на берегу Ята, на городской окраине, и его жена и слуги, к радости утомленного путешественника, поставили на стол диковинные аппетитные яства. В последующие дни Картер во всех тавернах и на площадях, куда приходили собиратели лавы и ваятели, расспрашивал про предания и легенды о Нгранеке, но не встретил никого, кто побывал бы на высоких склонах и видел бы вырезанный в скале лик. Нгранек был неприступной горой, за которой лежала проклятая долина, да и, кроме того, никто не был уверен в том, что ночные призраки — всего лишь плод вымысла.

Когда капитан отправился обратно в Дайлат-Лин, Картер разместился в старой таверне на ступенчатой улице в древней части города, выстроенной из кирпича и напоминавшей руины на дальнем берегу Ята. Тут он составил свой план восхождения на Нгранек, учтя все рассказы собирателей лавы о тамошних тропинках. Хозяин таверны был седым стариком и знал так много старых преданий, что оказался весьма полезен Картеру. Он даже привел Картера в верхнюю комнату своего старинного дома и показал ему дурно написанную картину, которую некий путешественник прикрепил к глинобитной стене еще в те стародавние времена, когда люди были отважнее и охотнее совершали восхождения на верхние пределы Нгранека. Прадед старика хозяина харчевни слышал от своего прадеда, что путешественник, прикрепивший эту картину к стене, самолично забрался на Нгранек,

и видел вырезанный на скале лик, и запечатлел его на холсте, дабы другие могли его увидеть. Но у Картера на этот счет возникли сильные сомнения, ибо крупные черты лица были нарисованы поспешно и небрежно, да и почти полностью скрывались за сонмом мелких фигур с рогами, крыльями, клыками и спирально завитыми хвостами, чьи изображения выказывали полное отсутствие у художника вкуса.

Наконец, собрав в тавернах и на площадях Бахарны все полезные сведения, Картер нанял зебру и в одно прекрасное утро выехал по дороге вдоль берега Ята в направлении высящихся каменных башен Нгранека. Справа тянулись бесконечные холмы, приятные сады и аккуратные крестьянские домишки, и этот край напомнил ему тучные поля по берегам Ская. К вечеру он приблизился к безымянным древним руинам на дальнем берегу Ята, и, хотя собиратели лавы наказали ему не останавливаться там на ночлег, он привязал свою зебру к диковинной каменной колонне перед рухнувшей стеной и положил одеяло на землю под каким-то барельефом непонятного содержания. Картер завернулся в другое одеяло, ибо ночи на Ориабе чрезвычайно холодны, а когда проснулся во тьме, то вдруг почувствовал на лице мягкое прикосновение крылышек какого-то насекомого, после чего поплотнее завернулся с головой и мирно проспал до первых криков птиц мага в дальнем смолоносном лесу.

Солнце только что показалось над гигантским склоном горы, где к берегу Ята сбегали бесчисленные каменные фундаменты и древние стены, треснувшие колонны и пьедесталы. Картер стал озиаться в поисках своей зебры. Каково же было его изумление, когда он увидел несчастное животное распростертым на земле у колонны, к которой он его привязал, и еще более удивился, увидев, что копытное мертво, а вся его кровь выпита сквозь крохотную ранку на горле. Кто-то рылся в его узлах, откуда исчезло несколько блестящих безделушек, а весь песок вокруг был испещрен многочисленными, как бы птичьими следами, которые не принад-

лежали ни одному из известных ему животных. Тут ему на ум пришли рассказы собирателей лавы, и он вспомнил о легких прикосновениях к лицу ночью. Потом он взвалил тук на плечи и двинулся к Нгранеку и, когда дорога зазмеялась по древним руинам, содрогнулся при виде гигантского зеварки в стене старинного храма и ступеней, ведущих в крошечную тьму, в которой ничего нельзя было различить.

Теперь путь Картера лежал в гору по нехоженной лесистой местности, и он встречал лишь лачуги угольщиков да места стоянок собирателей смолы. Воздух был напоен благоуханием, и птицы мага беспечно распевали песни, подставляя солнцу свое семицветное оперенье. Ближе к закату путник наткнулся на очередной лагерь собирателей лавы, возвращающихся с набитыми мешками от нижних склонов Нгранека. Картер подсел к ним и стал жадно внимать их песням и рассказам и даже подслушал, как они шептались о пропаже одного из своих компаньонов. Несчастный забрался слишком высоко, привлеченный россыпью чудесных лавовых камней, и к вечеру не вернулся к своим товарищам. Когда же на следующий день они отправились его искать, то нашли лишь его тюрбан, но внизу в пропасти не обнаружили никаких следов его падения. Они прекратили поиски, ибо находившийся среди них старик сказал, что это бесполезно. Никто так и не понял, что стащили ночные призраки, хотя самый факт существования этих тварей был столь сомнительным, что многие полагали их плодом фантазии. Картер поинтересовался, не пьют ли ночные призраки кровь, и не любят ли блестящие предметы, и не оставляют ли они следы, похожие на птичьи, но его собеседники в ответ лишь отрицательно покачали головами: похоже, его вопросы нагнали на них страху. Видя, что страх запер их рты на замок, Картер перестал задавать вопросы и, завернувшись в одеяло, крепко уснул.

На следующий день он встал вместе с собирателями лавы; распрощавшись, они уехали на запад, а он — на восток,

оседлав купленную у них зебру. Старики благословили его, дав много добрых советов, и предупредили, что лучше ему не взбираться слишком высоко на Нгранек. Картер их сердечно поблагодарил, но ни в малейшей степени не изменил своего первоначального намерения. Ибо велико было его искушение найти богов на неведомом Кадате и узнать у них путь к чудесному и неотступно манящему городу на закате. К полудню после долгого восхождения он вышел к заброшенному кирпичному поселку горцев, которые некогда обитали здесь совсем близко от Нгранека и вырезали идолов из мягкой горной лавы. Они жили здесь еще при жизни деда хозяина харчевни, но уже в ту пору поняли, что их присутствие кому-то не по нраву. Их хижины постепенно взбирались все выше по склону горы, и чем выше они строили свои новые жилища, тем больше односельчан недосчитывались с первыми лучами солнца. Наконец они почли за лучшее совсем покинуть эти места, ибо порой во мраке ночи кому-то виделись малоприятные и малопонятные предметы, так что в конце концов все они спустились к морю и поселились в Бахарне, обосновавшись в старинном квартале и обучая своих сыновей древнему искусству идолотворения, коим до сего дня они владеют в совершенстве. Именно от отпрысков изгнанных горцев Картер, блуждая по старым тавернам Бахарны, и услышал самые захватывающие легенды о Нгранеке.

Все это время гигантская призрачная стена Нгранека — по мере приближения к ней Картера — поднималась все выше и выше. Внизу он встречал редкие деревья, потом пошли чахлые кустики, а потом в небо вонзился голый чудовищный утес, точно призрак, обьятый морозом и льдами и вечными снегами. Картер видел устрашающие разломы и зубчатые гребни каменного исполина, но не отвергал мысль о покорении его вершины. Местами он встречал застывшие лавовые потоки и горы вулканического шлака на скальных откосах и уступах. Давным-давно, еще прежде чем боги исполнили свой первый танец на этой горе, здесь бушевал огонь и гро-

хотали потаенные громы. А теперь этот пик высился молчаливо и грозно, тая на своем скрытом от посторонних глаз склоне титанический лик, о котором ходило так много слухов. В этой горе было множество пещер, возможно пустых, где обитала одна лишь крошечная тьма, а может быть — если верить легендам, — таились ужасы, превосходящие даже самые смелые фантазии.

Дальше дорога пошла вверх к подножию Нгранека, поросшему низкорослыми дубками и ясениями, и повсюду земля была покрыта обломками скал, слоем лавы и древнего пепла. Повсюду виднелись обугленные кострища прежних стоянок собирателей лавы и несколько грубых алтарей, которые они наспех сложили, дабы умиловить Великих либо же отпугнуть воображаемых обитателей высоких перевалов и пещер Нгранека. Под вечер Картер достиг самого дальнего кострища и решил заночевать здесь, привязав зебру к деревцу и поплотнее завернувшись в одеяло. Всю ночь где-то далеко-далеко на берегу некоего потаенного водоема глухо ухал вунит, но Картер не страшился этого водоплавающего чудища, ибо его заверили, что эти твари не отваживаются приближаться к склонам Нгранека.

Едва забрезжил рассвет, как Картер начал долгое восхождение, решив ехать верхом на зебре, пока это полезное копытное сможет карабкаться по горным кручам, но когда лесистый склон стал слишком крутым, он привязал животное к ясеню, после чего продолжил путь наверх в одиночестве. Сначала он двигался через лес, минуя останки покинутых деревень в давно заросших вырубках, а потом по высоким травяным коврам с чахлыми кустами. Он пожалел, что удалился от деревьев, ибо склон был довольно крутой и у него уже начала кружиться голова. Наконец, оглядываясь назад, он стал различать далеко внизу покинутые поселения камнотесов, рощи смолосодержащих деревьев и заброшенные лагеря собирателей смолы и леса, где обитали звонкоголовые и радужноперые птицы мага, и уж совсем далеко — по-

лоску берега Ята и неприступные древние руины города с позабытым названием. Он счел за благо не вертеть головой и продолжал восхождение до тех пор, пока кусты не поределели и ему, дабы удержать равновесие, не пришлось цепляться за тучные травы.

Потом трава стала редеть, и его подошвы то и дело натывались на острые обломки камней и гнезда кондоров в узких расщелинах. Наконец его глазам предстали голые скалы, и если бы они не были все покрыты трещинами и уступами, он не смог бы продолжать восхождение. Каменные отростки, уступы, выбоины служили скалолазу подспорьем, и ему было в радость замечать следы отчаянных собирателей лавы, поскользнувшихся на ломких камнях, и делать вывод, что когда-то до него в этих местах побывали люди. Еще выше о присутствии человека говорили высеченные в самых труднодоступных местах ступеньки, а также небольшие раскопы, в недрах которых обнаруживались редкие жилы или лавовые потоки. В одном месте была искусно вырублена узкая щель, ведущая к чрезвычайно богатым залежам далеко правее от основного маршрута. Один или два раза Картер отважился оглядеться, и представший его взору ландшафт поразил его до глубины души. Он увидел весь остров, протянувшийся между ним и морским побережьем, с каменными террасами Бахарны и призрачным дымом из труб вдалеке. А за городом виднелось бескрайнее Южное море, таящее множество неразгаданных загадок.

До сих пор его тропа вилась зигзагом по горе, так что дальний склон с высеченным ликом был все еще скрыт от его взора. Но теперь Картер увидел выступ, бегущий вверх и влево, который, похоже, указывал ему верный путь, он и отправился этим маршрутом в надежде, что выйдет в нужное место. Минут через десять он увидел, что это и впрямь не тупик, потому что дорога круто взбиралась вверх к арке, которая, если только там не было глухой стены, через несколько часов тяжкого пути могла вывести его к неведомо-

му южному склону, выходящему на безлюдные утесы и проклятую лавовую долину. Когда перед его взором раскинулся новый ландшафт, он отметил, что здешние места куда более мрачны и дики, нежели те, которые он ранее преодолел. Да и горный склон выглядел совсем по-другому, весь изрезанный угрюмыми трещинами и пещерами, не попадавшимися ему на прямой дороге, с которой он недавно свернул. Иные из этих каменных шрамов зияли над ним, иные под ним, и все они тянулись к почти перпендикулярным утесам, где еще не ступала нога человека. Стало холодно, но восхождение давалось так трудно, что Картер даже и не заметил перемену температуры. Его беспокоила лишь пугающая угрюмость пейзажа, и он подумал, что в силу именно этого обстоятельства прочие путешественники сторонились здешних мест и вдохновлялись на совершенно нелепые рассказы про ночных призраков, чьими злодеяниями они и объясняли исчезновение тех отважных скалолазов, которые срывались с непроходимых горных круч в ущелья. Эти предания не слишком-то пугали его, но на всякий случай он вооружился острым ятаганом. Все же прочие мысли были заглушены неодолимым желанием увидеть высеченный на скале лик, который мог указать ему верный путь к обители богов на вершине неведомого Кадата.

Наконец, одолев жуткие льдистые пределы горной вершины, он оказался на противоположном склоне Нгранека и увидел в бесконечных безднах внизу небольшие утесы и девственные поля застывшей лавы — приметы стародавнего гнева Великих. Перед его взором также раскинулась огромная равнина в южной стороне, но то была голая пустыня без малейшего намека на уютные поля или сельские домики, которая тянулась к самому горизонту. На этой стороне он не увидел моря, ибо Ориаб — гигантский остров. Нагие вертикальные утесы были испещрены черными зевами пещер и причудливыми расщелинами, но туда ему было не добраться. Прямо у него над головой нависла каменная глы-

ба, застывшая ему обзор, и Картера на мгновение посетило сомнение, не станет ли она для него неприступной преградой. Стоя на продуваемой всеми ветрами скале в нескольких милях над уровнем моря, где с одной стороны его поджидала разверстая бездна и смерть, а с другой лишь теснились скользкие скалы, он вдруг на мгновение ощутил прилив того самого страха, что отвращал людей от невидимого склона Нгранека. Но он уже не мог повернуть назад, ибо солнце стояло низко. Если дальше дороги нет и путь наверх ему заказан, то ночь придется провести тут, свернувшись калачиком, и неизвестно, доведется ли ему увидеть рассвет...

Но путь все же был — он обнаружил его очень своевременно. Только очень опытный сновидец мог бы воспользоваться столь узкими ступеньками, но Картеру их оказалось достаточно. Вскрабавшись на отрог скалы, он понял, что идущий дальше склон одолеть куда легче, чем все предыдущие отрезки пути, ибо от таяния огромного ледника осталась довольно широкая полоса глинистой почвы и каменных выступов. Слева крутая стена горы резко обрывалась в неведомые бездны, и на недостижимой высоте он заметил чернеющий зев пещеры... С другой же стороны гора уходила вверх косой стеной, оставляя путешественнику достаточно места для отдыха.

Судя по холодному дуновению сверху, можно было предположить, что, вероятно, уже совсем близка область вечных снегов, и он устремил взгляд вверх, чтобы отыскать заснеженную вершину, сверкающую в багровых лучах закатного солнца. И точно, в тысячах футах над головой он увидел снег, а прямо под ним резкий абрис тяжело нависшего отрога, похожего на тот, какой он только что преодолел. И, увидев этот отрог, он задохнулся, и громко вскричал, и в благоговейном порыве схватился за щербатую каменную стену, ибо исполинский скальный вырост явно изменился с той поры, как на заре земной истории его изваяла природа, и теперь в лу-

чах заходящего солнца подернулся багрянцем, полыхавшим на отполированных чертах вырубленного в камне божественного лика.

Ужасным и грозным казался этот резной лик, озаренный всполохами закатного солнца. Его исполинские размеры были непостижимы, но Картер тотчас понял, что человек никогда бы не сумел высечь в камне ничего подобного. Это было изображение бога, высеченное руками богов, и его очи надменно и гордо взирали с высоты на искателя. Предания утверждали, что каменный лик настолько необычен, что его нельзя ни с чем спутать, и Картер понял, что предания не лгали, ибо длинные узкие глаза, и длинные мочки ушей, и тонкий нос, и выпяченный подбородок — все указывало на принадлежность к роду не человеческому, но божественному.

От созерцания грозного высокогогорного тайника Картера сковал благоговейный ужас, хотя именно это он и ожидал увидеть и за этим пришел, ибо лик бога исполнен большего чуда, нежели можно предположить, и когда божественный лик размерами превосходит самый большой храм, и когда видишь его очи, устремленные вниз на закатное солнце с объятых таинственным безмолвием высот того горного мира, из чьей черной лавы он был божественным промыслом изваян в стародавние времена, зримое чудо столь велико, что никто не в силах избежать его мистического воздействия.

А тут еще добавилось и чудо узнавания, ибо, хотя Картер и намеревался исходить весь край снов в поисках тех, чье сходство с этим ликом могло бы выдать в них детей бога, он теперь осознал, что в этом нет никакой необходимости. Вне всякого сомнения, в вырубленном на скале исполинском лике ничего необычного не было и своими чертами он сильно напоминал тех, кого Картер часто встречал в тавернах морского порта Селефаис, что лежит в Оот-Наргае за Танарианскими горами и где правит царь Куранес, кого Картер некогда знал еще по явному миру. Каждый год матросы с похожими лицами прибывали на черных кораблях с севера

выменивать свой оникс на нефритовые поделки и золотую проволоку да красных певчих птишек из Селефаиса, и теперь ему было ясно, что они-то и есть полубоги, которых он ищет. А рядом с теми местами, откуда они родом, наверняка и лежит холодная пустыня, где находится неведомый Кадат и ониковый замок Великих, так что надо идти в Селефаис, а это далеко от острова Ориаба, и ему вновь придется вернуться в Дайлат-Лин, и вновь пройти вверх по течению Скай к мосту Нир, и вновь войти в Зачарованный лес зугов, откуда его путь будет лежать на запад через сады Украноса к позолоченным шпильям Трана, где ему предстоит найти галейон, направляющийся к Серенарианскому морю.

Сгустились сумерки, и теперь, подернутый мраком, резной лик приобрел еще более суровое выражение. Ночь нашла путника примостившимся на каменном выступе, и в крошечном мраке он не мог ни карабкаться вверх, ни спуститься вниз. Ему оставалось лишь стоять на узком перешейке, плотно прижавшись к скале, зябко ежиться и дожидаться рассвета, стараясь не уснуть, ибо стоило ему во сне оторвать ладони от каменной стены, как он сорвался бы с узкого выступа и упал с головокружительной многомильной высоты на острые утесы и скалы проклятой долины. Высыпали звезды, но кроме них его глаза увидели лишь чреватую смертью черную бездну, чьему манящему призыву он мог воспротивиться, лишь еще крепче вцепившись руками в каменную стену и подальше отступить от незримого края. Последней земной тварью, представшей его глазам, был кондор, паривший над ущельем в западной стороне, почти рядом с ним, который при приближении к разверстому черному зеву пещеры с испуганным криком улетел прочь.

И вдруг Картер почувствовал, как чья-то невидимая рука легко вынула у него из-за пояса ятаган. Потом он услышал, как клинок со звяканьем покатился вниз по скалам. И ему почудилось, будто между ним и Млечным Путем возникло какое-то омерзительно тонкое, рогатое и хвостатое существо

с крыльями как у летучей мыши. А в западной части неба какие-то тени закрыли звезды, словно из непрístupной пещеры высоко на дальнем склоне горы безмолвно вылетела стая диких крылатых тварей. Потом как будто холодная эластичная рука схватила Картера за шею, и что-то еще обхватило его за ноги, и неведомая сила подняла его в воздух и швырнула в пустоту. Еще мгновение — и звезды исчезли, и Картер понял, что стал добычей ночных призраков.

Они утащили его в черную пещеру на склоне голой скалы и поволокли по чудовищным внутренним лабиринтам. Поначалу, скорее инстинктивно, он пытался сопротивляться, и тогда они принялись его щекотать, не издавая при этом ни звука, и даже их перепончатые крылья не зашелестели. Они были пугающе холодными, мокрыми и скользкими, а каждое прикосновение их мерзких лап заставляло Картера содрогаться. Вскоре они провалились в не постижимую бездну, завертевшись головокружительной тошнотворной спиралью в могильном холоде, и Картер почувствовал, что их вот-вот подхватит за пределный вихрь истошных воплей и демонического безумия. Он стал было кричать, но, как только издавал крик, черные лапы принимались его щекотать с изощренно-мучительной лаской. Потом над головой появилось серое сияние, и Картер догадался, что они приближаются к сугубому миру подземных кошмаров, о котором ему доводилось слышать невнятные легенды и который освещен лишь бледным смертным огнем, где носится трупный воздух и клубятся первобытные туманы земного ядра.

Наконец далеко внизу обозначились бледные очертания серых гигантских вершин, которые, как он сразу понял, были легендарными пиками Трока. Ужасные и зловещие, они высились в мрачном колодце бессолнечной вечной бездны, вздымаясь выше, чем дано постичь человеку, стоя на страже ужасных долин, где ползают и роют свои норы отвратительные долы. Но Картер предпочел бы глядеть на них, а не на своих похитителей — отвратных черных тварей с глад-

кими лоснящимися, точно китовая кожа, боками, мерзкими изогнутыми внутрь рогами, с перепончатыми, беззвучно хлопающими крыльями, с уродливыми цепкими лапами и колючими хвостами, которыми они то и дело угрожающе щелкали, точно бичами. И самое ужасное, что они не проронили ни звука, ни смешка и даже не улыбнулись, ибо у них вместо лиц было лишь блеклое пятно. За все время полета они лишь беззвучно махали крыльями, крепко сжимали его и щекотали — ибо таковы повадки ночных призраков.

По мере того как стая снижалась, серые пики Трока становились все выше и обступали их плотнее со всех сторон, и сразу было видно, что на этих мрачных гранитных глыбах в краю вечных сумерек никто не живет. В более низких пределах заплясали языки смертного огня и разверзлась абсолютная черная бездна, только в выси виднелись неясные очертания тонких пиков, похожих на гоблинов. Вскоре и пики остались далеко, и Картер уже ничего не ощущал, кроме свистящего ветра, овеванного влажным смрадом адских гротов. Наконец ночные призраки сели на незримый пол, усеянный какими-то невидимыми предметами, похожими на кости, и Картер остался один в черной долине. На этом закончилась миссия ночных призраков, сторожей неприступного Нгранека, и они беззвучно улетели прочь. Картер попытался было проследить их полет, но не смог, ибо даже пики Трока исчезли из виду. Вокруг была лишь крошечная тьма, и ужас, и безмолвие, и кости...

Теперь Картер понял, что находится в долине Пнота, где ползают и роют норы исполинские долы, но он не знал, чего теперь ожидать, потому что никому из людей не доводилось прежде видеть долов и никто даже не догадывался, что собой представляют эти твари. О долах известно лишь по невнятным легендам: об их присутствии можно догадаться только по шелесту, который они издают, двигаясь между холмов костей, да по липкому прикосновению, когда они проползают мимо. Их нельзя увидеть, потому что они ползают

лишь в крошечной тьме, но Картеру и не хотелось встречаться с долом, так что он чутко вслушивался во тьму, пытаясь распознать малейший звук среди безбрежного поля костей вокруг. Даже в этом страшном месте он определил для себя план и цель, ибо многим из тех, с кем ему доводилось беседовать раньше, хоть что-то да было известно о Пноте. Кратко говоря, это вроде бы было то самое место, куда все упыри явного мира сбрасывают объедки своих пиршеств, и, если ему улыбнется удача, он сможет найти огромный утес, вознесшийся даже выше пиков Трока, который отмечает рубеж их владений. А направление поисков укажет ему сброшенная сюда новая порция костей, и, найдя нужный утес, он сумеет окликнуть упыря и попросит сбросить ему веревочную лестницу, ибо, как ни странно, между ним и этими ужасными тварями существовала удивительная связь.

В Бостоне он знал одного человека — художника, писавшего причудливые полотна в укромной студии в старинном мрачном переулочке близ кладбища, — который подружился с упырями и научил Картера понимать простейшие фразы их отвратительного визгливого лопотанья. Этот художник в конце концов куда-то исчез, и Картеру почему-то подумалось, что именно здесь он сумеет его найти и впервые за все время пребывания в сновидческом мире воспользуется давним английским языком своей прежней жизни наяву. Во всяком случае, ему казалось, что он сумеет убедить упырей вывести его из Пнота, так что лучше уж встретить тут упыря, которого хотя бы можно рассмотреть, чем дола, которого видеть не дано никому.

Итак, Картер двинулся во тьме, и, когда ему почудился какой-то шорох среди костей, он перешел на бег. Один раз он наткнулся на каменный склон и понял, что это, скорее всего, подножие пиков Трока. Потом он услышал чудовищный грохот высоко наверху и понял, что подошел к утесу упырей. Он, однако, усомнился, что упыри слышат его голос с вершины утеса, которую от него отделяли многие

мили, но ведь ему было известно, что в подземном мире свои особенные законы. Пока он об этом размышлял, падающая кость ударила его, да так сильно, точно это был целый череп. Теперь-то, зная наверняка, что он стоит у судьбоносного утеса, Картер, собравшись с силами, издал протяжный визг — призывный клич упырей.

Звук летит медленно, так что прошло немало времени, прежде чем он услышал ответное лопотание. Но все же он его услышал, и вскоре ему сообщили, что сейчас сбросят веревочную лестницу. Он ждал ее с тревожным нетерпением, ибо не знал, какую мерзкую тварь, притаившуюся в горах костей, мог потревожить его крик. И действительно, очень скоро до его ушей донеслось тихое шуршание вдалеке. И по мере приближения этого пугающего шороха Картеру становилось все тревожнее, ибо ему не хотелось уходить с того места, куда должна была упасть спасительная лестница. Наконец нервное напряжение достигло предела, и он уже собрался в ужасе убежать, как вдруг что-то упало на кучу свеженаваленных костей и отвлекло его внимание от приближающегося шороха. Это была лестница, и после минутной борьбы с непослушной веревкой он крепко в нее вцепился. Но шорох не стихал и преследовал его, пока он лез вверх. Картер уже одолел футов пять, когда грохот внизу стал громче и после того, как он поднялся еще футов на пять, кто-то стал сильно трясти снизу конец веревочной лестницы. На высоте в десять, а то и пятнадцать футов он почувствовал, как по его боку скользнуло что-то длинное, скользкое и извивающееся, которое становилось то выгнутым, то вогнутым... После чего он с утроенной силой стал карабкаться вверх, чтобы избежать нестерпимых прикосновений отвратного объевшегося дола, чей облик не может увидеть ни один из смертных.

Несколько часов он поднимался вверх, руки у него боле-ли, ладони покрылись волдырями, и вот он вновь увидел серый смертный огонь и страшные пики Трока. Наконец он

различил над своей головой нависший край огромного утеса упырей, чью отвесную стену он разглядеть не смог, но несколько часов спустя увидел диковинную морду, свесившуюся через край утеса, точно горгулья на соборе Парижской Богоматери. Картер едва не лишился чувств и не выпустил из рук веревочной лестницы, но через мгновение пришел в себя, ибо его пропавший друг Ричард Пикман однажды познакомил его с одним упырем, и он узнал эту собачью морду и неуклюжую фигуру и чудовищные повадки. Так что он сумел сохранить присутствие духа, когда ужасная тварь вытащила его из головокружительной бездны и перетащила через край утеса, и он не вскричал от ужаса при виде кучи обглоданных костей и сидящих кружком упырей, которые, не переставая жевать, вперили в него изумленные взоры.

Он находился на тускло освещенной равнине, покрытой редкими валунами и испещренной черными норами. Упыри отнеслись к нему уважительно, хотя кто-то из них и попытался его ущипнуть, а прочие оценивающе оглядели его исхудавшее тело. Воспользовавшись своими познаниями в их языке, он спросил их о своем пропавшем друге и узнал, что тот превратился в высокопоставленного упыря и обитал в безднах близ самых границ с явным миром. Зеленоватый старец упырь предложил перенести Картера к нынешнему местожительству Пикмана, так что, невзирая на естественное отвращение, Картер последовал за чудовищем в нору и несколько часов полз следом за ним в вонючей тьме. Они выползли на равнину, где повсюду были разбросаны странные памятники земного мира — старые надгробия, сломанные кладбищенские вазы и обломки древних изваяний, — и Картер с волнением понял, что за все время своих скитаний по миру сновидений с того самого момента, как он одолел семьсот ступенек от пещеры огня к вратам Глубокого Сна, впервые оказался так близко к пределам явного мира.

И тут, на надгробии 1768 года, украденном с бостонского кладбища «Гранари», восседал упырь, ранее бывший ху-

дожником Ричардом Антоном Пикманом. Он был голым и скользким, и в чертах его лица появились настолько явные черты сходства с упырьим племенем, что его человеческое происхождение стало неопознаваемым. Однако он все еще немного помнил английский и смог вести беседу с Картером, употребляя простейшие слова и помогая себе то и дело упырьим лопотанием. Узнав, что Картер хочет добраться до зачарованного леса, а оттуда до города Селефаис в Оот-Наргае за Танарианскими горами, тварь глубоко задумалась, ибо упыри бодрствующего мира не промышляют на кладбищах верхнего сновидческого мира (оставляя их красноногим вампирам, обитающим в мертвых городах), и на пути между их владениями и зачарованным лесом таится много опасных препятствий, в том числе и ужасное царство гугов.

Гуги, волосатые гиганты, некогда воздвигли те самые круги из камней в лесу и принесли ужасные жертвы Иным богам и ползучему хаосу Ньярлатхотепу, но вот однажды ночью их отвратительные стенания достигли ушей земных богов и их изгнали в подземные пещеры. Лишь одна потайная каменная дверь с железным кольцом связывает владения земных упырей с зачарованным лесом, и ее-то гуги и опасаются открывать из-за ниспосланного на них проклятья. И просто непостижимо, что смертный сновидец смог вторгнуться в их тайные пределы и обнаружить эту дверь, ибо смертные сновидцы служили прежде им пищей и они до сих пор помнят рассказы об аппетитном вкусе таких сновидцев, хотя изгнавшие гугов боги ограничили их диету ужасными гастами — омерзительными тварями, которые умирают на свету, живут в подземных склепах Зина и передвигаются по-кенгуриному, прыгая на длинных задних ногах.

Итак, упырь, ранее бывший Пикманом, посоветовал Картеру либо выйти из бездны близ Саркоманда, заброшенного города в долине под Ленгом, где из мира сновидений к нижним пределам ведут черные смрадные лестницы, которые сторожат крылатые львы, либо вернуться через церков-

ный двор в бодрствующий мир и начать свой поиск заново, спустившись по семидесяти ступенькам неглубокого сна к пещере огня и затем к семистам ступенькам, ведущим к Вратам Глубокого Сна и к зачарованному лесу. Но это нашего путника не устраивало, ибо он не знал дорогу от Ленга к Оот-Наргаю и равно не испытывал желания пробуждаться, дабы не позабыть всего того, что он узнал в этом сне. Забвение величественных и божественных лиц тех моряков с севера, которые торговали ониксом в Селефаисе и которые, будучи сынами богов, могли указать ему дорогу к холодной пустыне и к Кадату, где обитают Великие боги, имело бы катастрофические последствия для его поиска.

После долгих уговоров упырь согласился провести своего гостя за великую стену царства гугов. У Картера была одна лишь возможность проскользнуть в сумеречные пределы круглых каменных башен — в час, когда гиганты, наевшись досыта, будут храпеть внутри, он сумеет добраться до центральной башни со знаком Кота и до лестницы в ней, которая ведет к потайной каменной двери в зачарованном лесу. Пикман даже согласился отрядить ему в помощь трех упырей, чтобы те помогли ему могильным ломом поднять каменную дверь, ибо гуги побаивались упырей и частенько при виде этих тварей, пожирающих мертвецов, улетали прочь.

Он также посоветовал Картеру самому переодеться упырем — сбрить отросшую бороду (ибо у упырей бороды нет), вывалиться голым в глине, чтобы придать телу соответствующий вид, и ходить типичной для упырей неуклюжей походкой, а одежду нести в узелке, точно деликатес, только что выкопанный из могилы. Они доберутся по нужной норе до города гугов — которым и ограничено все их царство — и вылезут наружу на кладбище неподалеку от башни Кота, где и находится та самая лестница. Им только следовало опасаться большой пещеры близ кладбища, ибо то был вход в подземные склепы Зина, где коварные сторожа-гасты вечно поджидают пришельцев из верхних пределов дольней бездны,

которые приходят охотиться на них. Гасты обычно появляются, когда гуги спят, и нападают на упырей, равно как и на гугов, ибо они не могут их различить. Это весьма примитивные твари, и они пожирают даже друг друга. Гуги выставляют часового в узком проходе в подземных склепах Зина, но он вечно дремлет на посту, а иногда его застают врасплох отряды гастов. Хотя гасты не переносят дневного света, они способны часами выдерживать сумерки дольней бездны.

Итак, в конце концов Картер пополз по бесконечным норам с тремя помощниками-упырями, прихватив с собой аспидное надгробие полковника Непемии Дерби, почившего в 1719 году и похороненного на сейлемском кладбище на Чартер-стрит. Когда же они вновь вынырнули в сумерки, то оказались в гуще поросших лишайниками гигантских монолитов, чьи верхушки терялись в выси,— то были скромные надгробия гугов. Справа от лаза, в который они протиснулись на поверхность, между рядами монолитов, теснилась неисчислимая толпа циклопических круглых башен, устремивших свои вершины в бесконечность дольных пределов земли. Это был великий город гугов, где дверные проемы поднимаются в высоту на тридцать футов. Упыри часто навешиваются сюда, ибо один умерший гуг может в течение года кормить целый поселок упырей, и даже при всех опасностях, подстерегающих их тут, они предпочитают отрыть из могилы гуга, чем копаться в людских могилах. Картер теперь понял, откуда взялись те исполинские кости, на которые он наткался, блуждая во тьме по долине Пнота.

Сразу за кладбищем вздымалась голая отвесная скала, у подножия которой зиял зев огромной страшной пещеры. Упырь предупредил Картера, чтобы он держался от нее подальше, ибо это был вход в мерзкие склепы Зина, где гуги во мраке охотятся на гастов. И верно, очень скоро это предупреждение подтвердилось, ибо один из упырей медленно приближался к башням — посмотреть, не настал ли час отдыха гугов,— и тотчас из мрака исполинской пещеры сверкну-

ла сначала одна пара красно-желтых глаз, потом другая, и это значило, что гуги лишились одного часового и что у гастов вправду отменно острое обоняние. Итак, упырь вернулся в нору и жестом приказал своим спутникам замолкнуть. Самое разумное было дать гастам возможность насладиться плодами победы, к тому же они, вполне вероятно, скоро должны были и вовсе уйти, ибо, естественно, они утомились после нападения на часового-гуга в мрачном склепе. Через мгновение какая-то тварь размером с жеребенка выскочила в серые сумерки, и Картеру едва не стало дурно при виде этого гнусного зверя, чья морда странным образом имела сходство с человеческим лицом, несмотря на отсутствие носа, лба и прочих важных черт.

Потом еще три гаста выскочили из подземелья к своему соплеменнику, и упырь тихо пролопотал Картеру, что отсутствие на их теле боевых шрамов — дурной знак. Выходит, они и не вступали в битву с часовым, а просто прошмыгнули мимо него, пока тот спал, так что ни силы, ни ярости у них не убавилось и не убавится до тех пор, пока они не встретят и не уничтожат очередную жертву. Противно было смотреть на этих грязных и уродливых животных, число которых скоро приблизилось к пятнадцати. Они копались в земле и прыгали по-кенгуриному в серых сумерках близ исполинских башен и высоченных монолитов, но еще омерзительнее гасты становились в те мгновения, когда заговаривали друг с другом кашляющими горловыми выкриками. И все же как ни отвратны они были на вид, куда ужаснее оказалось то, что внезапно вылезло следом за ними из пещеры.

То была лапа двух с половиной футов шириной с исполинскими когтями. За ней показалась другая лапа, а потом уже покрытая черной шерстью исполинская рука, с которой обе лапы были соединены короткими перешейками. Потом сверкнули два розовых глаза и появилась огромная, как бочка, голова разбуженного гуга-часового. Его глаза под костистыми выростами, покрытыми мохнатой щетиной, выпира-

ли в стороны на два дюйма. Но самое отвратительное в этой голове была исполинская пасть. Из пасти торчали желтоватые клыки, а начиналась она от верхушки до самого низа головы и раскрывалась вертикально, а не горизонтально.

Не успел жуткий гуг вылезти из своей берлоги и встать в полный двадцатифутовый рост, как коварные гасты налетели на него со всех сторон. Картер на мгновение перепугался, что часовой подаст сигнал тревоги и призовет сюда всех своих соплеменников, но упырь тихо сообщил ему, что гуги безголосы и общаются между собой лишь посредством мимики. Разразилась чудовищная битва. Разъяренные гасты бросались со всех сторон на ползающего гуга, сопя, ввинчивая в него свои рыла и осыпая его смертоносными ударами тяжелых и острых копыт. И они то и дело возбужденно кашляли и визжали, когда гуг время от времени впивался своей вертикальной пастью в одного из бойцов, так что шум боя, без сомнения, переполошил бы весь город, если бы слабющий часовой не отступал все глубже и глубже в пещеру, увлекая за собой нападавших. Так что вскоре шум утих в подземном мраке, и лишь резкое гулкое эхо злобных воплей свидетельствовало о продолжающейся схватке.

Потом самый чуткий из упырей сигналом призвал остальных уходить, и Картер последовал за ковыляющей троицей, так что вскоре они вышли из леса монолитов и очутились на зловещей улице жуткого города, чьи циклопические каменные башни устремлялись вверх и терялись из виду. Они бесшумно прошли по мостовой, с омерзением вслушиваясь в приглушенный храп из темных дверных проемов — гуги спали. Понимая, что час отдыха близится к концу, упыри перешли на рысцу, но тем не менее путь им предстоял неблизкий, ибо расстояния в городе гигантов весьма и весьма приличные. Наконец они вышли на открытую площадь перед башней, что была куда больше прочих, и над ее колоссальным входом был укреплен чудовищный символ-барельеф, и от одного только взгляда на него невольная дрожь про-

бирала тело. Эта была центральная башня со знаком Кота, и огромными каменными ступенями, едва заметными в мрачном чреве башни, начиналась длинная лестница к верхнему уровню мира сновидений и к зачарованному лесу.

В кромешной тьме они двинулись вверх по лестнице, и из-за исполинского размера ступеней, выложенных для гигантов гугов, по ним было очень трудно подниматься, ведь каждая была в ярд высотой. Картер скоро потерял им счет, ибо очень быстро выбился из сил, и не знавшие усталости проворные упыри были вынуждены прийти к нему на подмогу. В продолжение всего бесконечного подъема их неотступно преследовал страх, как бы их не обнаружили и не пустились за ними в погоню, ибо хотя гуги и не рискуют поднимать каменную дверь в лесу из-за ниспосланного проклятия Великих, ни в башне, ни на лестнице им эта преграда не страшна, и беглых гостей очень часто настигали на этой лестнице — даже на самых верхних ступенях. Ибо у гугов настолько острый слух, что они могли услышать даже легкий шорох рук и ступней беглецов, и быстроногим гигантам, за время долгой охоты на гостей в подземных склепах Зина научившимся ориентироваться во мраке, не составляло труда схватить столь ничтожную и тихоходную жертву на этой циклопической лестнице. Картер с горечью размышлял о том, что безмолвные преследователи гуги могут подкрасться неслышно и внезапно, как вихрь, напасть во тьме на беглецов. И в этой угрюмой ловушке, где гуги имели несомненное преимущество, уповать на их привычный страх перед упырями было бессмысленно. Опасаться следовало и коварных и сторожких гостей, которые частенько проникали в башню во время отдыха гугов. Если гуги проспят долго, а гасты быстро вернутся из своей ужасной экспедиции в пещеру, то эти мерзкие и зловедные твари тотчас учуют запах беглецов, а в этом случае уж лучше быть сожранным гугами.

И потом после бесконечного восхождения по лестнице из тьмы наверху неожиданно раздался кашель, и дело приняло тревожный оборот. Было очевидно, что гаст, а может быть, и несколько гастов попали в эту башню задолго до Картера и его провожатых, и еще было очевидно, что опасность подстерегает их совсем близко. Через секунду бегущий впереди упырь оттеснил Картера к стене и выстроил своих соплеменников боевым порядком, причем они подняли старинное аспидное надгробие наподобие тарана, чтобы нанести им сокрушающий удар по врагу, буде он появится в поле зрения. Упыри способны видеть в темноте, так что под их защитой Картер был в большей безопасности, чем если бы он оказался тут один. В следующее мгновение раздался цокот копыт сверху, выдав приближение по меньшей мере одного зверя, и упыри приготовились нанести чудовищный удар гранитным орудием. Вскоре во мраке сверкнули два желтовато-красных глаза, и шумное сопение гаста заглушило цокот копыт. Когда он вспрыгнул на ступеньку над упырями, те с неимоверной силой обрушили на него древнее надгробие, так что раздался лишь булькающий всхлип, и жертва рухнула замертво. Похоже, наверху затаился лишь один этот зверь, и, выждав немного, упыри схватили Картера под руки и повлекли дальше вверх. Как и прежде, им пришлось ему помогать, и он был рад покинуть поле боя, где во тьме остался лежать поверженный гаст.

Наконец процессия упырей остановилась, и Картер понял, что они наконец-то достигли тяжелой каменной двери. Отодвинуть массивную плиту было просто невыносимо, но упыри надеялись чуть приподнять ее и просунуть в образовавшуюся щель надгробие как подпорку, чтобы Картер смог проскользнуть наружу. Сами же они намеревались спуститься обратно и вернуться восвояси через город гугов, ибо они там были неуязвимы, да и, кроме того, не знали верхней дороги к призрачному Саркоманду с воротами в бездну, охраняемыми львами-часовыми.

Три упыря с превеликим трудом отодвинули каменную глыбу, и Картер, как мог, им помогал. Они сочли выступ над последней ступенью лестницы надежной точкой опоры и напрягли мускулы, напитанные нездоровой пищей. Через несколько мгновений появился проблеск света, и Картер, ради кого предпринимались эти усилия, просунул конец надгробия в щель. Теперь им надо было употребить все силы на то, чтобы сделать щель пошире, но дело шло медленно, и им, разумеется, приходилось несколько раз начинать все заново, когда из-за одного неверного движения тяжелая дверь захлопывалась.

Раздавшийся вдруг далеко внизу на лестнице шум только удесятирил их возбуждение и страх. Но это был лишь грохот копыт гаста, чей труп скатился вниз по ступенькам, но, как бы то ни было, им следовало быть начеку. И, прекрасно помня о коварстве гугов, упыри с утроенным рвением взялись за плиту, высоко ее приподняли и долго держали так, дав Картеру возможность подложить надгробие в широкий проем. Потом они помогли Картеру выбраться из башни, подставив ему свои скользкие упругие плечи и держа его за ноги. Он ступил на благословенную землю верхнего сновидческого мира. Еще секунда — и они тоже вылезли наружу, выбили из-под двери надгробие как раз в тот момент, когда тяжелое сопение снизу было уже совсем близко. Из-за проклятия Великих ни один гуг не мог выйти через эту дверь, так что Картер с превеликим облегчением улегся на ковер из мясистых фибов зачарованного леса, а его спутники сели отдыхать возле него, как и подобает упырям, на корточках.

Сколь бы мрачным ни был зачарованный лес, по которому Картер недавно бродил, по сравнению с ужасными безднами, откуда он только что выбрался, этот лес казался райским вертоградом. Вокруг не было ни живой души, так как гуги в страхе сторонятся таинственной двери, и Картер поинтересовался у своих провожатых об их будущем маршруте. Упырям не очень-то хотелось возвращаться снова через

башню, но и бодрствующий мир не слишком-то их прельщал, особенно когда они узнали, что им придется встретиться с жрецами Наштом и Каман-Та в пещере огня. Так что в конце концов они решили вернуться в бездну через Саркоманд и его врата, хотя и не имели ни малейшего представления, как туда попасть. Картер же вспомнил, что Саркоманд находится в долине ниже Ленга, и еще вспомнил зловещего косоглазого купца из Дайлат-Лина, который, как поговаривали, торговал на Ленге, так что он посоветовал упырям найти Дайлат-Лин, пересечь поля до Нира и Скай и пойти вдоль реки к ее устью. На том они и порешили и, не теряя времени, пустились в путь, ибо сумерки уже сгущались, и они опасались, как бы ночь не застигла их в дороге. А Картер пожал отвратительным чудищам лапы и, поблагодарив за помощь, попросил передать благодарность твари, некогда бывшей Пикманом. Однако же после их ухода он не смог сдержать вздох облегчения. Ибо упырь есть упырь, и в лучшем случае это не самый приятный спутник для человека. После этого Картер отыскал лесное озеро, смыл с себя грязь преисподней и надел одежду, которую так долго носил с собой.

На грозный лес призрачных деревьев спустилась ночь, но поскольку все вокруг фосфоресцировало, тут было светло как днем. Картер отправился хорошо знакомой ему дорогой к Селефаису, в Оот-Наргай за Танарианскими горами. И по дороге он вспомнил о зебре, которую привязал к ясеню у горы Нгранек на далеком Ориабе, и подумал: хорошо бы собиратели лавы нашли ее, накормили и отпустили бы на волю. И еще он думал о том, доведется ли ему вновь побывать в Бахарне и заплатить за зебру, убитую ночью в древних руинах на берегу Ята, и вспомнит ли его старик хозяин харчевни. Таковы были мысли, рожденные в его мозгу свежим воздухом вновь обретенного верхнего сновидческого мира.

Но вскоре Картера остановил непонятный звук из высокого дуплистого дерева. Он миновал было большой круг

камней, так как сейчас ему было недосуг вступать в беседу с зугами, но остановился, так как, судя по громким щелчкам и хлопкам, доносившимся из ствола исполинского дерева, там проходил бурный совет. Подойдя чуть ближе, он понял, что невольно подслушал напряженный и жаркий спор, который его очень заинтересовал. Ибо на своей сходке зуги горячо обсуждали предстоящую войну с котами, поводом к которой послужила гибель отряда зугов, проникшего вслед за Картером в Ултар и подвергнутого наказанию за недостойное поведение. Их гнев долго тлел втуне, но теперь либо самое позднее через месяц мобилизованные зуги решили обрушить на все кошачье отродье серию внезапных атак, застигая врасплох отдельных котов или их стаи, чтоб не оставить бесчисленным ултарским котам ни малейшего шанса загодя подготовиться к войне. Таков был план зугов, и Картер понял, что обязан его сорвать, а потом уж продолжить свой славный поход.

Стараясь не шуметь, Рэндольф Картер прокрался на лесную опушку и вознес кошачий клич над освещенными звездами полями. И огромный котяра в ближайшей деревне подхватил этот клич и послал его дальше, через многомильные просторы полей, кошачьим воинам, большим и малым, черным и серым, тигровым и белым, желтым и пятнистым, и эхом кошачий клич полетел за Нир и за Скай, достигнув Ултара; и бесчисленные ултарские коты отозвались могучим хором и выстроились походной колонной. Счастье, что луна еще не взошла, так что все коты и кошки были еще на земле. Быстро и бесшумно прыгнув со всех городских крыш и ото всех каминов, они воспарили и образовали великое пушистое море, захлестнувшее все пространство вплоть до лесной опушки. Картер там их приветственно встретил и после всех тех кошмаров и ужасов, которые довелось ему лицезреть в безднах, вид кошачьей армии был ему в удовольствие. Он с радостью увидел своего достойного друга и спасителя, с почетным воротником на гибкой шее и воинственно ощети-

нившимися усами, во главе ултарского воинства. И самое приятное, одним из младших лейтенантов был молодой быстрый воин — не кто иной, как тот самый котенок из харчевни, кому Картер в то давнее утро в Ултаре дал жирных сливок. Тогдашний котенок преобразился в сильного и многообещающего кота, который, подав другу лапу, приветливо замурлыкал и выгнул спинку. Его дед сообщил Картеру, что внук делает заметные успехи на военном поприще и что скоро, после еще одной успешно проведенной кампании, его ждет капитанский чин.

Картер поведал о нависшей над кошачьим племенем опасности и в ответ услышал со всех сторон благодарное мурлыканье. Проконсультировавшись с генералами, он выработал план внезапного нападения, предусматривавший немедленную атаку на пункт проведения зугами военного совета и на прочие зугские укрепления, чтобы упредить их вероломное нападение и вынудить принять кошачьи условия капитуляции до того, как они объявят о всеобщей мобилизации. Тотчас же, без секундного промедления, огромный кошачий океан наводнил зачарованный лес, окружил дерево военного совета и исполинский круг камней. Хлопки и щелчки внутри дерева достигли панического тембра, когда неприятель заметил пришельцев, и опасливые, но любопытные коричневатые зуги не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Увидев, что их разгромили, нанеся упреждающий удар, они обратились от помыслов о возмездии к мыслям о незамедлительном спасении.

Половина котов села в круг около захваченных зугов, освободив проход для препровождения пленников, пойманных другими котами в прочих частях леса. Наконец приступили к выработке условий капитуляции, причем Картер выступал в роли переводчика, и было решено, что зугам будет дарована свобода только при условии передачи котам солидной контрибуции в виде куропаток, тетеревов и фазанов из менее зачарованных участков леса. Двенадцать

молодых зугов из благородных кланов были взяты заложниками для содержания в Кошачьем храме в Улtare, а победители ясно дали понять, что каждое исчезновение кота на границах зугских владений будет иметь самые катастрофические для зугов последствия. Покончив с этим делом, коты разомкнули тесные ряды и позволили зугам по одному отправиться восвояси, что те без лишних напоминаний не преминули сделать, бросая опасливые взгляды через плечо.

Старый кошачий генерал предложил Картеру сопровождение через лес до любой нужной ему точки, ибо полагал, что зуги затаили на него глубокую злобу за срыв их военной авантюры. Картер с благодарностью принял это предложение, ибо оно обеспечивало ему защиту и безопасность и, кроме того, ему нравилось дружелюбное кошачье общество. Так что, находясь в гуще симпатичного игривого подразделения и чувствуя облегчение после столь успешно выполненного им долга, Рэндольф Картер с достоинством двинулся через зачарованный фосфоресцирующий лес исполинских деревьев, делясь соображениями о своем путешествии со старым генералом и его внуком, пока прочие участники марша развились вовсю и играли опавшими листьями, которые ветер нес по грибным зарослям первобытного леса. И старый кот поведал Картеру, что много слышал о неведомом Кадате в холодной пустыне, но не знал лишь, где он находится. Что же до чудесного предзакатного города, то он даже не слышал о таком, хотя и пообещал впоследствии пересказать все Картеру в подробностях, буде он что-либо узнает.

Старый кот научил искателя-сновидца некоторым ценным паролям, имеющим хождение у котов сновидческого мира, и особенно посоветовал ему обратиться к старому кошачьему вожаку в Селефаисе, куда он сейчас держал путь. Этот кошачий генерал, о котором Картер кое-что слышал раньше, был почтенным мальтийцем и в любом деле мог оказаться чрезвычайно полезным. Когда они дошли до нуж-

ной опушки, уже рассвело, и Картер с сожалением попрощался со своими друзьями. Младший лейтенант, с кем Картер познакомился, когда тот был еще котенком, изъявил желание сопровождать его и дальше, но старый генерал ему запретил: сей суровый патриарх важно заметил, что его долг — оставаться со своим племенем и со своей армией. Так что Картер в одиночестве отправился через золотые поля, что тянулись таинственным шлейфом вдоль ивовых берегов реки, а коты повернули назад в лес.

Путешественник прекрасно знал сады, что простерлись между лесом и Серенарианским морем, и он весело шагал по-над поющей рекой Укранос, что бежала, точно следуя его маршрутом. Солнце вставало все выше над лесами и полянами, и в его лучах сочнее становились цвета тысяч бутонов, звездами сияющих на каждом пригорке и в каждой ложине. Весь этот край был словно объят дымкой благодати, ибо солнечного света и тепла здесь в избытке и нет более иного места, где бы так звонко пели птицы и жужжали пчелы, отчего люди, оказавшись в этих местах, мнят себя в сказочном мире и чувствуют, как их души переполняет столь великая радость и удивление, что потом они не в силах об этом и вспомнить.

К полудню Картер дошел до яшмовых террас Кирана, что сбегает к речному берегу и на которых высится тот храм приютившего, куда один раз в году прибывает из своих дальних владений на сумеречном море царь Илек-Вад в золотом паланкине, чтобы вознести хвалу богу Украноса, улаждавшего его пением в юности, когда тот жил в домике на берегу реки. Весь из яшмы сложен и самый храм, и его стены, дворики и семь башен со шпилями занимают площадь в один акр, и его алтарь, куда через скрытые каналы впадает река, и бог тихо поет там ночами. Многократно руна, освещая своим сиянием эти дворики, террасы и шпили, слышит странную музыку, но что это за музыка — то ли песнь бога, то ли гимны таинственных жрецов, никто, кроме царя Илек-Вада, сказать

не может, ибо лишь он входил в тот храм и воочию видел тех жрецов. А в этот дремотный час резная хрупкая храмина была безмолвна, и Картер, идя под лучами зачарованного солнца, слышал лишь невнятное бормотание великой реки и гомон птиц и пчел.

Весь день пилигрим брел среди благоуханных лугов, в благодатной тени пологих прибрежных холмов, чьи склоны испещрены мирными соломенными крышами и святилищами дружелюбных богов, идолов, вырезанных из яшмы или хризоберилла. Иногда он приближался к самой воде и посвистывал резвящимся в кристально чистом Украносе радужным рыбкам, а в иные минуты останавливался посреди шепчущих зарослей тростника и глядел на бескрайний темный лес на противоположном берегу, чьи деревья вплотную подступали к быстрым водам реки. В прошлых снах он видел диковинных топчущих буйпотов, что робко выходили из леса к реке на водопой, но теперь он не заметил ни одного. То и дело он останавливался понаблюдать за хищной рыбой, которая приманивала поближе к воде птичку-рыбака, дразня ее своими поблескивающими на солнце чешуйчатыми боками, и хватала несчастную за клюв огромными сильными губами в тот самый момент, когда крылатый рыбак отважно кидался на нее сверху.

Ближе к вечеру он взошел на поросший травой пригорок и увидал впереди пылающие в закатном солнце тысячи позолоченных шпилей Трана. Невообразимо высокие алебастровые стены этого поразительного города поднимались к высокой вершине и были вырублены из цельного куска — какими инструментами, не дано узнать никому, ибо эти стены древнее человеческой памяти. И как бы высоки ни были эти стены, с сотнями ворот и двумя сотнями сторожевых башенок, внутренние городские башни, белоснежные под золотыми шпилями, были еще выше, так что наблюдатели, стоящие на равнине за городом, могут видеть, как они устремляются в небесную высь, иногда являя взору свою громаду

незамутненной, иногда подернутой сверху клочьями облаков и тумана, а иногда заволоченной низко стелющимся дымом, когда их шпили дивно сияют над клубящимися испарениями. А там, где ворота Трана открываются на реку, расположены огромные мраморные причалы с изукрашенными галеонами из душистого кедра и каламандра, которые качаются на натянутых якорных цепях, а чудные бородатые моряки сидят на бочках или тюках, покрытых иероглифами дальних стран. А дальше, за городскими стенами, раскинулась сельская местность, где крошечные белые домики дремлют меж холмов и узкие проселки со множеством каменных мостиков причудливо выются меж ручьев и рек.

И вот по этому зеленому краю шел под вечер Картер и увидел, что от реки на чудесные золотые шпили Трана надвигаются сумерки. Уже темнело, когда он подошел к южным воротам и там был остановлен часовым в красном камзоле, которому пришлось рассказать три невероятных сна, дабы доказать, что он — сновидец, вполне достойный вступить на таинственные улицы Трана и посетить его базары, где продают всевозможные товары с изукрашенных галеонов. И вот он вошел в этот невероятный город, пройдя сквозь стену столь толстую, что городские ворота показались туннелем, а потом устремил свои стопы вдоль извилистых улочек, глубоко стиснутых теснящимися и тянущимися к небесам башнями. Из зарешеченных и обрамленных балконами окон струился свет, и звуки лютни и свирелей чуть слышно неслись из внутренних двориков, где журчали мраморные фонтаны. Картер знал дорогу и сразу двинулся по темным проулкам к реке, где в старой приморской таверне он нашел капитанов и матросов, которых встречал в тысячах прошлых снов. Там он оплатил свой проезд до Селефаиса на большом зеленом галеоне, и в той же таверне он остановился на ночлег, почтительно потолковав с тамошним старожилом-котом, который, лежа перед огромным очагом, сонно моргал и грезил о старых войнах и позабытых богах.

Утром Картер взошел на борт галеона, державшего курс на Селефаис, и сел на корме; тут отдали концы, и долгое плавание к Серенарианскому морю началось. На протяжении многих лиг берега напоминали транские, Картер то и дело видел удивительные храмы на вершинах холмов справа или сонную прибрежную деревушку с островерхими крышами, крытыми красной черепицей, и сушившимися на солнце сетями. Ни на мгновение не забывая о цели своего поиска, Картер дотошно расспрашивал моряков о чужеземцах, которых те встречали в тавернах Селефаиса, выпытывая у них имена и привычки диковинных людей с длинными узкими глазами, длинными мочками, тонкими носами и торчащими подбородками, которые приплывали на темных кораблях с севера и меняли оникс на яшмовые блоки, золотую проволоку и красных певчих птичек из Селефаиса. Об этих купцах матросы могли рассказать не много — лишь то, что они были неразговорчивы и вызывали у всех благоговейный ужас.

Их страна, лежащая очень далеко за морями, прозывалась Инкуанок, и очень немногие решались туда отправиться, ибо это был холодный сумеречный край, который, как говорили, лежал неподалеку от хмурого Ленга; впрочем, в той стороне, где, видимо, находится Ленг, высятся непроходимые горы, так что трудно было сказать, то ли и вправду существует это мрачное плато с жуткими каменными поселениями и ужасным монастырем, то ли слухи о них лишь плод страха, который посещает малодушных ночью, когда ужасные пики мрачной грядой теснятся против яркой луны. Конечно же, моряки прибывали к Ленгу с разных океанов. О прочих же границах Инкуанока моряки не имели ни малейшего представления, как не слышали они ни о холодной пустыне, ни о неведомом Кадате, кроме разве что неясных и неточных намеков. А о чудесном предзакатном городе, который искал Картер, они вообще ничего не знали. Так что путешественник более не стал их спрашивать о далеких краях, но решил погодить до того момента, когда ему предста-

вится случай вступить в беседу с теми странными моряками из холодного сумеречного Инкуанока, несущими семя богов, запечатлевших свои черты на вырубленном в скале Нгранека лице.

Позднее тем же днем галеон достиг излучины реки, бегущей сквозь благоуханные джунгли Кледа. Тут Картеру захотелось сойти на берег, ибо в этих тропических чашах таились покинутые и никем не посещаемые чудесные дворцы из слоновой кости, где некогда обитали легендарные монархи края, чье имя позабыто. Чары Старых богов хранят эти потаенные места в первозданном виде, ибо написано, что настанет день, когда в них снова возникнет нужда, и только погонщики слонов видят их издали при свете луны, но никто не осмеливается приблизиться к ним из-за сторожей, охраняющих их неприступный покой. Но корабль несея дальше, и в сумерках утих дневной шум, и ранние звезды высыпали на небе и стали перемигиваться с первыми светлячками на берегу реки, и джунгли исчезли позади, оставив по себе лишь сладкие воспоминания об их благоухании. И всю ночь галеон скользил мимо незримых и неожиданных тайн. Один раз дозорный известил о сигнальных огнях на горах к востоку, но сонный капитан сказал, что лучше от этих огней отвести глаза, ибо совершенно непонятно, кто и зачем зажег их там.

Утром речное русло сильно расширилось, и Картер увидел вытянувшиеся вдоль берега дома и понял, что они подплыли к большому торговому городу Хланит на Серенарианском море. Здесь стены выложены из грубого гранита, а островерхие фронтоны придают городским домам совершенно фантастический вид. Жители Хланита более, чем какие-либо иные обитатели сновидческого мира, похожи на людей явного мира, поэтому город известен лишь меновой торговлей, однако также славится и прекрасное мастерство здешних ремесленников. Причалы Хланита сложены из дубовых бревен, и, пока галеон швартовался, капитан обошел купцов в тавернах. Картер также сошел на берег и с любопытством

стал осматривать изъезженные улочки и площади, где громыхали деревянные двуколки, запряженные быками, а на базарах разгоряченные купцы криком тщетно расхваливали свой товар. Приморские таверны подступали близко к просоленным причалам на мощеных улицах и казались неимоверно древними, что особенно подчеркивали их низкие черные балки под потолками и зеленоватые слуховые окошки. Древние моряки в этих тавернах без усталости рассказывали о далеких портах и вспоминали множество диковинных историй о странных людях из сумеречного Инкуанока. Но и им было нечего добавить к тому, что Картер уже слышал от моряков с его галеона. Потом наконец, после долгой погрузки-разгрузки, капитан поставил парус под закатным солнцем, и высокие стены и диковинные фронтоны Хланита скрылись на горизонте, когда последний золотой луч дня одарил их чудесной красотой, несравнимой с рукотворными красотами.

Два дня и две ночи галеон плыл по Серенарианскому морю, не встретив ни одного корабля и ни полоски земли. На второй день плавания, ближе к закату, впереди замаячил снежный пик Арана с огромными деревьями гинкго на нижних склонах, и Картер понял, что они подошли к земле Оот-Наргай и к чудесному городу Селефаису. И вскоре перед их взором встали сверкающие минареты легендарного города, сияющие мраморные стены с бронзовыми статуями на вершине и огромный каменный мост в том месте, где Наракса впадает в море. А позади города тянулись пологие холмы, покрытые дубравами и лугами асфodelей, виднелись небольшие храмы и домики, а еще дальше, на горизонте, высился алый хребет могучих Танарианских гор, за которыми лежали запретные маршруты в явный мир и в иные сновидческие пределы.

В гавани было полно разноцветных галер, иные из которых прибыли из мраморного заоблачного города Серанниана, что лежит в эфирных высях за линией встречи моря

и неба, а иные были из менее зыбких мест сновидческого мира. Рулевой умело провел галеон между кораблей к благоухающей пряностями пристани, где и встал на якорь в сумерках, когда миллионы городских огней замерцали в воде. Этот бессмертный город-мираж казался вечно юным, ибо время тут не имело власти старить и разрушать. Бирюзовые орнаменты Нат-Хортата были такие же, как и прежде, и восемьдесят жрецов в венках из орхидей те же самые, кто выстроил этот храм десять тысяч лет назад. И так же ярко сияла бронза огромных ворот, и ониксовые мостовые не выщерблены и ни единый камень не треснул. А колоссальные бронзовые статуи на стенах глядели вниз на купцов и погонщиков верблюдов, которые древнее древних преданий, но тем не менее в их двухвостых бородах не найти ни единого седого волоска.

Картер не сразу отправился искать храм, или дворец, или крепость, но остался у приморской стены, смешавшись с толпой моряков и торговцев. И когда уже совсем стемнело, он пошел в хорошо ему знакомую старую таверну и преклонил голову на подушку, грезя о богах неведомого Кадата. На следующий день он отправился вдоль набережной на поиски странных моряков из Инкуанока, но ему сказали, что таких тут не видели, да и галеры с севера не заходили в этот порт уж добрых две недели. Однако он обнаружил одного торабонианского моряка, побывавшего в Инкуанокке и работавшего на ониксовых каменоломнях в том сумеречном краю, и этот моряк поведал ему, что к северу от населенных мест, безусловно, есть некие пустынные земли, которых люди страшатся и сторонятся. Торабонианец предположил, что та пустыня обнимает крайний оком неприступных пиков на границе с жутким плато Ленга, потому-то люди и страшатся тех мест, впрочем, он также упомянул, что ходят невнятные слухи о злых силах и безымянных часовых, стерегущих те пределы. Та ли это пресловутая пустыня, где находится неведомый Кадат, он не знал, но уж очень невероятным каза-

лось, что и темные силы, и часовые, если они и вправду существуют, стерегут те земли без особой причины.

На следующий день Картер двинулся по улице Столпов к бирюзовому храму и поговорил там с верховным жрецом. Хотя в Селефаисе особо поклоняются Нат-Хортату, в каждодневных молитвах поминаются все Великие боги, и жрец тонко чувствовал их расположение. И подобно Аталу в далеком Ултаре, он настоятельно посоветовал Картеру не пытаться увидеть их, пояснив, что они вспыльчивы и своенравны и находятся под странной защитой безумных Иных богов из Внешнего мира, чей дух и посланник — ползучий хаос Ньярлатхотеп. Их ревнивое стремление утаить чудесный предзакатный город ясно дает понять, что они не хотят допустить в него Картера, и можно лишь гадать, как они отнесутся к пришельцу, вознамерившемуся их увидеть и обратиться к ним с некоей просьбой. Никто еще никогда не находил Кадата, и вполне возможно, что никому не суждено найти его и впредь. Что же до слухов об ониксовом замке Великих, то они отнюдь не внушают доброй надежды.

Поблагодарив увенчанного венком из орхидей верховного жреца, Картер покинул храм и пошел искать овечий базар, где благоденствовал старый вожак селефаисских котов. Серый величественный зверь лежал на ониксовой мостовой под теплыми лучами солнца и, когда к нему приблизился гость, сонно отогнал его взмахом лапы. Но Картер произнес пароли и заветные фразы, которым научил его старый кошачий генерал в Ултаре, и пушистый патриарх, смилостивившись, стал более разговорчивым. Он поведал Картеру о тайном знании, коим ведали коты на приморских склонах Оот-Наргая. А самое главное, он вспомнил многое из того, что нашептали ему робкие портовые коты Селефаиса, — о морях из Инкуанока, на чьи темные корабли ни один кот не отваживался пробраться.

Эти люди, похоже, неземного происхождения, хотя вовсе не по этой причине коты не рискуют запрыгивать на их ко-

рабли. Причина же в том, что в Инкуаноке обретаются тени, невыносимые для котов и наводящие на них ужас, так что в том холодном сумеречном краю никогда не услышишь ни веселого мурлыканья, ни приветственного мяуканья. То ли это из-за незримых посланцев из загадочного Ленга, приносимых порывами ветра через неприступные пики, либо же из-за пришельцев из прохладной пустыни к северу, сказать нельзя, но факт остается фактом: в том далеком краю есть приметы запредельного мира, который не по нраву котам и чье присутствие они ощущают тоньше, чем люди. Вот почему они и не отправляются на темных кораблях к базальтовым пирсам Инкуанока.

Старый кошачий вожак также рассказал, где найти его друга царя Куранеса, который в последних снах Картера являлся ему владыкой, обитающим то в розовохрустальном дворце Семидесяти Радостей в Селефаисе, то в облачном многобашенном замке парящего в небе Серанниана. Похоже, ему стало неуютно в тех краях, и его обуяла сильная тоска по памятным с детства английским утесам и зеленым низинам, где под вечер в крошечных сонных деревнях из-за зарешеченных окошек звучат старинные английские песни и где серые церковные башни мило проглядывают сквозь зелень далеких долин. Он не мог вернуться туда наяву, ибо тело его мертво, но он сделал наилучший выбор, воссоздав в сновидениях небольшой кусочек этого края к востоку от города, где луга весело убегают прочь от прибрежных скал к подножию Танарианских гор. Там он и поселился в каменном готическом особняке с видом на море, убедив себя в том, что это древний Тревор-тауэрс, где он родился и где увидели свет тринадцать поколений его предков. А на берегу поблизости он выстроил корнуоллскую рыбацью деревушку с круто взбегающими в гору мощеными улицами, населил ее жителями с типично английскими чертами лица и научил их приснопамятному говору старых корнуоллских рыбаков. А в долине, что была неподалеку, он выстроил огромное

норманнское аббатство, чьи башни он мог видеть из окна, а на кладбище вокруг аббатства он установил серые гробовые плиты с выбитыми на них именами своих предков и увитые мхом, напоминающим мхи старой Англии. И хотя Куранес был царем в сновидческой стране, богатой всевозможными, какие только можно вообразить, красотами и чудесами, богатствами и великолепием, радостями и восторгами, утехами и наслаждениями, невидальщиной и диковинками, имевшимися в его распоряжении, он бы с радостью отказался от своей безмерной власти, и роскоши, и свободы за один только благословенный день жизни простым мальчишкой в доброй тихой Англии, в той древней любимой Англии, что создала его и неотъемлемой частичкой которой он навечно остался.

Так что, распрощавшись со старым кошачьим вожаком, Картер не пошел искать дворец из розового хрусталя, а двинулся из восточных ворот, через заросший маргаритками луг, к островерхому фронтону, который он заметил сквозь кроны дубов в парке у подножия прибрежных скал. И вскоре он подошел к разросшейся живой изгороди, где за калиткой стояла кирпичная сторожка, и, когда он позвонил в колокольчик, его выпустил не разодетый лакей, а сгорбленный старичок в рабочей куртке, изъяснявшийся на наречии далекого и древнего Корнуолла. И Картер последовал за ним по тенистой аллее меж деревьев, точь-в-точь похожих на английские, и поднялся на террасы среди садов, разбитых в старом добром стиле эпохи королевы Анны. А у двери, охраняемой с обеих сторон каменными котами, как то было принято в старое время, Картера встретил дворецкий с пышными бакенбардами и в подобающей ливрее, и вскоре он оказался в библиотеке, где Куранес, повелитель Оот-Наргая и Неба вокруг Серанниана, сидел задумчиво в кресле у окна, взирал на свою приморскую деревушку и мечтал о том, чтобы сейчас в комнату вошла его старая няня и упрекнула, что он еще не одет и не готов отправиться на скучнейший пикник к вика-

рию, потому что карета уже подана и у мамы лопнуло терпение...

Куранес, в халате, скроенном на манер тех, какие в дни его юности шили лондонские портные, стремительно поднялся, чтобы поприветствовать гостя, ибо вид англосакса из бодрствующего мира был ему в радость, даже при том, что этот англосакс был родом из Бостона, штат Массачусетс, а вовсе не из Корнуолла. И долго они беседовали о стародавних деньках, и у них было много что сказать друг другу, так как оба были опытными сновидцами и обладали глубокими познаниями о чудесах самых заповедных уголков. Куранес и впрямь побывал в зазвездных пределах абсолютной пустоты, и, как говорят, ему единственному удалось вернуться из этого путешествия, сохранив ясный рассудок.

Наконец Картер перешел к предмету своего поиска и задал хозяину те же вопросы, которые задавал уже многим. Куранес не знал ни где находится Кадат, ни где чудесный закатный город, но он зато знал, что Великие представляли чрезвычайную опасность для всякого, кто пытался их отыскать, и что Иные боги почему-то оберегали их от назойливого людского любопытства. Он многое узнал об Иных богах в далеких пределах космоса, особенно в тех безднах, где формы не существует и разноцветные клубящиеся газы хранят последние тайны мироздания. Фиолетовый газ С'нгак поведал ему ужасные вещи о ползучем хаосе Ньярлатхотеппе и наказал ему никогда не приближаться к центральной бездне, где султан демонов Азатот жадно жует во тьме. Вообще же очень неразумно прекословить Старцам, и, коли уж они так настойчиво преграждают ему путь к чудесному предзакатному городу, стало быть, лучше и не искать этот город.

Куранес к тому же выразил сомнение в том, что его посетитель извлечет какую-либо пользу, придя в этот город, даже если это ему и удастся. Он и сам ведь долгие годы стремился попасть в прекрасный Селефаис и на землю Оот-Наргай и обрести свободу, полноту и высокий восторг жизни,

лишенной всех предрассудков, препоны и глупости. Но теперь, когда он обрел и этот город, и эту землю и стал их повелителем, он осознал, что и свобода и полнота жизни слишком быстро увядают и наскучивают из-за отсутствия в его ощущениях и воспоминаниях чего-то более осязаемого. Он был царем Оот-Наргая, но не нашел в том никакого глубокого смысла и постоянно испытывал тоску по милым сердцу приметам Англии, которые так много значили для него в юности. Он отдал бы все свои владения за один только звон корнуоллского церковного колокола, несущийся над долинами, и все тысячи минаретов Селефаиса — за родные островерхие крыши деревенских домов вблизи его родового поместья. И он сказал своему гостю, что неведомый предзакатный город, возможно, не подарит ему взыскуемого удовлетворения и что, вероятно, лучше будет, если он останется величественным и полузабытым сном. Ибо Куранес часто навещал Картера в старой жизни наяву и неплохо помнил милые массачусетские холмы, среди которых прошло его детство.

Он не сомневался, что искатель возжаждет увидеть лишь самые ранние непозабываемые сцены: озаренный вечерним сиянием Бикон-Хилл, высокие шпили и извилистые улочки дивного Кингспорта, древние двускатные крыши седого Аркхема, помнящего предания о ведьмах, и благословенные луга и долины, посреди которых высятся обрушенные каменные стены и белые фронтоны фермерских домов проглядывают сквозь буйную зелень. Вот о чем он поведал Рэндольфу Картеру, но искатель упрямо стоял на своем. В конце концов они расстались, каждый при своем убеждении, и Картер вернулся через бронзовые ворота в Селефаис и пошел по улице Столпов к старой приморской стене; там он вновь стал спрашивать моряков из дальних краев и дожидался прибытия темных кораблей из холодного и сумеречного Инкуанокка, чьи странноликие матросы и торговцы ониксом были кровными потомками Великих богов.

В один звездный вечер, когда над гаванью ярко сиял маяк, показался долгожданный корабль, и страннеликие матросы и купцы по одному и группками стали появляться в портовых тавернах у приморской стены. Удивительно было видеть вновь живые лица, столь похожие на божественный лик на Нгранеке, но Картер не спешил вступить в беседу с молчаливыми матросами. Он не знал, насколько горды и скрытны эти дети Великих и насколько внятны их тайные воспоминания, и был уверен, что было бы неразумно сразу заговорить с ними о предмете своих поисков или слишком настойчиво интересоваться холодной пустыней на севере их сумеречной страны. С посетителями древних таверн они почти не разговаривали, а сидели отдельно в темных углах и тихо напевали незнакомые мелодии своей неведомой родины либо же нараспев рассказывали друг другу длинные истории на языке, непонятном для обитателей сновидческого мира. И настолько дивными и щемящими были их песни и рассказы, что их чудесный смысл можно было угадать по выражениям лиц слушателей, хотя слова для обычного уха звучали не более чем диковинной каденцией и невнятной мелодией.

Целую неделю таинственные моряки просиживали в тавернах и торговали на базарах Селефаиса, и, прежде чем они отправились в обратный путь, Картеру удалось выговорить себе место на черном корабле, под тем предлогом, что он, мол, старый добытчик оникса и хочет поработать в их каменоломнях. Это был очень красивый корабль, искусно построенный из тикового дерева, с эбеновыми скрепами и золотой отделкой, а каюта, где разместился путешественник, была убрана шелками и бархатом. Однажды утром в час отлива подняли паруса, и Картер, стоя на высокой корме, видел, как купающиеся в солнечном свете городские стены и бронзовые статуи и золотые минареты вечно юного Селефаиса тонут во мраке, а снежные пики горы Аран становятся все меньше и меньше. К полудню за горизонтом растаяла послед-

няя полоска суши и осталось лишь Серенарианское море да одна яркоцветная галера вдалеке, устремленная к тому пределу Серенарианского моря, где вода встречается с небом.

Ночью на небе высыпали дивные звезды, и черный корабль держал курс по Большой и Малой Медведице, медленно вращавшимся вокруг полюса. Моряки затянули диковинные песни из неведомых стран и один за другим стали исчезать в кубрике, а задумчивые вахтенные мурлыкали старые гимны и свешивались за борт поглядеть на блестящих рыбок, резвящихся в морской пучине. Картер ушел спать в полночь и проснулся с первым лучом нового утра, отметив, что солнце склонилось дальше к югу, чем следовало бы. В продолжение всего дня он знакомился с командой, мало-помалу вызывая матросов на беседу об их холодной сумеречной стране, об их изумительном ониксовом городе и о страхе, внушаемом им высокими и неприступными горными пиками, за которыми, как говорят, находится Ленг. Они поведали ему о своей печали оттого, что в их стране Инкуанок не нет ни единого кота, и предположили, что, по-видимому, тайная близость Ленга отпугивает этих животных. И лишь о каменистой пустыне на севере они упорно не желали говорить. Эта пустыня вызывала у них какой-то панический ужас, и они предпочитали думать, что ее вовсе не существует.

В последующие дни речь шла о каменоломнях, где, по словам Картера, он намеревался работать. Каменоломен там было великое множество, ибо весь город Инкуанок выстроен из оникса, и огромные отполированные ониксовые блоки продают на базарах в Ринаре, Огратане и Селефаисе и в самом Инкуанок купцам из Трана, Иларнека и Кадатерона в обмен на чудесные товары из этих знаменитых портов. А дальше к северу, почти на краю холодной пустыни, в чье существование моряки Инкуанок отказывались поверить, находится заброшенная каменоломня, больше, чем все прочие, где в незапамятные времена добывались такие исполинские глыбы и блоки, что самый вид их вызывал ужас у всех,

кто смотрел на них. Но кто вырубал эти чудовищные блоки и куда их потом перевозили — неизвестно, однако местные жители не рисковали посещать эту каменоломню, овеянную страшными воспоминаниями. Так что она оставалась безлюдной, и в сумерки лишь вороны и сказочная птица шантак летали над ее беспредельным простором. Услышав об этой колоссальной каменоломне, Картер погрузился в раздумья, ибо ведь старые предания гласили, что замок Великих на вершине неведомого Кадата как раз и сложен из чистого оникса.

С каждым днем солнце висело все ниже и ниже над горизонтом, а туманы в выси клубились все гуще и гуще. А через две недели солнце и вовсе перестало сиять на небосводе, и в дневные часы огромный купол вечного тумана прорезало лишь зловещее сумеречное сияние, а ночью из-под нижней кромки клубящегося тумана струилось холодное беззвездное фосфоресцирование. На двадцатый день посреди моря вдали показалась гигантская зубчатая скала — первый клочок суши с тех пор, как за кормой исчез заснеженный пик Арана. Картер поинтересовался у капитана о названии скалистого острова, но в ответ услышал, что имени у него нет и что ни один корабль не подплывает к нему, потому что ночью из скалы несутся какие-то непонятные звуки. И потом, когда в стусившейся ночи из недр гранитной глыбы донесся низкий нескончаемый вой, путешественник порадовался, что они не пристали к этому мрачному исполину и что скала была безымянной. Команда же молилась и без усталости распевала священные гимны до тех пор, пока жуткий вой не растаял вдали за кормой, а Картеру под утро пригрезились жуткие сны.

Два утра спустя далеко впереди на востоке показалась вереница гигантских серых пиков, чьи вершины были скрыты застывшей грядой туч сумеречного мира. И при виде них моряки затянули радостные песни, а кое-кто пал ниц и стал молиться. Картер понял, что они приближаются к Инкуа-

ноку и очень скоро бросят якорь у базальтового причала великого города, носящего имя этой земли. К полудню на горизонте затемнела береговая линия, и к трем часам пополудни в северной части горизонта уже высились исполинские купола храмов и фантастические башни ониксового города. Удивительное зрелище являл этот город, высящийся над своими стенами и причалами, весь из черного камня, с фантастическими узорами и резными окладами из золота. Дома были высокие и со множеством окон, и каждый фасад изукрашен диковинными цветами и орнаментами, чьи темные симметричные линии завораживали взор красотой куда более слепящей, чем дневной свет. Иные дома были увенчаны крутобокими куполами, заострявшимися наверху конусом, иные представляли собой уступчатые пирамиды, где теснились минареты самых причудливых и невообразимых очертаний и форм. Городские стены были низкие, со множеством ворот под громадными арками, высоко вознесшимися над улицами и увенчанными изображениями бога, которые были высечены с тем самым мастерством, что воплотилось в резном лике Неведомого бога на склоне далекого Нгранека. На вершине горы в центре высилась шестнадцатигранная башня с высокой островерхой колокольней, и казалась эта башня несравненно больше всех соседних построек. То, по словам матросов, был храм Старцев, настоятелем коего был древний верховный жрец, посвященный во многие печальные тайны.

С регулярными интервалами над ониксовым городом плыл рокот странного колокола, на который отзывался громогласный хор мистических мелодий, издаваемых рожками, виолами и певчими. И время от времени расставленные на парапете вокруг высокого купола храма треножники взрывались огненными языками, ибо жрецы и обитатели этого города были посвящены в древнейшие таинства и верно хранили ритмы Великих богов, записанные в свитках, что были древнее Пнакотикских рукописей. Когда корабль, мино-

вав гигантский базальтовый волнорез, вошел в гавань, до палубы донесся ровный городской гул, и Картер увидел около доков толпы рабов, матросов и купцов. Матросы и купцы принадлежали к страннoliкой расе богов, а вот рабы, коренастые, с раскосыми глазами, были те самые люди, которые, по слухам, пришли сюда из долины за Ленгом, каким-то образом умудрившись преодолеть или обойти стороной неприступные пики. Перед городской стеной тянулись широкие причалы, и на них были свалены всевозможные товары, стружаемые с пришвартованных галер, причем в самом конце набережной высились штабеля ониксовых глыб, как обработанных, так и необработанных, которые дожидались отправки на далекие рынки в Ринар, Огратан и Селефаис.

Еще засветло черный корабль встал на якорь близ длинного каменного пирса, и все матросы и купцы высыпали на берег и сквозь арочные ворота потекли в город. Городские улицы были вымощены ониксом, и иные из них были широкие и прямые, а другие извилистые и узкие. Дома у берега были ниже прочих, и над их арочными дверями были укреплены диковинные золотые талисманы в честь божков — хранителей домашнего очага. Капитан отвел Картера в старинную портовую таверну, которую облюбовали моряки с разных континентов, и пообещал на следующий день показать ему все чудеса сумеречного города и проводить в таверны у северной стены, где собираются ониксотесы. С наступлением вечера в таверне зажгли маленькие бронзовые светильники, и моряки затянули песни о далеких землях. Но когда большой колокол на самой высокой башне громкогласно вознес над городом свой гулкий зов и в ответ ему грянул хор рожков, виол и певчих, выводящих загадочную мелодию, песни и байки в таверне смолкли и люди, склонив головы, оставались безмолвны до тех пор, пока в воздухе не растворилось последнее эхо. Ибо в сумеречном городе Инкуанокe все испытывают некий чудесный трепет и боят-

ся нарушить местные суровые ритуалы, дабы не стать внезапной жертвой рока и мести.

В самом темном углу таверны Картер заметил приземистого человека, и тот сразу пришелся ему не по душе. Картер признал в нем старого узкоглазого купца, которого он когда-то давно видел в тавернах Дайлат-Лина и который, если верить слухам, торговал с обитателями жутких каменных деревень Ленга, куда здравомыслящие люди не отваживаются заходить и чьи зловещие огни далеко видны ночью; еще поговаривали, что этот купец даже имел какие-то тайные сношения с обитающим в доисторическом каменном монастыре верховным жрецом в желтой шелковой маске на лице, чей облик не поддается описанию. Когда в Дайлат-Лине Картер расспрашивал тамошних торговцев о холодной пустыне и о Кадате, в глазах этого мерзкого купца как будто бы вспыхнул недобрый огонек, и теперь новая встреча с ним в темном и мрачном Инкуаноке, что находится совсем близко от северных чудес, показалась Картеру дурным знаком. Но прежде чем Картер успел с ним заговорить, купец незаметно выскользнул из таверны, а моряки потом сказали, что он пришел в город с караваном яков откуда-то издалека, а откуда именно, неизвестно, и принес с собой гигантские и необычайно вкусные яйца сказочной птицы шантак, дабы выменять их на изумительные резные яшмовые кубки из Иларнека.

На следующее утро капитан повел Картера по мрачным ониксовым улочкам Инкуанока под сумеречным небом. Изукрашенные золотыми узорами двери и покрытые барельефами фасады домов, резные балконы и хрустальные окна эркеров — все сверкало хмурой и безукоризненной красотой, и то и дело им на пути попадались небольшие площади с черными колоннадами и изваяниями диковинных тварей, имевших человеческий или фантастический облик. Виды, открывавшиеся в конце длинных прямых улиц и переулков или за куполами, шпилями и причудливыми крышами,

казались несказанно зловещими и прекрасными, но ничто не могло сравниться по красоте с исполинским городским храмом Старцев с его шестнадцатью резными стенами-гранями, приземистым куполом и высокой колокольной со шпилем, что была выше и величественнее всех прочих зданий по соседству. А на востоке, далеко за городскими стенами и за пастбищными лугами, высились серые громады бесконечных и неприступных горных пиков, за которыми, по преданиям, находился загадочный Ленг.

Капитан повел Картера к могучему храму, который располагался посреди обнесенного стеной сада на огромной круглой площади, от которой лучами, точно спицы колеса, расходились улицы. Семь арочных ворот сада, украшенные теми же резными ликами, что прибиты на городских воротах, всегда растворены, и люди с благоговением гуляют по мощеным тропинкам и аллеям, окаймленным причудливыми изваяниями и святилищами местных богов. В многочисленных здешних фонтанах и прудах отражается мерцающее пламя треножников на высоком балконе, все водоемы сложены из оникса, и в них плещутся крошечные блестящие рыбки, которых ныряльщики ловят в океанском глубоководье и потом приносят сюда. Когда глубокий рокот главного храмового колокола плывет над садом и ему отвечает стройный хор рожков, виол и певчих, доносящийся из сторожек у семи садовых ворот, из семи дверей храма выходят семь длинных процессий жрецов в масках и клобуках, в черном одеянии; в вытянутых руках все они несут золотые чаши, над которыми клубится странный дым. И эти семь процессий слаженно маршируют довольно необычным шагом, выбрасывая далеко вперед негнувшиеся ноги, и уходят по аллеям, ведущим к семи сторожкам, в которых они скрываются, чтобы больше уже не появиться. Говорят, что сторожки соединяются с храмом подземными ходами и длинные процессии жрецов возвращаются по ним в храм, а еще говорят, что бесчисленные ониксовые ступени подземелья ведут к запо-

ведным тайнам, которым не суждено быть разгаданными. Лишь немногие намекают на то, что жрецы в масках и в клобуках вовсе даже и не человеческие существа.

Картер не вошел в храм, ибо никому, кроме царя в маске, это не позволено. Но прежде чем он покинул сад, настал час бить храмовому колоколу, и прямо над головой гостя раздался оглушительный удар колокола, а за ним последовало завывание рожков, виол и голосов из семи сторожек близ садовых ворот. И вот на семь аллей выступили длинные процессии жрецов с чашами в руках, и величава была их поступь, и в душе путешественника зародился страх, какой нечасто могут вызвать жрецы-люди. Когда же последний из них скрылся из вида, Картер покинул сад, заметив перед самым уходом пятно в том месте на мостовой, где только что пронесли чаши. Даже капитану не понравилось это пятно, и он увлек гостя поскорее к холму, где стоит чудесный многокупольный дворец царя в маске.

Ко дворцу вели узкие крутые тропинки, но лишь по одной из них, широкой и кривой, выезжает царь со своей свитой на яках или на повозках, запряженных яками. Картер и его проводник взошли по ступенчатой аллее, которая тянулась между высоких стен, украшенных таинственными золотыми знаками, под балконами и эркерами, откуда порой доносились нежные аккорды или дуновения экзотических ароматов. А прямо перед ними высились исполинские стены с могучими опорами, теснились луковичные купола, которыми так славится дворец царя в маске, и вот наконец они прошли под огромной черной аркой и вступили в сад монарших удовольствий. Тут Картер невольно остановился, едва не лишившись чувств от невиданной красоты, ибо ониксовые террасы и колоннады, веселые кадки с цветами и хрупкие цветущие деревца вдоль золотых изгородей, медные вазы и треножники с изумительными барельефами, казавшиеся почти живыми статуи из черного с прожилками мрамора, фонтаны с выложенным базальтовыми плитами дном, где

плавали блестящие рыбки, крошечные храмы для радужных певчих птиц на верхушках резных колонн, филигранная резьба величественных бронзовых ворот, и цветущие лозы, облепившие каждый дюйм отполированных стен, — все сплелось в дивное зрелище, чье великолепие казалось невероятным, а то и попросту невозможным даже в мире сновидений. Под серым сумеречным небом все это казалось искрящимся и переливающимся миражом, и великолепный купол узорчатого дворца впереди, и фантастические очертания неприступных горных пиков вдали справа. Немолчно пели птишки и фонтаны, и аромат редчайших цветов овеял незримым покровом удивительный сад. Кроме них, тут не было ни единой живой души, и Картер тому был несказанно рад. Потом они свернули и стали спускаться по ониксовым ступеням вниз, ибо никто не только не смеет входить во дворец, но даже не может смотреть долго на колоссальный центральный купол, ибо, говорят, там скрывается праотец всех сказочных птиц шантак и насылает на любопытных мучительные сны.

Потом капитан повел Картера в северные кварталы города, к воротам Караванов, где располагаются таверны торговцев яками и добытчиков оникса. И там в излюбленной таверне каменотесов они распрощались, ибо капитана ждали неотложные дела, а Картер сгорал от нетерпения порасспросить каменотесов о таинственной северной стране. В харчевне с низким потолком яблоку негде было упасть, и путешественник скоро разговорился кое с кем, выдав себя за опытного добытчика оникса, которого, мол, интересуют ониксовые карьеры Инкуанока. Однако все, что он услышал, уже было известно ему, ибо каменотесы робели, едва речь заходила о холодной пустыне на севере и о каменоломне, которую люди стараются обходить далеко стороной. Они боялись таинственных посланцев из-за гор, где находится Ленг, и злых сил и безымянных часовых, затаившихся далеко на севере среди скал. И еще они шепотом говорили, что сказочные птицы шантак вовсе не живые существа, и очень хоро-

шо, что пока ни одному человеку не удалось их увидеть (ибо, как гласит легенда, праотец шантакров, обитающий в куполе царского храма, по ночам выходит на охоту).

На следующий день, изъявив желание самолично осмотреть все знаменитые каменоломни и посетить разбросанные по округе фермы и загадочные ониксовые деревушки Инкуанок, Картер позаимствовал в городе яка и наполнил объемистые кожаные мешки всем необходимым для долгого путешествия. За воротами Караванов дорога бежала между распаханых полей, и повсюду виднелись старенькие фермерские домишки, увенчанные низкими куполами. Путешественник останавливался у этих домов и задавал вопросы, и однажды ему попался довольно суровый и неразговорчивый человек, чья величественно-надменная внешность выдавала явное сходство с гигантским ликом на Нгранеке, и Картер не сомневался, что наконец-то столкнулся с одним из Великих или, по крайней мере, с тем, в чьих жилах на девять десятых течет их кровь и кто поселился среди простых смертных. И с этим неразговорчивым суровым домохозяином Картер постарался вести весьма дружелюбные речи о богах и благодарил их за неоднократно оказанные ему знаки благорасположения.

В ту ночь Картер устроился на ночлег в придорожном лугу под гигантским деревом лигат, к которому он привязал своего яка, и утром продолжил путешествие на север. Около десяти часов он вошел в деревушку Ург, где обычно останавливаются на отдых торговцы и каменотесы травят им свои байки, и до полудня бродил по тамошним тавернам. Именно возле той деревушки все караваны поворачивают на запад, к Селарну, но Картер держал путь на север по пыльной тропе к каменоломням. Весь день он двигался по уходящей в гору дороге, которая оказалась уже главного тракта; сменился и пейзаж: вдоль дороги тянулись не вспаханные поля, а голые скалы. К вечеру низкие холмы слева превратились в гигантские черные утесы, и он понял, что до каме-

ноломен теперь рукой подать. И все время исполинские мрачные склоны неприступных гор громоздились впереди справа, и чем дальше он продвигался, тем мрачнее становились предания об этих горах, рассказываемые местными крестьянами, и торговцами, и возчиками громыхающих повозок, груженных ониксом.

Во вторую ночь Картер расположился на ночлег в тени огромного черного утеса, привязав своего яка к врытому в землю столбу. Он глядел на фосфоресцирующие облака в северном небе, и ему несколько раз показалось, что он видит на их фоне гигантские черные силуэты. А на третье утро он вышел к первому на его пути ониковому карьеру и поприветствовал трудившихся там каменотесов. До вечера Картер миновал одиннадцать каменоломен, а весь здешний ландшафт представлял собой нагромождение ониковых скал и валунов, без единой зеленой травинки или кустика, и черная земля вокруг была усеяна обломками скал, а справа серели грозные неприступные пики. Третью ночь он провел в лагере каменотесов, чьи мерцающие костры отбрасывали зыбкие тени на отполированные утесы в западной стороне. Люди пели песни и поведали ему немало преданий, выказав при этом глубокие познания о стародавних временах и о повадках богов, и Картер понял, что у них в душе хранится потаенная память об их пращурах — Великих богах. Они спрашивали, куда он держит путь, и советовали не уходить слишком далеко на север, но он отвечал, что ищет новые скопления ониковых скал и не собирается рисковать более, чем это принято у старателей. Утром он с ними распрощался и отправился дальше на темнеющий север, где, как его предупредили, ему должна встретиться страшная безлюдная каменоломня, в которой неведомые каменотесы, что старше рода человеческого, вырубили исполинские глыбы. И ему стало не по себе, когда, обернувшись, чтобы в последний раз махнуть им рукой на прощание, он заметил, как к лагерью каменотесов подходит тот самый коренастый хитрюга

купец с раскосыми глазами, о чьих тайных торговых сделках с Ленгом тревожно шептались по углам в далеком Дайлат-Лине.

Оставив позади еще два карьера, он, похоже, покинул населенные уголки Инкуанока, и дорога сузилась в крутую горную тропку, выющуюся среди черных скал. Справа по-прежнему маячили далекие суровые пики, и по мере того, как Картер взбирался все выше и выше в нехоженный горный край, становилось все холоднее и мрачнее. Вскоре он заметил, что на черной тропе уже нет ни человеческих следов, ни отпечатков копыт, и понял, что оказался в неведомом и безлюдном краю. Время от времени вдали зловеще каркал ворон, а из-за скал то и дело раздавалось гулкое хлопанье крыльев, и путника невольно посещали тревожные мысли о сказочной птице шантак. Но тем не менее он был тут наедине со своим косматым зверем, и его встревожило, что выносливый як с большой неохотой переступает мощными ногами по тропе и все чаще испуганно храпит в ответ на малейший шорох в придорожных скалах.

Тропу стиснули с обеих сторон черные блестящие скалы, и она стала куда круче, чем прежде. Двигаться стало труднее, и як теперь часто поскальзывался на мелких камнях, густо усеявших тропу. Часа через два Картер увидел перед собой резко очерченный хребет, над которым нависло пустое серое небо, и возблагодарил богов за обещание ровной, а быть может, и бегущей под уклон дороги. Однако добраться до вершины хребта оказалось задачей нелегкой, ибо теперь тропа шла чуть ли не отвесно, и черные камешки и обломки скал стали почти непреодолимым препятствием для его животного. Наконец Картер спешился и повел испуганного яка под уздцы, сильно натягивая повод, когда животное поскальзывалось или спотыкалось, и сам старался ступать как можно более осторожно. Неожиданно он вышел на гребень хребта, огляделся — и от представшего его глазам зрелища у него перехватило дыхание.

Тропа, как и прежде, бежала прямо и даже чуть под уклон, меж все тех же естественных стен, но с левой руки разверзлась чудовищная бездна, ускользящая за линию горизонта, где некая древняя сила вырубилa в нагромождении первозданных ониксовых скал нечто вроде гигантской каменоломни. Этот циклопический овраг далеко впереди переходил в обрыв, и глубоко внизу, едва ли не вровень с потаенными недрами земли, зияли его самые нижние пределы. То была каменоломня, где трудились явно не люди, и в ее вогнутых стенах были вырезаны огромные, в ярд шириной, квадраты, свидетельствовавшие о размерах глыб, некогда вырубленных здесь безвестными резчиками. А высоко над иззубренным краем хребта каркали и хлопали крыльями гигантские вороны, а неясное жужжание в незримых глубинах говорило о присутствии там воинства летучих мышей или ведьм, а то и вовсе безымянных тварей, населяющих черную бездонную тьму. Картер стоял в сумерках на узкой горной тропе, глядя на убегающую вниз тропу и на высящиеся справа до самого горизонта ониксовые скалы и высокие утесы слева, в которых была вырезана эта страшная немыслимая каменоломня.

И вдруг як, издав протяжный крик, вырвался, отпрыгнул в сторону и в ужасе помчался вниз по узкой тропе в северную сторону, пока не скрылся из виду. Выбитые его торопками копытами камешки брызнули через край каменоломни и полетели вниз, во тьму, и Картер даже не услышал стука от их падения на дно. Но путник забыл об опасностях, таившихся по сторонам этой зыбкой тропы, и устремился вдогонку за своим сбежавшим зверем. А вскоре с левой стороны опять возвысились черные скалы и вновь тропа превратилась в узкий проход в горах, а Картер спешил за яком, и огромные отпечатки копыт вели его маршрутом обезумевшего беглеца.

Как-то ему почудилось, что он услышал впереди топот перепуганного зверя, и Картер поспешил за ним с удвоенной скоростью. Он покрывал милю за милей, и постепенно до-

рога становилась все шире, пока он не понял, что очень скоро попадет в холодную и страшную северную пустыню. Мрачные серые глыбы далеких неприступных пиков вновь завиднелись на горизонте справа, а впереди замаячили скалы и валуны на широком плато, за которым, без сомнения, начиналась темная безграничная равнина. И вновь в его ушах гулко зазвучал топот копыт, даже яснее, чем прежде, но на сей раз он не воодушевился, а исполнился ужасом, ибо понял, что это вовсе не копыта сбежавшего яка. Нарастающий неумолимый топот доносился из-за спины...

И теперь погоня за яком обернулась бегством от незримой твари, ибо хотя Картер и не смел оглянуться, он инстинктивно чувствовал, что его преследует нечто невыразимое и неосязаемое. Его як, должно быть, первым почуял ее или услышал этот топот, и Картер не решался даже помыслить, откуда настигал его преследователь — от последнего ли лагеря каменотесов или же из черной исполинской каменоломни. Тем временем скалы остались позади и ночь сгустилась над испещренной призрачными утесами бескрайней песчаной пустыней, в которой терялись все дороги. Он уже не видел отпечатков копыт яка, но за его спиной звучал неумолчный кошмарный топот, то и дело заглушаемый, как ему казалось, гулким хлопаньем исполинских крыльев и жужжанием. К своему ужасу он понял, что безнадежно заблудился в этой грозной пустыне слепых скал и нехожих песков. Лишь далекие неприступные пики справа служили ему неким ориентиром, но и они стали неясными в сгустившихся серых сумерках, и вместо них на горизонте замерцали слабо подсвеченные облака.

И затем в туманной дымке в северной части горизонта прямо перед собой он заметил нечто ужасное. В первый миг ему показалось, что это гряда черных гор, но потом он взгляделся и понял, что это кое-что иное. Фосфоресцирующие облака довольно четко освещали его очертания и даже позволяли рассмотреть отдельные его части на фоне клубящегося

позади дыма. Насколько далеко это было, Картер не мог сказать, но, видимо, очень далеко. Оно было в тысячу футов высотой и вздымалось огромной вогнутой аркой от серых неприступных пиков к невообразимым безднам на западе, и в какое-то мгновение стало походить на могучий ониксовый хребет. Но потом ониксовые горы вдруг растаяли под чьей-то исполинской рукой, явно не человеческой. Эти громады безмолвно присели на вершине мира, точно волки или упыри, увенчанные облаками и туманами, став вечными сторожами тайн севера. Они сидели полукругом, эти собакоподобные горы, превратившиеся в чудовищные изваяния дозорных и угрожающе подъявшие десницы над всем человечеством.

И в мерцающем свечении набрякших облаков их каменные двойные головы будто чуть покачивались, но как только Картер двинулся вперед, он увидел, что от их мрачных вершин отделились какие-то гигантские существа, чьи движения явно не были галлюцинацией. Крылатые жужжащие твари с каждым мгновением становились все больше и больше, и путешественник понял, что его блуждания приблизились к концу. То были не птицы и не летучие мыши, известные в земном мире либо в мире снов, ибо они были крупнее слонов и их головы походили на лошадиные. И Картер понял, что это и есть печально знаменитые птицы шантак, и теперь уже перестал удивляться тому, что адские сторожа и безымянные часовые заставляли людей сторониться северной скалистой пустыни. И когда он, покорившись судьбе, остановился и наконец-то решился бросить взгляд через плечо, то увидел, что его преследует коренастый косоглазый купец, о ком ходили дурные слухи, — он, усмехаясь, сидел верхом на исхудалом яке, возглавляя жуткую стаю хохочущих птиц шантак, чьи крыла все еще дышали холодом и сернистыми испарениями нижних пределов мира.

Но, попавшись в ловушку к сказочным лошадиноголовым крылатым тварям, что кружили над ним богомерзкими

насмешниками, Рэндольф Картер не потерял присутствия духа. Жуткие горгульи висели прямо над ним, а косоглазый купец сыркнул с худосочного яка и стоял, усмехаясь прямо в лицо пленнику. Потом он знаком приказал человеку сесть на одну из омерзительных птиц и даже помог Картеру, которого обуревало сомнение, подчиниться или воспротивиться. Ему с трудом удалось оседлать крылатое чудовище, ибо птицы шантак вместо оперенья имеют скользкую чешую. Как только он взгромоздился птице на спину, косоглазый сел позади него, оставив своего худосочного яка на попечение одной из колоссальных птиц, которая тотчас же увела его на север, к кольцу горных хребтов.

И начался жуткий полет в застывшем холодном пространстве, бесконечный полет вверх к восточному горизонту, к серому мрачному нагромождению неприступных пиков, за которыми, по преданию, находится таинственный Ленг. Они взлетели выше облаков, пока наконец под ними не открылись фантастические пики, которых обитатели Инкуанока никогда не видели и которые вечно скрыты в клубящемся вихре сияющего тумана. Когда они пролетали над ними, Картер разглядел их очень хорошо и увидел у самых вершин странные пещеры, напомнившие ему те, что он видел на Нгра-неке, но он не стал ни о чем спрашивать своего тюремщика, заметив, что и старик, и лошадиноголовая птица шантак почему-то взирали на них со страхом и находились в сильном волнении до тех пор, пока эти горные пики не остались далеко позади.

Птица шантак спустилась ниже, и под грядой облаков показалась серая бесплодная пустыня, на которой вдалеке виднелись тусклые костры. Они спустились еще ниже, и взору Картера предстали разбросанные там и сям одинокие каменные хижины и унылые каменные деревни, в окошках которых мерцал бледный свет. И из этих хижин и деревень доносилось пронзительное пение рожков и тошнотворный грохот барабанов, и Картер сразу понял, что обитатели Ин-

куанока говорили правду об этих местах. Ибо путешественники слышали подобные звуки и раньше и знали, что они доносятся из этой холодной пустыни, куда не ступала нога человека, ибо это и было мрачное обиталище жутких тайн, имя которому Ленг.

Вокруг тусклых костров плясали какие-то темные фигуры, и Картер стал гадать, что же это за существа, ибо ни одна живая душа никогда не бывала в Ленге, и это место знаменито лишь виднеющимися издалека кострами и каменными деревнями. Плясуны неуклюже и медленно подпрыгивали, неистово и непристойно извиваясь и изгибаясь, так что Картер понял, почему смутная молва причисляет их к дьявольским порождениям и почему во всем сновидческом мире их жуткое ледяное плато вызывает такой страх. Когда птица шантак снизилась, в отвратительных фигурах плясунов внезапно прояснились знакомые черты, и узник напряг зрение, дабы разглядеть их получше, и напряг память, чтобы отыскать в ее глубинах какие-нибудь намеки на то, где бы он мог видеть эти жуткие создания.

Они прыгали так, словно вместо ступней у них были копыта, а на головах у них вроде бы были нахлобучены парики и шапочки с рожками. Другой же одежды на них не было, но многие из них заросли косматой шерстью. Сзади у них болтались крошечные хвостики, а когда они глядели вверх, Картер заметил, какие у них непомерно широкие пасти. И тогда он понял, кто это и что на головах у них вовсе не парики и не шапочки. Ибо загадочные обитатели Ленга были соплеменниками зловещих купцов с черных галер, привозивших в Дайлат-Лин рубины, — тех полулюдей-купцов, которые служат рабами у лунных тварей. Это и впрямь были те самые темнолицые люди, которые когда-то подпоили и хитростью завлекли Картера на жуткую галеру и чьих сородичей на его глазах выстроили на грязных причалах в проклятом лунном городе и худых отправляли на самые тяжелые работы, а упитанных увозили в клетях, чтобы удов-

летворить прочие нужды их жабообразных хозяев. Теперь Картер понял, откуда эти диковинные существа, и содрогнулся при мысли, что и Ленг известен тем бесформенным исчадиям Луны.

Птица шантак пролетела над кострами, и над каменными домами, и над нечеловеческого вида плясунами и взмыла над голыми пиками серого гранита и над мрачными пустынями скал, льдов и снегов. Настал день, и тусклое сияние низких облаков сменилось туманными сумерками северного края, а дьявольская птица упорно мчала его сквозь холод и безмолвие. Временами косоглазый купец заговаривал со своим крылатым носильщиком на жутком гортанном языке, и шантак отвечала ему клекотом, напоминавшим скрежет истолченного стекла. Пока они летели, равнинный ландшафт внизу сменился горами, и наконец они оказались над продуваемым всеми ветрами плоскогорьем, казавшимся крышей опустошенного, необитаемого мира. Здесь, в сумеречной холодной тишине, вздымались призрачные глыбы беззаконных домов, окруженных каменными монолитами. В этих постройках не было ни намека на присутствие человека, и Картер, вспомнив старые предания, понял, что это самое страшное и самое непостижимое место на свете — уединенный доисторический монастырь, где живет в одиночестве неопикуемый верховный жрец с желтой шелковой маской на лице, молящийся Великим богам и их ползучему хаосу Ньярлатхотепу.

Мерзкая птица опустилась на землю, косоглазый спутник Картера спрыгнул и помог узнику спешиться. Картер теперь вполне догадывался относительно цели своего пленения, ибо этот косоглазый купец был посланцем темных сил, жаждущим предъявить своему повелителю смертного, который вознамерился отыскать неведомый Кадат и вознести молитву перед лицом Великих богов в их ониксовом замке. И вполне возможно, что именно этот косоглазый купец стал зачинщиком его давешнего пленения рабами лунных тварей в Дайлат-Лине и что теперь-то он готов сделать

то, на что не осмелились спасительные коты, а именно отвести свою жертву на встречу с чудовищным Ньярлатхотепом и рассказать, с каким упорством этот смертный ведет поиски неведомого Кадата. От Ленга и холодной пустыни к северу от Инкуанока, должно быть, совсем недалеко обитель Иных богов, и там все пути к Кадату тщательно охраняются.

Косоглазый был шупл, но гигантская лошадиноголовая птица следила, чтобы пленник подчинялся ему беспрекословно. Так что Картер послушно двинулся за ним и оказался внутри кольца высоких скал и потом прошел сквозь арочный проем в безоконный каменный монастырь. Внутри было темно, но мерзкий купец зажег небольшую глиняную лампу с отвратительными барельефами на стенках и повел пленника по извилистым узким коридорам. Стены коридоров были разрисованы страшными древними картинами, написанными в стиле, неизвестном земным археологам. После бесчисленных веков их краски ничуть не потускнели, ибо в холодном сухом воздухе страшного Ленга первобытные создания отлично сохраняются. Картер краем глаза глядел на них при тусклом свете лампы и содрогался, вникая в содержание их немой повести.

В этих древних фресках запечатлелась летопись Ленга, и рогатые, и копытные, и ширококоротые полулюди кружились в адской пляске посреди позабытых городов. Тут были сцены из старых войн, в которых полулюди Ленга сражались с жирными алыми пауками из соседних долин, были тут сцены прибытия черных галер с Луны, и сцены порабощения обитателей Ленга жабообразными тварями, которые выпрыгивали из прибывших галер. Этим скользким серо-белым исчадиям лентцы поклонялись как богам и никогда не противились тому, что их лучших и самых здоровых мужчин увозили в черных трюмах черных кораблей. Чудовищные лунные твари разбили лагерь на скалистом острове в море, и на одной из фресок Картер заметил изображение

того самого безымянного острова, который встретился ему в море на пути в Инкуанок, той самой серой проклятой скалы, которую инкуанокские моряки старались обходить стороной и откуда всю ночь неслись жуткие завывания.

И еще на этих фресках был изображен большой морской порт, столица этих полулюдей, гордо вознесшая свои колонны среди утесов и базальтовых причалов и красующаяся высокими храминами и высеченными из камня постройками. Огромные сады и окаймленные колоннами улицы тянулись от прибрежных утесов и от шести охраняемых сфинксами городских ворот к огромной центральной площади, а на площади стояли два гигантских крылатых льва, охранявших вход на подземную лестницу. Эти крылатые львы были изображены на многих фресках, и их могучие фигуры сияли в серых сумерках дня и в облачном сиянии ночи. И, шагая мимо часто повторяющихся настенных картин, Картер наконец-то понял, что же они изображают и что это за город, который полулюди воздвигли задолго до появления черных галер. Ошибки быть не могло, ибо предания сновидческого мира щедры и обильны. Вне всякого сомнения, этот первобытный город был легендарным Саркомандом, чьи руины обветрились и выбелились за миллионы лет до появления на земле первого человека и чьи два исполинских льва-близнеца вечно стерегут лестницу, ведущую из сновидческого мира в великую бездну.

На прочих же изображениях появлялись мрачные серые хребты, отделявшие Ленг от Инкуанока, и чудовищные птицы шантак, что строили свои гнезда в высокогорных ущельях на склонах неприступных хребтов. И еще там были изображены диковинные пещеры у самых вершин, от которых с испуганными криками улетали прочь даже самые отчаянные из птиц шантак. Картер обратил внимание на эти пещеры, пролетая над ними, и мысленно отметил их сходство с пещерами Нгранека. Теперь он ясно видел, что это сходство далеко не случайно, ибо на фресках были изображены страшные

обитатели этих пещер, чьи перепончатые крылья, изогнутые рога, колючие хвосты, цепкие лапы и скользкие туловища были ему знакомы. Он уже встречался с этими безмолвными крылатыми когтистыми тварями, с этими безрассудными часовыми великой бездны, которых страшатся даже Великие боги и чьим властелином является даже не Ньярлат-хотеп, а косматый седой Ноденс. Ибо то были ужасные ночные призраки, которые не умеют ни хохотать, ни улыбаться, ибо у них нет лиц, и которые непрестанно хлопают крыльями во тьме между Пнатской долиной и переходами во внешний мир.

Косоглазый купец ввел Картера в огромную куполообразную залу, стены которой были покрыты резными барельефами пугающего содержания, а посередине зиял круглый зев, окруженный шестью безобразно запаханными каменными алтарями. Бездонный зловонный склеп не был освещен, и во тьме лишь слабо сияла тусклая крошечная лампа зловещего купца, и при ее свете мало-помалу Картер сумел различить кое-какие детали. В дальнем углу зала высилась каменная кафедра, к которой вели пять ступеней, и там на золотом троне восседала массивная фигура в желтом шелковом одеянии, испещренном красными узорами, и в желтой шелковой маске на лице. Этому существу косоглазый купец сделал рукой некие знаки, и сидящий во тьме поднял мерзкого вида резную флейту из слоновой кости, которую зажимал в лапах, облаченных в шелка, и, приложив ее к желтой маске, выдул несколько отвратительных звуков. Их беседа продолжалась некоторое время, и в звуках этой флейты, как и в витавшем в этой зале зловонии, Картер распознал что-то мучительно знакомое. Он вспомнил о пугающем городе, залитом красным светом, и о чудовищной процессии, некогда шествовавшей по его улицам, и о страшном блуждании по лунной местности, и о последовавшем затем поспешном бегстве при посредстве его друзей, земных котов. Он понял, что восседающая на кафедре тварь, вне всякого со-

мнения, и есть неопиcуемый верховный жрец, о котором идет самая невероятная и пугающая молва, но он уcтpашилcя даже предположить, кем же этот чудовищный верховный жрец может быть.

А потом разрисованный шелк чуть соскользнул с серо-белой лапы, и Картер понял, кто такой этот жуткий верховный жрец. И в ту же страшную секунду его объял несказанный страх и подвигнул к тому, что его разум никогда бы не приказал ему совершить, ибо в его потрясенном мозгу стучала лишь одна лихорадочная мысль — как можно скорее спастись от восседающего на золотом троне чудовища. Он знал, что от холодного плоскогорья снаружи его отделяют бесконечные лабиринты каменных проходов, но даже на спасительном плоскогорье его дожидается жуткая птица шантак; однако, невзирая на все эти разумные доводы, его сознание жгло одно лишь желание убраться подальше от этого скользкого, таящегося под шелковым покровом чудища.

Косоглазый поставил диковинную глиняную лампу на один из запачканных каменных алтарей у зияющего зева и чуть приблизился к кафедре, дабы продолжить разговор с верховным жрецом при помощи жестикуляции, а Картер, выказывавший до этого момента полную отрешенность и подстегнутый страхом, сильно толкнул купца вперед, так что тот сразу же провалился в зияющий колодец, достигающий, по преданиям, самых глубин подземных склепов Зина, где во тьме гуги охотятся на гостей. В ту же секунду Картер схватил лампу с алтаря и бросился прочь в лабиринты коридоров с фресками и помчался вперед, положившись на волю счастливого случая и стараясь не думать ни о тихих шлепках бесформенных лап по каменному полу, которые доносились сзади, ни о бесшумно ползущем по неосвещенным коридорам за его спиной извивающемся чудовище.

Но через несколько секунд он уже пожалел о своем необходимом бегстве и понял, что ему было бы лучше искать дорогу обратно по фрескам, которые встречались ему на пу-

ти сюда. Что верно, то верно: эти картины были настолько неуловимо похожи и так часто повторялись, что найти по ним дорогу было едва ли возможно, но он тем не менее жалел, что не попытал счастья. Те же фрески, что теперь предстали его взору, были ужаснее прежних, и ему стало ясно, что этот коридор не выведет его наружу. Вскоре беглец понял, что его никто не преследует, и несколько сбавил шаг, но не успел он с облегчением перевести дыхание, как на него обрушилась новая напасть. Огонек глиняной лампы догорал, и скоро Картер должен был оказаться в кромешной тьме, потеряв возможность что-либо видеть и ориентироваться в лабиринте.

Когда пламя погасло, он стал медленно пробираться во тьме на ощупь, моля Великих богов прийти ему на помощь. Временами каменный пол под ногами то шел под уклон, то поднимался, а однажды он споткнулся о ступеньку, непонятно зачем тут оказавшуюся. Чем дальше он шел, тем более сырым становился воздух, и когда он нащупывал перекресток коридоров или боковой проход, то неизменно выбирал наиболее пологий. Впрочем, он считал, что его путь идет вниз и характерный для подземелья смрад и наросты на слизистых стенах и полу также служили знаком, что он спускается все ниже и ниже в глубину ленгского адского плоскогорья. Но его встреча с неведомым произошла без всякого упреждающего знамения — его ожидал лишь шок от этой встречи, ужас и хаос... Он медленно шагал по скользкому полу почти ровного зала и в следующий момент с головокружительной быстротой низвергся во тьму, провалившись в нору, почти отвесно уходящую вниз.

Он так и не понял, как долго длилось его падение, но казалось, оно продолжалось несколько часов, в течение которых он ощущал жуткую тошноту и экстатический ужас. Потом он осознал, что неподвижно лежит на твердой почве, а над ним бледно мерцают фосфоресцирующие облака се-

верной ночи. Вокруг высились разрушенные стены и сло-
манные колонны, а между булыжниками мостовой, на ко-
торой он лежал, пробивались упрямые кустики травы, стеб-
ли и корни. Позади него перпендикулярно вздымался
бесконечный базальтовый утес, причем его теневая сторо-
на была покрыта отвратительными барельефами и проре-
зана арочным зевом, ведущим в крошечную тьму, из ко-
торой он выпал. А впереди громоздился двойной ряд
колонн, обломки колонн и разрушенные пьедесталы, не-
когда окаймлявшие широкую улицу, а судя по сломанным
каменным амфорам и иссохшим бассейнам с фонтанами,
было ясно, что когда-то это была зеленая садовая аллея.
Далеко в конце аллеи колонны разбежались веером вдоль
большой круглой площади, и в этом просторном круге на
фоне мрачных ночных туч темнели два колоссальных изва-
яния. Это были гигантские крылатые львы из диорита, а
между ними таились мрак и тень. Их причудливые непо-
врежденные головы возвышались на добрых двадцать фу-
тов, и звери взирали на руины с презрительной усмешкой.
Картер тотчас понял, что они такое, ибо предания и молва
говорили лишь об одной паре каменных львов. То были
вечные стражники великой бездны, а эти мрачные руины
были не что иное, как первобытный Саркоманд.

Первым побуждением Картера было завалить арочный
зев в утесе валявшимися повсюду обломками скал и камен-
ных строений. Он не хотел, чтобы преследователи из жутко-
го ленгского монастыря нашли его тут, ибо впереди его, без
сомнения, и так ожидало множество новых опасностей. Кар-
тер не имел ни малейшего представления, как ему добраться
от Саркоманда до населенных пределов сновидческого ми-
ра, и, проникнув в гроты упырей, он мало чего бы добился,
ибо упыри, как было ему известно, были осведомлены не
лучше его. Те три упыря, что вывели его из города гугов во
внешний мир, не знали дорогу в Саркоманд и намеревались

расспросить стариков-торговцев в Дайлат-Лине. Ему вовсе не улыбалась перспектива вновь вернуться в подземный мир гугов и вновь предпринять рискованное путешествие по циклопической лестнице в башне Кота, и попасть в зачарованный лес, однако же он решил, что если все его попытки потерпят неудачу, то ему опять придется попытаться на том же маршруте. Он боялся без чьей-либо помощи пересекать ленгское плоскогорье, ибо его там могли поджидать сонмы посланцев верховного жреца, а уж в конце пути ему, без сомнения, придется столкнуться с птицами шантак, а может быть, и с другими ужасными тварями. Если же он раздобудет лодку, то сможет проплыть на ней обратно в Инкуанок мимо ужасной иззубренной скалы среди моря, ибо, судя по древним фрескам в монастырских коридорах, это страшное место совсем недалеко от саркомандских базальтовых причалов. Но найти лодку в давно заброшенном городе было весьма затруднительно, и совсем уж маловероятным представлялось то, что ему удалось бы самому ее смастерить.

Таковы были мысли Рэндольфа Картера, когда его взору предстало новое видение. Все это время он смотрел на гигантские безжизненные руины легендарного Саркоманда с черными сломанными колоннами и полуразрушенными воротами, увенчанными сфинксами, и исполинскими валунами, и чудовищными крылатыми львами на фоне бледного сияния ночных облаков. И вот теперь далеко впереди справа он заметил зарево, которое явно исходило не от нависших туч, и понял, что не один в этом безмолвном мертвом городе. Зарево становилось то ярче, то тусклее и было подернуто зеленоватыми всполохами, несказанно напугавшими Картера. Он пополз в ту сторону по бывшей садовой аллее и, продравшись сквозь узкие лазы меж обвалившихся стен, увидел костер возле причалов; вокруг яркого пламени костра темнели сидящие кружком неясные фигуры, а над кост-

ром витало трупное зловоние. Позади костра виднелись маслянистые воды гавани и гигантский корабль на якоре. И Картера объял несказанный ужас, так как он узнал в этом корабле черную галеру с Луны.

А потом, уже собравшись отползти подальше от жуткого костра, он заметил, что неясные фигуры зашевелились, и услышал чудной, но знакомый звук. Это был испуганный писк упыря, и в следующее мгновение он сменился целым хором страдальческих криков. Притаившись в тени городских руин, Картер заставил себя подавить страх и, вместо того чтобы ретироваться, устремился вперед. Как-то раз, пересекая открытую широкую улицу, он был вынужден, словно червяк, ползти на животе, а в другой раз ему пришлось подняться во весь рост, чтобы не шуметь в груде мраморных обломков. Но ему пока удавалось оставаться незамеченным, так что очень скоро он нашел удобное место за колонной, откуда ему открывался хороший обзор на озаренное зеленоватыми бликами место событий. Вокруг огромного костра, в котором горели жуткие корни лунных грибов, сидели на корточках зловонные жабоподобные лунные твари и их рабы-полулюди. Кое-кто из рабов нагревал в огне диковинные железные пики и время от времени тыкал их раскаленными добела концами трех крепко связанных пленников, которые извивались на земле перед вожаками стаи. По судорожным движениям их щупальцев Картер понял, что тупомордые лунные твари испытывали от происходящего огромное удовольствие, и он, к своему великому ужасу, увидел, что истязаемые упыри были троицей его верных проводников, которые вывели его из бездны, а затем направились из зачарованного леса искать Саркоманд и вход в родные пределы.

Лунных тварей вокруг зловещего зеленоватого костра собралось великое множество, и Картер видел, что ничем не может помочь своим бывшим союзникам. Как упыри попа-

ли в плен, ему оставалось лишь гадать, но, вероятно, серые жабоподобные твари услышали в Дайлат-Лине, как упыри спрашивали дорогу в Саркоманд, и решили преградить им путь к страшному ленгскому плато и к неопишуемому верховному жрецу. Картер стал думать, что бы предпринять, и вспомнил, что совсем близко отсюда находятся ворота в черное царство упырей. Самым разумным теперь было бы незаметно доползти до площади двух львов и нырнуть в колодец, где его поджидали ужасы не страшнее, чем здесь, и где он сумел бы встретить упырей, готовых спасти своих собратьев, а может быть, и изгнать лунных тварей с их черной галеры. Ему пришло в голову, что портал, как и прочие ворота в бездну, сторожат стаи ночных призраков, но сейчас этих безликих тварей почему-то не было видно. Он знал, что они связаны с упырями священной клятвой, а упырь, ранее бывший Пикманом, научил его важным паролям, на которые они отзывались.

И вновь Картер стал бесшумно красться в руинах, медленно пробираясь к центральной площади и крылатым львам. Это было весьма рискованно, но лунные твари, поглощенные своим приятным занятием, не слышали слабого шороха, который Картер дважды случайно издал, пробираясь по каменной трухе. Наконец, добравшись до площади, он скрылся за чахлыми деревцами и за туго обвившими их лозами. В слабом сиянии фосфоресцирующих ночных туч гигантские львы высились над ним ужасными истуканами, но он отважно держал путь прямо к ним и вскоре оказался перед их мордами, зная, что именно с этой стороны сможет обнаружить бездонный мрачный зев, который они сторожат. Насмешливоликих зверей из диорита, которые задумчиво возлежали на исполинских пьедесталах, изукрашенных пугающими барельефами, разделяли всего лишь десять футов. Между ними был разбит мощный плитами дворик, центральную часть которого некогда окружали ониксовые перила, а в самой середине его чернел провал, и Картер понял,

что достиг зияющего колодца с заплесневелыми ступенями, ведущими в потаенные недра кошмара.

Ужасны воспоминания об этом спуске во мраке, когда медленно текли часы, а Картер в безвидной тьме спускался по бесконечной спирали крутых скользких ступеней. И эти узкие ступени были так сильно выщерблены и покрыты таким плотным слоем подземной слизи, что путник не знал, в какую секунду его подстерегает страшное падение в бездонную пропасть, и равно он не знал, когда и где ему следует ожидать внезапного нападения стерегущих эту лестницу ночных призраков, если и впрямь страшные часовые таятся в первобытном мраке. Он вдыхал невыносимый смрад бездонного подземелья и думал, что атмосфера сих душных недр не предназначена для человеческих легких. Через некоторое время им овладели дурнота и сонливость, и он уже двигался, скорее повинувшись органическому автоматизму, нежели разумной воле, и когда он почувствовал тихое прикосновение сзади, то даже не сумел этого осознать. Картер стремительно полетел вниз и, лишь с содроганием ощутив прикосновение скользких лап, понял, что ночные призраки исполнили свой долг.

Оказавшись в холодных и влажных объятьях безликих тварей, Картер вспомнил пароль упырей и громко, насколько возможно, выкрикнул его в ветреный вихрь безумного полета. Хотя и говорят, что ночные призраки безмозглы, они откликнулись на зов незамедлительно, ибо тотчас же перестали щекотать пленника и постарались усадить его поудобнее. Воодушевленный их мгновенной реакцией Картер попытался дать некоторые объяснения и поведал им о пленении и истязании трех упырей и о необходимости собрать отряд и вызволить их из лап лунных тварей. Ночные призраки, хотя и безгласые, похоже, поняли его сбивчивое сообщение и, прибавив скорости, устремились дальше. Внезапно крошечный мрак сменился серыми сумерками земных недр, и прямо по курсу открылась плоская безжизненная

равнина, одна из тех, где упыри так любили собираться и поглощать свою добычу. По разбросанным надгробиям и обломкам костей сразу было ясно, кто жил в этих краях, и, когда Картер издал призывный вопль, из десятков нор выползли кожистые собаковидные обитатели. Ночные призраки снизились почти до самой земли и поставили пленника на ноги, а сами отступили на несколько шагов и встали вокруг него полуколыцом. Упыри приветствовали гостя.

Картер торопливо, но внятно пробормотал свое сообщение чудной компании, и четверо упырей тут же нырнули в другие норы, спеша передать новость соплеменникам и собрать необходимые силы для спасения пленников. После долгого ожидания появился весьма важный упырь и подал многозначительный знак ночным призракам, после чего двое из них умчались во мрак. Затем на равнину начали слетать сонмы горбатых ночных призраков, пока наконец их войско не покрыло черным покрывалом всю склизкую почву. Тем временем из нор один за другим вылезали все новые и новые упыри. Они о чем-то оживленно лопотали и выстраивались боевым порядком неподалеку от толпящихся ночных призраков. Вскоре появился гордый и важный упырь, некогда бывший художником Ричардом Пикманом из Бостона, и Картер дал ему полный отчет о происшедшем. Экс-Пикмана, которого обрадовала новая встреча со старинным другом, похоже, сильно взволновал тревожный рассказ, и он созвал остальных вожakov на военный совет, который и провел чуть поодаль от собирающегося войска.

Наконец, проведя придирчивый смотр своих сил, вожаки визгливо залопотали в унисон и принялись отдавать ночным призракам и упырям гортанные приказы. Крупное соединение рогатых летунов тотчас скрылось из виду, а остальные сгруппировались по двое, опустившись на колени и вытянув передние лапы, и стали дожидаться подхода новых упырей. Упырь подходил к паре ночных призраков, приданных ему в напарники, и те поднимали его в воздух и уно-

сили прочь во тьму. Так продолжалось до тех пор, пока все воинство не растворилось во мраке и на равнине остались лишь Картер, Пикман и другие вожаки да несколько пар ночных призраков. Пикман объяснил, что ночные призраки являются передовым ударным отрядом и боевой кавалерией упырей и что армия выдвигается маршем на Саркоманд, чтобы дать бой лунным тварям. Потом Картер и упыри вожаки приблизились к ожидающим их носильщикам, которые тут же их подхватили скользкими влажными лапами. Еще мгновение — и все они уже под свист ветра мчались во тьме бесконечного колодца, взмывая все выше и выше к воротам с крылатыми львами-стражами и к призрачным руинам первобытного Саркоманда.

Через какое-то время Картер вновь увидел бледное сияние саркомандского ночного неба, а потом и центральную площадь, которая кишмя кишела воинственными упырями и ночными призраками. Было ясно, что скоро забрезжит рассвет, но численность армии была столь внушительна, что она могла справиться с врагом и без внезапной ночной атаки. Зеленоватое пламя костра у причалов все еще смутно мерцало, но жалобных упырьих завываний уже не было слышно: видимо, их истязание завершилось. Тихо отдавая команды своим носильщикам и передовой стае ночных призраков, упыри выстроились в шумливые колонны и направились по мрачным руинам к неприятельскому костру. Картер находился рядом с Пикманом в первых рядах упырей и, когда они приблизились к жуткому лагерю, увидел, что лунные твари совершенно не готовы обороняться. Трое пленников лежали, связанные, без движения, у костра, а их жабовидные тюремщики лениво бродили вокруг. Рабы-полулюди спали, и даже часовые забыли о своих обязанностях, которые в здешних краях, видимо, казались им совсем ненужными.

Атака ночных призраков и оседлавших их упырей была внезапной, и все серые жабовидные твари и их полулюди-рабы были схвачены ночными призраками в мгновение ока.

Лунные твари были, разумеется, безгласны, но и рабы не успели издать ни звука, ибо скользкие лапы заткнули им глотки. Огромные чудища жутко извивались в объятиях ухмыляющихся ночных призраков, но были бессильны против цепких черных когтей. Когда лунная тварь слишком отчаянно пыталась вырваться, ночной призрак попросту хватал ее за щупальца, что причиняло жертве неимоверную боль, ибо она тотчас прекращала всякое сопротивление. Картер полагал, что станет свидетелем жестокой бойни, но потом увидел, что у упырей куда более тонкий план. Они пролопотали какие-то приказы ночным призракам, которые удерживали пленников, в остальном полагаясь на свой инстинкт, и вскоре несчастные твари были безмолвно препровождены в великую бездну, где их поровну поделили между бесчисленными долами, гугами, гастами и прочими обитателями первозданного мрака, чьи гастрономические привычки далеко не безболезненны для их жертв. Тем временем трех связанных упырей освободили и передали на попечение сердобольных соплеменников, а поисковые группы начали прочесывать местность на предмет выявления остатков затаившихся лунных тварей, после чего отправились на черную галеру — убедиться, что ни одной из тварей не удалось спастись от разящих лап крылатых мстителей. И вскоре стало ясно, что врагу было нанесено сокрушительное поражение, ибо победители не обнаружили ни малейших признаков жизни. Картер, желая сохранить доступ к остальным пределам сновидческого мира, умолил их не затапливать стоящую на якоре галеру, и эта просьба была великодушно удовлетворена в знак благодарности за его своевременное донесение о печальном уделе плененной троицы. На борту галеры обнаружились весьма странные предметы, каковые Картер тут же выбросил в море.

Упыри и ночные призраки теперь собрались в обособленные группы, причем первые стали расспрашивать у своих спасенных соплеменников об их злоключениях. Выясни-

лось, что, следуя инструкциям Картера, троица пришла из зачарованного леса в Дайлат-Лин через Нир и Скай, надев украденную в пустом крестьянском доме человеческую одежду и, насколько это было возможно, подражая человеческой походке. В Дайлат-Лине их причудливые повадки и внешность вызвали массу кривотолков, но они настойчиво расспрашивали дорогу в Саркоманд, пока наконец какой-то старый путешественник не указал им нужное направление. Они выяснили, что им подойдет лишь один корабль, отправлявшийся в Лелаг-Ленг, и приготовились терпеливо его ожидать.

Но злонамеренные шпионы, понятное дело, сразу же донесли об их намерениях, ибо очень скоро в порт вошла черная галера, и большеротые торговцы рубинами пригласили переодетых упырей выпить с ними в портовой таверне. Вино разливали из чудной бутылки, вырезанной из цельного куска рубина, и после этого упыри, подобно тому как некогда это произошло и с Картером, очнулись уже пленниками хозяев черной галеры. На сей раз, однако, невидимые гребцы направили судно не на Луну, а в древний Саркоманд, вознамерившись, несомненно, предъявить пленников неопишуемому верховному жрецу. Они пристали к зубчатой скале посреди Северного моря, которой сторонились инкуанокские корабли; тут упыри впервые увидели рыжих хозяев корабля, и, несмотря на свою невозмутимость, они едва не лишились чувств, увидев столь жутких бесформенных чудищ и почуяв их невыносимый смрад. Там же они стали свидетелями и невообразимых забав жабоподобных сторожей острова-скалы — тех самых забав, которые сопровождаются ночным воем, отпугивающим людей. После этого их высадили в разрушенном Саркоманде и предали бесконечным пыткам, которые прекратились лишь с появлением спасательной экспедиции.

При обсуждении дальнейших планов трое освобожденных упырей предложили совершить рейд на зубчатую ска-

лу и перебить тамошний гарнизон жабоподобных тварей. Однако ночные призраки стали возражать, так как их совсем не вдохновила перспектива долгого полета над морем. Но многие упыри поддержали план, хотя и не знали, как его осуществить без поддержки крылатых ночных призраков. Тогда Картер, видя, что им не под силу управлять черной галерой, вызвался научить их пользоваться большими веслами, и это предложение было встречено с энтузиазмом. Наступил серый день, и под свинцовым северным небом вереница упырей-добровольцев направилась на жуткий корабль и заняла места на скамьях гребцов. Картер нашел их весьма способными учениками и уже к ночи рискнул сделать несколько тренировочных выходов вдоль берега. Но лишь три дня спустя он счел вполне безопасным предпринять боевой рейд. И вот когда наконец гребцы были вполне обучены, а ночные призраки благополучно расположились в кубрике, подняли паруса, и Пикман и прочие вожаки собрались на палубе для обсуждения вариантов подхода к скале и тактики боя.

Уже в первую ночь они услышали завывания со скалы. И так ужасен был этот вой, что вся команда галеры задрожала от страха, но более всего затрепетали в ужасе трое спасенных упырей, которым было хорошо известно, что означают эти завывания. Было решено отказаться от ночного нападения, поэтому корабль стал на рейде под фосфоресцирующими облаками в ожидании серого рассвета. Когда забрезжило утро и завывания утихли, галера приблизилась к зубчатому утесу, чьи гранитные пики фантастическими клыками пронзали пустое небо. Склоны утеса были очень крутые, но на его выступах в разных местах виднелись торчащие стены странных беззаконных жилищ и низкие перила вдоль исхоженных горных тропинок. Ни одному кораблю не удавалось доселе подходить так близко к утесу, во всяком случае, не удавалось подходить так близко и в целости уходить прочь, но Картер и упыри не ведали страха и держали

курс прямо на утес, огибая его восточную стену в поисках причала, который, судя по словам трех спасенных упырей, находился на южной стороне.

Мыс был продолжением острова, и скалистый проход в гавань оказался столь узок, что места хватало лишь для одного корабля. Дозорных они не заметили, так что галера смело ринулась сквозь гранитную горловину и вошла в зловонные стоячие воды гавани. Тут царила суматоха: несколько кораблей стояли, пришвартовавшись к омерзительному каменному причалу, и десятки полулюдей-рабов и лунных зверей таскали клетки и короба и перевозили неведомых и неописуемо жутких монстров, привязанных к гроыхающим повозкам. В вертикальном утесе над гаванью был вырублен небольшой каменный поселок, от которого начиналась спиралевидная дорога, теряющаяся на верхних склонах исполинской скалы. Что творилось по ту сторону громадного пика, оставалось загадкой, но представшее глазам путешественников зрелище с этой стороны было не из приятных.

Вошедшая в гавань галера вызвала бурное оживление на причалах — имевшие глаза пристально вперили взор в корабль, безглазые твари тревожно зашевелили розовыми щупальцами. Они, разумеется, и не предполагали, что черный корабль сменил хозяев, ибо упыри внешне походили на рогатых и копытных полулюдей, а все ночные призраки находились в трюме. К тому времени вожаки выработали окончательный план: они намеревались выпустить ночных призраков, как только галера причалит к берегу, после чего им следовало незамедлительно отплыть прочь, предоставив этим почти неразумным тварям возможность действовать по обстановке. Высадившись на скалу, рогатые летуны прежде всего должны были захватить всех живых существ, а потом, повинаясь лишь инстинкту самосохранения и позабыв о присущей им водобоязни, быстро полететь восвояси со своей жуткой добычей, дабы разделить ее по справедливости во мраке, откуда мало кто возвращался живым.

Упырь, ранее бывший Пикманом, спустился в трюм и отдал ночным призракам необходимые распоряжения, между тем корабль подходил все ближе к зловеющим зловонным причалам. Вскоре по набережной прокатился ропот, и Картер заметил, что галера вызвала первые подозрения. Наверное, рулевой направил судно к чужому доку и, возможно, дозорные на берегу заметили очевидное несходство ужасных упырей с полулюдьми-рабами, чьи места они заняли. Возможно, кто-то подал неслышимый сигнал тревоги, ибо из черного входа беззаконного жилища показалась туча смрадных лунных тварей, которые двинулись по спиралевидной дороге к причалам. Как только галера ткнулась носом в пирс, ее осыпал дождь дротиков; от сильного удара двое упырей упали, а прочие получили ушибы. Но к этому моменту все люки были открыты, и из трюма темной тучей рванулись ночные призраки, заполонившие небо над городом, словно стая исполинских летучих мышей.

Склизкие лунные твари вооружились огромным бревном и попытались оттолкнуть им вторгшийся корабль, но после первой же атаки ночных призраков это желание у них пропало. Страшную картину являли дикие забавы безликих скользких налетчиков, грозной тучей нависших над городом и над горной дорогой. Порой черные лопотуны случайно роняли с большой высоты жабоподобного пленника, и, когда жертва с грохотом падала на скалы, зрители невольно зажимали носы и закрывали глаза от омерзения. Когда последний ночной призрак покинул галеру, вожаки упырей отдали приказ об отступлении, и гребцы неспешно вывели галеру из гавани меж серых скал мыса. В городе царили суматоха и разор.

Пикман-упырь дал ночным призракам несколько часов для того, чтобы они смогли на что-то решиться и побороть водобоязнь; он поставил галеру на рейде в миле от скалистого острова, и, пока они ждали возвращения крылатых бойцов, раненым была оказана первая помощь. Наступила ночь,

серые сумерки сменились унылым фосфоресцированием низких туч, и все это время вожаки пристально всматривались в высокие пики проклятой скалы, ожидая увидеть ночных призраков. К утру над самым высоким пиком показалась черная точка и очень скоро превратилась в стаю. Как раз перед самым восходом стая рассыпалась в небе и через четверть часа полностью исчезла на северо-востоке. Один или два раза что-то отрывалось от стаи и падало в море, но Картера это не беспокоило, ибо он знал, что лунные твари не умеют плавать. Наконец, когда стало ясно, что все ночные призраки вместе с обреченными пленниками улетели в сторону Саркомада, к своей великой бездне, галера вновь вошла в гавань между серых скал. Вся ее жуткая команда высадилась на берег и начала прочесывать безжизненную скалу с ее башнями, замками и крепостями, вырезанными в гранитных монолитах.

Ужасными были находки, обнаруженные в беззаконных мрачных склепах: там оказалось великое множество оставшихся после бурных пиршеств объедков в различной стадии разложения. Картер старался убрать с дороги предметы, которые в некотором роде были живыми, и в ужасе сторонился иных, о которых ничего определенного сказать было нельзя. Меблировка смрадных домов в основном сводилась к причудливым табуретам да лавкам, вырезанным из стволов лунного дерева и разрисованным изнутри непонятными и дикими орнаментами. Повсюду были разбросаны оружие, инструменты и поделки, в том числе несколько крупных рубиновых идолов в виде фантастических тварей неземного происхождения. Эти идолы, хотя и сделанные из драгоценного камня, не вызвали у Картера желания прихватить их с собой или рассмотреть повнимательнее, и он даже не поленился разбить их молотком вдребезги. Он собрал разбросанные пики и дротики и, с одобрения Пикмана, раздал их упырям. Такое оружие собакоподобным прыгунам было в новинку, но после нехитрых объяснений они им легко овладели.

На верхних склонах утеса было больше храмов, нежели жилищ, и в многочисленных каменных покаях обнаружили ужасные резные алтари и жутко перепачканные купели и святилища для поклонения вещам более чудовищным, чем жуткие боги на вершине Кадата. От заднего предела одного из больших храмов тянулся низкий черный проход, по которому Картер, держа в руке факел, углубился далеко в недра скалы и вскоре попал в высокий неосвещенный зал огромных размеров, стены которого были испещрены демоническими барельефами, а в центре зиял чудовищный бездонный колодец, как в том ужасном монастыре в Ленге, где восседает неописуемый верховный жрец. На противоположной темной стене за кошмарным колодцем Картер, как ему показалось, различил небольшую дверь из кованой бронзы, но почему-то испытал необъяснимый страх и не рискнул ни отворить ее, ни даже приблизиться к ней и поспешил обратно по проходу к своим неприглядным союзникам, которые бродили по храму с беспечностью и равнодушием, ему в данный момент чуждыми. Упыри проявили живейший интерес к объедкам пиршества лунных тварей — и не без пользы для себя. Они также нашли бочку крепкого лунного вина и покатали ее к причалу, чтобы потом использовать напиток для дипломатических нужд, впрочем троица спасенных упырей, памятуя о его дурном воздействии на них в Дайлат-Линне, предупредили соплеменников не пить это вино. В одном из подвалов ближе к воде нашли горы рубинов из лунных каменоломен, как необработанных, так и отполированных, но когда упыри поняли, что камни несъедобны, они тут же утратили к ним интерес. Картер не стал брать с собой рубины, ибо слишком хорошо знал их добытчиков.

Внезапно часовые на причалах издали возбужденный визг, и жуткие фуражиры, бросив свои занятия и столпившись на берегу, устремили взоры на море. Между серых скал в гавань быстро проскользнула новая черная галера. Стоявшие на ее палубе полулюди сразу могли бы заметить следы

налета на город и подали бы сигнал тревоги чудовищам в трюме. К счастью, упыри все еще были вооружены пиками и дротиками, которые им Картер раздал, и по его команде, поддержанной тварью, ранее бывшей Пикманом, они выстроились в боевой порядок и изготовились помешать высадке команды галеры. Из поднявшегося на прибывшей галере шума явствовало, что команда обнаружила перемену обстановки в городе, и, судя по тому, как резко остановилась галера, стало очевидно, что на корабле приняли во внимание превосходящие силы упырей. После минутного колебания пришельцы безмолвно развернулись и ушли в море, но упыри ни секунды не сомневались, что стычки избежать не удалось. Либо темная галера отправилась за подкреплением, либо ее команда попытается сойти на берег где-то в другом месте, поэтому к вершине островной скалы тотчас же была выслана разведывательная группа, чтобы вести наблюдение за действиями противника.

Через несколько минут упыри вернулись и с волнением сообщили, что лунные твари и полулюди высаживаются на восточной части скалистого мыса и карабкаются вверх по тайным тропам и уступам, где и горный козел не пройдет. И почти сразу же после того галеру вновь увидели в узком проливе, но лишь на мгновение. А еще через какое-то время второй вестник спустился с вершины утеса и доложил, что на другой стороне мыса высадился еще один отряд, причем, судя по его многочисленности, галера вряд ли могла вместить столько пассажиров. Галера же, медленно подгоняемая поредевшими гребцами, вскоре показалась между серых скал и встала на якорь в зловонной гавани, точно ее команда вознамерилась наблюдать за будущей битвой и оказать своим бойцам необходимую поддержку.

К этому времени Картер и Пикман разделили упырей на три группы, две из которых должны были выйти навстречу наступавшим колоннам противника, а третья остаться в городе. Обе ударные колонны быстро овладели скалами на

своих направлениях, а из третьей группы сформировались сухопутный и морской отряды. Морской отряд под командованием Картера обосновался на галере, которая двинулась к недоукомплектованному вражескому кораблю. Последний тут же ретировался в открытое море. Картер не стал его преследовать, ибо знал, что его воины могут понадобиться в городе.

Тем временем жуткие полчища лунных тварей и полулюдей уже оккупировали вершину скалистого мыса, страшными силуэтами отпечатавшись на фоне серого сумеречного неба. Омерзительно-тонкими руладами взвыли флейты, и вид беспорядочной процессии монстров был не менее тошнотворным, чем запах, исходящий от жабоподобных лунных тварей. А потом показались оба отряда упырей, дополнив жуткую панораму на вершине скалы. Со всех сторон полетели дротики, и раскатистый визг и звериный вой полулюдей слился с адским всхлипыванием флейт, произведя неопишемую демоническую какофонию. То и дело с узких хребтов скалистого мыса в воду летели тела — и те из них, что падали в гавань, тут же пожирались подводными хищниками, о чем присутствию свидетельствовали бурлящие пузыри на воде.

Полчаса продолжалась великая битва, пока на западном утесе захватчиков не уничтожили почти полностью. На восточном же утесе, где находился вожак воинства лунных тварей, упырям не сопутствовал успех, и они медленно отступали к склону центральной скалы. Пикман приказал быстро выслать туда подкрепление из города, и приданные силы оказали существенную помощь воинам. А когда завершилась битва на западном утесе, победители-упыри тоже поспешили к соседнему утесу на помощь соплеменникам. Им удалось переломить ход сражения, и они вынудили нападавших вернуться на узкий хребет. Полулюди к этому времени были почти все перебиты, но уцелевшие жабоподоб-

ные отчаянно бились огромными пиками, которые они сжимали в своих могучих лапах. Момент для использования дротиков был упущен, и битва перешла в рукопашную.

По мере того как возрастал накал боя, число падающих в море жертв увеличивалось. Многие упавшие в воды гавани стали жертвами незримых подводных хищников, из тех же, кто упал в открытое море, кому-то удалось выбраться на прибрежные скалы, и стоявшая все это время поблизости вражеская галера подобрала из воды нескольких лунных тварей. Прибрежные утесы, кроме места высадки монстров, были абсолютно неприступны, так что никому из упырей, расположившихся на вершине скалы, не удалось спуститься к передовой линии боя. Кого-то из них пронзили насмерть пущенные с вражеской галеры дротики, кого-то убили лунные твари, но кое-кто все же уцелел. Когда же сухопутному отряду уже более ничто не угрожало, галера Картера вышла из гавани и отогнала вражеский корабль далеко в открытое море, а потом бросилась на помощь упырям, которые остались на скале или барахтались в воде. Лунных тварей, выброшенных на прибрежные скалы, быстро уносили прочь.

Наконец, когда галера лунных тварей ушла далеко от острова и вторгшееся воинство закрепилось в одном месте, Картер выдвинул значительные силы с восточной части мыса в тыл врагу, после чего судьба битвы была предрешена. Атакованные с двух флангов, боевые порядки мерзких захватчиков были быстро расчленены и сброшены в море, и к вечеру вожаки упырей решили, что остров вновь очищен от неприятеля. Вражеская галера тем временем исчезла, и было решено покинуть остров-утес, пока превосходящие силы лунных тварей не собрались в кулак и не бросились в новую атаку на победителей.

Итак, к ночи Пикман и Картер собрали всех оставшихся в живых упырей и после пересчета обнаружили, что в ходе вчерашней битвы они потеряли четверть состава. Раненых

разместили в трюме, так как Пикман всегда выступал противником старого обычая упырей убивать и пожирать трупы раненых, а здоровых воинов посадили на весла или расставили там, где их присутствие могло быть полезно. Галера заскользила под низкими фосфоресцирующими облаками, и Картер без сожаления покинул остров жутких тайн, и перед его мысленным взором стоял неосвещенный зал с куполообразным потолком, с бездонным колодцем в центре и отвратительной бронзовой дверью в стене. Рассвет застал корабль на рейде саркомандского базальтового причала, где их до сих пор терпеливо дожидались ночные призраки-часовые, сидевшие, точно черные рогатые горгульи, на поверженных колоннах и разрушенных сфинксах страшного города, что возник и угас до появления на земле человека.

Упыри разбили лагерь среди саркомандских обломков, выслав вестника за ночными призраками, которые должны были стать их скакунами. Пикман и прочие вожаки пылко выразили Картеру благодарность за оказанную помощь. Теперь Картер понял, что его планы близки к осуществлению и что он сможет воспользоваться помощью своих страшных союзников не только для выхода из этой части сновидческого мира, но и для успешного завершения поиска богов на вершине неведомого Кадата и чудесного предзакатного города, который боги столь странным образом не допускали в его сны. Он говорил об этом с вожаками упырей, поведав им все, что было ему известно о холодной пустыне, где стоит Кадат, и о чудовищных птицах шантак, и о горах, в которых вырублены двуглавые стражи Кадата. Он говорил о том, насколько опасны птицы шантак для ночных призраков, и о том, как гигантские лошадиноголовые птицы с криком уносятся прочь от черных расщелин высоко на серых хребтах, отделяющих Инкуанок от чудовищного Ленга. Еще он рассказывал о тайнах ночных призраков, изображенных на фресках в безоконном монастыре неопишуемого верховного жреца, и о том, что даже Великие боги их боятся и что их

владыка вовсе не ползучий хаос Ньярлатхотеп, а древний седой Ноденс, Повелитель великой бездны.

Обо всем этом Картер поведал столпившимся вокруг него упырям и потом изложил свою просьбу и сказал, что считает себя вправе попросить их о такой же услуге, как и та, что была не так давно оказана им собакоподобным прыгунам. Он изъявил желание, чтобы ночные призраки перенесли его над гористой страной птиц шантак прямо в холодную пустыню, туда, куда не ступала нога смертного. Он хотел перелететь к ониковому замку на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне и упросить Великих богов подарить ему чудесный предзакатный город, к которому они его не допускают; он не сомневался, что ночные призраки доставят его туда без особого труда и он минует все опасности, подстерегающие его на равнине и на ужасных двуглавых горах-сторожах, что навечно притаились в серых сумерках. Рогатым безликим тварям это путешествие ничем не грозит, ибо их страшатся даже сами Великие. И даже если Великие предпримут какие-то неожиданные шаги, ибо самых неожиданных вещей следует ждать от Великих, привычно надзирающих за делами добрых земных богов, ночным призракам их не следует бояться, так как внешние адские пределы не опасны безгласным скользким летунам, чьим владыкой является не Ньярлатхотеп, а могущественный древний Ноденс.

Стая из десяти — пятнадцати ночных призраков, продолжал Картер, несомненно отпугнет птиц шантак, хотя, возможно, стоит взять с собой нескольких упырей, чтобы совладать с этими крылатыми тварями, ибо их повадки лучше известны упырю, чем человеку. Крылатый отряд мог бы посадить его где-нибудь в легендарной ониковой цитадели и затаиться в укромном месте, дожидаясь его возвращения или условного сигнала, когда он пройдет внутрь замка помолиться земным богам. Если же кто-то из упырей захочет сопровождать его в тронный зал Великих, он будет им благодарен, ибо их присутствие придаст

больше значимости и достоинства его просьбе. Он, впрочем, не будет на этом настаивать и хочет лишь с их помощью долететь до Кадата и вернуться обратно, а их последнее путешествие будет либо к чудесному предзакатному городу, если боги отнесутся к его просьбе благосклонно, или назад к Вратам Глубокого Сна в зачарованном лесу, в случае если его молитвы не возымеют действия.

Пока Картер говорил, все упыри слушали его с великим вниманием, и вскоре небо почернело от слетевших стай ночных призраков, за которыми ранее послали вестника. Крылатые твари уселись полукольцом вокруг упырьего воинства, дожидаясь, пока собакоподобные вожаки закончат обсуждение просьбы земного путешественника. Упырь-Пикман с серьезным видом долго лопотал со своими соплеменниками, и в конце концов Картеру предложили даже больше, чем он ожидал. Как он помогал упырям в битве с лунными тварями, так и они окажут ему помощь в дерзком путешествии к пределам, откуда никому еще не довелось вернуться, и они готовы выделить ему своих союзников, ночных призраков, не только в нужном количестве, но и все их воинство, и ветеранов прежних сражений, и молодых ночных призраков, за исключением лишь небольшого отряда, оставшегося на захваченной черной галере, и раненных в бою на остров-утесе. Они будут готовы к полету, когда он пожелает, а по прибытии на Кадат внушительный отряд упырей будет сопровождать его все время, пока он будет говорить с земными богами в их ониксовом дворце.

Испытывая огромную радость и благодарность, Картер вместе с упырьими вожаками приступил к выработке плана дерзновенного путешествия. Они решили, что крылатое воинство полетит высоко над чудовищным Ленгом, над безымянным монастырем и ужасными каменными деревнями и сделает остановку лишь на гигантских серых пиках, чтобы переговорить со столь пугающими птиц шантак ночными призраками, чьи подземные лазы проникли глубоко в недра

скал. А потом, следуя советам, полученным от обитателей тех горных лазов, они выберут конечный маршрут и приблизятся к неведомому Кадату либо со стороны пустыни и гор к северу от Инкуанока, либо же с северной стороны отвратительного Ленга. Собакоподобные бездушные упыри и ночные призраки не испытывали ни малейшего страха перед тем, что сулила им нехоженная пустыня, как не испытывали ни малейшей робости оттого, что их ждет встреча с Кадатом и его таинственным ониксовым замком.

К полудню упыри и ночные призраки были готовы к полету, причем каждый упырь подобрал себе подходящую пару крылатых носильщиков. Картер разместился в голове воздушной колонны рядом с Пикманом, а впереди, в качестве боевого авангарда, расположились две шеренги ночных призраков налегке. По краткому приказу Пикмана грозная армия взмыла ввысь над поверженными колоннами и полуразрушенными сфинксами древнего Саркоманда. Они летели все выше и выше, и вот уже скрылись из вида базальтовые утесы за городом, а прямо по курсу показались холодные безжизненные плоскогорья на подступах к Ленгу. Еще выше поднялось черное воинство, и вот даже плоскогорье превратилось в песчинку, и, когда они направились к северу над продуваемым всеми ветрами плато, Картер вновь с содроганием увидел кольцо грубых монолитов и приземистое беззаконное здание, в котором восседало чудовище с желтой шелковой маской на лице, от чьих цепких лап он чудом спасся. На этот раз черная армия, словно стая гигантских летучих мышей, летела, не снижаясь, и на большой высоте мигновала тусклые костры кошмарных каменных деревень, не останавливаясь, чтобы поглядеть на ужасные кривляния рогатых и копытоногих полулюдей, несущихся в вечном вихре дикой пляски. Как-то раз они заметили птицу шантак, пролетавшую низко над равниной, но, увидев страшную крылатую армию, она издала испуганный крик и, громко хлопая крыльями, унеслась прочь в северном направлении.

С наступлением сумерек они достигли зазубренных серых хребтов, служащих Инкуануку защитой, и стали кружить над причудливыми пещерами у самых вершин, которые так отпугивали птиц шантак. По зову упырьих вожakov из всех высокогорных лазов вырвались вереницы рогатых черных летунов, с которыми упыри и ночные призраки вступили в беседу посредством непотребной жестикуляции. Скоро выяснилось, что наиболее удобный маршрут пролегает над холодной пустыней к северу от Инкуанока, ибо северные подступы к Ленгу таят множество незаметных ловушек, которые даже ночным призракам не по нраву, а именно злые силы, таящиеся в белых полусферических зданиях на странных пригорках, которые народная молва связывает с Иными богами и их ползучим хаосом Ньярлатхотепом.

О Кадате громокрылые обитатели горных пиков почти ничего не знали, кроме того, что дальше к северу есть некая могучая чудотворная сила, которую зорко стерегут шантаки и вырезанные в горе часовые. Они упомянули и о том, что в тех нехоженных местах наблюдается диковинное искривление пространственных измерений, и вспомнили слухи о том крае, где стоит вечная ночь, но более конкретных сведений они передать не могли. Так что Картер и его спутники поблагодарили их и, миновав высочайшую гранитную вершину в небе Инкуанока, опустились ниже кромки фосфоресцирующих ночных туч и разглядели вдали жутких сидящих горгулий, которые некогда были горным хребтом, пока чья-то титаническая рука не вырезала в его девственных скалах ужасные изваяния.

Гранитные часовые, чьи ноги впечатались в песок пустыни, а митры пронзали сияющие облака, восседали пугающим полукругом, зловещие, похожие на двуглавых волков, с мордами, искаженными яростью, и с поднятыми правыми руками, они мрачно и злобно взирали на оком человеческого мира, служа преградой ужаса на границе холодного северного мира, чуждого человеку. С их чудовищных колен

взмывали ввысь слоноподобные птицы шантак, но все они с безумными воплями улетели прочь, едва завидев в туманном небе передовые линии ночных призраков. Крылатая армада полетела к северу над каменными горгульями, потом над безбрежными просторами хмурой пустыни с безжизненным и голым пейзажем. Облака становились все мрачнее и мрачнее, и наконец Картер заметил, что вокруг сгустился мрак, но крылатые носильщики не сбились с курса, ибо были привычны к черным подземельям и умели видеть не глазами, а всей влажной поверхностью склизкого туловища. Они летели в крошечной тьме, рассекая потоки странных запахов и вихри странных звуков, и покрывали настолько громадные расстояния, что Картер перестал понимать, находятся ли они все еще в пределах земного мира снов.

Потом облака вдруг поредели и высоко в небе призрачным светом замерцали звезды. Внизу все было черным-черно, но небесные бледные маяки казались исполненными тайного смысла и направляющей силы, которую они никогда прежде не выказывали. Не то чтобы очертания созвездий изменились, нет, но их знакомые формы теперь обнаружили глубокую значимость, не явную ранее. Все словно сфокусировалось в сторону севера, и все линии и точки мерцающего неба стали частью гигантского узора, чье предназначение заключалось в том, чтобы привлечь вначале взор, а затем и самого наблюдателя к некоей тайне и ужасной цели по ту сторону замороженной пустыни, которая бесконечно раскинулась впереди. Картер взглянул на восток, где огромный хребет горной преграды тянулся вдоль пределов Инкуанок, и увидел на фоне звезд иззубренный силуэт неизбывных гор. Их абрис был теперь более хаотичным, с зияющими провалами и фантастическим нагромождением пиков, и Картер внимательно рассмотрел мучительно знакомые изгибы и откосы причудливого силуэта, который, похоже, заодно со звездами увлекал путешественников некой неодолимой силой притяжения к северному окоему неба.

Они летели со страшной скоростью, и наблюдателю приходилось сильно напрягать зрение, чтобы рассмотреть внизу пейзажи, как вдруг он различил над изломанной линией высочайших пиков движущийся на фоне звезд темный предмет, чей маршрут в точности повторял путь их странной летучей армии. Упыри также заметили его, и Картер услышал, как со всех сторон раздалось их тихое лопотанье, и на мгновение ему почудилось, будто это темное пятно — исполинская птица шантак, размером куда больше средней особи. Однако вскоре он понял, что его предположение неверно, ибо очертания пятна, летящего над горами, вовсе не походили на лошадиноголовую птицу. Смутный силуэт на фоне звезд скорее напоминал голову в митре или пару бесконечно увеличенных голов, причем, странное дело, ее стремительный скачкообразный полет в небе проходил без помощи крыльев. Картер еще не понимал, с какой стороны горного хребта летит это пятно, но скоро понял, что перед ним нечто доселе невиданное, ибо в тех местах, где горный хребет прорезали широкие ущелья, летящий силуэт затмевал все звезды на небе.

Потом в горной цепи появился провал — там, где жуткие просторы лежащего за горной цепью Ленга соединялись с холодной пустыней глубоким перевалом, в котором показались тусклые звезды. Картер вгляделся в провал, догадываясь, что должен увидеть на фоне ночного неба нижнюю часть гигантской фигуры, летящей над горными пиками. Теперь неопознанный предмет оказался чуть впереди крылатой армии, и все устремили взоры на перевал, в котором вот-вот должен был появиться темный силуэт в полный рост. Исполинская тварь приблизилась к провалу, немного сбавила скорость, точно поймав себя на том, что немного опередила армаду ночных призраков. В следующую минуту все застыли в напряженном ожидании, а еще через мгновение силуэт полностью предстал взорам наблюдателей, вызвав у упырей сдавленный всхлип космического ужаса и посеяв

холод в душе путешественника. Ибо циклопическая скачущая форма над горами была только лишь головой — вернее, двумя головами в митрах, — а внизу, в кошмарной бездне колыхалось непомерно раздутое туловище гороподобного монстра, беззвучно и опасливо переступавшего ногами, исполинская фигура, напоминающая непропорционально сложенного человеческого уродца, который вприпрыжку неся черной тенью на фоне неба, доставая едва ли не до зенита обеими отвратительными головами в конических шапках.

Картер не потерял сознания и не закричал от страха, ибо был опытным сновидцем, но он в ужасе оглянулся назад и содрогнулся при виде других таких же чудовищных голов над горными пиками, что, подпрыгивая, бежали следом за первым силуэтом. А прямо позади них высились три гороподобных силуэта, четко различимые на фоне южных звезд, которые с невероятным грохотом трусили по-волчьи, и высокие митры покачивались в такт их бегу в тысяче футов над землей. Значит, вырезанные в горах изваяния в пустыне к северу от Инкуанок вовсе не стояли недвижным полукругом, грозно подъяв правые руки. Им поручалась важная миссия, и они ревностно ее выполняли. А самое ужасное, что они не обладали даром речи и на бегу не издавали ни звука.

Тем временем Пикман-упырь отдал приказ ночным призракам, и все их воинство взмыло высоко в небо. Странная колонна взяла курс прямо на звезды, и скоро уже ничто не маячило в небе на их пути — ни неподвижные серые гранитные хребты, ни бегущие исполинские изваяния в митрах. Громокрылый легион летел к северу в вихрях свистящего ветра, под неясно откуда вырвавшийся из космического эфира хохот; внизу все было черным-черно, и ни птицы шантак, ни иные менее жуткие твари не устремились из мрачных бездн за ними вдогонку. И чем дальше они летели, тем стремительнее становился их полет, пока развитая ими головокружительная скорость не превзошла скорость пули, сравнившись со скоростью обращения нашей планеты по

орбите. Картер удивился, как же при такой скорости земля еще виднелась внизу, но он также знал, что в стране снов пространственные измерения обладают удивительными свойствами. Он не сомневался, что они попали в край вечной ночи, и ему чудилось, что созвездия вверху чуть больше вытянулись к северу, словно собрались вместе, желая направить летучую армию в пустоту Северного полюса — так рука стягивает складки мешка, чтобы вытряхнуть из него последние крупички груза.

Потом Картер с ужасом заметил, что больше не слышит хлопанья крыльев ночных призраков. Рогатые безликие воины, сложив перепончатые отростки, как будто отдыхали в вихре ветра, с хохотом и свистом несшего их на своих крылах. Армию подхватила неземная сила, и упыри и ночные призраки были бессильны перед этим потоком, который свирепо и неумолимо увлекал их к северу, откуда еще ни один смертный не возвращался живым. Наконец на горизонте впереди забрезжила бледная точка света, и по мере их приближения светящаяся точка ширилась и становилась ярче. А под ней разрасталась черная масса, затмевавшая звезды. Картер решил, что это, должно быть, сигнальный огонь на горе, ибо с небесных высот можно было увидеть лишь исполинскую гору.

Зарево поднималось все выше и выше, и все громаднее и громаднее растекалась тьма под ним, пока циклопический темный конус не затмил полнеба в северной стороне. И хотя крылатая армия летела очень высоко, бледный зловещий маяк сиял еще выше, нависая чудовищной массой над горными пиками и равнинами земли, точно пробуя на вкус пустой эфир, где вращались таинственная Луна и безумные планеты. Никто из людей еще не видывал подобной исполинской горы, что темнела прямо перед ними. Тяжелые облака внизу окаймляли лишь ее подножие, а головокружительные вихри верхних слоев воздуха служили лишь поясом на ее чреслах. Мрачным призраком вздымался этот мост между

землей и небом, черный в вечной ночи, увенчанный венцом неведомых звезд, и его устрашающие и могучие очертания с каждым мгновением становились все четче и четче. Упыри изумленно завизжали при виде этого зрелища, а Картер поежился от страха и забеспокоился, как бы всю его летучую армию не разметало в пух и прах при столкновении с гигантским ониксовым монолитом.

Выше и выше росло зарево света, пока не слилось в вышине с зенитом, откуда насмешливо подмигивало огненными зеницами, устремленными вниз на летящую стаю. Вся северная часть неба под этим заревом теперь была объята крошечным мраком, жуткой каменной чернотой, простиравшейся от бесконечных глубин до бесконечных высот и озаренной лишь бледным мерцанием зыбкого маяка на недостижимой высоте призрачной горы. Картер всмотрелся в маяк попристальнее и наконец разглядел чернильный абрис на фоне звезд. На самой вершине исполинской горы высились башни, ужасные башни с куполами, которые громоздились бесчисленными жуткими уступами и террасами и явно не были творением рук человеческих. Чудесные, но и грозные бастионы и террасы, казавшиеся далекими черными точками, крошечными, черными и далекими, на фоне звездных соцветий, утрюмо сиявших на верхнем окоеме неба. И венчал эту безмерную гору замок, непостижимый разуму смертного, в котором-то и мерцал тот демонический маяк. Только теперь Рэндольф Картер понял, что поиск его завершился и прямо перед ним сияет заветная цель всех запретных поступков и дерзких видений, легендарная и непостижимая обитель Великих богов на вершине неведомого Кадата.

Осознав это, Картер заметил, как его засосанная ветром летучая армада изменила курс. Теперь она резко взмыла ввысь, и стало очевидно, что гравитационный фокус ее полета теперь переместился на ониксовый замок, из которого струился бледный свет. Так близко была черная гора, что ее склоны с головокружительной быстротой проносились мимо

взмывающей ввысь стаи, и она уже ничего не различала во тьме. Сумрачные башни черного замка становились все больше и больше, и Картер ощутил всю греховную мерзость их исполинской безмерности. Несомненно, глыбы, из коих замок был сложен, добывались безымянными каменотесами в той самой чудовищной каменоломне на горном перевале к северу от Инкуанока. Ибо его размеры были таковы, что стоящий на ступенях этой высочайшей цитадели земли человек оказывался вровень с пустым эфиром. От венка неведомых звезд над мириадами башен с куполами исходило желтовато-бледное сияние, так что угрюмые скользкие стены из оникса были объаты сумеречным покровом. Бледный маяк теперь казался единственным освещенным окном в одной из самых высоких башен замка, и, когда беспомощная армада подлетела к вершине горы, Картеру почудилось, будто он различил уродливые тени, мечущиеся в тускло освещенной зале. То было арочное окно странной неземной формы.

Неприступная скала превратилась в гигантский монолит чудовищного замка, и летучая армия вдруг резко сбавила скорость. Вокруг нее высоко взметнулись исполинские стены, мелькнула арка гигантских врат, в которые ее втянуло неведомой силой. Бесконечный внутренний двор объяла вечная тьма, и когда огромный арочный портал поглотил летучих странников, они оказались в еще более густой тьме. Вихри обжигающе холодного влажного ветра носились по незримым ониковым лабиринтам, и Картер мог лишь гадать, что за циклопические лестницы и коридоры тайком убегали от главного маршрута их нескончаемого полета в эфире. Они уносились во тьме все выше и выше, и ни единый звук, ни толчок, ни проблеск света не тревожили плотную пелену тайны. Неисчислимая армия упырей и ночных призраков потерялась в бездонных безднах неземного замка. И когда наконец в лицо Картеру брызнул свет из той единственной залы в башне, чье светящееся окно служило им маяком в ночи, он не сразу смог различить далекие стены и

высокий потолок и не сразу осознал, что попал не в безбрежный ночной простор...

Рэндольф Картер намеревался вступить в тронный зал Великих с должным достоинством, в окружении внушительной свиты упырей, и вознести свою молитву, как подобает вольному и сведущему ветерану-сновидцу. Он давно знал, что Великие сами отнюдь не неподвластны воле смертного, и понадеялся на удачу, полагая, что Иные боги и их ползучий хаос Ньярлатхотеп не придут к Великим на подмогу в решающий момент, как то уже бывало не раз, когда люди посещали земных богов в их обители или в их горах. Он даже лелеял надежду, что в окружении своего внушительного эскорта сумеет достойно встретить и Иных богов, буде такой случай представится, ибо знал, что над упырями нет верховного владыки, а ночные призраки подчиняются не Ньярлатхотепу, а лишь древнему Ноденсу. Но теперь он воочию убедился, что божественный Кадат в холодной пустыне и впрямь находится под охраной темных чудес и безымянных стражей и что Иные боги воистину надежно оберегают покой слабых земных богов. Не имея верховной власти над упырями и ночными призраками, неразумные бесформенные исчадия внешних пространств все же способны при необходимости сдерживать их, так что Рэндольф Картер в компании своих упырей вошел в тронный зал Великих богов вовсе не так, как подобает вольному и сведущему ветерану-сновидцу. И когда его свита, ослепленная и оглушенная кошмарными звездными смерчами, уstraшенная незримыми чудищами северной пустыни, оказалась в освещенной страшным светом зале, где по безмолвному приказу тотчас стихли вихри ужаса, вся она беззвучно рухнула на ониксовый пол бессильной и беспомощной толпой.

Рэндольф Картер стоял не перед золотой кафедрой, и не увидел он величавого собрания узкоглазых созданий с нимбами и коронами, с длинными мочками, тонкими носами и выпяченными подбородками, чье сходство с высеченным на

Нгранеке ликом могло бы выдать их принадлежность к роду тех, к кому наш сновидец пришел обратиться свою молитву. За исключением этой единственной освещенной залы, ониксовый замок на вершине Кадата был темен, Картер пришел к неведомому Кадату в холодной пустыне, но не нашел богов, его обитателей. И все же страшный свет сиял в этой единственной башенной зале, которая была много меньше, нежели безбрежные пространства снаружи, и чьи далекие стены и потолок терялись в клубящихся туманах. Земных богов здесь не оказалось, верно, но прочих созданий, незримых и неосязаемых, было в избытке. Там, где добрые боги отсутствуют, Иные тем не менее имеют своих посланников, и, разумеется, ониксовый замок отнюдь не был необитаем. Но Картер не мог даже себе вообразить, в каком виде будет явлен ему несказанный ужас. Он понял, что его визита тут ждали, но мог лишь гадать, сколь давно и пристально следил за его паломничеством ползучий хаос Ньярлатхотеп. Тот самый Ньярлатхотеп, кошмар безграничной формы, ужасный дух и посланник Иных богов, которому служат грибообразные лунные твари, и Картер вспомнил черную галеру, исчезнувшую в море, когда в битве на скалистом острове жабоподобные стали терпеть поражение.

Размышляя об этом, он с трудом поднялся на ноги посреди поверженной стаи, и вдруг без всякого предупреждения озаренную бледным сиянием бесконечную залу прорезал громовый глас демонической трубы. Трижды прогремел этот ужасающий клич, и когда эхо от третьего трубного рева растаяло вдали, Рэндольф Картер увидел, что остался один. Куда, почему и как вдруг исчезли все упыри и ночные призраки, он не мог даже помыслить. Он лишь знал, что внезапно остался один и что безмолвно хохочущие незримые плясуны, заключившие его в круг своей пляски, отнюдь не доброжелательные духи земного мира сновидений... Потом из бездонных глубин донесся новый звук. Это тоже был ритмичный глас трубы, но совсем не похожий на те три раска-

та, что смели в незримую пустоту его верных спутников. В этом низком вое трубы эхом звучали напевы чудес и мелодий космического сна, и при каждом новом аккорде и при каждой неведомой каденции возникали видения экзотических пейзажей невообразимой красоты. Золотые звуки сопровождали порывы дивных благоуханий, потом над его головой занялся яркий свет, волнообразно менявший оттенки, чуждые привычному спектру, и служивший мрачным симфоническим сопровождением трубной песни. Вдали мерцали факелы, и, разрывая пелену напряженного предчувствия, слышалась приближающаяся барабанная дробь.

Из редющего тумана и клубов диковинных благовоний выросли две колонны гигантских чернокожих невольников в набедренных повязках из светящегося шелка. На их головах были укреплены, словно шлемы, огромные факелы из блестящего металла, от которых дымными кольцами струился аромат неведомых бальзамических благовоний. В правой руке невольники держали хрустальные жезлы, на концах которых были вырезаны оскалившиеся в ухмылке химеры, а в левой руке они сжимали длинные серебряные трубы, в которые поочередно дули. Их щиколотки и предплечья были стянуты золотыми браслетами, а оба браслета на щиколотках были соединены золотыми цепочками, заставлявшими невольников идти неспешной походкой. Было ясно с первого взгляда, что это чернокожие обитатели земного мира сновидений, но их одеяния и поведение выдавали в них неземных существ. В десяти шагах от Картера процессия остановилась, и тотчас же серебряные мундштуки прилипли к толстым губам трубачей. Грянул дикий экстатический трубный хор, а за ним последовал еще более дикий вопль, искусно исторгнутый черными глотками на оглушающе-пронзительной ноте.

Потом в широком проходе между двух колонн чернокожих невольников появилась одинокая фигура — высокий стройный муж с юным лицом античного фараона, облачен-

ный в переливающийся хитон и увенчанный золотым венцом, от которого исходило сияние. Прямо к Картеру шел величественный муж, чья гордая осанка и приятные черты лица были исполнены очарования смуглого бога или павшего ангела и в чьих глазах играли потаенные искорки прихотливого нрава. Пришелец заговорил, и в мелодичных модуляциях его голоса зажурчала необузданная музыка летеиского потока.

— Рэндольф Картер, — произнес голос, — ты пришел взглянуть на Великих, кого смертным не позволено видеть. Соглядатаи сообщили об этом, и Иные боги возроптали, испугленно мечась и кружась под тонкие звуки флейт в вечной черной пустоте, где обитает султан демонов, чье имя запрещено произносить вслух.

Когда Барзай Мудрый взойшел на Хатег-Кла, чтобы увидеть, как Великие танцуют и воют над облаками при лунном свете, он не вернулся. Там были Иные боги и сделали то, что от них и требовалось. Зенит из Афрата пытался отыскать неведомый Кадат в холодной пустыне, и ныне его череп впамян в кольцо на мизинце того, кого мне нет нужды называть по имени.

Но ты, Рэндольф Картер, превзошел мужеством все создания земного мира сновидений и все еще горишь жаждой поиска. Ты пришел не из праздного любопытства, но как взыскующий истины, и ты без устали выказывал свое почтение к добрым земным богам. И все же эти боги не допускали тебя к чудесному предзакатному городу твоих снов, и лишь по причине их мелочной скупости, ибо правда в том, что они сами возжаждали обладать жуткой красотой создания твоей фантазии и поклялись, что отныне никакое иное место не будет их обиталищем.

Они покинули замок на неведомом Кадате и поселились в твоём чудесном городе. Днём они бродят по мраморным дворцам, а с заходом солнца прогуливаются в благоухающих садах и наслаждаются величественным видом закат-

ной позолоты на храмах и колоннадах, на арочных мостах и в серебряных чашах фонтанов, на широких улицах с цветочными вазами и сверкающих рядах статуй из слоновой кости. А с наступлением ночи они поднимаются на террасы горного склона, увлажненного ночными росами, садятся на резные скамьи из порфира и взирают на звезды или, перегнувшись через перила балюстрад, устремляют взор на крутые северные склоны, где окошки в старинных башенках одно за другим озаряются мягким сиянием — то желтое пламя уютных домашних свечей.

Боги полюбили твой чудесный город и покинули тропы богов. Они позабыли земные возвышенности и горы своей юности. На земле более не осталось богов, и лишь Иные боги из внешних пределов имеют власть на незапамятном Кадате. Далеко-далеко отсюда, в долине, где прошло твое детство, Рэндольф Картер, предаются беззаботным забавам Великие боги. Ты слишком умело погружался в сновидческий мир, о величайший сновидец, ибо ты смог увести богов сна прочь из мира всеобщих видений в мир, который всецело принадлежит тебе одному, выстроив из своих детских фантазий город, прекраснее всех призраков, доселе рожденных.

Жаль, что земные боги покинули свои троны, оставив все на милость пауку, трудолюбиво ткущему там паутину, да Иным богам, владычествующим в их обители в привычной для Иных манере. С превеликой радостью силы внешнего мира наслали бы хаос и ужас на тебя, Рэндольф Картер, причину их печали, но они знают, что в твоей лишь власти вновь вернуть богов в их исконный мир. Никакая сила вечной ночи не может проникнуть за тобой в твой полубодრствующий сновидческий мир, и лишь ты один способен уговорить самодлюбивых Великих уйти из твоего чудесного предзакатного города и вернуться через северные сумерки обратно в их привычную обитель на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне.

Итак, Рэндольф Картер, во имя Иных богов я пощажу тебя и вверю тебе исполнение моей воли. Я поручаю тебе найти твой предзакатный город грез и изгнать оттуда позабывших о своем долге богов, которых дожидается сновидческий мир. Тебе несложно будет отыскать сонмище богов, услышать глас божественных труб и звон бессмертных кимвалов, ту тайну, чье местонахождение и смысл преследовали тебя неотступно в пору бодрствования и в глубоком сне, и мучили тебя обрывками растаявших воспоминаний и болью об утраченном, столь дорогом и мимолетном. Тебе несложно будет отыскать этот символ и останки восторженной поры твоей жизни, ибо воистину это вечное и нетленное сокровище, в коем слепились сверкающие осколки твоих юных восторгов, освещая тропу твоих вечерних блужданий. Внемли! Не за неведомые моря, но в столь знакомые тебе годы прошлой жизни лежит теперь твой путь, обратно к тем незабываемым чудным местам и мыслям детства, к мимолетным солнечным проблескам магии, которые твой пытливый юный взор узрел в древних пейзажах.

Ибо знай, что твой золотой мраморный город чудес — это лишь сумма всего того, что ты видел и любил в юности. Это великолепие бостонских крыш на горных склонах, и озаренных пожаром заката западных окон, и душистых цветов на площади Коммон, и огромного купола на холме, и лабиринта фронтонов и печных труб в фиолетовой долине, по которой сонно течет Чарльз, оседланный многими мостами. Все это ты, Рэндольф Картер, увидел, когда твоя нянька впервые вывезла тебя в коляске на весеннее солнце, и те же видения в последний раз пробегут перед твоим мысленным и любящим взором. А еще есть древний Сейлем, погруженный в воспоминания о протекших годах, и призрачный Марблхед, чьи скалистые окрестности убегают в глубь прошлых веков, и величие сейлемских башен и шпилей на другой стороне гавани, которые можно увидеть с марблхедских пастбищ на фоне закатного солнца.

А еще есть Провиденс, таинственно и величественно раскинувшийся на семи холмах над голубым заливом, с зелеными террасами, тянущимися вверх к шпилям и цитаделям неумирающей древности, и Ньюпорт, выющийся, точно дивный веночек, вверх от своих сонных вод. И Аркхем, с его мшистыми двускатными крышами и горными лугами на горизонте; и допотопный Кингспорт, с частоколом печных труб, и безлюдными пирсами, и насупившимися фронтонами; и несравненное чудо высоких утесов; и обьятый молочными туманами океан с звенящими буйками у линии горизонта.

Холодные долины Конкорда, мощенные улицы Портсмута, сумеречные извивы нью-гемпширских сельских дорог, где за гигантскими вязами притаились белостенные крестьянские домики и скрипучие колодцы. И просоленные причалы Глостера, и продуваемые всеми ветрами плакучие ивы Труро. И бесконечные панорамы далеких городков с торчащими иголками шпилей, и горные цепи за горными цепями вдоль Норт-Шора, и безмолвные каменистые склоны, и низенькие, увитые плющом особнячки под сенью гигантских валунов в род-айлендской глуши. Запах моря и благоухание полей, чары темных лесов и зеленая радость садов на рассвете. Это твой город, Рэндольф Картер, ибо все это — ты сам. Новая Англия породила тебя и влила тебе в душу всю эту красоту, которой нет конца. Эта красота, отлитая, закаленная и отшлифованная годами воспоминаний и снов, и есть твой чудесный град на неуловимом закате; и чтобы найти этот мраморный парапет с дивными вазами и резными перилами, и чтобы спуститься наконец по бесконечным ступеням в город широких площадей и разноцветных фонтанов, тебе надо лишь вернуться к мыслям и видениям своего милого детства.

Смотри! Вон в окне сияют звезды вечной ночи. Даже сейчас они освещают пейзажи, которые ты так любил и лелеял в памяти, и впивают их очарование, чтобы сиять еще ярче над садами снов. Это Антарес — видишь, он подмигивает

крышам на Тремонт-стрит, ты мог видеть его из окна отчего дома на Бикон-хилл. А позади этих звезд простираются бездны, из которых меня прислали мои повелители. Настанет день, и ты тоже сможешь посетить их, но надеюсь, тебе достанет мудрости не совершать подобного безумного поступка, ибо из тех смертных, кто побывал там и вернулся, лишь одному удалось сохранить ясный разум и спасти его от ужасных грохочущих тварей вечной пустоты. Богомерзкие исчадия грызут друг друга в той бездне, и в мелких тварях больше греховного зла, нежели в крупных; да ведь ты и сам это знаешь по повадкам тех, кто желал доставить тебя ко мне, хотя я сам не лелеял ни малейшего желания причинить тебе вред и, без сомнения, давно бы помог тебе прийти сюда, кабы не был занят иными заботами и не пребывал в уверенности, что ты и сам найдешь сюда дорогу. Отринь же адские бездны и отдайся тихим красотам своего детства. Ищи свой чудесный предзакатный город, и изгони оттуда праздных Великих богов, и ласково отошли их обратно в край их детства, что нетерпеливо дожидается их возвращения.

Путь, на который я предлагаю тебе ступить, легче, чем тропа смутных воспоминаний. Смотри! Вот приближается чудовищная птица шантак, ведомая невольником, кому ради твоего же блага стоит оставаться незримым. Оседлай птицу и приготовься — ну же! Чернокожий невольник Йогаш поможет тебе взгромоздиться на чешуйчатое исчадие. Держи путь на яркую звезду к югу от зенита — это Вега, и через два часа ты окажешься над террасами своего предзакатного города. Лети в том направлении до тех только пор, пока не услышишь далекое пение в высоком эфире. Над ним таится безумие, так что останови птицу шантак, лишь только заслышишь первые ноты. Затем оглянись на землю — ты увидишь сияние неугасимого алтарного огня Иред-Наа на священной крыше храма. Этот храм стоит в предзакатном городе твоих грез, так что направляйся прямо туда, прежде чем ты услышишь пение, иначе погибнешь.

Когда приблизишься к городу, держи путь к высокому парпету, откуда некогда ты взирал на открывшуюся перед тобой величественную панораму, и пришпоривай птицу шантак, пока она не закричит. Великие, которые сидят на благоуханных террасах, услышат этот крик, и ими овладеет столь сильная ностальгия, что все красоты и чудеса твоего города не смягчат боль их тоски по мрачному кадатскому замку и соцветию вечных звезд над ним.

Потом опустись рядом с ними верхом на птице шантак — пускай они увидят и погладят чудовищную лошадиноголовую птицу, а сам тем временем расскажи им о неведомом Кадате, который ты только что покинул, поведай им, как прекрасны его бесконечные неосвещенные покои, где в старину они предавались веселым играм в божественном сиянии. Потом с ними заговорит птица шантак на языке шантак, и ее речь лишь обострит их воспоминания о днях юности.

Без усталы ты должен будешь настойчиво рассказывать Великим о родной обители их детства, пока они наконец не прольют слезы и не попросят тебя показать позабытую ими обратную дорогу домой. Тогда ты отпустишь птицу шантак, и она взмоет в небо с призывным радостным криком, слышав который Великие в безмерной радости запрыгают, и пустятся в пляс, и поспешат следом за чудовищной птицей, как и подобает богам, сквозь глубокие бездны неба к знакомым и дорогим кадатским башням и куполам.

И потом чудесный предзакатный город останется тебе для вечного наслаждения, а земные боги, вновь заняв привычное место, будут править снами людей. Иди же — путь свободен и звезды ждут. И твоя птица шантак уже храпит и топчет ногами в нетерпении. Держи курс на Вегу, но сразу поверни, как только услышишь первые звуки песни. Не забудь мое предупреждение, ибо невообразимые исчадия кошмара засосут тебя в черную бездну истошного и рыдающего безумия. И помни об Иных богах, они могущественны, без-

рассудны и ужасны и таятся во внешних безднах. Лучше избегать встречи с ними.

Хей! А-шанта ниг! Иди! Пришли земных богов обратно в их обитель на неведомом Кадате и моли небо, чтобы никогда не встречать меня ни в одном из моих тысяч обличий. Прощай, Рэндольф Картер, и будь осторожен, ибо я и есть Ньярлатхотеп, ползучий хаос!

Рэндольф Картер оседлал птицу шантак и, сбившись с дыхания и испытывая сильное головокружение, со свистом улетел в небесную бездну навстречу холодному сиянию северной звезды Веги и лишь раз бросил взгляд через плечо на хаотично громоздящиеся башни ониксового кошмара, в котором по-прежнему смутно сиял одинокий свет из окна высоко над облаками земного сновидческого мира. Мимо проносились огромные полипообразные исчадия, и незримые крылья надсадно хлопали во мраке, но он крепко держался за мерзкую гриву чудовищной лошадиноголовой чешуйчатой птицы. Звезды в выси стали кривляться, сорвались со своих привычных мест и выстроились в причудливые знаки судьбы, которых ни один смертный почему-то ранее не замечал и не боялся. А ветры бездонных бездн ревом возвещали о смутном мраке и космическом одиночестве.

А потом сверкающую бездну впереди прорезало, словно грозное знамение беды, безмолвие, и все ветры и чудовищные исчадия растаяли во мраке, как исчезают с первым лучом рассвета ночные твари. Издалека, дрожа на волнах, которые вдруг с ужасающей осязаемостью возникли из золотых клочков туманов, донеслись далекие звуки мелодии, струившейся невнятными и неслышанными в земном небе аккордами. И когда музыка зазвучала громче, шантак навострила уши и рванулась вперед, равно и Картер с превеликим вниманием старался уловить каждый звук, столь сладкий его слуху. То была песня, но пел ее не голос. Ее пели сама ночь и небесные сферы, и эта песня возникла в древнюю пору рождения космоса, и Ньярлатхотепа, и Иных богов.

Птица шантак летела все быстрее, и все ниже пригибался к ее спине наездник, опьяненный чудом мелодии бездны и замороженный хрустальными извивами космической магии. И потом запоздало ему вспомнилось грозное предостережение исчадия зла, сардоническое предупреждение демонического посланника, который наказал искателю опасаться безумия этой песни. Не более чем издевкой был предначертанный Ньярлатхотепом путь его спасения в чудесном предзакатном городе, не более чем в насмешку черный посланник открыл ему тайну праздных богов, дорогу к которым он и сам бы мог с легкостью найти. Ибо безумие и дикое отмщение бездны — вот единственные дары Ньярлатхотепа самонадеянным смертным, и хотя наездник чудовищным усилием пытался поворотить своего летучего возницу, с насмешливым клекотом птица шантак продолжала неумолимо нестись вперед, в злобной радости хлопая гигантскими перепончатыми крыльями, держа путь прямо к тем богомерзким провалам, куда не долетают сны, в тот предельный аморфный хаос нижних пределов естества, где бурлит и богохульствует в средоточии бесконечности неразумный султан демонов Азатот, чье имя никто не смеет произнести вслух.

Неукоснительно следуя приказу мерзкого посланца зла, дьявольская птица мчалась вперед, врезаясь в легионы бесформенных обитателей мрака и неосязаемые сонмы мельтешащих тварей, которые тянули к ней свои когтистые цепкие лапы, то были безымянные отродья Иных богов, такие же слепые и неразумные и охваченные лишь неизбывной жаждой и голодом.

Вперед, неуклонно вперед, с радостным клекотом приветствуя хохот и истерические вопли, в которые преобразилась песнь ночи и небесных сфер, чешуйчатокрылое чудовище несло своего беспомощного наездника, вспарывая, казалось бы, конечный оком неба и минуя запредельные бездны, оставляя позади звезды и материальные пространства и метеором несясь сквозь крошечный хаос к непости-

жимым темным покоем вне времени, где под приглушенный умопомрачительный бой богомерзких барабанов и тонкое монотонное завывание сатанинских флейт растекся бесформенной массой вечно жующий и вечно ненасытный Азатот.

Вперед — вперед сквозь крики и вопли, сквозь кишачие мерзкими обитателями черные провалы, — и вдруг из какой-то далекой благословенной дали обреченному Рэндольфу Картеру явились образ и мысль. Чересчур изощренной оказалась коварная и мучительная ловушка Ньярлатхотепа, ибо злой демон заставил свою жертву вспомнить то, чего никакие объятия льдистого ужаса не могли стереть из памяти. Родной дом — Новая Англия — Бикон-хилл — бодрствующий мир.

«Ибо знай, что твой золотой мраморный город чудес — это лишь сумма всего того, что ты видел и любил в юности... Это великолепие бостонских крыш на горных склонах, и озаренных пожаром заката западных окон, и душистых цветов на площади Коммон, и огромного купола на холме, и лабиринта фронтонов и печных труб в фиолетовой долине, по которой сонно течет Чарльз... Эта красота, отлитая, закаленная и отшлифованная годами воспоминаний и снов, и есть твой чудесный град на неуловимом закате; и чтобы найти этот мраморный парапет с дивными вазами и резными перилами, и чтобы спуститься наконец по бесконечным ступеням в город широких площадей и разноцветных фонтанов, тебе надо лишь вернуться к мыслям и видениям своего милого детства».

Вперед, вперед — головокружительный полет к последнему пределу сквозь мрак, где безглазые твари выпускают когти, а склизкие морды тычутся в разные стороны, а безымянные исчадия щебечут, и щебечут, и щебечут. Но образ и мысль уже возникли, и Рэндольф Картер осознал, очень отчетливо, что он спит, только спит, и что где-то далеко остался бодрствующий мир и город его детства. И вновь вспомнились слова: «Тебе надо лишь вернуться к мыслям и видениям своего милого детства». Вернуться, повернуться — но его со

всех сторон обступала тьма, однако Рэндольф Картер мог повернуться.

Как бы ни были сильны объятья кошмара, сжавшие душу Рэндольфа Картера, он все же мог бы найти силы повернуться и двинуться в попятном направлении. Он мог двигаться сам, а если бы захотел, мог бы даже прыгнуть с дьявольской птицы шантак, которая по приказу Ньярлатхотепа неукоснительно несла его к гибели. Он мог бы прыгнуть и нырнуть в глубины ночи, зияющие далеко внизу, в бездны страха, которые вряд ли ужаснее безымянной гибели, ожидавшей его в самом средоточии хаоса. Он может повернуться, и двинуться, и прыгнуть... он сможет — он должен... он должен...

И обреченный сновидец в отчаянии прыгнул со спины исполинского лошадиноголового крылатого чудовища и полетел в бесконечную бездну разумного мрака. Мчались световые годы, галактики умирали и рождались вновь, звезды превращались в туманности, а туманности в звезды, но Рэндольф Картер все падал сквозь бесконечную пустоту разумного мрака.

А потом медленно, неспешным путем вечности, космос совершил очередной цикл, вновь возвратившись к точке бесполезного завершения, и все вновь стало таким же, как прежде, вернувшись на неисчислимые калпы назад. Материя и свет родились заново такими же, какими они некогда возникли в пространстве, а кометы, солнца и миры возгорелись к новой жизни, хотя ничего не уцелело, дабы напомнить о том, какими они были в миг своего рождения и в миг исчезновения, в вечной смене начала и конца и возврата к бесконечному началу.

И вновь возникла твердь, и ветер, и сияние пурпурного света в глазах падавшего сновидца. Возникли боги, и твари, и воля, красота и зло, и жалобные вопли гибельной ночи, лишенной своей добычи. Ибо в неведомом вечном цикле жили мысли и видения детства, воплощаясь в его возро-

денном мире и милом сердцу древнем городе, дабы вернуть смысл всему сущему. Из пустоты фиолетовый газ С'нкак метил путь, и древний Ноденс изрыгал наказы из неведомых бездн.

Звезды сменялись рассветами, а рассветы взрывались золотыми, пунцовыми и пурпурными фонтанами, но сновидец продолжал свое падение. Эфир разрывали жуткие крики, когда шлейфы света гнали прочь исчадия внешней тьмы. И седой Ноденс поднял вой торжества, когда Ньярлатхотеп, уже было овладевший своей добычей, был остановлен, ослепленный рассветным сиянием, обратившим полчище его бесформенных охотников в серый прах. Рэндольф Картер и впрямь достиг наконец широкой мраморной лестницы, ведущей к его чудесному городу, ибо он вновь вернулся в родную Новую Англию, в мир, который его породил.

И вот, под оглушительные органные аккорды утреннего щебета и посвиста, в ослепительном блеске рассветного солнца, чьи лучи, отразившись в огромном золотом куполе ратуши на холме, проникли сквозь пурпурные окна, Рэндольф Картер с криком пробудился в своей бостонской спальне. Птицы пели в тенистых садах, и пьянящее благоухание струилось от увитых цветами беседок, построенных еще его дедом. Свет и красота исходили от классического камина, резного карниза и покрытых причудливыми узорами стен. Разбуженный громким криком хозяина, лоснящийся черный кот поднялся, зевая, со своей лежанки. А далеко-далеко, за Вратами Глубокого Сна, за зачарованным лесом и садами, за Серенарианским морем и за сумеречными просторами Инкуанока, ползучий хаос Ньярлатхотеп задумчиво вошел в ониксовый замок на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне и принялся надменно упрекать добрых богов Земли, чье упоительное веселье в чудесном закатном городе он так грубо прервал.

ПРИМЕЧАНИЯ

СЛУЧАЙ ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА

Роман написан в январе — марте 1927 года и опубликован в мае — июле 1941 года в журнале «Weird Tales». По мотивам этого произведения в США были сняты фильмы «Проклятый дворец» (1963; режиссер Роджер Корман) и «Воскресший» (1992; режиссер Дэн О'Бэннон).

С. 6. *Бореллий*, Джованни Альфонсо (1608–1679) — итальянский ученый, врач и астроном. Среди его многочисленных сочинений на самые разные темы особое место принадлежит классическому в своем роде труду о природе человеческого организма и механизме мускульных движений, послужившему теоретической основой для многих позднейших исследователей.

С. 14. *Георгианский* — относящийся ко времени правления одного из трех королей Ганноверской династии, поочередно занимавших английский трон на протяжении более ста лет: Георга I (1714–1727), Георга II (1727–1760) и Георга III (1760–1820).

С. 16. *Революция* — здесь имеется в виду американская Война за независимость 1775–1783 годов.

С. 17. *...колокольня в стиле Гиббса...* — Британский архитектор Джеймс Гиббс (1682–1754), в отличие от его предшественников, при возведении церкви располагал колокольню не с краю, а непосредственно над центром здания; пример тому — построенная им церковь Святого Мартина на Трафальгарской площади в Лондоне.

С. 18. *«Христианская наука»* — протестантская секта, основанная в 1870-х годах в США Мэри Бейкер Эдди (1821–1910) и практикующая т. н. духовное врачевание.

С. 22. *Великая охота на ведьм* — имеются в виду массовые преследования лиц, подозреваемых в «сношениях с дьяволом», проходившие в североамериканских колониях Англии в последние годы XVII века.

Город Салем, расположенный неподалеку от Бостона, прославился как место самого крупного «ведьмовского процесса».

С. 23. *Декот* — жидкая лекарственная форма, получаемая в результате отваривания коры, корней или иного растительного сырья с последующим процеживанием отвара.

С. 24. *Философский камень* («камень мудрецов», «эликсир», «тинктура») — по представлениям средневековых алхимиков, чудодейственное вещество, способное обращать любые неблагородные металлы в золото, излечивать все болезни и возвращать молодость.

С. 27. *Парацельс* (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493–1541) — врач и естествоиспытатель, одним из первых подвергший критическому пересмотру идеи и методы древних врачей. Способствовал внедрению химических препаратов в медицину. Новые идеи Парацельса противостояли традиционной средневековой алхимии и в то же время были в значительной мере основаны на общих с ней принципах.

Агрикола (наст. имя Георг Бауэр) (1494–1555) — немецкий ученый, автор 12-томного трактата «О горном деле», который вплоть до XVIII века служил основным пособием по геологии, горному делу и металлургии. Яростно критикуя алхимию, он, однако, в последние годы жизни сам занялся поиском способов превращения неблагородных металлов в золото.

Ван Хельмонт, Иоганн Баптист (1577–1644) — фламандский ученый-химик, один из виднейших последователей Парацельса, придавший его идеям научное направление. Прославился своими якобы удачными опытами по получению алхимического золота.

Сильвиус, Якобус (он же Жак Дюбуа) (1478–1555) — французский анатом, одним из первых начавший проводить исследования с использованием человеческих трупов.

Глаубер, Иоганн Рудольф (1604–1670) — немецкий химик и врач, рассматривал болезни как результат нарушения химического равновесия в организме и ставил задачу поиска химических средств их лечения. Впервые получил в чистом виде многие соли, в том числе названную по его имени глауберову соль.

Бойль, Роберт (1627–1691) — английский химик и физик. Ввел в химию экспериментальный метод, положил начало химическому анализу и установил один из основных газовых законов (закон Бойля — Мариотта).

Бургава, Герман (1668–1738) — голландский врач и химик, основавший в Лейдене крупную клиническую школу и имевший учеников и последователей во всех странах Европы.

Бехер, Иоганн Иоахим (1635–1682) — университетский профессор химии, лейб-медик майнцского курфюрста; с помощью различных алхимических средств пытался найти «огненную материю».

Шталь, Георг Эрнст (1659–1734) — немецкий химик и врач; сформулировал первую общую химическую теорию, впоследствии опровергнутую Антуаном Лавуазье.

Каббала — мистическое учение, соединявшее иудейскую традицию аллегорического толкования Библии с элементами, заимствованными у неоплатоников и гностиков. Так называемая практическая каббала основана на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

Гермес Трисмегист («Трижды величайший») — легендарный античный мудрец. В его сочинениях изложены знания, которые якобы были поведаны ему самим Гермесом (древнегреческим богом торговли и покровителем магии) и дают всеобъемлющее представление о загадках мира. В эпоху эллинизма и поздней античности на основе его откровений, дополненных многочисленными трудами его последователей по астрологии, алхимии, магии и оккультизму, сложилось религиозно-философское учение «герметизм», оказавшее заметное влияние на мистическую традицию Средневековья и эпохи Возрождения.

«Turba Philosophorum» — один из древнейших латинских алхимических трактатов, созданный в XII веке. Представляет собой компиляцию из сочинений выдающихся ученых и философов.

Аль-Джабер (Джабир ибн Хайян) (ок. 721 — ок. 815) — арабский ученый, писавший свои труды на арабском и латинском языках. Наиболее известны его сочинения по алхимии, в которых даны описания многих химических операций.

Артефий — полуполюгендарный средневековый алхимик, которому приписывают один из рецептов получения философского камня.

«Зохар» (от *евр.* «блеск, сияние») — мистический комментарий к Пятикнижию Моисееву; одно из главных литературных произведений «умозрительной Каббалы», написанное в Испании в конце XIII века предположительно Моше де Леоном (по другой версии «Зохар» представляет собой лишь последнюю редакцию сочинений, создававшихся на протяжении долгого времени, начиная со II века).

Альберт Великий (Альберт фон Больштедт; ок. 1193–1280) — немецкий философ и теолог. Начал энциклопедическую систематизацию католического богословия; кроме чисто философских сочинений писал трактаты на различные темы, большей частью о минералах, растениях и животных.

Луллий, Раймунд (ок. 1235 — ок. 1315) — философ, теолог и поэт, родом с испанского острова Майорка; писал на каталанском и арабском языках. В сочинении «Великое и непревзойденное искусство» высказал идею «логической машины» (примитивного прообраза современных компьютеров) и попытался реализовать эту идею на практике.

С. 28. *Бэкон*, Роджер (ок. 1214–1292) — английский философ и естествоиспытатель; целью наук считал увеличение власти человека над природой. Его метод познания был основан на математических расчетах и практических экспериментах, но в первую очередь он полагался на внутреннее мистическое «озарение». Предвосхитил многие позднейшие открытия в астрономии, оптике и других областях.

Фладд, Роберт (1574–1637) — английский врач и философ-мистик. Считал, что человек, а также минералы и растения могут менять внешнюю оболочку и таким образом обретать бессмертие.

Тритемий, Иоганн (1462–1516) — немецкий мыслитель, не являвшийся открытым приверженцем алхимии, но уделивший ей немало внимания в своих сочинениях.

...«*Некрономикон*»... *Абдула Альхазреда*... — книга, как и ее автор, выдуманы Лавкрафтом; подробно о ней повествуется в рассказе «История „Некрономикона“» (1927).

С. 29. *Каперы* (от голл. карег — «морской разбойник») — снаряженные за частный счет боевые корабли, которые с разрешения властей воюющего государства совершали нападения на торговые суда неприятельских стран.

Сутеркарго — человек, сопровождающий груз на торговом корабле, осуществляющий по поручению владельца закупку или продажу товаров в других портах.

Мартиника — остров из группы Наветренных островов в Вест-Индии, владение Франции.

Порт-Ройал — город на острове Ямайка, во второй половине XVII века получивший широкую известность в качестве крупнейшего центра работорговли и «пиратской столицы» всего Карибского бассейна. 7 июня 1692 года этот город был полностью уничтожен в результате сильнейшего землетрясения. В данном случае, вероятно, имеется в виду Кингстон, нынешняя столица Ямайки, основанная в 1693 году неподалеку от того места, где прежде находился Порт-Ройал.

С. 30. *Новая Франция* — так в то время именовались французские владения на территории нынешней Канады, захваченные англичанами в ходе Семилетней войны 1756–1763 годов.

С. 31. *Приверженцы Уайтфилда* — речь идет о Джордже Уайтфилде (1714–1770), одном из двух главных учредителей секты методистов, отделившейся от англиканской церкви. В 1738 году он переехал из Англии в Америку, где два года спустя основал религиозно-политическое движение «партикуляристов».

С. 35. ...*это было своеобразным компромиссом между конгрегационалистами и баптистами*... — Не желая портить отношения ни с одной из крупных протестантских общин города, Карвен примкнул к официальной церкви (см. прим. ниже), которая в силу малочисленности своих приверженцев среди жителей североамериканских колоний избега-

ла вступать в конфликт с более радикальными направлениями протестантизма.

С. 36. *Епископальная церковь* — так в Шотландии и США называют англиканскую церковь, которая в Англии имеет статус государственной. По культу и организационным принципам она стоит ближе к католицизму, чем остальные протестантские церкви.

Космо Александер (ок. 1724–1772) — американский портретист шотландского происхождения.

Джилберт Стюарт (1755–1828) — американский живописец, мастер реалистического портрета, уроженец Род-Айленда.

С. 38. *Сахарный акт*. — В 1764 году английский парламент ввел высокие пошлины на ввоз сахара в колонии, нанеся тем самым чувствительный удар прибыльной торговле североамериканских купцов с островами Вест-Индии.

С. 39. *Лихтер* — морская баржа, используемая для перевозки грузов в прибрежных водах либо для погрузки или разгрузки на рейде судов, которые не могут войти в порт по причине глубокой осадки.

С. 41. *...побоища, учиненного Черным принцем в Лиможе в 1370 году...* — Эдуард, принц Уэльский (1330–1376), один из полководцев Столетней войны, получивший прозвище по цвету лат, в 1370 году взял штурмом французский город Лимож, истребив при этом всех его защитников и большую часть мирных жителей.

С. 46. *Салемское безумие* — см. примеч. к с. 22.

С. 51. *...амхарский (или абиссинский) алфавит...* — Имеется в виду слоговое письмо Эфиопии, восходящее к одному из вариантов древней южноаравийской письменности.

С. 59. *Мирандола*, Джованни Пико делла (1463–1494) — итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма. В своем трактате «О достоинстве человека» утверждает безграничные возможности человека, который «может опуститься до скотского состояния, но может и возвыситься до божества». Выдающийся знаток многих древних и восточных языков, Мирандола открыл для Западной Европы еврейское религиозно-мистическое учение Каббалы. В данном случае, по всей видимости, речь идет как раз о его переводе Каббалы.

С. 63. *...героя сказки лорда Дансени — короля страны Руназар...* — Речь идет о сказке лорда Дансени (1878–1957) «Король, которого не было».

С. 68. *Пентаграмма* — правильный пятиугольник, на каждой стороне которого построены равнобедренные треугольники, равные по высоте. В Средние века пентаграмма являлась одним из самых распространенных магических знаков.

Страстная пятница — пятница на предпасхальной, так называемой Страстной неделе, когда был распят Иисус Христос.

День Всех Святых — 1 ноября; канун Дня Всех Святых — Хеллоуин — по средневековым поверьям считался праздником нечистой силы.

С. 77. *Идеограмма* — письменный знак (условное изображение или рисунок), соответствующий не звуку речи, а целому слову или морфеме — например, древнеегипетские, шумерские, китайские иероглифы.

С. 80. *...с открытиями Бэкона...* — Речь идет о Роджере Бэконе (см. примеч. к с. 28).

С. 82. *Камлот* — плотная грубая ткань из черных и коричневых нитей; обычно предназначалась для пошива крестьянской одежды.

Каламянка — прочная льняная ткань.

Саваоф (букв. «воинственный») — в иудаизме одно из имен бога Яхве, в христианстве — первое лицо Троицы, Бог Отец.

Трансильвания — историческая область, долгое время находившаяся в составе Венгрии, а в 1920 году перешедшая к Румынии. Кроме румын и венгров в этих краях проживало также значительное число немецких колонистов. Об уединенных замках и хуторах Трансильвании издавна ходили легенды, так или иначе связанные с привидениями, оборотнями, вампирами, ожившими мертвецами и прочими потусторонними явлениями.

С. 83. *Реборн*, Генри (1756–1823) — известный шотландский художник-портретист.

С. 88. *Сфинкс* — в Древнем Египте статуя фантастического существа с телом льва и головой человека, реже — животного (сокола или барана).

Гиппогриф — крылатый конь, образ, получивший широкое распространение в искусстве многих стран Древнего мира.

С. 92. *Бутлегеры* — люди, занимающиеся контрабандой и нелегальной торговлей спиртными напитками. Действие романа происходит во времена «сухого закона» в США.

С. 93. *Элифас Леви* (наст. имя Альфонс-Луи Констан; 1810–1875) — французский мистик и оккультист, сформулировавший основные принципы высшей магии.

С. 115. *Миазмы* (греч., букв. «скверна», «грязь») — ядовитые гнилостные испарения, которые долгое время считались одним из главных источников заразных болезней.

С. 118. *«Совестливые влюбленные»* — нравоучительная пьеса ирландского литератора Ричарда Стила (1672–1729), впервые поставленная на сцене в 1722 году.

С. 128. *Аватара* — в индуизме воплощение бога Вишну в облике различных людей и животных. В данном случае речь идет о предполагаемом воплощении духа Джозефа Карвена в теле Чарльза Варда.

С. 141. *Стоунхендж* (гэльск. «изогнутый камень») — одно из самых известных доисторических сооружений, относящееся к эпохе неолита или к бронзовому веку (большинство ученых датируют его 2-м тысячелетием до н. э.). Расположен на юге Великобритании, близ г. Солсбе-

ри. Земляные валы, громадные каменные столбы и плиты образуют три концентрических круга. По преданию, Стоунхендж был воздвигнут друидами — жрецами древних кельтов, якобы обладавшими беспредельным могуществом. О назначении его до сих пор ведутся дискуссии; согласно одной из наиболее распространенных версий, это был храм Солнца, одновременно выполнявший функции астрономической обсерватории.

С. 145. *...модернистские пассажи из «Бесплодной земли» Элиота...* — Томас Элиот (1888–1965) — англо-американский поэт, один из крупнейших представителей литературного модернизма. В поэме «Бесплодная земля» (1922) создал картину угасания созидательной энергии человечества.

С. 150. *...проживший мафусаилов век...* — то есть необычайно долго. Согласно библейскому преданию, дед Ноя Мафусаил прожил 969 лет.

С. 158. *Палеография* — наука, изучающая памятники древней письменности.

С. 159. *Стена Адриана* (Адрианов вал) — пояс каменных и земляных укреплений в Северной Англии, протянувшийся на 117 км от залива Солуэй в Ирландском море до устья впадающей в Северное море реки Тайн. Построен римлянами в 120–130 годах н. э., в царствование императора Адриана, для защиты от нападений пиктов. Отдельные участки стены сохранились до настоящего времени.

СИЯНИЕ ИЗВНЕ

Рассказ написан в марте 1927 года и в сентябре того же года опубликован в журнале «Amazing Stories». По его мотивам были сняты американские фильмы «Умри, чудовище, умри!» (1965; режиссер Борис Карлофф) и «Проклятие» (1987; режиссер Дэвид Кейт), итальянский «Цвет из тьмы» (2007; режиссер Иван Зуккон) и немецкий «Цвет» (2008; режиссер Хуан Ву).

С. 181. *Сальватор Роза* (1615–1673) — итальянский живописец, помимо сюжетных картин и портретов писавший пейзажи диких суровых гор, глухих лесов и мрачных ущелий.

С. 188. *Видманштеттовы фигуры* — узоры, получающиеся на отшлифованных частях железных метеоритов при их нагревании или обработке кислотой. Эффект был открыт в 1808 году австрийским ученым Алоизом фон Бекк-Видманштеттеном (1753–1849).

С. 217. *Огни святого Эльма* — светящиеся электрические разряды в атмосфере, которые обычно концентрируются на выступающих остроконечных предметах: корабельных мачтах, верхушках столбов, деревьев и т. п.

С. 221. *Фюссли*, Иоганн Генрих (1741–1825) — швейцарский живописец, писатель, теоретик искусства. Для его картин характерны мрачно-фантастические мотивы, изображение демонических существ и сверхъестественных явлений.

СНЫ В ВЕДЬМИНОМ ДОМЕ

Повесть написана в январе — феврале 1932 года и впервые опубликована в июле 1933 года в журнале «Weird Tales». По мнению исследователей творчества Лавкрафта, значительное влияние на нее оказал незавершенный роман Н. Готорна «Септимиус Фелтон, или Эликсир жизни» (изд. 1872). Повесть была экранизирована в 2005 году во второй серии американского телевизионного цикла «Мастера ужасов» (режиссер Стюарт Гордон).

С. 230. *Коттон Мэзер* (1663–1728) — пуританский богослов из Массачусетса, проповедник религиозной нетерпимости. Автор трудов «Достопамятное провидение, касательно ведовства и одержимости», «Великие деяния Христа в Америке, или Церковная история Новой Англии» и др., в которых доказывалась реальность колдовства.

С. 231. «*Книга Эйбона*» и «*Сокровенные культы*» фон Юнцта — выдуманные книги, названия которых были подсказаны Лавкрафту соответственно Кларком Эштоном Смитом и Робертом Блохом.

С. 233. *Планк*, Макс (1858–1947) — немецкий физик-теоретик, основоположник квантовой теории.

Гейзенберг, Вернер (1901–1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики.

Де Ситтер, Виллем (1872–1934) — голландский математик, физик и астроном, создавший одну из первых физических моделей Вселенной.

С. 241. *Риман*, Бернхардт (1826–1866) — немецкий математик, внесший значительный вклад в развитие дифференциальной геометрии, аналитической теории чисел и ряда других разделов математики. Среди прочего, высказал предположение, что геометрия в микромире может отличаться от трехмерной евклидовой геометрии.

С. 251. *День патриота* — национальный праздник в США, отмечаемый 19 апреля в память о первых сражениях Войны за независимость (1775–1783).

МГЛА НАД ИНСМУТОМ

Повесть написана в ноябре — декабре 1931 года и впервые опубликована отдельным изданием в 1936 году. По ее мотивам был снят фильм «Дагон» (2001; режиссер Стюарт Гордон), действие которого перенесено из Америки в Испанию.

С. 292. ...до войны тысяча восемьсот двенадцатого года... — Речь идет об англо-американской войне 1812–1814 годов, в ходе которой американские войска добились успехов на границе с Канадой, а англичане, в свою очередь, захватили г. Вашингтон и сожгли все административные здания, включая Белый дом и Капитолий. По Гентскому договору 1814 года был восстановлен довоенный статус-кво.

С. 298. *Христианская ассоциация молодых людей* — международная организация, созданная в Лондоне в 1844 году. Помимо прочего, оказывает помощь совершающим турпоездки студентам, предоставляя им бесплатный ночлег и т. п.

С. 302. *Дагон* (предположительно, от финикийского «даг» — «рыба») — западносемитский бог, покровитель рыбной ловли и податель пищи. Культ Дагона был распространен у филистимлян и у амореев в Верхней Месопотамии. Изображался в виде морского чудовища с телом рыбы и человеческими руками и головой.

С. 305. *Левантинцы* (от *фр.* Levant — «Восток») — распространенное наименование народов, проживающих в районе Восточного Средиземноморья: египтян, сирийцев, турок, греков и др.

С. 307. *Георгианский стиль* — см. примеч. к с. 14.

С. 317. ...по *эдвардианской моде*... — то есть относящийся к первому десятилетию XX века, периоду царствования британского короля Эдуарда VII (1901–1910).

С. 327. *Понапе* — атолл в группе Каролинских островов в Микронезии, посреди лагуны которого сохранились развалины Нан-Мадола — ныне мертвого города, возведенного из огромных базальтовых блоков на 92 искусственных островках. Происхождение строителей города и назначение некоторых сооружений до сих пор остаются загадкой для ученых. По вскрытии гробниц древних правителей Нан-Мадола выяснилось, что они по своему антропологическому типу отличались от микронезийского населения архипелага.

Канаки — коренное население Новой Каледонии; в широком смысле — уничижительное наименование всех обитателей тихоокеанских островов, в XIX веке употреблявшееся европейскими мореплавателями и колонистами.

С. 334. *Аштортет* (Астарта) — в древнефиникийской мифологии богиня плодородия, плотской любви и материнства; соответствующая ей в аккадской мифологии богиня Иштар одновременно является богиней войны и распри.

Велиал — в иудейской и христианской мифологиях демоническое существо, дух небытия, лжи и разрушения. В Ветхом Завете это имя употребляется в одном ряду со словами «суета», «ничто», «не-Бог» для обозначения «чуждых богов», ощущаемых как нечто нереальное, опасное, вредоносное именно в силу своей призрачности.

Вельзевул — в Новом Завете имя главы демонов.

Златой телец — в преданиях Ветхого Завета золотой идол быка, которому поклонялись как воплощению самого Бога.

Ханаанеи — западносемитские племена, древние обитатели Палестины и Сирии. Греки называли их финикийцами.

Филистимляне — народ, в начале XII века до н. э. вторгшийся в юго-восточное Средиземноморье. От слова «филистимляне» происходит название Палестина.

Мене, мене, текел, упарсин... — Согласно библейской легенде, эти слова были начертаны невидимой рукой на стене дворца во время пиршества Валтасара, сына последнего царя Вавилона. Из всех присутствовавших только пророк Даниил сумел разгадать смысл этой надписи: «мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; упарсин — разделено царство твое и дано мидянам и персам». Пророчество сбылось очень скоро: Вавилон был завоеван персами, а сам Валтасар погиб.

С. 372. *Толидо* — город в штате Огайо. *Мому* — его пригород, расположенный на одноименной реке.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Рассказ написан в октябре 1924 года и впервые опубликован в октябре 1937 года в журнале «Weird Tales». Изображенный в рассказе дом действительно существует в г. Провиденс, штат Род-Айленд; он был построен около 1763 года и сохранился до наших дней. Лавкрафту он был хорошо знаком, поскольку в 1919–1920 годах в нем проживала его теть, Лилиан Кларк. Однако непосредственным толчком к созданию рассказа послужило посещение автором другого старинного и мрачного здания в г. Элизабет, штат Нью-Джерси, о чем говорится в одном из писем Лавкрафта.

С. 385. «*Индийская трубка*» — английское название растения-паразита, известного в России как «подбельник», «вертляница» или «уразная трава». Это полностью лишенное хлорофилла растение белого или желтовато-розового цвета формой напоминает курительные трубки индейцев.

С. 387. *Сидни С. Райдер* (1833–1917) и *Томас У. Бикнелл* (1834–1925) — известные американские библиофилы и собиратели старины, жившие в Провиденсе, Род-Айленд, где происходит действие рассказа.

С. 393. *Война 1812 года* — см. примеч. к с. 292.

С. 394. *Битва при Фредериксбурге* — одно из самых кровопролитных сражений начального этапа Гражданской войны в США, произошедшее в декабре 1862 года в Виргинии и завершившееся победой южан.

С. 399. *Нантский эдикт*. — Изданный французским королем Генрихом IV в 1598 году в г. Нант, этот эдикт даровал гугенотам гражданские права и свободу вероисповедания. В 1685 году эдикт был отменен Людовиком XIV, что привело к бегству из Франции сотен тысяч гугенотов.

С. 406. *Трубка Крукса* — газоразрядная трубка, сконструированная британским физиком и химиком Уильямом Круксом (1832–1919), который, помимо прочего, активно занимался исследованием паранормальных явлений.

С. 409. «*Revue des deux mondes*» (фр. «Обозрение двух миров») — французский ежемесячник, посвященный событиям культурной жизни по обе стороны Атлантики.

ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН

Повесть написана в ноябре 1934 — феврале 1935 годов и впервые опубликована в июне 1936 года в журнале «*Astounding Stories*».

С. 424. *Адъюнкт-профессор* — помощник профессора; преподаватель, проходящий научную и педагогическую стажировку.

С. 430. «*Cultes des Goules*» графа д'Эрлемта, «*De Vermis Mysteriis*» Людвига Принна, «*Unaussprechlichen Kulten*» фон Юнцта, «*Книга Эйбона*», «*Некрономикон*» Абдула Альхазреда — вымышленные книги, ссылки на которые встречаются и в ряде других произведений Лавкрафта.

С. 432. *Джевоис*, Уильям Стэнли (1835–1882) — английский экономист и философ, один из основоположников теории «предельной полезности». Пытался применить математические средства к анализу экономических явлений.

С. 442. *Цикадовые* (или саговники) — класс древних голосеменных растений, особенно широко распространенных в мезозое; ныне встречаются в тропиках и субтропиках обоих полушарий.

С. 443. *Лепидодендроны и сигиллярии* — два вымерших рода крупных древовидных растений (высотой до 40–50 м) отдела плауновидных, существовавшие на Земле до конца каменноугольного периода.

С. 461. *Агглютинация* — образование грамматических форм и производных слов путем последовательного присоединения к корню слова грамматически однозначных аффиксов. Примерами агглютинативных языков являются грузинский, венгерский, японский.

С. 466. *Лабиринтодонты* — подкласс вымерших земноводных, внешне напоминавших крокодилов или саламандр.

Криноидеи — разновидность морской лилии, класс иглокожих, шаровидные или чашечкообразные морские животные. Ископаемые экземпляры достигали в длину 20 м.

ПРИМЕЧАНИЯ

Брахиоподы (или плеченогие) — класс морских животных типа щупальцевых с телом, покрытым двустворчатой раковиной.

С. 470. *Полипты* — морские либо пресноводные кишечнополостные, обычно живущие большими колониями (например, коралловые полипы). Способны к регенерации утраченных частей тела.

С. 476. *Большая Песчаная пустыня* — расположена на северо-западе Австралии; одна из самых жарких и засушливых областей этого материка.

ИНЫЕ БОГИ

Рассказ написан в августе 1921 года и впервые опубликован в ноябре 1933 года в журнале «Fantasy Fan». В 1924 году режиссер Питер Родс снял по этому сюжету мультипликационный фильм с личного благословения Лавкрафта, что удивительно, учитывая его стойкую неприязнь к киноискусству в целом. В 1938 году, после смерти режиссера, фильм был утерян. Вновь найденный только в 2006 году, он был отреставрирован и в том же году показан на Лавкрафтовском фестивале.

С. 518. *День святого Иоанна* — Рождество Иоанна Крестителя, празднуемое 24 июня.

СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ ПОИСК НЕВЕДОМОГО КАДАТА

Написанная в 1927 году, эта повесть не была опубликована при жизни автора. Впервые издана в 1943 году.

В. Дорогокупля

СОДЕРЖАНИЕ

СЛУЧАЙ ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА <i>Перевод Р. Шидфара</i>	5
СИЯНИЕ ИЗВНЕ <i>Перевод И. Богданова</i>	177
СНЫ В ВЕДЬМИНОМ ДОМЕ <i>Перевод Е. Нагорных</i>	227
МГЛА НАД ИНСМУТОМ <i>Перевод О. Алякринского</i>	287
ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ <i>Перевод О. Мичковского</i>	379
ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН <i>Перевод В. Дорогокупля</i>	419
ИНЫЕ БОГИ <i>Перевод В. Дорогокупля</i>	515
СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ ПОИСК НЕВЕДОМОГО КАДАТА <i>Перевод О. Алякринского</i>	525
Примечания. В. Дорогокупля	659

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
ИНЫЕ БОГИ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Анны Скурихиной
Корректор Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 25.03.2016. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 42.

Заказ № 8482/16.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru, info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YULN1610104R

Говарда Филлипса Лавкрафта называли «Эдгаром По двадцатого века». Его отец-коммивояжер сошел с ума, когда Лавкрафту было два года. Его мать до шести лет заставляла будущего писателя носить длинные волосы и одевала как девочку. Он почти не ходил в школу, получил домашнее образование и с ранних лет пристрастился к готическим рассказам. Прожив большую часть жизни затворником в родном Провиденсе, Лавкрафт вел гиперактивную переписку (сто тысяч писем!), много публиковался в журналах и при жизни не увидел ни одной своей напечатанной книги. Запоздалое, но оглушительное признание пришло к нему через много лет после смерти. Влияние его «философии ужаса» признавали такие мастера, как Борхес, и такие кумиры миллионов, как Стивен Кинг, по его рассказам было поставлено полтора десятка фильмов, до сих пор ежегодно выходят книги, развивающие и анализирующие его наследие, и само имя Лавкрафта стало нарицательным.

ISBN 978-5-389-08097-3

04

9 785389 080973

